

Археология Подмосковья

Выпуск 19

Материалы научного семинара

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

The Archaeology of the Moscow region
Proceedings of scientific seminar

Issue 19

Moscow
2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Археология Подмосковья
Материалы научного семинара

Выпуск 19

Москва
2023

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Энговатова (отв. редактор), В. Ю. Коваль (составитель), И. Н. Кузина

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Л. А. Беляев,
кандидат исторических наук И. Ю. Стрикалов

А87 Археология Подмосковья: Материалы научного семинара.
Выпуск 19. – М.: Институт археологии РАН, 2023. 368 с.
ISBN 978-5-94375-396-1

Девятнадцатый выпуск «Археология Подмосковья. Материалы научного семинара» содержит четыре раздела: три хронологических и один по традиции посвященный керамологическим исследованиям. Среди публикаций – новейшие работы на памятниках Центральной России, интерпретация материалов из музейных собраний, нумизматические находки и археолого-архитектурные изыскания. Значительное место в сборнике занимают публикации естественнонаучных исследований, без которых сейчас уже невозможно представить изучение археологических материалов.

Сборник предназначен для археологов, историков, музейных сотрудников, краеведов.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-396-1
ISSN 2686-6897
DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-396-1

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2023
© Авторы статей (фамилии выделены
в содержании курсивом), 2023

Содержание

Археология раннего железного века и раннеславянского времени

<i>Миненко В. В., Разумов И. Н., Сироштан И. И.</i> Находки металлических скифских предметов вооружения и элементов конской упряжи на территории Брянской области	9
<i>Вишневский В. И.</i> Железные изделия Ратьковского раннесредневекового могильника V–VII веков	20
<i>Сыроватко А. С., Гусева В. П., Клещенко Е. А., Ужастова И. Р.</i> Погребения-кремации из Соколовой Пустыни из раскопок 2021 года	32
<i>Исланова И. В.</i> Комплексы поселенческих и погребальных объектов восточной области культуры псковских длинных курганов и проблемы их локализации	45
<i>Прошкин О. Л., Терещенко Е. И.</i> Коллекция находок славянского и древнерусского периодов с городища Соборная Гора в городе Чекалине Тульской области	52

Археология средневековых русских городов

<i>Шебанин Г. А.</i> Летописный Неринск	63
<i>Янишевский Б. Е., Зейфер В. А.</i> Овально-выпуклая фибула из Переславля-Залесского	80
<i>Янишевский Б. Е., Радичевич Д.</i> Древнерусские витые провололочные браслеты с петлями на концах и их происхождение	87
<i>Коваль В. Ю.</i> Сохранение и музеефикация валов в исторических городах России: главные проблемы и пути их решения	99
<i>Коваль В. Ю.</i> Крепость средневекового Плёса по раскопкам 1957 и 1990 годов	110

Археология Нового времени

<i>Медникова М. Б., Энговатова А. В., Чечёткина О. Ю.</i> Палеодемографические и палеопатологические особенности населения русских городов (по результатам охранных раскопок кладбищ XVI–XVII веков в Туле и Ярославле)	125
<i>Зоц Е. П., Сергеев А. Ю., [Курицын М. А.]</i> Сгоревший погреб с зерном второй половины XV – первой половины XVI века из Троице-Сергиевой лавры	138
<i>Мазуров А. Б.</i> Белокаменные надгробия Бобриневского монастыря XV–XVI веков	151
<i>Лазарев А. С.</i> Археологические раскопки 2020–2021 годов у лавки церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в городе Костроме	170
<i>Низамутдинов К. Ю.</i> Белокаменные саркофаги из двух сельских некрополей на берегах реки Пахры	185
<i>Сыроватко А. С., Галкин Т. О.</i> Совни Нового времени: несколько замечаний о датировке и назначении	198

<i>Горлов К. В., Новикова О. В., Новиков А. В.</i> Клад русских серебряных монет Петровского времени из Костромы	204
<i>Рузаева Е. И., [Курицын М. А.]</i> Клад серебряных монет XVI – начала XVII века из раскопок 2020 года в Троице-Сергиевой лавре	223
<i>Лихтер Ю. А.</i> Резное стекло из раскопок Археологической службы Москвы	254

Керамологические исследования

<i>Бадеев Д. Ю., Гражданкина Т. А., Русаков П. Е.</i> Гончарный горн с селища Катышево-1 под Муромом	278
<i>Полюях А. А.</i> Археологическое исследование селища Меткомелино 2: белоглиняные кувшины, корчаги, плошки, миски и сковороды	288
<i>Маркина И. Б.</i> Керамические штампы-матрицы из тульской Гончарной слободы (по материалам раскопок 2013–2014 годов)	344
<i>Яганов А. В., Рузаева Е. И.</i> Обзор находок керамического фасадного декора XV–XVI веков из археологических раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2013–2022 годах	353
Список сокращений	365

Contents

Archeology of the Early Iron Age and Early Slavic Time

<i>Minenko V. V., Razumov I. N., Siroshstan I. I.</i> Scythian metal weaponry and horse harness elements findings in the Bryansk region	9
<i>Vishnevskiy V. I.</i> Iron products of the early Medieval Finno-Ugrian Ratkovo burial ground	20
<i>Syrovatko A. S., Guseva V. P., Kleshchenko E. A., Uzhastova I. R.</i> Cremation burials from Sokolova Pustyn from excavations in 2021	32
<i>Islanova I. V.</i> Complexes of Settlement and Burial Objects in the Eastern Region of the culture of the Pskov long barrows and problems of their localization	45
<i>Proshkin O. L., Tereshchenko E. I.</i> Collection of finds of the Slavonic and Old Russian periods from the settlement Sobornaya Gora in Chekalin, Tula region	52

Archeology of Medieval Russian Cities

<i>Shebanin G. A.</i> Chronicles of Nerensk	63
<i>Yanishevskiy B. E., Zeyfer V. A.</i> Oval-convex brooch from Pereslavl-Zalessky	80
<i>Yanishevskiy B. E., Radichevich D.</i> Old Russian twisted wire bracelets with loops at the ends and their origin	87
<i>Koval V. Yu.</i> Preservation and museumification of shafts in historical cities of Russia: main problems and ways to solve them	99
<i>Koval V. Yu.</i> Fortress of the medieval Plyos according to excavations in 1957 and 1990	110

Archeology of Modern Times

<i>Mednikova M. B., Engovatova A. V., Chechyotkina O. Yu.</i> Paleodemographic and paleopathological patterns of the population of Russian cities (based on the results of security excavations of cemeteries of the 16 th – 17 th centuries in Tula and Yaroslavl)	125
<i>Zots E. P., Sergeev A. Y., Kuritsyn M. A.</i> Burnt cellar with grain of the second half of the 15 th – first half of the 16 th century from the Trinity-Sergius Lavra	138
<i>Mazurov A. B.</i> White-stone tombstones of the Bobrenevsky monastery of the 15 th – 16 th centuries	151
<i>Lazarev A. S.</i> Archaeological excavations in 2020–2021 near the shop of the Church of the Beheading of St. John the Baptist in Kostroma	170
<i>Nizamutdinov K. Yu.</i> White-stone sarcophagi from two rural necropolises on the banks of the Pakhra River	185
<i>Syrovatko A. S., Galkin T. O.</i> Sovnyas of the New Age: A Few Remarks on Dating and Appointment	198

<i>Gorlov K. V., Novikova O. V., Novikov A. V.</i> Hoard of Russian silver coins of the Peter's time from Kostroma	204
<i>Ruzaeva E. I., [Kuritsyn M. A.]</i> Hoard of silver coins of the 16 th – early 17 th centuries from the excavations of the Trinity-Sergius Lavra in 2020	223
<i>Lighter Yu. A.</i> Carved glass from the excavations of the Archaeological Service of Moscow	254

Ceramology

<i>Badeev D. Yu., Grazhdankina T. A., Rusakov P. E.</i> Furnace for firing ceramics from the settlement of Katyshevo-1 near Murom	278
<i>Polulakh A. A.</i> Archaeological study of the settlement of Metcomelino 2: white-clay jugs, pots, bowls, bowls and pans	288
<i>Markina I. B.</i> Ceramic matrix stamps from the Tula Goncharnaya Sloboda (based on materials from excavations in 2013–2014)	344
<i>Yaganov A. V., Ruzaeva E. I.</i> Review of finds of ceramic facade decoration of the XV–XVI centuries from archaeological excavations in the Trinity-Sergius Lavra 2013–2022	353
Abbreviations	365

Археология раннего железного века и раннеславянского времени

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-396-1.9-19>

В. В. Миненко, И. Н. Разумов, И. И. Сироштан

Институт археологии РАН, Москва

Находки металлических скифских предметов вооружения и элементов конской упряжи на территории Брянской области

До 2021 г. находки на территории современной Брянской области металлических предметов, которые с высокой степенью вероятности можно связать со скифами, были представлены преимущественно предметами вооружения (рис. 1)¹. Главным образом речь идет о трехгранных втульчатых наконечниках стрел, обнаруженных как случайно, так и в результате археологических исследований. При этом перечень подобных находок довольно лаконичен. Так, бронзовые скифские наконечники стрел найдены Г. М. Поршняковым на Трубчевском и Теменском (Красненском) городищах и датированы V в. до н. э. (*Левенок*, 1957. С. 51); в ходе раскопок В. А. Падина на городище Лбище у д. Монастырище Трубчевского района датированы IV–III вв. до н. э. (*Падин*, 2004. С. 33, 34); О. Н. Мельниковской в 1970 г. на городище Поповка Почепского района датирован III в. до н. э. (*Мельниковская*, 1970. С. 18, 21, 33). Е. А. Шинаков на городищах Случевск в 1983 г. и Левенка II в 1986 г. датировал этот тип IV–III в. до н. э. (*Шинаков*, 2002. С. 71; 2018. С. 28); А. А. Чубур в ходе разведок в 2001 г. на западной окраине г. Почеп – V–IV вв. до н. э. (*Чубур*, 2001. С. 8, 12, 25. Рис. 12). Интересна находка 2002 г. на городище Рассуха-2 Унечского района в слоях, относящихся к юхновской археологической культуре, бронзового литого трехгранного наконечника стрелы «с прямыми гранями, со скрытой втулкой, на боках хорошо видны рельефные полосы в форме Андреевского креста. Реконструированная высота наконечника (острие отломано) составляет 28 мм, ширина грани основания 8 мм. Диаметр втулки 2 мм. Вероятная датировка наконечника – IV в. до н. э.» (*Гурьянов*, 2002. С. 56, 57; 2015. С. 81, 82).

В 2018 г. в фонды Брянского государственного краеведческого музея (№ 17562, 17583) поступил комплекс предметов, относящихся к раннему железному веку и обнаруженных, по разным сведениям, в 2015 или 2016 г. жителем с. Игрицкое Комаричского района вблизи впадения р. Усожи в р. Неруссу (левый приток р. Десны, левого притока р. Днепр). В составе Игрицкого клада – три скифских бронзовых трехлопастных наконечника стрел со скрытой втулкой, относящихся, по мнению А. А. Чубура, к разновидностям типа 5 по А. И. Мелюковой (1964. С. 19, 21, 22, 28. Табл. V) и широко распространяющихся в скифском мире на рубеже VI–V вв. до н. э. (*Чубур*, 2021. С. 37). Кроме того, по данным краеведа И. Н. Хуткина, бронзовые скифские наконечники стрел найдены также на городищах Хизовка-4 и Шибенец Дятьковского района Брянской области.

Среди иных предметов скифского вооружения, происходящих с территории современного Брянского региона, навершие рукояти кинжала или меча (акинака) (рис. 2), найденное авторами статьи в 2017 г. при обследовании городища Издежичи Жирятинского района. Оно относится к числу простых наверший рукояти антенного типа с волutoобразным завершением (отдел II по А. И. Мелюковой – 1964. С. 53–60). Основание навершия в разрезе (в горизонтальной плоскости) – плоско-выпуклой формы. В центральной части имеется сквозное отверстие подовальной формы (1,5×0,3 см) для насаживания сверху и наваривания на стержень рукояти клинка. «Антенны» расположены вертикально (их высота – 1,2 см), перпендикулярно основанию навершия, верхние края горизонтально загнуты внутрь, края не сомкнуты. В отличие от клас-

¹ Авторы благодарят проект Hisma.ru и лично Д. И. Гришенка за помощь в подготовке картографического материала.

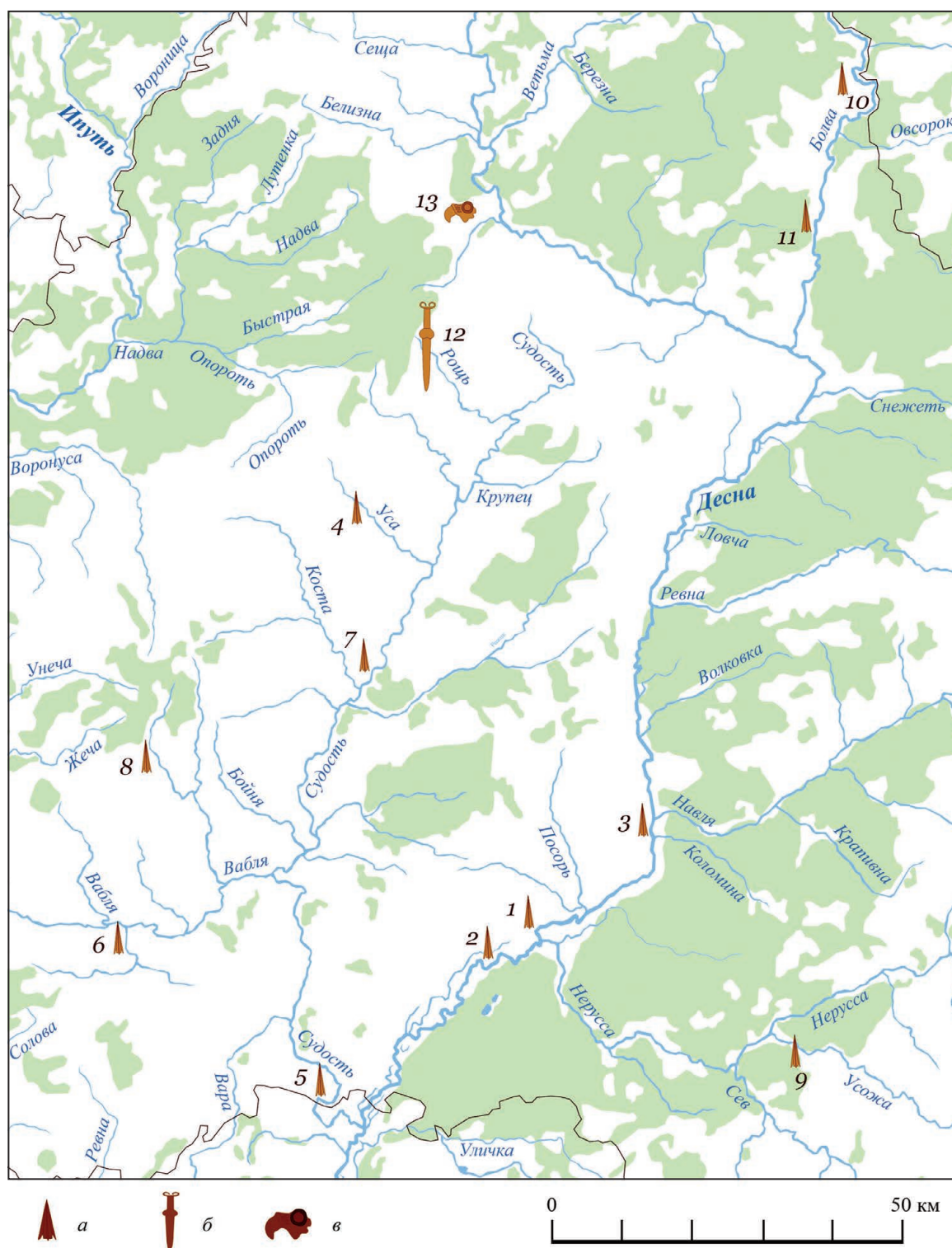

Рис. 1. Находки металлических скифских предметов вооружения и элементов конской упряжи на территории Брянской обл., по архивным данным
 а – бронзовые наконечники стрел; б – детали клинкового оружия (железное навершие кинжала или меча);
 в – элементы конской упряжи (металлическая бляшка). 1 – Трубчевское городище; 2 – Теменское (Красненское) городище; 3 – городище Лбище; 4 – городище Поповка; 5 – городище Случевск; 6 – городище Левенка II;
 7 – Почеп (случайная находка); 8 – городище Рассуха-2; 9 – Игрицкий клад; 10 – городище Хизовка-4;
 11 – городище Шибенец; 12 – городище Издежичи; 13 – городище Летошники-1

Рис. 2. Навершие рукояти кинжала или меча (акинака).
Городище Издежичи, Брянская обл., Жирятинский р-н

сических волнитообразных «антенн» это навершие имеет не округло-овальную, а подпрямоугольную форму. Датировка изделий данного типа – VI–V вв. до н. э. (Миненко, Разумов, 2018. С. 95, 96).

В 2021 г. в ходе обследования городища Летошники-1, расположенного на территории Жуковского района Брянской области, авторы обнаружили еще один предмет, имеющий, вне всякого сомнения, скифское происхождение и относящийся не к предметам вооружения, а к элементам конской упряжи. Это бляха для украшения уздечки, выполненная из цветного металла в восточно-европейском скифском зверином стиле (рис. 3; 4).

Городище Летошники-1 впервые обнаружил краевед, директор Летошницкой средней школы Е. А. Чепиков в 1998 г.; обследовали в 2009 г. В. В. Миненко, А. М. Фатьков и О. А. Брусенцов (2015). Городище расположено на расстоянии 0,6 км к юго-западу от д. Летошники, в 18,5 км к северо-северо-востоку от городища Издежичи, на узком длинном мысу, образованном двумя оврагами с ручьями, при их впадении справа в безымянный ручей (левый приток р. Угость, правый приток р. Десны) (рис. 5). Площадка городища имеет вытянуто-овальную форму, длина по оси запад – восток – 70 м при ширине по линии север – юг 25 м. Высота площадки городища от уровня воды в ручье – 6–12 м. В восточном направлении (к стрелке мыса) площадка городища понижается (перепад высот составляет до 4 м). Городище имеет сложную систему оборонительных сооружений, состоящую из двух рядов рвов и валов как с напольной (западной), так и с мысовой (восточной) стороны. Северный, южный и восточный склоны обрывисты, возможно, эскарпированы.

В 2021 г. на площадке городища Летошники-1 заложены два шурфа общей площадью 3 кв. м,

а также собран подъемный материал. Основные находки представлены фрагментами лепных керамических сосудов, относящихся к эпохе раннего железного века (вторая половина 1-го тысячелетия до н. э.) (рис. 6–9). Вопрос о принадлежности данного памятника к той или иной археологической культуре требует отдельного исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

Рис. 3. Уздечная бляха. Городище Летошники-1,
Брянская обл., Жуковский р-н

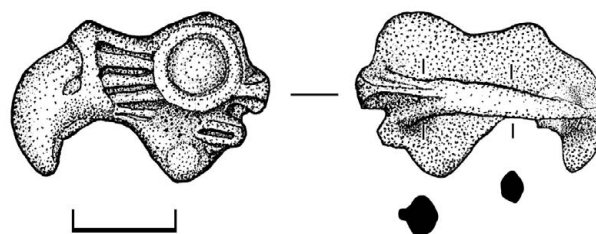

Рис. 4. Уздечная бляха. Городище Летошники-1,
Брянская обл., Жуковский р-н

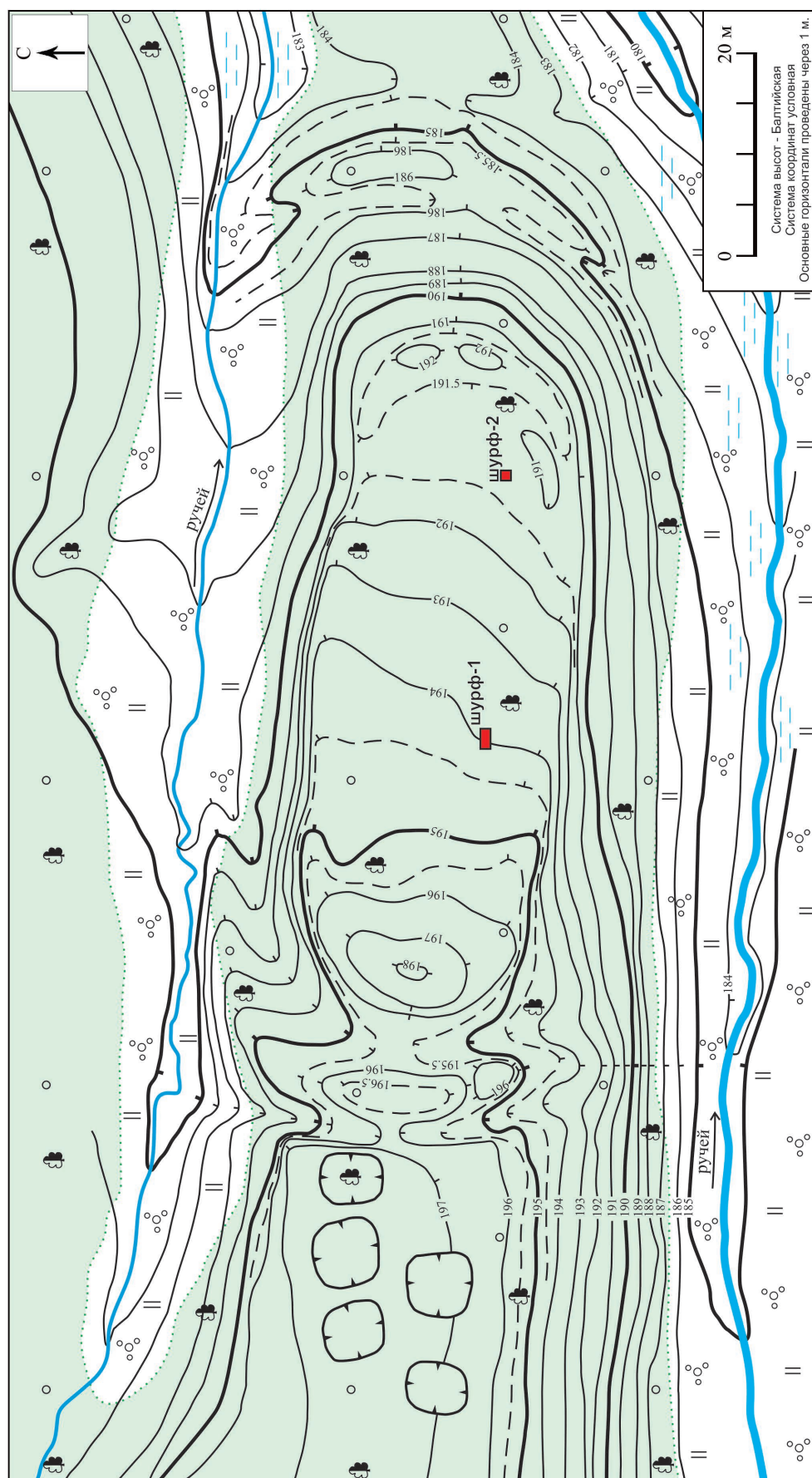

Рис. 5. Городище Летошники-1, Брянская обл., Жуковский р-н Топографический план 2009 г.

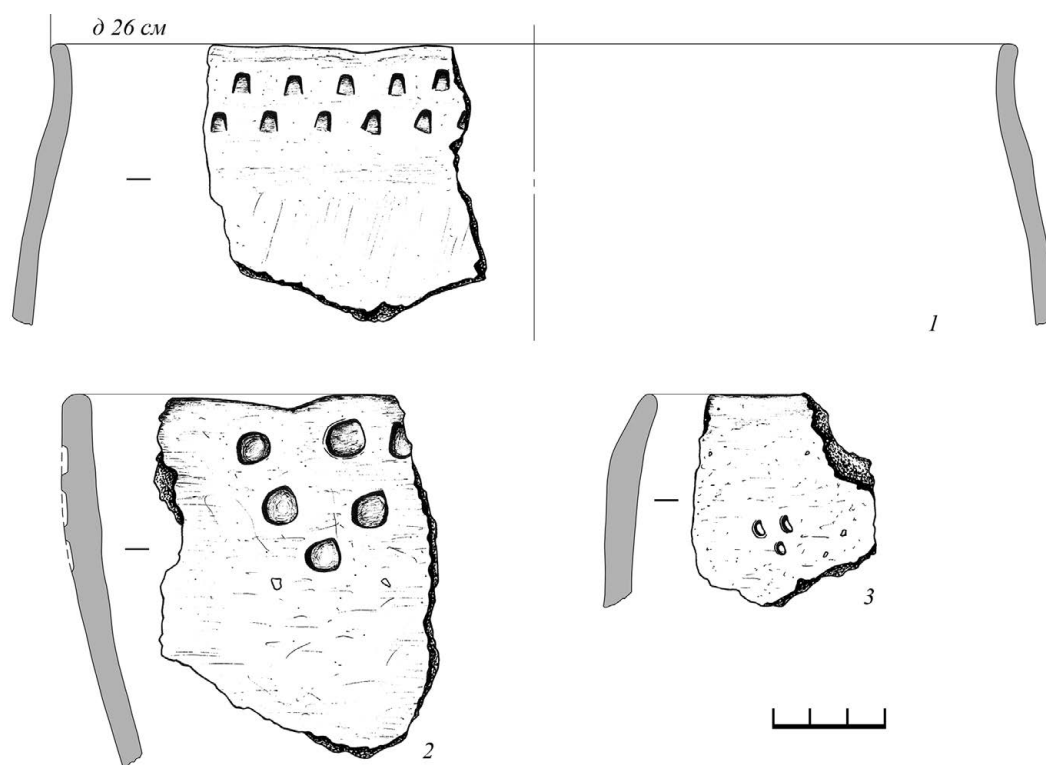

Рис. 6. Лепная керамика юховской культуры (подъемный материал 2009 г.).
Городище Летошники-1, Брянская обл., Жуковский р-н

Бляха из цветного металла обнаружена в заполнении шурфа 2 (слой 2, глубина – 0,18 м от условного нуля), заложенного в юго-восточной части площадки городища, и относится к типу блях в виде орлиной головы. Ширина бляхи – 24 мм, максимальная высота – 16 мм. Голова образована гипертрофированно большим глазом, округлым щечным выступом, восковицей и полукруглым клювом. Глаз передан плоским рельефным кружком (диаметр – 6 мм), окруженным толстой окантовкой (внешний диаметр – 9 мм). Симметрично ему в нижней части головки находится округлый щечный выступ, уравнивающий как большой глаз, так и загнутый клюв. От глаза отходит выступающая восковица, выделенная в особую часть, переданная пятью рельефными параллельными горизонтальными рубчиками. Клюв, развернутый влево, также выделен в самостоятельную часть изображения и отличается качественной проработкой деталей: у основания имеются два углубления (очевидно, ноздри), внешняя сторона полукруглая, внутренняя – сложной формы, окончание клюва приострено. На тыльной стороне головы имеются два выступа с рельефными рубчиками, возможно, изображающими перья. На оборотной стороне бляхи – полукруглая петля.

Высота петли на оборотной стороне – 10 мм, ширина – 18 мм, поперечное сечение овальное, размерами 2,5×4,0 мм.

По данным В. А. Ильинской, бронзовые бляхи для оформления скифской узды появились «впервые в позднеархаическое время и получили особое распространение в V–IV вв. до н. э. Особым разнообразием типов и художественной отделки отличаются бронзовые бляхи уздечных наборов V в. до н. э. ...Бронзовые бляхи, обычно в количестве четырех или шести одинаковых экземпляров, служили для прикрытия ремennых скрещений. Имеются также бляхи, просто надетые на ремни оголовья. Количество и расположение их могло быть самым разнообразным, однако в размещении наблюдается определенная симметрия. Бляшки небольших размеров... играли роль пронизей на наносном, налобном, затылочном ремнях. Оформление блях очень разнообразно» (Ильинская, 1968. С. 127).

Изображения орлиной головы, птичьего крыла, когтистой птичьей лапы или когтя составляют обычный мотив в оформлении бронзовых уздечных блях V в. до н. э. Бляха с городища Летошники-1 и ее ближайшие аналогии относятся к ковалевско-басовскому типу восточноевропейского

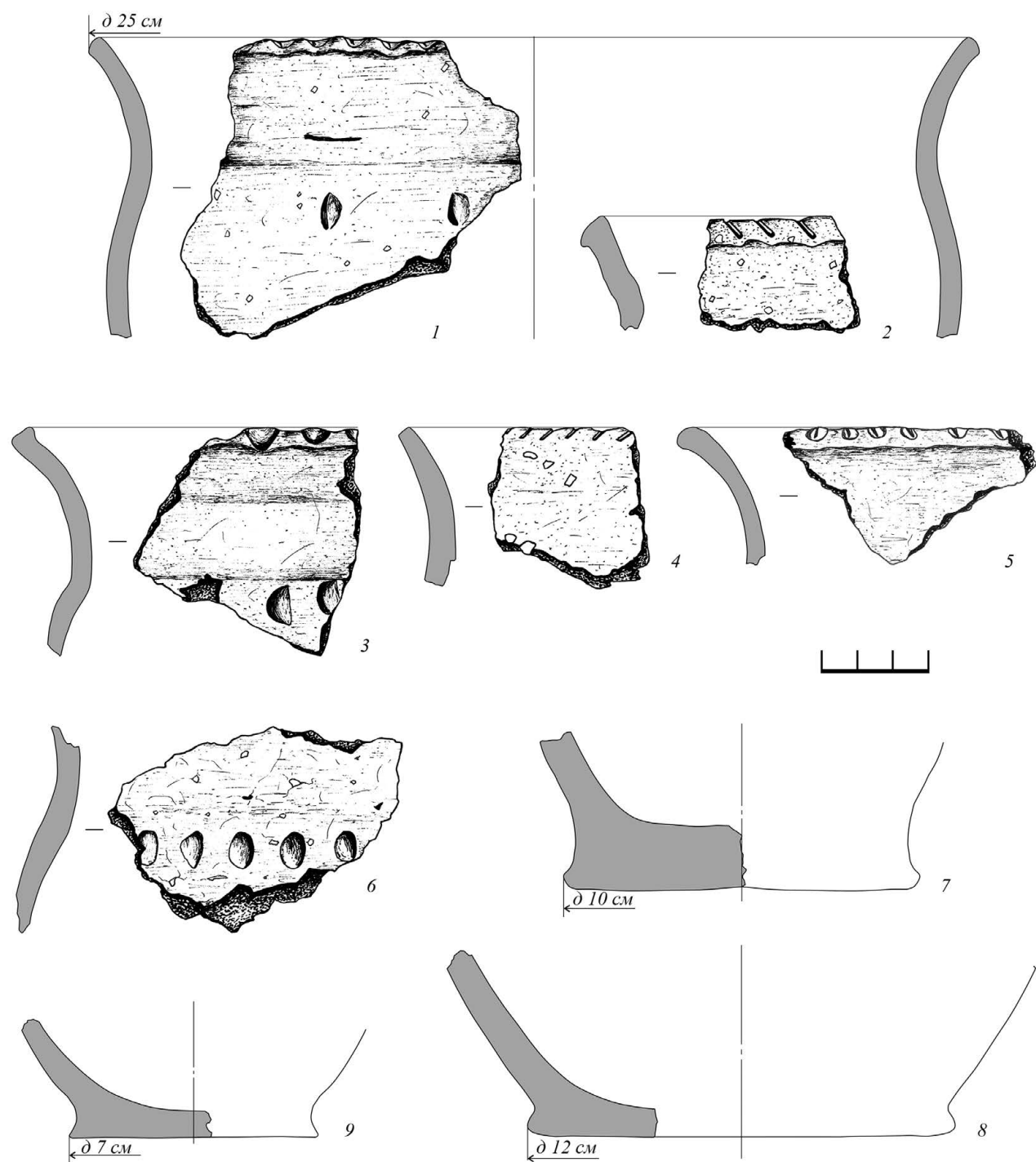

Рис. 7. Лепная керамика типа верхнего слоя Полужского городища (подъемный материал 2009 г.).
Городище Летошники-1, Брянская обл., Жуковский р-н

1–8 – грубая лепная; 9 – лощеная

скифского звериного стиля по классификации, предложенной А. Р. Канторовичем. Этот тип датируется второй четвертью VI – концом IV в. до н. э. и, по данным на 2019 г., объединял 22 изображения, происходящих с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья, а также,

возможно, из Крыма (Канторович, 2019. С. 441. Рис. 7, В, 442).

В. А. Ильинская датирует погребения, содержащие подобные бляхи, первой половиной – серединой V в. до н. э. (Ильинская, 1957. С. 236; 1968. С. 78).

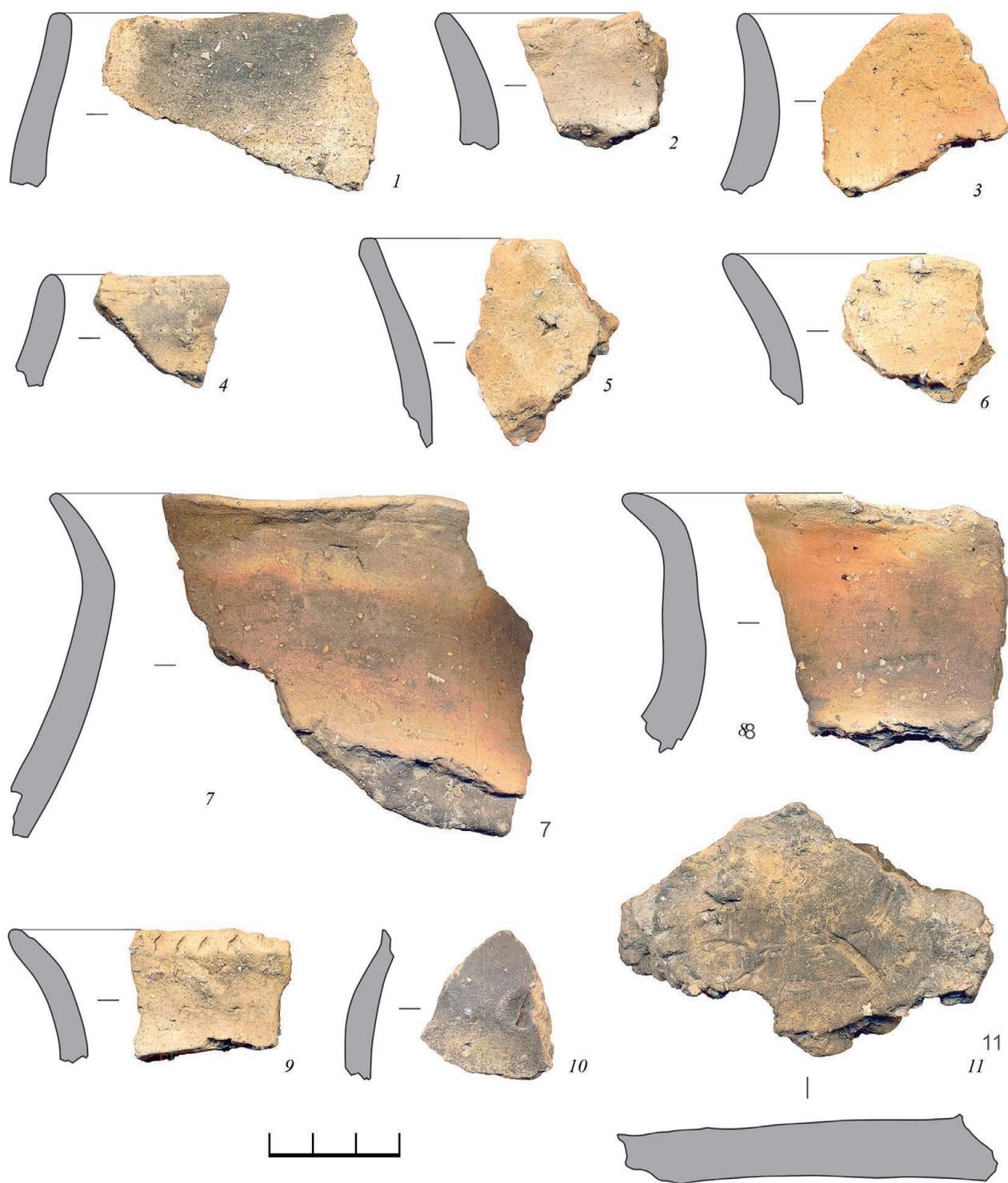

Рис. 8. Лепная керамика раннего железного века (шурф 1 2021 г).
Городище Летошники-1, Брянская обл., Жуковский р-н

Уздечные бляхи ковалевско-басовского типа найдены при раскопках курганов у с. Кулешовка и с. Басовка (Галанина, 1977. С. 35, 37, 46, 49. Табл. 17, № 5; 26, № 12), у с. Волковцы Сумской области (бассейн р. Сулы, левый приток р. Днепр) (Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1899. С. 26. Табл. XV,

№ 315; Канторович, 2019. С. 441. Рис. 7, В, 450), у с. Броварки Полтавской области (р. Псёл, левый приток р. Днепр) (Ильинская, 1957. С. 234–236. Рис. 1, 5, 9; 1968. С. 131. Табл. XXVIII, № 10; XLVII, № 8; Галанина, 1977. С. 50, 52. Табл. 28, № 3). Одна из бляшек в виде орлиной головки из кургана

Рис. 9. Лепная керамика раннего железного века (шурф 2 2021 г.).
Городище Летошники-1, Брянская обл., Жуковский р-н
1–9 – грубая лепная; 10–12 – лощеная

№ 502 у с. Броварки, раскопанного Н. Е. Бранденбургом в 1902 г., пристала к псалию (*Ильинская*, 1957. С. 234, 235. Рис. 1, 9). У с. Ковалевка Николаевской области современной Украины также найдены «бронзовые бляхи в виде головы орла с загнутым клювом (6 экз.). Большой глаз показан кругом, восковица выделена продольными рельефными линиями в особую часть. На оборотной стороне петля. Длина блях 2 см» (*Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк*, 1978. С. 67. Рис. 36, 9–15; *Алексеев*, 2003. С. 369, 401. Рис. 27, 13).

В отчете Императорской Археологической комиссии за 1893 г. отмечено, что «одним полтавским крестьянином близ м. Иваницы Прилукского у. (современное с. Иваница Прилукского района Черниговской области Украины, бассейн р. Сулы. – *Авт.*) был раскопан курган... найдены следующие, весьма интересные вещи: ...несколько поясных бляшек в виде головки сокола» (Отчет... 1895. С. 43, 44.). На приведенной в альбоме иллюстрации – уздечная бляха в виде орлиной головки ковалевско-басовского типа (Альбом... 1906. С. 26).

В 2014 г. С. А. Скорый и Р. В. Зимовец опубликовали обширную серию изделий, содержащую в том числе предметы, выполненные в восточноевропейском скифском зверином стиле (*Скорый, Зимовец*, 2014). Это сформированное в 2006–2013 гг. собрание случайных находок, происходящих, по данным находчиков, с территории Крыма. По мнению А. Р. Канторовича, иконографический и статистический анализ позволяет говорить, с одной стороны, о подлинности большей части предметов Крымской коллекции (условное название), оформленных в каноны скифского звериного стиля; с другой стороны, эти предметы могут происходить не только из Крыма, но и из других регионов скифской археологической культуры, и в первую очередь с территорий Прикубанья, Среднего и Нижнего Поднепровья (*Канторович*, 2019. С. 430). В настоящее время данная коллекция хранится в Археологическом музее Института археологии НАН Украины.

Среди предметов Крымской коллекции имеется несколько уздечных блях в виде орлиной голо-

Таблица 1. Результаты РФА химического состава металла, %².

Cu	Fe	Co	Ni	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Au	Bi
59,433	1,965	0,000	0,000	0,849	0,521	0,052	36,041	0,182	0,957	0,000	0,000

вы. Из них наиболее близкими аналогиями бляхе с городища Летошники-1 являются предметы с номерами 52/348 (Белогорский район, V в. до н. э.), 53/349, 55/351 и 56/352 (Кировский район, V в. до н. э.) (Скорый, Зимовец, 2014. С. 119, 120).

Бляхи в виде орлиной головы имеют как правую (когда клюв птицы повернут направо от зрителя, например, находки из раскопок у сел Кулешовка, Басовка, Ковалевка и ряд других), так и левую ориентацию (Броварки, Волковцы, Крым, Летошники-1). Можно предположить, что данный вид украшений конской сбруи носил парный характер, что прослеживается на примере аналогичных блях в виде львиных головок из кургана № 505 у с. Броварки (Ильинская, 1957. С. 237, 238. Рис. 2, 11, 13).

По совокупности деталей оформления бляхи в виде орлиной головы очень похожи на бляхи, матрицу для производства которых нашли в 1926 г. при раскопках в Ольвии, в слое начала V в. до н. э. Изображения птичьих голов на матрице из мягкого известняка «различаются лишь тем, что на первом изображении восковица рифлена продольными бороздками, а на втором – поперечными бороздками; несколько различны и стилизованные глаза» (Капошина, 1956. С. 183, 185. Рис. 23).

Бляха из городища Летошники-1 отлита в трехстворчатую литейную форму и выполнена из высоколегированной оловянисто-свинцовой бронзы (содержание олова – 36%, свинца ~1%), кроме того, в сплаве зафиксированы микропримеси железа, цинка, мышьяка, серебра, сурьмы (за исключением железа, все содержания металлов – на уровне тысячных долей процента) (табл. 1).

Именно с V в. до н. э. предметы уздечного гарнитура на территории Поднепровья, Нижнего Поволжья и степных районов современной Украины начинают отливаться в основном из сложных сплавов с добавками олова со свинцом (Барцева, 1980. С. 28). Использование оловянисто-свинцовой бронзы в этот период характерно для лесостепного Днепроовского Левобережья и, в частности, Посулья – основного региона происхождения ковалевско-басовского типа уздечных бляшек.

Однако следует отметить, что использование высокооловянной бронзы с концентрациями лигатуры до 33% характерно для производства дисков зеркал и высокохудожественной посуды из метрополии (Ольговский, 2014. С. 227). В изделиях же местных мастеров доля добавок значительно ниже. Так, к примеру, в украшениях милоградской культуры VII–I вв. до н. э. содержание олова крайне редко превышает 10%, свинца – 5%, а доля прочих примесей, как правило, измеряется сотыми и тысячными долями процента (Лошенко, Барцева, 1995. С. 89–92).

В то же время нельзя однозначно говорить об изготовлении уздечной бляхи, найденной на территории городища Летошники-1 в греческих мастерских. Для производства бляхи вполне мог использоваться лом металла из импортных предметов, попавший в руки местного или заезжего мастера. В пользу версии о локальном происхождении бляхи с городища Летошники-1 может также свидетельствовать и ее левая ориентация: ее могли отлить на основе зеркального оттиска «импортного» оригинала.

Подтверждением факта местного производства уздечных блях в виде орлиной головы является «бронзовая литая бляшка, предположительно от конского убора, в виде головки хищной птицы», обнаруженная в 2004 г. на территории Западного Бельского городища (по мнению Б.А. Шрамко, являющегося остатками скифского города Гелон) у с. Бельск современной Полтавской области Украины. Данная бляшка также, очевидно, относится к ковалевско-басовскому типу по классификации, предложенной А.Р. Канторовичем, «глаз передан рельефной окружностью с выпуклостью в центре, восковица выступает, клюв сильно загнут. Еще одно дополнительное изображение, предположительно схематично оформленная миниатюрная головка птицы (?), присутствует также в основании бляшки. Петля на оборотной стороне для крепления обломана. Длина бляшки – 2,4 см» (Черненко и др., 2004. С. 61, 76. Рис. 47, 1). По краю бляшки имеются неснятые литейные затоки, что свидетельствует

² Исследование состава металла бляхи в зверином стиле выполнялось с использованием приборной базы (РФА-спектрометра *Tracer 5i*; аналитик – И. А. Сапрыкина) Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (ЦКП ИА РАН, г. Москва).

о ее местном изготовлении (Ольговский, 2014. С. 121). Как и бляха из Летошников, бляшка с Бельского городища имеет левую ориентацию.

Находка на городище Летошники-1 в 2021 г. бляхи для украшения конской узды в виде орлиной головы, выполненной в восточноевропейском скифском зверином стиле, является дополнительным подтверждением прямых контактов жителей лесного региона Верхнего и Среднего Подесенья с представителями степных и лесостепных районов уже в V в. до н. э. Находки втульчатых наконечников стрел традиционно рассматривались исследователями как следы военных набегов скифов, однако обнаружение предметов, не относящихся к элементам вооружения, свидетельствует о том, что контакты со степью или лесостепью могли носить и мирный характер. Очевидно, эти контакты сохранялись на протяжении и последующих столетий, в IV–III вв. до н. э. В пользу этого

говорят находки на городищах эпохи раннего железного века Верхней и Средней Десны как скифских предметов вооружения, о чем было сказано выше, так и предметов мелкой глиняной зооморфной пластики, имеющих явные аналогии на археологических памятниках более южных областей и, вероятно, связанных с наличием у местных племен системы верований, важную роль в которой играло использование тотемных предметов (Миненко, Разумов, Сироштан, 2021). Можно предположить, что с введением в научный оборот новых материалов гипотеза об интенсивных разноплановых контактах населения лесной зоны на территории современной Брянской области со «степняками» получит дополнительное подтверждение.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Литература

Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Государственный Эрмитаж. 416 с.

Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Императорской Археологической комиссии за 1882–1898 годы. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1906. 346 с.

Барцева Т. Б., 1980. О химическом составе уздечных наборов, найденных в Посульских курганах // КСИА. Вып. 162. С. 28–31.

Галанина Л. К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга). М.: Наука. 68 с.

Гурьянов В. Н., 2002. Отчет об охранных раскопках городища Рассуха 2 в Унечском районе Брянской области в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 44551.

Гурьянов В. Н., 2015. Наконечники стрел юхновского времени с городища Рассуха // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XVI Всероссийской научной конференции. Калуга: Калужский областной краеведческий музей. С. 79–82.

Ильинская В. А., 1957. Памятники скифского времени в бассейне реки Псёл // СА. Вып. XXVII. М.: АН СССР. С. 232–249.

Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). К.: Наукова думка. 268 с.

Канторович А. Р., 2019. Изображения в скифском зверином стиле на предметах «Крымской коллекции» // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (31). Киев: ИА НАНУ. С. 430–455.

Капошина С. И., 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА СССР. № 50. 1956. С. 154–189.

Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А., 1978. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. К.: Наукова думка. С. 7–132.

Левенок В. П., 1957. Городища юхновской культуры // КСИА Украины. Вып. 7. К.: АН УССР. С. 49–53.

Лошенко М. И., Барцева Т. В., 1995. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры // Историко-археологический сборник. Вып. 6. Минск: Институт истории АН Белоруссии. 260 с.

Мельниковская О. Н., 1970. Отчет о работах Деснинского отряда в 1970 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 4391.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.: Наука. (САИ. Вып. Д1-4). 113 с.

Миненко В. В., Разумов И. Н., 2018. Городища раннего железного века бассейна верхней Десны и Судости в свете новых археологических данных // Вестник Брянского государственного университета. № 4 (38). Исторические науки и археология / юридические науки / экономические науки. Брянск: РИСО БГУ. С. 94–108.

Миненко В. В., Разумов И. Н., Сироштан И. И., 2021. Находки мелкой глиняной пластики юхновской культуры на городище Воробейня-1 // АП. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 9–28.

Миненко В. В., Фатьков А. М., Брусенцов О. А., 2015. Новые городища раннего железного века на территории Брянской области // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г. Научный ежегодник. Брянск: РИО БГУ. С. 74–84.

Ольговский С. Я., 2014. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н. э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М.: РФСОН. 278 с.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1895. 122 с.

Падин В. А., 1966. Юхновские поселения Средней Десны // СА. № 2. С. 137–150.

Падин В. А., 2004. Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н. э. – X–XII вв. н. э. по материалам археологических исследований. Брянск: МГСУ. 147 с.

Скорый С. А., Зимовец Р. В., 2014. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Олег Філюк. 180 с.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н., 1899. Древности Приднепровья. Эпоха предшествующая Ве-

ликому переселению народов. Вып. II. Киев: Тип. С. В. Кульженко. 44 с.

Черненко Е. В., Ролле-Герц Р. А., Скорый С. А., Махортых С. В., Герц В. Ю., Белозор В. П., 2005. Исследования совместной украинско-немецкой археологической экспедиции у с. Бельск Котелевского района Полтавской области в 2004 г. Киев: ИА НАНУ, Немецкое археологическое общество (DFG). 96 с.

Чубур А. А. 2001. Отчет о полевых археологических исследованиях и наблюдениях на территории Брянской области в 2001 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 23080.

Чубур А. А., 2021. Вещевые клады юхновской культуры (Среднее Подесенье) // Экспедыця працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск: Колорград. С. 35–52.

Шинаков Е. А., 2002. Комплекс памятников у с. Случевск: к вопросу о пунктах-погостах // Русский сборник. Сборник научных трудов, посвященный 25-летию исторического факультета Брянского госуниверситета. Брянск: Изд. БГУ. С. 61–94.

Шинаков Е. А., 2018. От Чернигова до Смоленска. Военная история юго-западного русского порубежья с древнейших времен до XVII в. М.: Центрполиграф. 351 с.

V. V. Minenko, I. N. Razumov, I. I. Siroshstan

Scythian metal weaponry and horse harness elements findings in the Bryansk region

Summary

The article contains the first description of a horse harness plaque made of base metal in the Eastern European Scythian beast style discovered in during field-walking reconnaissance held in 2021 at ancient hill-fort Letoshniki-1 on the territory of the modern Zhukovsky District of the Bryansk Region.

The attribution of this finding, the search of analogies and the piece metal XRF assay results study are now in process. Based on the generalization of data

on the findings of Scythian metal objects available for scientific analysis on the territory of the region, the authors come to the identification of dangerous cases of infection of the population in the forest zone of the Upper and Middle Desna region with the dangers of more southern (steppe and / or forest-steppe) regions approximately at the time of the 5th – 3th centuries B.C. At the same time, such contacts had not only a military (Scythian raids), but also a peaceful nature.

В. И. Вишневский

*Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник,
г. Сергиев Посад (Московская обл.)*

Железные изделия Ратьковского раннесредневекового могильника V–VII веков

В инвентаре Ратьковского могильника в верховьях р. Дубны, относящегося к позднедьяковскому времени (радиоуглеродная датировка – середина V – середина VII в.) (Новоселова, Вишневский, 2021. С. 71), представлена значительная коллекция железных изделий – 172 предмета (табл. 1). Залегание их вследствие перепашки слоя в древнерусское время фиксируется на глубине 0,1–0,3 м от дневной поверхности.

Фиксация находок на плане показала, что вещи концентрируются скоплениями (нами выделено 35 таких комплексов). Топография могильника, вероятно, имела гнездовую структуру: участки, заполненные погребальными комплексами, отделены друг от друга пространствами, практически не содержащими вещей, а лишь единичные обугленные зерна и фрагменты кремированных костей. Учитывая, что находки инвентаря и остатки погребений фиксируются главным образом в пластах 2 и 3, можно предполагать, что захоронения совершались в наземных сооружениях.

Оружие

Наконечник дротика (рис. 1). Втульчатый, с жаловидным двушипным пером, сечение пера ромбическое; длина – 22,5 см, длина жала – 8,5 см, коэффициент пропорциональности – 0,38 по И.Г. Розенфельдт, считавшей, что тенденция к увеличению показателя является хронологическим признаком и предметы с коэффициентом свыше 0,3 являются относительно поздними (Розенфельдт, 1982. С. 130–133). Тип 1 по И.Г. Розенфельдт (1982. С. 128–136), тип 1 по Ю.А. Краснову (1980. С. 75. Рис. 48, 2, 7; 47, 3), тип VII по А.Е. Леонтьеву (1996. С. 118. Рис. 44, 4–6).

Аналогии им встречены на городищах: позднедьяковских (Барвиха, Боршевское, Отмичи, Троиц-

кое – Розенфельдт, 1982. Рис. 32, 1–4), тушемлинских (Демидовка, Никодимово, V–VII вв. – Шмидт, 2003. С. 62. Табл. 3, 1, 2, 5; 4, 6), памятниках типа Подол (городище Осечен, поселение Усть-Тудовка, третья четверть 1-го тысячелетия н.э. – Исланова, 2013. С. 202, 203. Рис. 2, 8). Есть подобные находки на памятниках V–VII вв. как западные – в Белоруссии: в Поднепровье и в Подвинье, так и восточнее – в междуречье Волги и Оки. Известны наконечники этого типа в Литве и Латвии.

Ближние по формам наконечники дротиков найдены в финских могильниках, как в ранних (Никитинский могильник, погребения № 6, 8, 9, 14, 18, 22 второй половины – конца V в. – рубежа V–VI вв. – Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005. 20, 25, 26, 30, 38, 43. Рис. 11, 2; 15, 12; 16, 10; 20, 5; 26, 1; 30, 2), так и в поздних (Желтухинский VI–VII вв. – Уткин, Черников, 1994. С. 50. Рис. 9, 7; 13, 2); Безводнинский VII–VIII вв., Курманский VII–VIII вв., Шатрищенский VI–VIII вв. (Кравченко, 1974. С. 155. Рис. 35). В. Казакивичюс указывал на широкую датировку подобных изделий (тип 7) в Восточной Европе: III–II до н.э. – XI в. н.э. Ближние анализируемым наконечники найдены в погребениях на территории современной Литвы в VI–V и VI–VII вв. (Казакивичюс, 1988. С. 55–57) и на городище мощинской культуры Федяшево (Массалитина, 1994. Табл. 21, 4).

Датировка – не ранее второй половины 1-го тысячелетия н.э.

Наконечники стрел (рис. 2, 1–11). Найдено 12 экз. (в том числе два обломка). 11 наконечников: трехлопастные с упором; черешковые с вогнутыми краями лопастей в нижней части боевой головки; с черешком круглого сечения, отделенным от основания пера небольшим уступом. У всех, кроме одного, головка имеет профиль вытянутого

Таблица 1. Ратьковский могильник. Структура коллекции железных вещей.

Предмет	Кол-во, экз.
Шилья	51
Стержень	12
Ножи	17
Пряжки (целые и фр-ты)	16
Наконечники стрел	12
Кольцо разделительное	11
Накладка поясная	8
Игла от пряжки	7
Игла с ушком	7
Крючок рыболовный	3
Топоры (фр-ты)	3
Застежка-сюльгама	2
Кресало пластинчатое	3
Трубка фитильная	1
Пластина	3
Проволока	1
Наконечник дротика	1
Игла от сюльгамы	1
Кольцо 8-образное	1
Петля	1
Неопределенные предметы	11
Общее количество	172

треугольника, с выделенным плечиком, дугой переходящим в узкий упор. У большинства вогнутая часть лопасти доходит до острия, у четырех экземпляров вогнутая часть короче и трехгранное острие составляет от трети до половины длины боевой головки.

Подобные наконечники (типы 15 и 17, килевидные, трехлопастные с упором по А. Ф. Медведеву) датируются V–IX вв. (Медведев, 1966. С. 59, 60. Табл. 15, 15, 16; Кирпичников, Медведев, 1985. С. 348, 349. Табл. 136, 5, 6). По И. Г. Розенфельдт это наконечники типа II, трехлопастные с упором, треугольного профиля (Розенфельдт, 1982. С. 127, 128). Соответствуют типу 3 В по И. П. Засецкой, появляющемуся в Восточной Европе из кочевнической среды не ранее V в. н. э., в V–VII вв. он распространяется на Северном Кавказе, в Крыму и в Венгрии. У одного – профиль прямоугольный с коротким заостренным жалом (Засецкая, 1994. С. 39, 153. Рис. 4).

Трехлопастные стрелы происходят с городища Демидовка (Шмидт, 2003. С. 229. Табл. 1, 1–9; Кренке и др., 2021. С. 110. Рис. 5, 17, 18). Такие стрелы, найденные на Тереховском городище на Оке, уничтоженном в VII в. н. э., И. Р. Ахмедов датирует третьей четвертью 1-го тысячелетия н. э. (Ахмедов, 2010. С. 13, 14, 31. Рис. 12)

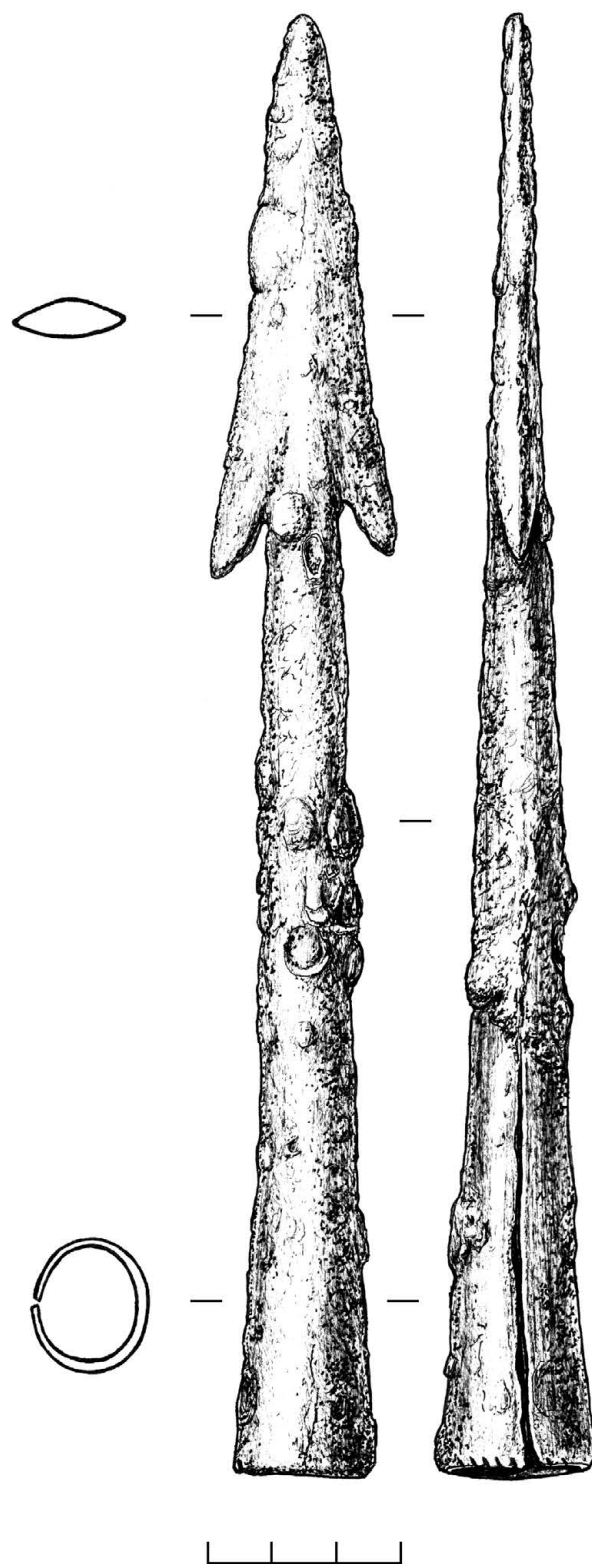

Рис. 1. Наконечник дротика. Ратьковский могильник

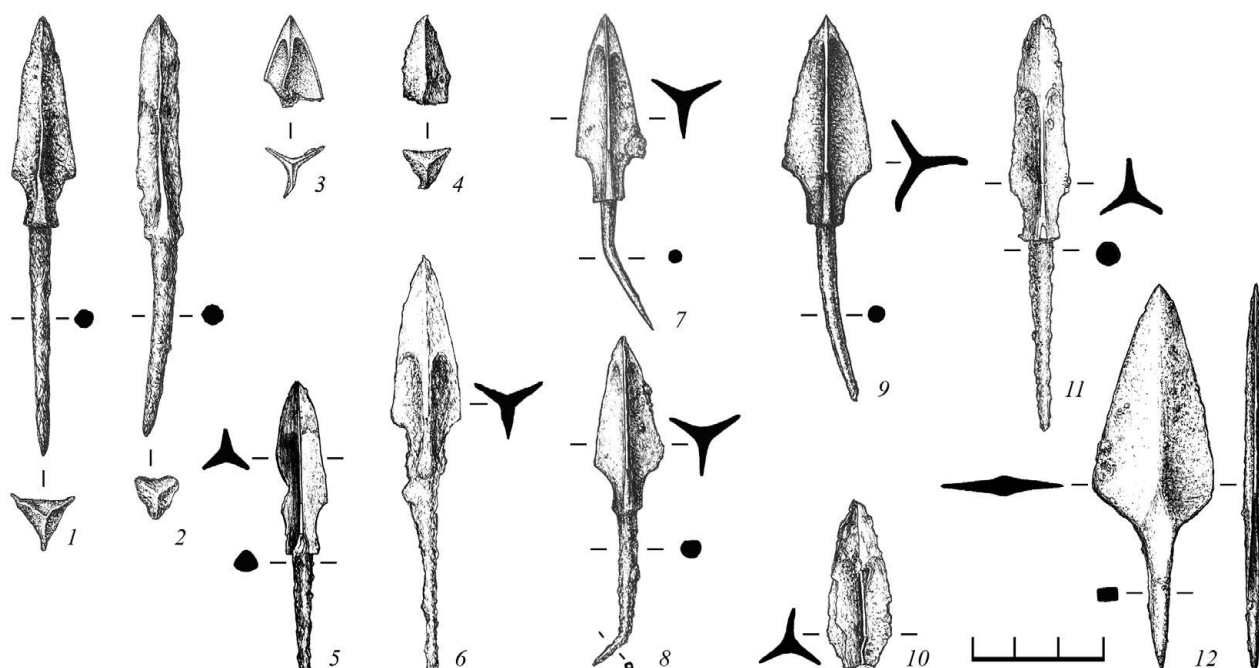

Рис. 2. Наконечники стрел. Ратьковский могильник

и считает, что трехлопастные стрелы являлись вооружением кочевников, уничтоживших рязано-окские поселения. В комплексах же самих рязано-окских финнов лук и стрелы неизвестны, за исключением нескольких наконечников стрел в костях погибших в погребениях V в. в могильнике Кораблино (Ахмедов, 2010. С. 14). Указанное наблюдение тем не менее не объясняет присутствия трехлопастных стрел в Ратьковском могильнике, а также на поселениях мери – Сарском (Леонтьев, 1996. С. 101. Рис. 39, 2, 3, 6; 42, 1), Кухмарь (Костылева, Уткин, 2011. С. 56. Рис. 3, 16), городище Выжеша VII–IX вв. (Леонтьев, 1996. С. 201, 203. Рис. 86, 6, 7), Попадьинском селище (Горюнова, 1961. С. 79. Рис. 33, 16), Кибол (Лапшин, 2012. Рис. 2, 7).

Один наконечник – ромбовидный новгородского типа (рис. 2, 12), типа 46 по А. Ф. Медведеву, относят к формам, традиционно принятым у финно-угорских племен Поволжья, т.е. с пером ромбического сечения и плоским черешком, датируется IX–XI вв. Аналогии ему происходят с посада Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 101, 112. Рис. 39, 8–11; 42, 5, 13; 43, 3, 8, 13). Похожие стрелы ромбической формы есть на городище Березняки, их считают характерными для VI–VII вв. (Третьяков, 1941. С. 62. Рис. 33, 1–3, 7; Краснов, 1980. С. 62) либо VIII–X вв. (Розенфельдт, 1982. С. 57. Рис. 2, 2–4), на селищах Устье (Третьяков, 1941. С. 75, 76. Рис. 43, 1; Леон-

тьев, 1996. С. 240. Рис. 107, 2) и Усть-Чёрная третьей четверти 1-го тысячелетия н.э. (Леонтьев, 1996. С. 224. Рис. 96, 14).

Шилья и стержни (рис. 3; 4). Шилья – 51 целых и фрагментов, кроме того, 12 обломков стрел и острие. Шилья – это обоюдоострые стержни.

Тип 1 (рис. 3). Шилья «крученые» (с витой серединой), черешок квадратного сечения, острие – круглого (15 экз.) В середине от двух до восьми витков (чаще по 2 и 4). Известны на городищах Троицком (Дубынин, 1970. С. 75. Табл. 14, 3, 5), Дьяковом (Кренке, 2011. С. 432. Рис. 134, 332–82, 1184–85), Попадьинском (Горюнова, 1961. С. 88. Рис. 33, 17), Орлов Городок (Максимов, 1982. Рис. 73, 8).

Тип 2. Шилья с черешком квадратного, острием круглого сечения (13 экз. – рис. 4, 2, 4, 5, 9, 14–22, 28).

Тип 3. Шилья с черешком и острием квадратного сечения (9 экз. – рис. 4, 1, 3, 10–13, 23, 25, 26).

Тип 4. Шилья с черешком и острием круглого сечения (4 экз. – рис. 4, 4, 6, 24, 27).

Большая часть шильев имела, судя по слоям сохранившейся ржавчины, деревянные рукояти. Однако найдены два фрагмента обожженных костяных точеных предметов, предположительно трактуемые как рукояти шильев (рис. 4, 30, 31).

Исключительно высокий процент шильев в составе погребального инвентаря, вероятно, не случаен. Для сравнения: в рязано-окских могильниках Заре-

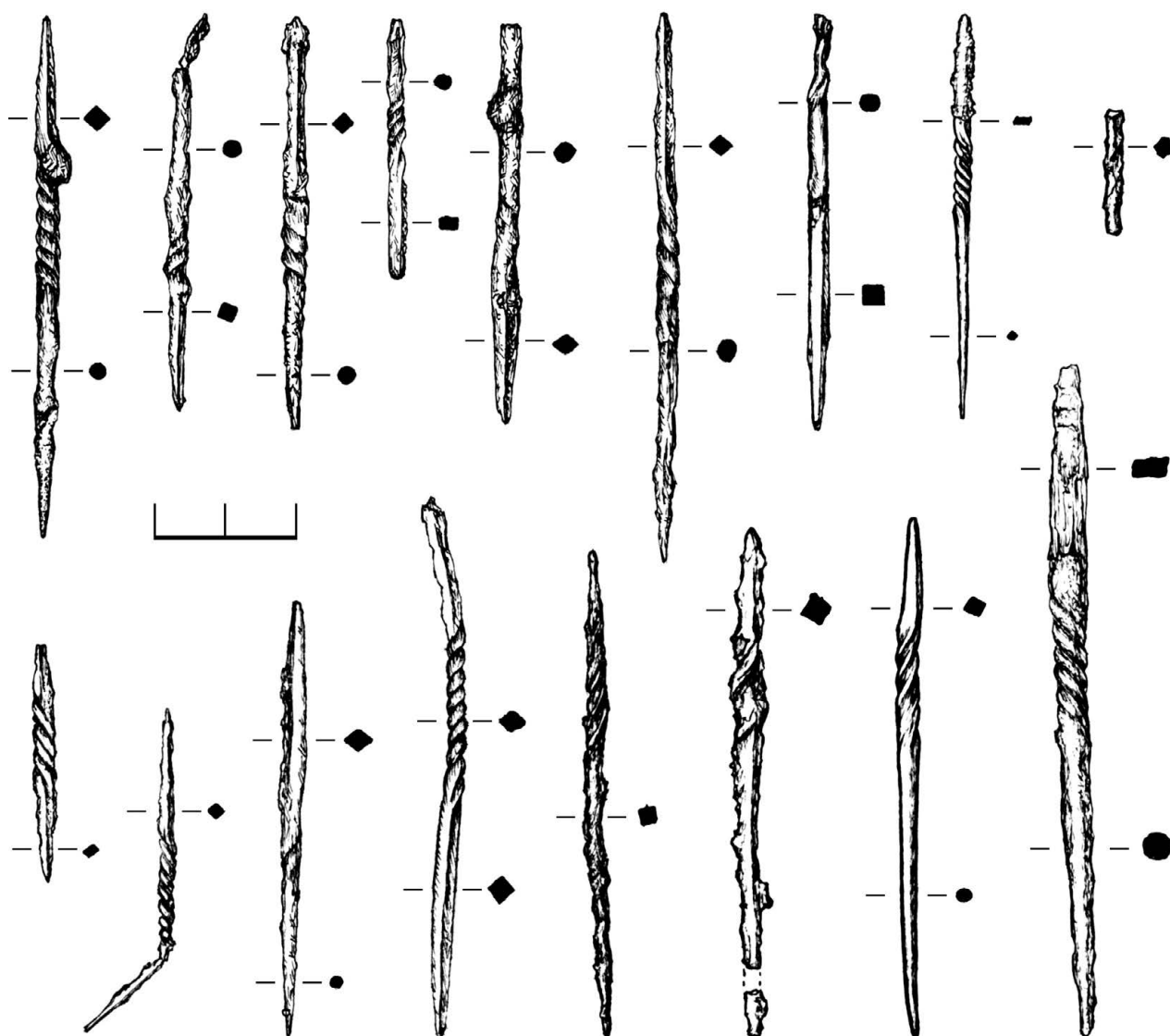

Рис. 3. Шилья крученые. Ратьковский могильник

чье – 26 шильев, в Кораблино – 16 (Белоцерковская, 2003. Табл. 1–8). И.В. Белоцерковская отмечала, что в рязано-окских могильниках «шила, ножи и пряслица также характерны в основном для погребений женщин замужнего возраста, тем не менее они выявлены далеко не в каждой такой могиле и не в полном комплекте. Все три предмета найдены только в трех комплексах. Очевидно, иную роль играл обычай помещения в могилы шила, ножа и пряслица.

Шилья были одинаково распространены в женских комплексах разного времени: у девочек они крайне редки. В могилы их клали либо у головы, под голову, либо в ногах погребенных... устойчивая традиция помещать шило в могилы девочек и женщин связана, очевидно, с магической

функцией этого предмета» (Белоцерковская, 2003. С. 143, 144).

П.Н. Травкин отмечал в средневековом плёском некрополе распространение воткнутого в могилы острых железных предметов (ножей и игл), выполняющих функцию «запирающих» умерших на том свете и тем самым обеспечивающих безопасность живых (Травкин, 2007. С. 196, 197).

Иглы швейные с ушком (7 экз.; рис. 5) – стержни круглого сечения, диаметром 1,5–2,0 мм, один конец которых заострен, противоположный расклепан и пробит круглым ушком диаметром 1 мм. На позднедьяковских городищах их мало (на Кикинском городище – один) (Вишневский, 2021. С. 39. Рис. 44, 2–86). А.Е. Леонтьев отмечает

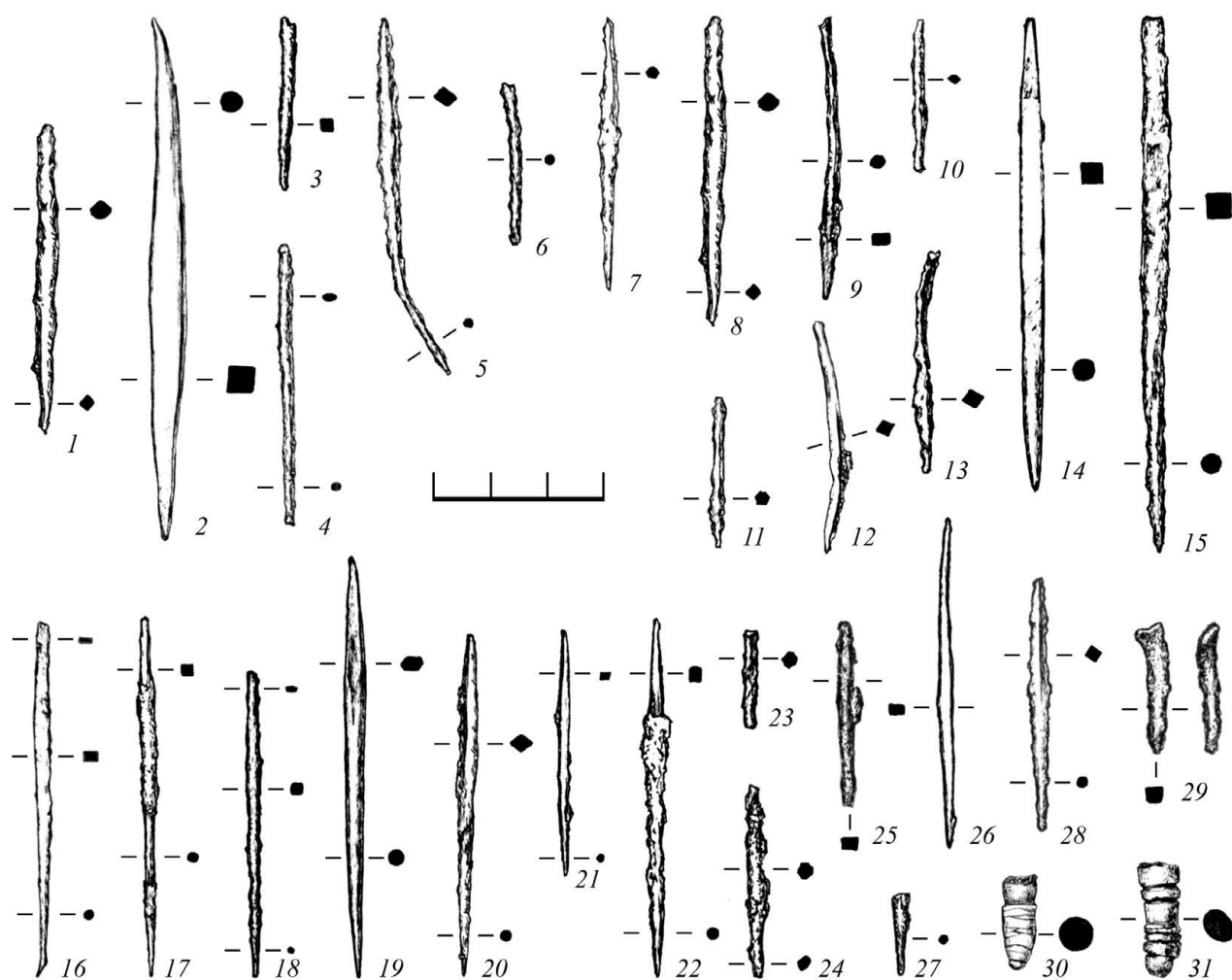

Рис. 4. Шилья прямые. Ратьковский могильник

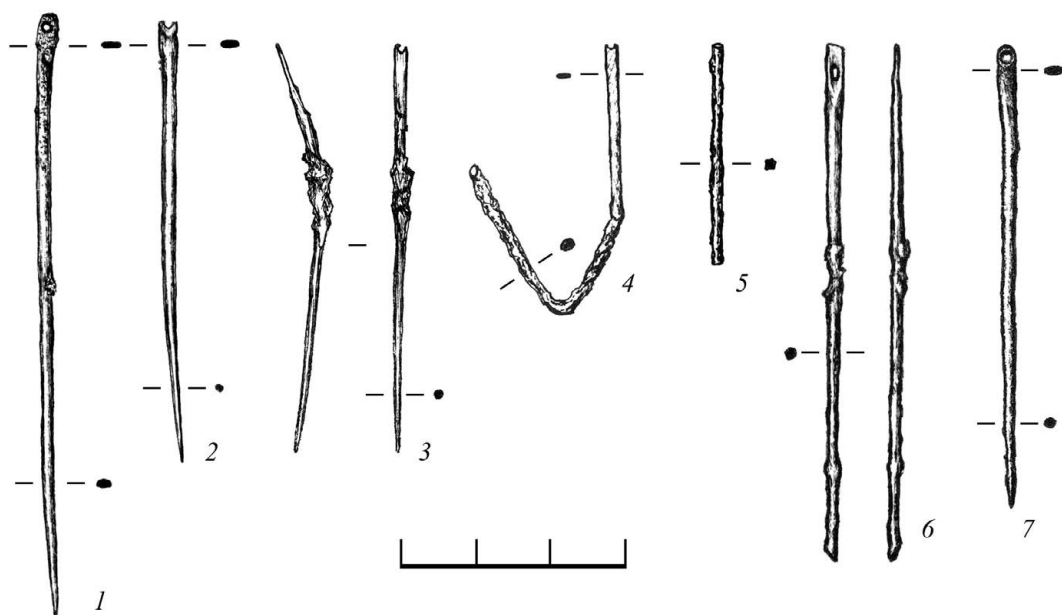

Рис. 5. Иглы швейные с ушком. Ратьковский могильник

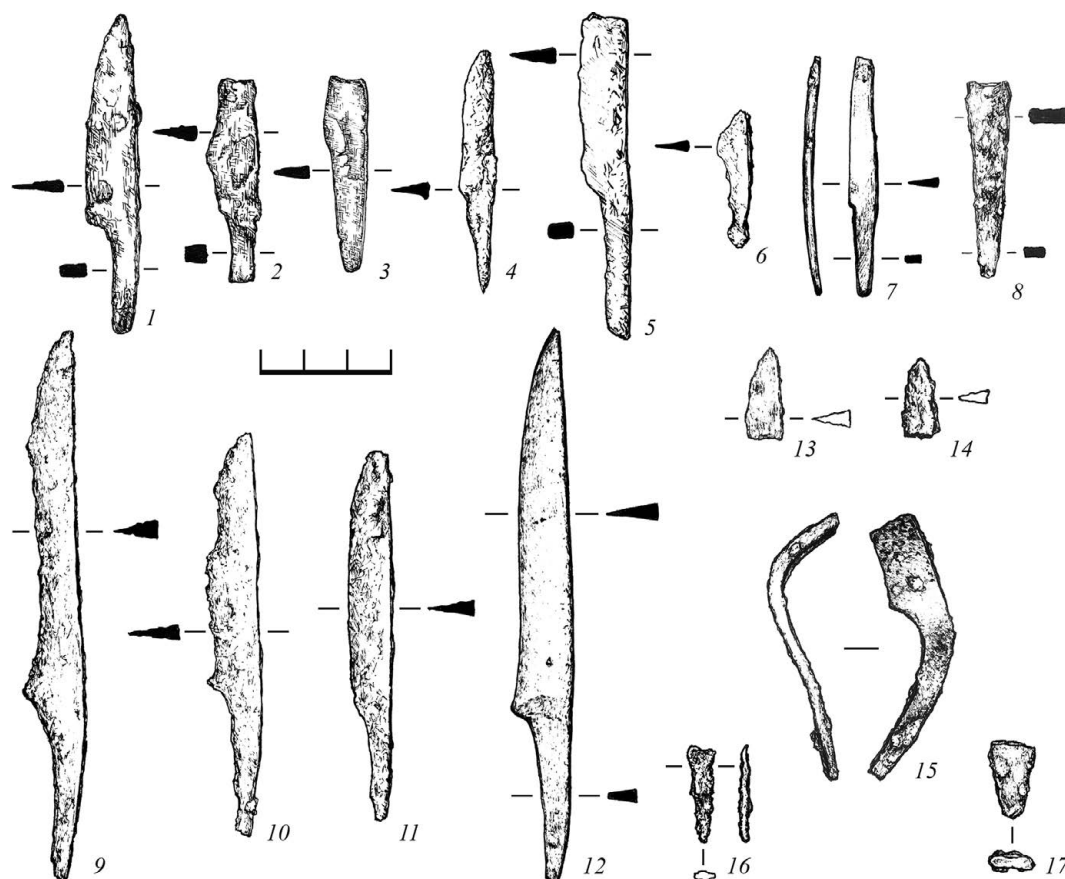

Рис. 6. Ножи. Ратьковский могильник

находку иглы на городище Выжегша (Леонтьев, 1996. С. 201, 204. Рис. 87, 16).

И. В. Белоцерковская отмечает, что в позднее время у мордвы иголки являлись магическим оберегом (их втыкали в одежду жениха и невесты) и были непременным атрибутом женских похорон (Белоцерковская, 2003. С. 143, 144). Представляется также очевидным некая магическая роль этого острия в погребальном обряде. П. Н. Травкин отмечает крупные швейные иглы, найденные как в основании курганов, так и над могилами (Травкин, 2007. С. 197). В то же время иглы могли сопровождать мотки ниток, которые клали умершему. Как у карел, так и у марийцев помещаемые в гроб нити должны были помочь при путешествии в преисподнюю (Петрухин, 2005. С. 277).

Ножи (рис. 6). Встречено 17 ножей (в том числе 10 в обломках) черешковых, с прямой спинкой, которая продолжается в черешок, и выгнутым лезвием, линия которого имеет при переходе к черешку уступ. По классификации К. А. Смирнова они относятся к типу 5 (Смирнов, 1974. С. 38). В некоторых случаях лезвия сильно сто-

чены (рис. 6, 7, 9, 10, 12). Присутствие ножей в погребениях также являлось магическим элементом, устрашающим злые силы. И. В. Белоцерковская отмечает в могильнике Заречье ножи в 25 из 29 могил, в могильнике Кораблино – в 19 из 47 (Белоцерковская, 2003. С. 142–145). Функции железного ножа как оберега при погребальном обряде у финно-угров отмечает В. Я. Петрухин (2005. С. 325). В плёсском средневековом некрополе П. Н. Травкин фиксировал серию ножей, найденных в засыпке могильных ям, деформированных (вероятно, при вколачивании в деревянный гроб) и выполнявших таким образом магическую функцию «запирания» умерших на том свете и обеспечения тем самым спокойствия живых (Травкин, 2007. С. 195–197).

Поясной набор

Пряжки из железного дрота круглого сечения, небольшого размера (2–3 см) – 11 экз. Десять – овальной формы (рис. 7, 1–6, 8–12), один прямоугольной (рис. 7, 2), найдено также пять игл от пряжек (рис. 7, 13, 21–23).

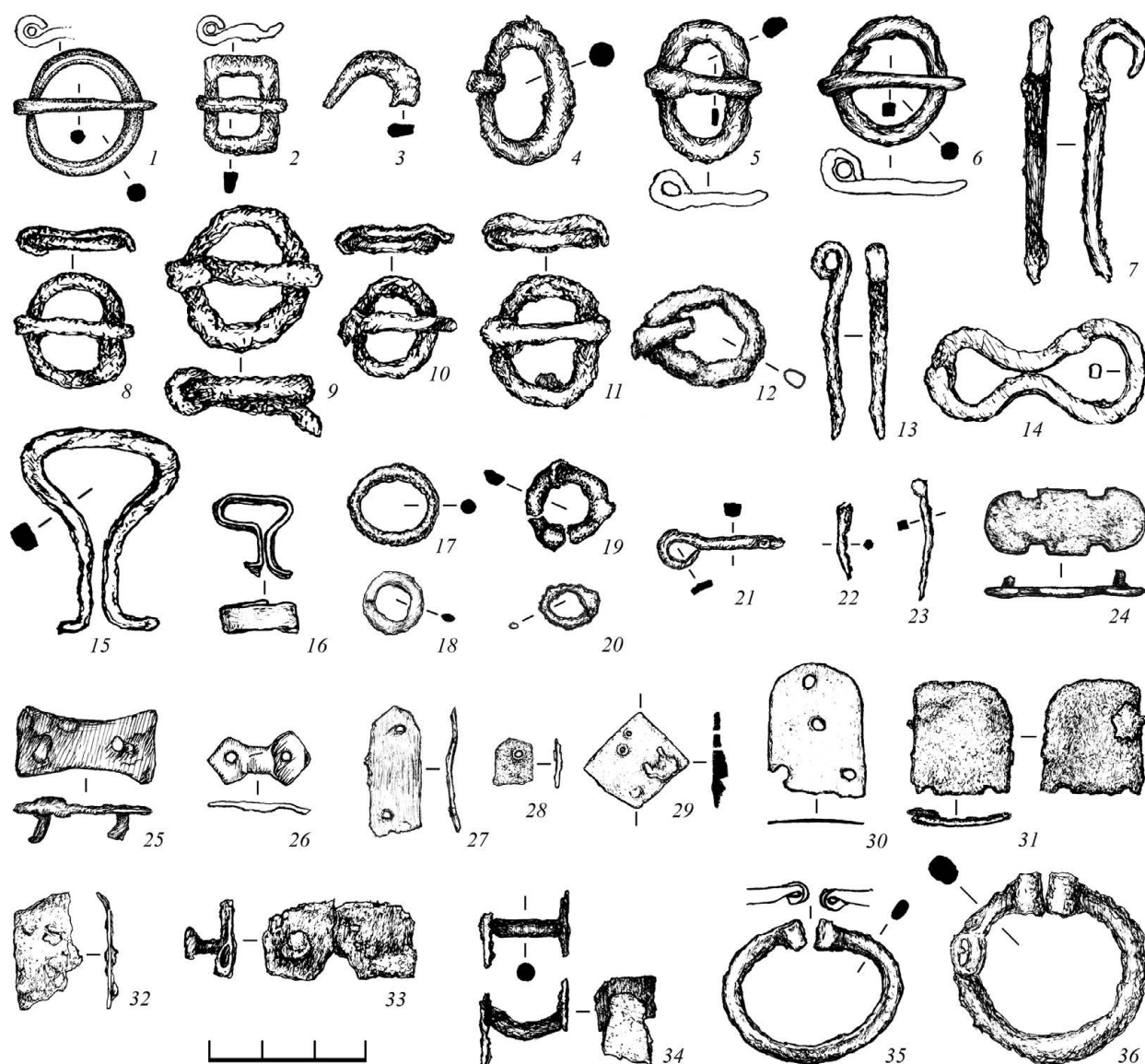

Рис. 7. Поясной набор. Ратковский могильник

1–6, 8–12 – пряжки; 7, 13, 21–23 – иглы от пряжек; 14, 17–20 – разделительные кольца;
15, 16 – петли; 24–34 – накладки; 35, 36 – застежки-сюльгамы

Круглые пряжки из дрота круглого сечения по аналогиям с находками с городищ Березняки, Щербинского, Троицкого, Михайловского, Кузнечики относят к середине 1-го тысячелетия н.э. (Смирнов, 1974. С. 47). На Дьяковом городище такие пряжки встречены в верхнем слое (I в. до н.э. – VI–VII вв.) (Кренке, 2011. С. 145).

Разделительные кольца – 5 экз. (рис. 7, 14, 17–20), одно из них – восьмеркообразное (рис. 7, 14).

Петли подтреугольной формы (2 экз.), два конца которых пробивали кожу и загибались с обратной стороны (рис. 7, 15, 16). Назначение их не очень ясно.

Накладки (11 экз.; рис. 7, 24–34) – тонкие железные пластины, крепящиеся к ремню заклепками – стержнями круглого сечения.

Тип 1. Фигурная накладка с двумя штифтиками на концах (рис. 7, 24) – тип II, вид 2 по И.Г. Розенфельдт, с аналогиями на городище Боровский курган и в мордовском Армиевском могильнике. Дата – VII в. (Розенфельдт, 1982. С. 113. Рис. 28, 8).

Тип 2. Прямоугольная с вогнутыми сторонами, на двух заклепках (рис. 7, 25) (тип III по И.Г. Розенфельдт), датируется VI–VII вв. (Розенфельдт, 1982. С. 113, 114). В Безводнинском могильнике такая зафиксирована в погребении 53, относив-

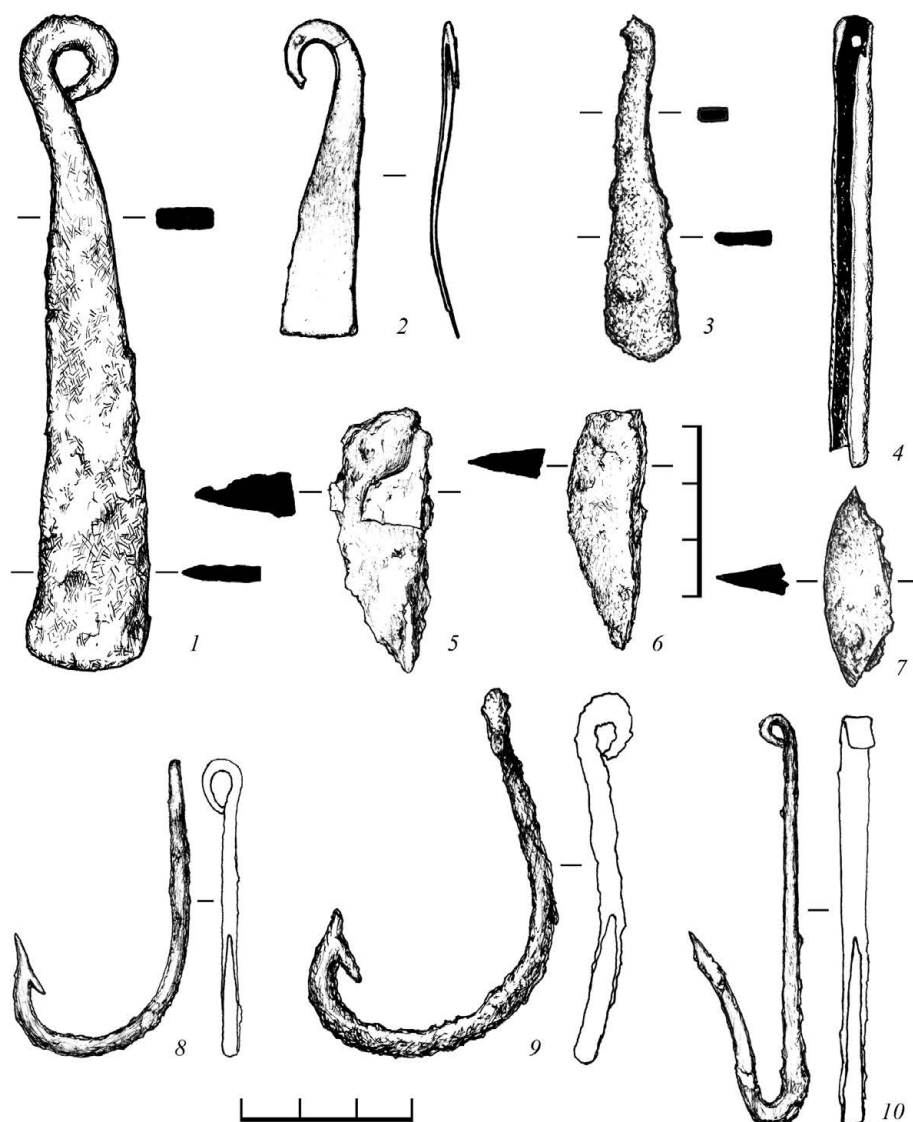

Рис. 8. Индивидуальные находки. Ратьковский могильник
1–3, 5–7 – кресала; 4 – фитильная трубочка; 8–10 – рыболовные крючки

шемся к стадии IV (конец VII – первая половина VIII в.) (Краснов, 1980. С. 104, 211. Рис. 42, 14). Встречена на Кикинском городище III–VIII вв. (Вишневский, 2021, С. 40, 141. Рис. 45, 6–96), селище Усть-Чёрная третьей четверти 1-го тысячелетия н. э. (Леонтьев, 1996. С. 224. Рис. 96, 1).

Тип 3. Фигурная накладка с двумя штифтиками на концах – два ромба, соединенные квадратной перемычкой (анalogии неизвестны) (рис. 7, 26).

Тип 4. Прямоугольной формы, иногда со скругленными углами (рис. 7, 27–34).

Застежки-сюльгамы кольцевидные (2 экз.; рис. 7, 35, 36) с завитками в плоскости, перпенди-

кулярной плоскости кольца, из дрота круглого сечения (тип 2 по К. А. Смирнову), датируются первой половиной 1-го тысячелетия до н. э.) (Смирнов, 1974. С. 47). Подобные происходят с дьяковских городищ: Кикинского – две целые и обломок (Вишневский, 2021. Рис. 45, 24–87, 58–92, 16–97), Березняки – 1 шт., Троицкого – 12, Щербинского – 5, Кузнечики – 3, Михайловского – 2; по одной с городищ Подмоклово, Барвихинского, Успенского и Попадьяинского селища (Смирнов, 1974. С. 47, 48). Есть такая находка на Тереховском городище VII в. н. э. рязано-окской культуры (Ахмедов, 2010. С. 30. Рис. 11, 1) и на рязано-окских могильниках (Ахмедов, Бело-

Таблица 2. Ратьковский могильник. Датировки железных вещей.

Предмет	Датировка
Наконечник дротика	VI–VIII вв.
Наконечники стрел	V–VII вв.
Копья двушипные	VII–VIII вв.
Рыболовные крючки	VII–VIII вв.
Шилья	2-я пол. 1-го тыс. н.э.
Иголки с ушком	Сер. 1-го тыс. н.э.
Ножи	1-е тыс. н.э.
Кресала пластинчатые	VI–VIII вв.
Фитильная трубочка	VI–VIII вв.
Пряжки ременные	Сер. 1-го тыс. н.э.
Накладки	VI–VIII вв.
Застежки-сюльгамы кольцевидные	1-я пол. 1-го тыс. н.э.

церковская, 1996. С. 108, 113, 114, 116). И. Г. Розенфельдт относил их преимущественно ко второй половине 1-го тысячелетия н. э., точнее, VII–VIII вв. (Розенфельдт, 1982. С. 75, 76).

Кресала пластинчатые с петлей и расширяющимся концом (3 экз.; рис. 8, 1–3), имеющие широкие аналогии на позднедьяковских памятниках – городищах Троицкое, Щербинское, Луковня, Дьяково, Кунцево, Отмичи, Николо-Рожок, Березняки, Попадьинское, Кикинское (Вишневский, 2021. С. 39. Рис. 45, 3–86, 7–97, 24–95), датируются либо второй половиной 1-го тысячелетия н. э. (Голубева, 1965), либо более узко, VI–VIII вв. (Розенфельдт, 1982. С. 143–145; Лапшин, 2012. С. 196).

Кресала сегментовидные с железной пластиной клиновидного сечения (3 экз.; рис. 8, 5–7) прежде трактовались нами как фрагменты лезвия топора (предположительно кельта). Аналогичные находки есть на Попадьинском селище (Горюнова, 1961. С. 88. Рис. 33, 25) и Кикинском городище (Вишневский, 2021. С. 39, 142. Рис. 46, 50–97). Однако находка на могильнике трех одинаковых фрагментов кажется по меньшей мере странной. Более вероятным представляется, что эти предметы (может, и бывшие первоначально лезвиями топоров) являлись кресалами, которые вставляли в деревянную рукоять. В мужском погребении № 134 Безводнинского могильника (I–II стадия, конец V – начало VII в.) найдено кресало, по форме и размерам близкое к ратьковским находкам (Краснов, 1980. С. 168, 169, 215. Рис. 49, 17). В связи с этим находки трех кремней – скребка на отщепе вытянутой подпрямоугольной формы с тремя прямыми лезвиями и двух фрагментов

ножевидных пластин – могут рассматриваться как элементы огнив, которые помещались в могилы вместе с кресалами.

Фитильная трубочка (1 экз.; рис. 7, 4). Свернута из железного листа с несомкнутыми краями, на одном конце круглое отверстие (диаметром 1,5 мм) для подвешивания. На позднедьяковских памятниках И. Г. Розенфельдт отмечает такую же трубочку только на Жуковском селище, датируя не ранее первой половины VIII в. (Розенфельдт, 1982. С. 145, 146). Аналогичные распространены на могильниках муромы – Кочкинском (Ерофеева и др., 1988. С. 99–134), Безводнинском (Краснов, 1980. С. 73), Малышевском (Голубева, 1987. С. 85) – и мордвы (Голубева, 1987. С. 102). Есть они на Сарском могильнике (Леонтьев, 1996. С. 94. Рис. 99), Сарском городище VIII–IX вв. (Эдинг, 1928. Табл. V, 8; Леонтьев, 1996. С. 143, 144. Рис. 59, 10–12) и на городище Выжегша VII–IX вв. (Леонтьев, 1996. С. 201, 203. Рис. 86, 14). В курганных могильниках Ярославского Поволжья X–XI вв. аналогичные предметы происходят исключительно из финских погребений (Недошивина, 1963. С. 51–54. Рис. 26).

Рыболовные крючки (рис. 7, 8–10).

Тип 1. С дугообразным изгибом и небольшой петлей, расположенной перпендикулярно плоскости крючка (2 экз.). Аналогии известны на городищах Березняки (Третьяков, 1941. С. 62, 234. Рис. 33, 10, 11), Троицком (Дубынин, 1970. С. 75. Табл. 14, 9, 10), Савики (Смирнов, 1986. С. 89), Орлов Городок (Максимов, 1981. Л. 24. Рис. 51, 4), Попадьинском селище (Горюнова, 1961. С. 88. Рис. 33, 19). Из верхнего слоя Дьякова городища происходят

Таблица 3. Ратьковский могильник. Радиоуглеродные датировки сруба погребальной постройки.

№ ГИН	Возраст ^{14}C	Калиброванный возраст	Место отбора образца
15776	1520±20	530–600 гг.	Пл. 6, кв. Ю-20
15777	1500±20	535–620 гг.	Пл. 6, кв. Я-21
15778	1525±20	530–600 гг.	Пл. 6, кв. ЯЯ-20
15779	1440±20	580–650 гг.	Пл. 7, кв. ЯЯ-19
16123	1680±30	325–445 гг.	Пл. 6, кв. Э-23
16124	1600±30	415–548 гг.	Пл. 7, кв. Ы-22
16125	1600±40	405–568 гг.	Пл. 5, кв. А-17

крючки значительно меньших размеров (*Кренке*, 2011. С. 436. Рис. 138, 224–81, 135–81).

Тип 2. С прямым стержнем, загибом острия под острым углом и небольшой петлей в плоскости крючка. Аналогии неизвестны. В финских могильниках (мерянских, муромских, рязано-окских) рыболовные крючки не встречаются.

Общая археологическая датировка комплекса железных вещей (табл. 2) укладывается в третью четверть 1-го тысячелетия н.э. Присутствие крестовидной фибулы может отодвигать начальную дату до V в.

Этому соответствуют новые серии радиоуглеродных дат, средний показатель датировок соответствует V–VII вв. (табл. 3).

Особенностями инвентарного набора Ратьковского могильника в сравнении с другими финскими памятниками является:

1) присутствие набора «ножи, шилья, пряслица» сопоставимо с могильниками муромы и рязано-окской культуры.

Такой компонент в составе инвентаря, как ножи (17), шилья (51), пряслица (22), соответствует традициям финских и рязано-окских могильников. Железные острые предметы – шилья, иглы, ножи, наконечники стрел, веретена с пряслицами, иглы и нитки являлись элементами охранительной магии в погребальном обряде. И.В. Белоцерковская отмечает в могильниках Заречье и Кораблино строго определенный набор из этих трех инструментов в женских захоронениях. При этом в Ратьково фиксируется значительно большее количество шильев, чем в других финских могильниках;

2) отличительной чертой ратьковского погребального инвентаря является присутствие иголок, каменных литейных форм, рыболовных крючков, наконечников стрел, которых мы не видим на могильниках соседних территорий – мери, муромы, рязано-окской культуры.

Литература

Ахмедов И.Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. М.: ИА РАН. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 13). С. 8–34.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье I // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань: Рязанский краеведческий музей. С. 104–140.

Белоцерковская И.В., 2003. Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань: Поверенный. С. 139–154.

Вишневский В.И., 2021. Кикинское городище. Древнее поселение середины I тыс. на севере Подмосковья. М.: Белый ветер. 224 с.

Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., 2005. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–78 гг. М.: ИА РАН. (Тр. отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 3). 178 с.

Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы // Новое в советской археологии. (МИА. № 130). С. 257–260.

Голубева Л.А., 1987. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука. (Археология СССР). С. 81–91.

Горюнова Е.И., 1961. Древняя история Волго-Окского междуречья. М.: АН СССР. 264 с.

Дубынин А. Ф., 1970. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскowie // МИА СССР. № 156. С. 5–98.

Ерофеева Е. Н., Уткин А. В., Травкин П. Н., 1988. Кочкинский грунтовый могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14 (Этногенез и этническая история марийцев). Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. С. 99–134.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс Лтд. 224 с.

Исланова И. В., 2013. Раннесредневековые поселения типа Подол в верховьях Волги // КСИА. Вып. 228. С. 199–208.

Казакевичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас. 160 с.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука. (Археология СССР). С. 298–363.

Костылева Е. Л., Уткин А. В., 2011. Раннесредневековое селище и стоянка эпохи первобытности Кухмарь-I на Плещеевом озере // АВСЗ. Вып. 3. М.; СПб.: Нестор-История. С. 53–68.

Кравченко Т. А., 1974. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.: Наука. С. 116–183.

Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М.: Наука. 224 с.

Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 546 с.

Кренке Н. А., Казанский М. М., Лопатин Н. В., Ганичев К. А., Еришов И. Н., Еришова Е. Г., Модестов Ф. Э., Раева В. А., 2021. Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: об иерархии, хронологии и культурной атрибуции // РА. № 1. С. 140–159.

Лапшин В. А., 2012. Керамический комплекс селища Кибол (по материалам раскопок 1989–1991 гг.) // АВСЗ. Вып. 4. М.; СПб.: Нестор-История. С. 95–100.

Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Гозко. 340 с.

Максимов А. Д., 1982. Отчет о раскопках городища Орлов Городок и разведках в Осташковском и Калининском районах Калининской области в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8385.

Массалитина Г. А., 1994. Мощинская культура. Дисс. ... канд. истор. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2567.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1-36). 184 с.

Недошивина Н. Г., 1963. Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник. С. 51–54.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2017. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2015 года) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 19–31.

Новоселова Т. Н., Вишневский В. И., 2021. Погребальное сооружение – «домик мертвых» Ратьковского финно-угорского могильника VI–VII веков (по материалам раскопок в 2018–2019 годах) // АП. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 66–79.

Петрухин В. Я., 2005. Мифы финно-угров. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига. 463 с.

Розенфельдт И. Г., 1982. Древности Западной части Волго-Окского междуречья. М.: Наука. 179 с.

Смирнов К. А., 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука. С. 7–89.

Смирнов К. А., 1986. Раскопки городища у д. Савики // КСИА. Вып. 186. С. 88–90.

Травкин П. Н., 2007. Язычество древнерусской средневековой провинции. Малый город. Иваново: Талка. 311 с.

Третьяков П. Н., 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. М.; Л.: Изд. АН СССР. (МИА. № 5). 150 с.

Уткин А. В., Черников В. Ф., 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Археология и этнография марийского края. Вып. 23 (Проблемы средневековой археологии волжских финнов). Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. С. 41–66.

Шмидт Е. А., 2003. Тушемлинская культура. Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. 296 с.

Эдинг Д. Н., 1928. Сарское городище. Ростов Ярославский: Ростовский государственный музей. 108 с.

V.I. Vishnevskiy

Iron products of the early Medieval Finno-Ugrian Ratkovo burial ground

Summary

In the inventory of the burial ground there is a significant collection of iron products – 172 items: 51 awls, 12 rods, 17 knives, 16 buckles, 12 arrowheads, 1 dart tip, 11 dividing rings, 8 belt pads, 7 sewing needles, 3 fishing hooks, 3 plate kresal, 1 wick tube and 2 clasps.

The features of the inventory set of the Ratkovsky burial ground in comparison with other Finnish monuments is the presence of a set of “knives-awl-spinning wheel” which is comparable to the burial grounds of Muroma and Ryazan-Oka culture. Such a component in the inventory as knives (17), awl (51), spin-

ning wheel (22) corresponds to the traditions of Finnish burial grounds and Ryazan-Oka burial grounds. Awls, needles, knives, arrowheads, spindles with spindles were elements of protective magic in the burial rite. At the same time, a significantly larger number of awls is recorded in Ratkovo burial ground than in other Finnish burial grounds.

A distinctive feature of the Ratkovo grave goods is the presence of needles, stone molds, fishing hooks, arrowheads, which we do not see on the burial grounds of neighboring territories – Merya, Murom, Ryazan-Oka culture.

**А. С. Сыроватко*, В. П. Гусева*,
Е. А. Клещенко**, И. Р. Ужастова****

* МБУ «Коломенский археологический центр», г. Коломна (Московская обл.)

** Институт археологии РАН, Москва

Погребения-кремации из Соколовой Пустыни из раскопок 2021 года

Настоящая статья продолжает публикацию «рядовых» погребений могильника Соколова Пустынь и соседних памятников (Сыроватко и др., 2015; 2021; Сыроватко, Гусева, Клещенко, 2022; Потёмкина и др., 2019). Помимо погребений-кремаций в Соколовой Пустыни в 2021 г. исследован культурный слой поселения эпохи Великого переселения народов и рубежа 1-го и 2-го тысячелетий н.э., а также слой периода мезолита; отдельным раскопом изучены болотные отложения в пойме р. Оки.

Все погребения 2021 г. открыты в пределах раскопа 3 и относятся к так называемому могильнику 2. Раскоп 3 располагался в приборочной части памятника, на краю первой надпойменной террасы (рис. 1). В отчетном сезоне проведены последовательные прирезки вдоль края террасы к западу. Это решение было принято на основании результатов работ в прошлом сезоне: прирезки к северу, к шоссе на Голавино, показали, что могильник вглубь террасы образует 3–4 ряда погребений, но сами погребения, как и позднесредневековый культурный слой, повреждены многочисленными перекопами и перемещениями грунта. Помимо очевидных и заметных на поверхности окопов времен войны и противопожарных рвов имели также место перемещения культурного слоя в сторону дороги, возможно, подсыпки под дорожное полотно. Разбивая раскопы в сезоне 2021 г., мы преследовали цель проследить границу могильника к западу, поскольку остальные его границы за время работ стали понятными.

Всего было выполнено три прирезки – участки 10–12 (рис. 2). При этом участок 10 изолирован от всех других окопов и противопожарными рвами. Таким образом, участок 10 являлся останцом,

ограниченным почти со всех сторон перекопами, и не имел бортов, пригодных для фиксации стратиграфии, за исключением небольшого участка в юго-западной части (кв. 222–228). Однако стратиграфия раскопа была известна заранее, из опыта работ прошлых лет, и, как показали исследования в отчетном сезоне, ничем от нее не отличалась. Участки 11 и 12 представляли собой единое пространство. Погребения 15, 18, 19 были вытянуты цепочкой вдоль края террасы, а погребения 16 и 17 образовывали второй ряд.

Погребение 15 (рис. 3–10)

Из 3D-модели скопления костей, построенной на основании данных тахеометра (рис. 4–6), следует, что погребение 15 сохранилось почти полностью, занимая в основном кв. 230 и незначительно выходя за его пределы. По форме скопления можно обозначить как плоскую линзу. Наиболее концентрированное ядро скопления тяготеет к северо-западной части кв. 230 и имеет размеры около 50×50 см (рис. 3; 4). Видимый на боковых проекциях ядра (рис. 5; 6) опускающийся «хвост» в кв. 231 является результатом сползания периферийного (относительно центра объекта) слоя вниз по склону техногенной выемки в борту надпойменной террасы (образование которой, вероятнее всего, связано с укладкой коммуникаций в пойме). Помимо 3D-моделей представление о форме погребения дают два разреза, выполненные по линиям АБ и ВГ для отбора образцов на микроморфологический анализ (рис. 7). В разрезах отчетливо заметно линзовидное сечение темно-серого (черного), максимальной толщиной 7 см, слоя с костями, хотя кости встречались и в нижнем, сером слое, толщина которого достигала 10 см.

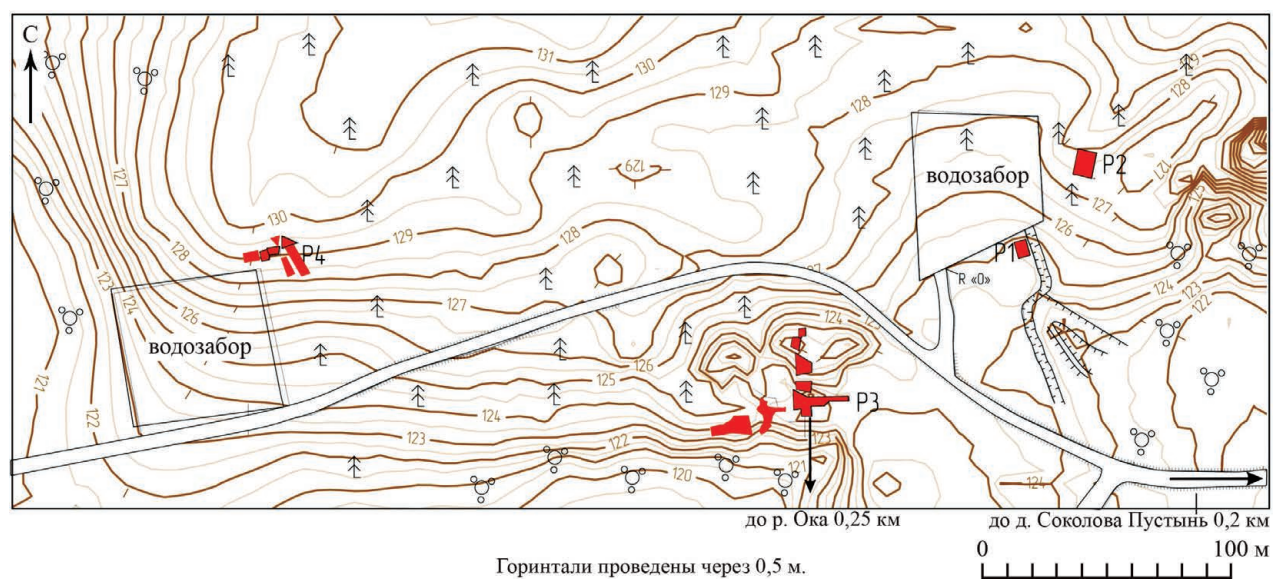

Рис. 1. План могильника Соколова Пустынь. Красным цветом показаны раскопы по состоянию на 2021 г.

Рис. 2. Сводный план раскопов 2021 г. с указанием погребений. Серым цветом отмечены погребения, косой решеткой – локальные перекопы

Рис. 3. Пряжка в погребении 15 среди костей

Следует ли считать погребение уложенным на дневную поверхность (вероятнее) или же слегка заглубленным, остается непонятным.

Индивидуальные находки из погребения 15 следующие (рис. 8; 9).

Абсолютное большинство составляют *бесформенные слитки стекла* от бус: № 22, 23, 25, 26, 38, 40, 71, 89, 108, 111, 138, 144. Многочисленной ка-

тегорией являются *стеклянные пронизки* (рис. 9): № 24 – пятичастная; № 33 – пятичастная из белого глухого (?) стекла; № 43 – пятичастная из белого глухого (?) стекла; 57 – сильно поврежденная из белого глухого (?) стекла; 61 – пятичастная из белого глухого (?) стекла; 62 – сильно поврежденная из белого глухого (?) стекла с примесью стекла других цветов; 68 – шестичастная из белого стекла; 69 – семичастная двухслойная с металлической прокладкой и белой и желтой прозрачной кантарелью; 70 – пятичастная двухслойная с металлической прокладкой и белой прозрачной кантарелью; 72 – четырехчастная из белого глухого (?) стекла; 73 – сильно поврежденная из белого глухого (?) стекла; 76, 75 – пятичастная из белого глухого (?) стекла; 77 – пятичастная из белого глухого (?) стекла; 79 – сплавленные вместе четырехчастная и двухчастная; 81 – пятичастная из белого глухого (?) стекла; 84 – пятичастная из белого глухого (?) стекла; 86 – четырехчастная из белого глухого (?) стекла; 87 – четырехчастная из белого глухого (?) стекла; 88 – шестичастная из белого глухого (?) стекла; 114 – сильно поврежденная из белого глухого (?) стекла; 129 – девятичастная (?) из белого глухого (?) стекла; скопление пронизей, сплавленных вместе: № 132 – из белого глухого (?) и желтого стекла; 133 – пятичастная двухслойная (?) из белого глухого (?) и желтого стекла; 136 – сильно поврежденная из белого глухого (?) стекла; 137 – четырехчастная из белого глухого (?) стекла; 140 – пятичастная из белого глухо-

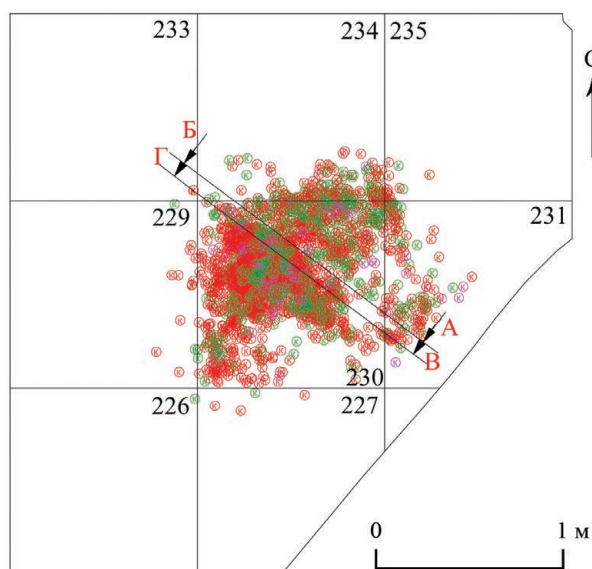

Рис. 4. 3D-модель погребения 15, вид сверху
Кружками обозначены обломки костей: красным – мелкие (до 1 см), зеленым – средние (1–2 см в поперечнике), фиолетовым – крупные (свыше 2 см)

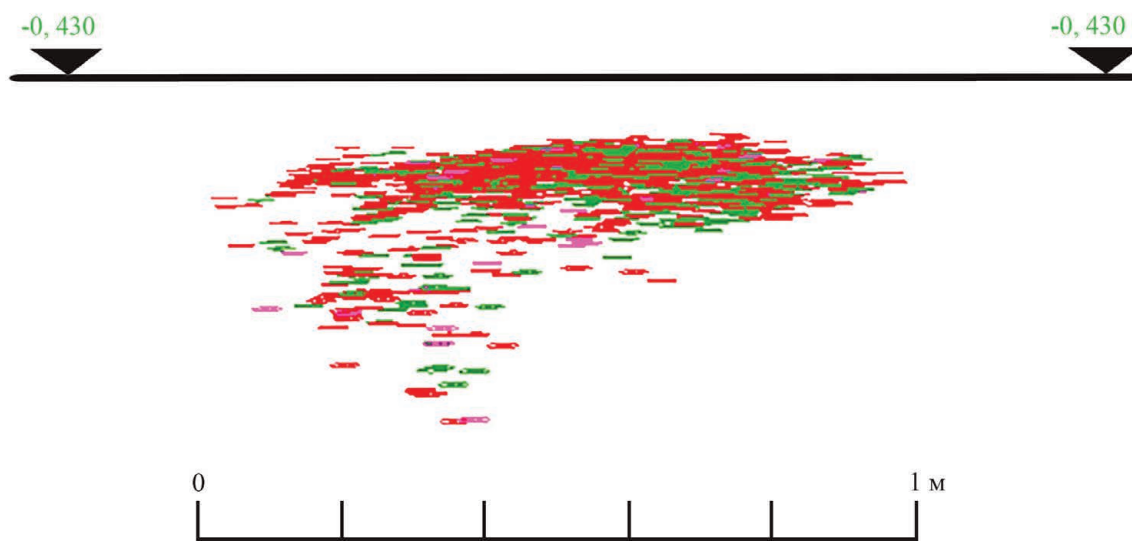

Рис. 5. 3D-модель погребения 15, вид с востока. Условные обозначения см. на рис. 4

го (?) и желтого стекла; 142 – двухчастная из белого глухого (?) стекла; 143 – трубчатая пронизь (?); 145 – четырехчастная из белого глухого (?) и желтого стекла; № 39 – горнохрустальная (?) бусина.

Особенностью погребения стала серия спиральных пронизок из *медного сплава*: № 112, 103, 74, 78, 63. Изделия из медного сплава включают также бусину (№ 104), пуговицы салтовского типа (№ 67, 115) и подвеску (№ 34), кольцо из медного сплава (№ 98).

Железная пряжка с рамкой в виде слабовыраженной трапеции с полукруглой передней частью (№ 42) с отдельно лежавшим язычком (№ 46) (рис. 8).

Неатрибутированными остались железный предмет (№ 54) и предметы из медного сплава (№ 82, 85, 110) (рис. 8).

Ножевидная кремневая пластина (№ 109), очевидно, попала в скопление случайно.

Преобладающим типом стеклянных изделий являются белые многочастные пронизки. На настоящем этапе исследования для всех экземпляров не установлена такая деталь, как наличие двух слоев и металлической прокладки; очевидно только, что такие пронизы в серии достоверно присутствуют. Кроме того, непрозрачность стекла может являться результатом повреждения в погребальном костре.

Перейдем к описанию костных останков. При определении видовой и половозрастной принадлежности останков из всех погребений, описываемых в статье, применен сравнительно-анатомический метод исследования. Описание фрагментов костей проведено согласно общепринятым стандартам из-

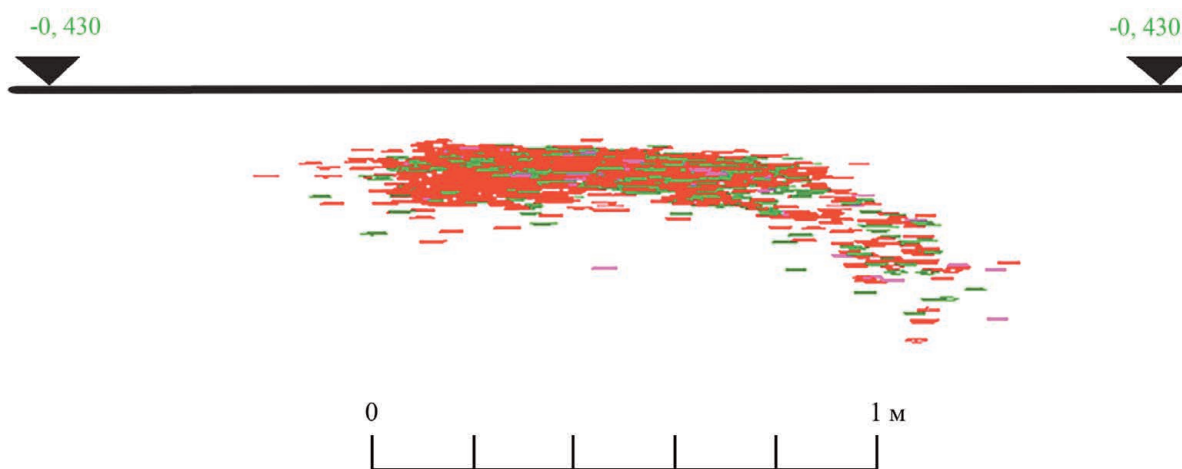

Рис. 6. 3D-модель погребения 15, вид с юга. Условные обозначения см. на рис. 4

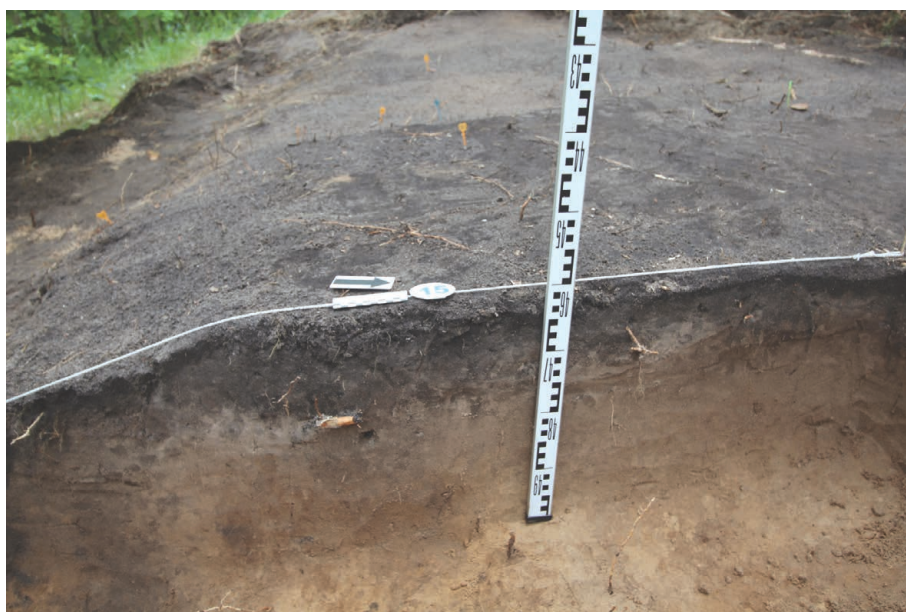

Рис. 7. Погребение 15 в разрезе

учения кремированных останков, с учетом весовых показателей, размера, цветности, наличия характерных деформационных трещин. Данная методика основана на данных судебно-медицинской экспертизы, апробирована на широком спектре материалов кремаций железного века и раннего Средневековья, включает стандартизованную оценку массы, размера, количества, цветности, характера деформаций обломков кремированных костей, их видовую принадлежность и половозрастные показатели (Шупик, 1964; 1969; Добровольская, 2010; С. 85–87; Звягин, Анушкина, 2014; Широбоков, Юшкова, 2014; Клещенко, 2016. С. 51, 52; Клещенко, Свиркина, 2018; Клещенко, Решетова, 2019; Doklädal, 1970; Wahl, 1981a, 1981b; Baker, 2004; Scott, 2008; The analysis... 2008; Walker, Miller, Richman, 2008; Zipp, 2010).

Рис. 8. Металлические предметы из погребения 15.
Указаны полевые номера
42–54 – железо; прочие – медный сплав

Фрагменты изученных кремированных останков погребения 15 имеют цвет от светло-серого до белого, на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 650 до 800–850 °С (Wahl, 1981b. S. 273; Großkopf, 2004. S. 26, 27; Walker, Miller, 2008; Клещенко, Решетова, 2019. С. 25). Общая масса останков из погребения – 943,92 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 840,36 г, определимых фрагментов костей человека – 3,54 г, костей животных – 57,34 г.

Анатомически определимые фрагменты костей человека принадлежат минимум одному индивиду. Среди определимых костей – фрагмент позвонка и фрагмент корня зуба. Из костей животных удалось идентифицировать первую фалангу лошади и каменистую кость крупного копытного (рис. 10, 2, 3). Это первый случай обнаружения лошади в кремациях на р. Оке.

Погребение 16

Это погребение представляло собой только «шлейф» костей, концентрировавшийся вокруг останца с росшим на нем деревом на стыке кв. 264–265, 256–257 (рис. 2). Вероятнее всего, центр скопления костей располагался именно под

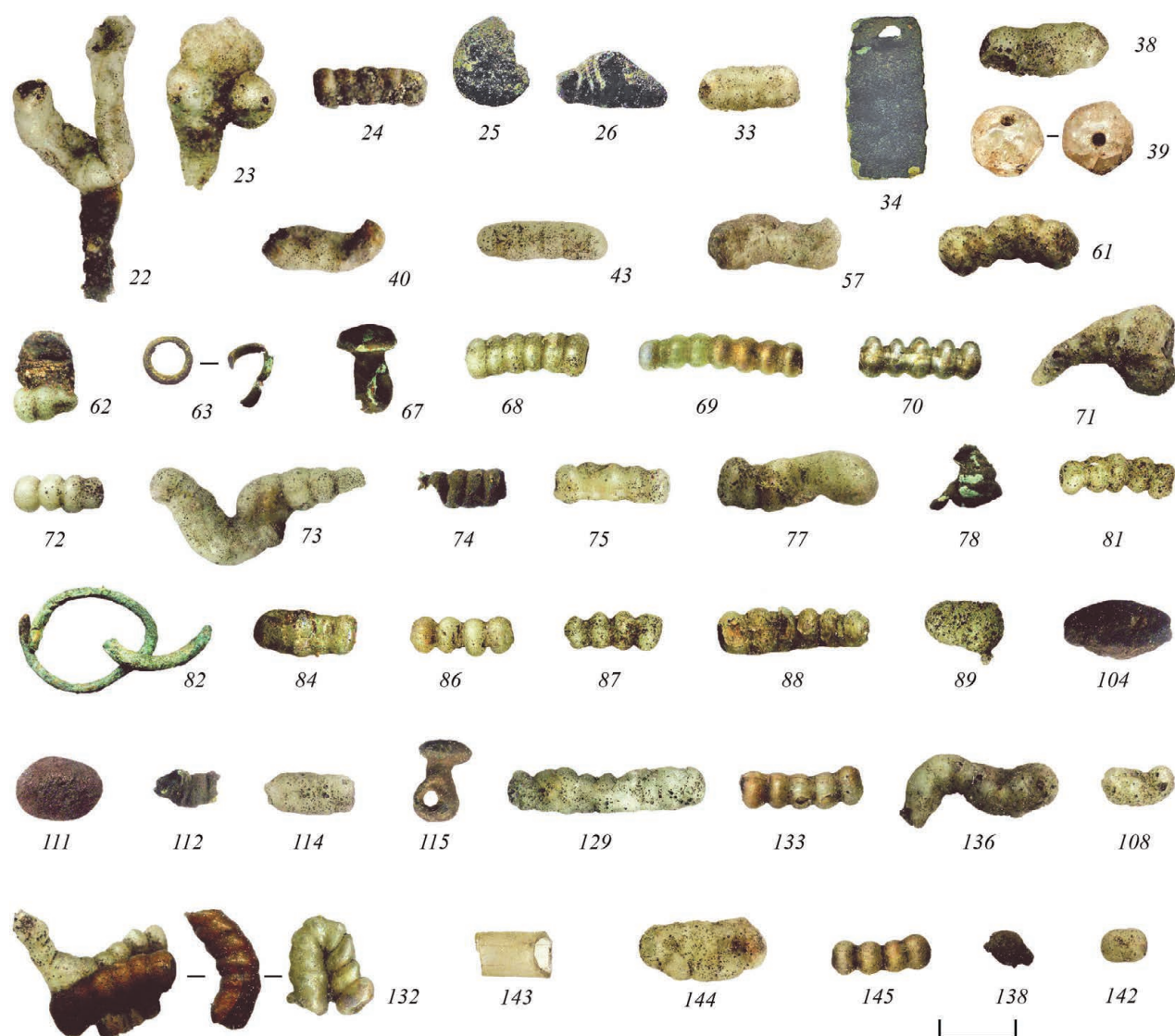

Рис. 9. Инвентарь погребения 15. Указаны полевые номера
34, 63, 67, 78, 82, 115 – изделия из медного сплава; прочие – стекло

деревом, однако, учитывая разногласия с лесничеством и очевидное разрушение погребения корнями, выкорчевывание дерева сочли нецелесообразным.

Фрагменты изученных кремированных останков из погребения 16 имеют цвет от светло-серого до белого, на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных, можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 650 до 800–850 °C (Wahl, 1981b. S. 273; Großkopf, 2004. S. 26, 27; Walker, Miller, 2008; Клещенко, Решетова, 2019. С. 25).

Общая масса останков из погребения – 216,97 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 97,66 г, определимых фрагментов костей человека – 7,72 г, костей животных – 17,18 г.

Анатомически определимые фрагменты костей (фрагмент диафиза большеберцовой кости, фрагмент свода черепа со швом, фрагмент блока плечевой кости) принадлежат одному индивиду.

Погребение 17 (рис. 11–14)

Из 3D-модели скопления костей, построенной на основании данных тахеометра (рис. 13; 14), следует, что погребение 17, подобно погребению 15, по форме является плоской линзой, довольно компактной, размерами около 50×100 см. Разлет костей следует признать незначительным по сравнению

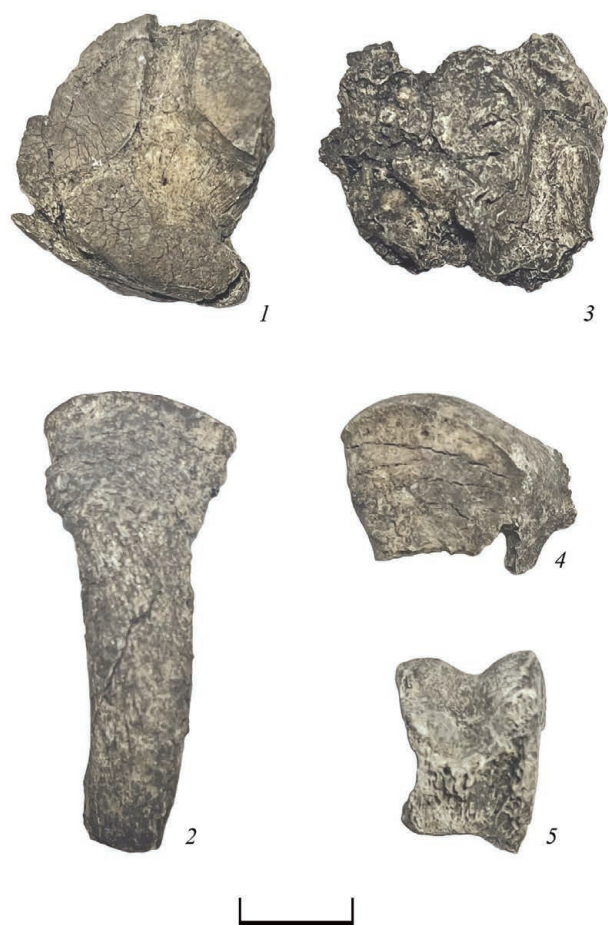

Рис. 10. Кости животных из погребений 15 (2–3) и 18 (1, 4–5)

1 – запястная кость лошади; 2 – первая фаланга лошади; 3 – каменистая кость крупного копытного; 4 – первая фаланга лошади; 5 – астрагал МРС

с большинством других погребений и, вероятно, близким к первоначальным размерам (рис. 11; 13). Однако и объем костей в погребении 17 меньше многих, к тому же в нем отсутствует инвентарь.

По разрезу видно (рис. 12), что в сечении у черного слоя с костями нет выраженной линзовидной формы, он постепенно выклинивается к периферии. Толщина этого слоя не более 5 см, ниже он становится серым, толщина его – около 20 см.

Как и в предыдущем случае, погребение могло помещаться на древнюю дневную поверхность или быть крайне незначительно (10–15 см) прикопано в дерне.

Фрагменты изученных кремированных останков имеют цвет от светло-серого до белого, на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных можно предположить, что температура горения погребального костра

Рис. 11. Погребение 17. Общий вид на центральную часть

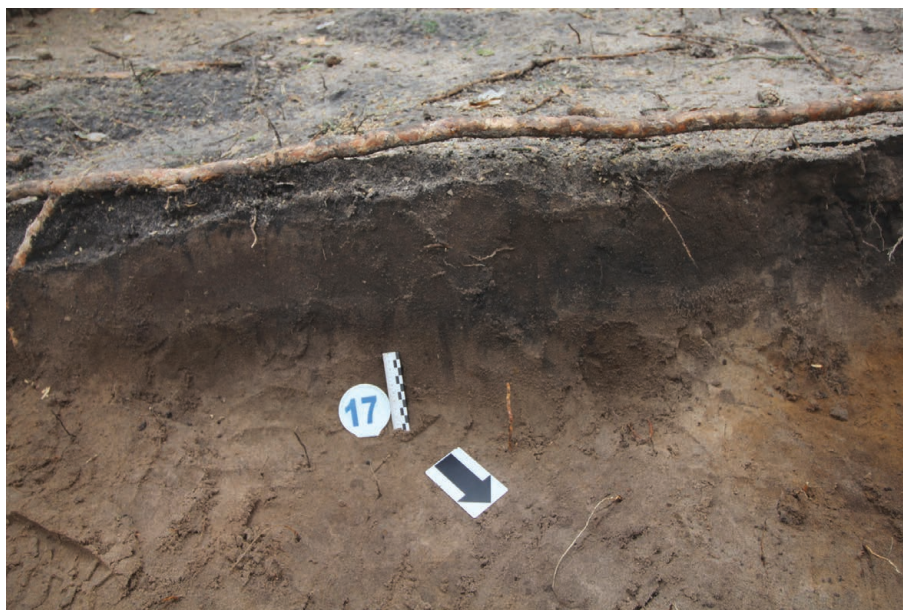

Рис. 12. Погребение 17 в разрезе

была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 650 до 800–850 °С (см. выше). Общая масса останков из погребения – 638,11 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 344,97 г, определенных фрагментов костей человека – 97,14 г, костей животных – 53, 38 г.

Анатомически определимые фрагменты костей (около 80 шт.) принадлежат минимум одному взрослому индивиду старше 40 лет. Определимые кости представлены всеми отделами скелета: свод черепа и фрагменты челюсти, корней зубов, фрагменты костей верхних и нижних конечностей, позвонков, ребер, надколенника. Приблизительный возраст удалось установить по костям, имеющим следы возрастных изменений: фрагментам черепа с заросшими швами, а также проксимальным

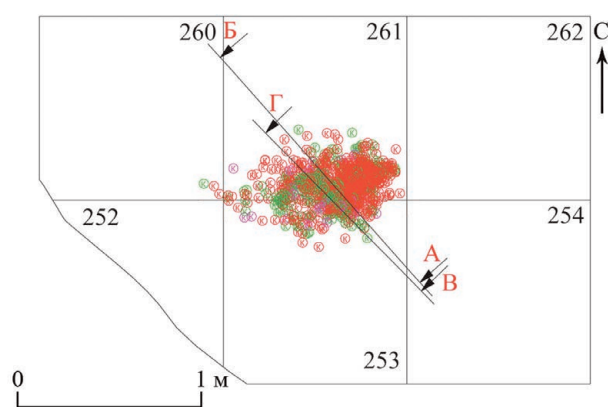

Рис. 13. 3D-модель погребения 17, вид сверху. Условные обозначения см. на рис. 4

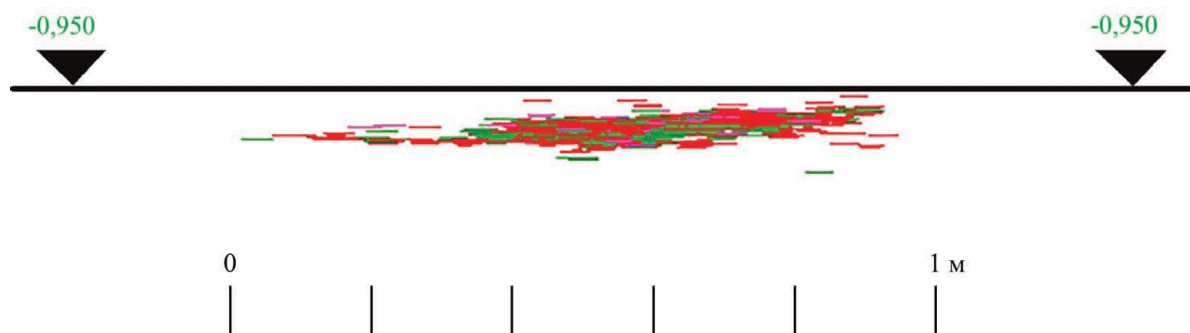

Рис. 14. 3D-модель погребения 17, вид с юга. Условные обозначения см. на рис. 4

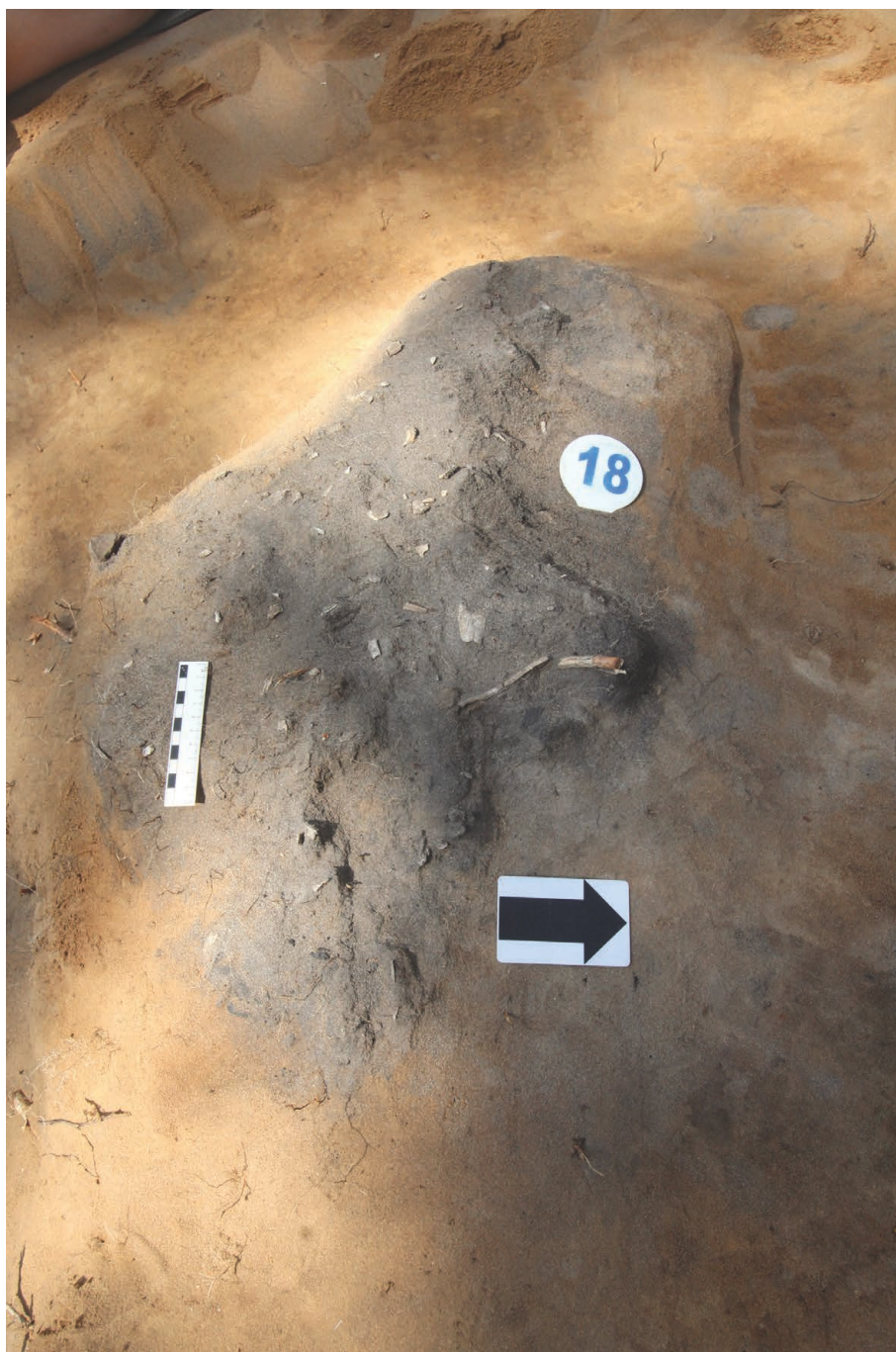

Рис. 15. Погребение 18, общий вид

фалангам кисти и стопы со следами краевых разрастаний.

Среди костей животных определимых не обнаружено.

Погребение 18 (рис. 15–17)

В центре участка 11 в кв. 337–313, 336–312 располагался перекоп позднесоветского времени, почти правильной прямоугольной формы, размерами

около 3,5×1,5 м (рис. 2; 16). Помимо мусора в нем были обнаружены крупные кальцинированные кости, часть костей размещалась за его пределами, в кв. 345–338, 334–337 (погребение 18). Границы перекопа были четко выявлены на уровне предматерика, в вышележащем слое проследить их было сложнее, и, возможно, перекоп был шире.

Из 3D-модели скопления костей, построенной на основании данных тахеометра, следует, что

погребение 18 в основной своей части размещается прямо на краю перекопа (рис. 16; 17). Возможно, это косвенное указание на положение костей в пределах кв. 338 *in situ*. Кости в пределах перекопа могли попасть в него в ходе обратной засыпки или при последующем оползании. Вместе с тем нельзя исключать, что все погребение является выбросом из перекопа и первоначально располагалось в его пределах.

Единственная находка, которую можно более-менее достоверно связать с этим погребением, – это «шплинт» (№ 268). Опыт работ на Щуровском могильнике позволяет интерпретировать эти часто встречающиеся предметы как ушки от полых пуговиц и бубенчиков салтовского типа, как правило, разрушавшихся на погребальном костре.

Фрагменты изученных кремированных останков имеют цвет от светло-серого до белого, на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 650 до 800–850 °С (см. ссылки выше). Общая масса останков из погребения – 119,54 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 104,24 г, костей животных – 15,3 г, определимых фрагментов костей человека не обнаружено. Помимо основного скопления на участке 11 собрано еще несколько разрозненных косточек, возможно, относящихся к погребению 18. Общая масса этих разрозненных останков – 439,66 г.

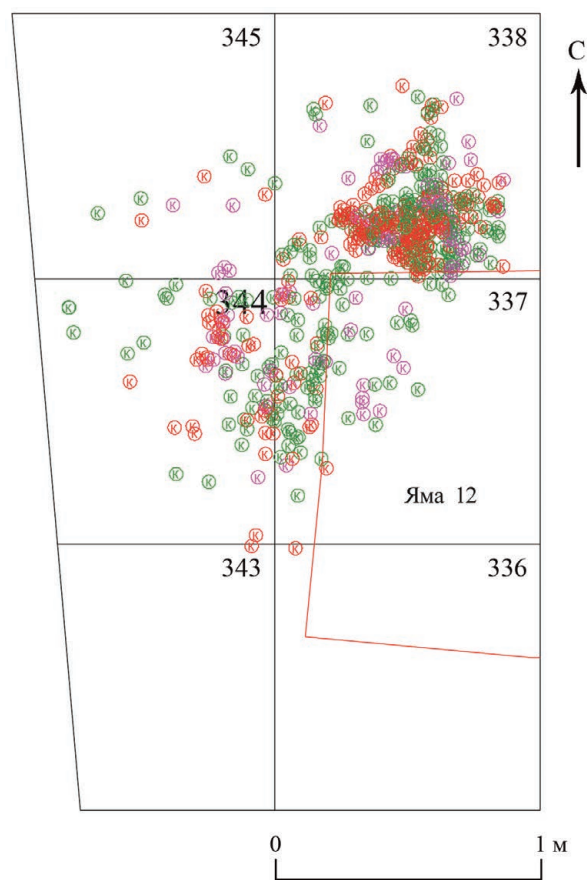

Рис. 16. 3D-модель погребения 18, вид сверху. Условные обозначения см. на рис. 4

Красным контуром показан верх ямы – перекопа советского времени

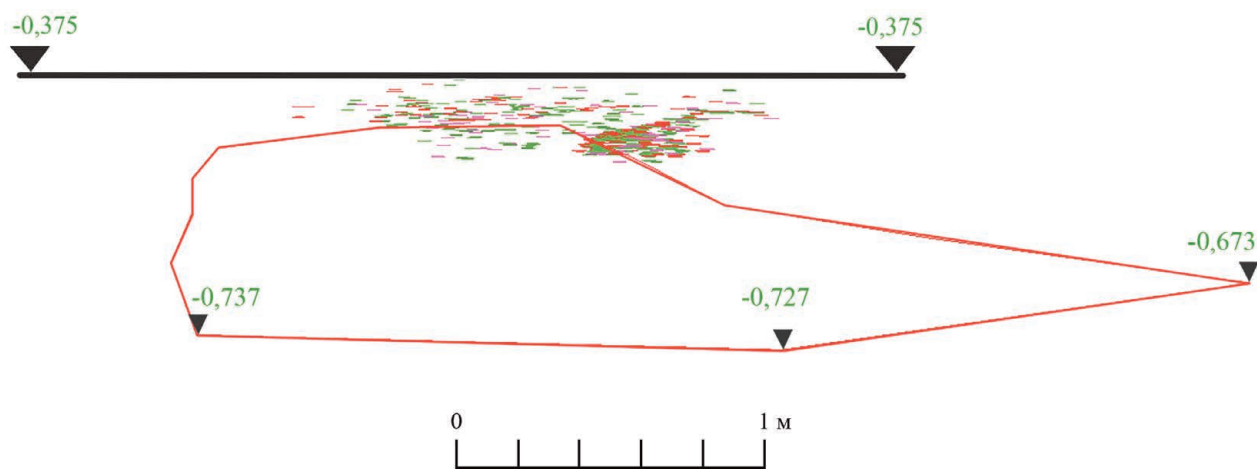

Рис. 17. 3D-модель погребения 18, вид с востока. Условные обозначения см. на рис. 4

Красным контуром показан верх ямы – перекопа советского времени

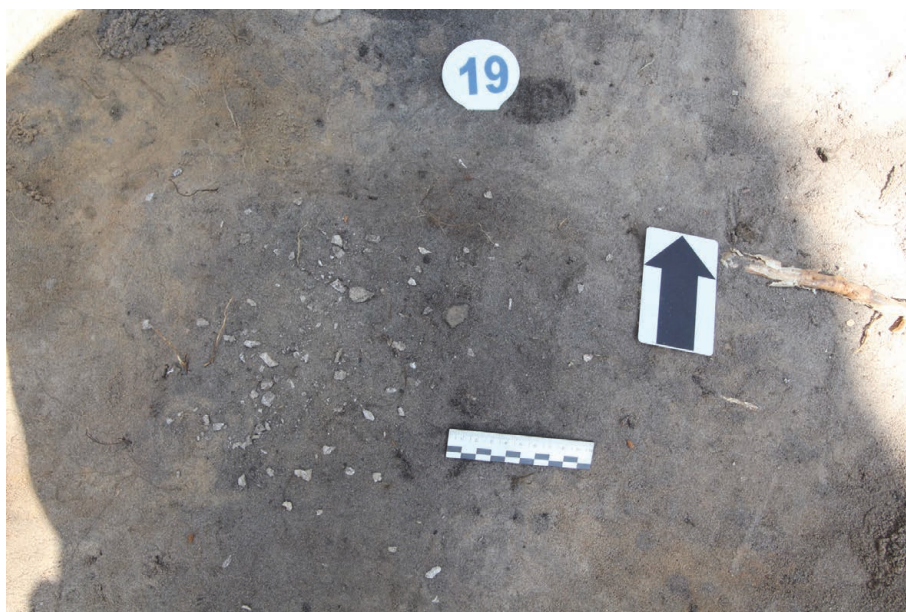
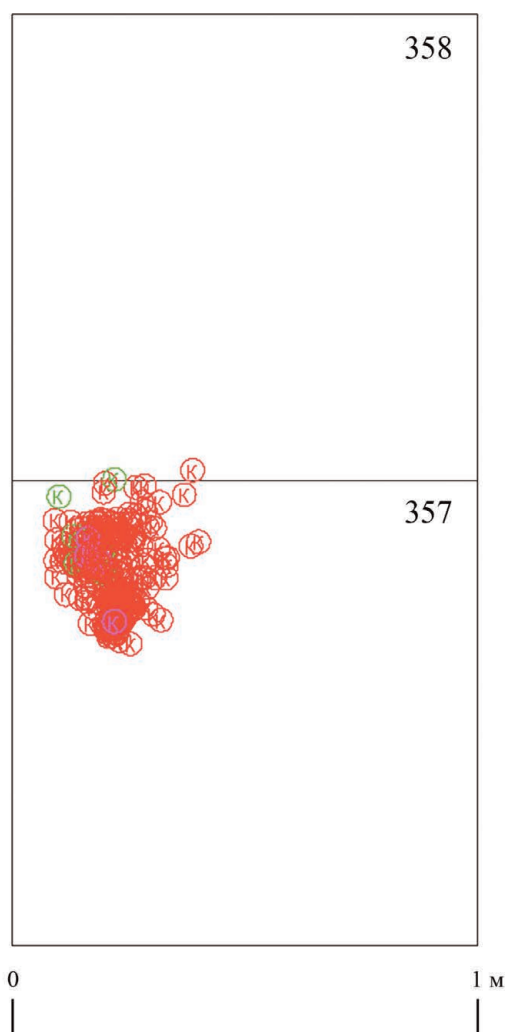

Рис. 18. Погребение 19, общий вид

Вес неопределимых фрагментов костей – 342,57 г, костей животных – 86,22 г, определимых фрагментов костей человека – 5,18 г. Из определимых костей человека выявлено два фрагмента свода черепа без швов, поэтому установить возраст невозможно.

О составе животных в погребении можно говорить более определенно: выявлены запястная кость и первая фаланга лошади (рис. 10, 1, 4) и астрагал МРС (рис. 10, 5). Это второй случай обнаружения лошади – после погребения 15.

Погребение 19 (рис. 18–21)

Раскоп 3, участок 12. Из 3D-модели скопления костей, построенной на основании данных тахеометра (рис. 19–21), следует, что погребение 19 – необычно миниатюрный объект. Его размеры всего около 33×28 см, к тому же это ядро без шлейфа. В заполнении погребения не было выраженного черного углистого песка, как в погребениях 15 и 17 (рис. 18). Отсутствие находок является еще одной важной деталью, сближающей объект с погребениями 17–18. Нельзя исключить, что погребение является только частью изначально более крупного скопления, выбросом из разрушенного и более крупного объекта, хотя, в отличие от погребения 18, непонятно даже, где искать его первоначальное местоположение. Для могильника в целом заметна любопытная тенденция: в направлении к западу и северу от первоначально

Рис. 19. 3D-модель погребения 19, вид сверху.
Условные обозначения см. на рис. 4

открытого ряда все погребения «мельчают» – объем костей в скоплении снижается, а инвентарь исчезает.

Фрагменты изученных кремированных останков имеют цвет от светло-серого до белого, на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 650 до 800–850 °С (см. ссылки выше). Общая масса останков – 133,2 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 124,95 г, костей животных – 8,25 г, фрагменты костей человека не обнаружены. Определенных костей животных в погребении не выявлено.

Таким образом, работы на могильнике 2 выявили тенденцию, известную ранее на примере Щуровского могильника: в направлении к периферии (в данном случае – к западу) погребения становятся мельче по объему и располагаются более разреженно. Погребения периферии чаще лишены находок. Является ли это наблюдение объективным или стало результатом поздних турбаций, остается неизвестным. Работы в западном направлении необходимо продолжать.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Литература

- Алексеев В. П., 1966. Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука. 252 с.
- Добровольская М. В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.
- Звягин В. Н., Анушкина Е. С., 2014. Установление видовой принадлежности костных останков // Российское полицейское право. № 1. М.: ООО НБ-Медиа. С. 178–193.
- Клещенко Е. А., 2016. Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекснинского междуречья в I тысячелетии н.э. (опыт применения биоархеологического подхода при изучении материалов кремаций) // Краткие сообщения Института археологии. М. Вып. 245. С. 38–59.
- Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г., 2018. Методические подходы при изучении кремированных костных останков из коллективных захоронений (на примере материалов Русского Севера I тыс. н.э.) // ТАС. Материалы 18–20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада. С. 595–601.
- Клещенко Е. А., Решетова И. К., 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. 224 с.
- Потёмкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клещенко Е. А., Добровольская М. В., Свиркина Н. Г., 2019. Новые данные по погребальному обряду населения Среднего Поочья в середине – второй половине I тыс. н.э. (по материалам могильника Соколова Пустынь) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в Эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 72–83.
- Сыроватко А. С., Гусева В. П., Клещенко Е. А., 2022. Соколова Пустынь: погребения-кремации из раскопок 2020 года // АП. Вып. 18. М.: ИА РАН. С. 42–52.

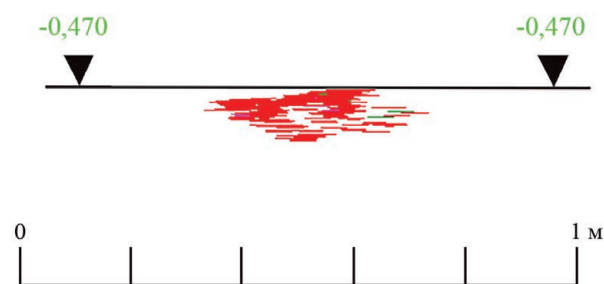

Рис. 20. 3D-модель погребения 19, вид с востока
Красным цветом обозначены мелкие (до 1 см) фрагменты костей, зеленым средние (1–2 см в поперечнике), фиолетовым – крупные (свыше 2 см)

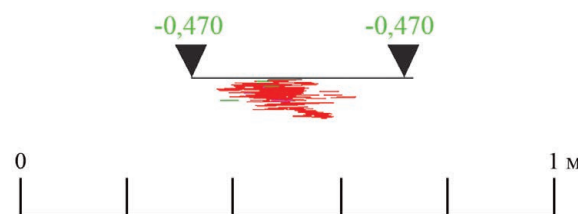

Рис. 21. 3D-модель погребения 19, вид с юга.
Условные обозначения см. на рис. 4

Сыроватко А. С., Гусева В. П., Свиркина Н. Г., Клещенко Е. А., 2021. Погребения Соколовой Пустыни из исследований 2019 г.: парадоксы новых открытий // ТАС. Вып. 12. Тверь: Триада. С. 150–161.

Сыроватко А. С., Потемкина О. Ю., Трошина А. А., Свиркина Н. Г., 2015. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года // КСИА. Вып. 241. С. 165–173, 469.

Широбоков И. Г., Юшкова М. А., 2014. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малм (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН. № 2 (25) С. 71–79.

Шупик Ю. П., 1964. К судебно-медицинской экспертизе обгоревших трупов. Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. К. 16 с.

Шупик Ю. П., 1969. К экспертному исследованию золы при криминальном сожжении трупов // Вопросы судебной травматологии. Вып. 2. К. С. 163–165.

Baker A. J., 2004. A Taphonomic Analysis of Human Cremains from the Fox Hollow Farm Serial Homicide Site [Электронный ресурс] // A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in Human Biology in the Graduate School of the University of Indianapolis. Indianapolis, 62 p. URL: <http://archlab.uindy.edu/documents/theses/BakerAJThesis.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).

Doklād M., 1970. Ergebnisse experimenteller Verbrennungen zur Feststellung von Form- und Größenveränderungen von Menschenknochen unter

Einfluß von hohen Temperaturen // Anthropologie. № 8. S. 3–17.

Großkopf B., 2004. Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken // Zur Erlangung des akademischen Grades Dissertation PhD. Leipzig. 339 s.

Scott I. F., 2008. Forensic cremation. Recovery and analysis. Boca Raton – L. – NY: Taylor & Francis Group. 159 p.

The analysis of burned human remains / Eds. C. W. Schmidt, S. A. Symes. San Diego: Academy Press, 2008. 278 p.

Wahl J., 1981a. Ein Beitrag zur metrischen Geschlechtsdiagnose verbrannter und unverbrannter menschlicher Knochenreste – ausgearbeitet an der Pars petrosa ossis temporalis // Zeitschrift Für Rechtsmedizin. Bd. 86. S. 79–101.

Wahl J., 1981b. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Über die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 11. S. 271–279.

Walker P. L., Miller K. W. P., Richman R., 2008. Time, temperature and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // The analysis of burned human remains. San Diego: Academy Press. P. 129–135.

Zipp K., 2010. Anthropologische Untersuchung der Körper- und Brandbestattungen des römischen Gräberfeldes Mainz-Kurfürstenstraße: mit einem Beitrag zu den Bauchlagenbestattungen in der römischen Antike. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Naturwissenschaften. Gießen. 303 s.

A. S. Syrovatko, V. P. Guseva, E. A. Kleshchenko, I. R. Uzhasova

Cremation burials from Sokolova Pustyn from excavations in 2021

Summary

The burial ground is located near the city of Stupino (left bank of the Oka River, Moscow Region), dated by the inventory (glass beads, jewelry made of copper alloys) to the second half of the 10th century. All

burials were made according to the rite of cremation on the side, all the bones were placed on the ancient ground surface. The bones of humans and animals (horses and small cattle) were found in the burials.

И. В. Исланова

Институт археологии РАН, Москва

Комплексы поселенческих и погребальных объектов восточной области культуры псковских длинных курганов и проблемы их локализации

Раннесредневековые древности, именуемые культурой псковских длинных курганов (КПДК), занимают в лесной зоне Восточной Европы весьма крупную территорию от Чудского и Псковского озер на западе до Молого-Шексинского междуречья на востоке. Эта культура выделена по погребальным памятникам, они же в основном исследовались стационарно. Проблематично культурное единство данного массива древностей. Первоначально объединяющим признаком являлось наличие в группах длинных или удлиненных курганных насыпей с захоронениями по обряду кремации, но после дальнейших исследований выяснилось, что к КПДК относятся и могильники без присутствия длинных курганов (Носов, 1981. С. 55; Михайлова, 1993).

Другие общие признаки достаточно размыты и присутствуют помимо КПДК в иных культурах смежных территорий: время функционирования, наличие курганного обряда и кремаций, а также определенных вещевых артефактов. По наличию отдельных категорий погребального инвентаря Б. Г. Лыч и Е. Р. Михайлова предварительно выделили три крупные области КПДК: южную, западную и восточную (Лыч, 2000. С. 73–76; Михайлова, 2014. С. 192–200). Помимо определенного вещевого набора в областях присутствуют различия и в керамике (Лопатин, Фурасев, 2007. С. 92–103). По всей видимости, условные границы областей в дальнейшем будут корректироваться, а их количество может измениться.

Масса вопросов по КПДК связана прежде всего с непропорциональной источниковой базой: многочисленными известными и раскопанными погре-

бальными объектами и немногочисленными поселениями и единичными исследованиями на них. Существенно изменить источниковую картину позволит изучение конкретных комплексов памятников, т. е. и поселения, и связанного с ним могильника. Несомненно, тогда массовый керамический материал с раскопанной серии поселений станет важнейшим источником для выяснения до сих пор дискуссионной этнокультурной ситуации.

Обратимся к «поселенческому вопросу»¹ в небольшом регионе восточной области КПДК – в южном участке Мстинско-Волжского водораздела (рис. 1), где в XX – начале XXI в. несколькими поколениями археологов проводилось обследование раннесредневековых памятников. Как и во всем ареале, объекты расположены в типичной для КПДК ландшафтной и почвенной ситуации. Рельеф на этой территории сформировался в результате эрозийно-аккумулятивной деятельности нескольких стадий ледников. Проходившие почвообразовательные процессы привели к появлению большого разнообразия почв (Виноградов и др., 1999. С. 38, 125) и, соответственно, ландшафтов. Участки с объектами КПДК – это задровые равнины и низины со слабоволнистым рельефом (в т. ч. с озовыми грядами); песчаными почвами, занятыми (или ранее занятыми) сосновыми лесами. Такие освоенные раннесредневековым населением микрорайоны разделяют заболоченные пространства.

Визуально погребальные объекты представлены или отдельно расположенной насыпью, или могильником из двух и более насыпей, или скоплением курганных могильников. Не исключено, что скоплением могильников могли соответствовать

¹ Далее анализируются только наиболее распространенный в регионе тип поселений – селища.

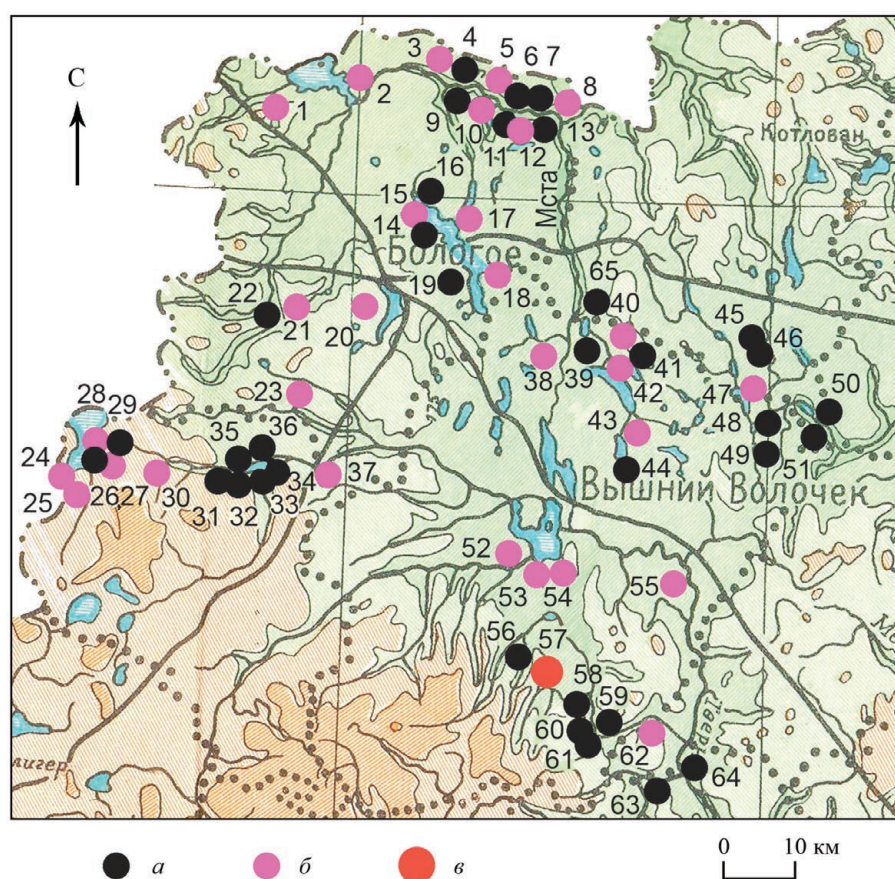

Рис. 1. Археологические комплексы (поселение и могильники) на южном участке Мстинско-Волжского водораздела (на территории современной Тверской обл.)

а – известны поселение и могильники; *б* – известны могильники, поселение не выявлено; *в* – выявленное поселение Иваньково 1 вблизи курганов. 1 – Лыкошино; 2 – Рютино; 3 – Любитово; 4 – Устье на р. Березайке; 5 – Филимоново; 6 – Тугановичи II; 7 – Тугановичи VI; 8 – Курский Рядок; 9 – Устье на р. Кемка; 10 – Беленец; 11 – Ловницы; 12 – М. Лошаково; 13 – Берёзовский Рядок; 14 – Пруды; 15 – Гоголево; 16 – Ригодищи; 17 – Ямник; 18 – Кафтино; 19 – Подол; 20 – Озеревичи; 21 – Котово; 22 – Макарово; 23 – Куженкино; 24 – Кувшины; 25 – Богатырь; 26 – Яблонька 1; 27 – Маптюшино; 28 – Яблонька 3; 29 – Комкино; 30 – Паршуково; 31 – Городок; 32 – Узмень; 33 – Глыби; 34 – Поддубье; 35 – Заречье; 36 – Заречье 3–4; 37 – Гадыши; 38 – Липовицы; 39 – Млёвский Бор-Дунай; 40 – Пуйга 1; 41 – Пуйга 2–3; 42 – Камушки; 43 – Василёво; 44 – Шепелькино; 45 – Дубники 1; 46 – Дубники 2; 47 – Бряково; 48 – Овсище 1; 49 – Богатково 2; 50 – Карзово; 51 – Шихино; 52 – Железняк; 53 – Рвеницы; 54 – Вышний Волочек; 55 – Колокольня; 56 – Кузнечиха-Ольховец; 57 – Иваньково (Чамка); 58 – Шитовичи; 59 – Черенцово; 60 – Агрызово; 61 – Березино; 62 – Стройково; 63 – Шелемеха; 64 – Тверецкий; 65 – Дятилево-Рыжаково

не одно, а несколько поселений, но без стационарных исследований принадлежность этих селений подтвердить невозможно. Структура курганного могильника следующая: насыпи внутри могильника расположены в один или несколько рядов; ориентировка так называемых рядов насыпей и осей длинных и удлинённых курганов соответствует общему «направлению» могильника. Погребальный комплекс из нескольких могильников имеет общее направление в виде цепи могильников (рис. 2). Ряды из курганов или цепь из могильников, как правило, вытянуты вдоль береговой линии по кореннику или по озовой гряде, расположенной на некотором расстоянии от воды.

На анализируемой территории к КПДК можно отнести не менее 65 погребальных комплексов (рис. 1), но связанные с ними поселения известны немногим более чем в половине случаев (только 36). Причина лежит не в профессиональности археологов-разведчиков, а в характере остатков этих поселений, существенно затрудняющих их поиск на местности. Прежде всего это связано с состоянием культурного слоя: 1) небольшая мощность (0,10–0,35 м); 2) слабая насыщенность индивидуальным и массовым материалом; 3) сильная турбированность, возникшая после интенсивной вырубki и корчевки здесь леса, а затем распахки под лесопосадку. Также поселения нередко

находятся на труднодоступных участках, отрезанных в настоящее время заболоченной местностью. Поэтому выявление поселений КПДК требовало и требует значительно большего времени и усилий, нежели фиксация видимых на поверхности курганов.

Еще одна причина невыевленности селищ – это «миф» о существовавшей традиции сооружения курганов КПДК вдоль древних дорог на водоразделах, причем далеко (в километре и более) от водоемов и водотоков (Седов, 1974. С. 14; Носов, 1982. С. 57–58). Исследования в Верхнем Помостье показали, что погребальные насыпи КПДК, расположенные от водоемов далее чем в 500 м, единичны (Исланова, 2006. С. 30, 31). Дело в том, что детальное обследование рельефа микрорайонов с известными памятниками КПДК позволяли обнаружить вблизи курганов следы ныне пересохших водотоков и заболоченных пространств, которые могли быть ранее озерами. Например, после такого исследования окрестностей около известного комплекса могильников Млѣвский Бор выяснилось, что вытянутые вдоль современной лесной дороги курганные группы (будто бы подтверждающие положение курганов на водоразделе вдоль дорог) были сооружены вдоль высохшего ручья и около пересохших проток, соединявших ручей и древние озера, превратившееся ныне в заболоченную низину (Исланова, Пичугина, 2021. Рис. 1).

Среди известных в регионе поселений преобладают объекты небольших размеров, от 850 до 4900 кв.м. Все они приурочены к берегу водоема или водотока (реки, озера, ныне заболоченного озера, пересохшего ручья или протоки) и лежат в основном на площадках высотой 3–5 м над водой (современный уровень). Селища находятся на незначительном расстоянии от ближайших курганов, как правило, не более чем в 150 м (Исланова, 2006. Табл. 7). Единичные случаи с расстояниями в 200–300 м связаны с характером и возможностями конкретной местности, когда для поселения выбирался участок с учетом близости воды, но рядом отсутствовала подходящая площадка для могильника (рис. 3, б).

Анализ сведений об обнаруженных поселениях при известных курганных комплексах КПДК позволяет выделить в регионе три распространенных «простых» и несколько «сложных» видов экспозиций, включающих поселение, погребальный комплекс и близлежащие водоемы.

Вид 1. Поселение и могильник (или могильники) расположены вдоль берега одного и того же водоема, как бы друг за другом, например: Черен-

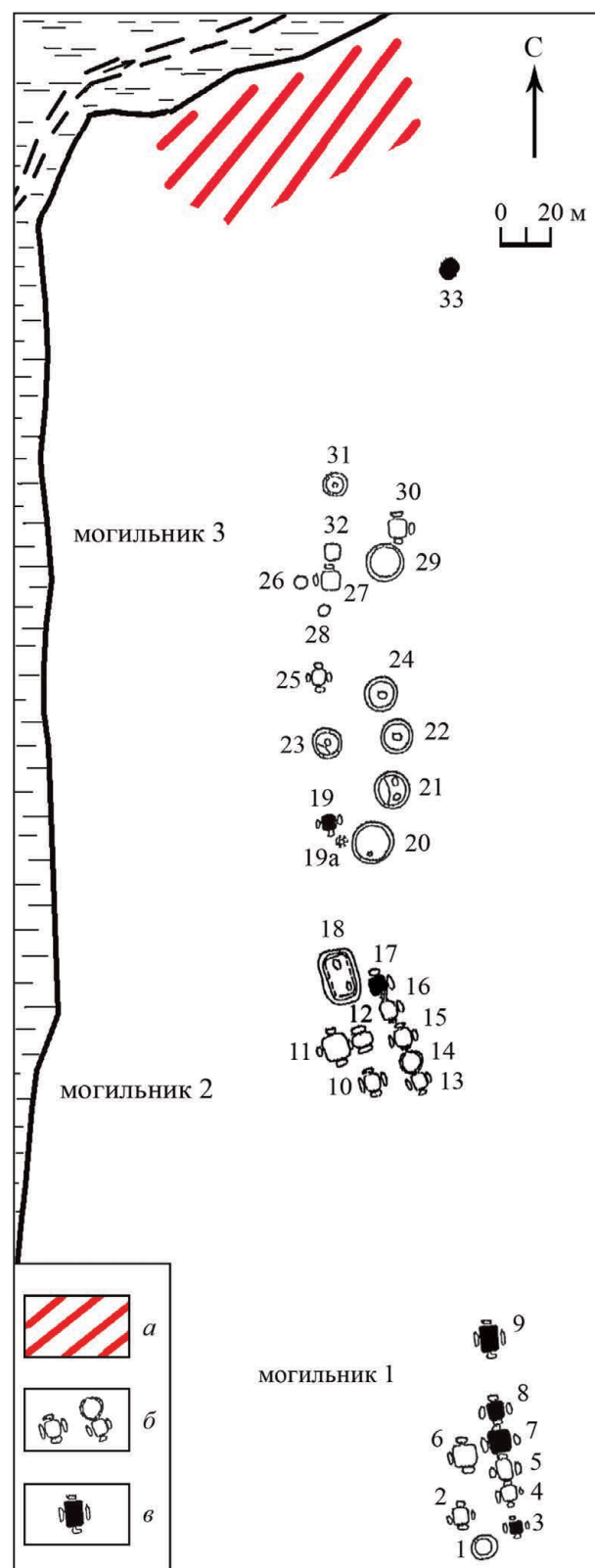

Рис. 2. Схема расположения селища и курганных могильников 1–3 Ивановско (Чамка) (план курганов по: Репман, 1955)
а – поселение; б – нераскопанные курганы;
в – раскопанный курган

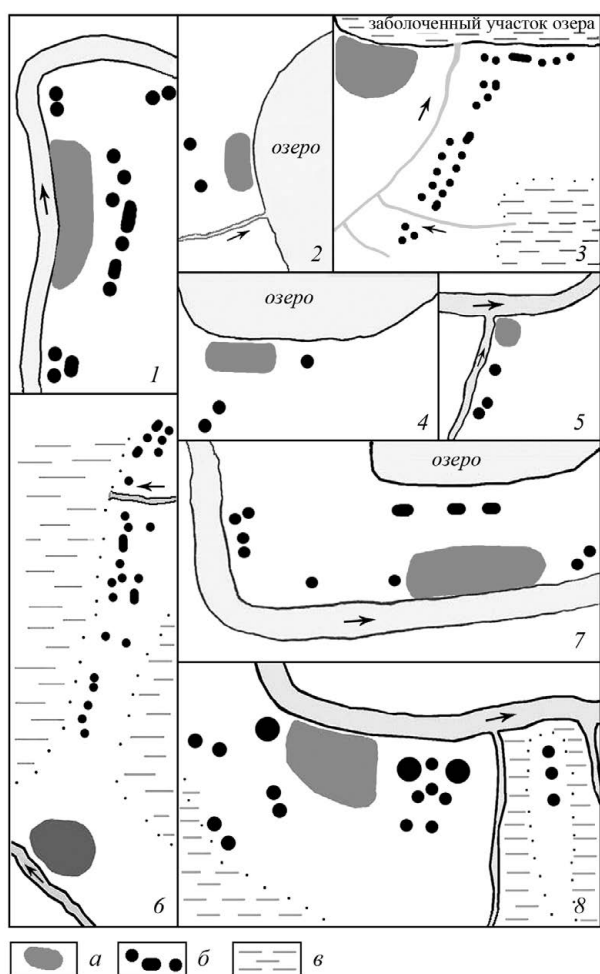

Рис. 3. Схематичные планы видов экспозиций КПК:
поселение – погребальный комплекс и водоток
а – селище; б – курганы; в – заболоченный участок.
1, 4 – сочетание видов 1 и 2; 2, 6 – вид 2; 3 – вид 3;
5 – вид 1; 7, 8 – сочетание видов 1, 2, 3. 1 – Городок
на р. Шлине; 2 – Богатково 2; 3 – Почеп 2 – Млѣвский
Бор – Мануйлово; 4 – Дубники 1; 5 – Устье на р. Кемке;
6 – Дягилево-Рыжаково; 7 – Карзово; 8 – Овсище 1

цово, Яблонька 1, Узмень, Комкино, Заречье 3–4, Поддубье, Шеметово. Иногда селище находится в так называемой классической ситуации – при впадении одного водотока в другой, например, Устье на р. Кемке (рис. 3, 5).

Вид 2. Могильник расположен за поселением, например: Устье на р. Березайке, Тугановичи VI, Берѣзовский Рядок, Кузнечиха, Шепелькино, Тверецкий, Дубники 2, Богатково 2 (рис. 3, 2).

Вид 3. Поселение и могильник (или могильники) находятся на разных берегах водотока (ручья, протоки, старицы) или на берегах разных водоемов одного бассейна; например: Березино, Агрызково, Почеп 2 – Млѣвский Бор, Мануйлово; Дягилево – Рыжаково (рис. 3, 3, б).

Рис. 4. Иваньково (Чамка). Расположение селища и комплекса курганных могильников 1–3
а – территория поселения; б – территория курганных могильников

«Сложное» размещение могильников относительно поселений

Сочетание видов 1 и 2. Один курганный могильник расположен сразу за поселением, а другие могильники – на берегах реки выше и ниже по течению от поселения; например, Дубники 1; селище Городок 1 и могильники Городок 2–5, 8 (рис. 3, 1).

Сочетание видов 1 и 3. Поселение и некоторые могильники приурочены к берегу одного водотока, а другие могильники расположены за селищем, но находятся на берегах другого водотока или водоемов; например, Карзово (рис. 3, 7).

Сочетание видов 1, 2 и 3. Могильники погребального комплекса расположены и за поселением,

Рис. 5. Курганный могильник Ивановско (Чамка) 1. Вид с севера (фото И. В. Ислановой)

и ниже, и выше от него по берегу водотока, причем некоторые могильники отделены ручьем, впадающим в тот же водоем (рис. 3, 8).

Информация о выявленных в регионе видах экспозиций позволила обнаружить поселение КПКД около известного скопления могильников Ивановско 1–3 на ручье Чамка. Этот ручей (видимо, бывшая небольшая речка) в настоящее время представляет собой заболоченную низину, включившую и русло, и пойму. Такая ситуация возникла после изменения водного режима в этом микро-районе из-за повышения уровня грунтовых вод в междуречье рек Цны и Шегры после затопления обширных пространств в середине XX в. (реконструкции Вышневолоцкого водохранилища).

Три курганных могильника Ивановско (Чамка) 1, 2, 3, вытянутых вдоль берега ручья, состояли соответственно из 9, 9 и 16 насыпей (рис. 2; 4; 5). В 1955 г. директором Вышневолоцкого музея здесь было раскопано семь курганов, где были обнаружены погребения по обряду кремации на стороне с лепной керамикой и еди-

ничными невыразительными обломками вещевого инвентаря, позволяющими широко датировать объекты второй половиной 1-го тысячелетия н. э. (Репман, 1955; АКТ, 2010. С. 81, 82). При паспортизации известных памятников археологии эти могильники обследовал в 1978 г. Е. В. Бодунов, а в 2008 г. при подготовке археологической экспозиции – И. В. Исланова (Бодунов, 1978; Исланова, 2008).

В могильниках курганы расположены в два ряда, за исключением раскопанной А. Х. Репманом насыпи № 33, отстоящей от северной части группы 3 примерно на 100 м (рис. 2). Неоднократное обследование территории около курганных могильников 1–3 и шурфовка вдоль заболоченного берега зафиксировали отсутствие культурного слоя. Селище обнаружено в 120 м к северу от сохранившегося кургана № 31 курганного могильника Ивановско 1 (примерно в 20 м к северо-западу от места раскопанного кургана № 33).

Выявленная экспозиция (поселение – погребальный комплекс и водоток) соответствует виду 1

Рис. 6. Поселение Иваньково 1. Вид с юго-востока (фото И. В. Ислановой)

(рис. 2; 4). Селище размерами 55×110 м находится ниже по течению, чем цепь курганных могильников, на берегу бывшей излучины реки. Высота площадки над заболоченным руслом – от 0 до 1,7 м; она заросла лиственными и хвойными деревьями, а на поверхности прослеживались следы проведенной 20–30 лет назад лесопосадки (рис. 6). Общая толщина культурного слоя многослойного поселения была 0,65–0,70 м. Верхние 0,35–0,40 м в основном относились к раннесредневековому селищу. Судя по найденным артефактам, данный участок также был заселен в эпоху неолита и в XIV–XVI вв. н. э.

Таким образом, зная размещение известных курганных могильников, структуру их расположения и учитывая имеющиеся виды экспозиций КПДК, можно спрогнозировать место неизвестных пока селищ КПДК и затем при полевых исследованиях проверить выдвинутое предположение. Проведение подобных работ возможно и в других регионах КПДК.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

Литература

АКР. Тверская область. Ч. 3 / Авт.-сост. Кашкин А.В., Комаров К.И., Король Г.Г., Нефёдов В.С., Патрик Г.К., Янишевский Б.С.М.: ИА РАН, 2010. 312 с.

Бодунов Е.В., 1978. Отчет о разведках в Калининской области в 1978 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7332.

Виноградов Б.К., Архангельский Н.А., Коробков А.Г., Пронина В.Г., Бариньяк А.В., Крюкова М.С., Кузьмина М.В., Намзин А.Б., 1999. География Удомельского района / Ред. А.Г. Емельянов, В.А. Тихомиров. Тверь: ТвГУ. 257 с.

Исланова И. В., 2006. Верхнее Помостье в раннем средневековье. М.: ТвГУ. 286 с.

Исланова И. В., 2008. Отчет о разведочных работах в Тверской области в 2008 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 42979.

Исланова И. В., Пичугина А. Н., 2021. Курганный могильник Млѣвский Бор (по материалам 80-х гг. XIX в. – 70-х гг. XX в.) // ТАС. Вып. 12 / Отв. ред. И. Н. Черных. Тверь: Триада. С. 162–175.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., 2007. Северные рубежи славянского мира в III–V веках н. э. М.: ИА РАН. (Раннеславянский мир. Вып. 8). 251 с.

Лыч Б. Г., 2000. О территориальных различиях погребального инвентаря носителей культуры псковских длинных курганов // Вестник молодых ученых. Сер.: Исторические науки. Вып. 5. СПб. С. 72–76.

Михайлова Е. Р., 1993. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов

нов // ННЗ. Вып. 7. Новгород: НМЗ. С. 70–78.

Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов. Типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. 427 с.

Носов Е. Н., 1981. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. № 1. С. 42–56.

Носов Е. Н., 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. № 1 (11). Л.: Наука. С. 43–78.

Репман А. Х., 1955. Отчет о раскопке курганов на ручье Чамка в 1955 г. в В. Волоцком районе Калининской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 1144.

Седов В. В., 1974. Длинные курганы кривичей. М.: Наука. (САИ. Вып. EI-8). 94 с.

I. V. Islanova

Complexes of Settlement and Burial Objects in the Eastern Region of the culture of the Pskov long barrows and problems of their localization

Summary

An analysis of the placement of burial complexes and settlements made it possible to identify several types of spatial arrangement of settlements, burial

grounds and reservoirs. This allows predicting the location and detecting settlements of the culture of the Pskov long barrows on the ground.

О. Л. Прошкин, Е. И. Терещенко

Институт археологии РАН, Москва

Коллекция находок славянского и древнерусского периодов с городища Соборная Гора в городе Чекалине Тульской области

В 2019 г. отряд Подмосковной экспедиции ИА РАН проводил археологические исследования на городище Соборная Гора в г. Чекалине Суворовского района Тульской области. Работы были связаны с планируемым устройством на нем парковой зоны и возведением деревянного макета Лихвинской крепости XVII столетия. Прежнее название города – Лихвин. Лихвин переименован в г. Чекалин 15 февраля 1944 г. решением Верховного совета РСФСР г. Впервые он упоминается в Разрядной книге в 1564 г. (Разрядная книга, 1966. С. 211). В 1565 г. упоминается вторично в связи с взятием его в опричнину (ПСРЛ, 1906. С. 394). По убедительному мнению ряда исследователей, до своего первого упоминания этот город являлся центром удела (Лихвинского) князей Одоевских, ликвидированного Иваном Грозным (Антонов, 2013. С. 158; Шеков, 2018. С. 94). С XVII в. Лихвин часто встречается в различных документах в связи с различными внутренними и внешними событиями (Памятники... 1995. С. 122; Антонов, 2013. С. 162).

Городище находится на восточной окраине г. Чекалина, на мысу левого берега р. Оки, между оврагами. Площадка в плане имеет трапециевидную форму и защищенную валами площадь около 4500 кв. м. Высота над уровнем воды в р. Оке составляет 34–37 м. По схеме П. А. Раппопорта оно относится к простому типу – с одной укрепленной площадкой и оборонительными сооружениями, полностью подчиненными рельефу местности. Их следы сохранились в виде вала подковообразной в плане формы, оконтуривающего площадку с северной (частично), западной и южной (частично) сторон. С западной, напольной стороны в валу

имеется разрыв шириной до 4 м. Высота вала достигает 2,3 м. На юго-восточном склоне мыса, чуть ниже площадки имеется еще один вал протяженностью до 53 м и высотой до 2 м (рис. 1).

Первые археологические исследования на городище провел в 1899 г. председатель Калужской ученой архивной комиссии И. Д. Четыркин. Тогда площадка городища уже была не застроена и использовалась в качестве городского бульвара. Как писал исследователь, городище известно «под именем Соборной Горы (здесь была соборная церковь, сгоревшая в первой четверти XIX столетия)»¹ (Четыркин, 1899. С. 19). В заложенных трех шурфах он выявил культурный слой «в один аршин и более», сохранивший различные находки, впоследствии переданные в Калужский исторический музей². По мнению исследователя, городище «возникло не позже XII века» (Четыркин, 1899. С. 18, 19).

В 1949 г. городище обследовал А. В. Никитин и отнес его к системе укреплений Засечной черты (Никитин, 1949). В 1979 г. обследовано В. Г. Мироновой, сделан топографический план памятника (Миронова, 1979). В 1994 г. исследования на городище проводили Б. В. Грудинкин и О. Л. Прошкин. Они заложили шурф 2×2 м и выявили культурный слой мощностью до 1,4 м, сохранивший фрагменты круговых сосудов XIV–XVII вв. Выполнена инструментальная съемка памятника, и сделан топографический план (Грудинкин, 1994).

В 2019 г. на памятнике заложены семь раскопов и один шурф общей площадью 451 кв. м (рис. 1). Кроме того, проводились наблюдения на площади 960 кв. м. Выявлен культурный слой мощностью до 250 см, найдено 537 индивидуальных находок

¹ Во второй половине XVIII в. на городище значатся две соборные церкви (Топографическое... 2016. С. 23).

² В фондах Калужского объединенного музея-заповедника коллекция не значится.

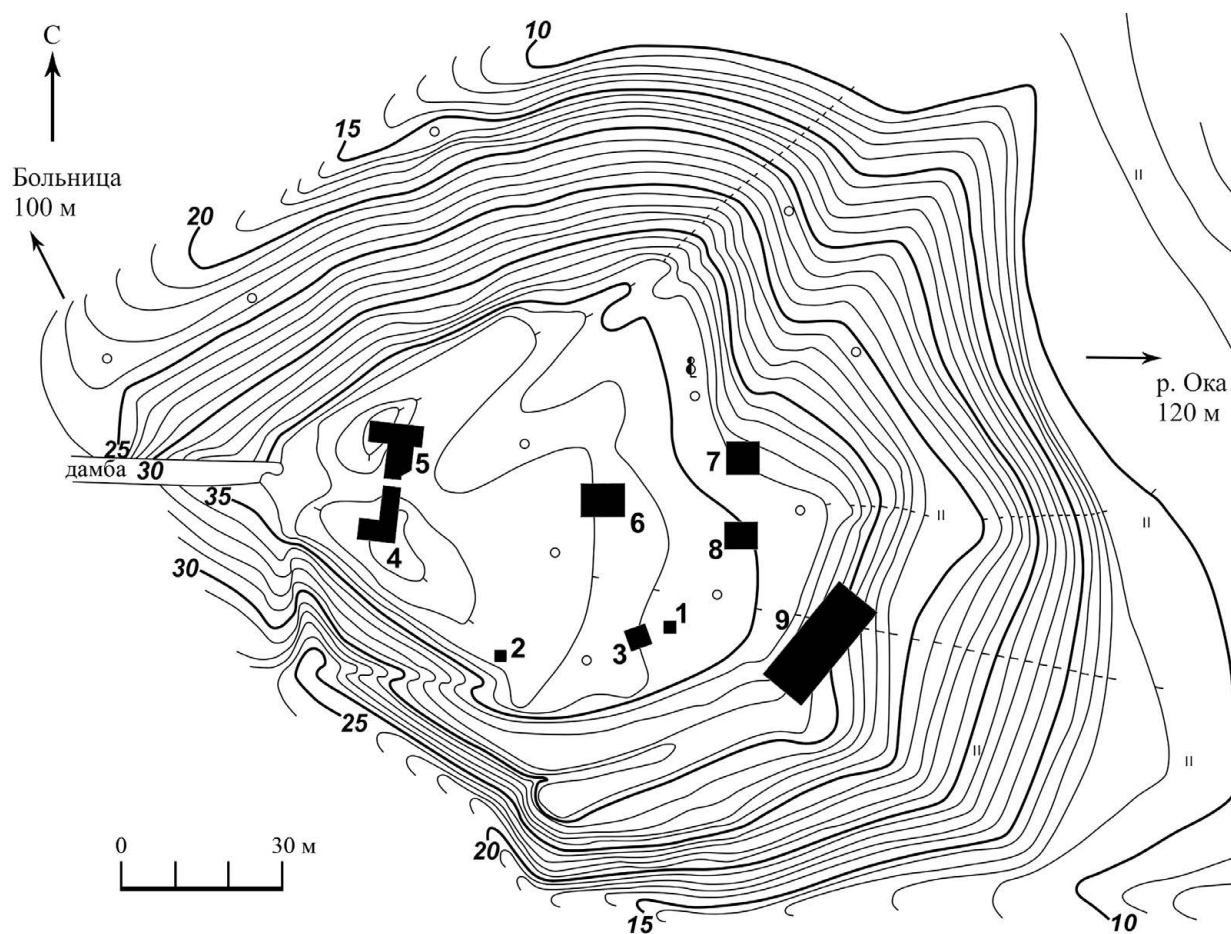

Рис. 1. Топографический план городища Соборная Гора 1994 г. (Тульская обл., г. Чекалин).
Горизонтали проведены через 1 м. Составил О.Л. Прошкин
1 – шурф 1994 г.; 2 – шурф 2019 г.; 3–9 – раскопы 2019 г.

(предметы быта, христианского культа, конской упряжи и вооружения и др.). Массовый материал насчитывает более 11 000 единиц – фрагменты керамических сосудов, железные кованые гвозди, кости животных. Полученные материалы датируются IX–XIX вв.

Самая ранняя находка – обоюдоострый кремневый нож эпохи неолита³. Подавляющее большинство открытых остатков построек и сделанных находок (предметы вооружения, детали одежды, украшения, монеты, керамика и т.п.) относятся к периоду позднего Средневековья. В XVI–XVII вв. здесь находился административный центр Лихвина, защищенный деревянной крепостью.

В результате исследований получена небольшая по числу (ок. 80 экз.) коллекция находок, отражающая ранние этапы жизни на данном месте

в IX–XIII вв. Подавляющее большинство их происходит из культурного слоя, намного меньше – из заполнений ям.

По своему функциональному назначению находки делятся на пять основных групп: 1) предметы вооружения; 2) предметы снаряжения всадника и коня; 3) гарнитура поясного набора; 4) детали костюма и украшения; 5) предметы быта, включая керамическую коллекцию.

Предметы вооружения

Коллекция включает восемь железных наконечников стрел. По классификации А.Ф. Медведева они относятся к отделу II «черешковые» (по способу крепления к древку), группе 2 «плоские» (по характеру поперечного сечения пера). По форме пера выделяются отдельные типы.

³ Определение доктора исторических наук А.Н. Сорокина (ИА РАН).

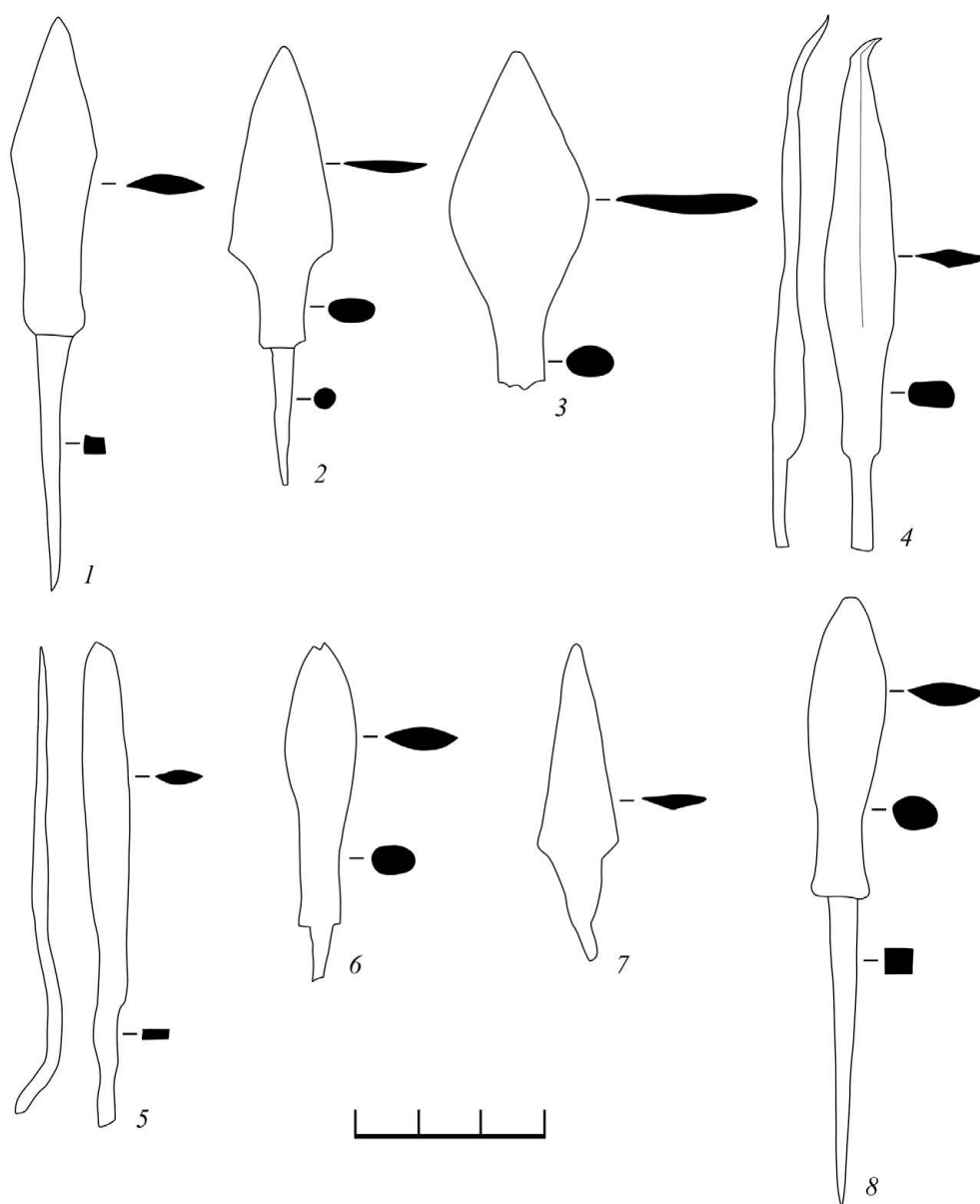

Рис. 2. Наконечники стрел. Городище Соборная Гора (Тульская обл., г. Чекалин)

1 – шурф 2, № 14; 2 – р. 8, № 29; 3 – р. 5, № 55; 4 – р. 5, № 62; 5 – р. 5, № 65;
6 – р. 3, № 50; 7 – р. 5, № 148; 8 – р. 6, № 32

Наконечник с пером ромбовидной формы с прямыми сторонами и слегка вогнутыми плечиками, с наибольшим расширением в верхней половине пера и упором для древка (рис. 2, 1). Пропорции пера – 1,0:3,8. По классификации А.Ф. Медведева относится к типу 52, варианту 2. Наконечники данного типа и варианта найдены в разных пунктах Восточной Европы и датируются исследователем VIII–XIII вв. (Медведев, 1966. С. 69–70. Табл. 30, 48).

Наконечник с пером ромбовидной формы с наибольшим расширением в нижней трети пера и упором для древка (рис. 2, 2). Пропорции пера – 1:3. Относится к типу 40. Наконечники данного типа

использовались в лесной зоне Восточной Европы в X–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 64, 65. Табл. 30, 36).

Еще один ромбовидный наконечник с прямыми сторонами имеет наибольшее расширение в средней части пера (рис. 2, 3). Пропорции пера – 1,0:2,3. Относится к типу 42 наконечников, применявшихся в Восточной Европе в IX–XIII вв. (Медведев, 1959. С. 166. Рис. 13, 22; 14, 13; 1966. С. 66. Табл. 30, 38). Наконечники этого типа происходят из ряда построек IX – начала X в. городища Супруты (Григорьев, 2005. Рис. 28, 6).

Наконечник с пером лавролистной формы, с ромбовидным поперечным сечением пера и упором для

Рис. 3. Индивидуальные находки. Городище Соборная Гора (Тульская обл., г. Чекалин)
1 – шпора; 2, 3 – петли от шпор. 1 – р. 3, № 1; 2 – р. 5, № 126; 3 – р. 3, № 53

древка (рис. 2, 4). Пропорции пера составляют 1:6. Относится к второму виду типа 63, наконечники этого вида характерны для IX–XIII вв. в «южной полосе» Восточной Европы (Медведев, 1966. С. 73–75). Наконечник такого вида находился в составе погребального инвентаря (скандинавские вещи и дирхем) в кургане № 73 Центральной группы в Гнёздово (Ширинский, 1999. С. 110. Рис. 20, 1.73). Известны аналогии из погребений Тимерёвского могильника (Медведев, 1966. Табл. 16, 24). Целая серия подобных изделий найдена на городищах Супруты и Чёртово Городище (Григорьев, 2005. Рис. 28, 3; Прошкин, 2013б. С. 67). Об их более позднем использовании говорят находки в культурном слое детинца Ярополча-Залесского, датируемого в целом X – первой половиной XIII в. (Седова, 1971. С. 89. Рис. 30, 3).

Наконечник с пером ланцетовидной формы без упора для древка (рис. 2, 5). По классификации

А.Ф. Медведева относится к типу 62. По пропорциям пера (1:7), отсутствию упора и наличию плоского черешка может датироваться в пределах всего 1-го тысячелетия н.э., до XI в. включительно. В Новгороде это тип 2 плоских черешковых наконечников из слоев X–XI столетий (Медведев, 1959. С. 164. Рис. 13, 9, 10; 1966. С. 73).

Наконечник с пером, близким ланцетовидной форме, с упором для древка, но намного меньших размеров в отличие от большинства подобных изделий (рис. 2, 6). Пропорции пера – 1:4. Аналогичное изделие происходит с городища Чёртово Городище, где относится к группе находок позднего этапа – IX – первой половине X в. (Прошкин, 2000. Рис. 31, 1).

Наконечник с пером клиновидной формы с прямыми сторонами и слегка вогнутыми плечиками, с упором для древка (рис. 2, 7). Пропор-

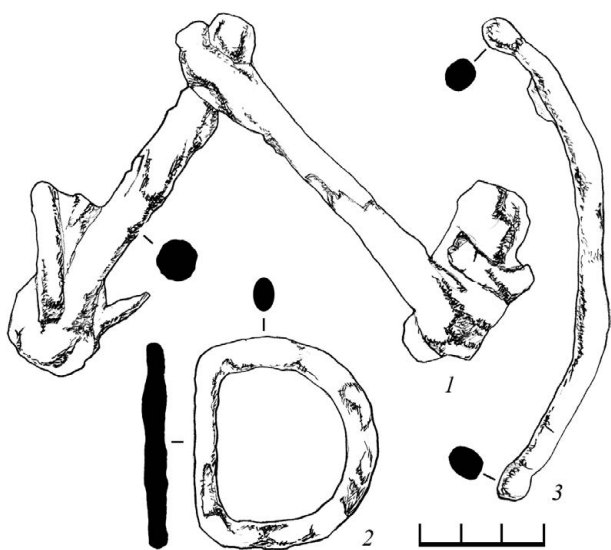

Рис. 4. Индивидуальные находки.
Городище Соборная Гора (Тульская обл., г. Чекалин)
1 – удила; 2 – подпружная пряжка; 3 – псалий.
1 – р. 4, № 50; 2 – р. 4, № 2; 3 – р. 5, № 128

ции пера – 1,0:2,6. Близок типу 44, варианту 2 по А.Ф. Медведеву и датируется им IX–XIV вв. (Медведев, 1966. С. 67). Такие наконечники найдены в ряде погребений X–XI вв. Веселовского могильника в Поветлужье (Никитина, 2012. С. 62–64. Рис. 20, 4; 77, 12).

Наконечник типа 33 с килевидным вытянутым пером и пропорциями 1:4 (рис. 2, 8) является характерным для древнерусского периода (Медведев, 1966. С. 63. Табл. 30, 29).

Предметы снаряжения всадника и коня

Включают такие находки из железа, как шпора, две петли от шпоры, удила, псалий и подпружная пряжка.

Большой интерес представляют шпора с обломанными концами для петель и две отдельно найденные петли (рис. 3). Шпора имеет подвижное звездчатое колесико из шести лучей и загнутый шип. По типологии А.Н. Кирпичникова – тип V. Шпоры данного типа с загнутым шипом (шип Г) исследователь относил к концу XI – XIII в. (Кирпичников, 1973. Рис. 37, 38. Табл. 21, 24). Две петли по А.Н. Кирпичникову относятся к типу 2 – двухпрорезные, а по А.Ф. Медведеву – к типам 2 и 3. Встречаются на шпорах XI–XIII вв. (Кирпичников, 1973. Табл. 25; Медведев, 1959. Рис. 21, 7; 23, 15).

Конские удила состоят из двух колец и двух подвижных звеньев (рис. 4, 1). Это самый распространенный в древнерусский период и позже

тип кольчатых удили. А.Н. Кирпичников относил их появление на Руси к IX–X вв. (Кирпичников, 1973. Рис. 53, 6; 57). По новгородской типологии это тип 1 (X–XV вв.) (Медведев, 1959. С. 185. Рис. 22, 5; 23, 3). Следует отметить тот факт, что отдельные находки подобных удили встречаются и в позднесредневековых напластованиях (Ульянова, 2008. С. 213. Рис. 6, 1). Однако большинство их характерно для более раннего времени. Примеры: славянский слой последней четверти X – первой трети XI в. городища Тимофеевка (бассейн р. Упы) (Григорьев, 2005. С. 141. Рис. 35, 3) и жертвенный комплекс 2 IX – начала XII в. могильника Нижняя Стрелка в Поветлужье (Никитина, 2012. С. 69. Рис. 195, 3). Список подобных примеров можно продолжить.

Дугообразный псалий с утолщениями на краях (рис. 4, 3) (петля не сохранилась) имеет аналогию из 22-го яруса Неревского раскопа Новгорода (XI в.) (Медведев, 1959. Рис. 23, 6).

С некоторой долей вероятности с данным периодом следует связать находку подпружной сегменто-рамчатой пряжки (рис. 4, 2). Исследователи снаряжения коня датировали такие изделия с XI до XIV в. (Колчин, 1959. Рис. 96, 9, 11; Кирпичников, 1973. Рис. 43, 9; Руденко, 2001. С. 124. Табл. II, 4–6).

Гарнитура поясного набора

К рассматриваемому периоду следует отнести поясную пряжку из цветного металла с рамкой подтреугольной формы и прямоугольным щитком (рис. 5, 1). По В.Б. Ковалевской это пряжки IV отдела 6-го типа с памятников VIII–IX вв. в Крыму, на Кавказе, в Поволжье и на Северском Донце, а также в Пермском крае (Ковалевская, 1979. С. 36–37. Табл. XVII, 12). Известны их находки в комплексах X в., а возможно, и чуть позже (Никитина, 2012. С. 62. Рис. 16, 11 и др.).

Детали костюма и украшения

В данную группу находок входят цепочка и бубенчик, выполненные из цветного металла.

Цепочка состоит из девяти эсвидных звеньев (рис. 5, 3). Аналогичные цепочки из разного числа звеньев являлись деталями шумящей части подвесок, в большинстве случаев финно-угорского облика. Наибольшее число их находок сосредоточено на севере и северо-востоке Руси, где они использовались с X по XII в. Найдены в погребении 5 (X в.) Веселовского могильника, в марийских могильниках X–XI вв. на арочных подвесках группы

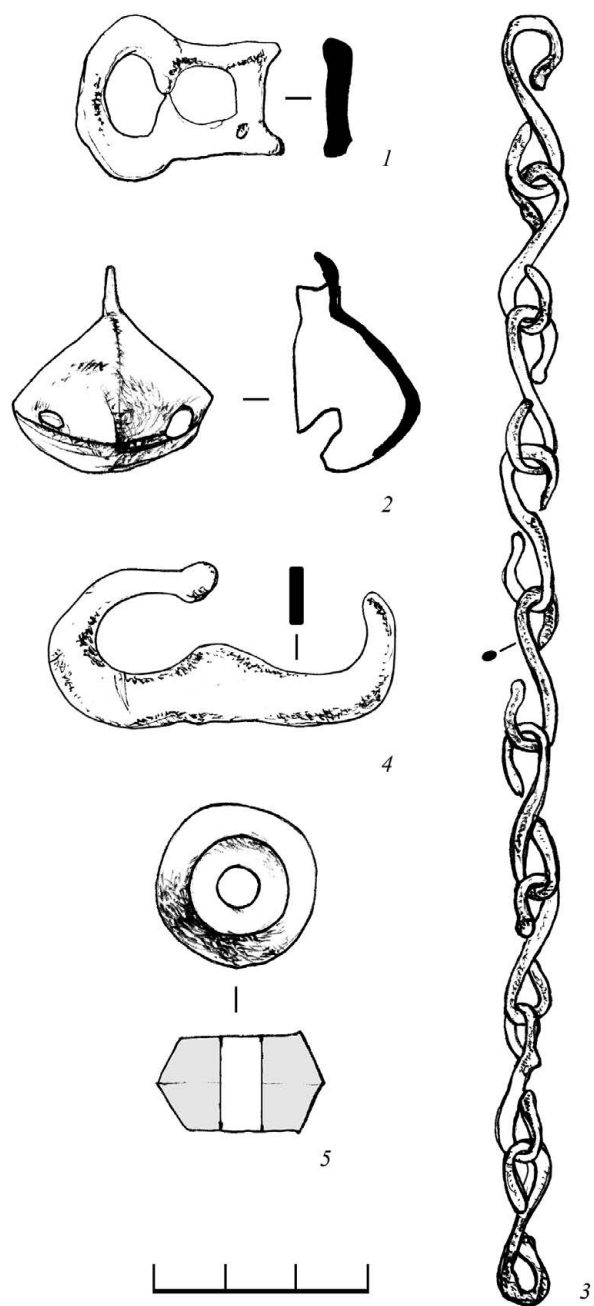

Рис. 5. Индивидуальные находки.

Городище Соборная Гора (Тульская обл., г. Чекалин)
 1 – поясная пряжка; 2 – привеска-бубенчик; 3 – цепочка;
 4 – кресало; 5 – пряслице. 1 – р. 4, № 75; 2 – раскоп 4, № 60;
 3 – р. 4, № 56; 4 – раскоп 5, № 139; 5 – р. 4, № 58

Г и других памятниках (Никитина, 2012. С. 62. Рис. 19, 2; Архипов, 1973. С. 27, 28. Рис. 23, 4).

Половинка привески-бубенчика грушевидной формы с крестовидной прорезью и косой насечкой в нижней половине (рис. 5, 2). Бубенчики могли использоваться не только как украшение (привеска, декоративная деталь костюма), но и в качестве пуговиц. Широко бытовали на территории Древней

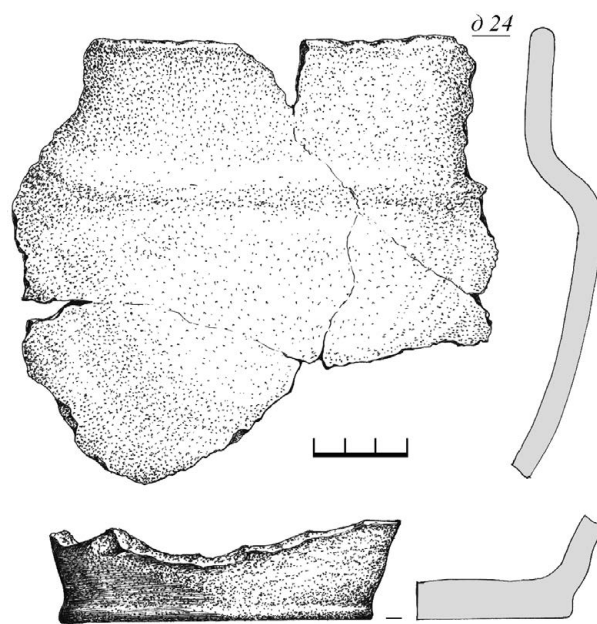

Рис. 6. Развал лепного сосуда из культурного слоя раскопа 7. Городище Соборная Гора (Тульская обл., г. Чекалин)

Руси в X–XII вв. (Седова, 1981. С. 156 и др.). В бассейне верхней Оки появляются в «построменский» период (XI в.) (Григорьев, 2005. Рис. 44, 7, 8).

Предметы быта

Также немногочисленная группа предметов: включает железное кресало и шиферное пряслице. Калачевидное кресало с язычком в середине ударного лезвия (рис. 5, 4) относится к раннему варианту первого типа кресал древнего Новгорода, датирующемуся X–XI вв. (Колчин, 1959. С. 99). В целом такие кресала широко бытовали до XII столетия включительно практически повсеместно на Руси. Их находки известны не только на поселениях, но и в погребальных комплексах (Успенская, 1993. С. 112. Рис. 21).

Пряслице битрапециoidalное с диаметром внутреннего канала 6 мм (рис. 5, 5). Шиферные пряслица повсеместно применялись как на Руси, так и за ее пределами в XII–XIV вв. (напр., см.: Розенфельдт, 1964).

Неотъемлемой частью быта рассматриваемого периода являлась глиняная посуда. С городища Соборная Гора происходит небольшая коллекция фрагментов лепных сосудов (не менее 18 экз.), в основном грубых красно-коричневоглиняных, с примесями шамота и дресвы в тесте. Развал такого сосуда имеет затертую поверхность, высокий прямой венчик и крутое, хорошо выраженное плечико (рис. 6). Наибольшее расширение приходится

на верхнюю треть сосуда. Вероятно, это часть горшка высоких пропорций. На Новотроицком городище это IV тип сосудов IX в. (*Ляпушкин*, 1958. Рис. 22, 3 и др.). Аналогичные по пропорциям, форме и технологии горшки найдены на Воргольском святилище, городищах Воротынцево, Подборки и др. памятниках (*Москаленко*, 1966. Рис. 4, 6; *Никольская*, 1981. Рис. 7; фонды КГМЗ). Относится к типу 1 сосудов с вертикальным горлом конца IX – начала X в. из Гнёздово (*Каменецкая*, 2019. С. 30. Рис. 14, 1). По морфологическим и технологическим признакам лепная керамика с городища в целом сближается с керамикой роменского облика IX–XI вв.

Развитая круговая керамика представлена небольшим числом фрагментов (не менее 60). Вся круговая керамика выполнена на гончарном круге на этапах РФК 5–7. Изготовлена методом вытягивания на ножном гончарном круге. С внутренней стороны стенок сосудов имеются следы рифления. Большинство обломков с гладкими стенками, без дополнительной обработки поверхности (не менее 40 экз.). Незначительное число (не менее 10 экз.) фрагментов имеет шероховатую и бугристую поверхность. По составу формовочных масс преобладающей является керамика с примесью песка и дресвы в тесте. Орнамент на стенках разный: в виде волны, линейный и штампованный.

Керамика окислительного обжига включает не менее 40 обломков с красно-коричневым и коричневым цветом поверхности и в большинстве случаев – излома. Керамика восстановительного обжига насчитывает не менее 10 фрагментов, имеющих серый цвет поверхности и излома.

Типология венчиков и верхних частей круговых сосудов, в данном случае играющих роль условных хроноиндикаторов, дается с учетом их технологических данных (состав формовочных масс, обработка поверхности), конструктивных схем и способа формовки края. В морфологическом отношении определяется ряд конструктивных схем венчиков сосудов, датируемых в пределах XI–XIII/XIV вв. По взаимосочетанию данных конструктивных схем со способами моделировки черного края на основании методики В.Ю. Коваля можно выделить ряд типов венчиков (рис. 7).

Тип 1. Вертикальные, с устьем в виде валика с внешней стороны (с валиками разных размеров и конфигураций). По классификации В.Ю. Коваля – тип 3/1. Южнорусские земли, Рязанщина, XIII–XIV вв. (*Коваль*, 2014. С. 540). Аналогии: Москва, Исторический пр-д, сруб 1, из углистого слоя середины – второй половины XIII в., яма № 3 второй половины XIII в. (*Чернов*, 1991. Табл. 31, 1001;

39, 2124); поселение Екатериновка 3, керамика типа III из слоя, поселение датируется по комплексу находок второй половиной XIII – второй половиной XIV в. (*Андреев*, 2018. С. 230. Рис. 20).

Тип 2. Вертикальные, с устьем в виде слабовыраженного валика с внешней и внутренней стороны. Близок типу VA (XI–XII вв.) домонгольской керамики Суздаля (*Лапишин*, 1992. Рис. 1).

Тип 3. Вертикальный, прямой, с заворотом черного края внутрь с небольшой площадкой перед валиком. По классификации В.Ю. Коваля – тип 8/1. Среднее Поочье, XIII в. (*Коваль*, 2014. С. 541). Аналогии: тип V древнерусской керамики Болгара XIV в. (*Полубояринова*, 1992. С. 132. Рис. 4); вторая хронологическая группа керамики конца XIII – первой половины XIV в. из Коломны (*Черкасов*, 2005. Рис. 8, 2); тип VIII керамики Переяславля Рязанского, где датируется XIII – первой половиной XIV в. (*Завьялов*, *Судаков*, 2017. С. 80. Рис. 8); Ростиславль Рязанский, из комплекса ямы № 715 XIII в. (*Коваль*, 2022. Рис. 3, 15); Тверской кремль, второй строительный период конца XII – первой трети XIII в. (*Сафарова*, *Кунгурцева*, 2019. Рис. 9, 7).

Тип 4. Отогнутый наружу, прямой, с завернутым внутрь и округлым (овальным) в сечении черновым краем. По классификации В.Ю. Коваля – тип 13/5. Древняя Русь (*Коваль*, 2014. С. 542). Аналогии: Москва, Исторический пр-д, яма 3, вторая половина XIII в., яма 12, XII – первая треть XIII в. (*Чернов*, 1991. Табл. 30, без №; 51, 3134 и др.).

Тип 5. Отогнутый наружу, прямой, с завернутым внутрь ограниченным краем и ребром на краю черного края. По классификации В.Ю. Коваля – тип 13/6. Древняя Русь (*Коваль*, 2014. С. 543). Аналогии: Балашиха, курган 8, первая половина XII в. (*Равдина*, 1991. Табл. 11, 4); Билятино, курган 41, XII в. (*Равдина*, 1991. Табл. 16, 1); Москва, Богоявленский монастырь, из слоя середины XIII в. – 1340 г. (*Беляев*, 1991. Табл. 22, 2); Новгород, разновидность венчиков подтипа 4 XI–XII вв. (*Олейников*, *Смирнова*, 1992. Рис. 7, 36); селище Болшево (верхняя Клязьма), из комплекса ямы 31 первой половины XII в. (*Чернов*, *Волков*, 2010. Рис. 3, 75); венчики мисковидных сосудов типа II (X–XI вв.) Смоленского Поднепровья (*Каменецкая*, 2019. С. 43–44. Рис. 9, 3).

Тип 6. Изогнутый, с округлым в сечении черновым краем, завернутым внутрь. По классификации В.Ю. Коваля – тип 23/2. Древняя Русь (*Коваль*, 2014. С. 544). Аналогии: Новгород, разновидность венчиков подтипа 5 XII–XIII вв. (*Олейников*, *Смирнова*, 1992. Рис. 14, 84); из слоя 3-го яруса оборонительных стен, сооруженных на рубеже XII–XIII вв. на Южном

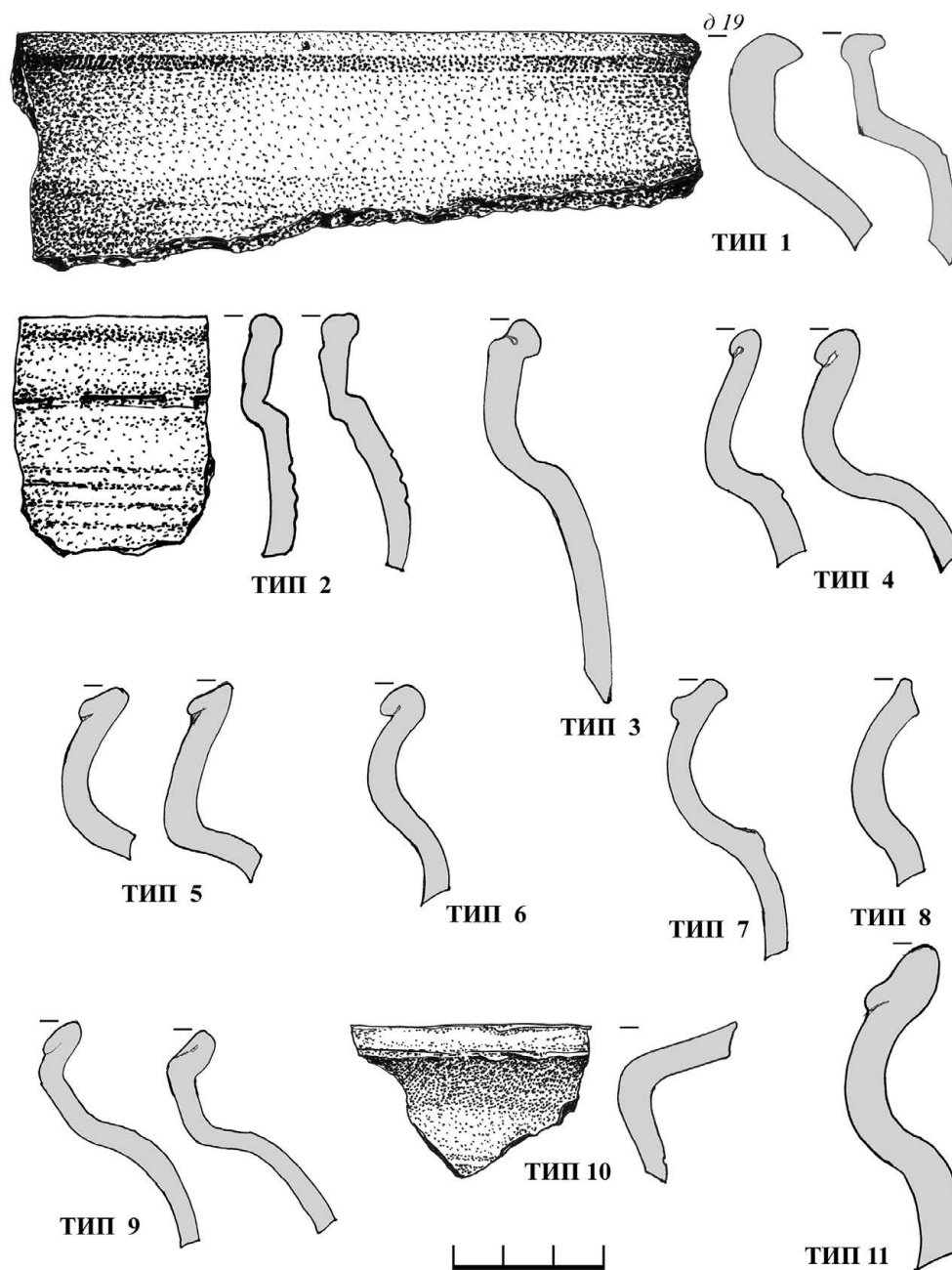

Рис. 7. Типы венчиков круговых сосудов. Городище Соборная Гора (Тульская обл., г. Чекалин)

городище Старой Рязани (Стрикалов, 2011. С. 126. Рис. 13, А); подтип IXA (XII–XIII вв.) керамических сосудов с Житного раскопа Переяславля Рязанского (Завьялов, Судаков, 2017. С. 81. Рис. 9, 2).

Тип 7. Изогнутый, с черновым краем, завернутым внутрь, с ребром на конце черного края. По классификации В.Ю. Ковалья – тип 23/4. Верхнее Поволжье, XII–XIV вв. (Коваль, 2014. С. 544). Аналогии: Новгород, культурный слой, разновидность венчиков подтипа 5 XI–XIII вв. (Олейников, Смирнова, 1992. Рис. 11, 63); Тверской кремль,

2–3-й строительные периоды конца XII–XIII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 10, 3, 4; 12, 1).

Тип 8. Изогнутый, с подогранкой на наружной стороне черного края, с вытянутым вверх черновым краем. Аналогии: Ржищевское городище (Киевская обл.), тип 15в конца XI – начала XII в. (Блажевич, 1992. Рис. 2. 8); Новгород, разновидность венчиков подтипа 5 второй половины X–XII в. (Олейников, Смирнова, 1992. Рис. 15, 90); венчики эсовидных круговых горшков типа IV XI–XII вв. в Смоленском Поднепровье (Каменецкая, 2019. С. 46. Рис. 24, 4).

Тип 9. С шейкой, наклоненной внутрь горшка, и устьем, резко отогнутым наружу, с уплощенным валиком черного края, завернутым внутрь. По классификации В.Ю. Ковалю – тип 28/1. Среднее Поочье, XIII в. (Коваль, 2014. С. 544). Аналогии: тип 7 древнерусской керамики Клецка (Беларусь) XII–XIII вв. (Поздняков, 1992. Рис. 2); Новгород, венчики подтипа 2, XII–XIII вв. (Олейников, Смирнова, 1992. Рис. 5); Смоленск, Набережная, раскоп 3, 10-й строительный горизонт конца XI – начала XII в. (Пронин, Соболев, 2020. Рис. 163, 1); Ростиславль Рязанский, комплекс ямы 52 второй половины XII в. (Коваль, 2004. Рис. 4, 2); Переяславль Рязанский, подтип IXГ (XII–XIII вв.) керамических сосудов с Житного раскопа (Завьялов, Судаков, 2017. С. 81. Рис. 10, 18–20).

Тип 10. Прямой, отогнутый наружу почти под 90 градусов, без деформации черного края, край косо срезан. Близок оформлению венчиков раннекруговых сосудов X–XI вв. Аналогии: городище Франополь (Беларусь), X–XI вв. (Иов, 1992. Рис. 4–6); тип I, вариант 2 слабопрофилированных сосудов Смоленского Поднепровья X в. (Каменецкая, 2019. С. 39, 40. Рис. 21, 1).

Тип 11. Изогнутый дугообразно, с черновым краем, завернутым внутрь, с выемкой по внешнему краю. По классификации В.Ю. Ковалю – тип 23/1г. XIII–XV вв. (Коваль, 2014. С. 543, 544). Аналогии: Тверской кремль, 1-й строительный период середины – второй половины XII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 8, 7).

Таким образом, выявленная в результате раскопок небольшая коллекция находок IX–XIII вв. свидетельствует о заселении данного места как в период славянского освоения земель Верхнего Поочья, так и в древнерусский период. Говорить о характере поселения с точки зрения оборонительных функций для того времени пока не представляется возможным.

На данном участке течения р. Оки от устья р. Упы на юге и до устья р. Вязки на севере имеется ряд памятников, синхронных по времени городищу Соборная Гора. Это городище и селище Песковатское, городище и селище в урочище Дуна, селище и курганный могильник Западная и курганный могильник Доброе. Более вероятно, что поселение в ранние периоды своего функционирования было связано с городищем и селищем в урочище Дуна, расположенном в 1,5 км к северо-востоку от Соборной Горы. На городище проводили исследования Н.В. Теплов и Ю.Г. Гендуне в конце XIX столетия, А.В. Воронцов в 2011 г. (Теплов, 1899; Гендуне, 1903; Воронцов, Столяров, 2016). На селище разведочные работы проводил Б.В. Грудинкин в 1990-х годах (Грудинкин, 1991). На городище и селище Дуна имеются материалы IX–XIII вв.

К IX – первой половине XI в. относятся такие находки, как кольцо-тройник, фрагменты бубенчика салтовского типа, литого круглого орнаментированного зеркала и другие предметы (Прошкин, 2013а. Рис. 12). Монеты представлены дирхемом чеканки 758–759 г. (Куфа) (Теплов, 1899. С. 19) и двух дирхемов чеканки 904–905 г. и 906–907 г. (Шаш, Самарканд) (Грудинкин, 1995. С. 7. Рис. 41, 1, 2). Последние два, по определению А.В. Фомина (ГИМ), являлись остатками клада 910–930-х годов. Керамика этого периода представлена обломками лепных и раннекруговых сосудов (Носов, 1974).

Ко второй половине XI–XIII в. относятся многочисленные находки предметов вооружения, украшений, предметов быта, включая фрагменты круговых сосудов (Гендуне, 1903. Табл. II, 1, 3, II; IV; Грудинкин, 1991). Вероятно, городище и селище Дуна являются остатками летописного пункта Девягорск, впервые упоминаемого под 1147 г. (ПСРЛ, 1962. Стб. 324; АРП, 1999. С. 187).

Литература

- АРП. Тульская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1999. 304 с.
- Андреев С.И., 2018. Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 209–235.
- Антонов А.В., 2013. Историко-археографические исследования: Россия XV – начала XVII века. М.: Древлехранилище. 713 с.
- Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд. 198 с.
- Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из собора Богоявленского монастыря // МК. М.: ИА РАН. С. 14–19.
- Блажевич Н.В., 1992. Керамика Ржищевского комплекса XI–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 21–35.
- Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2016. Городище Дуна // Россия как археологическое пространство. М.: ИА РАН. С. 134–135.

- Гендуне Ю. Г., 1903. Городище Дуна Лихвинского уезда, Калужской губернии. СПб.: Тип. А. П. Лопухина. 22 с.
- Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 207 с.
- Грудинкин Б. В., 1991. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 16860.
- Грудинкин Б. В., 1994. Отчет об археологических разведках и раскопках в Калужской и Тульской областях в 1994 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19010.
- Грудинкин Б. В., 1995. Отчет об археологических разведках в 1995 г. в Калужской и Тульской областях / Архив ИА РАН. Р-1. № 23183.
- Завьялов В. И., Судаков В. В., 2017. Стратиграфия и хронология Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 69–87.
- Иов О. В., 1992. Круговая керамика поселений IX–XI вв. западной части Белорусского Полесья // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 36–47.
- Каменецкая Е. В., 2019. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: КДУ, Университетская книга. 244 с.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. (САИ. Вып. Е1-36). 140 с.
- Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1-2). 58 с.
- Коваль В. Ю., 2004. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП. М.: ИА РАН. С. 54–88.
- Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–571.
- Коваль В. Ю., 2022. Необычное захоронение из Ростиславля // АП. Вып. 18. М.: ИА РАН. С. 68–79.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. С. 7–120.
- Латишин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 90–102.
- Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое. (МИА. № 74). 328 с.
- Медведев А. Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. № 65. С. 121–191.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1-36). 184 с.
- Миронова В. Г., 1979. Отчет о разведке в Валдайском р-не Новгородской обл. и разведке в Тульской обл. 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7494.
- Москаленко А. Н., 1966. Святилище на реке Воргол // СА. № 2. С. 203–209.
- Никитин А. В., 1949. Отчет о полевых исследованиях Засечной Черты в районе Тула – Лихвин – Крапивна – Одоев – Белев – Лихвин – Перемышль в 1949 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 325.
- Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Велужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань. 408 с.
- Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей. М.: Наука. 295 с.
- Носов Е. Н., 1974. Лепная керамика городища Дуна // КСИА. Вып. 140. С. 3–10.
- Олейников О. М., Смирнова Г. П., 1992. Хронология некоторых групп новгородской керамики X–XIII вв. // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 73–89.
- Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.; Варшава: Археографический центр, 1995. 152 с.
- Поздняков В. С., 1992. Развитие керамики древнерусского Клецка (X–XIII вв.) // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 48–60.
- Полубояринова М. Д., 1992. Древнерусская керамика Болгара // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН. С. 131–141.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2020. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН. 336 с.
- Прошкин О. Л., 2000. Отчет об археологических разведках и раскопках городища «Чертово Городище» в Калужской области. 2000 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23395.
- Прошкин О. Л., 2013а. Лепная и раннекруговая керамика как культурно-хронологический индикатор археологических памятников IX–XI веков северо-западной части Верхнего Поочья // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 69–90.
- Прошкин О. Л., 2013б. Предметы вооружения и конского снаряжения с Чертова Городища // КСИА. Вып. 228. С. 64–76.
- ПСРЛ. Т. 13. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. 533 с.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 1962 (репринт издания СПб., 1908). 938 стб.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // МК. М.: ИА РАН. С. 7–13.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М.: Наука, 1966. 616 с.

Розенфельдт Р. Л., 1964. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4. С. 220–223.

Руденко К. А., 2001. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Казань: Заман. 256 с.

Сафарова И. А., Кунгурцева С. А., 2019. Стекланные изделия и керамическая посуда из комплексов второй половины XII – начала XIV вв. (по материалам раскопа 22 в Тверском кремле) // ТТЗ. Вып. 12. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 63–99.

Седова М. В., 1971. Предметы вооружения из Ярополча Залесского // КСИА. Вып. 125. С. 87–94.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 193 с.

Стрикалов И. Ю., 2011. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 107–132.

Теплов Н. В., 1899. Городище «Дуна» близ г. Лихвина Калужской губернии // Изв. КУАК. № 1. С. 15–29.

Топографическое описание Калужского наместничества. Калуга: СерНа, 2016. 56 с.

Ульянова Т. В., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII вв.) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 195–221.

Успенская А. В., 1993. Березовецкий курганный могильник X–XIII вв. // Тр. ГИМ. Вып. 82. С. 79–135.

Черкасов В. В., 2005. Керамика Коломны второй половины XIII – первой половины XIV в. (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в золотоордынскую эпоху) // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 54–74.

Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // МК. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Чернов С. З., Волков И. В., 2010. Постройка первой половины XII века селища Болшево-3 на верхней Клязьме (яма 31) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 139–163.

Четыркин И. Д., 1899. Пробные раскопки Лихвинского городища 14 и 15 июля 1899 г. // Изв. КУАК. Вып. II. Калуга: Типолитография губ. правл. С. 18–19.

Шеков А. В., 2018. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII – середина XVI в. М.: Квадрига. 522 с.

Ширинский С. С., 1999. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Тр. ГИМ. Вып. 36. М.: ГИМ. С. 87–146.

O. L. Proshkin, E. I. Tereshchenko

Collection of finds of the Slavonic and Old Russian periods from the settlement Sobornaya Gora in Chekalin, Tula region

Summary

The article gives a brief overview of the finds of the 9th – 13th centuries from the hillfort “Sobornaya Gora”. It is located on the eastern outskirts of the city of Chekalin (Tula region) on the Oka River. In 2019, archaeological research was carried out at the hillfort in the areas of improvement and building of a model

of the fortress. As a result of excavations and observations, a large number of various finds were found from the Stone Age to the 19th century inclusive. Among them is a small collection of items (about 80) – weapon details, a belt and others dating back to the 9th – 13th centuries.

Археология средневековых русских городов

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-396-1.63-79>

Г. А. Шебанин

ЦАИ «Куликово поле», Тульская обл.

Летописный Неринск¹

Неринск упоминается в Ипатьевской летописи под 6655 (1147) г. в связи с событиями феодальной войны середины XII в.: «Сѣславъ же ѿтоуда възвратисѧ к Лобыньскоу и ѿтоуду иде къ Нериньскоу и перешедъ Гѣоу и ста» (ПСРЛ, 1908. Стб. 340). Далее летописный рассказ о походе князя Святослава Ольговича после известия о смерти Петра Ильича, «ѿца его (кн. Святослава Ольговича. – Г.Ш.) моужь», прерывается вставкой о поставлении «в то же лѣто» киевским князем Изяславом «митрополитом Клима» (ПСРЛ, 1908. Стб. 340, 341). После окончания вставки рассказ о движении Святослава Ольговича к Нереньску продолжается: «Сѣславъ же пришедъ ста оу Нериньска, и тогда придоша к нему сѧ ис Половецъ» (ПСРЛ, 1908. Стб. 341).

Еще в середине XIX в. К. А. Неволин и Н. И. Надеждин, комментируя работу М. П. Погодина, предполагали, что Неринск² мог находиться близ устья р. Нары, «там, где теперь Серпухов или возле» (Погодин, 1850. С. 226). И. П. Сахаров располагал Неринск у оз. Неринского в Каширском уезде (Сахаров, 1851. С. 16). Н. П. Барсов также считал, что «Неринск должен быть либо на Оке, где переправлялся Святослав, либо на в. (восточной. – Г.Ш.) стороне Оки, где он встал, уже переправившись. Может быть, близ устья Нары» (Барсов, 1865. С. 134). На левом берегу Оки, ниже Лобынска по течению, помещал Неринск и Б. А. Рыбаков (История культуры... 1948. Карта между с. 30, 31).

Эти локализации основаны на понимании историками текста летописного рассказа как то, что князь Святослав Ольгович, идя от Лобынска

к Неринску, перешел Оку и встал у него или пошел от Лобынска к Неринску, а потом перешел Оку и встал. Однако, как мы видим из разделенного вставкой, но, несомненно, единого сообщения Ипатьевской летописи: князь Святослав Ольгович, идя из Лобынска в Неринск, сначала переправился через Оку, где остановился из-за смерти Петра Ильича, а затем продолжил свой путь к Неринску и встал у него.

А. Н. Насонов, учитывая летописный текст, а также то, что «Святослав шел из Москвы в Лобынск, а из Лобынска к Неринску», предполагал, что «Неринск лежал выше Лобынска по Оке», на ее правом берегу (Насонов, 1951. С. 206). Более подробно вопрос о местонахождении Неринска рассмотрела Т. Н. Никольская в монографии, посвященной земле вятичей (Никольская, 1981. С. 136, 137). Она не согласилась с мнением Н. М. Карамзина, Н. С. Арцыбашева и А. В. Арциховского о том, что на основании Воскресенской летописи (ПСРЛ, 1856. Стб. 38) в тексте Ипатьевской летописи о движении князя Святослава Ольговича от Лобынска следует читать не «Неринск», а «Серенск» (Никольская, 1981. С. 137), хотя в более раннем исследовании соглашалась с ними (Никольская, 1972. С. 161, 162). Вместе с тем исследователь отметила, что вопрос о существовании Неринска будет оставаться открытым до находки городища, которое можно связать с ним (Никольская, 1981. С. 137). Вслед за А. Н. Насоновым Т. Н. Никольская обозначила район поиска городища правобережьем р. Оки, к югу от устья р. Протвы (Никольская, 1981. С. 136, 137, 146. Рис. 51). В монографическом исследовании о Черниговском княжестве

¹ Исследование подготовлено и представлено в виде доклада на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина, и опубликовано в виде тезисов (Шебанин, 2018. С. 127, 128). В настоящем сборнике исследование публикуется в дополненном виде.

² В написании названия этого города как в летописях, так и у современных авторов известны разные варианты: Неренск, Неринск, Нериньск. В данной работе автор избрал наиболее распространенное написание. – *Прим. ред.*

А. К. Зайцев располагал Неринск также на правом берегу Оки (Зайцев, 2009. С. 155). Здесь же историк отметил, что «Неренск в Ипатьевской летописи ясно указан на Оке» и его нельзя путать с Серенском (Зайцев, 2009. С. 166).

Ситуация с локализацией Неринска изменилась недавно, после выявления А. В. Дедуком ландкарты Алексинского уезда 1739–1740 гг.³ На карте изображены реки с основными притоками, границы станов уезда, указаны местоположения деревень, сел, мельниц и городищ. Анализ источника позволил соотнести некоторые из указанных на карте городищ с известными археологическими памятниками. Несколько городищ археологически известны не были. Одно из них располагалось в Вашанском стане, севернее д. Тяпкина и западнее д. Калединка на правом берегу реки – правого притока р. Вашаны (рис. 1). При изучении участка военно-топографической карты середины XIX в.⁴ в районе указанных деревень установлено, что приток р. Вашаны, на берегу которого указано городище, носит название Нериска (рис. 2). Учитывая, что бассейн этой реки располагается на правом берегу р. Оки, в 30–35 км к югу от устья р. Протвы, а название *Неринск* образовано от основы, совпадающей с основой названия реки – *нер-*, топониманта *инь-* с добавлением суффикса *-скъ-* (Нерознак, 1983. С. 120), гипотезу о локализации этого исторического топонима в указанном районе можно считать перспективной. Однако для ее обоснования необходимы историко-археологические исследования.

А. К. Зайцев, считавший локализацию «основой пространственной ориентации исследователя» (Зайцев, 2009. С. 206), указывал, что ее надежность обеспечивается применением комплексной методики, объединяющей несколько путей: 1) исторический; 2) топонимический; 3) археологический (Зайцев, 2009. С. 207). Первый этап исследований, проведенный историками и археологами во второй половине XIX–XX в., позволил определить возможное местонахождение Неринска на правом берегу р. Оки, южнее устья р. Протвы, и отметить, что следующие этапы исследований будут возможны только после находки городища, которое можно связать с этим историческим топонимом. В данной работе представлены результаты проведения таких исследований.

Топооснова *Нер-* достаточно распространена в бассейне р. Оки. Скорее всего, это название происходит от мордовского, эрзяцкого *Нерь* – дословно «рыло», «морда»; нос птицы, клюв; в географии – мыс (Мурзаев, 1984. С. 45). В специальном исследовании Г. П. Смолицкой, посвященном гидронимии бассейна Оки, отмечено 35 гидронимов с корнем *Нер-* (Смолицкая, 1976. С. 355). Эти гидронимы по географическому признаку можно разделить на 14 групп:

1) р. Нереж, р. Нериж, р. Нериж Сух., руч. Нережской, отв. Нережской – в бассейне р. Мизгея, правого притока р. Ока, в ее верхнем течении (Смолицкая, 1976. С. 76);

2) р. Нереста (Нериста), р. Нериста Сух. – в бассейне р. Вашана, правого притока р. Ока, восточнее г. Алексин Тульской обл. (Смолицкая, 1976. С. 137);

3) оз. Нерепское (Нерпетское, Неревское), прот. Неревской – в пойме р. Ока к востоку от г. Серпухов Московской обл. (Смолицкая, 1976. С. 141);

4) оз. Неревское – в пойме р. Ока у устья р. Солотча (Смолицкая, 1976. С. 124);

5) р. Нерсль, р. Нерль, р. Нерехта, р. Нераш, овра. Нердовской, оз. Нерское, оз. Неребужское – в бассейне р. Клязьмы, левого притока р. Ока (Смолицкая, 1976. С. 197, 208, 209, 213, 214, 221, 227);

6) р. Неревка, р. Нергаслей, оз. Неревец – в бассейне р. Мокши, правого притока р. Ока (Смолицкая, 1976. С. 257, 261, 262);

7) р. Нероча, р. Нерошенка, р. Неруч, р. Неручь, р. Нерошка, верх Нереевской (Нерпеевской) – в бассейне р. Угра, левого притока р. Ока (Смолицкая, 1976. С. 41, 42, 46);

8) р. Неручь (Неручьи) – в бассейне р. Зуша, правого притока в верховьях р. Ока (Смолицкая, 1976. С. 53);

9) оз. Неросовское – в пойме р. Ока между устьями рек Упа и Черепеть (Смолицкая, 1976. С. 131);

10) оз. Нерская – в бассейне р. Москва, левого притока р. Ока (Смолицкая, 1976. С. 110);

11) овра. Нерытной – в бассейне р. Листань, правого притока р. Ока (ниже устья рек Вожа и Трубеж) (Смолицкая, 1976. С. 166);

12) р. Неруш – правый приток р. Ока (ниже устья р. Проня) (Смолицкая, 1976. С. 187);

13) верх Нермуровская, отв. Нермуровской – притоки отв. Карабухина, правого притока р. Ока (ниже устья р. Пара) (Смолицкая, 1976. С. 230);

³ ОРБАН. Основное картографическое собрание. № 420. Автор благодарит А. В. Дедука за возможность ознакомиться с этим архивным источником.

⁴ РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 5279. Ч. 1. Л. 7.

Рис. 1. Фрагмент ландкарты Алексинского уезда 1739–1740 гг.
(Отд. рукописей БАН. Основное картографическое собрание. № 420)

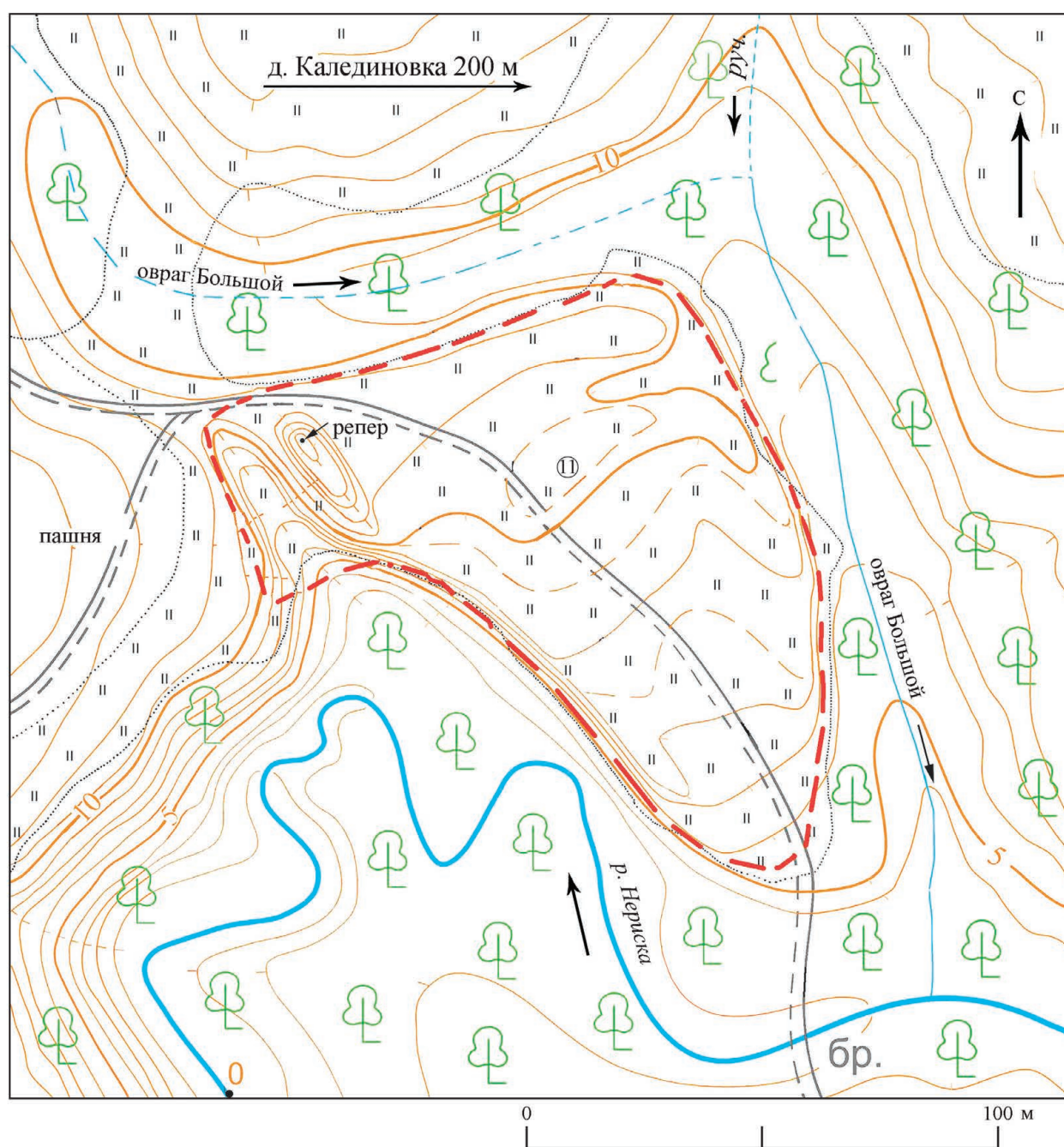

Рис. 3. Топографический план городища у д. Калединовки Заокского р-на Тульской обл.
Сечение горизонталей – 1 м

на участке р. Оки от Серпухова до Тешилова вызывает сомнение.

Группа гидронимов 2 располагается в бассейне р. Вашана – в 30 км южнее устья р. Протвы. До 2015 г. археологическое обследование этого участка (бассейна р. Нериска) не проводилось. Археологическими исследованиями 2015 г. (Брусенцов, 2015) в 200 м к западу от д. Калединовка Заокского р-на Тульской обл. выявлено городище на мысу,

образованном высоким правым берегом р. Нериска и правым берегом оврага Большой (рис. 3; 4). Склоны площадки городища эскарпированы. Река протекает у южного и юго-западного краев площадки городища, а овраг огибает ее с севера, северо-востока и востока. Площадка городища, вытянутая по линии северо-запад – юго-восток, имеет трапециевидную форму общей площадью 7650 кв. м (150 м по длинному основанию, 60 – по короткому

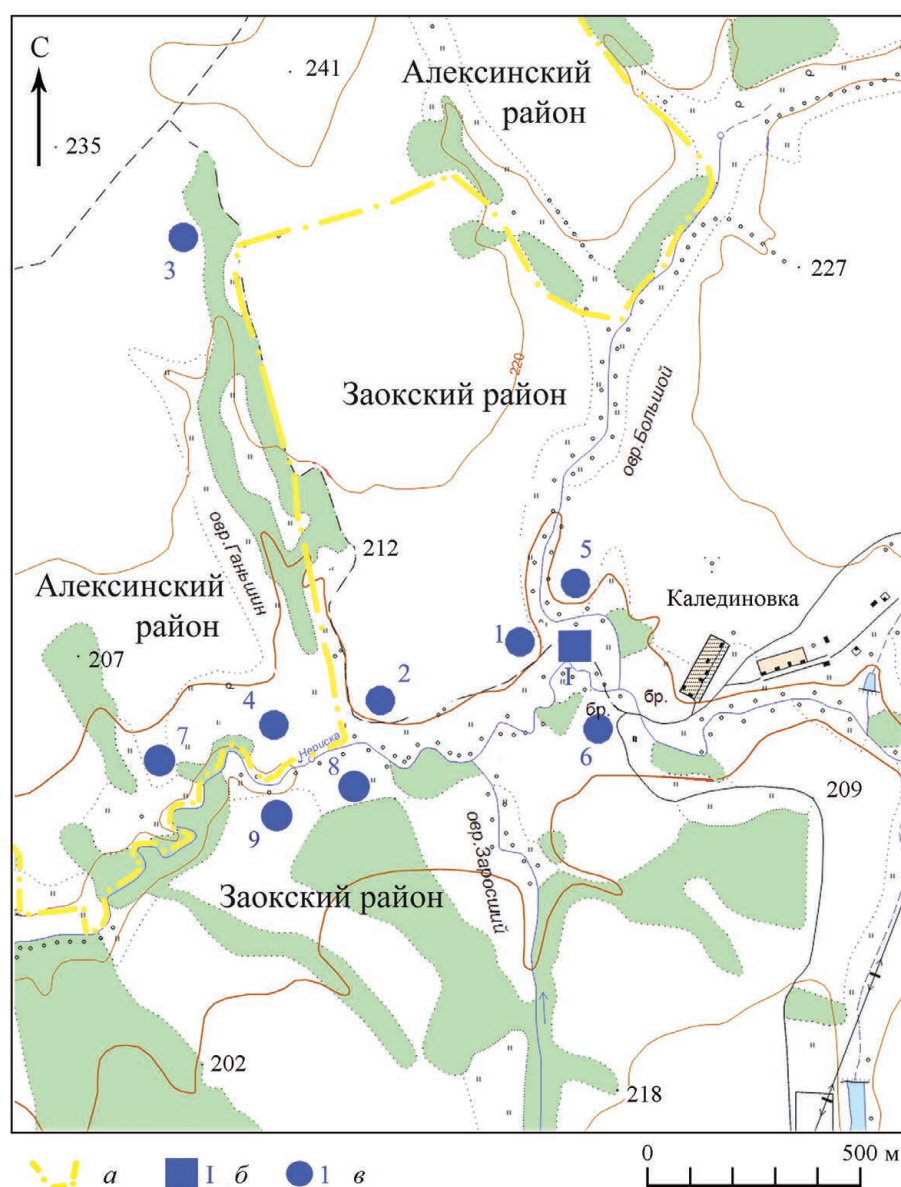

Рис. 4. Ситуационная карта-схема выявленных археологических памятников XI–XII вв. у д. Калединовка Заокского р-на Тульской обл.

a – граница современных районов; *б* – городище I; *в* – селища; 1 – селище 1; 2 – селище 2; 3 – селище 3; 4 – селище 4; 5 – селище 5; 6 – селище 6; 7 – селище 7; 8 – селище 9; 9 – селище 10

и в ширину до 70 м). Высота площадки городища над урезом воды Нериски – 5–12 м. Вал городища, имеющий крутые склоны, расположен на узком перешейке (до 40 м) коренного берега, образованного близко подходящими на этом участке правыми берегами р. Нериски и оврага Большой. Его ширина – 8–10 м, высота – до 4 м от подошвы. Он вытянут по линии северо-запад – юго-восток. К западу от вала располагается ров городища, вытянутый по той же линии, что и вал. Его глубина достигает 3–4 м от уровня основания вала. В своей северной части на протяжении 8 м вал и ров не сохранились.

Они были снивелированы до уровня подошвы вала с целью устройства здесь дороги для проезда сельхозтехники по площадке городища через брод на р. Нериска, у основания мыса. С этой же целью срыты культурный слой и часть материкового основания на мысовом участке городища. В центральной части городища по линии юго-запад – северо-восток прослеживаются остатки второго вала. В своей юго-западной части этот вал был снивелирован полностью, в центральной он достигает высоты до метра, в северо-восточной – до 0,5 м. Его ширина – 8–12 м (рис. 3; 5–7).

Рис. 5. Городище у д. Калединовка. Фото общего вида с северо-запада

Рис. 6. Городище у д. Калединовка. Площадка городища. Вид с запада

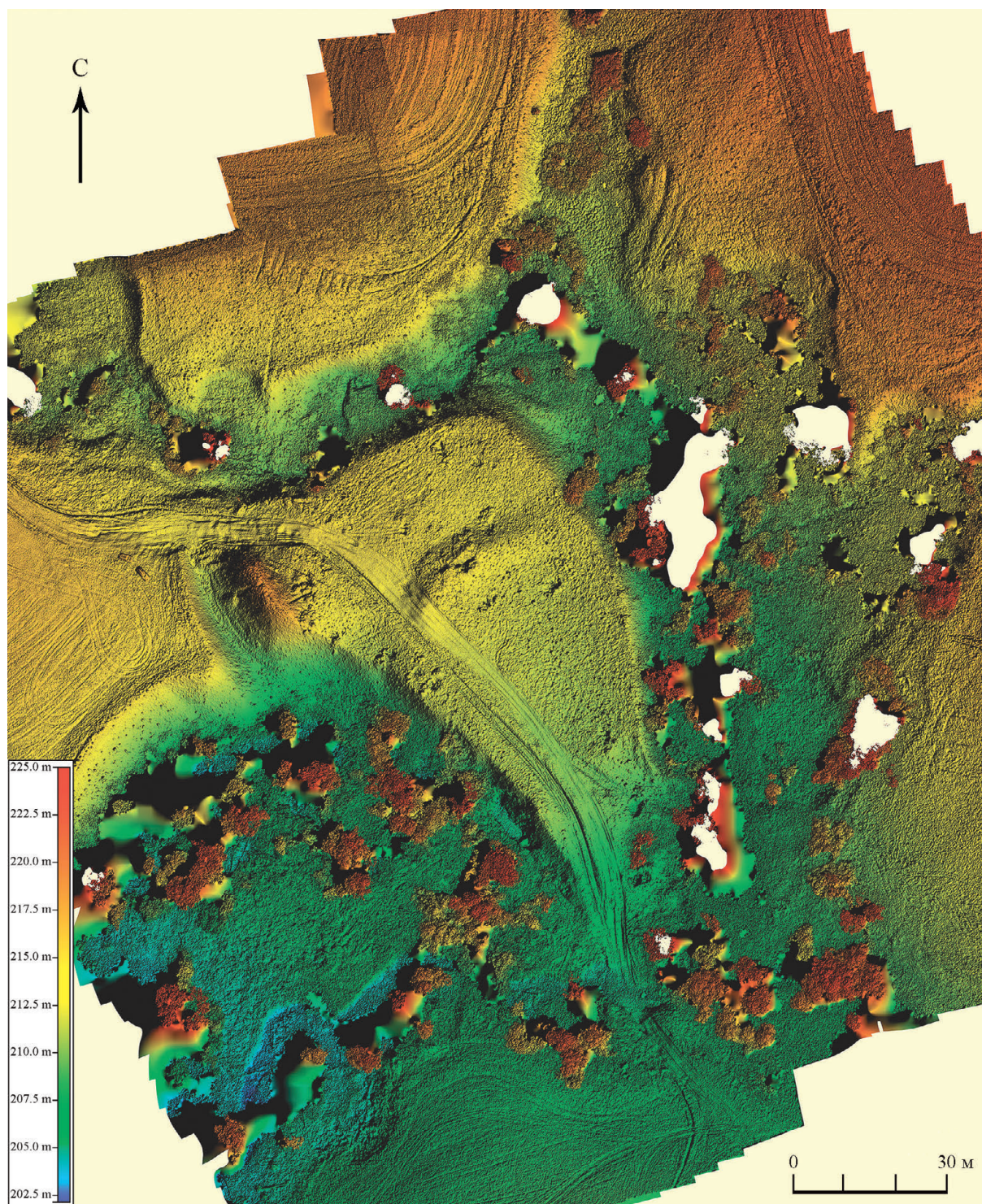

Рис. 7. Трехмерная компьютерная модель городища у д. Калединовка.
Съемка и обработка М. И. Жуковского

При осмотре городища в 2015 г. на его площадке выявлены многочисленные нарушения культурного слоя грабительскими ямами. Отвалы грабительских ям осмотрены и обследованы металлодетектором. Найдено 14 фрагментов

красно- и белоглиняной круговой керамической посуды с примесями мелкого и среднего песка (реже некрупной дресвы) в формовочных массах. Двенадцать обломков из них представлены стенками сосудов, из которых восемь несли на себе

следы орнаментации в виде параллельных горизонтально прочерченных или волнистых линий. Также в подъемном материале селища встречен фрагмент от дна сосуда на песчаной подсыпке и фрагмент отогнутого наружу с оттянутым и горизонтально обточенным краем венчика с орнаментом в виде волнистых линий, характерным для второй половины XI–XII в.

Также на площадке городища в разрытиях грабительских ям найдены два железных тесла (рис. 8), формы которых характерны для всего периода Средневековья (Древняя Русь, 1985. С. 256, 282. Табл. 98), железный топор (рис. 9) типа VI по А. Н. Кирпичникову, характерный для XI–XII вв. (Кирпичников, 1966. С. 36. Рис. 6). Также найдены одноставные железные удила (рис. 10, 1) и железный наконечник пахотного орудия (рис. 11). Железные удила находят аналогии в древностях восточноевропейских степей конца XI–XII в. (Степи Евразии... 1981. С. 215, 258. Табл. 82). Подобные удила встречаются и в домонгольских слоях древнерусских городов. Например, находка из постройки 3 усадьбы А раскопа 23 Северного городища Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 106, 12). Найденный на городище Калединовка железный наконечник пахотного орудия относится к типу широколопастных с плечиками, аналогии которого известны в слоях древнерусских поселений до XII в. (Древняя Русь, 1985. С. 222, 235. Табл. 83, 7). Кроме того, на площадке памятника найдены бронзовый бубенчик с линейной прорезью и тройным рельефным ободком (рис. 10, 3), датируемый в пределах конца XI–XIII в. (Седова, 1981. С. 156), а также фрагмент стеклянного браслета (рис. 10, 2). Среднекрученный браслет из прозрачного сине-зеленого стекла с декором в виде двух нитей перевитья (одна из красно-коричневого непрозрачного стекла, другая двуцветная из красно-коричневого и желтого непрозрачного стекла) имел диаметр 6 см. Судя по состоянию (наличие кракелюра) и цвету браслета, он изготовлен из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, основным центром производства которого был Киев⁵.

В 2016 г. городище изучено вторично (Аносов, 2016). При осмотре нарушений культурного слоя, выявленных в 2015 г., найдены еще 13 брошенных грабителями находок. Среди них металлургический шлак, фрагмент железного кольца, гвоздь, два черешковых железных ножа и железная поковка с петлей на конце. Также найден наконечник копья

Рис. 8. Железные тесла из подъемного материала с площадки городища у д. Калединовка

Рис. 9. Железный топор из подъемного материала с площадки городища у д. Калединовка

⁵ Автор благодарит Е. К. Столярову (МГУ) за описание и атрибуцию этого браслета.

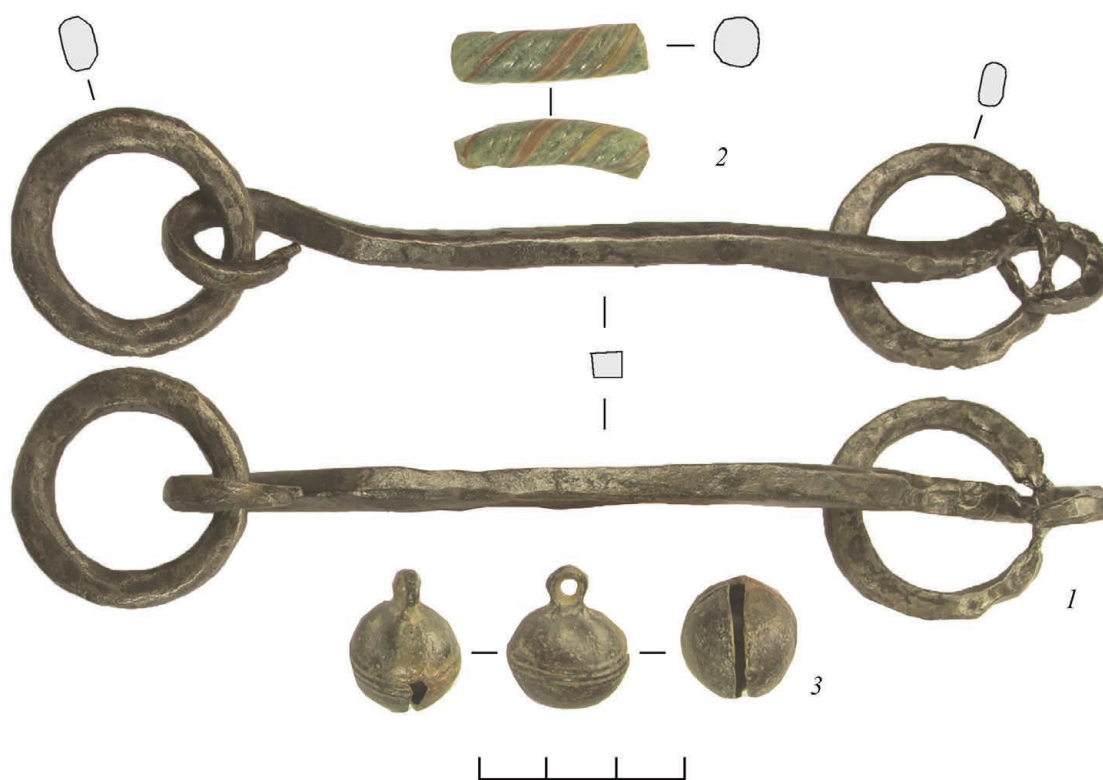

Рис. 10. Подъемный материал с площадки городища у д. Калединовка
1 – одноставные железные удила; 2 – фр-т стеклянного браслета; 3 – бронзовый бубенчик

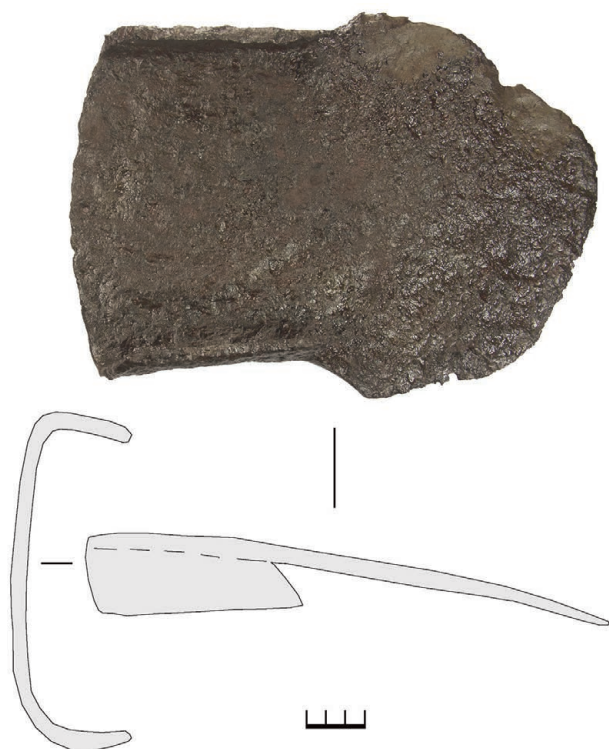

Рис. 11. Железный наконечник пахотного орудия.
Подъемный материал с площадки городища
у д. Калединовка

(рис. 12, 2) близкий к типу IV по А. Ф. Медведеву, характерному для XI–XII вв. (Древняя Русь, 1985. С. 309, 337. Табл. 125, 14; 126, 12). Кроме того, у отвалов грабительских ям найдены две железные сковороды, на внутренней стороне одной из которых сохранились прикипевшие к поверхности обгорелые зерна (рис. 12, 1, 3). Подобные сковороды известны среди находок как в северо-восточных, так и в южных древнерусских городах, датируются они широко – XI–XV вв. (Древняя Русь, 1997. С. 309, 337. Табл. 125, 14).

В 2017 г. городище осмотрено еще раз (Гоняный, 2017а; 2017б). В подъемном материале с осыпей на склонах городища найдены восемь фрагментов круговой керамической посуды: венчиков и стенок от красно- и белоглиняных сосудов с линейным и волнистым орнаментами и песком (редко песком и дресвой) в формовочных массах (рис. 13). Один слегка отогнутый наружу венчик имел косо обточенный край (рис. 13, 1), другой имел вертикально обточенный край таким образом, что получился «наплыв» (рис. 13, 2), третий имел загнутый вверх край (рис. 13, 6). Найденные образцы керамики находят аналогии в керамических комплексах региона – Тимофеевского (Григорьев, 2005. С. 128–132. Рис. 53–55) и Сорокина городищ

Рис. 12. Подъемный материал с площадки городища у д. Калединовка
1 – сковорода железная; 2 – копье железное; 3 – сковорода железная со следами обгоревших зерен

(Зацаринный, Екимов, 2005. С. 17–22). Эти комплексы датируются исследователями в рамках второй половины XI – первой половины XII в.

Также при осмотре площадки городища в отвале грабительской ямы обнаружены фрагмент медной оковки (фрагмент котла?) и развал кругового белоглиняного горшка (рис. 14) высотой 18 см, с диаметром венчика 17 см, диаметром дна 11 см. Прямой венчик сосуда цилиндрической формы имел загнутый внутрь край, образовавший овальный валик, который путем сжатия с двух сторон заострен вверх. Прямая шейка сосуда имела волнообразную поверхность, все три углубления которой орнаментированы глубоко прочерченной волнистой линией. Стенки горшка (плечи и верх тулова) орнаментированы четырьмя рядами вдавлений палочкой, а низ тулова – четырьмя широкими горизонтальными линиями. Дно сосуда, сформованного на песчаной подсыпке, имело клеймо в виде круга. Сосуды подобной формы известны среди керамических находок как региона (Григорьев, 2005. С. 131. Рис. 54, 15), так и за его пределами (Стрикалов, 2017. С. 144, 145. Рис. 7, 17–19; 9, группа II) и датируются XI – первой половиной XII в.

Кроме того, в 2017 г. на площадке городища раскопками исследованы участки культурного слоя на раскопе 1 площадью 32 кв. м и в шурфе 1 площадью 16 кв. м (Гоняный, 2017б). Публикация материалов этих исследований выходит за рамки настоящей статьи. Здесь приводятся только основные находки, позволяющие детализировать датировку памятника. К таким находкам относятся височные кольца, привеска-конек, бронзовый бубенчик с линейной прорезью и тройным рельефным ободком, аналогичный найденному бубенчику на площадке городища в 2015 г. (рис. 15, 3). Височных колец обнаружено три. Одно из них относится к типу простых семилопастных (рис. 15, 2), датируемых концом XI – рубежом XI–XII вв. (Равдина, 1968. С. 139). Другое, раннее семилопастное (с секировидными лопастями) без боковых колечек (рис. 15, 5), датируется первой половиной XII в. (Равдина, 1968. С. 140). Третье – семилопастное кольцо второго типа по Т.В. Равдиной (рис. 15, 1), датируемое исследователем второй половиной XI в. (Равдина, 1975. С. 4, 69). Подвеска-конек относится к наиболее распространенному первому варианту XIV типа (так называемого

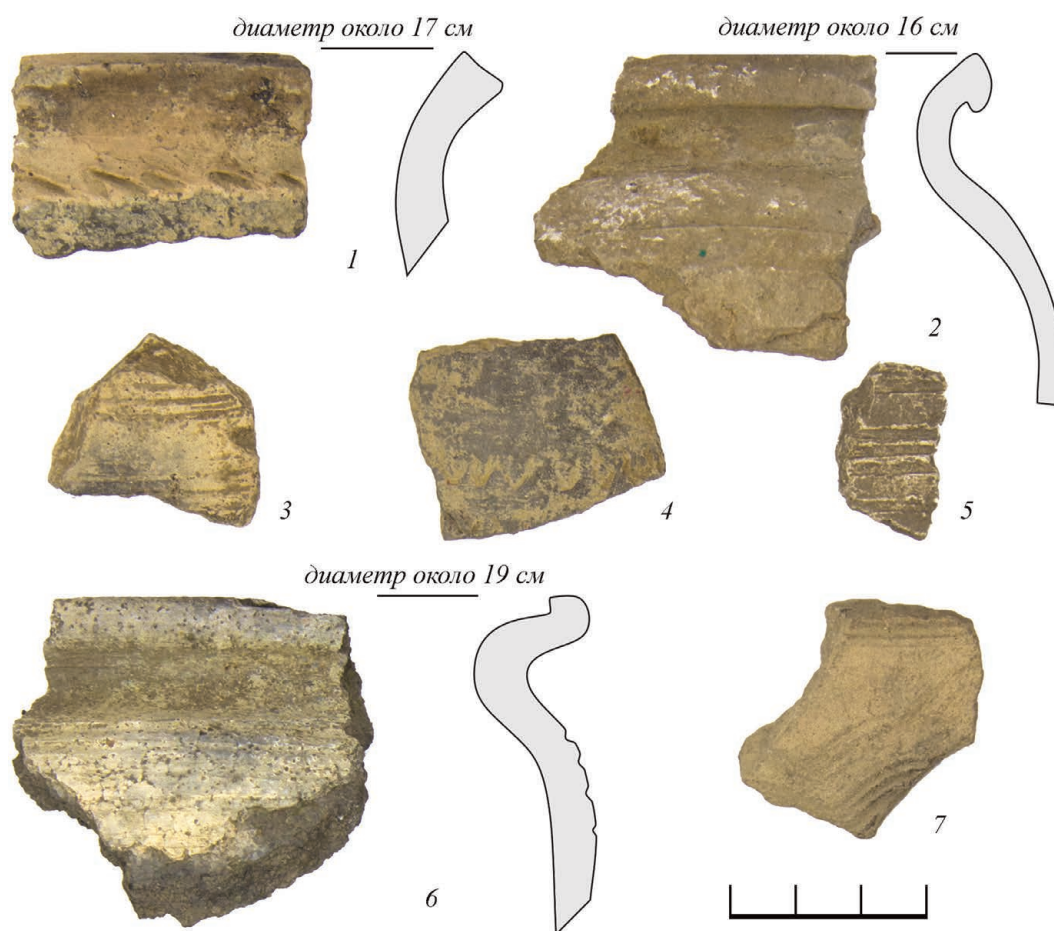

Рис. 13. Подъемный материал с площадки городища у д. Калединовка.
Фрагменты круговых сосудов

1–4, 6, 7 – красноглиняных с песком; 5 – белоглиняных с песком в формовочных массах

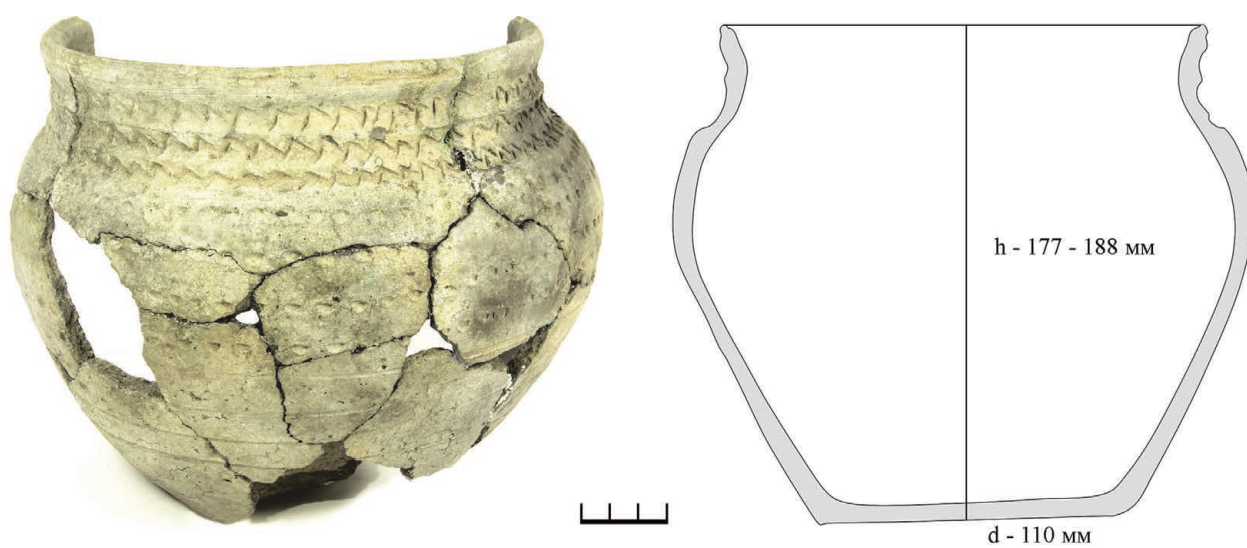

Рис. 14. Реконструкция развала кругового белоглиняного горшка с песком и дрсвой в формовочной массе. Подъемный материал с площадки городища у д. Калединовка

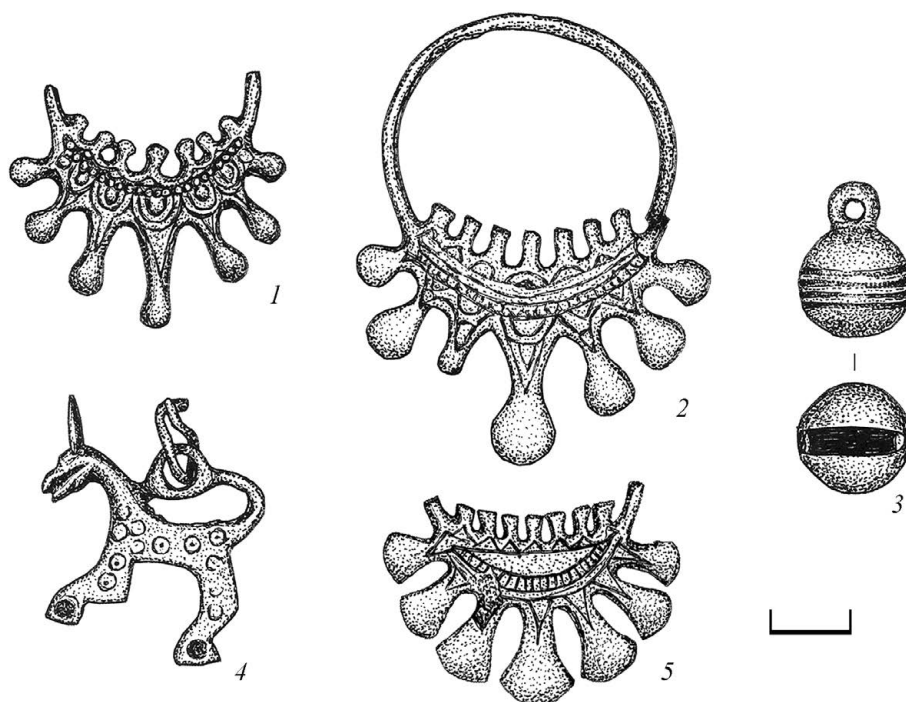

Рис. 15. Городище у д. Калединовка. Материал из раскопа 1 (1–4) и шурфа 1 (5) 2017 г.
1, 2, 5 – семилопастные височные кольца; 3 – бубенчик; 4 – амулет-подвеска «конек».
1–4 – бронза; 5 – белый металл

Рис. 16. Реконструкция кругового белоглиняного горшка из раскопа 1 2017 г.
(кв. А/10, основание пл. 3) из материалов городища у д. Калединовка

смоленского) зооморфных подвесок по Е. А. Рябину (рис. 15, 4) и датируется XI – первой половиной XII в. (Рябинин, 1981. С. 29, 109. Табл. 13). Из керамических изделий необходимо отметить находку, обнаруженную в слое пожара, среди камней, – развал кругового белоглиняного горшка

(рис. 16). Высота горшка – 188 мм, диаметр венчика – 172 мм, диаметр дна – 122–128 мм. Венчик сосуда слегка отогнут наружу, с вертикальным подрезом по краю и дополнительным косым подрезом по верху. Стенки сосуда (плечи и тулово) орнаментированы широкими горизонтальными линиями.

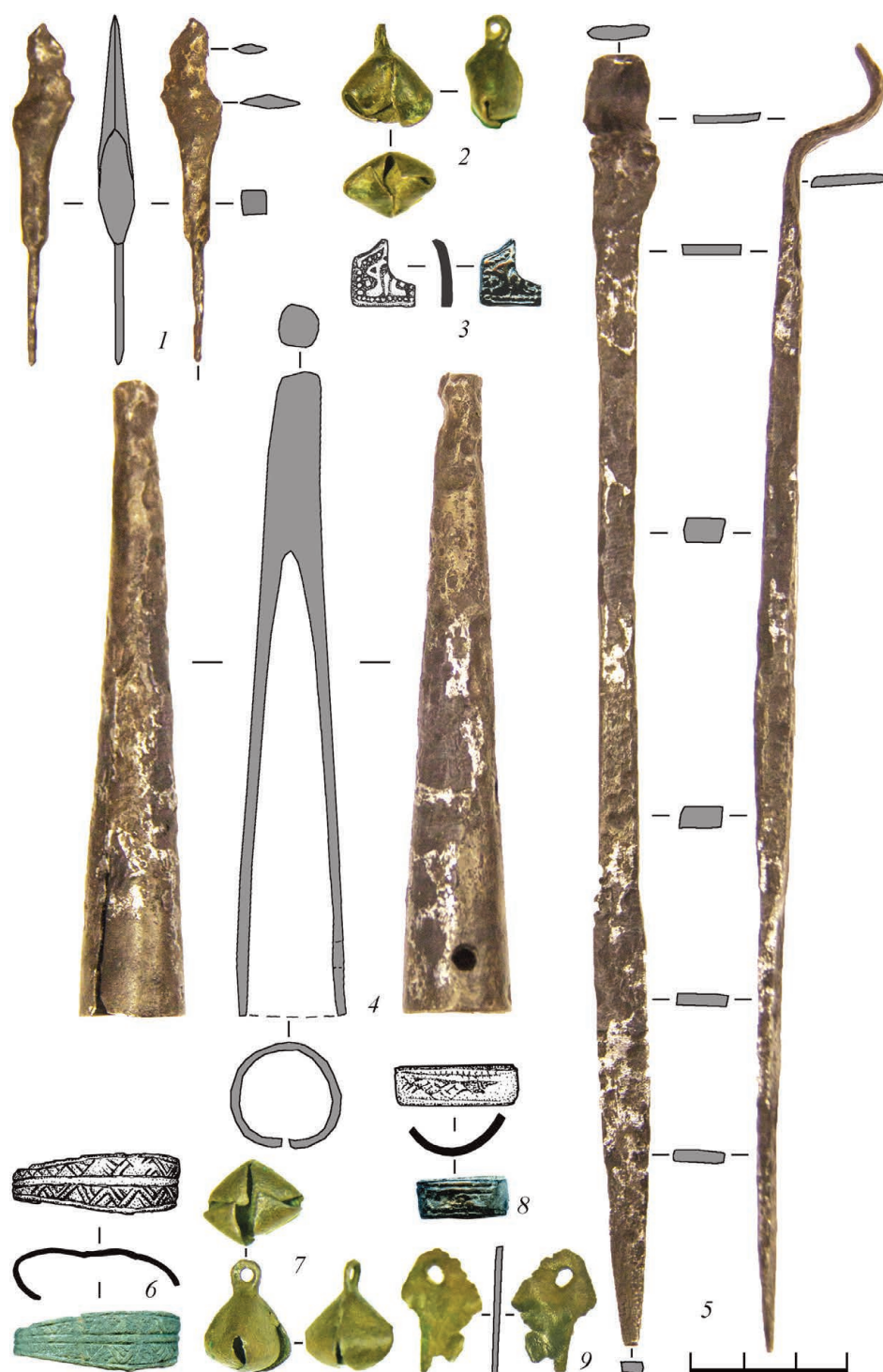

Рис. 17. Подъемный материал с площадки городища у д. Калединовка

1 – наконечник стрелы; 2, 7 – бубенчики крестопрорезные; 3 – фрагмент поясной накладки;
4 – втулка; 5 – резец для внутренней выточки; 6, 8 – фрагменты пластинчатых перстней;
9 – фрагмент пластины с отверстием. 1, 4, 5 – железо; 2, 3, 6–9 – цветной металл

Дно сосуда на песчаной подсыпке, клейма не имело. Сосуд находит аналогии в материалах раскопок ювелирной мастерской в Смоленске (Кренке и др., 2016. Рис. 5, с33), материал из которой авторы

датируют серединой – второй половиной XI в. (Кренке и др., 2016. С. 8, 19), и в керамическом материале из Старой Рязани первой половины XII в. (Стрикалов, 2008. Рис. 1, в).

Рис. 18. Железный сошник плуга из подъемного материала с площадки городища у д. Калединовка

В 2019 г. площадка городища осмотрена вновь, а также на осыпях эскарпированных склонов городища проведен поиск с использованием металлодетектора (Гоняный, 2019). Решение о проведении этих работ было принято после рассказа местного жителя о находках в 70-х годах XX в. на осыпях «обрывка кольчуги и наконечников копий». При осмотре площадки городища в колее старой грунтовой дороги обнаружен частично обнажившийся инструмент – железный резец для внутренней выточки (рис. 17, 5). Подобные резцы известны в слоях Новгорода и достаточно широко датируются X–XIV вв. (Колчин, 1959. С. 43). На осыпях северного и юго-западного склонов памятника найдены два крестопрорезных бубенчика из цветного металла (рис. 17, 2, 7). Подобные бубенчики датируются серединой X – серединой XII в. (Седова, 1981. С. 156). Там же найдены фрагмент пластинчатого широкосерединного перстня из цветного металла (рис. 17, 6) с широкой датировкой по аналогиям – от середины XI до начала XIV в. (Седова, 1981. С. 130, 131); втулка железная (от копья?) (рис. 17, 4); обломок пластины с отверстием из цветного металла (рис. 17, 9); фрагмент пятиугольной поясной накладки из цветного металла (рис. 17, 3), наиболее близкой к классу XXI, группам 1, 2 по В.В. Мурашевой, которые датируются XI–XII вв. (Мурашева, 2000. С. 43, 114); обломок узкопластинчатого перстня из цветного ме-

талла (рис. 17, 8) конца X – конца XIII в. (Седова, 1981. С. 131, 132); железный наконечник стрелы (рис. 17, 1) типа 52 по А.Ф. Медведеву (1966. С. 69, 70) и железный сошник плуга крупных размеров (рис. 18), характерный для южнорусских земель XII в. (Чернецов, 1976. С. 35; Древняя Русь, 1985. С. 222, 223; Моргунов, 2003. С. 103, 132).

Параллельно с исследовательскими работами на городище в бассейне р. Нериски, прилегающем к памятнику, проводились разведочные исследования. В результате археологических разведок 2015–2019 гг. вблизи городища найдены девять одновременных ему селищ. Три (общей площадью более 22 тыс. кв. м) примыкают к городищу, шесть (общей площадью более 43 тыс. кв. м) расположены на небольшом удалении от него (рис. 4). Материалы с этих памятников датируются исследователями XI–XII вв. (Брусенцов, 2015; Аносов, 2016; Володин, 2016; Гоняный, 2017а; 2019).

По результатам работ 2015–2019 гг., обнаруженным на площадке городища у д. Калединовка индивидуальным находкам и керамическому материалу его культурный слой в целом можно датировать XI–XII вв. Это позволяет, учитывая сведения исторических, архивных и гидронимических источников, считать достаточно убедительной локализацию летописного Неринска на комплексе археологических памятников у д. Калединовка Заокского р-на Тульской обл.

Литература

АКР. Московская область. Ч. 4. М.: ИА РАН, 1997. 352 с.

Аносов Д. В., 2016. Отчет о результатах археологических разведочных работ в бассейне р. Нериска на территории Заокского района Тульской области в 2016 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 53582.

Барсов Н. П., 1865. Материалы для историко-географического словаря России. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). Вильна: Тип. А. Сыркина. 220 с.

Брусенцов О. А., 2015. Отчет об археологических разведках на территории Алексинского, Воловского, Заокского, Киреевского и Узловского районов Тульской области в 2015 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 55311.

Володин Е. О., 2016. Отчет об археологических разведках на территории Алексинского и Щекинского районов Тульской области в 2016 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 54908.

Гоняный М. И., 2017а. Отчет о результатах археологических разведок на селище Устье 3, расположенном в Кимовском районе Тульской области, селище Долгое 1 в Данковском районе Липецкой области и на древнерусских памятниках в бассейне р. Нериска на территории Заокского, Алексинского районов Тульской области в 2017 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 57608.

Гоняный М. И., 2017б. Отчет о результатах археологических раскопок на городище у д. Калединовка Заокского района Тульской области в 2017 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 57609.

Гоняный М. И., 2019. Отчет о результатах археологических разведок у д. Калединовка и раскопок на городище у д. Калединовка в Заокском районе Тульской области в 2019 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 72182.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 207 с.

Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ. 450 с.

Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997. (Археология). 368 с.

Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. (Археология СССР). 431 с.

Зайцев А. К., 2009. Черниговское княжество X–XIII вв.: Избранные труды. М.: Квадрига. 226 с.

Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., 2005. Материалы домонгольского времени с Сорокина городища // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Калуга: Полиграф-Информ. С. 17–22.

История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. I. Материальная культура / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. А. Тихановой. М.; Л.: АН СССР, 1948. 484 с.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII веков. М.–Л. (САИ. Вып. Е1-36). 182 с.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–571.

Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология) // МИА № 65. М.: Изд. АН СССР. С. 7–120.

Кренке Н. А., Еришов И. Н., Муренцева Т. Ю., Хаврин С. В., 2016. Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 7–28.

Моргунов Ю. Ю., 2003. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. М.: Наука. 187 с.

Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ремешные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС. 2000. 136 с.

Мурзаев Э. М., 1984. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль. 653 с.

Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: АН СССР. 282 с.

Нерознак В. П., 1983. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 208 с.

Никольская Т. Н., 1972. К исторической географии земли вятичей // СА. № 4. С. 158–170.

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 296 с.

Погодин М. П., 1850. Исследования, замечания и лекции о русской истории: Период удельный: 1054–1204. Т. IV. М.: Университетская тип. 448 с.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 638 с.

ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1856. 345 с.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.

Равдина Т.В., 1975. Хронология вятических древностей Дисс. ... канд. ист. наук. / Архив ИА РАН. Р-2. № 2154.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. (САИ. Вып. Е1-60). 124 с.

Сарачев И.Г., 2000. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°. С. 225–242.

Сахаров И.П., 1851. Памятники Тульской губ. СПб.: Тип. Я. Трея. 60 с.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Смолицкая Г.П., 1976. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М.: Наука. 405 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 303 с.

Стрикалов И.Ю., 2008. Древнерусская колонизация Среднего Поочья в XI в. // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. 560 с.

Стрикалов И.Ю., 2017. Новые данные о керамике XI в. Старой Рязани // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой. М.: ИА РАН. С. 125–156.

Чернецов А.В., 1976. Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. Вып. 146. С. 32–36.

Шебанин Г.А., 2018. Летописный Неринск // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: МГУ. С. 127–128.

G.A. Shebanin

Chronicles of Nerensk

Summary

Nerinsk is mentioned in the Ipatiev Chronicle under 6655 (1147) in connection with the events of the mid-12th century feudal war. The article reveals the results of historical, toponymic and archaeological research in the region. The aim of the research was to localize this historical point. The annalistic sources analysis and the study of the Oka toponyms helped to determine the Nerensk localization in the Neriska basin – the right tribu-

tary of the Vashana. The archaeological study of the banks disclosed a settlement and nine sites of unfortified settlements located next to it, according to ceramic material and individual finds their cultural layer was dated back to the 11th century. The complex historical and archaeological research resulted in the localization of the annalistic Nerinsk at the complex of monuments near the Kaledinovka village of Zaoksky district, Tula region.

Б. Е. Янишевский, В. А. Зейфер
Институт археологии РАН, Москва

Овально-выпуклая фибула из Переславля-Залесского

В 2013 г. при охранных раскопках в кремле г. Переславля-Залесского по адресу ул. Советская, 33 (рис. 1) была найдена овально-выпуклая фибула. Предмет обнаружен в перемешанном слое, поэтому привязать его к какому-то комплексу невозможно.

Фибула из Переславля сохранилась довольно хорошо, она немного деформирована, однако это не повлияло на сохранность орнамента. Фибула представляет собой выпуклый овал, узкие края которого несколько заострены. По краю фибулы проходит гладкий ободок. Внешняя поверхность вся покрыта четким литым орнаментом, на обратной (вогнутой) стороне имеются ось-шарнир и приемник, отлитые вместе с фибулой, игла не сохранилась. Размеры фибулы (длина, ширина, высота изгиба) – 9,0×5,3×2,5 см (рис. 2).

Овально-выпуклые (черепаховидные, скорлупообразные) фибулы изначально являлись частью женского скандинавского костюма и носились парами на груди, соединяя бретели юбки. Между фибулами протягивалась цепочка, которая также могла разделяться круглой или трехлепестковой фибулой. Вместо цепочки между фибулами могло носиться ожерелье из бус (рис. 3, 1). Некоторые черепаховидные фибулы имели вторую фибулу, присоединенную к основной снизу, то есть носились уже четыре фибулы.

Типология овально-выпуклых фибул

Норвежский археолог Ян Петерссен в 1920-е годы разработал типологию овальных фибул, дополненную шведским коллегой И. Янссоном в 1985 г. По классификации Петерсена тип фибул, подобных переславской по орнаменту, имеет номер 48 (P48) (Pettersen, 1928. S. 55. Fig. 48). В Восточной Европе овально-выпуклые фибулы в основном известны в Латвии (на Даугаве и полу-

острове Курземе). Всего в Латвии найдено около 306 овальных фибул, однако только четыре из них похожи на тип P48. Эти фибулы найдены на территории племени ливов, в могильниках низовий Даугавы. Это настоящие фибулы, происходящие из Скандинавии, причем, как и положено по классическому обряду, они находятся в погребениях парами (Спиргис, 2009. Рис. 4, 4) (рис. 4, 1). Их отличают четкость выпуклого рисунка и узнаваемые элементы: в середине орнаментальной композиции, расположенной в верхней точке фибулы, находятся две детали, напоминающие изображение человеческих черепов (в литературе их также называют «зверьями»), соединенных нижними частями. Еще два «черепа» находятся по бокам от них, составляя с первой парой крестовую композицию. Боковые «черепа» находятся на «ножках», изогнутых в разные стороны от центральной композиции. По бокам от каждого из боковых «черепов» проходят по две «руки» с тремя «пальцами» на каждой; «руки» выходят из петель, составленных из трех линий каждая и расположенных в краевой части фибулы. Еще два «черепа», находящиеся в узких краях фибулы, имеют снизу элементы, делающие их похожими на кубки.

Фибулы типа P48 в могильнике Бирки не найдены. По мнению И. Янсона, они появляются уже после прекращения существования данного центра – после 980 г. (Спиргис, 2009. С. 19; Jansson, 1985. S. 175).

Около 1000 г. овальные фибулы в Скандинавии прекращают изготавливать и носить. Вместе с тем на восточном побережье Балтийского моря – в Карелии (в т. ч. финской) и в земле ливов (совр. Латвия) появляются местные подражания им (Спиргис, 2009. С. 37).

У овально-выпуклых фибул из Карелии и Финляндии хорошо прослеживаются скандинавские

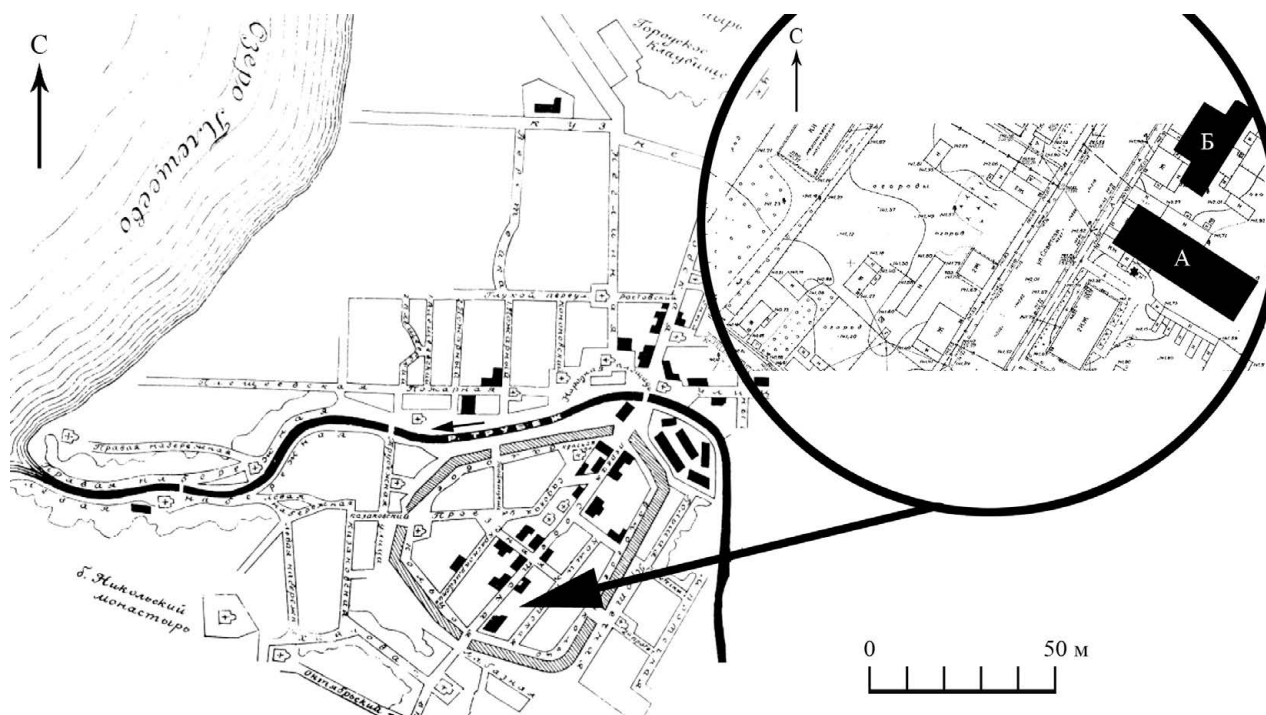

Рис. 1. План кремля г. Переславля-Залесского.
Стрелкой отмечено место находки фибулы (раскоп Б)

прототипы, в том числе и прототипы фибулы Р48. Юлиус Айлио на основе различий в орнаментации выделил 11 групп овально-выпуклых фибул, обозначив эти группы буквами от А до К. В настоящее время благодаря работам финских археологов количество типов овально-выпуклых фибул расширено, однако в Карелии найдены только типы, выделенные Ю. Айлио (Ailio, 1922; Сакса, 2010. С. 18). В отечественной литературе овально-выпуклые фибулы, рассмотренные Ю. Айлио, называют карельскими, в финской литературе – восточными, чтобы отличать эти фибулы от скандинавских. Фибулы, похожие на переславскую по орнаменту, Ю. Айлио отнес к типам С (зооморфные) и D (с растительным или акантовым орнаментом). Он же выделил среди фибул С две группы – С1 и С2, которые он считал разновозрастными из-за различий в орнаментах. В группе С2 (более молодой) декоративные мотивы становятся менее четкими, а кривизна овала уменьшается (становится приостренной) (Ailio, 1922. S. 20, 21).

Э. Линтури более детально рассмотрела в своих работах фибулы с зооморфным орнаментом. Ею выделены четыре различающиеся по деталям орнаментации и размерам группы фибул типа С (С1–С4). Разделение фибул на группы в ее исследованиях произведено на основе различий в орна-

ментации, а на подтипы – по различающимся деталям в орнаментации (Линтури, 1984. С. 148, 149).

Фибулы типа С характерны наличием в центре композиции четырех элементов, присутствующих на скандинавских фибулах Р48 – звериных морд или «черепов» с глазами. Боковые черепа опираются на изогнутую «ножку». Ножки составлены из трех выпуклых линий, изогнутых по отношению к верхней композиции к разным узким сторонам фибулы. Ближе к узким концам фибулы имеются (но не во всех типах) еще два подобных «черепа», обращенных нижними частями к узким краям фибул. На этом сходство с орнаментом скандинавских фибул Р48 заканчивается. На фибулах типа С по обеим сторонам ножки расположены от пяти до семи параллельных выпуклых линий, сохранившихся от линий на «руках», идущих к верхним «черепам» фибул Р48. Однако сами «руки» отсутствуют. Остальная поверхность фибулы покрыта растительным орнаментом из выпуклых и вогнутых линий, различающимся степенью проработанности элементов.

Анализ формы, размера и орнаментации овально-выпуклой фибулы из Переславля-Залесского позволил заключить, что она относится к группе С2 (по J. Ailio) и подгруппе С2/2 (по Э. Линтури). Главным признаком, позволяющим отнести

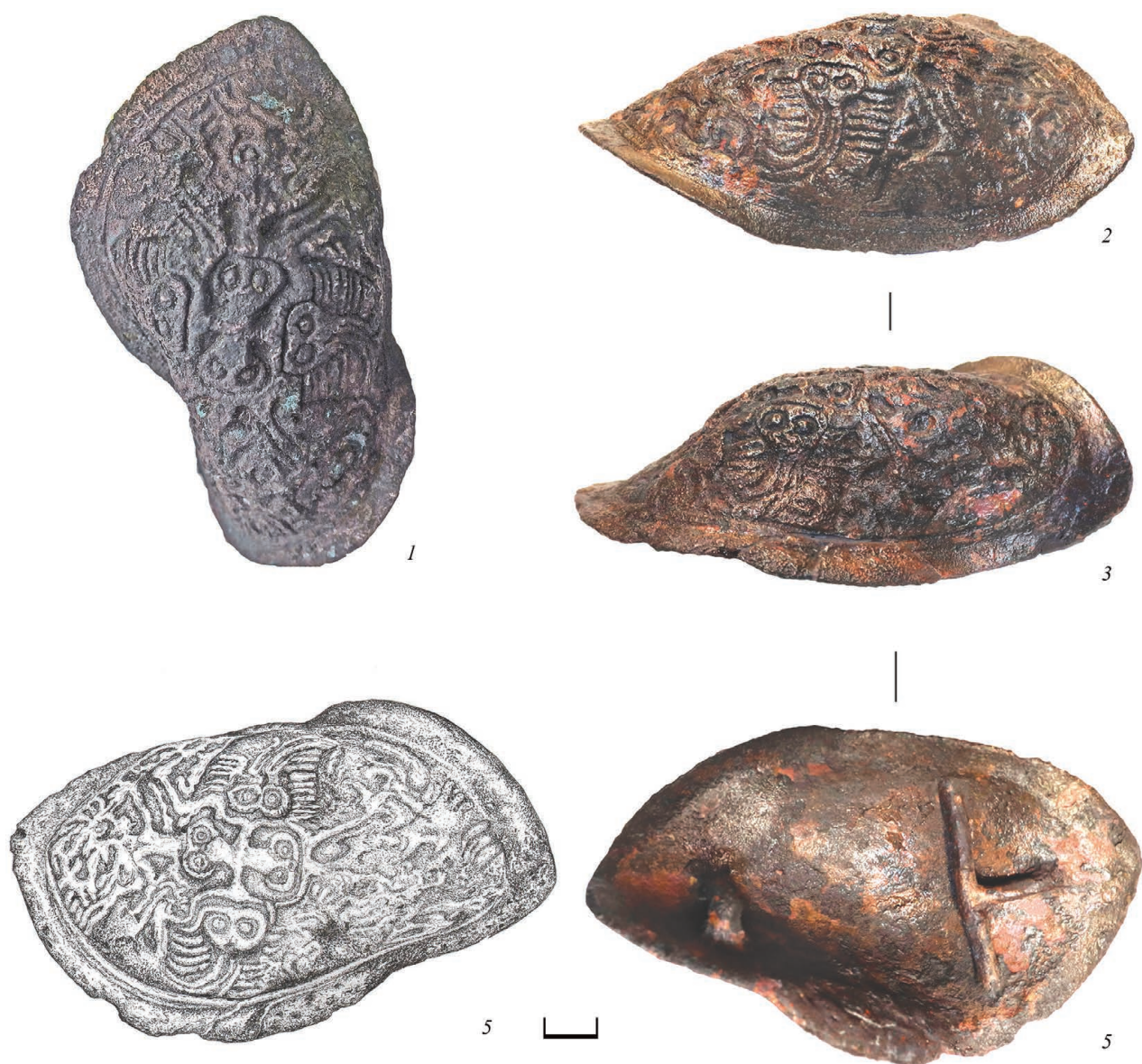

Рис. 2. Овально-выпуклая фибула из Переславля-Залесского
(фото и рисунок В. А. Зейфера)

переславскую фибулу к подгруппе C2/2, являются приостренные узкие части фибулы, а также форма центральных «черепов» – они имеют закругленную верхнюю часть (рис. 2; 4, 8).

На переславской фибуле орнамент, хотя и довольно хорошо проработанный с точки зрения рельефа, не отличается симметрией, линии орнамента беспорядочные. Мастер, по-видимому, не имел образца с четким орнаментом и додумал некоторые элементы. «Череп», расположенные на других фибулах группы С ближе к концам фибулы, на пере-

славской отсутствуют¹. Однако центральная композиция из четырех «черепов», являющаяся основным признаком типа, выполнена качественно. Имеются и ножки под боковыми «черепами», и параллельные линии по сторонам ножек.

Фибулы типа С1 находят в большей степени в области Хяме (Юго-Западная Финляндия), а фибулы С3 в основном на территории летописной Корелы. Фибулы группы С2 распространены как в Юго-Восточной Финляндии, так и в Приладожской Карелии (Линтури, 1984. С. 150, 151).

¹ На некоторых фибулах группы C2/2 также отсутствуют «череп» на узких концах фибул (рис. 3, 2).

Рис. 3. Овально-выпуклая фибула и способ ее ношения

1 – реконструкция способа использования черепаховидных (овально-выпуклых) фибул в скандинавском средневековом костюме (фото Б. Е. Янишевского); 2 – фибула подгруппы C2/2 из Кюлялахти (Карелия) (по: Бельский, 2012)

Фибул типа С (и примыкающего к ним типа D) в Финляндии и Карелии найдено 75 экземпляров. За пределами этой территории насчитывается девять (с переславской фибулой – 10) экземпляров (Сакса, 2010. С. 90) (рис. 4, 3–10). Наиболее близкая к Переславлю-Залесскому (и самая восточная) территориально находка фибулы группы С очень плохого качества происходит из Костромских курганов (у с. Пьянково, Костромской р-н – рис. 4, 14) (АКР, 1999. С. 107. № 70)². Фибула из Переславля является самой южной находкой среди овально-выпуклых фибул типов С и D.

Фибул, относящихся к группе С2 (подгруппы С2/1а, С2/1b, С2/2, С2/3а, С2/3b, С2/4), известно 44 экземпляра, с территории древней Карелии происходят 23. Это самый многочисленный подтип фибул типа С. В подгруппе С2/2 до 2013 г. было известно только три фибулы: из могильника Висулахти (район Миккели, Юго-Восточная Финляндия), с территории холма Калмистомяки (район д. Хийтола, Карелия), скорее всего происходящая из могильника Кюлялахти, и третья происходит из Швеции (из Экебю на о. Эланд, случайная находка) (Линтури, 1984. С. 151; Сакса, 2010. С. 92, Бельский, 2012. С. 20).

Датировка карельских фибул

Датировка фибулы из Переславля-Залесского по контексту невозможна. Но можно указать нижнюю дату для нижнего слоя самого города Переславля – середина XII в.

Ю. Айлио полагал, что тип С датируется серединой – концом 1100-х годов на том основании, что его орнамента близка декору скандинавских застежек 850–900 гг. и что они встречаются с монетой-подвеской Оттона III (995–1000 гг.) в погребении могильника Калвола (Кочкуркина, 1982. С. 104).

К. А. Нордман подверг сомнению вывод Ю. Айлио о прямой зависимости древнекарельских фибул от скандинавских, ибо он датировал фибулы и древнекарельскую культуру XII–XIII вв. (Nordman, 1924. Р. 148).

Э. Линтури, исследовав фибулы типов С и D, пришла к выводу, что период распространения этих типов фибул ограничен XI–XII вв., хотя некоторые группы могут датироваться XIII в. Фибулы типа D датированы ею второй половиной XII–XIII в.

Фибулы группы С2 датируются более поздним временем. Основанием для поздней даты являет-

ся находка парных фибул подгруппы С2/1а вместе с таллинскими брактеатами 1265–1346 гг. в могильнике Висулахти (район Миккели, Юго-Восточная Финляндия). Фибула подгруппы С2/2 (рис. 3, 2) найдена на территории могильника Кюлялахти Калмистомяки, который возникает не ранее рубежа XIII–XIV вв. (ориентировочно в 1290-е годы) и функционирует на протяжении приблизительно двух столетий, до конца XV в. Этот вывод подтверждается данными радиоуглеродного датирования. Например, в погребении 36/1886 могильника Миккели Туккала (Финляндия), датированном по ¹⁴С XIV в., найдены фибулы подгруппы С2/1а (Бельский, 2012. С. 183; 2013. С. 83, 84; Laakso, 2016. С. 225).

На поздние даты фибул этих типов указывают также находки их в городских слоях. К сожалению, в хорошо стратифицированных слоях Новгорода фибулы типа С не найдены. Но одна целая фибула и обломок второй найдены при раскопках крепости Орешек в постройках XIV и XV вв. В Кореле, основанной не ранее второй половины XIII в., также найдены две овально-выпуклые фибулы типа С в строительном горизонте 1310–1360 гг. (Кирпичников, 1979. С. 64; Кирпичников, Сакса, 2002. С. 141, 137, 138. Рис. 3, 2, 3).

Несколько слов о сюжете орнамента карельских фибул типа С и D. Их орнамент, как сказано выше, восходит к типу скандинавских фибул типа Р48. Орнамент этих фибул в литературе называется звериным или акантовым. Звериным он называется из-за центральных элементов, похожих на звериные морды, к которым идут «лапы». Акантовым орнамент называется по растительным элементам, расположенным в узких концах фибул.

Позволим себе предложить иную трактовку орнамента фибул Р48 (рис. 4, 1). Основные элементы – это шесть человеческих черепов, два центральных из которых поддерживаются четырьмя руками. Еще четыре – боковые и расположенные в узких частях фибул – это кубки, сделанные из черепов.

Из черепов
чаши он сделал,
вковал в серебро,
послал их Нидуду.

Старшая Эдда. Песнь о Вёланде
Пер. В. Тихомирова (Гербер, 2008. С. 165)

Такой сюжет – руки, держащие черепа и кубки из черепов, напоминает сцену пира в Вальхалле,

² По сведениям А. Н. Кирпичникова, полученным от Е. А. Рябина, в костромских курганах найдены две овально-выпуклые фибулы (Кирпичников, 1979. С. 66). Насколько нам известно, второй экземпляр фибулы нигде не опубликован.

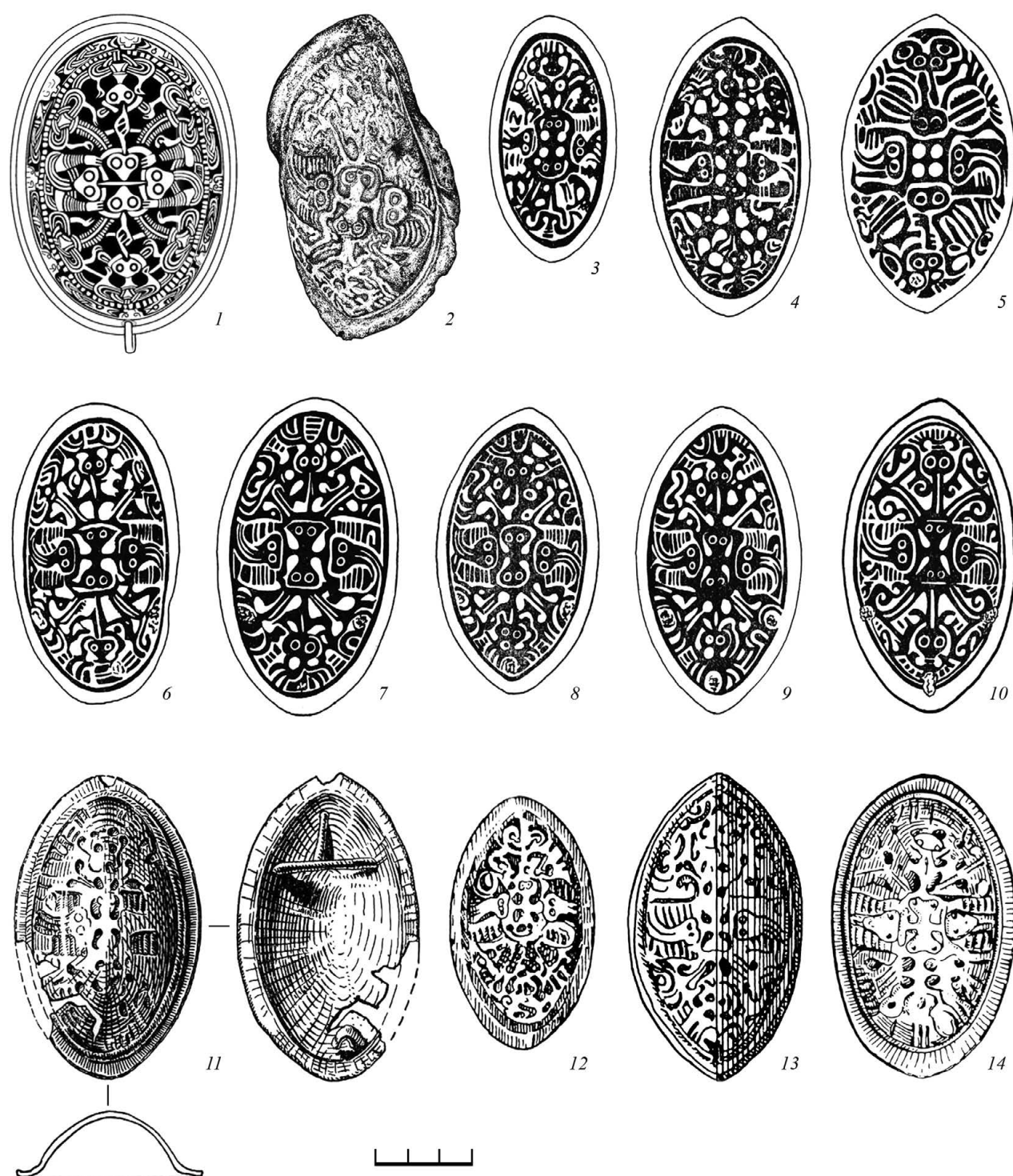

Рис. 4. Овально-выпуклые фибулы типов С и D – группы и примеры с территории Карелии и Руси
 1 – тип Р48 из Латвии; 2 – фибула из Переславля-Залесского; 3 – группа С1/2; 4 – группа С3; 5 – группа С4;
 6 – группа С2/4; 7 – группа С2/3а; 8 – подгруппа С2/2; 9 – С2/1а; 10 – тип D; 11 – городище Корела;
 12, 13 – городище Паасо; 14 – Костромские курганы (1 – по: Спиргис, 2009; 2 – рис. В.А. Зейфера;
 3–10 – по: Линтури, 1984; 11–13 – по: Кочуркина, 1982; 14 – по: Рябинин, 1997)

где павшие в бою и попавшие в вальхаллу воины пьют из кубков, сделанных из черепов убитых врагов. Поперечные линии на «руках» похожи на имитацию одежды, но никак не на шерсть животных.

Хермод и Браги говорили ему:
«Добро пожаловать, доблестный воин!
Богам ты известен отвагой,
Будь в Вальхалле гостем,
В зал скорей проходи
И кубок к губам поднеси!»
Оуэн Мередит (Гербер, 2008. С. 144)

Резюмируя, можно сказать, что овально-выпуклая фибула из Переславля-Залесского относится к типу карельских фибул типа С (по J. Ailio), подгруппы С2/2 (по Э. Линтури). В настоящее время фибулы ранних типов (С1) относят к XII в., составляющие же большинство находок типы (С2 и С3) датируются XII – рубежом XIII/XIV вв.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Литература

АКР. Костромская область. М.: Восточная литература, 1999. 368 с.

Бельский С. В., 2012. Могильник Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов). СПб.: Наука. 240 с.

Бельский С. В., 2013. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. (Хронология вещевых комплексов). Дисс. ... канд. ист. наук. Интернет-ресурс: https://www.academia.edu/11269724/ПОГРЕБАЛЬНЫЕ_ПАМЯТНИКИ_КАРЕЛЬСКОГО_ПЕРЕШЕЙКА_И_СЕВЕРНОГО_ПРИЛАДОЖЬЯ_XI_XV_ВВ_ХРОНОЛОГИЯ_ВЕЩЕВЫХ_КОМПЛЕКСОВ

Гербер Х., 2008. Мифы Северной Европы. М.: Центрполиграф. 346 с.

Кирпичников А. Н., 1979. Историко-археологические исследования древней Корелы. («Корельский город» XIV в. // Финно-угры и славяне. Л.: Наука. С. 52–73.

Кирпичников А. Н., Сакса А. Н., 2002. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 134–144.

Кочкуркина С. И., 1982. Древняя Корела. Л.: Наука. 216 с.

Линтури Э., 1984. Зооморфные овально-выпуклые фибулы Финляндии и Приладожской Каре-

лии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука. С. 148–155.

Рябинин Е. А. 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки // СПб.: СПбГУ. 260 с.

Сакса А. И., 2010. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. СПб.: Нестор-История. 341 с.

Спиреус Р., 2009. Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте северного пространства. От Средневековья до 40-х годов XX века. М.: ИВИ РАН. С. 11–50.

Ailio J., 1922. Karjalaiset soikeat kupurasoljet: katkelma Karjalan koristetyylin kehityshistoriasta. Helsinki: Finnish Antiquarian Society. (SMA. № 32 (3). 81 s.

Jansson I., 1985. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-Fynden. Uppsala: Uppsala University Institute of North European Archaeology. 119 s.

Laakso V., 2016. The Karelian Culture after the Crusade Period // New Sites, New Methods. Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. (Iskos. Vol. 21). S. 223–228.

Nordman C. A., 1924. Karelska järnåldersstudier // Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. № 34. Helsingfors – Helsinki: K. F. Puromies. (SMA. № 34 (3)). 200 s.

Peterssen J., 1928. Vikingetidens smykker. Stavanger: Dreyers grafiske anstalt. 222 s.

B. E. Yanishevskiy, V. A. Zeyfer

Oval-convex brooch from Pereslavl-Zalessky

Summary

The brooch was found in 2013 during archaeological excavations, but in a mixed layer. It has analogies among the “Karelian brooches”, which are dated by modern researchers in the interval from the 12th to the

turn of the 13th – 14th centuries.

A new interpretation of the images on the brooch is proposed as bowls made from the skulls of dead enemies.

Б. Е. Янишевский*, Д. Радичевич**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Белградский университет, Белград, Сербия*

Древнерусские витые провололочные браслеты с петлями на концах и их происхождение

Древнерусские витые провололочные браслеты – весьма распространенная категория вещей, их можно считать хроноиндикаторами XII–XIII вв. Находят их как на поселениях, так и в курганных и грунтовых могильниках, где они являются атрибутом женских погребений того времени. Витые браслеты встречаются от Эстонии до Среднего Поволжья (Ульяновская обл.) (Равдина, 1965. С. 123) и Болгара (Полякова, 1996. С. 179). Они изготавливались из проволоки на основе меди¹, сложенной два-три раза и перекрученной. Кроме того, бывают сложновитые и плетеные провололочные браслеты, являющиеся разновидностью витых. Витые браслеты различаются по способу оформления их концов: завязанные, щитковоконечные, тонкоконечные, петлеконечные и т. д. В данной статье речь пойдет о витых разомкнутых браслетах с концами, свернутыми в петли (петлеконечных).

Витые петлеконечные браслеты, выполненные из медной проволоки, – наиболее распространенный вариант данного вида украшений на территории Древней Руси. В некоторых районах (бассейны рек Верхней Оки, Москвы и Клязьмы) они составляют долю свыше 50% среди браслетов всех типов (Леваиёва, 1967. С. 216, 222). Толщина проволоки составляет 2,0–2,2 мм. Чаще всего проволока сложена втрое, браслеты имеют петлевидные концы, в петлях один конец, или спирально загнут по форме петли, или прямой (обрезанный), расположенный посередине петли. Браслет проковывался с внутренней стороны, а концы расплющивались. Завершения браслетов имеют некоторые различия: петли могут быть более округлыми, а сво-

бодный конец проволоки внутри петли может быть прямым (обрезанным) или согнутым в спираль (рис. 1).

Исследования, касающиеся так или иначе медных провололочных браслетов на территории Древней Руси, делятся на публикации, посвященные браслетам как отдельной категории украшений, и публикации, в которых исследуется состав металла, в том числе провололочных браслетов. Кроме того, существует огромный массив литературы – публикации, посвященные результатам раскопок поселений и могильников, где находили древнерусские украшения. Последний массив мы рассматривать не будем из-за его объема, за исключением работ, описывающих те или иные памятники, упоминаемые в тексте.

Литература, посвященная специально браслетам, в том числе провололочным, немногочисленна. Первая специальная работа, где выполнена подробная типология браслетов (в числе других категорий украшений), опубликована в 1930 г. (Арциховский, 1930. С. 10–14). Автор считал, что провололочные витые браслеты являются характерной частью женского костюма летописного племени вятичей.

Основные типы витых браслетов перечислены в книге «История культуры Древней Руси» (1951. С. 99. Рис. 61). Исследование, посвященное собственно браслетам, в том числе и провололочным, принадлежит В. П. Леваиёвой. Опираясь на работу А. В. Арциховского, она составила подробную типологию древнерусских браслетов, основанную на изучении большого количества предметов

¹ Провололочные браслеты из проволоки, сделанной на основе других металлов, не являются предметом рассмотрения данной статьи. Под словом «медный» для краткости мы подразумеваем все категории сплавов на основе меди, а также чистую медь.

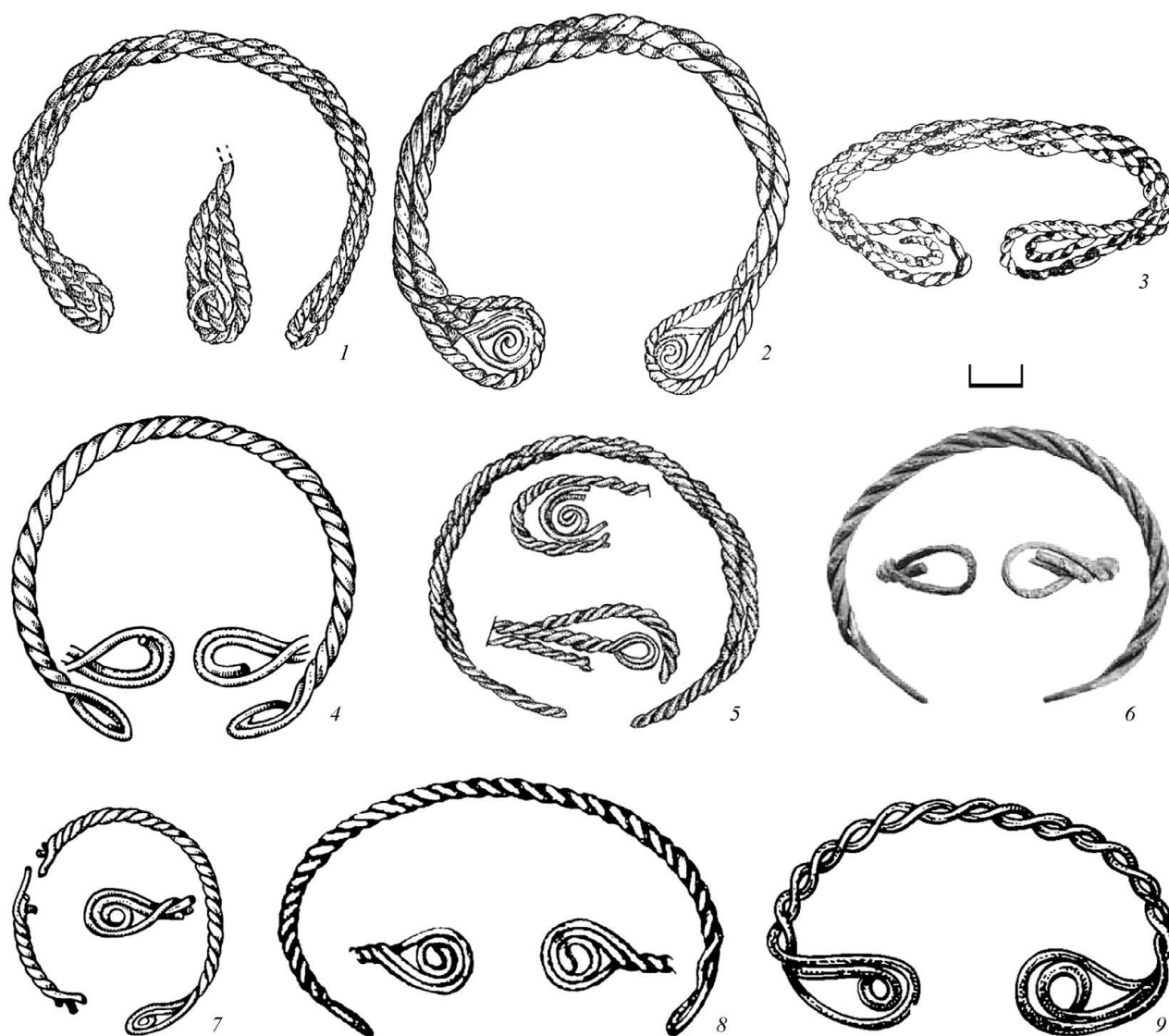

Рис. 1. Древнерусские медные проволочные браслеты

1 – Серенск (по: Никольская, 1981. Рис. 84, 17); 2 – Гочево (по: Седов, 1982. Таб. XXXVI, 8); 3 – Костромские кург. (по: Седов, 1982. Таб. LIX, 27); 4 – Слободка (по: Зайцева, Сарычева, 2011. Рис. 108, 14); 5 – Бельково (по: Недошивина, 2014. Рис. 11, 7); 6 – Мякинино (по: Сарачева, 2017. Рис. 175, 3); 7 – Слободка (по: Зайцева, Сарычева, 2011. Рис. 108, 18); 8 – Кузьмино 1а (по: Шполянский, 2009. Рис. 2, 38); 9 – Санкт-Петербургские кург., раскопки Л.К. Иванова (по: Седова, 1997. Таб. 57, 19). 1, 4, 5, 7 – р-н 24 (№ р-нов здесь и далее – см. подп. к рис. 2); 2 – Курская обл.; 3 – р-н 14; 6, 8 – р-н 16б; 9 – р-н 4

в коллекциях ГИМ. Учтено 1128 витых проволочных браслетов из могильников. Выделены способы завершения концов витых браслетов, определены простые витые и сложновитые, распределенные по районам (бассейнам рек) (Левашёва, 1967. С. 207–247).

В монографии В.В. Седова (1982) рассмотрены древнерусские украшения по племенным «наборам», при этом витые браслеты включены в набор украшений вятичей. Украшения летописных вятичей занималась Т.Н. Никольская. При

раскопках небольшого древнерусского города Серенска она исследовала мастерские по обработке меди (Никольская, 1968; 1981). Там же найдено наибольшее после Новгорода количество обломков проволочных браслетов.

Ю.М. Лесман разработал собственную типологию древнерусских украшений, несколько более усложненную по сравнению с типологией В.П. Левашёвой (Лесман, 1990. С. 40–45). Он же уточнил датировку всех типов браслетов, найденных при раскопках в Новгороде, на основании датировки

по ярусам. Разные категории древнерусских украшений в составе женского костюма, в частности украшения рук, исследовала Н. В. Жилина (2019).

Промежуточное положение между работами о типологии древнерусских украшений и работами о технологии их производства занимают монографии Н. В. Рындиной (1963) и М. В. Седовой (1981). В них исследована технология производства проволоочных браслетов, акцент сделан на ювелирных изделиях, найденных в Новгороде. Рассмотрены не только все типы проволоочных браслетов, их датировка по ярусам новгородских раскопов и количество в каждом ярусе, но также приводится состав медного сырья для изделий. М. В. Седова на основании состава металла браслетов, найденных на Северо-Западе (в основном в Водской пятине Новгородской земли), связала производство проволоочных браслетов с новгородскими мастерскими, откуда они расходились по всей Новгородской земле и, возможно, по Верхней Волге. Источником медного сырья автор считала Скандинавию.

В 1970-е годы А. А. Коновалов, основываясь прежде всего на огромном новгородском материале, но используя и украшения из других районов Древней Руси, впервые на большой выборке образцов проанализировал количественный состав примесей к меди в древнерусских украшениях (Коновалов, 2008, С. 8–106). Его коллеги продолжили эту работу и опубликовали результаты (Енисосова, Митоян, Сарачева, 2008). Они предложили и источники поступления медного сырья на Русь. По мнению авторов монографии, медное сырье поступало в основном из Северной Европы и Скандинавии. Другие месторождения Европы, включая балканские, использовались в меньшей степени. Состав металла и технология производства украшений с территории Верхнего и Среднего Поочья («Земли вятичей»), найденные как в слоях поселений, так и в курганных могильниках, изучены в монографии И. Е. Зайцевой и Т. Г. Сарачевой (2011).

Датировка витых проволоочных браслетов в перечисленных работах находится в довольно широких пределах: от XI (Мальм, 1960. С. 169) до XIV в. (Рыбаков, 1948. С. 146, 147). В Новгороде витые браслеты найдены в слоях с первой четверти XI до 80–90-х годов XIV в. Наибольшее их количество приходится на XIII в. (Седова, 1981. С. 94). Т. В. Равдина в короткой, но весьма емкой работе уточнила датировку витых браслетов из Серенска, датировав их XII – первой половиной XIII в. (Равдина, 1968).

Для Древней Руси карту распространения браслетов сделала В. П. Левашёва (рис. 2). В ее работу включены две таблицы по распространению как в общем витых проволоочных браслетов, так и только витых с петлями на концах по микрорегионам (Левашёва, 1967. Табл. 3, 3а). По данным исследовательницы, наибольшее количество витых проволоочных браслетов найдено в могильниках Новгородской земли (38,7% витых и 40% от количества петлеконечных) и Поочье – от верховьев до г. Касимова, включая бассейн Москвы-реки (40% от общего количества витых браслетов и 33% петлеконечных). Еще в одном регионе довольно значительный процент витых (12,9%) и петлеконечных (16%) браслетов – это Верхнее Поволжье. Представляется, что даже с учетом приращения данных после 1967 г. принципиальное соотношение в количестве находок данных типов между регионами измениться не должно, так как выборка, использованная В. П. Левашёвой, была вполне представительная и охватывала практически всю территорию Древней Руси, кроме ее южной части.

Витые браслеты за пределами Руси. Витые браслеты из проволоки с петлями на концах представлены не только на археологических памятниках Древней Руси XII – начала XIII в., но и еще в одном регионе, а именно на севере Балканского полуострова (рис. 3).

Судя по материалам погребений грунтовых могильников, исследованных на Балканском полуострове, браслеты входили в состав женского костюма и носились как на руке, так и поверх одежды в средней части предплечья. Браслеты изготавливались из сложенной вдвое, затем еще раз сложенной и скрученной проволоки, сделанной из сплава на основе меди, с расширяющимися округлыми, овальными или угловатыми петлями на концах, внутри петель заключены один или два обрезанных прямых конца проволоки (рис. 4, 1–5, 7–9)². Изделия с внутренней стороны расплющены, чтобы лучше примыкали к руке. Часто расплющены и петли – без различия, скручены ли браслеты из более тонкой или более толстой проволоки. Иногда также может быть дополнительный орнамент на петлях – крошечные ямки, похожие на следы от ювелирных плоскогубцев (Марјановић-Вујовић, 1984. С. 98).

На территории северной части Балканского полуострова, как и на Руси, витые браслеты были весьма распространены, так как являлись дешевым и поэтому легкодоступным видом ювелирных

² О витых браслетах с округлыми петлями на концах и свободным концом, свернутым в спираль, речь пойдет ниже.

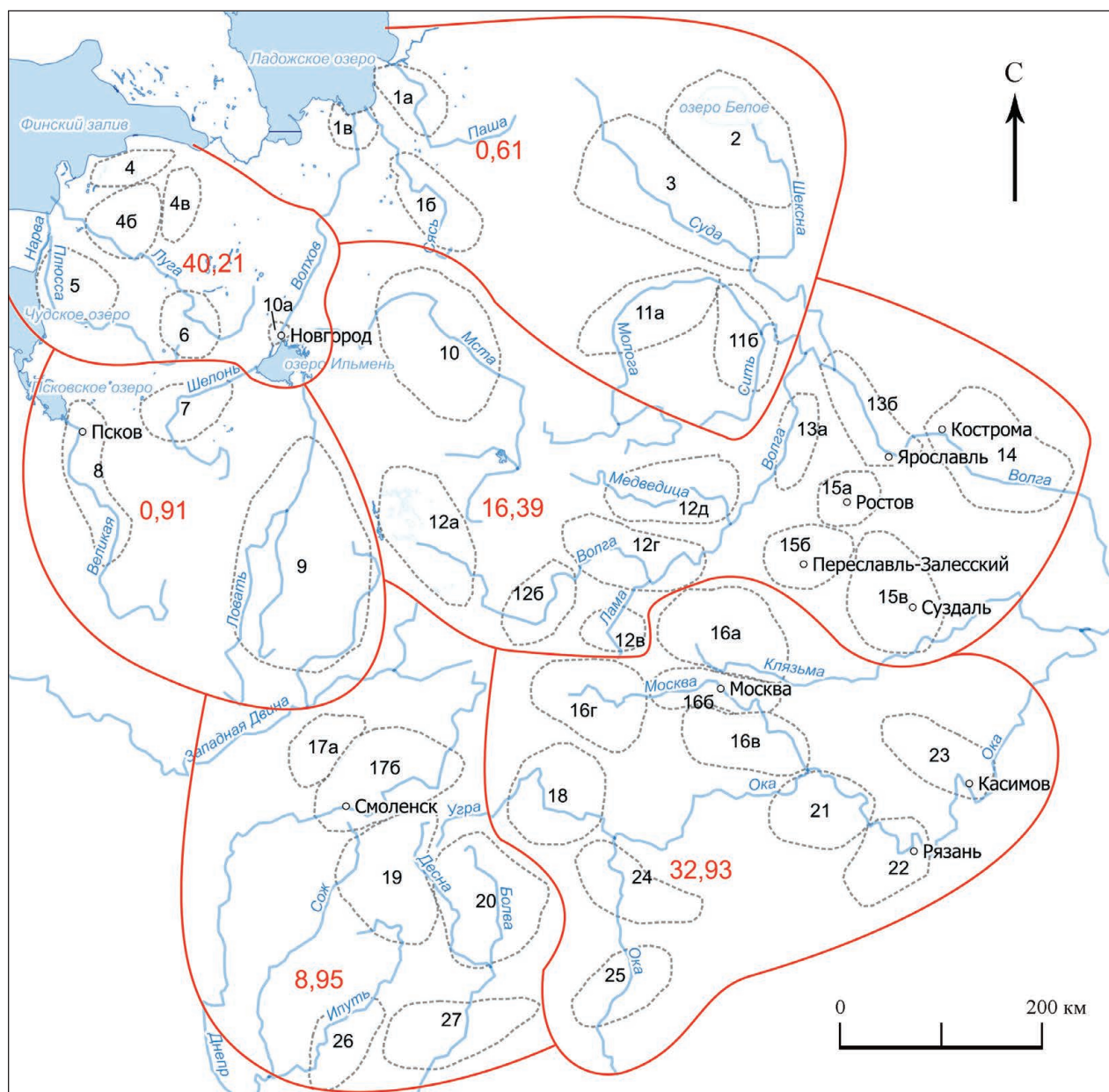

Рис. 2. Районы Севера и Центра Древней Руси с местами находок витых плетенкоконечных браслетов (по: Левашева, 1967. Рис. 1)

Север: 1 – Приладожье; 2 – Белоозеро; 3 – р. Суда (Вологодская обл.); 11 – реки Молога, Сить;
Северо-Запад: 4 – Ижорское плато; 5 – р. Плюсса; 6 – р. Луга; 10а – Новгород;
Запад: 7 – р. Шелонь; 8 – р. Великая; 9 – р. Ловать;
Верхнее Поволжье: 10 – Помостье; 12 – Верх. Поволжье, р. Медведица; 13 – Ярославское Поволжье;
 14 – Костромское Поволжье; 15 – окрестности городов Переславля, Суздаля, Ростова Великого;
Поочье: 16 – Московская обл.; 18 – Калужское Поогорье; 21 – Коломенское Поочье; 22 – Рязанское Поочье;
 23 – Касимовское Поочье; 24 – Тульское и Калужское Поочье, вкл. городище Серенск; 25 – Орловское Поочье;
Верх. Поднепровье и Подесенье: 17 – Смоленское Поднепровье; 19 – Верховья рек Сожа и Десны;
 20 – Верховья р. Болвы (приток Десны); 26 – р. Ипать (приток р. Сож); 27 – р. Десна.
 Красными линиями обведены объединенные регионы; красные цифры обозначают процент браслетов, найденных в данном регионе от всех учтенных В.П. Левашёвой 605 витых петлекоконечных браслетов

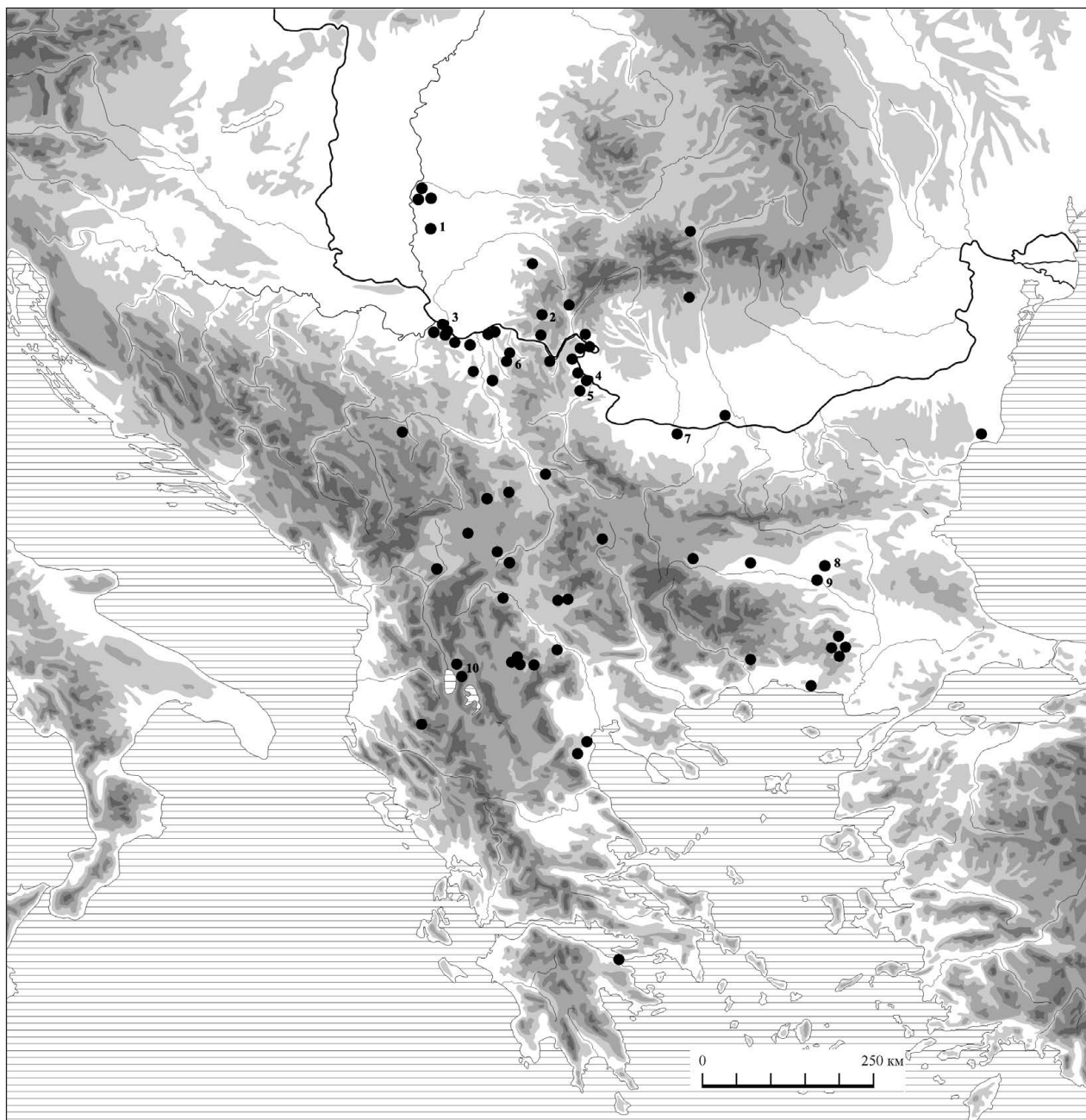

Рис. 3. Распространение медных витых проволоочных браслетов на территории Балканского полуострова.

Цифрами обозначены места находок, упомянутые в статье

- 1 – Бочар; 2 – Куптоаре-Сфогеа; 3 – Рипањ; 4 – Прахово; 5 – Мокрање; 6 – Трњане;
7 – Якимово; 8 – Любеново; 9 – Симеоновград; 10 – Охрид

изделий. Дешевизна изделий определялась также наличием источников сырья (на Балканах имеются месторождения меди) (Черных, Юсим, Марушич, 1984–1991) и простотой их изготовления. Они использовались низшими социальными группами, о чем свидетельствует их широкое распространение на сельских некрополях. Медные витые браслеты с петлями на концах на севере Балканского

полуострова, как и на Руси, чаще всего находятся в грунтовых могильниках, датируемых XII – началом XIII в. (Марјановић-Вујовић, 1984. С. 98–99; 1985. С. 13; Манева, 1992. С. 74–75. Табл. 58–63; Гатев, 1977. С. 40. Обр. 5, VII; Григоров, 2007. С. 71, 74. Обр. 95, 101).

Еще в конце XIX в. Н. П. Кондаков указывал, что большинство типов древнерусских ремесленных

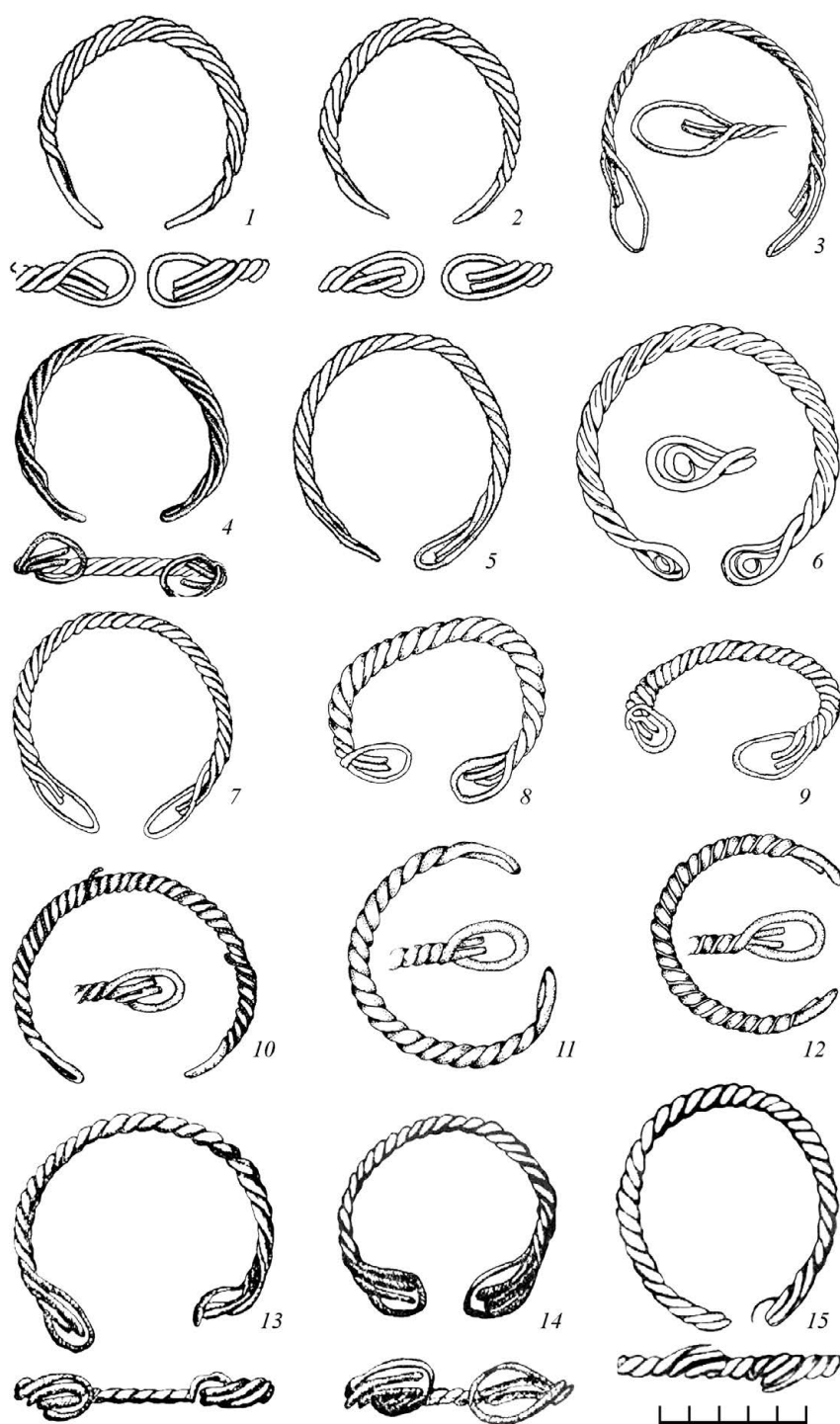

Рис. 4. Медные проволочные браслеты с территории современных Сербии (1–6), Болгарии (7–9), Северной Македонии (10–12) и Румынии (13–15)

1–2 – Мокрање (по: Радичевић, 2015. С. 106. Илл. 3, 1, 3); 3 – Рипањ (по: Фидановски, Зечевић, 2006. С. 52. Илл. 11, 5); 4 – Прахово (по: Јанковић, 1975. Илл. IV–VIII); 5 – Трњане (по: Марјановић-Вујовић, 1984. Илл. XII, 3, 4); 6 – Бочар (по: Станојевић, 1989. С. 35. Кат. № 183); 7 – Љубеново; 8 – Симеоновград; 9 – Јакимово (по: Григоров, 2007. С. 227. Илл. 1, 3–4); 10–12 – Охрид (по: Манева, 1992. Таб. 58); 13–15 – Куптоаре-Сфореа (по: Оџа, 2019. Илл. I, 1–6)

изделий, особенно из драгоценных металлов, имеют в своей основе византийское происхождение (Толстой, Кондаков, 1897). О наличии проволоочных витых браслетов в Венгрии (территория на начало XX в.), основываясь на статье автора из Австро-Венгрии, писал А.В. Арциховский (Hampel, 1905. Taf. 526; Арциховский, 1930. С. 10). О завязанных браслетах и византийских образцах конца 1-го тысячелетия н. э. для древнерусских изделий писала В.П. Левашёва (1967. С. 213), ссылаясь на работу 1915 г. (Рыдзевская, 1915. Табл. XXV, 3). В.В. Седов упомянул о распространении на территории сербов (правобережье Нижнего Дуная) витых браслетов из медной проволоки (Седов, 1995. С. 334, 335). С.С. Рябцева посвятила главу плетеным браслетам (по большей части серебряным), где описала их находки на территории Балкано-Карпатского региона и на территории Древней Руси, датированные XII–XIII вв. (Рябцева, 2005. С. 266–272). При этом в историографическом разделе автор отметила ряд статей и книг исследователей Сербии, Македонии, Болгарии, Румынии, посвященных влиянию византийского ювелирного искусства на славянское (Рябцева, 2005. С. 10, 11). Имеется небольшая статья болгарского автора об общности многих компонентов ювелирного убора у славян Подунавья и Восточной Европы (Георгиева, 1956. С. 31–34). Возможность использования балканских источников меди для украшений Древней Руси отмечали Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян и Т.Г. Сарачева (2008. С. 157). Однако подробно тема общности как сырья, так и форм проволоочных медных браслетов, найденных на Балканском полуострове и на территории Древней Руси, не разрабатывалась ни в одной работе.

К северу от Дуная находки витых браслетов из медной проволоки с петлями на концах весьма редки. Насколько сейчас известно, такие изделия найдены лишь в горной части Румынского Баната и Олтении (юго-западная Румыния), и их появление определяется исследователями как импорт с Балканского полуострова (Teicu, 2002. P. 74, 75; Oța, 2010. P. 418, 419; 2019. P. 225). На территории к югу и западу от Дуная самые западные находки располагаются в западных частях современной Сербии (Радичевић, Црничевић, 2016. С. 429). Самые восточные сделаны в Болгарии, южные – на полуострове Пелопоннес в Греции (рис. 3).

Лучше всего изучены могильники в сербском Подунавье и восточной Сербии (Радичевић, 2008–2009. С. 198–201, 208). Согласно современным исследованиям на территории Сербии, проволоочные витые браслеты интенсивно использо-

вались в течение XII в., а также в первые десятилетия XIII в. (Марјановић-Вујовић, 1985. С. 12, 13; Bikić, 2010. P. 86; Фидановски, Зечевић, 2006. С. 79, 80; Радишић, 2015. С. 107). У села Курьяча около г. Пожаревца витые браслеты с петлями найдены в погребении вместе с монетой императора Мануила I Комнина (1143–1180) (Марјановић-Вујовић, 1967. С. 217–219).

Находки из Македонии раньше довольно широко датировались – начиная с IX–X до XIII в. (Манева, 1992. С. 74, 75; 2000а. С. 67, 68; 2000б. С. 37; Кепеска, 1995. С. 53, 54; Блажевска, 1996. С. 209, 210). Позднейшие исследования, как правило, указывают, что такие браслеты находятся в некрополях, датируемых периодом XI–XII вв. (Манева, 2000а. С. 67, 68; 2000б. С. 36, 37; Јованов и др., 2004. С. 72; Кепеска, 2008. С. 45, 46). В Болгарии П. Гатев датировал использование этих браслетов довольно широко: с X до XIV в. (Гатев, 1977. С. 40. Обр. 5, *тип VII*), в более поздней литературе их распространение по материалам некрополей определяется как XI–XII вв. (Borisov, 1989. P. 285. Fig. 337/b; Григоров, 2007. P. 74, 75. Обр. 101, 107). Витые браслеты с петлями на концах также известны в Греции, хотя, судя по доступным данным, в более скромных количествах. Там они отнесены к так называемому средневизантийскому периоду (X–XII вв.) (Davidson, 1952. Cat. № 2136, 2137; Vickers, 1975. P. 7–10; Greek Jewellery, 1997. Cat. № 172, 173, 175, 181; Everyday Life in Byzantium, 2002. Cat. № 529–530, 837; Antonaras, 2012. 119. Fig. 4).

Происхождение витых проволоочных браслетов на Балканах еще не совсем прояснено. В целом их территориальное распространение вполне соответствует зоне политического и культурного влияния Византии. Однако этот тип украшений не обнаруживается в центральных районах Византии до конца XI в., поэтому он не может рассматриваться как тип, подражающий византийским образцам (Bikić, 2010. P. 86). Примечательно, что браслеты, изготовленные из свитой проволоки, известны уже в ювелирных изделиях поздней античности, тогда у них были петля и крючок для зацепления. Не исключая возможности происхождения витых браслетов с петлями от позднеантичных образцов, пока нельзя проследить на археологических материалах линию развития этих украшений на территории центральной Византии от древности до Средневековья (Радишић, 2015. С. 107, 108).

Можно указать примеры витых проволоочных изделий на территории, неподвластной византийскому государству в период, предшествующий распространению их на Балканском полуострове.

Рис. 5. Золотые проволоочные плетеные и витые украшения с территории Балканского полуострова и Руси

1 – перстень, Южная Сербия (Косово), 2,9×3,2 см. Белград, Исторический музей Сербии (инв. бр. А 17) (по: Вуксан, 2021. С. 167, кат. № 3); 2 – браслет, Полоцк. Клад 1984 г. Полоцкий музей-заповедник, КПЗ-817–822 (по: Еремеев, 2012); 3–4 – браслеты, Киев. Клад 1913 г. из усадьбы проф. И.А. Сикорского. Диам. – 8,3–9,6 см. СПб., ГЭ (по: Комар, 2012)

Витые проволоочные браслеты и витые гривны, аналогичные по стилю изделиям периода поздней античности, присутствуют в белогородской культуре в Карпатской котловине (территория современных Словакии, Венгрии, Северо-Восточной Хорватии, Северной Сербии (Воеводина)), где они, по последним данным, считаются одним из характерных элементов материальной культуры ее начальной стадии – четвертой четверти X и раннего XI в. (Miletić, 1966–1967. С. 129; Giesler, 1981. Р. 120–121. Taf. 2, 5, 6; Dragotă, 2015. С. 257, 258). По большей части концы этих изделий оформлены в виде петли и крючка для застегивания или вообще сплетены друг с другом (Станојев, 1989. Кат. № 136, 489, 519, 661, 664, 708). Есть небольшое количество образцов с петлями на концах браслетов, где концы проволок спирально загнуты (рис. 4, б), они очень похожи по форме на древнерусские изделия. Такие браслеты находят в погребениях, датированных временем около середины X в. на территории Венгрии и Словакии (реже в Трансильвании и Воеводине). В нескольких погребениях (Bešeňov, Galanta – Papföld, Sósartyán – Hosszútető, Malé Kosihy) вместе с витыми браслетами с петлями на концах найдены серьги, отнесенные к салтовской культуре (Dragotă, 2015. С. 256–258). Некоторые грунтовые могильники на берегах р. Тисы (Северный Банат), где найдены витые проволоочные браслеты и гривны, принадлежат населению,

испытывавшему влияние венгерского завоевания в конце IX – X в. (Hampel, 1907. Р. 149. Tab. 38/A/2; Bálint, 1991. Р. 78, 79, 92, 93. Taf. XXIII, 11; XXXI, 21; Станојев, 1989. Кат. № 35, 183; Radičević, Špehar, 2015. Fig. 1, 2, 5, 6, 12, 20, 26). Ранее браслеты с округлыми петлями на концах и свободным концом внутри петли, завернутым в спираль, считались элементом, пришедшим с востока, из-за Карпатского хребта (Váňa, 1954. Р. 65), но восточноевропейское происхождение этого вида украшения пока не доказано. Однако на территории южнее Карпат, на собственно территории Балканского полуострова, в период второй половины X – первой половины XI в. браслеты из витой проволоки отсутствуют.

В древнерусских кладах и городских слоях начиная с X в. появляются витые проволоочные изделия (гривны и браслеты), свитые из золотой или серебряной проволоки (Рыбаков, 1948. С. 330; Корзухина, 1954. С. 22, 65. Таб. V, XIV, XXIII, XXVI) (рис. 5, 2–4). Всего сейчас на территории Древней Руси найдено не более 50 золотых ювелирных изделий (Ениосова, Сарачева, 2005. С. 17). Такого количества изделий из драгоценных металлов, как на Руси, на территории Балканского полуострова не найдено, но все же они имеются в небольшом количестве. В качестве примера приведем золотой плетеный проволоочный перстень из Южной Сербии (Косово) (Вуксан, 2021. С. 167, кат. № 3)

(рис. 5, 1). В эпонимном могильнике белобродской культуры *Bijelo Brdo* в Хорватии найден такой же перстень из серебряной проволоки, датированный XI в. (Demo, 2014. Р. 76. 77. Cat. № 23.2). В погребении 3/80 могильника белобродской культуры Верушић – Азотара вместе с серебряным плетеным перстнем из четырех проволок найдена серебряная монета Ладислава I (1077–1095), а в погребении 156/81 вместе с таким же перстнем – монета Андрије I (1046–1060) (Szekeres L., Szekeres Á., 1996. Р. 31–65. Tab. XXXV). В погребении 13 могильника Сента – Фаркаш тања вместе с серебряным плетеным перстнем из четырех проволок найдены два серебряных денария Стефана I (997–1038) (Станојев, 1989. С. 109, 113. Кат. № 610–631). Однако это лишь немногие находки. Вероятно, небольшое количество такого рода находок в северной части Балканского полуострова связано со строгим контролем за обращением золота и серебра в Византии. А большое количество изделий из драгоценных металлов в древнерусских кладах можно объяснить включением золотых и серебряных изделий в состав императорских даров русским князьям (ПСРЛ, 1926. Стб. 46).

Как обычно, с распространением моды на определенные виды украшений появляются и подобные украшения из более дешевого сырья. Чтобы доказать местное изготовление украшений из медной проволоки, необходимо найти следы их производства. Такие следы есть на территории Болгарии, где найдены две волочильные доски для изготовления проволоки (Виклинова, 1997. С. 37. Рис. 91, 92; Ениосова, Сингх, 2009. С. 83).

По сравнению с балканскими образцами проволоочные браслеты, найденные на территории Древней Руси, имеют большее разнообразие форм (многократно согнутая проволока: двойные, тройные, четверные, плетеные). Поэтому можно полагать, что браслеты, найденные на территории Древней Руси, по большей части изготовлены в местных мастерских, хотя нельзя исключать завоза некоторого количества браслетов в качестве образцов. В.П. Даркевич высказывал мнение, что отсутствие в составе византийского импорта медной и бронзовой утвари объясняется ее незначительной материальной ценностью, по причине высокой стоимости дальних перевозок ввоз дешевой продукции был нерентабелен (Даркевич, 1975. Прим. 5 к гл. III). Это наблюдение, при всей его справедливости, нельзя отнести к образцам ювелирных украшений.

Если браслеты из проволоки производились в основном в древнерусских мастерских, то сырье

должно быть импортным по причине отсутствия месторождений необходимых металлов на территории Древней Руси. По крайней мере, часть сырья доставлялась из Балкано-Карпатской металлургической провинции, о чем будет сказано ниже. На Русь из Византии медная проволока и, возможно, сырье с Балканского полуострова, входившего в то время в орбиту культурного влияния Византийской империи, доставлялась, вероятнее всего, теми же маршрутами, что и изделия из стекла (посуда, бусы, браслеты) и драгоценных металлов. Находки проволоочного сырья в товарных количествах на территории Руси имеются: в Киеве найден свернутый в бухту (бунт) жгут из скрученных двух медных проволок длиной 4 м (История... 1951. С. 130. Рис. 87; Рыбаков, 1948. С. 327. Рис. 86, 331). В 1965 г. в Серенске обнаружен большой моток медной проволоки (Никольская, 1981. С. 226, 227. Прим. 148). В Новгороде найдены мотки медной проволоки длиной 70–85 см (Рындина, 1963. С. 209, 210). Вероятно, сырье в виде готовой проволоки (а иногда и скрученной в жгут из двух) или слитков металла (в Новгороде найдены 16 слитков меди) доставлялось в мастерские, где изготавливались браслеты в соответствии с образцами (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008. С. 146, 159). Изготовление проволоки путем волочения в русских мастерских тоже возможно: на усадьбе Олисея Гречина начала XIII в. в Новгороде найдены волочильная доска и мотки медной проволоки (Ениосова, Сингх, 2009. С. 81). Правда, возможность использования волочила для уменьшения толщины проволоки тоже нельзя исключать. Исследованный кусок проволоки по толщине соответствует минимальному диаметру отверстия (фильера) в новгородских волочильных досках. В Новгороде найдено восемь достоверных волочильных досок XI–XV вв., всего на территории Руси еще три (Ениосова, Сингх, 2009. С. 76, 81, 84).

Состав металла витых проволоочных браслетов с Балканского полуострова или Среднего Подунавья, к сожалению, пока не анализировался. Немногочисленные данные по византийскому цветному металлу позволяют говорить об употреблении двойных и свинцовых латуней для изготовления украшений и посуды в VI–XI вв. Вещи более позднего времени чаще изготовлены из оловянной бронзы (Oddy, 1983. Р. 952–955; Schreiner et al., 2000. Р. 283–303), что соответствует примесям к меди в проволоке для браслетов, использовавшейся в «южнорусских» центрах и вообще в Причерноморской зоне металлообработки (Коновалов, 2008. С. 25).

В заключение скажем, что находки на памятниках XII–XIII вв. на Балканском полуострове и территории Древней Руси витых браслетов из медной проволоки с петлями на концах указывают на связь между двумя областями распространения этих украшений. Как нам представляется, первоначально браслеты указанного типа появились в Балкано-Карпатском регионе, где имела богатая традиция изготовления проволочных изделий как из драгоценных металлов, так и из сплавов на основе меди, идущая еще с поздней античности. Ста-

рейшие находки этого типа украшений происходят из Паннонии и Потисья (Карпатская котловина), где эти украшения появились несколько раньше, чем на Балканском полуострове в долине Дуная и к югу от Дуная. Кроме того, в Карпатско-Балканском регионе имеются медные месторождения, а на территории Руси они отсутствуют.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Литература

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 221 с.

Блажевска Л., 1996. Средновековна некропола «Ограда» во с. Бистренци, истражувања 1994 // *Macedoniae acta Archaeologica*. № 14. С. 201–211.

Виклинова М., 1997. Българският средновековен град технологии. София: Център за изкуства Сорос, Национален археологически музей. 103 с.

Вуксан В., 2021. Краљеви и светители српски. Каталог изложбе / Ред. Д. Бојић. Београд: Историјски музеј Србије. 488 с.

Гатев П., 1977. Накити от погребения от XI–XII в. // *Археология*. Т. XIX. № 1. С. 30–46.

Георгиева С., 1956. Общността на накитите у славянските народи // *Славяни*. Т. XII. Кн. 1. София. С. 31–34.

Григорев В., 2007. Метални накити от средновековна България (VII–XI вв.). София: Национален археологически институт с музей. 254 с.

Даркевич В. П., 1975. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство. 350 с.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси. М.: Восточная литература. 191 с.

Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г., 2005. «От грек злато... из Чех же, из Угорь сребро» (Пути поступления ювелирного сырья на север и юг Древней Руси в IX–XI вв.) // *Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга*. М.: Наука. С. 11–20.

Ениосова Н. В., Сингх В. К., 2009. Волочилынные доски из раскопок древнего Новгорода // *Великий Новгород и Средневековая Русь*. М.: Памятники исторической мысли. С. 70–85.

Еремеев И. И., 2012. Полоцкая земля // *Русь в IX–X вв. Археологическая панорама*. М.; Вологда: Древности Севера. С. 274–299.

Жилина Н. В., 2019. Волжская Булгария / Восток; Древняя Русь / Византия: сравнительная характеристика убора из украшений: шейно-нагрудный ярус, украшения рук // *Археология евразийских степей*. № 1. С. 83–98.

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М.: Индрик. 402 с.

История культуры Древней Руси. Т. 1. Домонгольский период / Ред. Воронин Н. Н., Каргер М. К., Тиханова М. А. М.; Л.: АН СССР, 1951. 501 с.

Јанковић М., 1975. Две средњовековне некрополе у источној Србији // *Старијар*. Т. XXIV–XXV. С. 227–240.

Јованов М., Манева Е., Велјановска Ф., 2004. Чукарка, римски тумул, средновековна некропола. Скопје: Македонска цивилизација. 193 с.

Кепеска Л., 1995. Задна Река – Грмајте, средновековна некропола. Прилеп: Завод за заштита на спомениците на културата и музеј. 67 с.

Кепеска Л., 2008. Трпчева Црква, средновековна некропола. Прилеп: Завод за заштита на спомениците на културата и музеј. 278 с.

Комар А. В., 2012. Киев и Правобережное Поднепровье // *Русь в IX–X вв. Археологическая панорама*. М.; Вологда: Древности Севера. С. 300–333.

Коновалов А. А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // *Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья*. Ч. 1. М.: Восточная литература. С. 7–107.

Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIV вв. М.; Л.: АН СССР. 162 с.

Левашиёва В. П., 1967. Браслеты // *Тр. ГИМ*. Вып. 43. М.: Советская Россия. С. 207–252.

Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // *Материалы*

по археологии Новгорода 1988 г. Новгород: Новгородская археологическая экспедиция МГУ. С. 29–98.

Мальм В. А., 1960. Курганный могильник близ Грехова ручья // Тр. ГИМ. Вып. 37. М.: Советская Россия. С. 167–174.

Манева Е., 1992. Средновековен накит од Македонија. Скопје: Републички завод за заштита на спомениците на културата. (Културно-ист. наследство на Реп. Македонија, 28). 279 с.

Манева Е., 2000а. Крстеве, средновековна некропола. Скопје: Републички завод за заштита на спомениците на културата. (Културно-историско наследство на Република Македонија, 64). 197 с.

Манева Е., 2000б. Средновековна некропола Пепелиште: Локалитет Трнче-Стреа. Скопје: Македонска цивилизација, Филозофски факултет Скопје. (Editio Monumenta Macedoniae. I. 5). 198 с.

Марјановић-Вујовић Г., 1967. Средњовековни гроб из околине Пожаревца // Старинар. Т. XVIII. С. 217–220.

Марјановић-Вујовић Г., 1984. Трњане. Српска некропола (крај XI – почетак XIII века). Београд: Народни музеј. 179 с.

Марјановић-Вујовић Г., 1985. Врсте и типови накита XI–XII века из некропола у Србији // 36. радова Народног музеја. Т. XV. Чачак: Народни музеј. С. 5–20.

Недошивина Н. Г., 2014. Вятчское кладбище у с. Бельково // Славяне и иные языцы... М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 198). С. 34–53.

Никольская Т. Н., 1968. К истории древнерусского Серенска // КСИА. Вып. 113. С. 108–116.

Никольская Т. Н., 1981. Земля вятчей. М.: Наука. 296 с.

Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. С. 154–257.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л.: АН СССР, 1926. 580 с.

Равдина Т. В., 1965. О датировке вятческих курганов // СА. № 1. С. 122–129.

Равдина Т. В., 1968. О датировке витых браслетов // КСИА. Вып. 113. С. 117–118.

Радичевић Д., 2008–2009. Периодизација позносредновековних некропола у доњем српском Подунављу // Старинар. Т. LVIII. С. 197–211.

Радишић М., 2015. Гроб младе жене на Мокрањским стенама: запажања о појави наруквница на средњовековним некрополама // Мокрањске стене, културна баштина Неготинске крајине. 36. радова. Ур. А. Капуран, А. Булатовић. Неготин: Музеј Крајине. С. 5, 6.

Радичевић Д., Црнчевић Д., 2016. Метални накит XII–XIII столећа на «Земљишту радње Немањине» // Стефан Немања – Преподобни Симеон Мироточиви. Зборник радова II, ур. М. Радужко. Берање – Београд, Институт за историју уметности. С. 417–445.

Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.: АН СССР. 792 с.

Рыдзевская Е., 1915. Клад серебряных вещей из Терслева // Записки Русского Археологического Общества. Т. XI. Пг.: Тип. М. А. Александрова. С. 210–221.

Рындина Н. В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА СССР. № 117. С. 201–268.

Рябцева С. С., 2005. Древнерусский ювелирный убор. СПб.: Нестор-История. 384 с.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 328 с.

Седов В. В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, РГНФ. 415 с.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука. С. 63–78.

Станојев Н., 1989. Некрополе X–XV века у Воеводини. Нови Сад: Археолошко друштво Војводине. 135 с.

Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1897. Русские древности в памятниках искусства. Вып. V. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб.: Тип. А. Бенке. 168 с.

Фидановски С., Зечевић Е., 2006. Средњовековна гробља у Рипњу код Београда // Годишњак града Београда. Т. LIII. Београд. С. 33–91.

Черных Е. Н., Юсим М. А., Марушич Р., 1984–1991. Югославия. Горная энциклопедия. Интернет-ресурс https://gufo.me/dict/mining_encyclopedia/ Югославия.

Шполянський С. В., 2009. Раскопки селищ в пределах средневековой волости Перемышль в Подмосковье и некоторые вопросы динамики освоения региона в конце XII – первой половине XV вв. // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 170–183.

Antonaras A., 2012. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region // Byzas, 15: Byzantine small finds in archaeological contexts. Ed. by B. Bohlendorf-Arslan, A. Ricci. Istanbul. P. 117–126.

Bálint Cs., 1991. Súdungarn im 10. Jahrhundert. Budapest: Akadémiai Kiadó. (Studia Archaeologica, XI). 288 с.

Bikić V., 2010. Vizantijski nakit u Srbiji, modeli i nasleđe. Beograd: Arheološki institut. 207 c.

Borisov V., 1989. Djadovo. Mediaeval Settlement and Necropolis (11th – 12th Century). Vol. 1. Tokyo: Tokai University Press. 852 c.

Davidson G. R., 1952. The Minor Objects. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. (Corinth. Vol. XII). 366 c.

Demo Ž., 2014. Zlato srebro srednjeg vijeka u arheološkom muzeju u Zagrebu. Zagreb: Arheološki muzej u Zagrebu. 141 c.

Dragotić A., 2015. Twisted Wire Bracelets with Looped Ends in the Danube Basin (10th–11th Centuries) // *Ziridava. Studia Archaeologica*. № 29. C. 255–264.

Everyday Life in Byzantium / Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic cultural heritage, 2002. 599 c.

Giesler J., 1981. Untersuchungen zur Chronologie der Bijelo Brdo Kultur. Ein Beitrag zur Archäologie des 10. und 11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. Berlin; NY. (Prae-historische Zeitschrift. 56/1). 221 c.

Greek Jewellery: 6000 Years of Tradition / Ed. By E. Kypraiou. Athens: Archaeological Receipts Fund in Athens, 1997. 455 c.

Hampel J., 1905. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Bd. III. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn. 904 c.

Hampel J., 1907. Ujabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiről. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia. 406 c.

Miletić N., 1966–1967. Slovenska nekropola u Gomjenici kod Prijedora // *Glasnik zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine*. XXI/XXII. Sarajevo. S. 81–154.

Oddy W. A., 1983. Bronze alloys in the Dark Age Europe // *Sutton Hoo Ship-Burial*. Vol. 3. Part II. Ed. By R. Bruce-Mitford. London: British Museum publications Ltd for the Trustees of the British Museum. C. 945–961

Ota S., 2010. Piese de orfevrărie de tradiție bizantină în spațiul nord-dunărean (secolul al XI-lea–începutul secolului al XIII-lea) // Între stea și imperiu. Studii în onoarea lui Radu Harhoiu. Volum îngrijit de Andrei Măgureanu – Erwin Gáll. București: Institutul de Arheologie «Vasile Pârvan». P. 403–433

Ota S., 2019. Brățări bizantine și post bizantine din metal și sticlă descoperite la nordul Dunării de Jos. Context, modele, cronologie (secolele XI–XII / începutul secolului al XIII-lea) // *Cercetări Arheologice*. XXVI. P. 219–242

Radičević D., Špehar P., 2015. Some remarks on Hungarian Conquest Period Finds in Vojvodina // *Acta Archaeologica Carpathica*. Vol. L. Cracoviae. P. 137–162

Schreiner M., Schaffer A., Spindler P., Dolezel P., Daim F., 2000. Materialanalytische Untersuchungen an Metallobjekten möglicher byzantinischer Provenienz // *Die Avaren am Rand der byzantinischen Welt*. Innsbruck: Wagner. P. 283–303.

Szekeres L., Szekeres Á., 1996. Szarmata és XI. századi temetők Verusicsón. Subotica – Azotara: Szabadka. 65 p.

Teicu D., 2002. Mountainous Banat in the Middle Ages. Cluj-Napoca: University Press. 232 c.

Váňa Z., 1954. Mad'ari a Slované ve světle archeologických nálezů X.–XII. století // *Slovenská archeológia*. II. Bratislava. S. 51–104.

Vickers M., 1975. Medieval jewellery from Xanthi in Oxford // *Balkan studies*. 1975. Vol. 16. №. 2. C. 7–10.

B. E. Yanishevskiy, D. Radichevich

Old Russian twisted wire bracelets with loops at the ends and their origin

Summary

Bracelets made of copper wire in the 12th – 13th centuries were widespread in Rus'. Two regions of the production of these ornaments stand out: the north-west and the center of modern European Russia. On the Balkan Peninsula since the tenth century. decora-

tions that are very similar in appearance and manufacturing technology are known. The presence of copper deposits here makes it possible to see in them the prototypes of Russian bracelets.

В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Сохранение и музеефикация валов в исторических городах России: главные проблемы и пути их решения

Если в музеефикации объектов каменной и кирпичной архитектуры во всем мире накоплен уже достаточно большой опыт, то музеефикация земляных фортификаций, называемых в России валами, практически не обсуждается научным сообществом. Как сохранять такие валы? Какие для этого требуются действия со стороны исследователей и органов охраны памятников?

Прежде всего надо понимать, что валы сегодня известны в Восточной Европе в четырех ландшафтно-исторических ситуациях.

1. Протяженные линии укреплений, датируемые от эпохи раннего железного века и античности (например, валы в Крыму: Тиритакский, Узунларский и др.) до эпохи Древней Руси (Змиевы валы в окрестностях Киева) и периода централизованного русского государства (валы на засечных чертах XVII в. и линиях XVIII в. на границах Российской империи со степями).

2. Валы городищ разного времени (от эпохи раннего железного века до XVIII в.), расположенные в ненаселенных местностях (в самых разных ландшафтных условиях), т. е. в условиях, когда они испытывают антропогенный прессинг в минимальных масштабах.

3. Валы в исторических городах России, причем не только собственно русских, но и соседних территорий, вошедших в разное время в состав России (наиболее яркими примерами являются столицы Волжской Булгарии Биляр и Болгар).

4. Остатки земляных и древо-земляных фортификаций, не выраженные в современном рельефе и обнаруживаемые в ходе археологических раскопок (например, остатки древнейшей крепости Ярославля, шведской крепости Ниеншанц на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге и др.).

При музеефикации валов в каждой из перечисленных ситуаций приходится решать как общие

для этого рода памятников проблемы, так и сугубо специфические. Общие проблемы включают:

– определение статуса валов в правовой сфере, в том числе как объектов, находящихся в ведении органов охраны памятников;

– организация действенной охраны целостности музеефицированных валов;

– преодоление безразличного (или даже потребительского) отношения к этим памятникам со стороны властей, местного населения, туристов;

– выработка общего подхода к созданию и размещению современных реконструкций средневековых земляных и деревянных оборонительных сооружений (Коваль, 2020).

Эти проблемы решаются медленно, и их преодоление невозможно без повышения уровня культуры граждан России, особенно служащих государственного аппарата. Наиболее уязвимыми являются валы из третьей ситуативной категории – сохранившиеся в современных городах. Надо сразу же заметить, что осталось очень немного исторических городов, где такие сооружения сохранились до наших дней; во многих случаях они были срыты еще в XVIII–XIX вв. (в Москве, Твери, Муроме). В других городах валы сохранились частично на отдельных участках: во Владимире, Смоленске, Городце на Волге, Рязани (историческом Переяславле Рязанском) и др. Осталось очень немного доныне существующих в городском статусе древнерусских городов, валы которых сохранились относительно неплохо, в их числе Великий Новгород, Суздаль, Переславль-Залесский, Дмитров, Торжок, Юрьев-Польский. Однако нет такого города, где эти валы не были бы повреждены, особенно в местах проходов внутрь огороженной ими территории. Дело в том, что валы создавали существенные трудности для городской инфраструктуры уже начиная с XVIII в., а к нашему времени эти

трудности возросли многократно. При любой перепланировке города, расширении уличных проездов, строительстве новых зданий или перестройке существующих валы оказываются досадной помехой, от которой всегда старались избавиться, что доказывают архивные документы (*Курмановский, 2022*). Особенно неприятными оказались узкие воротные проемы, недопустимые в современном городе, даже самом небольшом, провинциальном. Поэтому ни в одном из современных городов, еще имеющих древние валы, воротные проходы не сохранились в их подлинном, первоначальном виде, все они существенно расширены за счет среза краев валов. Иными словами, остатки древних городских ворот в современных населенных пунктах уже полностью уничтожены.

Хотя к XXI в. понимание исторической ценности древних валов уже сформировалось, а требования ИКОМОС (та же Венецианская хартия) не допускают какого-либо нарушения сохранившихся древних сооружений, процесс разрушения исторических фортификаций продолжается. Можно перечислить несколько основных направлений, по которым эти разрушения продолжают сегодня.

1. Попытки благоустройства валов и превращения их в прогулочные зоны. Само по себе такое использование валов совершенно оправдано, и без него музеефикация этих памятников немыслима. Однако можно привести множество примеров варварского подхода к подобному благоустройству, когда для подъема на гребень вала сооружались каменные или бетонные лестницы, фундаменты которых врезались в склоны валов, существенно повреждая эти памятники и грубо искажая их внешний вид. Примеры такого подхода дают Смоленск, Переславль-Залесский, Городец на Волге (рис. 1; 2, А). В других случаях подобные лестницы возводятся на металлических свайных опорах, при забивании которых в тело вала его структура оказывается также безнадежно испорченной (рис. 2, Б). Кроме лестниц по гребням валов нередко прокладывают асфальтовые или выстланные плиткой дорожки (рис. 3, А), строительство которых требует закладки щебеночной подушки в тело вала, тем самым нарушается самая важная для понимания финальных этапов его существования часть – гребень вала. Пора четко сформулировать понимание того, что любое подобное новое строительство на валах является их повреждением и совершенно недопустимо.

2. Сказанное выше вовсе не означает, что валы не следует благоустраивать. Напротив, отсутствие благоустройства приводит к не менее сильным повреждениям этих памятников. Поскольку валы неизбежно становятся привлекательным местом посещения как местными жителями, так и приезжими туристами, все эти посетители поднимаются на валы по тропинкам, которые уничтожают дерновый покров и становятся направляющими для водной эрозии, превращаясь со временем в щели и каньоны, разрезающие древнее сооружение (рис. 3, Б).

3. Третью, самую серьезную проблему сегодня составляет стремительно распространяющаяся мода на возведение поверх валов и в их воротных проходах бутафорских деревянных сооружений – так называемых реконструкций деревянных стен и воротных башен. Строительство таких бутафорий возможно только с разрушением уже не только поверхностей валов, но и основного их тела для погружения в него бетонных или кирпичных фундаментов, необходимых для таких тяжелых конструкций: подобные печальные примеры известны в городах Дмитров, Лух, Болгар и др. (рис. 4). При этом ни в одном из известных случаев на валах исторических городов Европейской России еще не были реконструированы оборонительные сооружения, сколько-нибудь близкие к историко-археологической реальности Древней Руси. Вместо них тиражируются копии стен сибирских крепостей XVII–XVIII вв., не имеющие никакого отношения к древним фортификациям, руинами которых являются валы¹.

4. Моделирование рвов с напольной стороны от валов с целью достижения большей «выразительности» всей оборонительной линии. К настоящему времени большинство рвов сильно заплыли (засыпаны в Новое время), и они практически не прослеживаются на современной поверхности. Искусственное откапывание рвов при помощи тяжелой землеройной техники (наиболее вопиющий пример дает снова г. Дмитров Московской обл.) (рис. 5, А) приводит к уничтожению культурного слоя у подножия вала и лишает возможности археологически проследить, как происходил процесс нивелировки рва, какой грунт и в какое время использовался для этого. Строго говоря, подобные действия («реновация» рвов), если они не проводятся в режиме археологических раскопок на всей

¹ Здесь не рассматриваются реконструкции крепостей XVI–XVII вв., среди которых встречаются вполне достоверные (например, в Томске). Вопрос о целесообразности таких реконструкций рассмотрен в специальной работе (*Коваль, 2020*).

Рис. 1. Лестницы с бетонными основаниями на валах Смоленска (А) и Переславля-Залесского (Б)

площади предполагаемой реновации, должны быть квалифицированы как вандализм и уголовное преступление (сознательное уничтожение объекта культурного наследия).

5. Наличие на вершинах и склонах валов зеленых насаждений. Хотя случаи сознательной высадки на валах деревьев (как элемента парковой

архитектуры) неизвестны, сама такая возможность периодически обсуждается на различных форумах. Кроме того, в некоторых исторических городах на валах уже естественным путем сформировались настоящие рощи (наиболее яркий пример – Городец на Волге), автоматически попадающие в зону охраны со стороны экологических служб. Однако

Рис. 2. Городец на Волге

А – каменная лестница на вал; Б – лестница и видовая площадка на свайных опорах

Рис. 3. Выложенные тротуарной плиткой дорожки на валу Смоленска (А) и неблагоустроенные тропы на валу Дмитрова (Б)

заросли на склонах валов не только искажают их исторический вид и закрывают эти памятники от прямого обзора, но и создают прямую угрозу для сохранности валов. По мере вырастания и старения деревьев появляется все больше шансов для их естественного выкорчевывания ветровалом, а любой вывал корневой системы крупного дерева безвозвратно повреждает поверхность вала на глубину не менее метра. И чем дерево крупнее, старше, тем повреждение сильнее. Даже обычные кусты способны своими корнями деструктурировать следы от древних конструкций внутри вала на глубину до метра от поверхности, а ведь высота многих валов не превышает 3 м.

В чем же причины создавшегося положения? Почему валы оказываются на фронтире разрушения, причем угрозу для них составляет зачастую позиция не только городских властей, но и общестественности, которая должна была бы осознавать все те угрозы, которые перечислены выше? Отчасти все это объясняется искренним желанием благоустроить город, превратить валы в объекты музейного показа как ценного экспозиционного объекта, привлекающего туристов. В этом смысле сооружение бутафорских псевдофортификационных конструкций расценивается как относительно дешевый способ повышения «аттрактивности» объекта наследия.

На самом же деле причина потребительского отношения к древним валам кроется в непонимании как общественностью, так и многими специалистами, чем на самом деле являются эти объекты наследия. До сих пор валы воспринимаются массовым сознанием преимущественно как элементы рукотворного рельефа, вся ценность которых в этой рельефности и состоит. О том, что в глубине валов сокрыта уникальная информация об их формировании, публика не догадывается, искренне думая, что валы – это просто насыпи, т.е. аморфная груда земли, поверх которой когда-то стояли «настоящие» памятники – стены, башни и т.п. Поэтому, хотя валы и рассматриваются как памятники старины, но памятники, которые допустимо «улучшать», например, увеличить (досыпать до более внушительного вида) или, наоборот, сократить в размерах (т.е. попросту частично срыть).

Вина археологов состоит в том, что они своевременно не донесли до сознания самой широкой публики, что дело состоит диаметрально противоположным образом: валы в подавляющем своем большинстве не просто насыпи, а руины древо-земляных стен, следы которых сохранились в глубине вала в виде тончайших прослоек. Но даже

если речь идет о насыпи, то при ее изучении можно установить, как именно, в какой последовательности, из каких грунтов осуществлялось ее создание, и установить это возможно лишь при тщательнейших раскопках, проводимых на современном методическом уровне. Поэтому валы являются бесценными источниками знаний о прошлом, и первоочередной задачей всего общества является их сохранение без каких-либо повреждений.

Валы могут являться остатками самых разных по конструкции *архитектурных сооружений*, и именно в таком качестве они и должны рассматриваться (Коваль, 2022). Даже если на том или ином валу раскопки проведены и установлено, остатками какой именно конструкции он является, это вовсе не значит, что на нем можно осуществлять строительство лестниц, дорог, павильонов и т.п. Ведь на разных участках древней крепости могли применять разные технологии строительства, могло различаться количество этапов перестроек. Все эти данные чрезвычайно важны и могут быть востребованы при новых исследованиях валов. Поэтому валы являются объектами уникальными, штучными, и ни одна их часть не может приноситься в жертву сиюминутным «улучшениям».

Валы – значительно более уязвимые объекты культурного наследия, нежели здания и сооружения, построенные из твердых материалов (камня, кирпича, дерева и даже сырцового кирпича), потому что их, как правило, можно изучать наружным осмотром, проводить локальные зондажи и т.п. Наружный осмотр валов не дает возможности прогнозировать, какие именно грунты залегают внутри них. Зондажи бурением позволяют лишь установить, какой именно грунт (глина, песок) использовался при создании конструкций, разрушение которых привело к появлению вала, а также имеется ли внутри валов иной материал кроме грунта (камень, кирпич). Этим методом невозможно установить не только наличие или отсутствие органических материалов, но даже отличить глину от сырцового кирпича, не говоря уже о выяснении структуры взаиморасположения разных прослоек грунта. Столь же неэффективны современные неразрушающие методы исследований (геолокация, магнитометрия, электролокация и др.). Все они в лучшем случае позволяют отличить руины каменных и кирпичных стен (если они засыпаны землей) от полностью земляных насыпей и остатков древо-земляных стен. Но никаких конкретных деталей (ширина и высота стен, конструкция их возведения, хронология, этапы перестроек и т.п.) с их помощью выяснить невозможно.

Рис. 4. Бутафорские деревянные сооружения на валах и воротных проемах валов в городах Дмитров (А), Лух (Б) и Болгар (В)

Единственным действенным методом полномасштабного изучения валов (и рвов) являются археологические раскопки, причем проведенные на большой площади и на всю высоту вала (глубину рва). Согласно современным методическим требованиям, прорезка вала эффективна и имеет научный смысл только при ширине траншеи не менее 6 м и при обязательном вскрытии рва перед валом (Коваль, 2019).

Провести раскопки вала высотой более 3 м за один полевой сезон возможно далеко не всегда, кроме того, такие раскопки требуют перекрытия навесом, создать который над валом технически сложно. Объем грунта, вынутого из вала и рва, может составлять сотни и даже тысячи кубометров, которые должны где-то складироваться, занимая значительную площадь, а после завершения раскопок

Рис. 5. Выбранный техникой ров детинца города Дмитрова (А) и бутафорская стена в Иске-Казане (Б)

возвращены обратно в тело вала и засыпь рва, причем с трамбовкой грунта ради сохранения внешнего вида вала. Эти работы требуют огромных вложений средств, кроме того, они способны надолго (год, два или даже более) нарушить сложившуюся городскую инфраструктуру, привести к загрязнению центральной части города. Все перечисленные факторы и приводят к тому, что исследования валов в исторических городах проводятся чрезвычайно редко, в совершенно исключительных случаях.

Итак, масштабного археологического изучения валов пока ожидать не приходится. Тем более важной становится задача *сохранения* валов в том состоянии, в каком они достались нам от прошлых эпох. Это сохранение и является главной задачей музеефикации всех имеющихся в современных городах России земляных фортификаций. Разумеется, музеефикация возможна только путем благоустройства этих сооружений, приспособления их для городской инфраструктуры. Однако проводить это благоустройство следует таким образом, чтобы оно не вредило состоянию древнего памятника. Сформулируем основные требования к такому благоустройству.

1. Всякое повреждение валов в ходе благоустроительных работ следует признать недопустимым, т. е. уголовно наказуемым деянием. Моделирование рвов перед валами возможно только после их полного изучения археологическими раскопками, а поскольку это очень длительная и финансово затратная работа, то наилучшим выходом следует признать сохранение поверхности рвов в том виде, в каком они достались нам из прошлого.

Дорожки по гребням валов (днищам рвов) должны создаваться без малейшего внедрения в их поверхность, в виде насыпных структур (из песка, щебня), свободно пропускающих атмосферную влагу (чтобы стекающие с дорожек воды не начали соединяться в потоки, размывающие склоны вала). Обдернованная территория за пределами дорожек должна быть недоступна для посещения туристами. Для удобства последних дорожки должны быть достаточно широкими (не менее 2 м). Тропинки на склонах вала следует ликвидировать, покрывая их дерном для остановки эрозионных процессов, а вместо них устанавливать для подъема лестницы.

2. Лестницы, ведущие к вершине вала (на дно рва), должны опираться непосредственно на его склоны и не нарушать существующую поверхность (например, с опорой на деревянные балки, уложенные на склон вала или на легкие бетонные опоры, поставленные *на* современную поверхность). Любые внедрения в тело вала (фундаменты, сваи и т. п.) должны быть исключены полностью.

3. Как сознательное повреждение объекта культурного наследия следует рассматривать все попытки возведения поверх валов бутафорских конструкций из любых материалов. Реконструкции оборонительных сооружений в натуре должны воздвигаться за пределами объектов археологического наследия, на тех участках, где отсутствует древний культурный слой, любые древние сооружения. Рядом с валами допустимо лишь устанавливать щиты или иные объекты экспозиционной инфраструктуры, где в графической, скульптурной или электронной форме (3D-модели) могут представляться варианты внешнего вида оборонительных сооружений на различные временные периоды в соответствии с современным уровнем знаний о таких сооружениях. Прекрасный пример такого подхода к делу демонстрирует организация «реконструкции» городища Иске-Казан в Татарстане, размещенная на большом расстоянии от подлинного памятника (Камаевского городища). При этом сама «реконструкция» удручающе примитивна (рис. 5, Б).

4. Высаживание на валах деревьев и кустарников следует признать вредным и недопустимым. Существующую растительность желательно постепенно удалить с поверхности валов, избегая повреждения их поверхности (т. е. без применения тяжелой тракторной техники). Нормы экологического контроля и сохранения зеленых насаждений недопустимо применять в отношении валов, поскольку в данном случае эти насаждения наносят вред сохранности объекта культурного наследия, а эту сохранность следует считать приоритетной. Но такое понимание ситуации необходимо не просто декларировать, а закреплять законодательно, что требует согласования со стороны органов охраны памятников и экологического контроля.

Оставшиеся после спиливания деревьев пни следует оставлять до их естественного истлевания и ни в коем случае не выкорчевывать. Поверхность вала необходимо обдерновывать (если имеет место эрозия), а в дальнейшем поддерживать на ней только травянистую растительность, причем именно ту, которая уже сформировалась там естественным путем. Недопустимо высаживать на валах травянистые растения с мощной корневой системой, поскольку она может наносить структуре вала не меньший вред, чем корни деревьев и кустарников.

5. Хотя это кажется очевидным, тем не менее необходимо лишний раз повторить о недопустимости размещения на гребнях и склонах валов любых, включая временные, построек, павильонов, фонарных столбов (освещение валов следует ор-

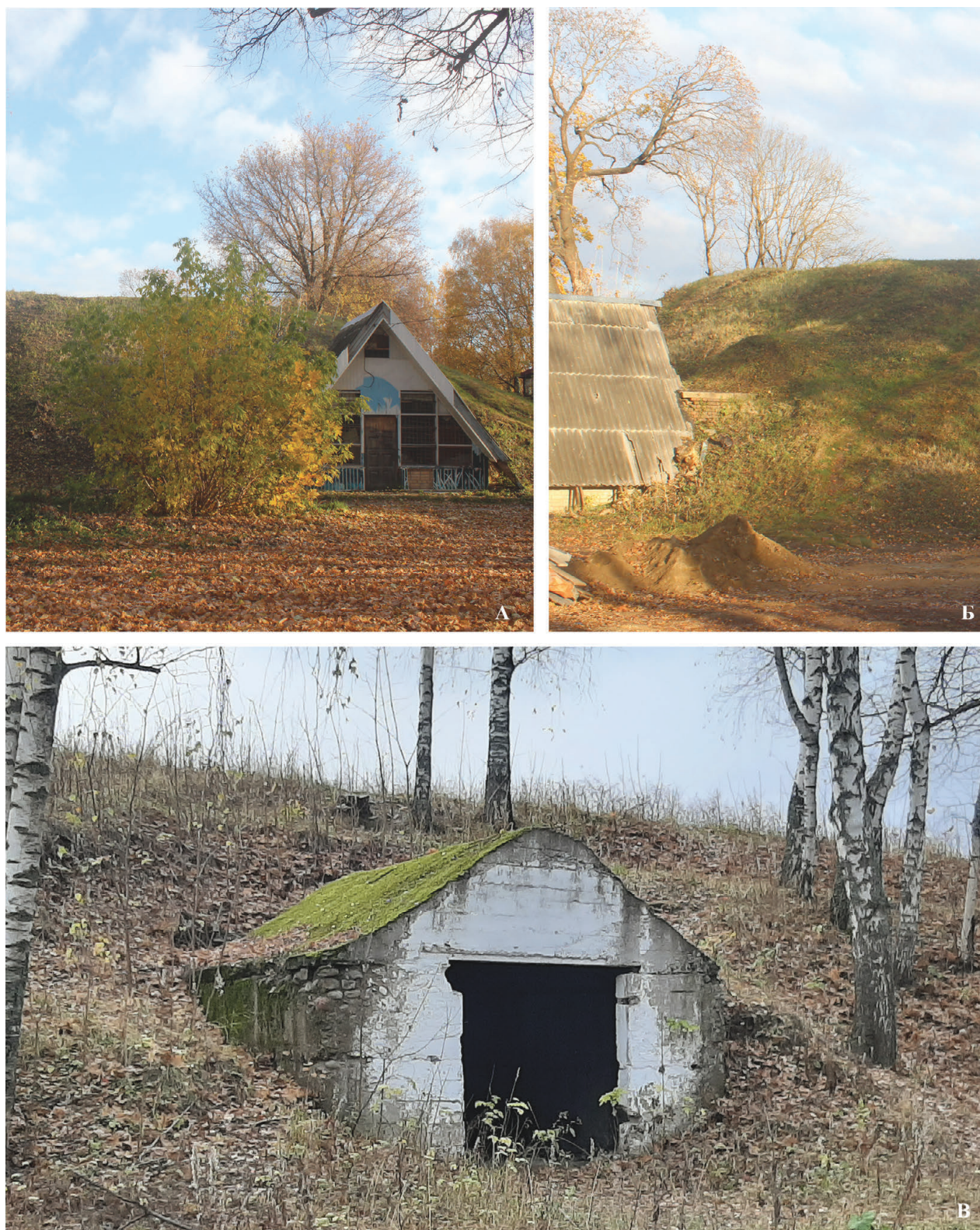

Рис. 6. Постройки, врезанные в склоны валов на Шеиновом бастионе в Смоленске (А, Б – виды с разных сторон) и на валу города Плѣс Ивановской обл. (В)

ганизовывать извне), указателей (за исключением установленных на основания, не внедренные в поверхность вала) и других подобных конструкций, грубо искажающих внешний вид вала и повреждающих сам вал своими фундаментами. Преступными деяниями следует признать также врезание разнообразных построек в склоны валов (рис. 6).

Перечисленные требования необходимо признать обязательными к исполнению, и желательно внести их в законодательную базу и другие нормативные документы.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Коваль В.Ю., 2019. Обобщение опыта в изучении валов лесной и лесостепной зон Восточной Европы: конкретные рекомендации // Моргунов Ю.Ю. К методике изучения валов древнерусских городищ. М.: ИА РАН. С. 28–31.

Коваль В.Ю., 2020. Проблемы реконструкции русской средневековой деревянной фортификации // Археологические вести. Вып. 30. С. 263–276.

Коваль В.Ю., 2022. Древние валы как архитек-

турные сооружения // Архитектурное наследство. № 76. СПб.: Коло. С. 24–34.

Курмановский В.С., 2022. Средневековые фортификационные сооружения Смоленска в 1929–1932 гг. (по материалам архива Центральных государственных реставрационных мастерских) // Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения. Смоленск: Гос. музей «Смоленская крепость»; Свиток. С. 174–183.

V. Yu. Koval

Preservation and museumification of shafts in historical cities of Russia: main problems and ways to solve them

Summary

The ramparts of the cities of Rus' are the ruins of wood-earth walls, the traces of which are very easily destroyed by natural processes. The main reasons lead-

ing to the destruction of the ramparts are listed, and the main requirements for the preservation of these unique structures are proposed for discussion.

В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

Крепость средневекового Плёса по раскопкам 1957 и 1990 годов

В городе Плёс (Ивановская обл., левый берег Волги) сохранились остатки сильно рунированной средневековой крепости, занимающей все плато так называемой Соборной горы площадью около 2,5 га, отделенной от плато высокого коренного берега глубокими долинами и оврагами (рис. 1, А). Выраженным в рельефе является только вал, размещенный на краю оврага, отсекавшего Соборную гору с юга. Склоны этих оврагов круты, но все же это склоны, а не обрывы, поэтому весь периметр крепости однозначно требовал каких-то дополнительных укреплений. Следы этих укреплений обнаружены при археологических раскопках, однако в рельефе местности они не прослеживаются (Травкин, 1993; Несмиян В. Г., Несмиян О. А., Воробьева, 2019).

Вал имеет протяженность 170 м, ширину у основания 29–30 м и высоту около 6 м (рис. 2, А). Судя по остаткам небольшой бермы, прослеживаемой в рельефе внешнего склона вала (рис. 2, Б), и результатам шурфовки П. А. Раппопорта, край площадки, на которой расположен вал, имел очень небольшой уклон к югу (не более метра на 30 м ширины вала). Сразу за бермой начинался склон в овраг, по дну которого сейчас проходит дорога, не позволяющая оценить древний рельеф в этом месте. Но можно думать, что до прокладки дороги овраг был глубже, чем сегодня. Нельзя исключать и того, что этот овраг сформировался на месте рва, грунт из которого пошел на строительство укреплений. Вал в целом имеет неплохую сохранность, но он все же поврежден во многих местах. Прежде всего подрезан его восточный край, где сегодня находится широкий въезд на площадку городища (рис. 3, Б). Кроме того, северный склон вала поврежден врезанным в него складом советской эпохи (рис. 1, Б). На вершине вала имеются три заметных повреждения: в восточ-

ной его части это ложбина, оставшаяся на месте разреза, заложенного П. А. Раппопортом в 1957 г. (рис. 1, Б), в центре – траншея от коммуникации шириной до метра, перпендикулярно перерезающая вал, у западной оконечности – заплывшее обширное разрытие. По северному склону вала, почти по всей его длине (кроме восточного края), на 2 м ниже гребня вала проходит уступ шириной до 2 м, который в западной части имеет вид канавы, вырытой на склоне (рис. 3, А). Происхождение этого уступа неясно, но можно думать, что он появился уже в Новое время в результате каких-то работ по благоустройству.

Поиск остатков деревянных укреплений на гребне вала надо считать бесперспективным не только из-за возможных планировочных работ в конце XVIII в., как предположил П. Н. Травкин (2022. С. 7), но и потому, что деревянные стены XVII в. (а речь может идти только о них, в более раннее время полые стены для обороны не использовались) не оставляют следов. Остатки таких стен можно зафиксировать только у подножия вала в виде прослоек угля, если эти стены погибли в пожаре.

Вопрос о древнем въезде (въездах?) в крепость без проведения тщательных археологических исследований не может получить достоверного ответа. Однако необходимо все же заметить, что существующий сегодня основной въезд на площадку городища у восточного края вала (рис. 2, А; 3, Б) наиболее удобен для прохода в крепость, и именно по этой причине предполагать тут существование древнего входа имеется меньше всего оснований. Защитить этот въезд наиболее проблематично, так что его возникновение следует относить к Новому времени, когда крепость уже перестала использоваться по прямому назначению. Второй въезд на городище по ложбине на северном

Рис. 1. Соборная гора в Плёсе. Фото В.Ю. Коваля

А – общий вид крепости с востока; Б – склад, врезанный в склон вала, вид с северо-востока;
В – гребень вала и ложбина на месте траншеи П. А. Раппопорта, вид с запада

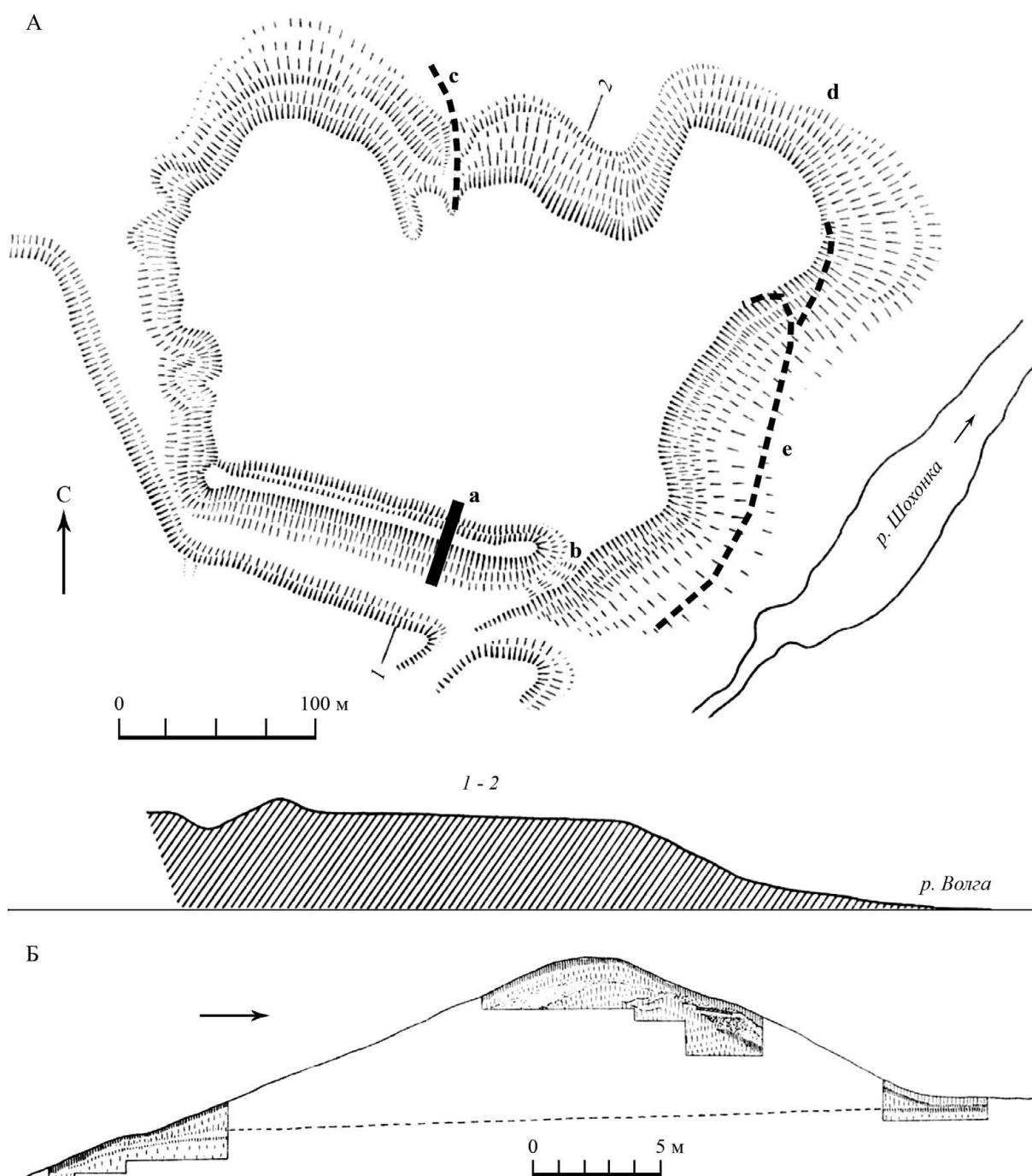

Рис. 2. Плѣское городище на Соборной горе (по: Раппопорт, 1961. Рис. 42)

А – схема городища с обозначением места прорезки вала (по: Раппопорт, 1957. Рис. 5) и трассами дорог, ведущих на площадку крепости (а – траншея П.А. Раппопорта; б – юго-восточный въезд; с – северный взвоз; д – северо-восточный взвоз; е – дорога по восточному склону); Б – разрез вала (по: Раппопорт, 1961. Рис. 94)

склоне Соборной горы (рис. 2, А; 4, А) мог функционировать в древности только в том случае, если он был специально укреплен, но следы таких укреплений на краю площадки отсутствуют, а это заставляет сомневаться в использовании въезда в древности. Существующий взвоз мог быть оформлен

по ложбине также в Новое время. Столь же сомнительно древнее использование северо-восточного, так называемого Банного, взвоза (рис. 2, А) из-за чрезмерной крутизны подъема, неудобной при обычных обстоятельствах. Наиболее вероятным представляется вариант использования для въезда

в крепость древней дороги, остатки которой прослеживаются в виде наклонной террасы на восточном склоне Соборной горы (рис. 2, А; 4, Б), точно там же, где эту дорогу можно наблюдать на фото начала XX в.¹ (рис. 5, А). Поэтому следует согласиться с Г.В. Панченко, рассматривающей эту дорогу в качестве древнейшего въезда в крепость (Панченко, 2010. С. 86–90).

Отдельную проблему составляют чертежи Плёса, составленные в 1770-х годах. На них в центре вала обозначен проход, к которому с юга подведен мост, перекинутый через овраг (Панченко, 2014. Рис. 5, 6). Важно подчеркнуть, что опубликованные Г.В. Панченко архивные планы относятся к дорегулярной планировке города, т.е. на них обозначены не проектируемые проходы, а реально существовавшие в 1770-х годах (рис. 6)². В обозначенном месте (центре вала) сегодня не видно никаких явных следов древнего прохода, за исключением небольшого понижения уровня гребня вала. Трудно представить, что некогда в этом месте был проем в валу, впоследствии засыпанный столь тщательно, что не осталось никаких его следов. Еще более фантастичным кажется вариант прокладки моста через глубокий (более 10 м от вершины вала) овраг, причем длина моста должна была превышать 50 м: такие сооружения в XVIII в. требовали огромных затрат и опытных инженеров, которыми маленький Плёс того времени не обладал. Тем не менее игнорировать данные картографического источника также невозможно, тем более что на плане показан именно мост через овраг, выводящий на гребень вала. Отметим также отсутствие на этом плане юго-восточного въезда и древней дороги по восточному склону, но наличие северного въезда. Таким образом, можно думать, что к середине XVIII в. дорога по восточному склону уже была заброшена, а восточный край вала еще не срыт для организации въезда. Загадку южного въезда на Соборную гору еще предстоит разгадывать, в том числе и методами археологии: если через овраг когда-то был перекинут мост, то следы его опор могли сохраниться на склонах вала и дне оврага.

Начало археологическому изучению фортификации Плёса положил П.А. Раппопорт, заложивший в 1957 г. небольшой разрез на вершине вала и два шурфа у его подножия (Раппопорт, 1957. Л. 4–6; 1961. Рис. 94). Траншея прорезала вершину вала всего на 2 м, так что никаких данных

о структуре этого сооружения получено не было (рис. 2, Б; 5, Б). Установлено только, что грунт вала состоял из рыжего суглинка с прослойками серой супеси, серой глины, песка с мелкими камнями, гумуса и тонких угольных прослоек. Однако описание профилей траншеи в отчете отсутствует, последовательность залегания прослоек неясна, не показаны эти прослойки и на чертеже профиля, поэтому невозможно составить представление о том, какие именно структуры выявлены при раскопках. Не было также сделано ни одного плана раскопа, что полностью исключает возможность оценить полученные результаты. Тем не менее П.А. Раппопорт предположил, что вал не имел никаких внутренних конструкций. Этот вывод надо считать поспешным и необоснованным, поскольку вал был прорезан лишь в незначительной части, причем у вершины сохранность органических материалов всегда является минимальной из-за колебаний влажности грунта и благоприятных условий для проникновения воздуха. Сама концепция П.А. Раппопорта о «внутриральных каркасах» и существовании вокруг русских городов «каркасных» и «бескаркасных» валов сегодня отвергнута (Моргунов, 2009; Коваль, 2021). Эта концепция родилась на основе не критичного восприятия гипотетических построений историков фортификации XIX в. и по причине методического несовершенства проводившихся исследований: валы вскрывались узкой (всего в метр шириной) траншеей не на всю их высоту, без попластовой разборки и без тщательной фиксации всех древесных остатков, включая следы тлена и различий в грунтах (Коваль, 2021). Эти недостатки не позволяли увидеть во многих валах следы деревянных срубов-городней. Но даже если такие срубы обнаруживались, П.А. Раппопорт воспринимал их в качестве «укрепляющих конструкций», а не остатков крепостных стен. Сегодня уже очевидно, что подавляющее большинство древнерусских валов являются не насыпями, а руинами древо-земляных стен, которые после разрушения превращались в гряды земли, высыпавшейся из сгнивших или сгоревших срубов-городней. Остатки древесины этих срубов сохраняются лишь в редких случаях, чаще всего они превращаются в древесный тлен или вообще исчезают, а бывшее присутствие городней определяется только по различиям в цвете и составе грунтов, которые их в прошлом запол-

¹ По информации Г.В. Панченко (Плещский музей-заповедник), это фотография 1910 г., снятая знаменитым фотографом С.М. Прокудиным-Горским (1864–1944).

² Благодаря Г.В. Панченко за предоставленный материал и помощь в работе.

Рис. 3. Плесская крепость. Фото В. Ю. Коваля

А – уступ или канава на северном склоне вала, вид с востока;
Б – юго-восточный въезд в крепость, вид с юга

няли. Заметить эти различия без работы на больших площадях с тщательной фиксацией в горизонтальной и вертикальной плоскостях невозможно.

Таким образом, первое обращение к укреплениям Плёса не принесло ощутимого результата. Установлено только, что под краями вала культурного слоя нет, точнее, там поверх «рыжей материковой глины» зафиксирован «тонкий» (тол-

щина не указана) слой «серой земли» (возможно, остатки погребенной почвы? – В.К.), а «местами прослойка беловато-серого гумусированного песка» (*Раппопорт*, 1957. Л. 5). На внутреннем склоне вала на 2 м ниже его вершины, т. е. там, где в других местах замечен уже упоминавшийся уступ или канава, в траншее 1957 г. обнаружены остатки истлевшего настила из сосновых плах

Рис. 4. Плёсская крепость

А – северный въезд в крепость, вид с юга (фото В. Ю. Ковалёв);

Б – восточный въезд, вид с юга (фото Г. В. Панченко)

длиной 1,3 м и толщиной 6–8 см, лежавших на подушке из серого суглинка (Раппопорт, 1957. Л. 5). Ни чертежей, ни фотографий этого настила исследователь не оставил. Определение породы дерева настила очевидно сделано на глаз. Судя по неплохой сохранности настила (для дерева, залежавше-

го почти у современной поверхности, под дерниной), его, скорее всего, соорудили в Новое время (XVIII или XIX в.?) в качестве прогулочной дорожки на склоне вала. Ни о каком средневековом возрасте этого настила не может быть и речи, поскольку он не связан со срубами-городнями истлевших

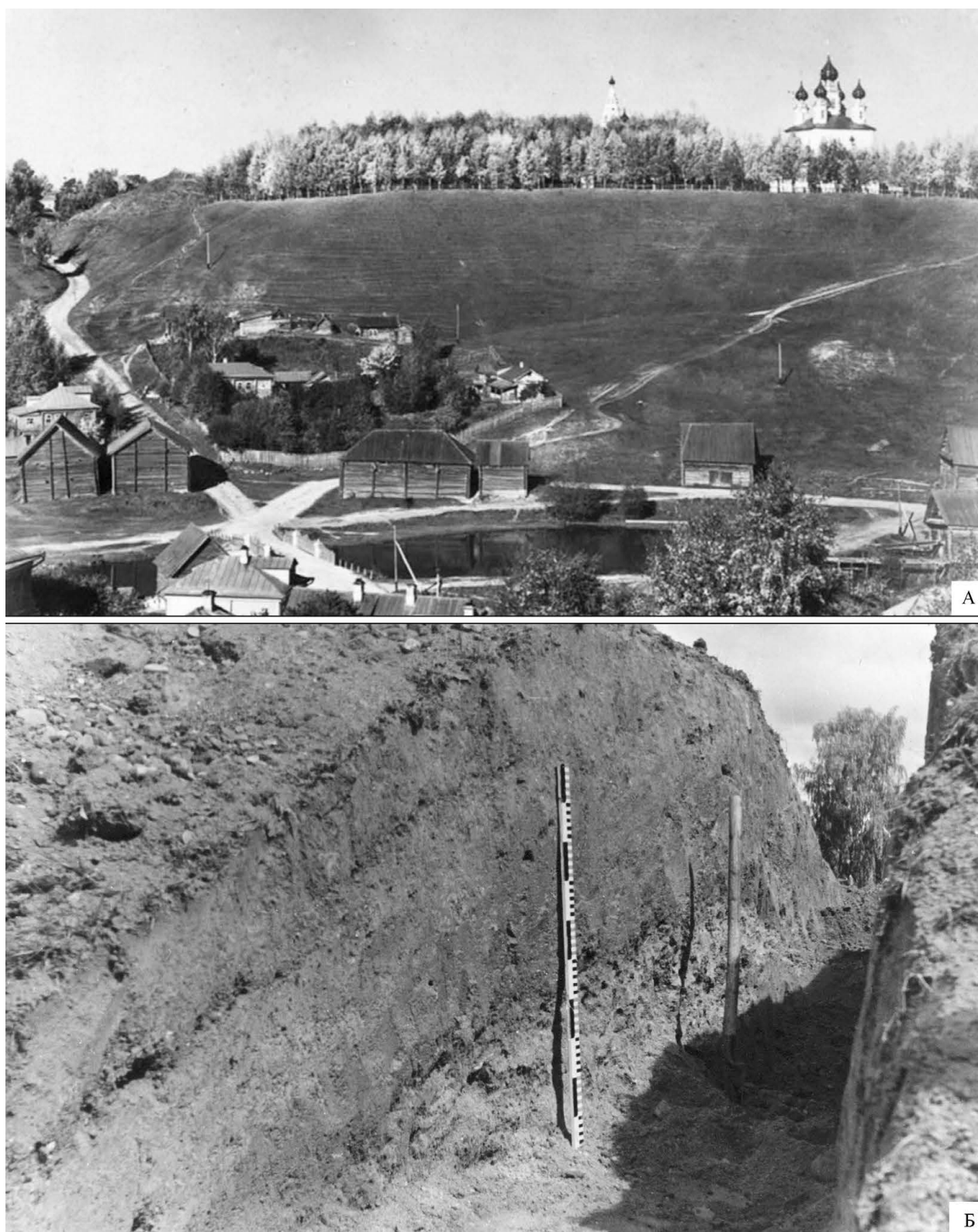

Рис. 5. Плесская крепость

А – дорога по восточному склону Соборной горы на фото начала XX в.
 (https://ic.pics.livejournal.com/humus/758313/13216168/13216168_original.jpg);
 Б – северо-западная стенка траншеи на вершине вала Плесского городища. Вид с юга
 (по: Раннопорт, 1957. Рис. 7)

Рис. 6. План Плёса 1770-х гг. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1888)

стен и размещался уже на поверхности руинированного сооружения (вала).

Кроме того, в отчете упомянуты находки «под настилом» «нескольких» обломков керамики, датированных XIV–XV вв., но ни рисунков, ни фото, ни описания этих образцов не приведено, так что проверить правильность датировки уже невозможно. Исследователь осторожно высказался о том, что эти находки не противоречат летописным данным о постройке крепости Плёса в 1410 г. (Раппопорт, 1961. С. 117). С таким выводом можно со-

гласиться, но он ни в коем случае не может быть основанием для датировки всего укрепления. К сожалению, в научной и научно-популярной литературе создание «вала Плёса» теперь датируется 1410 г. без малейших на то сомнений и со ссылкой на мнение П. А. Раппопорта (см., напр.: Травкин, 2022. С. 3). Поэтому надо со всей определенностью заявить, что сегодня нет никаких объективных археологических данных для точной датировки этого сооружения. Зато с высокой долей уверенности можно предполагать, что по аналогии

с другими валами средневековой Руси Плёсский вал является руинами крепостной древо-земляной стены – одной или нескольких, последовательно строившихся на месте обветшавшей более ранней.

Нельзя отрицать, что 1410 г. является наиболее вероятной датой этого строительства, поскольку для возведения городской стены длиной до 190 м (длина указана с учетом разрушенного участка на восточном краю ее трассы) требовались колоссальные ресурсы, которые могли быть предоставлены в то время только московским князем, занимавшим великокняжеский престол и обладавшим большими финансовыми возможностями. В то же время эта стена могла начать возводиться гораздо ранее 1410 г., а Василий Дмитриевич лишь полностью перестроил ее (увеличил в размерах). Для того чтобы выяснить даты и последовательность строительства или перестроек стены Плёсской крепости, нужна полная прорезка вала, а это дело чрезвычайно трудоемкое и затратное, поэтому ожидать такой возможности в обозримом будущем не приходится. Частичные же прорезки, как ярко показали нулевые результаты работ П. А. Раппопорта, лишь бесполезно повреждают вал.

Следующий этап изучения укреплений Плёса связан с именем П. Н. Травкина, на протяжении многих лет проводившего раскопки на площадке Плёсской крепости. Однако все раскопы исследователя размещались в центре городища, а укрепления он изучал только один раз, в 1990 г., когда заложил раскоп на северной оконечности крепостного мыса. Здесь, непосредственно под дерном, были выявлены конструкции, интерпретированные как остатки сгоревших и сгоревших частей деревянной стены и угловой башни. Кроме того, автор раскопок выдвинул гипотезу о том, что под сгоревшими стенами обнаружены следы укреплений домонгольского времени, причем конструкция этой стены была предложена в виде заплотов (заборов из горизонтально уложенных бревен), чередовавшихся с пустотелыми срубам (Травкин, 1993; 2022. С. 23–27. Рис. 12, 13). Основаниями для такой реконструкции стали:

1. Канавка в материке длиной около 3 м и глубиной 20–25 см, поворачивавшая под прямым углом и врезанная в заполнение вырытой в материке подпольной ямой (рис. 7, А). Более поздняя дата канавки относительно ямы определяется остатками дерева в той ее части, которая проходила над ямой; они «проходили чередой» до восточного края ямы

(Травкин, 1990. Л. 16. Рис. 36). Можно подумать, что так своеобразно были описаны остатки частокола из вертикально установленных бревен, однако, судя по чертежу, в канавке обнаружены деревянные плашки длиной до метра. В любом случае канавку вырыли уже после того, как яма была засыпана, в противном случае при отрытии ямы были бы уничтожены все следы древесины в канавке; а случайное совпадение размещения плашек в заполнении ямы с трассой канавки выглядит совсем фантастично. Назначение канавки представляется однозначным – это траншея для установки частокола, все вертикальные бревна которого были вынуты. О том, что канавка предназначалась именно для такой цели, свидетельствуют найденные в ее заполнении камни и упомянутые горизонтально уложенные плахи – с их помощью по линии частокола производилась трамбовка засыпки и укрепление частокола в вертикальном положении. Совершенно невозможно допускать сосуществование подпольной ямы, вырытой под жилым (менее вероятно – хозяйственным) строением, и канавки от частокола: ее могли вырыть и установить частокол только после разбора дома и засыпки подпольной ямы под ним.

В заполнении подпольной ямы, отнесенной автором раскопок к домонгольскому времени, собран выразительный *бытовой* материал: обломки кухонных горшков, ножи, ременный наконечник, отходы косторезного производства³. Очевидно, что фиксация ямы под позднейшими укреплениями повлияла на трактовку ее как подполья в жилом срубе, составлявшем якобы часть оборонительной стены. Но частокольная канава не одновременна дому с подпольем, а возникла после разрушения дома и засыпки ямы. Поэтому, если даже дом с подпольной ямой и относился к домонгольской эпохе, он в любом случае не имел отношения к оборонительным сооружениям, а пересекший засыпанную яму частокол тоже вряд ли имел оборонительное назначение, поскольку поворачивал к востоку слишком далеко от северного склона мыса – в 8–10 м от него.

2. Вторым основанием для мысли об оборонительном назначении вскрытых объектов стала реконструкция П. А. Раппопорта некоторых древнерусских оборонительных сооружений в виде трехстенных срубов (Раппопорт, 1956. Рис. 91, 92; 1961. Рис. 108). Ошибочность этой реконструкции доказана, и объяснено, как она могла вообще

³ К домонгольскому времени из перечисленного набора можно с уверенностью отнести только часть керамического материала.

появиться: П. А. Раппопорт опирался на произвольные реконструкции предшествующих исследователей и не учитывал возможности разрушения под действием природных причин стенок городней, находившихся близко к поверхности осыпи, возникшей после руинизации древо-земляной стены (Коваль, 2020). Таким образом, трехстенные срубы, реконструированные П. А. Раппопортом, в действительности являлись остатками обыкновенных четырехстенных городней, у которых тыльные (обращенные к городу) стенки оказались разрушены.

Реконструкция «домонгольской стены» П. Н. Травкина (рис. 7, А) более всего похожа на стены сибирских острогов XVII в. с чередующимися заплотами и пустотелыми срубами, но в них пустотелые срубы никогда не использовались в качестве жилых или рабочих помещений, под которыми еще вырывались бы подпольные ямы. Поэтому предложенную реконструкцию домонгольской оборонительной стены принять нельзя: в ходе раскопок обнаружены остатки частокола неизвестного времени (его назначение по отрезку длиной 3–4 м не может быть достоверно установлено) и подпольная яма, вероятно, от жилой постройки домонгольского (?) времени.

Гипотеза П. Н. Травкина о размещении на северном мысу площадки городища крепостных укреплений в домонгольское время базировалась не только на рассмотренных объектах, не имевших оборонительного назначения, но и на реальном присутствии в культурном слое Соборной горы керамики и немногочисленных вещей домонгольского времени – стеклянных браслетов, замка типа Б, креста-энколпиона киевского типа (Травкин, 2022. Рис. 10. № 4, 15–17; 112). Надо признать, что существование раннего поселения тут вполне допустимо, однако наличие у него оборонительных сооружений пока является лишь умозрительной гипотезой, не имеющей ни одного подтверждения. Линию рва и вала по южной границе гипотетической древнейшей крепости П. Н. Травкин проводит между Успенской и Казанской церквями (Травкин, 2022. Рис. 17, 18) (рис. 7, Б), т. е. на участке, где раскопки никогда не проводились. Если тут когда-либо была построена древо-земляная стена, превратившаяся в вал, то все следы этого укрепления безвозвратно утрачены. Но строительство древо-земляной стены на ровных участках местности невозможно без выкапывания перед ней рва, который не мог исчезнуть бесследно. Поэтому, если провести вскрытие участка к югу от раскопа 2005 г., заложенного П. Н. Травкиным восточ-

нее снесенного Казанского собора (Травкин, 2022. Рис. 3), будет легко установить, имеется ли там насыпанный ров. Тем самым можно было бы поставить точку в вопросе о существовании Плесской крепости домонгольского времени.

Теперь рассмотрим остатки предполагаемой башни и стены, открытые в раскопе 1990 г. Действительно, здесь обнаружены следы сгоревшего здания размерами 9×9 м с рубкой углов с выпуском, от которого к югу и востоку продолжались следы сгоревших бревенчатых конструкций. Над сгоревшей башней обнаружены истлевшие бревна, признанные остатками более поздней башни, размеры которой были заметно меньше: 6×6 м (строга говоря, зафиксирован только один ее размер). Наряду с обугленным деревом в раскопе встречены завалы из кусков обожженной глины, среди которых имелись и похожие на грубо сформованные и слабо обожженные «кирпичи» размерами 22×10×8 см. К сожалению, ни одного целого такого «кирпича» не сохранилось (во всяком случае, их фото нет в отчетных материалах), поэтому предложенные размеры являются очевидно реконструированными.

Датировка сгоревших остатков стены и башни 1410 г. остается пока совершенно умозрительной, поскольку основывается только на допущении их связи с летописным известием о строительстве в Плесе крепости. К сожалению, по понятным причинам в 1990 г. сложно было получить радиоуглеродные даты угля и определения породы дерева, поэтому все эти данные отсутствуют. Единственным археологическим доказательством предложенной датировки является находка под углом башни ямки с целым горшком, по морфологическим особенностям датированным XV в. и названным «строительной жертвой» (Травкин, 2022. С. 103. Рис. 60; 61, 4). Датировка не вызывает возражений, но она могла быть и несколько более широкой, заходя в XIV в. В какой степени треснувший и по этой причине оплетенный берестой горшок мог быть «строительной жертвой», сказать сложнее. Принесение в жертву явно негодной, испорченной вещи, да еще при строительстве крепости кажется очень сомнительным. Так что более вероятно, что этот горшок если и применили для какого-то ритуала, то случилось это задолго до строительства крепости, с которой он никак не связан (кроме случайного совпадения места находки с углом башни).

Башня крепости реконструирована в виде сруба с двойными стенками, расстояние между которыми составляло 50 см, и это пространство было заполнено полуобожженными «кирпичами» (см. выше)

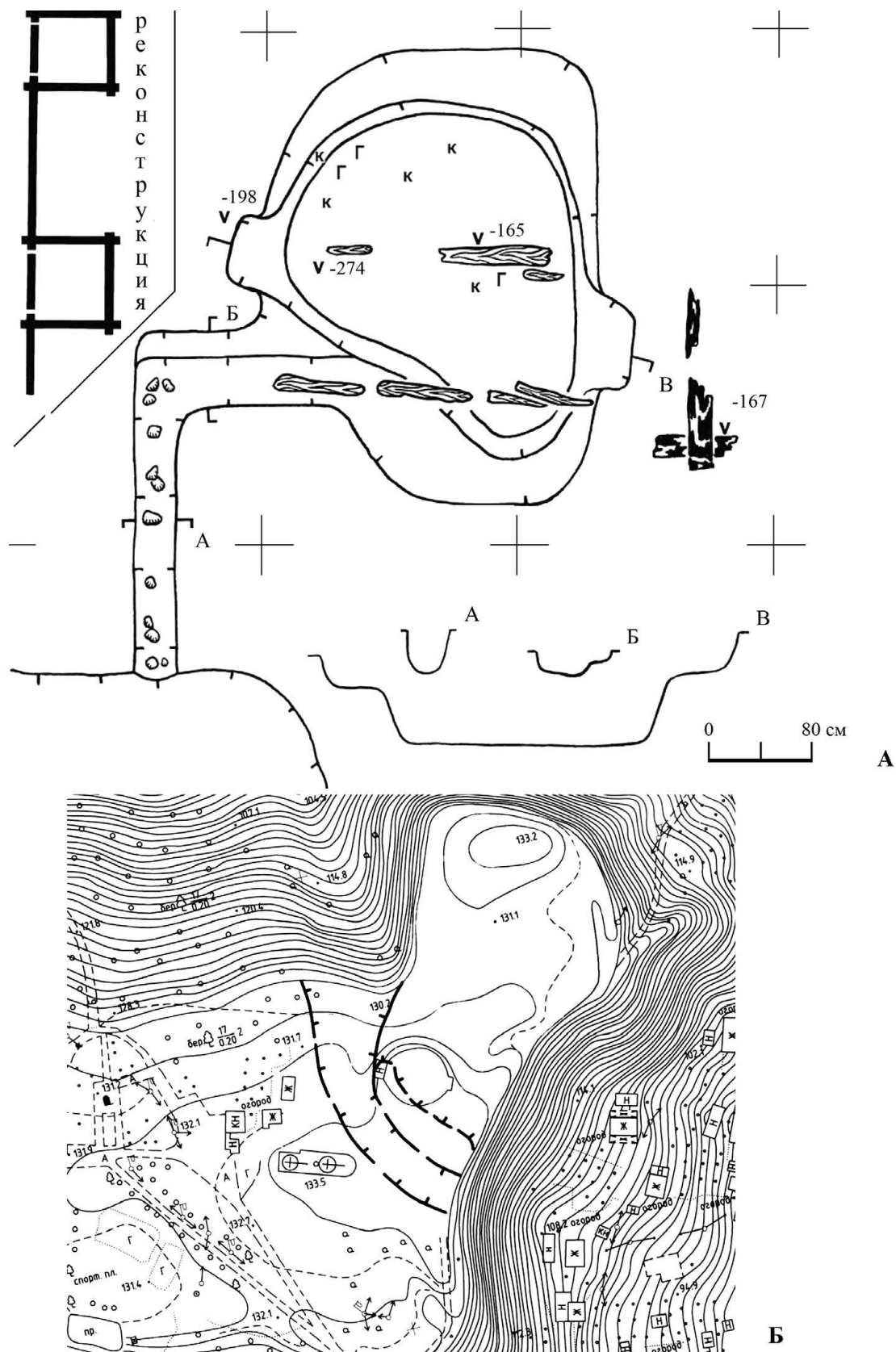

Рис. 7. Рис. 7. А - канавка и яма, послужившие основой реконструкции укреплений домонгольского времени (по: Травкин, 2022. Рис. 23); Б - план северо-восточной части Соборной горы с предполагаемыми местами размещения вала и рва домонгольского времени (по: Травкин, 2022. Рис. 18)

и кусками обожженной и ошлакованной глины (Травкин, 2022. Рис. 59). Сама по себе такая реконструкция вполне допустима, хотя она опирается на единственную аналогию – исследованные П. А. Раппопортом остатки стены псковского городка Кобылы, построенного в 1462 г. и сожженного в 1480 г. (Раппопорт, 1961. С. 137–139. Рис. 112). Там были крайне фрагментарно (траншеями шириной 1 м) изучены следы городских стен, среди которых имелись как одинарные, так и двойные (от них сохранились только самые нижние части, слегка заглубленные в материк). Двойные стены представляли собой две параллельные вертикальные стенки из бревен, расстояние между которыми составляло 0,6–1,6 м⁴, причем этот промежуток был засыпан мелким камнем. Такой сильный разброс размеров вызывает недоумение, однако существование двойных деревянных стен с засыпкой внутреннего объема щебнем или землей допускается исследователями фортификации для разных эпох и разных территорий (Моргунов, 2009. С. 42, 43. Рис. 16).

Поэтому если в Плесе применили такую же конструкцию, как в Кобыле, то недостаток камня могли восполнять комками материковой глины, которые после пожара крепости превратились в полуобожженные или даже ошлакованные «кирпичи». Нельзя исключать, что при забутовке стены для упрощения процесса работы и во избежание попадания влаги в стены глину формовали и высушивали в виде полиморфных «кирпичей». Важно отметить, что и П. Н. Травкин, и недавно продолжившая исследования Плеса О. А. Несмиян не упоминают случаев обнаружения негативов глины с характерными полукруглыми вмятинами от бревен, а это наталкивает на мысль, что деревянные стены Плеса были сложены не из круглых бревен, а из окантованного на четыре грани бруса.

Итак, предложенную реконструкцию стен крепости, выстроенных вдоль западного, северного и восточного склонов Соборной горы, в целом можно принять. Но называть ее «тарасами» (Травкин, 2022. С. 102) невозможно, прежде всего из-за отсутствия следов заполненных землей или камнем срубов, а именно эти элементы, чередовавшиеся с пустотелыми клетями, являются отличительной чертой стен, построенных в такой технике. Кроме того, «тарасы» впервые упоминаются на Руси в середине XVI в., а распространение получают еще позже (Носов, 2010. С. 66, 67). Поэтому примене-

ние подобной терминологии по отношению к Плесской крепости надо считать преждевременным. Что касается конкретного археологического материала, то он также вызывает ряд вопросов.

1. В отчетных чертежах 1990 г. двойные стены срубов не зафиксированы (нет разрезов, подобных представленным П. А. Раппопортом для Кобылы). Имеются только бревна, лежавшие параллельно друг другу на разных уровнях (рис. 8; 9). Таким образом, нет полной уверенности в применении здесь двойных стен наподобие обнаруженных П. А. Раппопортом в Кобыле.

2. Единственный разрез канавки, проходившей под западной стенкой сгоревшей башни (рис. 8), показал, что тут обожженная глина лежала поверх угольного заполнения этой канавки. Совершенно ясно, что здесь зафиксирована не хорошо сохранившаяся древняя конструкция, а постепенное проседание завалов обожженной глины, лежавших поверх канавки и ее углистого заполнения. Если бревна стенки были уложены в канавку, то они сохранились бы там в непо потревоженном виде даже полностью сгоревшими, но при раскопках зафиксирован лишь аморфный уголь. Следовательно, выявленная канавка, скорее всего, вообще не имела отношения к стенке башни, а относилась к предшествующей ей конструкции, например, частоколу, а обожженная глина попала в канавку уже много позже разрушения башни.

3. Массив обожженной глины (или «кирпичей» – название не вполне подходящее), как выясняется по чертежам раскопа, залегал полосами вдоль западной и восточной стенок башни, в то время как северная стенка такой полосы практически не имела (рис. 8). Заметим также, что приведенный в публикации план массивов обожженной глины не вполне соответствует отчетным чертежам, т. е. сам по себе является реконструкцией, которой, впрочем, нет оснований не доверять. Она показывает, что полосы обожженной глины размещались почти повсеместно вдоль стен крепости, хотя ширина и толщина этих полос была различной.

4. Под северной и западной стенками башни (а также под пряслем стены к востоку от башни) в материке выявлены ямы, в каждой из которых находилось по два столба диаметром 0,25–0,30 м, вкопанных в материк на 40–100 см (Травкин, 2022. Рис. 58). Столбы сохранились только в виде тлена. По мнению П. Н. Травкина, эти ямы размеща-

⁴ П. А. Раппопорт указывает интервал 0,9–1,6 м, но, судя по отчетным чертежам, тут допущена опечатка и первая цифра должна быть 0,6.

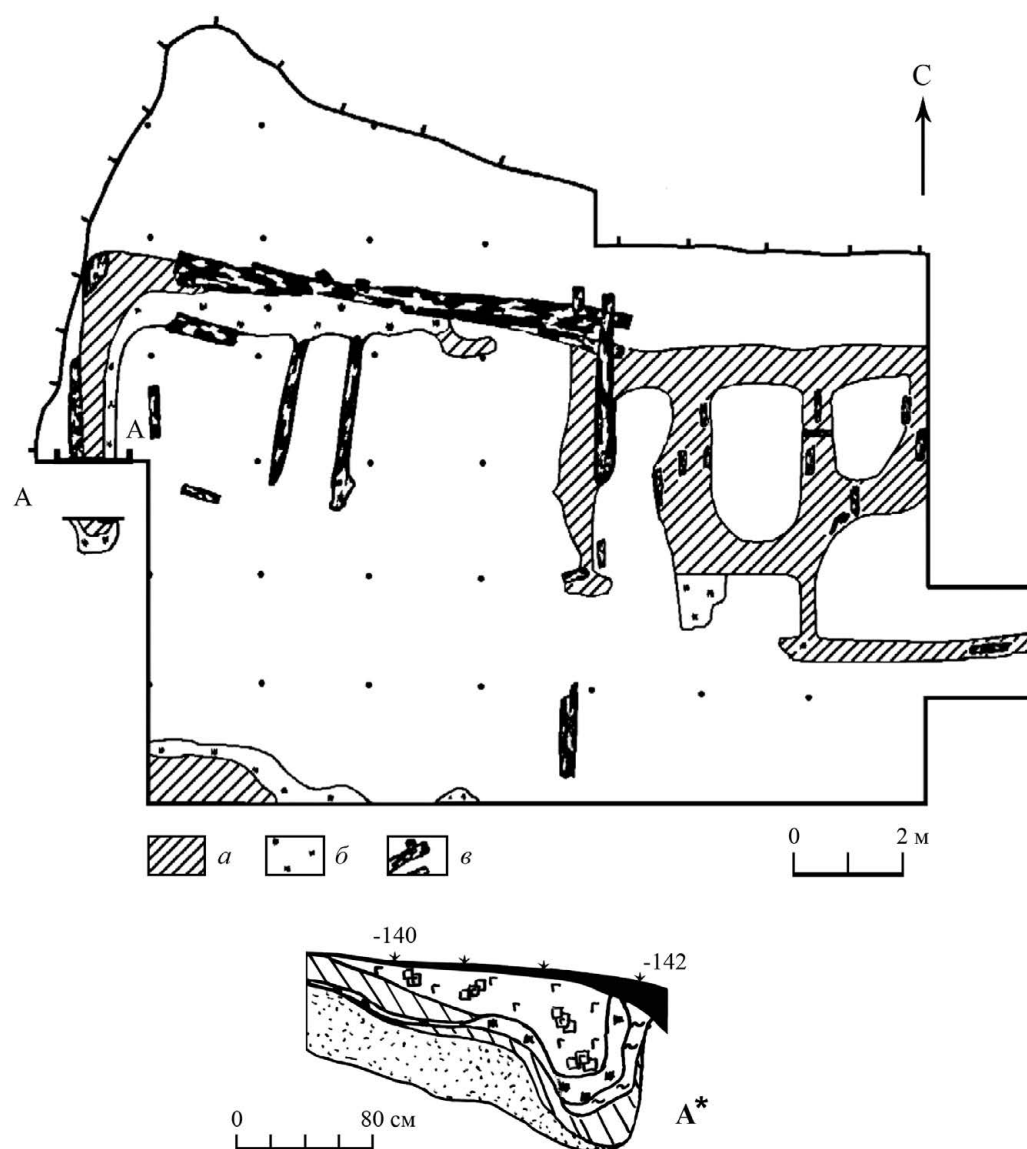

Рис. 8. Реконструкция сгоревшей башни в раскопе 1990 г. (по: Травкин, 2020. Рис. 56)

а – завалы обожженной глины и «кирпичей»; *б* – аморфный уголь; *в* – обгорелые бревна.

*А** – разрез *А* в профиле раскопа (по: Травкин, 1990. Рис. 39)

лись точно под стенками, а столбы служили опорой для них. Однако совмещение планов ям и остатков стен показывает, что ямы располагались чуть севернее внешнего фасада стены, так что нижний венец башни никак не мог опираться на находившиеся в них столбы (рис. 9). Лишь под западной стенкой башни одна подобная яма размещалась точно под нижним ее венцом. Смещение башни в южную сторону относительно линии ям со столбами допустить невозможно, поскольку уклон поверхности тут идет не к югу, а к северу, так что ни о ка-

ком «сползании» башни на юг речь идти не может. П. Н. Травкин предполагал также, что на эти столбы могли укладывать лаги, служившие опорой для нижнего венца башни (Травкин, 1990. Л. 20), однако лаги, опирающиеся на эти столбы, на чертежах также нигде не зафиксированы. Таким образом, линия ям со сдвоенными столбами маркирует более раннюю линию фортификации, конструкция которой не имеет пока аналогов в древнерусском оборонном зодчестве. Эта линия предшествовала созданию двойной деревянной стены с глиняной забутовкой⁵.

⁵ По любезному сообщению О. А. Несмиян и В. Г. Несмияна, такая же ситуация зафиксирована ими в раскопе 2020 г. к юго-западу от башни. Выражаю им свою глубокую признательность за помощь в проведении исследования.

Подводя итог рассмотрению материалов раскопок 1957 и 1990 гг., можно сделать следующие выводы.

1. Время сооружения вала Плёсского городища не установлено, не выяснено также, руинами какой конструкции он является. Можно лишь предполагать, что, подобно всем другим валам древнерусских городов, он тоже является руинами древо-земляной стены, составленной из городней, заполненных материковым грунтом. В позднейшее время вал был поврежден деревянной мостовой, проложенной по его северному склону.

2. Наличие на северном мысу Соборной горы городских укреплений домонгольского времени пока имеет характер неподтвержденной гипотезы. Однако проверка ее кажется реальной путем поиска засыпанного рва к югу от раскопа П. Н. Травкина 2005 г.

3. Датировка открытых в 1990 г. остатков сгоревшей стены и башни 1410 годом вполне допустима, но она очень слабо аргументирована. Поэтому возможна как более ранняя, так и более поздняя дата этих сооружений.

4. Конструкция сгоревшей стены и башни остается загадочной. Гипотеза о двойных стенах с заполнением промежутка обожженной глиной в целом возможна, но пока не выглядит вполне убедительной, поскольку нет однозначно зафиксированных фактов наличия следов таких двойных стен.

5. Если в будущем подтвердится датировка сгоревшей стены 1410 г., эта стена станет самой ранней из исследованных на территории Руси оборонительных конструкций, созданных преимущественно из дерева (крепость в городке Кобыле построена в 1462 г.), т. е. пришедших на смену мощным древо-земляным стенам домонгольской эпохи. При этом нет никаких свидетельств в пользу использования тут «тарасов», известных на Руси не ранее XVI в. Подобные легкие деревянные стены были вполне достаточны на краю крутого склона, где они выполняли скорее бутафорскую функцию, заставляя противника отказаться от мысли штурмовать их по крутому склону.

6. Открытая линия ям с двойными столбами не имеет отношения к сгоревшей деревянной стене и маркирует более раннюю ограду, конструкция которой еще более загадочна, поскольку аналогии ей неизвестны. Эта линия могла быть построена в XIV в. либо как раз в 1410 г. (но в этом случае сгоревшую деревянную стену нужно от-

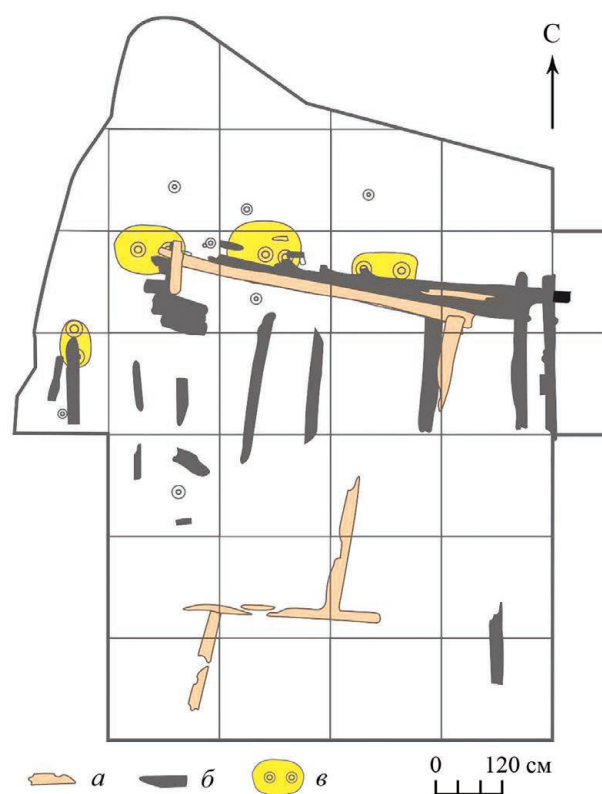

Рис. 9. Совмещение планов наиболее поздней (несгоревшей) башни, сгоревших остатков башни и материковых ям с парными столбами на раскопе 1990 г. по отчетным чертежам П. Н. Травкина (совмещение В. Ю. Ковалёва)
a – истлевшая древесина; *б* – обугленные плахи; *в* – материковые ямы с двойными столбами

нести к более позднему времени). Таким образом, на краю Соборной горы Плёса удалось обнаружить следы трех последовательно сменявших друг друга оборонительных линий, выстроенных преимущественно из дерева.

7. Для изучения фортификаций Плёса необходимо проведение археологических исследований на современном методическом уровне, что демонстрируют работы, начатые в 2018 г. Шуйской археологической экспедицией под руководством О. А. Несмиян и В. Г. Несмияна. Есть надежда, что они позволят ответить на некоторые из поставленных здесь вопросов.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

Коваль В. Ю., 2020. Об использовании трехстенных срубов в фортификации средневековой Руси // КСИА. Вып. 260. С. 326–339.

Коваль В. Ю., 2021. Древнерусские древо-земляные крепости: преодоление стереотипов // Военно-исторический журнал. № 4. С. 77–85.

Моргунов Ю. Ю., 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М.: Наука. 303 с.

Несмиян В. Г., Несмиян О. А., Воробьева Е. Е., 2019. Раскопки на территории Соборной горы в Плесе в 2018 году // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова. Кострома: Костромской музей-заповедник. С. 65–74.

Носов К. С., 2010. Терминология оборонительного зодчества на Руси в XI–XVII веках. М.: РАГС. 90 с.

Панченко Г. В., 2010. Старая дорога в Плесскую крепость // Материалы научно-практической конференции «XII Плесские чтения». Плещ: ИД Референт. С. 86–90.

Панченко Г. В., 2014. Результаты радиоуглеродного датирования захоронений на ул. Урицкого

в Плесе // XIII Плесские чтения. Материалы научно-практической конференции. Иваново: Плещский музей-заповедник. С. 22–30.

Раппопорт П. А., 1956. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. М. (МИА СССР. № 52). 184 с.

Раппопорт П. А., 1957. Отчет о работе отряда по изучению крепостей Среднерусской археологической экспедиции в 1957 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 1425.

Раппопорт П. А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М. (МИА СССР. № 105). 246 с.

Травкин П. Н., 1990. Отчет Плещского отряда Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР о раскопках Плещского и Пеньковского городищ в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15893.

Травкин П. Н., 1993. Плещская крепость 1410 года // Плещский сборник. Вып. 1. Плещ: Плещский музей-заповедник. С. 175–178.

Травкин П. Н., 2022. Плещская крепость в XII–XVI вв. Плещ: б. и. 378 с.

V. Yu. Koval

Fortress of the medieval Plyos according to excavations in 1957 and 1990

Summary

During excavations in the city of Plyos (Ivanovo region, left bank of the Volga), fortifications hypothetically dated to 1410 were studied – rampart (remains of a wood-and-earth wall) and a burnt wooden tower, in the construction of which, probably, clay blocks

were used. Unfortunately, the methodological level of these excavations did not allow obtaining enough data for reliable dating and reconstruction of the appearance of the fortifications. Nevertheless, the uniqueness of the monument makes us pay special attention to it.

Археология Нового времени

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-396-1.125-137>

**М. Б. Медникова, А. В. Энговатова,
О. Ю. Чечёткина**

Институт археологии РАН, Москва

Палеодемографические и палеопатологические особенности населения русских городов (по результатам охранных раскопок кладбищ XVI–XVII веков в Туле и Ярославле)

Изучение антропологических материалов из городских некрополей позволяет дать характеристику их демографического состава, особенностей физического развития и состояния здоровья населения в конкретный период истории. Применение методов биоархеологии позволило сопоставить показатели качества жизни населения двух крупных российских городов в XVI–XVII вв. – Тулы и Ярославля. В результате была выявлена их региональная и хронологическая специфика.

Реперным источником для сравнения служат антропологические материалы, ранее полученные Ярославской экспедицией ИА РАН под руководством А. В. Энговатовой во время спасательных раскопок кладбища при ц. Иоанна Златоуста в историческом центре Ярославля (*Энговатова и др.*, 2014; *Медникова и др.*, 2013). В научный оборот вводятся результаты исследования синхронной остеологической коллекции, полученной при раскопках в Тульском кремле, осуществленных ИА РАН в 2019 г.

Появление некрополя в центре Тульского кремля связано с двумя находившимися внутри его церквями: холодной – во имя собора Архангела Гавриила с приделом Василия Парийского и зимней – Успения Богоматери (Писцовые книги... 1877. Стб. 1079). Возникнув в начале XVI в., некрополь существовал на протяжении около двух веков, до начала 1760-х годов, когда сменившее древние деревянные постройки каменное здание второй половины XVII в. разбирается при строительстве нового храма (рис. 1–7). Точное время прекращения бытования кладбища по письменным источникам не прослеживается, но, вероятно, это произошло к середине XVIII в., когда городская жизнь окончательно переместилась за пределы крепост-

ных стен. Состав погребенных с течением времени, вероятно, менялся. Если в начале XVI в. городское население составляли по большей части служилые люди и их семьи, переселенные сюда с обжитых территорий, то к концу столетия мы видим сформировавшееся местное население, хотя и со значительным присутствием присылаемых сюда на службу представителей военного сословия. Впоследствии Тула утрачивает стратегическое значение, в результате чего крепость уже не играет важной роли в жизни города, которая перемещается за ее пределы – на посады.

Несколько отлична история кладбища при Златоустинской церкви в историческом центре Ярославля. Самые ранние захоронения здесь относятся к XV в., когда, видимо, была построена первая деревянная церковь (*Panyushkina, Karpukhin, Engovatova*, 2016). Наиболее активно некрополь формировался в XVI–XVII столетиях. В конце XVII в. (около 1690 г.) был возведен каменный храм, разрушенный в начале 1930-х годов. После Смуты участок в историческом центре города, принадлежавший Спасо-Преображенскому монастырю, активно заселялся ремесленниками и торговыми людьми, ищущими послабления от государственных налогов. Поэтому в первой половине XVII в. при церкви образуется приход, но в 1648 г. царским указом живущим здесь «по их градскому житью и по промыслу, велели бытии за нами, с ними с ярославцы с посадскими людьми тяглом и службами вместе» (Ярославские... 1856. С. 466). После перепланировки Ярославля в XVIII в. населенные дворы из исторического центра города переносятся, многолюдность этого прихода сходит на нет и плотность населения значительно уменьшается. Немногочисленные дворы

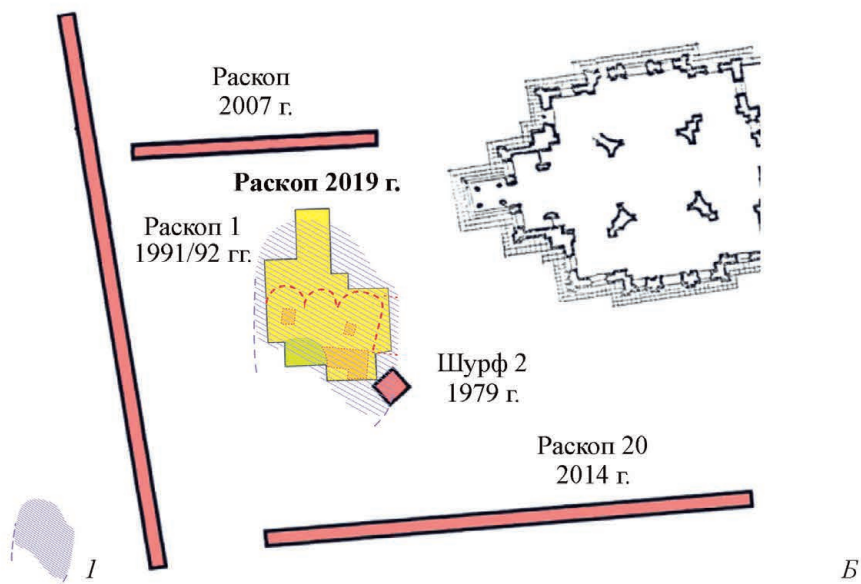

Рис. 2. Тульский кремль

А – расположение археологических раскопов и шурфов в разные годы;

Б – центральная часть площадки с раскопом 2019 г. и предполагаемыми границами некрополя.

1 – зона размещения погребений кладбища

Таблица 1. Тула, ранняя группа погребений.

Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Все взрослые
Реальный объем выборки (N), инд.	115,0	21,0	28,0	51,0
Средний возраст смерти в группе (A)	17,2	31,3	33,6	32,4
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	32,4	31,3	33,6	32,4
Детская смертность (PCD), %	55,7	—	—	—
Дети в интервале 0–1 от NCD (PBD), %	11,6	—	—	—
Соотношение полов (SR), %	75,0	—	—	75,0
Индивиды данного пола (PSR), %	—	42,9	57,1	—
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 (E0)	17,2	—	—	—
Ожидаемая продолжительность жизни в 15–19 лет (E15)	17,4	16,3	18,6	17,4
Ожидаемая продолжительность жизни в 20–24 года (E20)	12,5	11,3	13,6	12,5
Средний возраст смерти при 20% PCD (A20)	26,9	26,1	27,9	26,9
Средний возраст смерти при 30% PCD (A30)	24,1	23,4	25,0	24,1
Средний возраст смерти при 40% PCD (A40)	19,8	20,7	22,1	19,8
Длина поколения (T)	25,80	25,41	26,15	25,80
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,058	0,061	0,054	0,057
Среднегодовой уровень фертильности (B)	9,72	20,72	23,24	21,92
Общий репродуктивный уровень (GRR)	3,60	1,69	1,51	1,60
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	4,5	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	7,2	3,4	3,0	3,2
Индивиды старше 15 лет (CA), %	44,3	100,0	100,0	100,0
Активное население (CF), %	44,3	100,0	100,0	100,0
Индивиды старше 50 лет (C50+), %	0,0	0,0	0,0	0,0
Коэффициент активного населения (DR)	1,25	0,00	0,00	0,00

Рис. 3. Раскоп 2019 г. с фундаментами. Вид с юго-востока

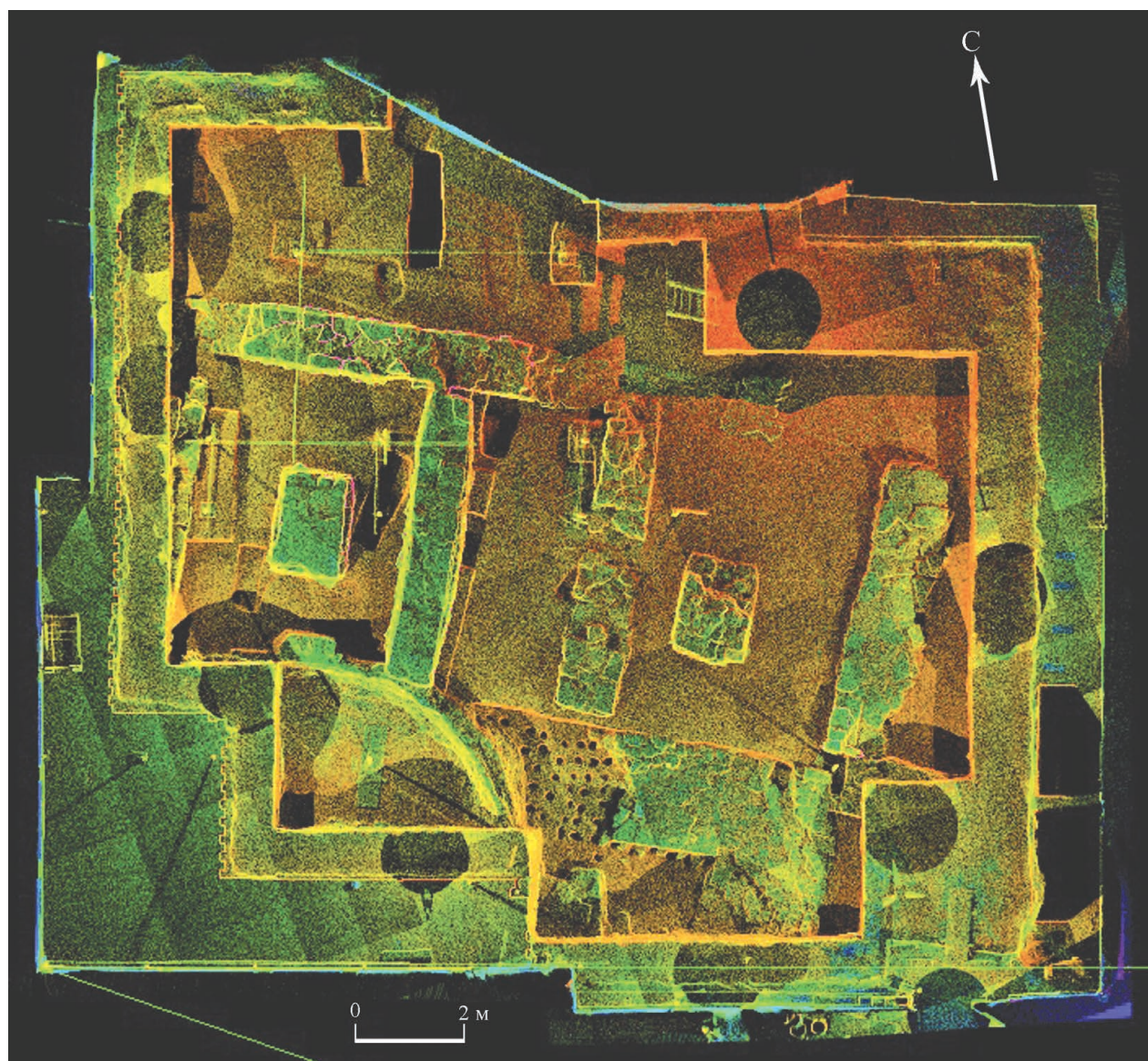

Рис. 4. План раскопа, снятый методом лазерного сканирования

отражающая их относительно высокий социальный статус. Пик смертности у тульских мужчин XVI столетия – в 25–29 лет и намного выше женской смертности в этом возрасте (табл. 1; рис. 8А). В XVII в. картина более типичная: средний возраст смерти у женщин меньше (30 лет), чем у мужчин (34,9), резкий пик смертности женщин наблюдается в возрасте до 30 лет, что более характерно для средневековых палеопопуляций (табл. 2; рис. 8Б).

Привлечение в качестве сравнительного фона данных по палеодемографии Ярославля XVI–XVII вв. литовского города Алитус и сельского Можайска (Ярославские... 1856. С. 466) позволяет понять особенности смертности синхронного населения, погребенного в тульской крепости.

Средний возраст смерти взрослых в тульских выборках XVI и XVII вв. практически одинаков (32,4 и 32 года). В сравнимой по численности объединенной выборке из погребений в Ярославле XVI–XVII вв. средний возраст смерти взрослого населения несколько выше – 33,4 года (у мужчин и женщин, соответственно 35,4 и 31,2). В литовской выборке средний возраст смерти взрослых – 38,1 лет, он довольно высок и у мужчин (42,4 года), и у женщин (37 лет). В можайской выборке средний возраст смерти низок и практически совпадает у мужчин и женщин – 30,7 и 30,5 соответственно.

Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения Тулы, т.е. число лет, которое индивидум может прожить по достижении пятна-

Таблица 2. Тула, поздняя группа погребений.

Основные палеодемографические характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Все взрослые
Реальный объем выборки (N), инд.	120,0	27,0	24,0	53,9
Средний возраст смерти в группе (A)	17,0	34,9	30,0	32,0
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	32,0	34,9	30,0	32,0
Детская смертность (PCD), %	55,1	–	–	–
Дети в интервале 0–1 от NCD (PBD), %	12,3	–	–	–
Соотношение полов (SR), %	112,5	–	–	112,5
Индивиды данного пола (PSR), %	–	52,9	47,1	–
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 (E0)	17,0	–	–	–
Ожидаемая продолжительность жизни в 15–19 лет (E15)	17,0	19,9	15,0	17,0
Ожидаемая продолжительность жизни в 20–24 года (E20)	12,8	14,9	10,5	12,8
Средний возраст смерти при 20% PCD (A20)	26,6	28,9	25,1	26,6
Средний возраст смерти при 30% PCD (A30)	23,8	25,9	22,5	23,8
Средний возраст смерти при 40% PCD (A40)	19,6	22,9	19,9	19,6
Длина поколения (T)	25,87	26,43	25,14	25,87
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,059	0,050	0,067	0,059
Среднегодовой уровень фертильности (B)	9,66	25,33	18,96	21,51
Общий репродуктивный уровень (GRR)	3,63	1,38	1,85	1,63
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	4,5	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	7,3	2,8	3,7	3,3
Индивиды старше 15 лет (CA), %	44,9	100,0	100,0	100,0
Активное население (CF), %	44,9	100,0	100,0	100,0
Индивиды старше 50 лет (C50+), %	0,0	0,0	0,0	0,0
Коэффициент активного населения (DR)	1,23	0,00	0,00	0,00

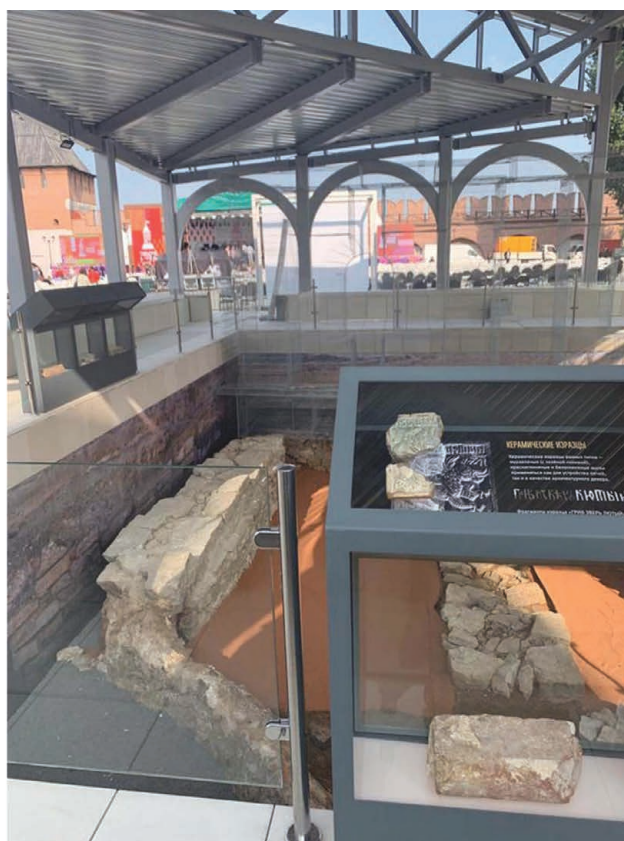

Рис. 5. Тульский кремль. Музеефикация выявленного фундамента Успенского собора XVII в.

Рис. 6. Раскоп 2019 г. Каменные кладки, часть творильной ямы и пятна могильных ям. Вид с юга

дцатилетнего возраста (E15), – 17,4 года (16,3 года для мужчин и 18,6 – для женщин) в XVI в.; 17 лет (19,9 и 15) в XVII в. Вновь подчеркнем, что демографическая ситуация для мужчин Тулы в XVII в. по сравнению с ранним периодом улучшилась, а для женщин стала хуже. В Ярославле показатель E15 сопоставим: 18,4 года (20,4 у мужчин и 16,2 у женщин). В литовском городе Алитус E15 суммарно равен 23,1 года (мужчины и женщины – 27,4 и 22,0). Самая низкая ожидаемая продолжительность жизни в сельском Можайске – 15,6 года суммарно (15,7 года у мужчин и 15,5 у женщин). В целом ситуация в Туле XVII в. наиболее близка Ярославлю, но демографический профиль в этой группе очень своеобразен.

По сравнению с Ярославлем в Туле на всем протяжении заметно выше смертность детей в возрастных интервалах 0–4 и 5–9 лет. В 15–19 лет она была минимальной, в отличие от Ярославля, где наблюдалась активная убыль населения в 15–24 года, а суммарный пик смертности наступал в 25–29 лет (рис. 9). Таким образом, очевидна региональная специфика, по-видимому, отражающая различные условия жизни населения.

Особенности физического развития населения

Длина тела – важный признак в биологической антропологии, рассматриваемый в качестве показателя степени благосостояния обществ прошлого

го, в том числе историками и экономистами (Steckel, 1979; 1995; Миронов, 2012). В недавней обзорной публикации, посвященной особенностям процессов роста у населения русских городов Нового времени, показано, что в отличие от синхронных западноевропейских серий в XV–XVI вв. мужчины некоторых городов (Ростов, Можайск, Кострома, Москва) демонстрировали высокорослость, хотя в XVII в. размеры тела могли снижаться в соответствии с глобальной тенденцией (Медникова, Тарасова, 2022). Размеры тела женщин были более стабильны и тяготели к средним или низким значениям, что может означать большее давление культурных и социальных факторов, препятствовавших секулярному тренду.

Реконструированная длина тела мужчин Тулы (по формуле Троттер-Глезер для европеоидов) в XVI в. в среднем была высока и достигала 175 см. В XVII в. она несколько увеличилась – 177 см. Еще более заметно хронологическое изменение размеров тела тульских женщин – от 156 до 163 см в XVI и XVII вв. соответственно. Наблюдаемая тенденция может отражать улучшение качества жизни, затронувшее прежде всего детскую и подростковую часть населения, находившегося в процессе роста.

Индикаторы физиологического стресса и палеопатологии

Возможная причина гибели молодых мужчин Тулы в XVI – начале XVII в. – участие в боевых

Рис. 7. Погребения кладбища в ходе расчистки
А – погр. 29–30. Вид с юго-востока; Б – погр. 31. Вид с северо-запада

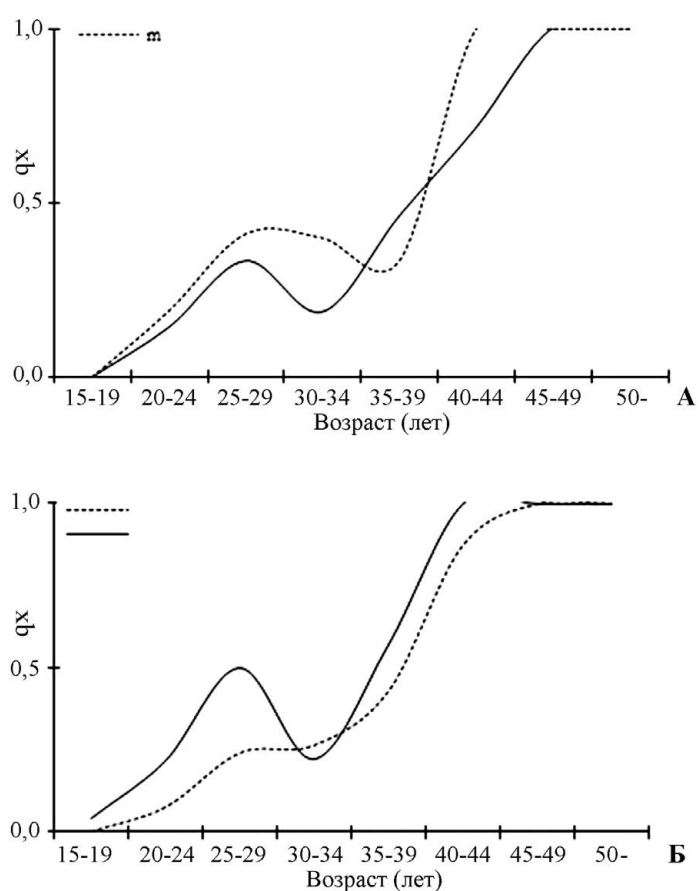

Рис. 8. Сравнение пиков смертности у населения XVI в. (А) и XVII в. (Б) по материалам раскопок в Туле

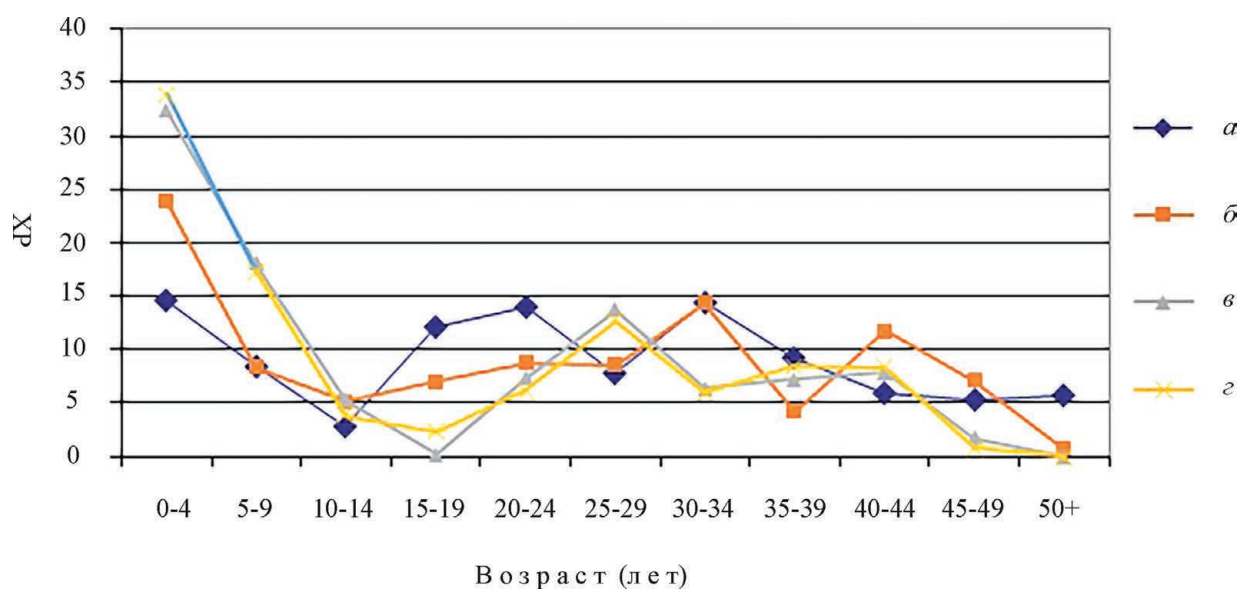

Рис. 9. Динамика показателей смертности (dx) для выборки погребенных в тульском некрополе на фоне смертности прихожан церкви Иоанна Златоуста в Ярославле (XVI и XVII вв.)
а – XVI в. Ярославль; б – XVII в. Ярославль; в – XVI в. Тула; з – XVII в. Тула

Рис. 10. Рубленые травмы черепа, причиненные острым клинком, на черепе взрослого мужчины XVII в. из раскопок в Тульском кремле

столкновениях. На черепе одного из них обнаружены последствия неоднократных предсмертных рубленых ударов в затылочной области (рис. 10). Характер повреждений свидетельствует, что во время боя он упал с коня или сражался пешим. В целом можно констатировать, что большинство травматических повреждений, встреченных у погребенных в тульском некрополе, носило бытовой характер (табл. 3). Обращает внимание встречаемость переломов локтевой кости у женщин; энтезопатий, локализованных на ключицах, вызванных микротравмами, у населения XVII в.; рост числа хрящевых грыж (узлы Шморля), сопряженных с элеваторными нагрузками, у мужчин XVII в. Большинство обследованных мужчин были всадниками, о чем свидетельствует наличие характерных изменений на костях скелета. Для сравнения: ранее отмечался рост травматизма у населения Ярославля в XVII в. по сравнению с XVI в. (Медникова и др., 2013).

При рассмотрении частоты встречаемости эмалированной гипоплазии – признака, отражающего периодические остановки роста в период раннего детства под влиянием физиологических стрессов, обращает внимание резкое увеличение у населения XVII в., особенно заметное у женщин (табл. 4). Другой индикатор прерывания ростовых процессов (линии Гарриса на рентгенограммах большеберцовых костей), отражающий более поздние стрессы подросткового и юношеского возраста, встречен только у мужчин и демонстрирует стабильно невысокое значение частоты на протяжении двух веков. Для сравнения: частота встречаемости линий Гарриса у мужчин Ярославля существенно выше, достигая в XVI в. 40 процентов, в XVII в. – 75 (Медникова, Энговатова, Тарасова, 2015). У мужчин XVII в. по сравнению с XVI в. наблюдается рост частоты кариеса и парадонтопатии наряду со снижением частоты встречаемости зубного камня и прижизненной утраты зубов. Число наблюдений у женщин, обусловленное плохой сохранностью останков, невелико, поэтому можно лишь с осторожностью предположить тенденцию увеличения случаев кариеса и зубного камня в XVII в. наряду со снижением встречаемости парадонтоза и прижизненной утраты зубов. У ярославцев XVII в. также был отмечен рост числа зубных патологий (Медникова и др., 2013).

При анализе признаков, находящихся под контролем наследственных факторов, можно видеть завышение частоты встречаемости краудинга у населения XVI в. по сравнению с XVII в. (табл. 5). Это может означать ограниченный круг брачных связей у населения раннего периода. Кроме того, для тульских мужчин была характерна стабильная частота проявлений диффузного идиопатического гиперостозного синдрома (болезнь Форестье), ассоциируемого не только с генетической предрасположенностью, но и с питанием мясной и жирной пищей. Этот показатель слегка снижается при переходе к XVII в. Также заметим, что симптом анемии *cribra orbitalia* был встречен лишь у одного мужчины XVI в. (12,5%). Кроме того, изогнутость диафизов бедренных костей у 40 процентов мужчин XVII в. и у 33,3 процента женщин XVI в. говорит о наличии рахита.

Палеопатологии в детской выборке

Изучение патологических изменений, регистрируемых на останках детей из археологических раскопок, – область биоархеологии, опирающаяся на специальный методический аппарат. В рамках

Таблица 3. Частота встречаемости травматических повреждений у погребенных в тульском некрополе.

Признаки	Травма лицевого скелета			Травма черепа			Перелом локтевой кости			Энтеоспатия ключицы			Узлы Шморля			Травма ребер			Морфологический комплекс всадника		
	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%
XVI в., муж.	8	1	12,5	8	—	—	5	—	—	7	—	—	8	1	12,5	8	—	—	8	6	75
XVII в., муж.	8	1	12,5	8	1	12,5	7	—	—	8	2	25	11	4	36	10	1	10	5	5	100
XVI в., жен.	5	1	20	5	—	—	3	1	33,3	5	—	—	8	1	12,5	8	—	—	3	—	—
XVII в., жен.	2	1	50	2	—	—	5	2	40	5	1	20	14	—	—	10	—	—	7	1	14,3

Таблица 4. Частота встречаемости индикаторов физиологического стресса и зубных патологий у погребенных в тульском некрополе.

Признаки	Эмалевая гипоплазия			Линии Гарриса			Карис			Пародонтоз			Зубной камень			Прижизненная утрата зубов			Стертость зубов		
	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%
XVI в., муж.	9	3	33,3	9	1	11,1	9	2	22,2	9	2	22,2	9	4	44,4	9	5	55,6	9	3	33,3
XVII в., муж.	9	4	44,4	9	1	11,1	9	3	33,3	9	3	33,3	9	3	33,3	9	1	11,1	9	3	33,3
XVI в., жен.	7	2	28,6	3	—	—	7	1	14	7	3	42,9	7	2	28,6	7	5	71,4	7	1	14
XVII в., жен.	3	2	66,7	4	—	—	3	2	67	3	1	33,3	3	3	100	3	2	66,7	3	1	33

Таблица 5. Встречаемость наследственных аномалий и метаболических нарушений у погребенных в тульском некрополе.

Признаки	Остеома			Краудинг			Межмышечное отверстие			Сакрализация 5-го поясничного позвонка			Болезнь Форестье			Сращение позвонков			Осификация связки		
	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%
XVI в., муж.	8	—	—	9	3	33,3	8	1	12,5	1	1	100	8	1	12,5	8	—	—	8	2	25
XVII в., муж.	8	—	—	9	1	11,1	13	—	—	4	1	25	11	1	9,1	11	1	9,1	9	2	22,2
XVI в., жен.	5	—	—	7	1	14,3	2	1	50	1	—	—	8	—	—	8	—	—	3	—	—
XVII в., жен.	2	1	50	3	—	—	8	1	13	—	—	—	14	—	—	14	—	—	4	—	—

предварительной публикации мы приведем лишь основные результаты исследования останков детей, погребенных в тульском некрополе. Их описанию будет посвящена отдельная статья. Нами выявлено преобладание младенческой цинги и периостальных реакций на трубчатых костях, признаков анемии, признаков задержки роста (эмалевой гипоплазии и линий Гарриса) у детей XVI в. по сравнению с XVII в. Вместе с тем для детей XVII в. характерен рост числа случаев рахита (с 15 до 23%).

Заключение

Оба рассматриваемых в статье некрополя формировались при церквях на территории крепостей средневековых городов, между которыми, впрочем, имеются существенные отличия географического, исторического и хронологического плана.

Ярославль как городское поселение сформировался на рубеже XII–XIII вв., пережил разо-

рение в 1238 г., но возродился и к первой половине XVI в. стал одним из крупнейших на Волге. К этому времени здесь стабильно проживало местное население, подпитывающееся выходцами из ближайших населенных еще в домонгольское время окрестностей, а также верховий и низовий Волги и Севера. Пережив без существенных потерь Смутное время, Ярославль пополнился в XVII в. выходцами из сильно разоренных войной западных областей русского государства (например, Зубцов), которые поселялись на дворах и в пригородных слободах Спасо-Преображенского монастыря, уже к середине века конкурировавших с посадом.

Один из таких монастырских дворов находился на территории Рубленого города – исторического центра Ярославля. Находившаяся поблизости церковь Иоанна Златоуста с приделом Тихона Чудотворца являлась приходской для посадского

населения, корни которого уходят в XVI в., и для пришлых монастырских закладчиков, проживавших на дворе. Поэтому в составе некрополя, вероятно, отразились черты обеих групп, преобладание одной которых не вполне ясно по выборке лишь с одного городского кладбища.

Отличительной чертой Тулы является военный характер построенного единовременно на ранее неосвоенном участке поселения, при малочисленности здесь коренного населения. В крепости находились служилые люди, присылаемые сюда из различных областей государства – от Русского Севера до Нижнего Новгорода, причем необходимо указать на временность проживания и их замены при регулярных ротациях. Население внутри укреплений было немногочисленно – здесь находились в основном осадные дворы и клетки, которые использовались при военной угрозе. Вокруг крепости в XVI в. начал формироваться посад с приходскими церквями и Иоанно-Предтеченским монастырем. Однако до формирования жилых территорий вокруг крепости именно соборная ц. Гавриила Архангела совмещала функции соборного и приходского храмов.

После Смуты, когда в Туле возникает окруженный острогом полноценный посад, центрами погребения горожан становятся приходские кладбища. Кто из жителей кроме членов причта в это время захоранивались на соборном кладбище, неизвестно, что затрудняет сравнение антропологических выборок.

Применение методов биоархеологии в изучении антропологических материалов из археологических раскопок в исторических центрах двух позднесредневековых русских городов позволило сопоставить показатели качества жизни насе-

ления XVI–XVII вв. В результате выявлена их региональная и хронологическая специфика.

Ранее на основании данных палеодемографии и палеопатологии показано, что качество жизни населения Ярославля в XVI в. в целом было выше, чем в XVII в., ознаменованном неблагоприятными климатическими изменениями и политическими потрясениями. Это выражалось в низких показателях травматизма, низкой частоте встречаемости патологий, отсутствии проявлений хронических бактериальных инфекций. Частота встречаемости этих показателей стала выше в XVII в.

Население Тулы XVI в., входившей в засечную черту, жило на южной границе государства и находилось под постоянной угрозой военных конфликтов, возможно, поэтому продолжительность жизни местных мужчин была ниже, чем в Ярославле, а женщин, наоборот, выше. В XVII в., когда город потерял функции города-крепости, эти показатели сближаются. Интересно, что тульское население отличалось очень высоким уровнем рождаемости (в среднем пять детей в семье), в то время как в Ярославле в семье в среднем было два-три ребенка. По сравнению с Ярославлем смертность маленьких детей в Туле была намного выше, даже в XVII в., когда этот показатель вырос и в Ярославле.

Увеличение случаев травматизма, ухудшение здоровья зубной системы, рахита, характерное для жителей Тулы и Ярославля в XVII в., может отражать социальные изменения, снижение уровня бытовой культуры, а также опосредованное неблагоприятное воздействие климатических изменений.

Исследование производилось в рамках темы «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264–9).

Литература

Медникова М. Б., А. А. Тарасова А. А., 2022. Население русских городов Нового времени по данным антропологического источника: особенности процессов роста и секулярный тренд // В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Club Print. С. 67–87.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е., 2013. Эпидемиология войны и смуты: антропологические и письменные источники в изучении качества

жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля) // КСИА. Вып. 231. С. 154–171.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Тарасова А. А., 2015. Диахронные изменения качества жизни населения Ярославля в XIII–XVII вв. по данным радиологии // РА. № 3. С. 41–53.

Миронов Б. Н., 2012. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь Мир. 844 с.

Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. СПб.: Русское географическое общество, 1877. 1598 с.

Энговатова А. В., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е., 2014. Исследования кладбища при церкви Иоанна Златоуста в Ярославле: к вопросу о качестве жизни и питании средневекового городского населения // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 362–369.

Ярославские губернские ведомости. № 49. 1856.
Panyushkina I. P., Karpukhin A. A., Engovatova A. V., 2016. Moisture record of the Upper Volga

catchment between AD1430 and 1600 supported by a $\delta^{13}\text{C}$ tree-ring chronology of archaeological pine timbers // *Dendrochronologia*. Vol. 39. P. 24–31.

Steckel R. H., 1979. Slave Height Profiles from Coastwise Manifests // *Explorations in Economic History*. Vol. 16. Iss. 4. P. 363–380.

Steckel R. H., 1995. Stature and the Standard of Living // *Journal of Economic Literature*. Vol. 33. P. 1913.

M. B. Mednikova, A. V. Engovatova, O.Yu. Chechyotkina

Paleodemographic and paleopathological patterns of the population of Russian cities (based on the results of security excavations of cemeteries of the 16th – 17th centuries in Tula and Yaroslavl)

Summary

The article presents the results of a comparative study of anthropological materials from the excavations of the burial yard on the territory of the Tula Kremlin under the guidance of A.V. Engovatova. The study of osteological samples from urban necropolises allows us to consider the characteristics of the demographic composition, features of physical development and the health condition of the population in a particular period of history.

From the excavations in Tula, the remains of 261 people were identified, of which 144 skeletons belonged to children, 54 to men, 57 to women, the sex of six adult individuals could not be determined due to the poor preservation of the bone material.

The population of Tula in the 16th century lived on the southern border of the state and was under the con-

stant threat of military conflicts. That is probably why the life expectancy for local men was lower than in synchronous Yaroslavl, and for women, on the contrary, higher. In the 17th century, when the city lost its strategic importance, these indicators converged, and the population had a very high birth rate (on average, 5 children per family), while in Yaroslavl, the average family had 2–3 children. Compared to Yaroslavl, the mortality of young children in Tula was much higher, even in the 17th century, when this value of this feature increased.

The growing number of traumatic cases, deterioration in the health of the dental system, and rickets, which was characteristic of the inhabitants of Tula and Yaroslavl in the 17th century, may reflect the indirect adverse effects of climate cooling, which reached its maximum in this century.

Е. П. Зоц, А. Ю. Сергеев, М. А. Курицын

Институт археологии РАН, Москва

Сгоревший погреб с зерном второй половины XV – первой половины XVI века из Троице-Сергиевой лавры

Подмосковная экспедиция Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой с 2018 г. проводит масштабные работы на территории Троице-Сергиевой лавры (г. Сергиев Посад, Московская обл.). В 2019 г. в северо-западной части монастыря обнаружено сгоревшее заглубленное сооружение, в котором находились значительные запасы зерна (объект 335) (рис. 1)¹. Эта территория особенно активно использовалась и застраивалась начиная с середины XVI в. вплоть до начала XXI в. Хозяйственная деятельность сильно нарушила более ранние культурные напластования. В связи с этим и из-за практически полного отсутствия в этом сооружении археологического материала его датировка возможна только на основании анализа стратиграфии и планиграфии.

Данный погреб (объект 335) прорезал несколько частотных траншей, датированных в пределах второй половины XIV – XV в. (рис. 2). Само это сооружение прорезалось частотной траншеей, которую стратиграфически можно датировать не ранее XVI в. (объект 324). Также угол погреба с зерном прорезала землянка с печью (объекты 336, 353), появившаяся, вероятно, в Смутное время.

Анализ планиграфии показал, что ориентация объекта 335 совпадает с ориентацией объектов 358 (подпол) и 238 (небольшой погребок?). Эти объекты содержали крайне небольшое количество керамического материала. На его основании и при анализе стратиграфии они датируются в пределах второй половины XV – первой половины XVI в. К этому же времени относится крупный столб (объект 329). Планировка близлежащих объектов середины XVI в. и позднее в той или иной степени коррелирует с ориентацией монастырской стены, по-

строенной в середине XVI в. Таким образом, на основании вышеописанных данных погреб с зерном (объект 335) можно датировать в пределах второй половины XV – первой половины XVI в.

Исключением из общей планиграфической модели на данном участке монастыря является крупный погреб – объект 359 (рис. 2). На основании керамического материала и стратиграфии он датируется второй половиной XV – первой половиной XVI в. Уже в практически засыпанный, в него было выброшено небольшое количество сгоревшего зерна. Перекрывавший это зерно слой засыпки провала содержал материал, в целом датируемый не позднее первой половины – середины XVI в. Изначально было сделано предположение, что данное зерно попало в западину погреба из объекта 335, поскольку следов другого пожара или скопления зерна на близлежащей территории вплоть до XVIII в. не прослежено. На основании исследования образцов зерна из объектов 335 и 359 сделан вывод о, вероятно, разном происхождении зерна из этих сооружений (см. ниже). Однако поскольку на данный момент из объекта 335 изучены не все взятые образцы, то полностью исключить связь сгоревшего зерна из объекта 359 с пожаром в объекте 335 мы не можем.

Объект 335 в плане имел размер 165×185 см и глубину не менее 128 см. Остатки сгоревшего сруба сохранились на высоту до семи венцов (110 см). Углы сруба практически не сохранились, но, учитывая, что деревянная конструкция практически точно соответствует внутреннему пространству выкопанного под него котлована и следов выпусков бревен не обнаружено, можно предположить, что сооружение было срублено в лапу

¹ Выражаем благодарность А. В. Энговатовой за возможность использования данных материалов в публикации.

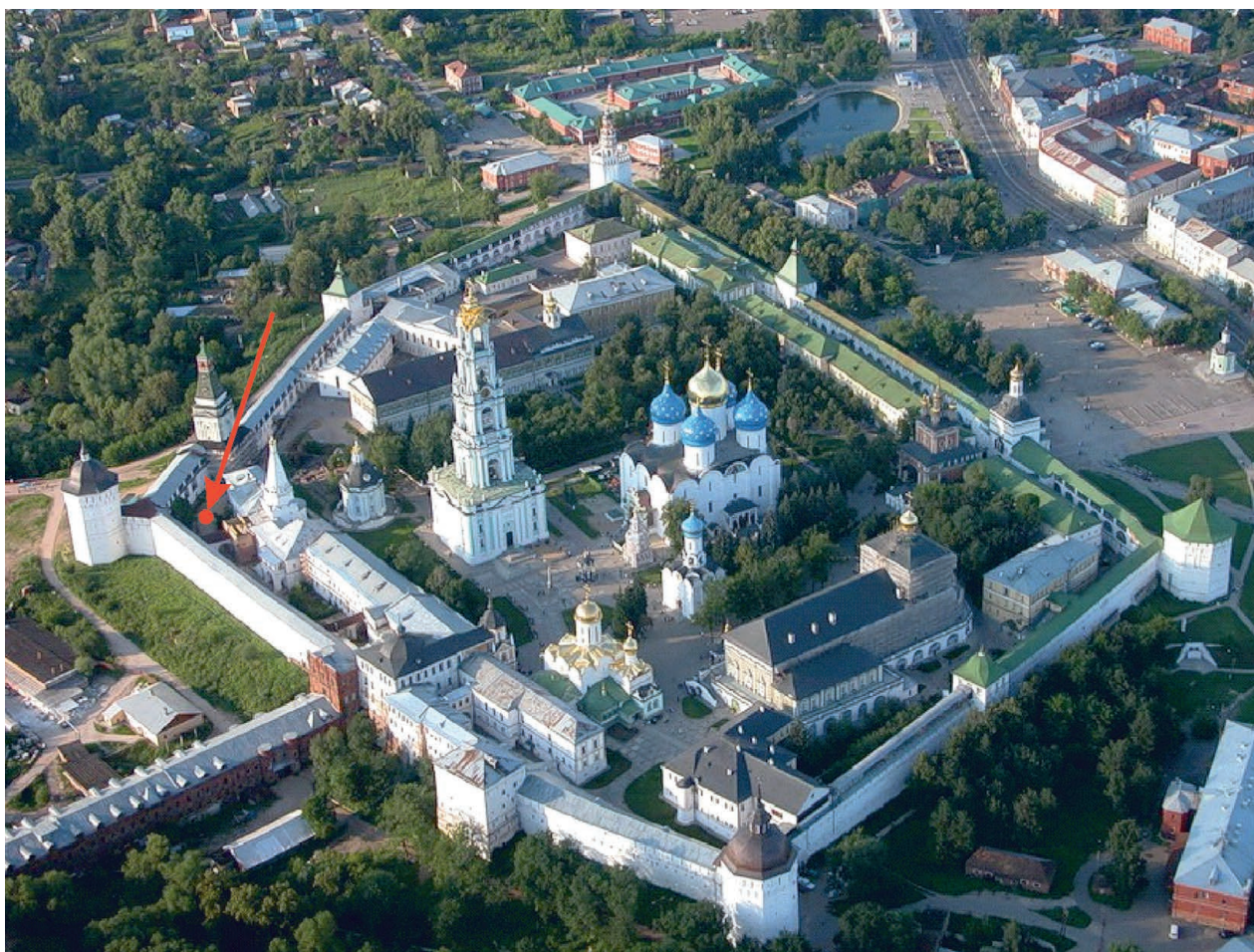

Рис. 1. Погреб с зерном на аэрофотографии Троице-Сергиевой лавры

(рис. 3). По материковому дну прослежены остатки сгоревших досок пола и бревен (вероятно, подкладок под пол).

На этих досках в северной части сооружения зафиксировано зерно, вероятно, хранившееся в мешках. Скопления зерна (1–8) имели округлую в плане форму, вертикальные стенки (там, где это возможно было установить) и чашевидное дно (рис. 4–6). Для удобства фиксации подобным скоплениям присваивалось условное название «пятно» (рис. 4; 5).

Контуры пятен-мешков (в том числе и верхние) прослежены в виде относительно плотного тлена, по прослойкам прокаленного песка, окаймлявшим их стенки снаружи, а также по характерно расположенным вдоль предполагаемых стенок зернам (рис. 6, 1, 2). Однажды в тлене удалось проследить переплетение волокон, но взять образец не удалось (рис. 6, 3).

Из каждого пятна зерно выбиралось отдельно, также отбиралось все зерно за пределами пятен, подсчитывался его объем.

Так, исходя из конфигурации пятен 1 и 2 (в вертикальном сечении они были близки к цифре 8), выявленных в северо-восточном углу постройки, можно предположить, что в их состав входило по два мешка. Общий объем зерна в пятне 1 – 60 л, в пятне 2 – 67 л. Пятно 3 оказалось выбросом при засыпке пожара сгоревшего зерна объемом 7,5 л. Вероятно, каждое из остальных пятен являлось остатками одного мешка (табл. 1).

Горящий сруб и зерно тушили грунтом, в основном песком. Общая мощность этого горизонта – 70–85 см. Вероятно, в процессе тушения пожара часть мешков с зерном, стоявших друг на друге, скидывали в песок или они рассыпались сами.

Общее количество сгоревшего зерна, обнаруженного в заполнении этого сооружения, которое удалось измерить, – 359 л.

Исходя из полученных данных, подсчитывая сохранившиеся мешки, можно говорить о том, что средний объем мешка – около 30 л (исключение – мешок 4, 48 л). Нами зафиксировано не ме-

Таблица 1. Объем зерна из пятен-мешков (всего в заполнении 359 л).

№ пятна	Объем зерна, л	Предполагаемое количество мешков
1	60	2
2	67	2
3	7,5	–
4	48	1,5
5	29	1
6	25	1
7	30	1
8	21	1 сильно рассыпан

нее восьми мешков. Однако из расчета общего количества выявленного зерна можно предположить, что в погребке у северной стенки стояло не менее 10–12 мешков с зерном.

Для проведения археоботанического анализа из объекта 335 отобрано 19 проб объемом по 500 мл каждая. Для получения первичного представления о видовой принадлежности хранившихся злаков исследованы две пробы из пятна 7 (№ обр. 3626 и 3690), представляющие содержимое одного мешка, а также проба из зернового скопления в объекте 359 (№ обр. 3625). Из всех

трех образцов отобраны и проанализированы полностью по одной субпробе объемом 50 мл. Сохранность археоботанических материалов из объекта 359 оценена всего в 3 балла по пятибалльной шкале, тогда как два образца из объекта 335 показали лучшую сохранность – 3,5–4,5 балла (табл. 2). Однако в образце 3626 поверхность зерновок была загрязнена глинистыми частицами. Также для образца 3625 характерна значительная доля неопределимых фрагментов зерен в общей структуре образца (27,1%), а в образцах 3626 и 3690 она находится на уровне 1%. Образцы 3625 и 3626 имеют высокий для пищевых припасов уровень содержания семян сорных таксонов (10,1 и 12,3% соответственно), а содержание в образце 3690 (7,0%) можно считать средним (Сергеев, Лебедева, 2021. С. 296). Кроме того, в образце 3625 обнаружено незначительное число фрагментов мякины и соломы (1,0%).

Все три образца имеют монокультурный состав², 97,0–99,9% от определимых зерновок в них принадлежит ржи *Secale cereale* (табл. 3). Образцы из одного мешка (пятно 7) ожидаемо оказались сходны друг с другом и имели единичные зерна ячменя *Hordeum vulgare* и льна *Linum usitatissimum* (обр. 3626) в качестве примесей. В скоплении

Таблица 2. Место отбора и структура образцов из зерновых скоплений второй половины XV – первой половины XVI в.

Обр. №	Место отбора проб	Сохранность материалов, баллы	Культурные растения, ед., %			Сорные, ед., %	Солома, узлы, ед., %	Прочие, ед., %	Всего, ед., %
			зерна и семена	неопр. фрагм.	мякина				
3625	Р. 18, 19, кв. 2, 22, -760/-770, об. 359, зерно + уг., пятно зерна 1	3	980 (60,6)	440 (27,1)	14 (0,9)	163 (10,1)	2 (0,1)	19 (1,2)	1618 (100)
3626	Р. 18, кв. 12, -758/-760, об. 335, пятно зерна 7, низ мешка	3–4	2656 (86,1)	31 (1,0)	–	380 (12,3)	–	16 (0,4)	3083 (100)
3690	Р. 18, кв. 12, -737/-740, об. 335, пятно зерна 7, верх мешка	4,0–4,5	1902 (91,4)	24 (1,2)	–	145 (7,0)	–	11 (0,4)	2082 (100)

Таблица 3. Состав культурных растений в скоплениях.

Таксон	Обр. № 3625, ед., %	Обр. № 3626, ед., %	Обр. 3690, ед., %
<i>Hordeum vulgare</i>	27 (2,8)	3 (0,1)	1 (0,1)
<i>Secale cereale</i>	951 (97,0)	2651 (99,8)	1901 (99,9)
<i>Avena sativa</i>	1 (0,1)	–	–
<i>Fagopyrum esculentum</i>	1 (0,1)	–	–
<i>Linum usitatissimum</i>	–	2 (0,1)	–
Всего	980 (100)	2656 (100)	1902 (100)

² К монокультурным относятся скопления, где доля одной культуры превышает 80% (см.: Лебедева, 2019).

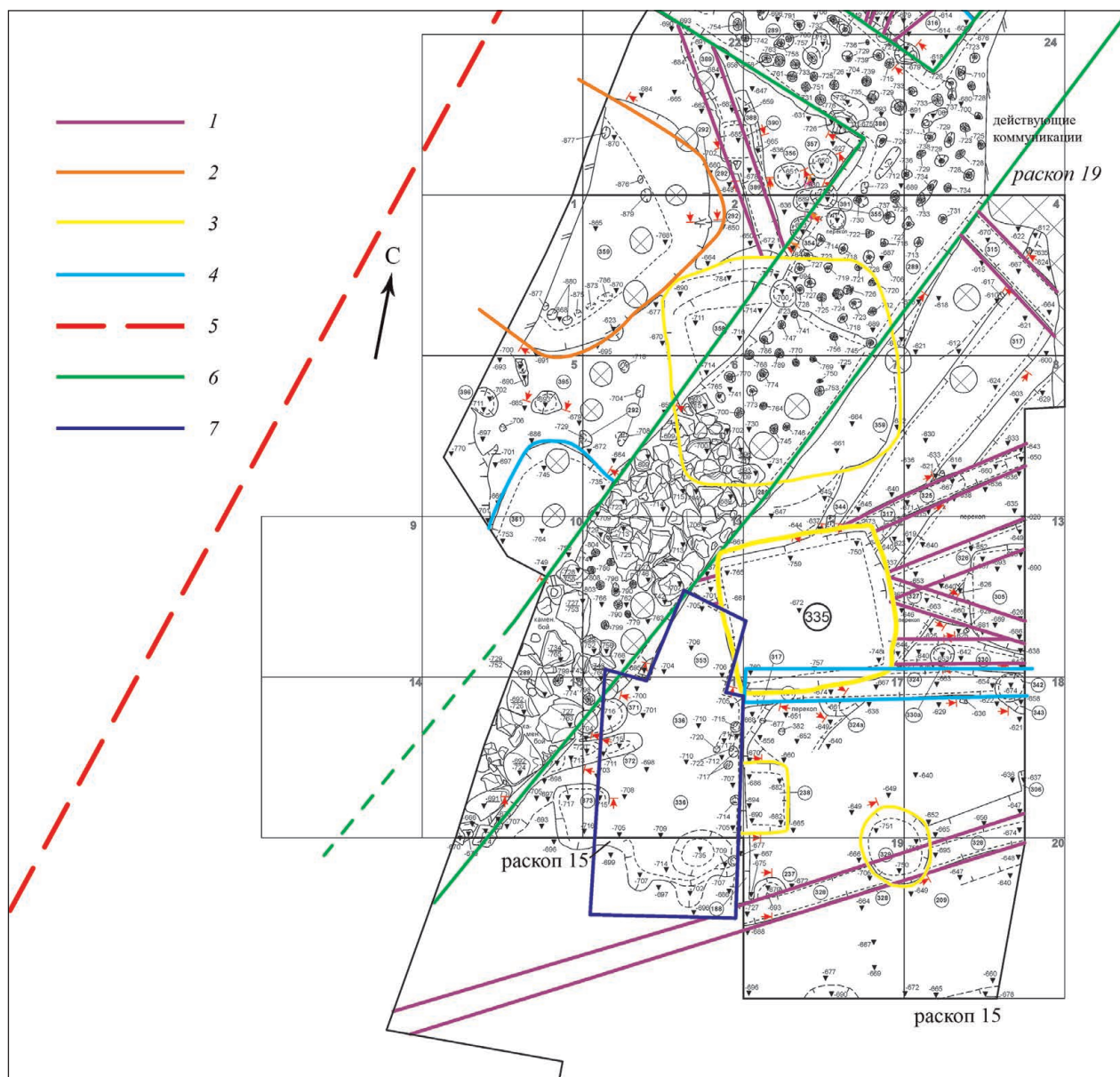

Рис. 2. Объекты в районе погребя с зерном (объект 335)

1 – 2-я пол. XIV – XV в.; 2 – объект 359 (погреб), 2-я пол. XV – 1-я пол. XVI в.; 3 – 2-я пол. XV – 1-я пол. XVI в.;
4 – сер. – 2-я пол. XVI в.; 5 – внутренний край стены монастыря, сер. XVI в.;
6 – каменные палаты, сер. – 1-я пол. XVI в.; 7 – землянка, 1-я тр. XVII в.

из объекта 359 доля ячменя немного выше (2,8%), кроме того, в нем обнаружена одна зерновка предположительно культурного овса *Avena* sp. и фрагмент семени гречихи *Fagopyrum esculentum*, фрагменты мякины относятся ко ржи и ячменю.

По структуре таксонов сорных и дикорастущих растений (табл. 4) образцы отличаются друг от друга. Общим для всех является преобладание семейства мятликовых *Poaceae* (37,4–87,6%) и заметная доля маревых *Chenopodiaceae* (6,2–32,5%). В образце 3625 обнаружено 18 семян в некарбони-

зированной состоянии, что отличает его от образцов из зернохранилища. Скорее всего, это связано с примешиванием растительных макроостатков из заполнения объекта 359. В целом состав травянистых растений практически полностью представлен полевыми сорняками. Исключением могут быть осоки *Carex* sp., редко выступающие в роли засорителей, звербой *Hypericum perforatum*, черноголовка *Prunella vulgaris*, встреченные в основном в образце 3625. Присутствие костра ржаного *Bromus secalinus* указывает на озимую культуру

Таблица 1. Состав сорных и дикорастущих таксонов (*некарбонизированные / полукарбонизированные).

Таксоны	Обр. № 3625			Обр. № 3626			Обр. № 3690		
	ед.	%	по семейс.	ед.	%	по семейс.	ед.	%	по семейс.
<i>Poaceae</i>	7	4,3	37,4	8	2,1	56,1	1	0,7	87,6
<i>Poaceae</i> , м/з	6	3,7		7	1,8		3	2,1	
<i>Poa-type</i>	7	4,3		27	7,1		6	4,1	
<i>Phleum</i> sp.	8	4,9		87	22,9		3	2,1	
<i>Lolium</i> spp.	3	1,8		4	1,1				
<i>Bromus secalinus</i>	29	17,8					12	8,3	
<i>Bromus arvensis</i>				55	14,5		38	26,2	
<i>Bromus</i> sp.				25	6,6		64	44,1	
<i>Apera spica-venti</i>	1	0,6							
<i>Carex</i> sp.	1	0,6	6,1			0,3			
<i>C.pallesces</i>	2+2*	2,5							
<i>C.spicata</i>	2	1,2							
<i>C.praecox/ leporina</i>	3	1,8		1	0,3				
Polygonaceae			4,3	1	0,3	3,4	1	0,7	0,7
<i>P. lapathifolium/ maculosa</i>	1	0,6							
<i>P. convolvulus</i>	1	0,6		8	2,1				
<i>Rumex</i> sp.	4	2,5							
<i>Rumex acetosella</i>	1	0,6		4	1,1				
Chenopodiaceae	2	1,2	32,5			32,4			6,2
<i>Ch. album</i>	33+14*	28,8		123	32,4		9	6,2	
<i>Chenopodium</i> sp.	4	2,5							
<i>Spergula arvensis</i>	1	0,6	2,5			0,3			
<i>Silene</i> sp.	2	1,2		1	0,3				
<i>Stellaria</i> sp.	1	0,6							
<i>Ranunculus acris</i>	1	0,6	0,6	1	0,3	0,3			
<i>Brassica/ sinapis</i>	1	0,6	2,5			0,3			
<i>Neslia paniculata</i>	3	1,8		1	0,3				
<i>Alchemilla vulgare</i>	1	0,6	0,6						
Fabaceae			0,6	2	0,5	1,1			0,7
<i>Vicia</i> sp.				2	0,5		1	0,7	
<i>Trifolium-type</i>	1	0,6							
<i>Hypericum perforatum</i>	1	0,6	0,6						
Boraginaceae			1,2				1	0,7	0,7
<i>Lithospermum arvense</i>	2*	1,2							
Lamiaceae	4	2,5	3,1			1,8			0,7
<i>Galeopsis</i> sp.	1	0,6		6	1,6		1	0,7	
<i>Prunella vulgaris</i>				1	0,3				
<i>Galium verum/ mollugo</i>	1	0,6	0,6	1	0,3	0,3			
<i>Rhinantus</i> sp.				6	1,6	1,6	1	0,7	0,7
<i>Plantago lanceolata</i>	1	0,6	0,6	3	0,8	0,8	1	0,7	0,7
<i>Cirsium/ Carduus</i>				1	0,3	1,1			
<i>Anthemis</i> sp.				3	0,8				
Неопределенные	11	6,7		2	0,5		3	2,1	
Всего	163	100		380	100		145	100	

Рис. 3. Объект 335. План и фото деревянных конструкций сооружения

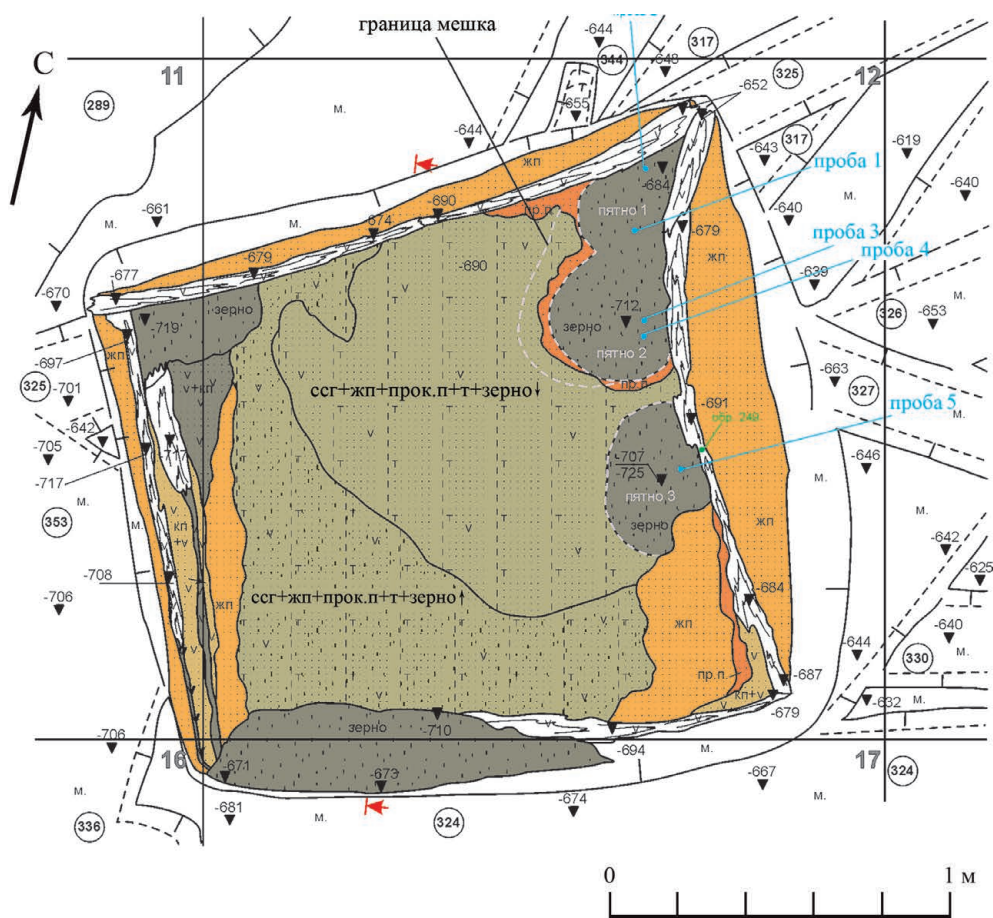

Рис. 4. Объект 335. Контуры пятен-мешков на уровне выявления

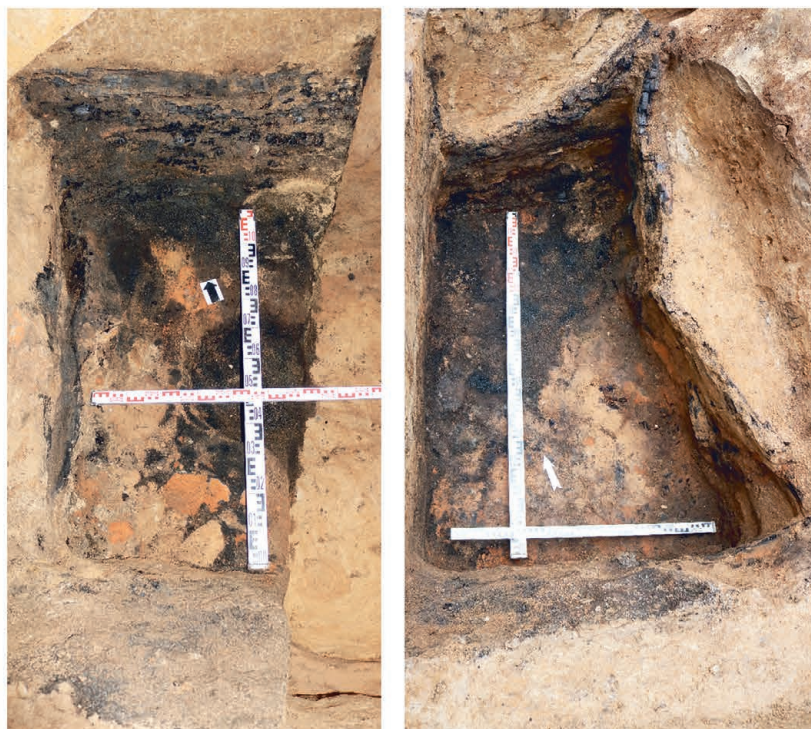
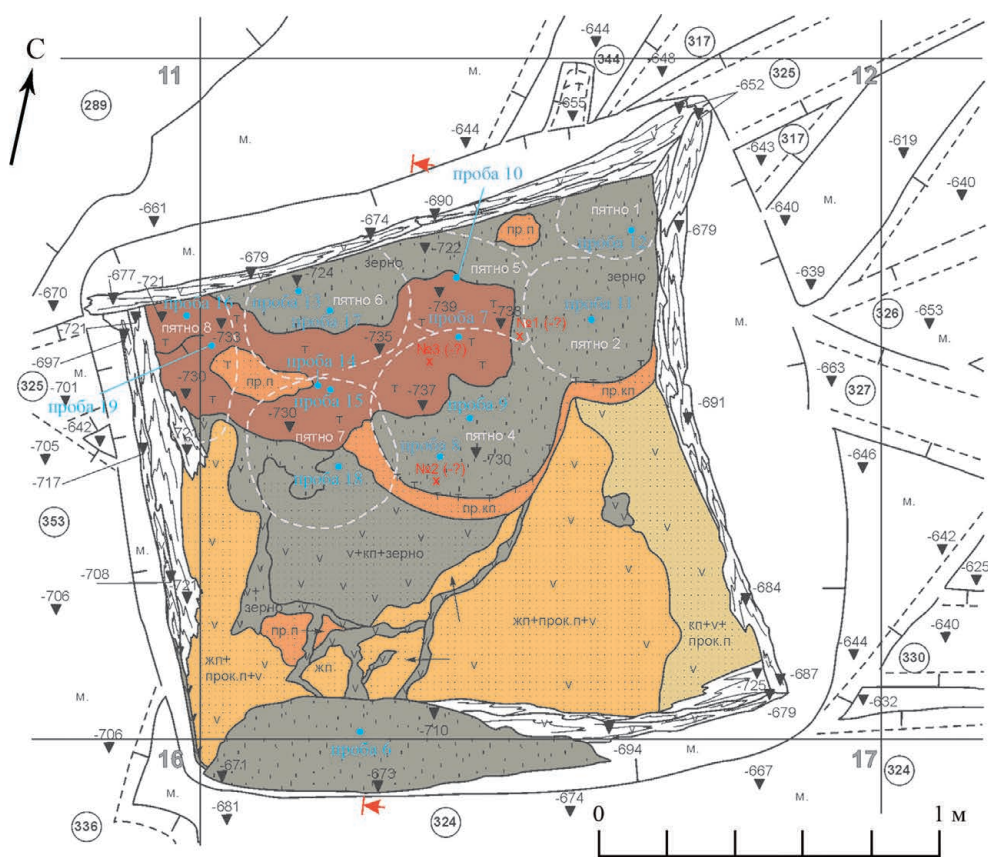

Рис. 5. Объект 335. Расположения пятен-мешков на уровне -740 см.
Фото зачистки на уровне -740 см

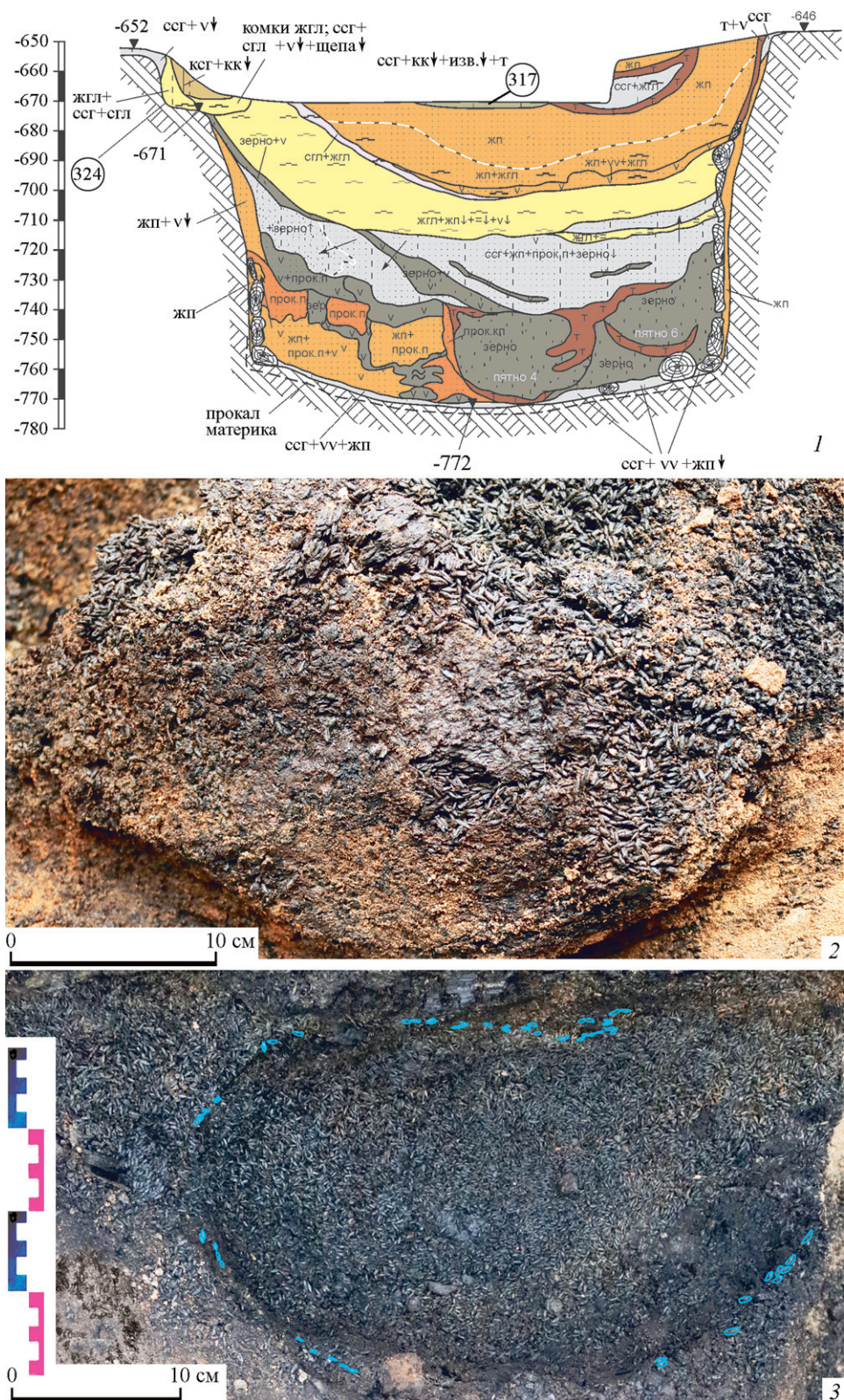

Рис. 6. Объект 335

1 – разрез; 2 – пятно 2, фр-т западной стенки верхнего мешка с зерном;
3 – дно мешка 6, цветом показано направление залегания зерен по контуру мешка

ржи (Леньков, 1932. С. 60; Никитин, 1983. С. 107), костер полевой *Br. arvensis* и погребок *Rhinantus sp.* также чаще засоряют озимую рожь (Доброхотов, 1961. С. 127, 343, 344).

В категорию прочих попали сильно деформированные неопределимые фрагменты зерен, семян и плодов, а также аморфные карбонизированные объекты, которые могут быть остатками пищи растительного происхождения (Heiss, 2019. Р. 29–50); здесь же учтены склероции (рожки) спорыньи *Claviceps cf. purpurea* (рис. 7, 3).

Необходимо добавить, что в образце 3625 также встречено несколько десятков некарбонизированных фрагментированных зерен ржи или коостра (сморщенные оболочки зерновок), однако их идентификация и учет не представляются возможными, поэтому они не отражены в статистике. По всей видимости, попадание некарбонизированных макроостатков связано с тем, что этот образец происходит из переотложенного скопления (категория В по: Hubbard, Clapham, 1992), в отличие от образцов из объекта 335, где зерно после сгорания в целом сохранилось *in situ* (категория А; Hubbard, Clapham, 1992). На это указывает и общая фрагментация зерна: помимо значительной доли неопределимых фрагментов злаков доля фрагментов ржи относительно общего количества зерновок этого вида в образце 3625 также высока (20%). В образцах 3626 и 3690 этот показатель существенно ниже – 8,2 и 1,7% соответственно.

Учитывая приведенные выше особенности образца 3625, следует заключить, что происхождение этого скопления не связано с пятном 7, связь с другими мешками из сооружения 335 может показать только дальнейшее их исследование.

Само по себе наличие запасов ржи в зернохранилище XV–XVI вв. вполне обычно для средневековой Руси, она отмечена в качестве основного хлебного злака на целом ряде памятников этого и предшествующего времени, как городских, так и сельских (Лебедева, 2009. С. 212; 2011. С. 272; Антипина, Лебедева, 2012. С. 161; Лебедева, Сергеев, 2019. С. 378 и др.). Предпочтение ржи древнерусским населением объясняется тем, что в районах рискованного земледелия она является самой надежной, устойчивой и малозатратной культурой (Милов, 1998. С. 38, 39).

При разборе субпроб из пятна 7 стало очевидно, что зерна ржи из верхней части мешка по размерам существенно превышают зерна из придонной части (рис. 7, 1, 2). Прямое сравнение их оказалось невозможным, так как из-за сильной деформации зерновок в обоих образцах нельзя получить

Рис. 7. Зерна из заполнения мешка
1 – рожь, *Secale cereale*, зерновки, обр. 3690 (верхняя часть мешка); 2 – рожь, *Secale cereale*, зерновки, обр. 3626 (нижняя часть мешка); 3 – спорынья, *Claviceps cf. purpurea*, склероции (рожки), обр. 3690

достаточную выборку для достоверного измерения длины, ширины и толщины. Однако косвенный параметр, а именно количество зерновок в единице объема, показал, что в верхнем образце (3690) 1 мл содержит 41 зерновку, а в нижнем (3626) – 59,2. То есть в верхнем образце зерновки в среднем почти в полтора раза крупнее. Это связано с процессом самосортировки сыпучих материалов, когда более мелкие частицы со временем оказываются в нижней части емкости. Этому же соответствует и высокая концентрация мелкосемянных сорняков в образце 3626, например, тимopheвки *Phleum pretense*, мятлика *Poa*-туре и мари белой *Chenopodium album*, тогда как крупносемянные сорняки, например коостры *Bromus spp.*, больше приурочены к образцу 3690 (табл. 4). Такое перераспределение зерновок ржи и сорных таксонов в пределах одного скопления обосновывает необходимость отбора и изучения проб из разных частей одной емкости. В противном случае мы будем получать неполную информацию.

Сами зерновки из пятна 7 помимо размеров и сохранности имели отличия и в физиологическом состоянии. Рожь из верхнего образца 3690 на момент сгорания была переувлажнена: около 40% зерен имеют увеличенные зародыши.

Также здесь зафиксировано массовое отслаивание внешних покровов зерновок (рис. 7, 1). Это свидетельствует о впитывании воды и набухании зерна, что предшествует началу прорастания. В нижнем образце 3626 только единичные зародыши имели признаки набухания. Отсюда следует, что самосортировка зерна имела место уже во время хранения мешка в сооружении 335, потом верхняя часть мешка подверглась переувлажнению и только после этого он погиб в огне.

Обнаружение семи сравнительно крупных рожков спорыньи в верхнем образце и трех более мелких в нижнем на данный момент являются первыми достоверными находками этого паразитического гриба в нашей практике. Суммарный объем зерен ржи в двух изученных субпробах равен 91 мл, а рожков спорыньи – около 0,1 мл. Если принять, что рожь примерно в 1,07 раза плотнее спорыньи (Сысеев и др., 2017), то степень заражения всего мешка можно оценить на уровне 0,1%. Это содержание в два раза превышает допустимое содержание спорыньи в пищевом зерне по современным требованиям (ТР ТС 015/2011. С. 18³).

При сравнении с уровнем засорения товарного зерна в средневековых городах рожь из мешка 7 является недостаточно очищенной (средняя доля сорных – 10,2%) (Сергеев, Лебедева, 2021. С. 296). Из-за присутствия спорыньи и семян погрелка, также обладающих ядовитыми свойствами (Леньков, 1932. С. 190), она была опасна для здоровья. Значительная доля готовых к прорастанию зерен свидетельствует о нарушении режима хранения зерновых: нарушении целостности мешка или переувлажнении постройке. Вполне возможно, что рожь убрали в сырую погоду и недостаточно хорошо высушили перед закладкой на хранение. Обычно это обстоятельство, как и плохую очистку, связывают с острым недостатком времени у русских крестьян во время последней фазы сельскохозяйственного цикла, а именно уборки и обработки урожая. Такое зерно уже не годилось для посева, однако могло быть отсортировано и использовано в пищу после определенной переработки (Милов, 1998. С. 357, 358) или отправлено на корм скоту.

Поскольку нечасто археологам достается практически целый закрытый комплекс, где можно под-

считать объем хранившегося зерна, то у нас возник вопрос, как оценить это количество с точки зрения норм питания в Средневековье. И хотя характеристики ржи, такие как плотность, для XV–XVI вв. неизвестны, можно приблизительно рассчитать вес обнаруженных запасов, используя современные показатели.

Средний вес ржи – около 0,680 кг в литре⁴, значит, до пожара в погребе было не менее 244 кг ржи, или около 15 пудов⁵. Наиболее близкий по времени к нашей постройке источник – «Торговая книга» (1575–1610 гг.). В ней указано, что объем хлебных запасов измерялся оковами или четвертями. «В окове 4 четверти; в четверти 2 осмины или меры...» (ЗОРСА, 1851. С. 115). Пуд в этом же источнике используется как мера веса (ЗОРСА, 1851. С. 114). Известно, что основной мерой объема сыпучих тел в XVI в. была кадь, равная 14 пудам, более мелкой мерой – четверть (3,5 пуда), потом осьмина и четверик (мера) (Брокгауз, Ефрон, 1898. С. 303, 304). Таким образом, мы имеем объем хранения, вероятно, немногим больше кади.

Назначение этого зерна мы точно знать не можем, оно могло как пойти в пищу после дополнительной очистки, так и быть скормлено скоту или иметь какое-либо еще назначение, например, для производства кваса. Данных о количестве потребления ржи в Средневековье не так много. Известно, что минимум потребления зерна в пищу в конце XV – начале XVI в. составлял около 15 пудов на человека в год (Нефедов, 2005. С. 46). Во второй половине XIX – начале XX в. среднее подушное потребление зерна немного увеличилось – до 15–19 пудов (Нефедов, 2005. С. 251–255). Для сравнения, например, римский император Север хранил запас зерна из расчета 225 кг зерна на человека в год (Jones, 1964. Р. 698, 1287), то есть около 14 пудов. Из приведенных данных можно заключить, что количества зерна в нашем погребе хватило бы для пропитания одного человека в течение года, что, конечно, не так много.

Также возникает вопрос, почему зерно хранилось в погребе, не в наземном амбаре, как это делалось повсеместно, в том числе и в лавре⁶. Возможно, это было временное хранилище, в дальнейшем зерно планировалось переместить

³ Технический регламент Таможенного союза «О безопасности зерна». От 9 декабря 2011 г. № 015/2011. 36 с.

⁴ Плотность материалов, сколько весит куб (м³) или удельный вес сельскохозяйственных продуктов // https://delo1.com/udelnyi_ves_materialov.php?n_gruppy=8.

⁵ Здесь: пуд равен 16,38 кг, точные данные закреплены в 1899 г. (Положение... 1901).

⁶ За несколько лет исследований на территории Троице-Сергиевой лавры это было единственное заглубленное сооружение, которое достоверно использовалось для хранения зерна.

в более благоприятные условия. Однако нужно отметить, что, в отличие от остальной территории лавры, в месте, где располагался погреб с зерном, материк не суглинистый, а практически от самой поверхности песчаный, что могло обуславливать водоотведение и относительную сухость благодаря водопроницаемости песчаных грунтов⁷. Также,

исходя из оставшихся на дне деревянных подкладок, можно предполагать, что пол находился на некоем расстоянии от грунта и мог проветриваться. По крайней мере, мешки были изолированы от соприкосновения с грунтом. То есть это помещение было вполне пригодно для недолгого хранения зерна.

Литература

- Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., 2012. Глава 6. Растения и животные // Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.: ИА РАН. С. 144–229.
- Брокгауз Ф. А., Евфрон И. А., 1898. Энциклопедический словарь. Т. 25а. СПб.: Семеновская типо-литография. 498 с.
- Доброхотов В. Н., 1961. Семена сорных растений. М.: Издательство сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов. 414 с.
- ЗОРСА. Т. 1. СПб.: Русское археологическое общество, 1851. 565 с.
- Лебедева Е. Ю., 2009. Исследование археоботанических находок из поселений Ближнее Константиново-1 и Ближнее Константиново-4 // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.: ИА РАН, Таус. С. 210–222.
- Лебедева Е. Ю., 2011. Переяславль Рязанский: археоботанические материалы XVII века // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М.: ИА РАН, Таус. С. 270–282.
- Лебедева Е. Ю., 2019. Необычные «зерновые» скопления болгарского городища – что в основе? // Поволжская археология. № 4 (30). С. 129–150.
- Лебедева Е. Ю., Сергеев А. Ю., 2019. Земледельческая продукция в средневековой Москве (по материалам археологических раскопок на территории Московского Кремля в 2016–2018 гг.) // КСИА. Вып. 257. С. 374–392.
- Леньков П. В., 1932. Семена полевых сорных растений Европейской части СССР. М.–Л.: Изд. сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы. 240 с.
- Милов Л. В., 1998. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН. 573 с.
- Нефедов С. А., 2005. Демографически структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: УГТУ. 543 с.
- Никитин В. В., 1983. Сорные растения флоры СССР. Л.: Наука. 454 с.
- Положение о мерах и весах. СПб.: Тип. В. Демакова, 1901. 24 с.
- Сергеев А. Ю., Лебедева Е. Ю., 2021. Сорные растения из «фуражных» скоплений Болгарского городища // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 285–307.
- Сысуев В. А., Саитов В. Е., Фарафонов В. Г., Саитов А. В., 2017. Статистическая оценка интервала значений удельной массы зерна озимой ржи Фаленская 4 и склеродий спорыньи // Успехи современного естествознания. № 10. М.: Академия Естествознания. С. 48–53.
- Heiss A. G., 2019. Fifty Shapes of Grain. New archaeobotanical approaches towards charred finds of processed cereal-based foods. University of Natural Resources and Life Sciences Vienna (BOKU). 392 p.
- Hubbard R. N. L. B., Clapham A., 1992. Quantifying macroscopic plant remains // Review of Palaeobotany and Palynology. № 73 / eds. Pals J. P., Burman J. and van der Veen M. Amsterdam: Elsevier. P. 117–132.
- Jones A. H. M., 1964. Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. 3 vols. Oxford: Basil Blackwell. 1518 p.

⁷ Хранение зерна в ямах россыпью известно по этнографическим данным, однако устраивались они непременно в глинистом грунте и при этом их стенки прокаливались. Парадоксально, что основными достоинствами такого способа хранения считались экономия дерева при строительстве и гарантия от пожара (Милов, 1998. С. 144, 145), что полностью противоречит нашему случаю.

E. P. Zots, A. Y. Sergeev, M. A. Kuritsyn

**Burnt cellar with grain of the second half of the 15th –
first half of the 16th century from the Trinity-Sergius Lavra**

Summary

The article discusses the method of fixing and studying the grain found in the cellar and probably stored in bags. It was determined that this is rye with a high admixture of weed seeds. The ways of storing

grain in the cellar are discussed and its possible volume is calculated (in comparison with ancient measures of volume, weight and consumption rates).

А. Б. Мазуров

Гос. социально-гуманитарный университет, Коломна (Московская обл.)

Свято-Филаретовский институт, Москва

Белокаменные надгробия Бобреновского монастыря XV–XVI веков

Коломенский Бобреновский Богородице-Рождественский монастырь принадлежит к числу древнейших обителей Московской земли, возникших еще в XIV в. Зафиксированное в 1860-х годах предание относило его основание к 1381 г., связывая появление с героем Куликовской битвы Д. М. Боброком-Волынским (о ранней истории см.: Мазуров, 2001. С. 240–242). Посвящение монастырского собора празднику, в день которого состоялось Мамаево побоище, делает такое предположение весьма вероятным. Однако ктисторство Д. М. Боброка-Волынского ничем не подтверждается. Оно опиралось на сближение Боброковский – Бобреновский. Законы лингвистики, однако, не дают возможности такой трансформации. Зато весьма вероятна связь обители с современником Д. М. Боброка – представителем знатного московского рода Андреем Гавриловичем Бобрыней Кобылиным. Вариант эволюции притяжательного «Бобрыневский» в «Бобреновский» является почти очевидным. К тому же один из вариантов его прозвища (Бобруха) прямо отразился в названии подмонастырской деревни Бобрухиной.

К большому сожалению, ранний период истории монастыря очень слабо документирован источниками. В 1970 г. тут были открыты фундаменты белокаменного собора конца XIV в. (Алешковский, 1976. С. 157–161). Библиотеке инок этого монастыря Варсонофия атрибутирована Коломенская Толковая Палея 1405 г. (Мазуров, 2019). По книжной приписке 1470-х годов известен Бобреновский игумен Пахомий (Мазуров, 2001. С. 394). Обнаружены свидетельства существования жалованной грамоты Василия III 1508 г. обители на земельные владения, городское подворье, луга и пахотные земли (Мазуров, 2005). Вот и все сведения, которыми мы обладаем до момента составления Писцовой книги 1577/78 г., подробно описавшей мона-

стырь (Извлечение... 2002. С. 61–63). В этих условиях возрастает роль новых источников, к числу которых относятся древние надгробные плиты из известняка.

Русские средневековые белокаменные надгробия привлекают в последние десятилетия особое внимание, чему мы обязаны трудам и энтузиазму члена-корреспондента РАН Л. А. Беляева. Введение в научный оборот новых экземпляров является актуальной задачей археологической науки. В последнее время именно монастырская археология активно развивается.

К востоку от апсид Богородице-Рождественского собора Бобреновского монастыря вплоть до начала 2018 г. находилась площадка, на которой располагались надгробия и их фрагменты от Средневековья (в том числе № 2 и 8) до начала XX в. После кончины архиепископа Можайского Григория (ум. 25.02.2018) здесь была устроена его могила, а надгробия перемещены к западу от Западного монастырского келейного корпуса. В тот момент наше внимание привлекли два наиболее редких из них, обнаруженных впервые в 1996 г. во время проведения нами в монастыре охранных исследований. Оба экземпляра перемещены со своих исходных мест. Новые экземпляры белокаменных надгробий, как подписных, так и анэпиграфных, получены после начала реконструкции монастырского комплекса в 2020 г. К огромному сожалению, снятие грунта у четверика Богородице-Рождественского собора, к востоку и юго-востоку от него, а также углубление внутреннего пространства внутри Федоровского собора не сопровождалось археологическим надзором и фиксацией находок. Поэтому мы не располагаем сведениями о точной привязке плит. Вместе с тем резные белокаменные детали целенаправленно отбирались при этих работах и также складировались в указанном выше месте.

Рис. 1. Фрагмент плиты 2–3-й четв. XV в.

В настоящей работе публикуются наиболее интересные из них, датирующиеся в рамках XV–XVI вв. Описание всей коллекции – дело будущего.

Наиболее ранние надгробия XV в.

1. Фрагмент изножия белокаменной плиты с орнаментом в виде сплошной змейки, образованной треугольниками (рис. 1). Размеры – $(32,5) \times (57-59) \times 10-11$ см. Расколот на два фрагмента, левая сторона грубо сколота; верх, вероятно, отпилен довольно ровно для вторичного использования (например, при строительстве Входаиерусалимской церкви XVI в., выстроенной не позднее середины столетия). Ширина тяги – 2 см, бордюра – 2,0–2,2 см. Полосы орнамента составлены из равнобедренных треугольников, что является ранним признаком. Правая полоса бордюра неровная, с изгибом и расширением книзу. Нижняя полоса бордюра при пересечении с левой полосой выходит за контур, продолжаясь до самого края плиты. По-видимому, надгробие изначально было прямоугольной формы, с некоторыми неровностями. Центральное клеймо отсутствует, так как должно

было располагаться выше. К сожалению, датировка этого фрагмента из-за отсутствия верхней части проблематична. Однако небольшая толщина, отсутствие графы, сплошная змейка, образованная равнобедренными треугольниками; общая архаичность, неровность линий и их разная толщина позволяют отнести это надгробие к XV в. (вероятно, исключая начало и конец столетия). Возможно, стоит приурочить его ко второй-третьей четверти XV в.

2. Второе надгробие представляет собой прямоугольную белокаменную анэпиграфную плиту и заслуживает особого рассмотрения (рис. 2). Габариты – $(63) \times 44 \times 8$ см. Плита чуть выпуклая от краев к середине, что обычно является ранним признаком. Очевидно, перед нами верхняя часть и середина когда-то более длинного надгробия, изножие которого утрачено (судя по всему, аккуратно отпилено в более позднее время для вторичного использования). Ширина змейки – 2,0–2,3 см, в верхнем клейме (полуовале) изголовья змейка более тонкая – 1,3–1,5 см (рис. 3). Ширина полосы

Рис. 2. Фрагмент плиты сер. – 2-й пол. XV в.

орнамента с крестами по графье – 4,5 см. Круглое центральное клеймо диаметром 11 см, крест внутри него размерами 4,5–5,0 см по осям. Снизу к клейму прослеживается примыкание тяги, разделявшей когда-то нижнюю половину надгробия по центральной оси.

Датировка этого надгробия представляет определенную проблему. Мы как будто не видим тут сложившейся в целостном виде к XV столетию антропоморфной схемы орнаментации. Ее определяют сочетание верхнего полуклейма с центральным круговым клеймом и отходящими от него элементами. Для классической антропоморфной схемы орнаментации характерно деление нижней части надгробия пополам (что символизировало раздвоенность человеческой фигуры внизу), а в верхней – наличие двух тяг (обозначали плечи). Налицо только первый признак. Все датированные плиты XV столетия: митрополитов Киприана (вероятно, 1406 г.) и Фотия (вероятно, 1431 г.) (Шеляпина, 1973. С. 231. Рис. 3, а–б)¹, инока Вассиана – дьяка Василия Беды 1480 г., кн. Юрия Алексеева 1494 г., архиепископа Сергия 1495 г. (Вишневский, 2013. С. 127. Рис. 2, 3; 2, 2; 3, 1) – уже имеют выраженную антропоморфную схему орнаментации. По этим формальным признакам стадияльно более раннее бобреновское надгробие как будто должно быть отнесено к концу XIV – началу XV в., иначе говоря, к первым десятилетиям существования обители. Однако это обманчивый и ошибочный путь интерпретации.

Более значима для датировки такая деталь его орнаментации, как пояс-лента не очень ровных крестов, образованных треугольниками, сходящимися вершинами, в верхней части. По-видимому, она символизировала венчик, который помещался на лоб усопшего. Это уже вкупе с верхним клеймом (символ-знак головы) очевидная принадлежность к антропоморфной схеме орнамента. Аналогичные детали обычно состоят из прочерченных графьей квадратов, разделенных диагоналями. В получившиеся ячейки вписывались четыре треугольника, которые образовывали четырехконечные крестики с расширяющимися концами. Однако на коломенском надгробии четко прослеживается только одна линия нижней графьи. Кресты несимметричны именно из-за отсутствия рамок. Точно такой же крест помещен в центральном клейме, но тут имеются следы диагональной

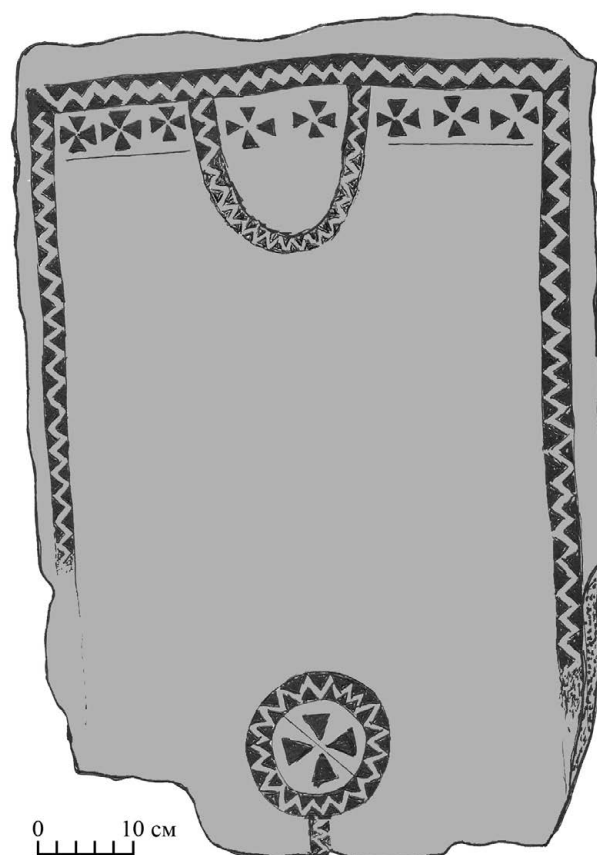

Рис. 3. Фрагмент плиты сер. – 2-й пол. XV в.

разметки (без следов квадрата, четко видна лишь одна диагональ). По данным Л. А. Беляева, подобные элементы на белокаменных надгробиях «хронологически распределяются от начала XV до начала XVI в., особенно типичны в последней четверти XV в., в течение XVI в. их еще можно встретить, но как исключение» (Беляев, 1966. С. 144). В представительном собрании надгробий некрополя Троице-Сергиева монастыря, согласно В. И. Вишневскому, они датируются в интервале от конца XV до второй половины XVI в. (Вишневский, 2013. С. 129). В круг аналогий входят надгробия митрополитов Киприана («крестами из треугольников» тут заполнено только верхнее клеймо), Фотия (но здесь крестов нет, а есть две полосы – вверху и в средней части – квадратов с диагоналями; ими же заполнено верхнее клеймо), а также надгробие из раннего некрополя с. Коломенского, которое Л. А. Беляев отнес к середине – второй половине XV в. (очень похожее по композиции

¹ Есть немалая вероятность, что эти две плиты были нарезаны в 1470-е годы, когда погребения митрополитов переносились из старого в новый Успенский собор.

Рис. 4. Фрагмент верхней части плиты последней четв. XV – нач. XVI в. с граффито

на плиту митрополита Киприана; особенно близка верхняя лента орнамента; впрочем, в верхнем клейме тут еще имеется дополнительная змейка) (Беляев, 1996. С. 366. КЛ № 3. Табл. LXXVII, 6. Фото 130, 132). Самым ранним свидетельством существования крещатого орнамента является рисунок на внешней стене средней апсиды (на высоте 6 м), обнаруженный при реставрации 2013 г. Звенигородского Успенского собора (конца XIV в. или ок. 1400 г.) (Алексеев А. В., 2015. С. 450). В круг орнаментальных аналогий входит также средневековый белокаменный крест с резным декором (XV в.), происходящий с древнего Рождественского погоста на Верхнем посаде Звенигорода (Алексеев А. В., 2015. С. 449–453).

Иначе говоря, перед нами плита, при изготовлении которой все же подразумевалась антропоморфная схема (налицо голова с венчиком – верхнее клеймо; пояс – центральное клеймо; ниж-

няя тяга – раздвоенность фигуры внизу). Однако по каким-то причинам верхние дуги так и не были нарезаны. Совокупность обстоятельств (сплошная змейка, пояс-венчик из треугольных крестов; отсутствие надписи, прямоугольность, выгнутость по центральной оси) позволяет отнести бобриневский экземпляр к середине – второй половине XV в.

Таким образом, два относительно ранних надгробия XV в. подтверждают существование обители в это время. Более древних плит времени начальных десятилетий существования обители (конец XIV – начало XV в.) пока не обнаружено.

Надгробия конца XV – XVI в.

3. Фрагмент верхней части надгробия с граффито. Сохранившиеся размеры – (37)×39×9 см (рис. 4). Плита, судя по правому краю, слабо сужалась книзу, т. е. была чуть трапецевидной. Небольшая ее

ширина (39 см в верхней части), высоко поднятые центральное клеймо и плечики-тяги говорят о том, что перед нами надгробие ребенка или подростка. В нижней и верхней левой частях плиты прослеживаются следы известкового раствора, отмечающие вторичное использование фрагмента. Бордюр образован узкими равнобедренными треугольниками, образующими змейку. Ширина пояса треугольников – 2,0–2,3 см. Центральное и верхние клейма образованы одним (обычно типичны два) рядом треугольников, обращенных вершинами внутрь. В центральном клейме прочерчено пять диаметров, образующих 10 секторов. В каждый сектор вписан исполненный в технике трехгранно-выемчатой резьбы более крупный равнобедренный треугольник. Диаметр центрального клейма – 9,5 см. Радиус верхнего клейма – 6 см. В него вписаны три квадрата (крайние боковые отчеркивания отсутствуют) с диагоналями и тремя размещенными между ними «треугольчатыми крестами». Надпись о погребенном отсутствует.

В верхнем левом углу плиты четко читается исполненная способом граффито довольно глубоко резанная надпись полууставом: *КАМЕНЬ*. По-видимому, это недописанное слово «камень» (одно из обозначений надгробий наряду со словом «доска») (Беляев, 1996. С. 19, 20, 249, 250).

К относительно ранним признакам относится небольшая толщина плиты. Высокое расположение тяг и центрального клейма говорит о датировке в пределах примерно последней четверти XV – начала XVI в.

4. Сохранившаяся более чем на три четверти надгробная плита (рис. 5). Современные размеры – 54×56×12 см, утрачено изножие. Слегка сужается от верхней части к нижней. Композиция устойчивая антропоморфная, с резным треугольчатым орнаментом. Бордюр нарезан из пояса треугольников (образуют так называемую сплошную змейку) шириной 2 см вдоль боков (в изголовье чуть более мелкие), длинные верхние тяги плавно поднимаются вверх и имеют ширину 1,8–2,5 см при высоте 46 см. Отметим заметную асимметрию по ширине оснований тяг (1,8–2,5 см), а также легкий сдвиг вправо относительно центрального клейма нижней тяги, делящей пространство пополам. Сами тяги, символизирующие плечи, заметно опущены вниз. Верхняя часть плиты как бы освобождена для надписи, которая, однако, отсутствует. Центральное клеймо значительно удалено от изголовья (более чем на 90 см) и имеет диаметр 13 см. Верхнее клеймо по форме полный круг диаметром 13 см. Оба клейма представляют собой восьмилу-

Рис. 5. Надгробие с утратой изножия кон. XV – нач. XVI в. (общий вид)

чевые розетки, нарезанные вытянутыми треугольниками, с разделкой графьей. При этом в центральном клейме более глубоко прорезан центральный крест (своего рода «прицел»). В верхнем же клейме двойные линии графьи по всей длине диаметра отмечают большой внутренний крест. На расстоянии 35 см от края центрального клейма изгибающиеся плечики-тяги соединяет перемычка из трех «лапчатых крестов», отчеркнутых сверху и снизу графьей. Ширина этой полосы орнамента – 2 см. В торце изголовья имеются дополнительные рамки: две ленты противопоставленных треугольников (ширина внешней – 1,7 см; средней – 1,6 см) и лента одиночных же треугольников вершинами внутрь (ширина – 0,8 см). Последняя идет также вдоль боковых сторон до плечиков.

Рис. 6. Граффити в средней части надгробия (рис. 4а) кон. XV – нач. XVI в.

Особенность орнамента описываемого надгробия – так называемые облачка. Во внутренних углах рамки изголовья имеется по три дуги, очерчивающие сегменты, из более мелких треугольников (высотой 0,6–0,8 см) вершинами наружу.

На плите имеются трудно читающиеся, написанные полууставом граффити, расположенные примерно в средней части верхних тяг, на пространстве между ними и внешним бордюром-змейкой (рис. 6):

1) слева – наклонная *k* (или похожий на нее знак) с острой верхней петелькой и круглой, не стыкующейся с верхней, нижней петлей;

2) справа – набор букв разного размера (как мелких, так и более крупных): *kaMlen+*;

Возможно, тут угадывается слово «камень».

Аналогии описанной плите имеются на памятниках рубежа XV–XVI вв.: надгробии новгородского архиепископа Сергия 1490-х годов; двух надгробиях Богоявленского монастыря (одно – с датой 1500/01 г.); плите начала XVI в. из Спасского собора Андроникова монастыря (Беляев, 1996.

С. 366. КЛ № 3. Табл. LXXVII, 6. Фото 130, 132). Этим временем (рубежом XV–XVI вв.) и следует ее датировать.

5. Верхняя часть (изголовье) белокаменной плиты с почти полностью сохранившейся надписью (рис. 7). Размеры – 58×(62)×12,5 см. Самая верхняя часть плиты также серьезно повреждена. В ее правой части фиксируется выкрошка известняка из-за особенностей его строения в пласте. Верхняя левая часть отколота. Орнамент устойчивый антропоморфный, из двух рядов рамок, образованных косыми противопоставленными прямоугольными треугольниками (так называемые сдвоенные косынки). Внутреннюю рамку, переходящую в обрамление тяг, образует линия графы. Косынки как элемент декора белокаменных надгробий впервые появляются в конце XV в., но широко распространяются в 1530–1550-е годы (Беляев, 1996. С. 143–144). При этом отсутствие у рамок внешних поясов графы, а также внутренней разметки треугольников указывает на более ранний период в рамках отмеченного промежутка.

Рис. 7. Верхняя часть надгробия инок Евстафия Петрова (1541–1551 гг.)

Важно, что дуги-тяги (от них прослеживаются верхние окончания) были сверху и снизу обрамлены графией и также набраны не треугольниками, а «косынками». Полной аналогией является надгробие «олексеевского» попа Ивана – инок Игнатия из Зачатьевского монастыря в Москве середины XVI в. (возможно, до пожара 1547 г.) (*Кренке, Беляев, 2006. С. 45. Цв. илл. V на вкл.*)². Здесь также два пояса бордюра, набранные «косынками», тяги также состоят из последних.

На плите читается четырехстрочная надпись четким полууставом:

[1] ЛѢ,З (пробел) N (утрата)

[2] МАИАДНЬПРЕСТА

[3] ВИСАВІЕЖИНОУКЪ

[4] ЕОУСТАФІИПЕТРОВ

Выносная буква одна – Ё в слове РЯЁ.

Перевод: «Лета 705... (утрата единиц) маиа 4 день преставися раб Божии инокъ Евстафеи Петров».

К большому сожалению, точный год смерти Евстафия Петрова из-за утрат цифры единиц неизвестен. Вместе с тем, несмотря на утрату верха цифры десятков, она определяется уверенно – N,

² В описание вкралась ошибка. В тексте указано, что внешний бордюр орнамента – треугольчатый, в то время как на фото четко видно, что оба бордюра набраны «косынками».

т. е. 50. В пересчете на эру от Рождества Христова 7050-е годы от сотворения мира по сентябрьскому стилю соответствуют отрезку сентября 1541 – августа 1551 г. Этому интервалу полностью соответствует орнаментация надгробия – 1530–1550-е годы.

Петровы – известная фамилия коломенских гостей первой половины XVI в., затем около конца XVI в. они стали именоваться Юрьевыми. Уже в XVII столетии, после переселения в Москву, их стали обозначать по городу происхождения Юрьевыми-Коломнятинскими. В синодике Старо-Голутвина монастыря 1708 г. сохранилась запись поминовения рода коломенского гостя Юрия Петрова, относящаяся примерно к середине XVI в. (Синодик... 1708. Л. 200; Мазурова, Мазуров, 2007. С. 86). В перечне поминаемых на восьмой позиции там читается имя Евстафий. Вероятно, это родственник (брат?) Юрия Петрова и именно тот человек, над могилой которого было помещено публикуемое надгробие. Правда, существует некоторое противоречие, которое следует обсудить. В надписи на надгробии Евстафий именуется иноком (буква Н в слове пропущена), а в синодичном поминовении рода Юрия Петрова иноческий статус не указан. Итак, имя Евстафий и мирское, и иноческое. Как это возможно? Чтобы выйти из противоречия, можно предположить тут пропуск указания статуса («инок») при переписке синодика. Однако как быть с вопросом перемены имени у монашествующего? Вероятно, Евстафий был рясофорным монахом, что в XVI столетии на Руси не предполагало перемену имени. Кроме того, в Древней Руси известна практика сохранения мирского имени при монашеском постриге (Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., 2017. С. 32, 82–90). При учете перечисленных обстоятельств все недоумения снимаются. Итак, Евстафий Петров – представитель известного в Коломне с конца XV в. рода гостей, принявший постриг в Бобреновом монастыре и скончавшийся в рамках 1541–1551 гг.

6. Верхняя часть плиты с полностью сохранившейся эпитафией (рис. 8). Размеры – 43,5×(53)×10 см, плита слегка сужается от изголовья к изножию. Орнамент устойчивый антропоморфный. Бордюр по периметру образован полосой (ширина – 2,4 см) узких мелких треугольников, обращенных вершинами друг к другу (волчий зуб). При этом вершины треугольников не заходят за воображаемую среднюю линию. Второй орнаментальный ряд бордюра образован крупными равносторонними треугольниками, вписанными между параллельными линиями графы (общая шири-

на этой полосы – 2,4–2,6 см) и наклонными разграничениями чертой. Особенность орнаментации составляет то обстоятельство, что верхняя полоса из крупных треугольников идет от края до края плиты, разрывая полосу волчьего зуба. Сохранилось только верхнее полуклеймо диаметром 6,5 см, полностью заполненное орнаментом. Внешний его край образован узкими треугольниками, подобными имеющимся на внешнем бордюре, обращенными вершинами к центру. Клеймо сверху заполнено полосой из трех крестов, образованных крупными треугольниками, обращенными вершинами к центру (так называемые треугольчатые кресты). Внизу внутренней части клейма идут пять более крупных треугольников. Внутреннюю рамку орнамента изголовья образует полоса графы, расположенная от края плиты в 5,0–5,5 см. Нижняя часть этой графы переходит в краевое обрамление верхних тяг. Ширина тяг по графе – 3,5–4,0 см. Внутри они образованы полосой орнамента из мелких треугольников, аналогичной идущей по внешнему краю плиты.

Внутри орнаментальной рамки верхней части плиты, ниже клейма идет изящно нарезанная красивым полууставом трехстрочная надпись:

[1] ЛѢТА „ЗМѦ ПРЕСТАВЕНѦ
[2] РАБЪ БОЖІЙ ОНДРѢЙ БОРИСОВЪ
[3] САТИНЪ

Ниже идет изящная виньетка, типичная для оформления колофонов в книжной культуре Древней Руси.

Перевод: «Лета 7049 (т. е. 1540/41 г.) преставися раб Божий Андрей Борисович Сатин». Таким образом, надпись на плите сообщает о смерти между сентябрем 1540 – августом 1541 г. А. Б. Сатина.

Сатины вели свое происхождение от козельского князя Ивана Фёдоровича Шонура (Родословная книга... 2011. С. 147). Его потомки утратили княжеское титулование. Родословие Сатиных подробно разобрал А. В. Кузьмин (2014. С. 191–193). Он показал, что дворянский род Сатиных конца XV–XVI в. идет от М. Р. Сатина (первое упоминание ок. 1434 г.), а не от М. Д. Шонурова. В XV – первой половине XVI в. Сатины были тесно связаны с Боярской думой, дворами как великого князя в Москве, так и с удельными столицами (Звенигородом, Угличем и Старицей). Об отце А. Б. Сатина Борисе Александровиче (жил примерно в последней четверти XV – первой трети XVI в.) источники умалчивают. Зато мы знаем о его родном брате – Иване Борисовиче Гре-

Рис. 8. Верхняя часть надгробной плиты Андрея Борисовича Сатина 1540/41 г.

бушине Сатине³. Пятого ноября 1553 г. он был сыном боярским «у платья царева» на свадьбе казанского царя Семиона с М. А. Кутузовой (Сахаров, 1849. С. 56). Иван Гребушин с младшим братом

Петром записаны в Дворовой тетради 1550-х годов. Оба они служили из Ржевы Володимеровой: «Иван да Петрок Борисовы дети Сатины. Ивановы дети Андреец да Леонтий да Степан. Умре оба»

³ Благодарю доктора исторических наук, главного научного сотрудника А. Л. Корзинина (Северо-Западный институт управления РАНХиГС) за консультацию и уточнение сведений о И. Б. Гребушине Сатине.

(Тысячная книга... 1950. С. 180). Следовательно, Сатины служили из Ржевы, причем эта запись относится к моменту составления Дворовой тетради, к ее раннему слою (1553/54 г.). Помета о смерти двух братьев более поздняя, сделана до 1560 г., когда Дворовая тетрадь перестает пополняться. Иван Гребушин Сатин также записан в указанном источнике по Угличу: «Иван Грибушин сын Сатин. У царя Семиона» (Тысячная книга... 1950. С. 205). Итак, И. Б. Гребушин Сатин имел земли под Ржевой Володимировой и Угличем. Уточнение «у царя Семиона» указывает, что он в 1550-е годы входил во двор казанского хана Семиона Касаевича, что подтверждается свидетельством свадебного разряда ноября 1553 г.

На основании приведенных данных можно думать, что Андрей Борисович Сатин – еще один (старший?) сын Бориса Александровича, неизвестный по родословцам. Погребение его в Бобреновом монастыре выглядит несколько странно. Дело в том, что Сатины в середине – второй половине XVI в. не имели поземельных связей с Коломенским уездом. Их вотчины располагались близ Москвы, в Звенигороде и Боровске, а также в районе Углича и Ржевы (Кузьмин, 2014. С. 186). Однако это не означает, что их не было ранее. Так, до нас дошла данная грамота Аграфены Волынской на село Остафьево Каневской волости Коломенского уезда от 6 января 1541 г. (Памятники... 1978. № 20). В составе послухов тут упоминается Захарий Андреевич Постник Сатин (упоминания 1520–1538 гг.; представитель другой ветви фамилии, сын Андрея Михайловича Сатина). Дело в том, что обычно в таком качестве выступали именно местные землевладельцы. Поэтому можно думать, что Сатины все же имели какую-то связь с Коломенской землей.

Смерть А. Б. Сатина, возможно, связана с отражением попытки прорыва через Оку под Коломой крымского хана Саип-Гирея летом 7049 (1541) г. В июле 1541 г. здесь происходили стычки на переправах через реку (ПСРЛ, 2001. С. 296, 301; 2000. С. 138–139). Не исключено, что во время этих событий он погиб и был похоронен в местном монастыре.

7. Верхняя половина плиты с полностью сохранившейся эпитафией (рис. 9). Размеры – 65–61×(95)×14 см. Орнамент устойчивый антропоморфный. Внешняя рамка бордюра образована лентой (шириной 3 см) противопоставленных узких треугольников, обращенных вершинами друг к другу и образующих змейку. Внутренняя рамка изголовья представлена двумя линиями графы (расстоя-

ние от внешнего края плиты до нее – 3,8 см), между которыми размещены вписанные в секторы квадрата с диагоналями (также нанесенными графьей) кресты, образованные равнобедренными треугольниками. Эта полоса орнамента шириной 3,5–4,0 см расположена сверху (в изголовье) и по боковым сторонам, до окончания тяг. Отграниченные графьей тяги (их ширина по графье – 4,0–5,2 см) нарезаются тем же способом, что и внешний бордюр. Верхнее полуклеймо идет от края внешней полосы орнамента и разбивает ленту «лапчатых крестов». Диаметр его – 10 см. Внешняя граница представлена графьей, далее идут две полосы узких высоких треугольников, обращенных к центру. Далее – полукруг из графы с нарезанными графьей же радиусами. Центральная часть заполнена семью крупными высокими равнобедренными треугольниками, вписанными в разделку круга. В центре кругового клейма – точка диаметром 0,6–0,7 см. Плита имеет повреждение – след от зубца ковша экскаватора (полоса идет от верхнего левого угла до излома левой тяги), образовавшийся при снятии поверхностного грунта. К счастью, повреждения от него для эпитафии оказались минимальными. В верхней части плиты в рамке, занимая примерно треть свободного пространства, идет трехстрочная надпись:

[1] В ЛѢТѢ „ЗНАЮЩАЯ“ ПРЕСТАВНѢ

[2] (РА)БЖИИВЛАСЕИМОРЪЗОВИНОКОВА

[3] ДНМЕРХ

Высота букв – 6,5–7,0 см. В первой строке перед словом ЛЕТО четко видна петля буквы В (низ ее поврежден зубцом экскаватора). Начинается надпись, следовательно, вполне по летописным канонам («В лето...»), а не упрощенно, как это обычно бывает на белокаменных надгробиях («Лета...»). В начале второй строчки из-за того же повреждения не просматриваются (но уверенно реконструируются) буквы РА из слова РАБ. Некоторые затруднения возникают с чтением первой буквы в фамилии погребенного. После имени ВЛАСЕИ четко видно окончание ОРОЗОВ, что заставляет видеть между И и Р букву М. Она образована лигатурой – тремя вертикальными полосами (средняя короче боковых, над ней размещена буква О), при этом правая полоса одновременно является мачтой буквы Р. В слове ИНОК добавлена лишняя буква О в окончании. Таким образом, перевод надписи такой: «В лето 7054 (1546) июля в 25 (день) преставися раб Божий Власей Морозов иноко Владимир».

Морозовы – известная боярская фамилия Московской Руси XIV–XVII вв. Однако идентифика-

Рис. 9. Верхняя часть надгробной плиты Власия – инока Владимира Морозова 1546 г.

ция с одним из них погребенного персонажа наталкивается на трудно преодолимые противоречия. По буквальному прочтению его мирским именем было Власий (в монашестве – Владимир, что полностью соответствовало утвердившемуся в XV–XVI вв. правилу, когда монашеское имя должно было начинаться на одну букву с мирским). Среди представителей русского служилого сословия это имя было крайне редким, почти исключительным (Памятники... 2011)⁴. Нет его и в родо-

словных росписях Морозовых. Вместе с тем четыре представителя Морозовых-Козловых имели в 1577/78 г. земли в Коломенском уезде (Кузнецов, 1993. С. 153). Можно осторожно предположить, что Власий Морозов – неизвестный по родословцам и письменным источникам представитель рода Козловых-Морозовых первой половины XVI в., принявший монашество в Бобреньевом монастыре, скончавшийся тут и погребенный на монастырском погосте.

⁴ Среди многих тысяч бояр, дворян и детей боярских нет ни одного имени Власий. Единичные случаи, которые мы можем указать, – родоначальники дворян Власевых и Власовых (от сокращенного варианта имени – Влас).

Рис. 10. Фрагмент верхней части плиты
инока Герасима (1531–1541 гг.)

7. Фрагмент изголовья верхней части белокаменной плиты, расколотой на два элемента (рис. 10). Правая часть отсутствует. Размеры – (50)×(70)×12 см. Орнамент устойчивый антропоморфный. Внешний бордюр образован двумя полосами узких высоких треугольников, обращенных вершинами друг к другу (так, что их вершины не пересекают воображаемую срединную линию). Ширина этой полосы – 3 см. Ближе к центру идет вторая, другая по типу полоса бордюра, по краю отчеркнутая графьей, ширина ее – 3,5 см. Внутреннее пространство между графьей поделено наклонными линиями на трапеции, внутрь которых вписаны крупные высокие треугольники (косынки). Особенность этой полосы орнамента состоит в том, что в верхней части изголовья она идет от самых краев плиты, разрывая волчий зуб. Внутреннюю рамку верхней и нижней плиты образует полоса графьи. Сохранился фрагмент одной левой верхней части боковой тяги (ширина по графье – 4 см, по волчьему зубу – 2,5 см), орнаментированной так же, как и внешняя полоса бордюра. Ни верхнее, ни среднее клейма, несомненно, имевшиеся на плите, не сохранились.

Рис. 11. Надгробие суконника инок Вассиана
Никулина Сухобокова 1562/63 г. (общий вид)

Все внутреннее поле изголовья плиты занято шестистрочной надписью:

- [1] ЛѢТЪ 3М (утрата)
- [2] ФЕВРІАДПР(С)
- [3] СТВЕНСАДРІА(Ж)
- [4] ННН(О)БРА
- [5] СММ
- [6] Х

Высота букв – 4,0–7,5 см. Особенность палеографии – написание буквы А с верхней «полочкой с отчеркиванием» (как у буквы Г, только обращенной влево). Эта особенность позволяет фрагмент последней буквы справа в четвертой строке уверенно восстановить как А. На основании того, что утрачены в строках 2–3 были по одной букве, реконструируемая ширина плиты составляла 68–70 см.

Надпись читается почти полностью (за исключением числа единиц года, что заставляет датировать плиту в рамках десятилетия): «Лет (а) 704 (?) (т.е. между сентябрем 1531-го и августом 1541 г.) февраля 24 преставился раб Божий инок (Г)ерасимъ».

8. Следующее надгробие сохранилось целиком, имеет слегка трапециевидную форму (рис. 11). В средней части плита переломилась (не исключено, еще в древности после просадки могилы). Размеры ее составляют 174×(59–52,5)×17 см. Орнамент по периметру жгутовой, его ширина – 5 см. Клеймо в изголовье радиусом 11,5 см. Высота букв – от 8,5–9,0 (преобладает) до 9,2 см, промежутки до нижележащей строки – 3,0–3,5 см. Центральное клеймо диаметром 21 см. Ширина центральной тяги – 8 см, боковых тяг – 8,0–8,5 см. Выборка фона осуществлена от изголовья до боковых тяг. Высота рельефа букв – 1,5–2,0 мм.

Плита выполнена с изыском, о чем свидетельствуют дополнительные элементы орнамента (рис. 12). Справа, слева и ниже шестой строки эпитафии расположены три малые розетки в виде круга-колеса (диаметры внутри образуют своеобразные спицы), выполненные в обронной технике. Диаметр их – 6,0 (левая), 7,0 (центральная) и 6,5 (правая) см.

На боковых гранях надгробия – каннелированный орнамент (рис. 13). Сверху полка-антаблемент – 4,5 см, далее жгут – 2 см, ниже – идущие вплотную каннелюры, высотой 8 см и шириной 5 см.

Надпись выполнена в технике обронной резьбы (с выборкой фона) изящной вязью:

- [1] ... (лета) (клеймо) 30М
- [2] ... (де)Н ПРЕСТАВН
- [3] (ся) (р)АБЖИИИИ(О)(К)
- [4] СЪКОННИКЪВАСИАН
- [5] НИКУЛИНЪСУХОБО
- [6] КОЕ

Рис. 12. Обронная надпись и дополнительные элементы орнамента плиты суконника инок Вассиана Никулина Сухобокова 1562/63 г.

Утрачены начала первой – третьей строк (отслоение верхнего слоя известняка). В начале второй строки название месяца и число дня, судя по незначительности занимаемого места, по количеству букв (даже с учетом вязи), было очень коротким. Это могли быть три-четыре знака (март, май, июнь, июль), не более. Можно быть почти уверенным и в том, что дата дня состояла из одного знака (от 1 до 10).

Надпись почти полностью восстанавливается: «(Лета) 7071 (1562/63 г. – А.М.) ... день преставился раб Божии инок суконник Васьян Никулин Сухобоков».

Рис. 13. Орнаментация длинной боковой грани плиты суконника инока Вассиана Никулина Сухобокова 1562/63 г.

Таким образом, плита положена над иноком Вассианом, сыном Никулы (Микулы) Сухобокова. Важно, что родственники, заказавшие надгробие, определили его мирской статус. В культуре Московской Руси принципиальное значение имело преставление в «ангельском чине», закономерное поставленное на первое место. Однако социальное положение и одновременно род занятий были также важны.

В конце XX в. было установлено, что «на плитах вплоть до конца 1570-х годов явно господствует треугольный орнамент с внутренней рамкой из крупных треугольников разного типа, и лишь в конце 1580-х годов жгутовой декор становится если не полностью преобладающим, то, во всяком случае, весьма обычным». При этом предполагалось, что жгутовой орнамент возник примерно в одно время с каннелюрами – внутри последней четверти столетия, ближе к концу XVI в. (Беляев, 1996. С. 165, 166). Представительная коллекция надгробий Троице-Сергиева монастыря позволила отнести начало бытования жгутового орнамента к 1550–1560-м гг. (плиты 1555, 1559 и 1567 гг.) (Вишневский, 2013. С. 125). Новые находки в стратиграфически надежных условиях (фундамент 1566 г. церкви Троицы в Старых Полях в Москве) вполне соответствуют этим наблюдениям. Они относят появление каннелированного орнамента как минимум к 1560-м годам (Беляев, 2006. С. 15). Бобриневский экземпляр оказывается одной из весьма ранних полностью сохранившихся датированных плит с подобным орнаментом, что заставляет (вкупе с обронной техникой резьбы) весьма осторожно подойти к его датировке. Не нарезан ли

он несколькими десятилетиями позднее смерти суконника Сухобокова?

Орнаментация на боковых гранях, по данным коллекции Троице-Сергиева монастыря, появилась в середине XVI в. Согласно классификации В. И. Вишневского, орнамент на трех боковых гранях относится к типу арочного с одинарными лентами орнамента, к его ранней разновидности (Вишневский, 2013. С. 136). Сверху идет валик в виде перекрученного жгута-веревочки и двойные, плотно сомкнутые каннелюры, разделенные вертикальными «столбиками с треугольными наверхиями» («глубокая вертикальная бороздка, вверху расширяющаяся и обрисовывающая внешний край большого архивольта» – Беляев, 1996. С. 150). Полная аналогия (в том числе антаблемент из двух полочек: верхняя – без орнамента, нижняя – жгут) обнаруживается в коллекции московского Богоявленского монастыря, где Л. А. Беляев датировал подобный фрагмент (также со жгутовым орнаментом, но без даты) последней четвертью XVI – первыми годами XVII в. (Беляев, 1996. С. 311. Фото 43, 44). Близкое надгробие ножевника Конона Кlementьева из московского Высоко-Петровского монастыря, имеющее дату 1562 г., на самом деле, как предполагал Л. А. Беляев, нарезано предположительно в конце XVI – начале XVII в. (Беляев, 1996. С. 147, 324, 325. Фото 57–60). Тут боковой орнамент стадially более поздний, где каннелюры обрамлены и сверху, и снизу «веревочкой». К тому же эта плита весьма массивна, толщина ее – 36 см (бобриневская плита более чем в два раза тоньше, всего 17 см), что делает принадлежность ее к концу XVI в. весьма вероятной. Близкой аналогией ор-

наменту на боковых гранях для коломенского экземпляра является плита княгини Глинской 1562 г. из Троице-Сергиевского монастыря (*Вишневский*, 2015. С. 135, 136. Рис. 5, 4).

Обронная резьба в московских надгробных плитах впервые фиксируется в 1519 г. на надгробии Феоноста Кудрина (*Беркович, Егоров*, 2017. С. 591, 592 (Нар-1)). В огромной по масштабам коллекции Троице-Сергиева монастыря выявлены всего три обронные надписи XVI в., причем, как показал В.И. Вишневский, появились они в середине этого столетия (*Вишневский*, 2015. С. 315, 316. Ил. 1, 2). В Москве же наибольшее распространение они получили в 1620–1650-е годы (*Беляев, Романов, Шлионская*, 2010. С. 157, 158).

Таким образом, в свете современных данных не обнаруживается особых препятствий для признания обозначенной на плите даты (1563 г.) временем изготовления надгробия В.Н. Сухобокова. В пользу этой даты говорят также слабовыраженная трапецевидность, общая изящность и тонкость плиты. Впрочем, полностью нельзя исключать, что надгробие могло появиться на могиле и на одно-два десятилетия позже. С учетом рода занятий и статуса погребенного возможно предполагать доставку специально изготовленной опытным мастером плиты и из Москвы.

Обратимся к уяснению того, кто же был похоронен под этим надгробием. Сухобоковы – крупные коломенские купцы, входившие в корпорацию гостей и суконников. Крупное купечество Коломны имело свой патрональный храм Николы Гостиного. В Писцовой книге 1577/78 г. пофамильно упоминаются три гостя и 12 суконников⁵.

Следует выяснить, что имеют в виду надпись на анализируемом надгробии и коломенская Писцовая книга 1577/78 г., говоря о гостях и суконниках. Дело в том, что с середины до конца XVI столетия шло формирование привилегированных купеческих корпораций – гостей, Гостиной и Суконной сотен. В них за конкретные заслуги зачислялись по царскому указу с целью поставить на службу государству представителей зажиточного купечества. Н.Б. Голикова выявила около 70 ку-

печеских фамилий, получивших в XVI в. звание гостя. Гостиная сотня появилась в промежутке между 1566 и 1584 гг. (вероятно, вскоре после Земского собора 1566 г. или после 1571 г.). Суконная сотня упоминается в документах лишь в 1598 г., в акте о выборах царем Бориса Годунова (есть надпись XVII в. на надгробии члена Суконной сотни) (*Голикова*, 1998. С. 55–57, 217). Поэтому можно думать, что писцовая книга 1577/78 г. и надгробие из Бобренева монастыря говорят о суконниках не как о представителях Суконной сотни, а в более традиционном смысле, типичном для конца XIV – первой половины XVI в. Привилегированное положение среди купечества этого периода составляли гости-сурожане и суконники. Первые составляли «нарочитое купечество» (самые его сливки) и торговали с Югом и Востоком. Вторые шли вслед за ними и занимались преимущественно закупками сукна в Новгороде Великом, Пскове, Литве и Польше. Потомки сурожан и суконников вошли уже в новые государственные корпорации, о которых речь шла выше. Социальный статус и тех, и других в XIV–XV вв. был весьма высоким, они перечислялись летописями сразу же после князей и бояр.

Среди коломенских гостей мы видим и фамилию Сухобоковых. Проанализируем сведения источников о них. Вероятно, писцовая книга 1577/78 г. зафиксировала уже угасание этого крупного купеческого клана. Родоначальником их был некий торговец по прозвищу Сухобок, имевший сына Микулу (Николая) Сухобокова. У Микулы было три сына: Степан, Богдан и Василий. Очередность их появления на свет неясна. По всей вероятности, инока Вассиана можно идентифицировать с Василием Сухобоковым. В позднем русском Средневековье существовал устойчивый обычай подбирать монашеское имя, начинающееся на одну букву с мирским.

Гость Степан Сухобоков к моменту описания позднегознесенского времени умер (ниже будет обосновано, что случилось это ранее 1563 г.). Это видно из того, что его двор (в Коломенском кремле, локализация в писцовой книге не уточнена)

⁵ Все дворы суконников располагались на территории Коломенского кремля. Близ Пятницких ворот «в тупике» жили Тимофей Наумов, Петр Терентьев, Василий Калачев, у Водяных ворот – Денис Першин и Третьяк Козлов (Извлечение... 2002. С. 25), на Большой улице (главной в кремле) – Иван Татев, Иван Елизаров (Извлечение... 2002. С. 26), Семен Исаков (Извлечение... 2002. С. 27). На Ильинской улице стояли дворы Третьяка Сермяжникова и Шептыка Босовых (Извлечение... С. 29), Богдана Перепелкина (Извлечение... С. 30). Все они (кроме Шептыка Босовых, за которым сохранялось запустевшее место) к 1570-м годам потеряли свои дворы, которые перешли к другим владельцам. В 1577/78 г. в Коломне жил лишь Семен Борисович Синий Зуб (Извлечение... С. 32), локализация двора которого неизвестна. Трудно предполагать, в чем были причины столь массового исчезновения коломенских суконников. Это могла быть как физическая смерть в результате морового поветрия, так и перевод в Москву по указу Ивана Грозного после ее сожжения Девлет Гиреем в 1571 г.

был пригорожен к дворам двух крупнейших (коломенских по происхождению) гостей – Никифора и Ивана Юрьевых детей Петрова (Извлечение... 2002. С. 32). Случиться это могло после кончины Степана в ходе покупки дворовладения у наследников. С. М. Сухобоков был настолько значительным человеком, что оставил след в топографии Коломны Грозненского времени. Степан Сухобоков где-то во второй четверти (или чуть ранее) XVI в. вместе со своим компаньоном Даниилом Корякиным⁶ основал в Коломне на посаде оброчную «подольную» (в данном случае от слова «подол», т. е. находящийся подле посада) Степановскую слободу, жители которой объединялись по десятичному принципу в сотню (Извлечение... 2002. С. 38). Смысл был в том, что за Степана как феодала-сюзерена закладывались, уходя от государева тягла, призванные на жительство горожане и крестьяне, на какой-то период освобождавшиеся от всяких податей и повинностей. К 1577/78 г. льготный период закончился, и они уже платили государев оброк. Сама слобода не была компактной, принадлежащие ей дворы в основном располагались в двух местах: у церкви св. Екатерины в Кузнецях (престол храма сохранился в ныне существующем храме Вознесения Коломны) и в Михайловской слободе в Клязьминой улице, шедшей от церкви Троицы на Репне к кремлю (Извлечение... 2002. С. 38). Был также один слободской двор и на Плотничьей улице. Центром слободы была патрональная для Степана Сухобокова деревянная церковь Степана Великого, т. е. первомученика архидиакона Стефана. Она четырежды упомянута⁷ при уточнении, где обитают владельцы лавок на торгу (Извлечение... 2002. С. 46). Есть указание, что при ней был монастырь (Извлечение... 2002. С. 52). По описанию, в слободе числилось 20 с половиной дворов и 28 жильцов.

О госте Богдане Сухобокове известно, что он владел двором в Коломенском кремле «от Водяных ворот в переулке налево» (Извлечение... 2002. С. 26). Располагалось владение примерно в районе Застеночной башни кремля. Сам Богдан к 1577/78 г. уже умер, а его двор перешел (види-

мо, путем покупки) к оборотистому и предприимчивому любимцу Ивана Грозного дьяку Андрею Васильевичу Шереметеву (о нем см.: Мазуров, 2011). В Большом ряду, где торговали сукнами и шелками, в 1577/78 г. все еще числилось лавочное место Богдана Микулина (Извлечение... 2002. С. 40).

Третьим сыном Микулы Сухобокова был Василий, надгробие которого 1563 г. и обнаружено в Бобреновом монастыре. Он (как Василий Микулин) единственный раз упомянут Писцовой книгой как бывший владелец пустого места в Большом ряду, где как раз и торговали шелками и сукнами (Извлечение... 2002. С. 40) (что независимо подтверждает его идентификацию на надгробии как суконника). В свою очередь у Василия был сын Фуник, к 1577/78 г. числившийся уже гостем. Двор Фуника Васильева сына Сухобокова перечислен в реестре дворов гостей Коломны (Извлечение... 2002. С. 32). Фуник Сухобоков, как и отец, торговал сукнами и шелками в Большом ряду Коломенского торгова, где у него было сразу две лавки (Извлечение... 2002. С. 39, 40), а также рыбой в Рыбном ряду (Извлечение... 2002. С. 44).

Важным свидетельством о роде Сухобоковых является запись о них в Синодике московского Богоявленского монастыря, «что за торгом»: «Род Сухобоковых Коломничан:

Скимника Никона, скимницы Маремьяны, Стефана, Марью, Марьи, скимницу Марину, Михаила, Евдокеи, Михаила, Ивана Тверитина, Екатерину, инока Арсения, Евфимью, Михаила, Марфу, Марию» (Алексеев А. И., 2011. Л. 100 об.)⁸.

Сама эта запись свидетельствует об активности Сухобоковых на московском торгу, ближней обителью к которому и было «Святое Богоявление». Здесь важно определение Сухобоковых как коренных жителей Коломны («коломничан»). Судя по всему, в поминании представлено два-три колена их рода. В схимнике Никоне по сходству первой буквы можно видеть самого Микулу-Николу (Никулу) Сухобокова. Такое предположение вполне оправдано совпадением начальных букв монашеского и мирского имен в соответствии

⁶ Его сын Безсон имел в 1577/78 г. лавку в Мясном ряду Коломенского торгова (Извлечение... 2002. С. 45).

⁷ Писцы в 1577/78 г. описывали государственное имущество, которым в церковной сфере считались владычный двор, кафедральный собор, монастыри, ружные и приходские церкви. Храмы и монастыри, возведенные частными ктиторами, не описывались (например, храм Николы Гостинного совершенно случайно дважды попал в источник при указании мест проживания (Извлечение... 2002. С. 24, 60).

⁸ Сердечно благодарю доктора исторических наук А. И. Алексеева за предоставление полного текста этой главы. Еще одна короткая запись о поминании рода Сухобоковых имеется в синодике Старо-Голутвина монастыря 1708 г.: «Род Сухобоковых: Максима, Алексея, Марии» (Мазурова, Мазуров, 2007. С. 84). Вероятно, она относится к концу XVI в.

с традицией того времени. Схимница Маремьяна, соответственно, в миру могла быть его супругой. Из знакомых нам персонажей, упомянутых в коломенской Писцовой книге 1577/78 г., мы видим только Стефана (русифицированный простонародный вариант – Степан). Василий – инок Вассиан, дата смерти которого стала известна из анализируемого надгробия (1563 г.), не упомянут, из чего следует, что Степан умер раньше Василия, а процитированная синодичная запись сделана не позднее 1563 г. Остальные представители рода с большой долей вероятности (кроме монашествующих) – рано умершие дети. Интересный штрих – в род коломенцев попал Иван Тверитин, т.е. житель Твери. По-видимому, одну из женских представителей Сухобоковых (Екатерину?) выдали замуж за тверского купца. Таким образом, Василий Сухобоков продолжил семейную традицию и, подобно отцу и матери, окончил жизнь в «ангельском чине».

Интересно будет привести аналогии из купеческого быта XVIII в. А.И. Аксенов установил, что в московском купечестве этого столетия весьма частой была перемена его состава. Наиболее распространенной продолжительностью купеческого рода было два-три поколения. Брачные связи характеризовались большой разветвленностью, играя своеобразную роль средства первоначального накопления и регулятора экономических отношений между родами (Аксенов, 1993. С. 107). Показательным в нашем случае кажется брак дочери Сухобоковых с представителем тверского купечества. Интересную параллель можно найти в исследованиях о генеалогии купеческих семей Сибири. Родовые связи не ограничивались там одним городом, «семьи с крупным капиталом были немногочисленными и стремились породниться, что было средством укрепления позиций. Ведь функции купеческой семьи отличаются от обычных – они были семьями-компаниями и отношения внутри семьи были также и отношениями между компаньонами в большом предприятии» (Громыко, 1977. С. 220).

Вполне справедливо считается, что появление надписей на белокаменных надгробиях связано со становлением поминальной практики. Можно думать, что, коль скоро В.М. Сухобоков похоронен в Бобреновом монастыре, он был его вкладчиком. До нас дошел поздний монастырский синодик 1798 г. (Мазурова, Мазуров, 2016) – увы, во вкладчиках Бобренова монастыря Сухобоковы не значатся. Нет там ни Евстафия Петрова, ни А.Б. Сатина, ни Власия (инока Владимира) Морозова. Объясняется этот факт, скорее всего, утратой докумен-

тов в Смутное время. Древнейшая «память» в синодике датируется концом XVI в. и относится к детям знаменитого гостя Грозненского времени Аникия Строганова Якова (ум. в 1577 г.) и Семена (ум. в 1586 г.). И позже крупное купечество проявляло какой-то особый интерес к обители. Так, не позднее 1650-х годов вклад на «память» в монастырский синодик записали по «лучшим людям» коломенского посада – членам гостинной сотни Михаилу и Петру Волковым. Во второй половине XVII в. там появилось имя московского (происхождением из коломенского с. Дединово) гостя Василия Шустова с братьями. Особо был связан с обителью древний род коломенских гостей Петровых-Юрьевых, которые в XVII в. переехали в Москву и имели прозвание «коломятины» (т.е. выходцы из Коломны). Еще Писцовая книга 1577/78 г. зафиксировала, что в каменной Богородице-Рождественской церкви Бобренова монастыря Микифор Юрьев сын Петров «приложил венцы (серебряные вызолоченные) и цаты (серебряные) и камень» к двум иконам архангелов в местном ряду иконостаса (Извлечение... 2002. С. 61). Во второй половине XVII в. потомки этого же купеческого рода московский гость Ф.В. Юрьев и его дети Алексей и Иоанн записаны в «поминанье» в монастырском синодике.

Подведем итоги нашего исследования. Хронологическое распределение плит следующее:

- вторая – третья четверть XV в. – 1;
- середина – вторая половина XV в. – 1;
- последняя четверть XV – начало XVI в. – 1;
- конец XV – первая треть XVI в. – 1;
- 1530-е годы – 1;
- 1540-е годы – 3;
- 1560-е годы – 1.

Как видим, несмотря на всю случайность выборки, связанную с особенностями формирования коллекции, они более или менее равномерно охватывают ранний («доопричный») период существования обители, очень слабо отраженный в письменных источниках. Это компактный локальный комплекс, замечательно демонстрирующий эволюцию белокаменных надгробий в рамках около или чуть более столетия.

Первое систематическое и довольно подробное описание Бобреновского монастыря в писцовой книге 1577/78 г. оставляет очень противоречивое впечатление. С одной стороны, налицо очевидные свидетельства былого благосостояния и довольно высокого статуса обители уже с конца XIV в. Тут стояли два каменных храма – белокаменный Богородице-Рождественский конца XIV в.

и кирпичный с отделкой белокаменными деталями трапезный Входоиерусалимский (XVI в., не позднее середины столетия). Убранство главного монастырского храма формировалось более полутора веков и к XVI в. отличалось настоящей роскошью (серебряные, иногда с позолотой, богослужебные сосуды, кресты и панагии, шитье из импортных тканей; иконы «на золоте» с «прикладами» из позолоченного серебра и «с камнем»; иконы в серебряных окладах; значительная библиотека, весомую часть которой составляли пергаменные кодексы). Перед храмовым образом стояла поставная «свеча большая великого князя» (Извлечение... 2002. С. 63). Эту свечу поставил не Иван Грозный (его следовало бы титуловать «царем и великим князем»), а кто-то из его предшественников. На звоннице два колокола, что по тем временам было редкостью. С другой стороны, в 1560–1570-е годы налицо был упадок обители, зафиксированный описью 1577/78 г. Так, «ворота Святые обволилися, городьба была в замет, погнила, обвалилась» (Извлечение... 2002. С. 63). Как возможен

такой контраст? Вероятно, свою роль сыграли Ливонская война и опричнина. Количество настоятельных потенциальных вкладчиков резко уменьшилось. Однако как же объяснить, что денег не хватало даже на сравнительно небольшие траты по устройству монастырской ограды и въезда? Можно осторожно предположить, что в этот период просто исчезли донаторы, ранее финансировавшие обитель. Надгробия Евстафия Петрова (из рода коломенских гостей, известного с последней трети XV в.) и суконника Василия (инока Вассиана) Сухобокова (из рода гостей и суконников XVI в.) говорят о том, что она особо патронировалась коломенскими гостями и суконниками в XV – середине XVI в. После их перевода в Москву в 1570-е годы Бобринев монастырь и стал клониться к упадку.

Сердечно благодарю за консультации и возможность обсуждения деталей данной статьи члена-корреспондента РАН Л. А. Беляева, доктора исторических наук Т. Д. Панову, кандидата исторических наук С. Ю. Шокарева.

Литература

Алексеев А. В., 2015. Средневековый каменный крест из Звенигорода // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 449–454.

Алексеев А. И., 2011. Роспись главам древнейшего синодика Московского Богоявленского монастыря // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодология. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 7–33.

Аксенов А. И., 1993. Очерки генеалогии уездного купечества. XVIII в. М.: Наука. 217 с.

Альшиуллер Б. Л., 1977. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне // СА. № 4. С. 156–173.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Графити. 567 с.

Беляев Л. А., 2006. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие XIII–XVII в. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 7–30.

Беляев Л. А., Романов Н. С., Шлионская Л. И., 2010. Надгробия игуменьи Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // РА. № 2. С. 157–158.

Беркович В. А. Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. Каталог. М.: ТМ Продакшн. 756 с.

Вишневский В. И., 2013. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 125–139.

Вишневский В. И., 2015. Обронные надписи на надгробиях Троице-Сергиева монастыря // Вопросы эпиграфики. Вып. 8. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 324–329.

Голикова Н. Б., 1998. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли. 524 с.

Громыко М. М., 1977. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука. С. 197–236.

Извлечение из приправочного списка с писцовой книги Г. Коломны и Коломенского уезда Д. П. Житова и Ф. Камынина 1577/78 г.: г. Коломна (1618 г?), 2002 // Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М.: Древлехранилище. С. 1–76.

Кренке Н. А., Беляев Л. А., 2006. Монастырский некрополь XVI–XVII веков. Плиты из Зачатьевского монастыря // Русское средневековое

надгробие XII–XVII века. Материалы к своду. Вып. 1. М.: Наука. С. 44–50.

Кузнецов В. И., 1993. Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда XVI–XVII вв.). М.: МГУ. 176 с.

Кузьмин А. В., 2014. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. I. М.: Рукописные памятники древней Руси. 336 с.

Мазуров А. Б., 2001. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия. 542 с.

Мазуров А. Б., 2005. Жалованные грамоты Василия III коломенскому Богородице-Рождественскому Бобрееву монастырю 1508 г. на земельные владения, городское подворье, луга и пахотные земли // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Сб. материалов Второй областной научно-практической конференции. Коломна: Коломенский госпединститут. С. 144–146.

Мазуров А. Б., 2011. Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род // Отечественная история. № 2. С. 77–92.

Мазуров А. Б., 2019. О датировке Коломенского списка Толковой Палеи // «Чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Н. М. Рогожина. М.: ИРИ РАН. С. 11–20.

Мазурова Н. Б., Мазуров А. Б., 2007. Синодик Коломенского Старо-Голутвина монастыря нача-

ла XVIII в. как исторический источник // Вестник Коломенского государственного педагогического института. № 1 (2). Специальный выпуск. С. 60–102.

Мазурова Н. Б., Мазуров А. Б., 2016. Синодик-помянник коломенского Богородице-Рождественского Бобреевского монастыря 1798 г. как исторический источник // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. 2016. № 2 (22). С. 3–21.

Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. 556 с.

Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край. М.: Наука, 1978. 198 с.

ПСРЛ. Т. XIII. Никоновская летопись. М.: ЯРК, 2000. 544 с.

ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: ЯРК, 2001. 312 с.

Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. С. 10–170.

Сахаров И. П., 1849. Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 6. СПб.: Тип. Сахарова. 675 с.

Синодик Старо-Голутвина монастыря, 1708 г. / РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 1710.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.–Л.: АН СССР, 1950. 456 с.

Шелятина Н. С., 1973. Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского кремля // СА. № 4. С. 227–235.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., 2017. Иноческие имена на Руси. М. – СПб.: Нестор-История. 344 с.

A. B. Mazurov

White-stone tombstones of the Bobrenevsky monastery of the 15th – 16th centuries

Summary

Nine tombstones of the middle of the 15th century are published – 1560s Bobrenevsky Mother of God-Nativity Monastery near Kolomna. The presence among the buried representatives of the higher Kolomna merchant class suggests that many of them

were the donors of the monastery. With the resettlement of Kolomna merchants to Moscow after its burning in 1571 by the Crimean Khan Devlet Giray, the monastery lost a significant part of its financial support and began to decline.

А. С. Лазарев

ОГБУ «Наследие», Кострома

Археологические раскопки 2020–2021 годов у лавки церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Костроме

С октября 2020 г. по июнь 2021 г. археологическая экспедиция ОГБУ «Наследие» проводила археологические раскопки на участке запланированной реставрации объекта культурного наследия регионального значения лавки церкви св. Иоанна Предтечи XIX в. (г. Кострома, ул. Островского, 3).

Участок работ находился в пределах границ объекта культурного наследия федерального значения «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г.)» и примыкал к одной из древнейших улиц города, проходящей через весь исторический центр Костромы от Старого города Костромского кремля до «Гноища», где находилась усадьба бояр Адашевых (рис. 1). В XV–XVIII вв. улица именовалась Брагиной внутри стен кремля и Мшанской за ними, в дальнейшем с конца XVIII в. до 1923 г. – Московской, позднее – ул. Трудовой школы. В 1948 г. в связи со 125-летием со дня рождения драматурга А. Н. Островского улица получила современное название (Улицы Костромы, 1989. С. 55–56).

Согласно Писцовой книге г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. на Брагиной улице находилась церковь Рождества Иоанна Предтечи «*древяна верх, на каменное дело закомары*» с приделами, посвященными Казанской иконе Богородицы и Иоанну Богослову, и церковь с трапезной с престолами в честь Николая Чудотворца и Семи отроков. Строительство церквей связывают с именем московского гостя Второго Озерова и его сына Ивана, что делает их одними из первых купеческих храмов на территории города (Каткова, 1999). Церкви с поповым двором и кладбищем занимали участок площадью

26×17 сажень (т. е. около 56×37 м) (Писцовая книга... 2004. С. 271).

В 1762 г. на месте деревянных церквей в начале улицы построили каменную одноглавую церковь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи с приделами Семи отроков Эфесских и св. вмц. Параскевы Пятницы (рис. 2). Впоследствии по сторонам от церкви возвели две церковные лавки – небольшие торговые постройки в стиле позднего классицизма, характерные для застройки Костромы первой половины XIX в. (Памятники архитектуры... 1996. С. 64–65). Между лавками и церковью устроили ограду с кованой решеткой и двумя симметричными воротами. Таким образом ансамбль получил полностью заверченный вид. В 1930-х гг. церковь и ограду с воротами разобрали, до наших дней сохранились только постройки церковных лавок. На протяжении второй половины XX в. и в начале XXI в. к лавкам, использовавшимся для торговли, с целью максимального увеличения площади устраивали пристройки, неоднократно перестраивавшиеся и существенно изменившие первоначальный облик построек XIX в.

Раскопки 2020–2021 гг. были продолжены по результатам исследований 2019 г.¹ Их целью было определение степени сохранности культурного слоя и мощности перекрывающих его техногенных напластований. Внутри здания в одной из некапитальных пристроек, у ее внешней юго-восточной стены, был заложен шурф площадью 3 кв. м (рис. 3). Шурф глубиной до 1,8 м был выбран до уровня фиксации четырех могильных ям, уходивших в стенки шурфа, и законсервирован. В результате работ установлено, что современные

¹ Автор статьи благодарит руководителя работ А. В. Горохову за возможность использовать при подготовке статьи неопубликованные материалы исследования.

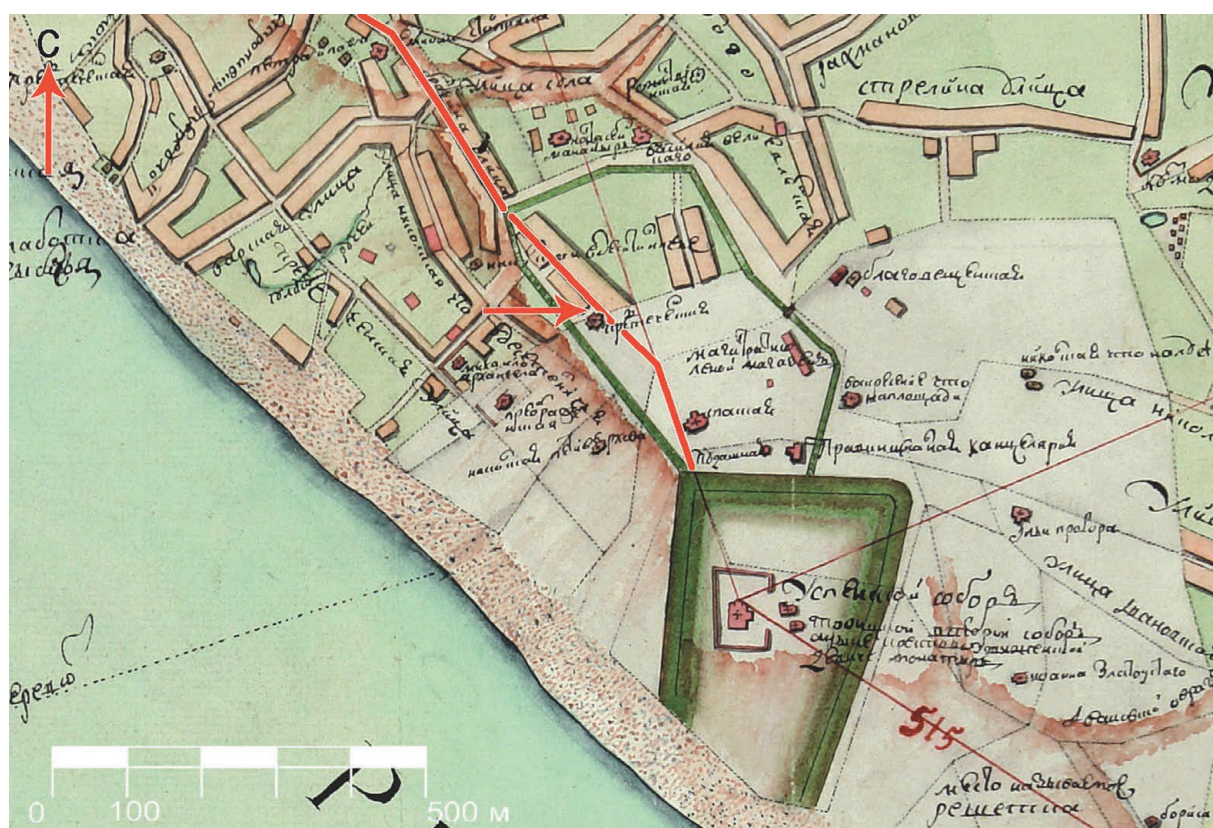

Рис. 1. План города Костромы, с проектом трех кладбищ, с селом Городищи. Копия. С описанием, в красках, составлен и подписан помощником землемера Ермолаем Соловым, копирован учеником Ильей Беляевым. 17 января 1774 г. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 1976). Фрагмент. Красным выделена трасса Брагиной улицы; участок работ указан стрелкой

пристройки, подлежащие по проекту реставрации в дальнейшем разборке, устроены на мелкозаглубленных фундаментах, под которыми (а также внутри самих помещений) находится культурный слой, содержащий некрополь.

В ходе работ 2020–2021 гг. у здания лавки заложен раскоп площадью 101,6 кв. м, разбитый на два участка, вписанных в общую сетку (участок № 1 – 50 м², № 2 – 51,6 м²) (рис. 3). Сетка квадратов получила буквенно-цифровое обозначение – с северо-запада на юго-восток буквы А – И, с северо-востока на юго-запад – цифры от 1 до 5. По центру раскопа, в квадратах В-Е/1-5, находилось здание церковной лавки (размерами около 5×10 м), к которой с двух сторон примыкали оба участка.

Участок 1 разбит к северо-западу от здания лавки внутри современной некапитальной пристройки, использовавшейся в качестве отапливаемого и освещенного павильона для ведения раскопок в неблагоприятное время года и одной стороной примыкавшей к фундаменту лавки XIX в. После снятия вручную перемешанных отложений до материка было исследовано семь пластов.

Мощность культурных напластований составила 1,3–1,4 м (в ямах до 3 м), что при отсутствии сохранившейся древесины свидетельствует о существенном накоплении культурного слоя и активной хозяйственной деятельности в данной части города (рис. 4).

При разборе культурного слоя получен ряд выразительных индивидуальных находок, характерных для XVI–XVIII вв. Вещевой материал представлен изразцами XVIII в., целыми формами посуды, игрушками (фигурка медведя и свистулька), предметами личного благочестия (нательные и наперсные кресты), нумизматическим материалом XVI–XIX вв. (рис. 5).

Глиняные фигурки медведей часто встречаются в археологических материалах русских городов XVI–XVII вв. На голове медведя наклеены полосы, изображающие намордник, и проделано сквозное отверстие, позволяющее продеть веревочку (рис. 5, 2). Наличие подобных атрибутов однозначно указывает на игрушку, изображающую ярмарочного медведя, спутника скоморохов (Фёдорова, Ткаченко, Фёдоров, 2021. С. 354–355).

Рис. 2. Церковь Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Фото 1912–1916 гг.
Вид с запада. Стрелкой указана церковная лавка и место работ

Оборотная створка креста-складня с обломанным креплением оглавия содержит в центре фигуру св. Николая Чудотворца (?), в клейме над ним и на боковых лопастях расположены нечитаемые изображения святых. В килевидном расширении нижней лопасти изображен св. мученик Никита, побивающий беса, внизу под изображением пробито отверстие для скрепления двух створок (рис. 5, 4). Кресты-складни подобного типа известны по большому количеству находок, в том числе и в Поволжье, датируются они XV–XVI вв. (Грибов, 2018. С. 141–142; Шполянская, 2008. С. 271–273).

Большинство найденных проволоочных монет являются маленькими медными пулами 1540–1560-х годов, отчеканенными в Москве и Твери (Гайдуков, 1993. № 358, 360, 362, 405, 410) (рис. 5, 8–14), также найдено единственное новгородское пуло плохой сохранности (Гайдуков, 1993. № 440, 441).

После разбора пласта 7 и зачистки выявлено 15 ям разного размера и формы, в том числе крупные (№ 1, 3, 5), образованные заглубленными в ма-

терик сооружениями. Остальные ямы, включая частотные линии (№ 8–13), вещественного материала не содержали (рис. 4). Яма № 15 представляла собой пятно прокала с углем, она прослеживалась на уровне зачистки по слою распахки на предматерике и не была заглублена в материк.

Наибольшее количество находок происходит из ямы № 1, датируемой XIV – началом XV в. и прекратившей свое существование не позднее второй половины XV в. В планиграфии верхней части она представляла собой квадрат со скругленными углами размерами около 3×3 м, глубина котлована от уровня обнаружения составила 1,7 м. Внутренние конструкции фиксировались при промежуточных горизонтальных зачистках в виде тонких прослоек тлена по периметру ямы, также на дне в материке были выбраны четыре углубления, вероятно, оставшиеся от угловых бревен. Заполнение представлено слоями темно-серой супеси, насыщенной углем и линзами тлена. Коллекция индивидуальных находок из ямы включает 33 предмета, в том числе восемь ножей, оковку ножен (Фатюнина, 2019. С. 170. Рис. 16, 1–9), иглу, рыболовный

Рис. 3. Аэрофотосъемка центральной части г. Костромы (май 2020 г.)

1 – раскоп 1, участок 1 (2020 г.); 2 – раскоп 1, участок 2 (2021 г.) и шурф (2019 г.); 3 – церковные лавки; 4 – примерное местоположение церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи; 5 – Большие мучные ряды; 6 – Хлебные ряды; 7 – Гостиный двор (Красные ряды); 8 – Мелочные ряды; 9 – Квасные ряды; 10 – Пряничные ряды; 11 – Шорные ряды; 12 – Малые мучные ряды; 13 – Мясные ряды

крючок, костяной кочедык, ботало, шпору (Древняя Русь... 1985. С. 361. Табл. 147, 7 (тип V); Двуреченский, 2018. Тип VII), нательный крест с килевидным завершением (рис. 6). Период бытования шпор типа VII по О.В. Двуреченскому XIV–середина XV в. (Двуреченский, 2018. С. 129–130). В верхней части заполнения ямы обнаружено большое тверское пуло (Гайдуков, 1993. № 81) (рис. 6, II). Чеканка пул с павлином началась при вел. кн. Борисе Александровиче (1425–1461 гг.), но основной их выпуск приходится на период правления вел. кн. Михаила Борисовича (1461–1485 гг.), при котором уставная норма веса монет была понижена до 1,2 г (Гайдуков, 1993. С. 47). Вес найденной монеты составляет 1,21 г, что дает основание отнести ее с большей вероятностью ко второму периоду чеканки. Особого внимания также заслуживает находка в яме № 1 каменного сверленного топора (Эпоха бронзы... 1987. Рис. 25, 3–5),

привнесенного в средневековый культурный слой (рис. 6, 7). Обломок лезвия еще одного каменного шлифованного топора найден при разборе пласта 1 на участке 2. Случайные находки фатьяновских топоров известны ранее в районе ул. Щемиловки (около 200 м от места работ) (Новиков, 2001. С. 61–62).

Яма № 3, размерами около 2×3 м (в границах раскопа), глубиной до метра, предположительно выполняла функцию хозяйственной ямы или небольшого подполья XV–XVI вв. В части, примыкающей к юго-восточной стенке раскопа и уходящей под фундамент лавки, фиксировалось прямоугольное пятно (размерами около 1×1 м), контрастно выделяющееся на фоне заполнения котлована заполнением из угля и темно-серой супеси. На дне его обнаружен вертикально стоящий на материке целый горшок с венчиком типа 6 (рис. 7, I) по сокращенной системе стати-

Рис. 4. Участок 1 на уровне материка. Вид с юго-запада. 1–14 – номера ям

стики керамики по В. Ю. Ковалю (2016. С. 80, 118). Помимо большого количества керамики в яме также найдены фрагмент дугового кирпича (?), орнаментированный повторяющимся рисунком двух концентрических окружностей, и обломок гладкого прозрачного сине-зеленого стеклянного браслета (рис. 7, 2, 3). Дуговые кирпичи являются одной из распространенных находок печной керамики XVII в. на Северо-Западе Руси, в частности, в Пскове (Снегальский, 1968. С. 75–77; Прибурова, 2019. С. 55–57). Для них характерны наличие выступа с тыльной стороны для крепления к своду

печи и относительно небольшая толщина декорированной штампом «лицевой пластины». Находка из ямы № 3 представляет собой обломок кирпича, размерами 16,5×6,0×8,5 см (определить размеры исходного изделия невозможно в связи со сколами по трем сторонам), с орнаментом на сохранившейся лицевой стороне. Орнамент из окружностей также не имеет аналогов среди распространенных в Пскове мотивов (Прибурова, 2019. Табл. 1–10).

Яма № 5, размерами около 5×2 м и глубиной около 3 м, представляла собой погреб, засыпанный в XIX в., вероятно, перед началом строительства

Рис. 5. Индивидуальные находки. Участок 1

1 – горшок; 2 – фигурка медведя; 3 – изразец; 4 – крест-реликварий;
5–7 – нательные кресты; 8–14 – проволочные монеты. 1–3 – глина; 4–14 – цветной металл

лавки. Помимо вещевого материала первой половины XIX в. в заполнении ямы также найдены железный наконечник стрелы (Двуреченский, 2019. Тип 14), фрагмент бронзового наперсного креста-реликвария, относящиеся к периоду не позднее XV–XVI вв. (Гнутова, Зотова, 2000. № 15), и покрытая голубой глазурью кашинная бусина второй половины XIII–XIV в. (Лесман, 1994. Тип V; Коваль, 2010. С. 178–180) (рис. 7, 4–8).

Таким образом, в границах участка 1 на раскопе исследована жилая городская территория, наиболее ранний период освоения которой связан с использованием под огороды, к нему же относятся неоднократно возобновляемые ограды – частоколы (рис. 4, 8–14). В дальнейшем в XIV–XIX вв. на этом месте находились жилые и хозяйственные постройки (рис. 4, 1, 3, 5). В связи с тем, что заполнение котлована ямы № 5 занимало всю

Рис. 6. Индивидуальные находки. Участок 1. Яма № 1

1, 3–5 – ножи; 2 – оковка ножен; 6 – шпора; 7 – топор; 8 – кочедык; 9 – нательный крест; 10 – крючок; 11 – проволочная монета. 1–6, 10 – железо; 7 – камень; 8 – кость; 9, 11 – цветной металл

юго-западную часть раскопа (2×5 м), а сам погреб уходил в юго-западную и юго-восточную стенки раскопа, при его откопке и последующей засыпке были нарушены все предшествующие слои.

Участок 2 площадью 51,6 кв. м находился симметрично участку № 1 к юго-востоку от здания лавки. Исследованы семь пластов, их мощность составила до 1,5 м, в ямах до 2,5 м. После разбора пласта 7 и зачистки выявлено шесть ям разного размера и формы.

После исследования и разбора верхних напластований, нарушенных техногенными включе-

ниями, на уровне зачистки пласта 2 на всей площади раскопа зафиксирован перемешанный кладбищенский слой, в котором фиксировались границы отдельных могильных ям. Некрополь состоял из рядов погребений, преимущественно ориентированных по линии юго-запад – северо-восток, меньшее количество захоронений ориентировано по линии запад – восток (рис. 8). Поздние погребения пререзают более ранние и нарушают их целостность либо перекрывают. На некоторых участках прослежено до четырех ярусов погребений, что свидетельствует о продолжительном пе-

Рис. 7. Индивидуальные находки. Участок 1. Яма № 3 (1–3), яма № 5 (4–8)

1 – горшок; 2 – дуговой кирпич (?); 3 – браслет; 4 – кашинная бусина; 5 – наконечник стрелы; 6 – нательный крест; 8 – бутылочное клеймо. 1, 2 – глина; 3, 8 – стекло; 5 – железо; 5, 6 – цветной металл

Рис. 8. Участок 2 после 5 пласта. Вид с северо-востока

Таблица 1. Половозрастной состав погребений, изученных на некрополе церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи в г. Костроме.

Возраст	Мужчины	Женщины	Оба пола
<i>Дети</i>			
<i>Natus</i> (новорожденные)	–	–	8 (6)
<i>Lacteus</i> (до года)	–	–	2 (1)
<i>Infantilis primus</i> (до 3 лет)	–	–	9 (7)
<i>Infantilis I</i> (до 7 лет)	–	–	2 (1)
<i>Infantilis II</i> (до 12/13 лет)	–	–	1 (1)
Всего	–	–	22 (16)
<i>Юноши</i>			
<i>Juvenilis I</i> (до 18/20 лет)	3 (2)	1 (1)	4 (3)
<i>Juvenilis II</i> (20–25 лет)	2 (1)	3 (2)	5 (3)
Всего	5 (3)	4 (3)	9 (6)
<i>Взрослые</i>			
<i>Adultus</i> (25–35 лет)	12 (7)	4 (4)	16 (11)
<i>Maturus I</i> (35–45 лет)	16 (9)	7 (5)	23 (14)
<i>Maturus II</i> (45–55 лет)	3 (3)	3 (3)	6 (6)
<i>Senilis</i> (старше 55 лет)	1 (1)	0	1 (1)
Неопределим	–	–	18 (14)
Всего	32 (20)	14 (12)	64 (46)
Итого	95 (68)		

Примечание: В скобках указано количество погребений, содержащих кости в анатомическом порядке и зафиксированных в процессе полевых работ.

риоде функционирования кладбища. Всего в процессе работ выявлено 68 погребений, относящихся к некрополю XVI–XVIII вв. В качестве отдельного погребения фиксировались кости, находящиеся в анатомическом порядке даже при существенной утрате целостности скелета, также учитывались следы остатков погребальных сооружений. При этом в большинстве погребений (в могильных ямах) кроме непо потревоженных костяков содержалось значительное количество разрозненных человеческих костей, а в некоторых случаях скопления черепов или костей. Кроме того, небольшие фрагменты человеческих костей и изолированные черепа встречались на протяжении разбора всего культурного слоя над погребениями. По результатам антропологической экспертизы², учитывающей весь собранный объем материала, определено 95 индивидуумов (включая 68 из ненарушенных или частично нарушенных погребений), из которых 22 – это дети, 9 – юноши, 64 – взрослые (табл. 1). Также выделено и описано 64 скопления костей, которые невозможно отнести к конкретным погребениям или сгруппировать.

Часть могильных ям заходит под кирпичные фундаменты лавки, что позволяет сделать вывод

о том, что фактическая северо-западная граница некрополя проходит под лавкой (на участке 1 следов некрополя выявлено не было).

В связи с тем, что культурный слой в основном представляла сильно перемешанная серая супесь с включениями желтого материкового песка и тлена, определение границ могильных ям в некоторых случаях было затруднено. Погребальные сооружения удалось проследить в 27 погребениях по прослойкам древесного тлена – это прямоугольные ящики (в шести погребениях), трапециевидный ящик (1), прямоугольные колоды (2), антропоморфные колоды (2), ладьевидная колода (1). В остальных случаях форму гробовища установить невозможно.

Среди индивидуальных находок, непосредственно связанных с бытованием некрополя, выделяются шесть фрагментов надгробных белокаменных плит, найденных в ходе полевых сезонов 2019–2021 гг. На четырех из них присутствует орнамент из треугольников, противопоставленных вершинами друг к другу, характерный для надгробий московского типа: два обломка с рамкой из двух рядов треугольников, шедшей по краю плиты; на одном – часть боковой

² Исследование провел специалист лаборатории археологии Енисейской Сибири Сибирского федерального университета, кандидат исторических наук А. В. Дедик.

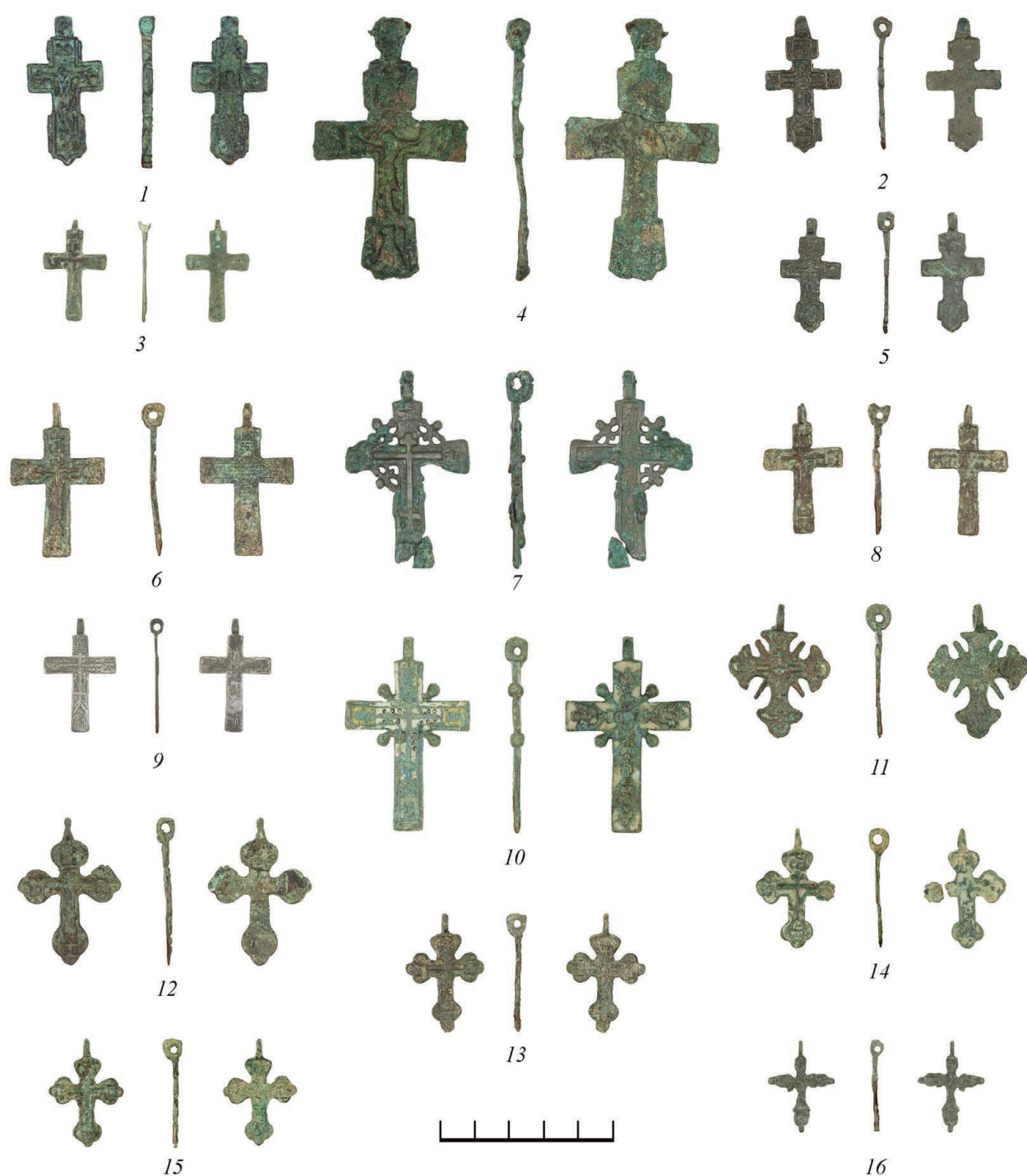

Рис. 9. Участок 2. Нательные и наперсный кресты

1, 10, 13 – найденные вне погребений; 2–9, 11–12, 14–16 – найденные в погребениях

рамки и полукруглой тяги; на другом – рамка из трех рядов треугольников и полукруглое клеймо с неорнаментированным центром, обведенное дугой из одного ряда треугольников вершинами внутрь. В связи с тем, что перечисленные надгробия представлены небольшими фрагментами,

по которым невозможно реконструировать общую композицию, датировать их следует в диапазоне конца XV–XVI в. (Беляев, 1996. С. 143–145). Еще один небольшой обломок с частью нескольких букв и объемной фигурной геометрической рамкой датируется, вероятно, более поздним

Рис. 10. Икона-складень. Участок 2

временем, XVIII в. Также в раскопе на уровне пластов 1–4 (т.е. на глубине от 0,8 до 1,4 м от современной дневной поверхности) открыты два уплощенных валуна (до 0,9 м шириной), очевидно использовавшихся в качестве надгробий, а также одна гранитная плита со скругленными и обработанными краями (около 0,9×1,3 м). Подобные случаи – соседство анэпиграфных валунов и белокаменных плит в пределах одного кладбища – отмечались исследователями в Тверской и Ярославской губерниях, а также на Русском Севере (Авдеев, 2016. С. 481–483; Беляев, 1996. С. 26–27; Зейфер, Мазурок, Рассказова, 2014. С. 304–305). В Костроме соседство на одном кладбище белокаменных плит и валунов-надгробий отмечалось ранее при раскопках некрополя, соотносимого с деревянными клетскими церквями Николая Чудотворца и Сретения Господня, стоявшими «на нижнем посаде к Волге» (Писцовая книга... 2004. С. 271; Лазарев, Горохова, Дедик, 2022. С. 28, 29).

Инвентарь, обнаруженный в погребениях, в целом характерен для захоронений, совершенных в позднее Средневековье и Новое время по христианскому обряду.

Наиболее распространенную категорию находок составляют нательные кресты, обнаруженные *in situ* в 12 погребениях (рис. 9). Собранная коллекция содержит кресты различных форм и периодов распространения: наиболее ранние типы представлены двумя восьмиконечными крестами с киле-

видным завершением (Колпакова, Костючук, 2018. Тип 1) (рис. 9, 2, 5); еще четыре – небольшие четырехлопастные прямоугольноконечные кресты с изображением восьмиконечного голгофского креста (рис. 9, 3, 6, 8, 9); три – четырехлопастные трехлопастоконечные кресты (рис. 9, 12–15); по одному – четырехлопастной прямоугольноконечный с устьицами (рис. 9, 7) и четырехлопастной криноконечный крест с лучами сияния (рис. 9, 11). Один из маленьких четырехлопастных крестов, найденный в погребении новорожденного ребенка (погребение № 17), имеет редкую индивидуальную форму (Молодин, 2007. Тип 7. Подтип 1. Вариант 1. Подвариант 2) (рис. 9, 16). Среди крестов выделяется крупный (возможно, наперсный) крест из погребения № 34 (рис. 9, 4). Благодаря металлическим окислам сохранились два фрагмента ткани верхней и нижней одежды, покрывающих его сверху и снизу.

Еще шесть нательных крестов найдены в переотложенном состоянии в культурном слое. Среди них наиболее интересен редкий для Костромы нательный крест XVI в. с изображением на лицевой стороне Распятия с предстоящими, а на оборотной – св. прп. Сергия Радонежского в рост (Хухарев, 2016. С. 213. Рис. 1, 4) (рис. 9, 1). Также с конкретным погребением не соотносится датированный XVI в. складень с изображением Спаса на престоле и избранных святых, найденный без одной створки в районе ног детского погребения № 40 (Гнутова, Зотова, 2000. № 196) (рис. 10).

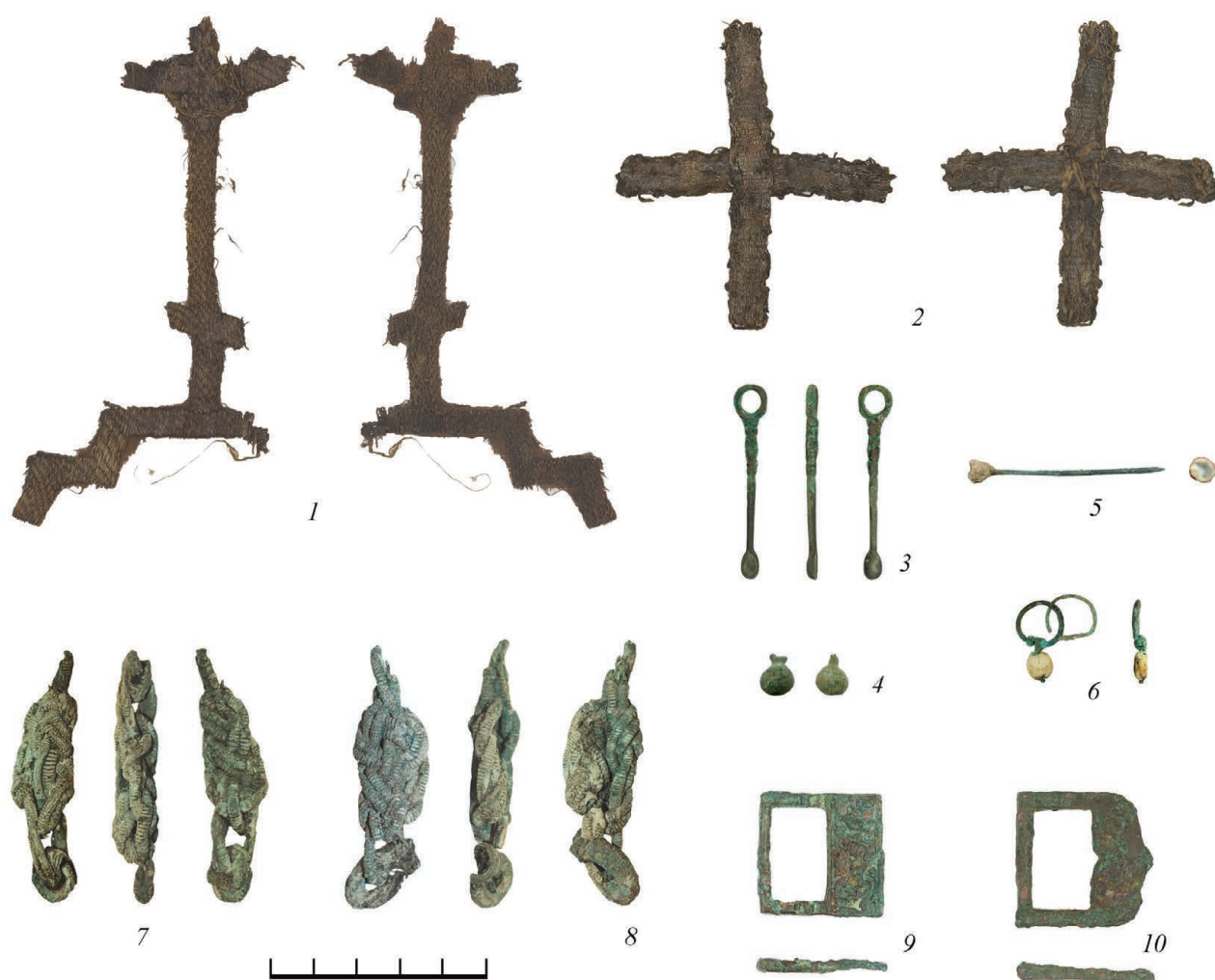

Рис. 11. Индивидуальные находки из погребений. Участок 2

1, 7–9 – погребение №21; 2–4 – погребение №25; 5 – погребение №19; 6 – погребение №13; 10 – погребение №63.

1, 2 – шитьё; 3 – копоушка; 4 – пуговица; 5 – булавка; 6 – серьга; 7, 8 – элементы одежды; 9, 10 – пряжки.

1, 2, 7, 8 – нить, цветной металл; 3–6, 9, 10 – цветной металл

В целом коллекция крестов некрополя Предтеченской церкви характерна для периода XVI–XVIII вв. с преобладанием форм и типов, широко распространенных в XVII–XVIII вв.

Другие находки в погребениях: булавки, обувь, пряжки поясных ремней, фрагменты золотного шитья погребальных покрывал, закрывавших голову, пуговица, серьга (рис. 11). Булавки содержались в шести погребениях в районе головы (затылка) и шеи погребенных (в трех мужских, трех женских и одном детском). В трех случаях найдено по две булавки. Остатки повседневной обуви плохой сохранности зафиксированы в двух погребениях – детском (№ 18) и взрослом мужском (№ 63).

Совокупность полученных в ходе раскопок материалов указывает на то, что исследованный некрополь начал функционировать в XVI в.,

т.е. до упоминания в Писцовой книге г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. деревянных церквей Рождества Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца (Писцовая книга... 2004. С. 271). Это может свидетельствовать о том, что в начале XVII в. церкви были вновь выстроены на ранее известном «церковном месте». Схожую версию выдвигает С.С. Каткова, изучавшая историю церквей на Брагиной улице по письменным источникам (Каткова, 1999. С. 12). С 1762 г. до конца XVIII в. кладбище использовалось как приходское уже при каменной церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи до момента, когда окончательно утверждается запрет на новые захоронения у городских церквей (сенатский указ от 24 декабря 1771 г.; Полное собрание законов, 1830. № 13724).

Самый ранний период освоения территории фиксируется на обоих участках в виде слоя светло-

Рис. 12. Индивидуальные находки из заполнения могильных ям. Участок 2
 1 – держатель коромысла весов (?); 2 – пряслице; 3 – стеклянный браслет; 4 – перстень; 5 – пластина.
 1, 4 – цветной металл; 2 – глина; 3 – стекло; 5 – кремнь

серой супеси с включениями угля, не содержащего вещевого материала. Наличие под ним небольших ямок, прослеживаемых в материке, позволяет интерпретировать его как антропогенно преобразованный пахотно-огородный горизонт. Судя по тому, что нетронутые последующими перекопками участки пахотного слоя сохранились на участке № 2, можно сделать вывод, что под церковное кладбище была выделена ранее незастроенная территория. Это же подтверждается небольшим количеством находок в заполнении могильных ям (среди которых при этом есть единичные предметы, связанные с хронологическими периодами, предшествующими организации церковной территории: фрагмент гладкого сине-зеленого стеклянного браслета, держатель коромысла весов (?), кремневая трапециевидная в сечении пластина) (рис. 12, 1–3, 5). К раннему периоду относится и щиток перстня с солярным символом XIV в., найденный в шурфе в 2019 г. в перемешанном слое над погребениями (Древняя Русь... 1997. Табл. 59, 37) (рис. 12, 4).

Еще одним из результатов раскопок стало раскрытие фундаментов северо-западной и юго-восточной стены лавки: небольшое одноэтажное

строение возведено на фундаменте с разгрузочными арками, распределяющими нагрузку от стен (рис. 8). При этом юго-западная часть фундамента, фактически стоящая на культурном слое, больше заглублена от дневной поверхности, чем северо-восточная, опирающаяся на предматерик. Подобный способ устройства фундаментов рекомендовался в XIX в. при строительстве на участках с «ненадежными» грунтами – засыпанными канавами, трещинами, местами, где пролегли сточные трубы, и т.п. (Карлович, 1869. С. 95). Причиной такого технического решения в данном случае, вероятно, стал засыпанный погреб (яма № 5), частично уходящий под основание постройки. Однако постепенная просадка грунта над ним с течением времени привела к разрушению фундамента и кладки стены над аркой, примыкающей к юго-западной торцевой стене лавки. Многократно зафиксированные при расчистке фундамента клейма «ЗИМ» с высокой вероятностью указывают на производство кирпича на кирпичном заводе купца 2-й гильдии Ивана Васильевича Маянского, который функционировал около 1860 г. (упоминается во владении И.В. Маянского в ведомости о купцах г. Костромы за 1857 г.; Костромские купцы... 2018. С. 65–55).

Таким образом, несмотря на небольшую исследованную площадь, в рамках одного раскопа изучены жилищная городская территория, освоение которой началось в XIII в., и часть одного из городских цен-

тральных некрополей XVI–XVIII вв. Получена коллекция находок, дополняющая представления о разных периодах освоения города и конкретного участка Нового города второго Костромского кремля.

Литература

- Авдеев А. Г., 2016. Надгробия «тверского» типа: вопросы хронологии, типологии и символики // Вопросы эпиграфики. Вып. 9. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. С. 474–520.
- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффи-ти. 563 с.
- Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV–XVI вв. М.: Наука. 297 с.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я., 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX в. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М.: Интербук-бизнес. 126 с.
- Грибов Н. Н., 2018. Нижний Новгород в XV в.: поиски утраченного города. М.: ИА РАН. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 24). 592 с.
- Двуреченский О. В., 2018. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Русских княжеств и Московского государства второй половины XIII–XVII в. // Военная археология. Сб. материалов научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 118–182.
- Двуреченский О. В., 2019. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 498 с.
- Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. (Археология СССР). 432 с.
- Зейфер В. А., Мазурок О. И., Рассказова А. В., 2014. Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залеском // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 304–321.
- Карлович В. М., 1869. Основания и фундаменты. СПб.: Тип. Ф. Сушинского. 468 с.
- Каткова С. С., 1999. Первые купеческие храмы в Костроме по материалам Писцовой книги 1628 г. // Губернский дом. № 5–6 (36–37). С. 11–16.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII в. М.: Наука. 270 с.
- Коваль В. Ю., 2016. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9). 128 с.
- Колтакова Ю. В., Костючук Л. Я., 2018. Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы // АИППЗ. Вып. 32. М.: ИА РАН. С. 36–56.
- Костромские купцы: родословный сборник, 2018 / Авт.-сост. О. В. Горохова, П. П. Резепин. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин. 896 с.
- Лазарев А. С., Горохова А. В., Дедик А. В., 2022. Археологические раскопки в торговых рядах г. Костромы 2017–2018 гг. Кострома: ЛинияГрафикКострома. 39 с.
- Лесман Ю. М., 1994. Кашинные бусы в Новгородской земле: материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород: Тип. «Новгород». С. 187–194.
- Молодин В. И., 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: Инфолио. 248 с.
- Новиков А. В., 2001. Фатьяновские топоры из коллекции КОИАМЗ «Ипатьевский монастырь» // Вестник Костромской археологической экспедиции. Вып. 1. Кострома: Обл. тип. им. Горького. С. 61–73.
- Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. I. Ч. I / Под ред. В. Б. Корозина. Кострома: Издательско-полиграфическое предприятие «Кострома», 1996. 367 с.
- Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. // Составители Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивкурцева. Кострома: Костромаиздат-850, 2004. 432 с.
- Прибутова Т. Ф., 2019. Типология оттисков штампов на псковских дуговых кирпичах // АИППЗ. Вып. 34. М.; Псков: ИА РАН. С. 55–82.
- Полное собрание законов Российской империи, 1830. Собрание первое. Т. XIX. 1770–1774 г. СПб.: Тип. II. Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1082 с.
- Спегальский Ю. П., 1968. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. Вып. 113. М.: Наука. С. 74–77.

Улицы Костромы. Справочник / Под ред. В. Н. Бочкова и И. Н. Захарова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд., 1989. 96 с.

Фатюнина О. А., 2019. Изделия из кожи Переяславля Рязанского XV–XVII вв. // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 153–203.

Фёдорова Л. И., Ткаченко В. А., Фёдоров В. В., 2021. Приемы изготовления некоторых зооморфных глиняных игрушек в Калужском крае // АП. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 353–360.

Хухарев В. В., 2016. Изображения святого преподобного Сергия Радонежского в иконографии наперсных крестов и крестов-тельников русского средневековья // ТТЗ. Вып. 9. Тверь: Парето-Принт. С. 209–220.

Шполянская Д. В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI вв. Рождество 1 (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 267–275.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987 / Отв. ред. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. М.: Наука. (Археология СССР. Т. 7). 449 с.

A. S. Lazarev

Archaeological excavations in 2020–2021 near the shop of the Church of the Beheading of St. John the Baptist in Kostroma

Summary

Excavations at the site of the trading shop of the now lost Church of the Beheading of St. John the Baptist allowed us to explore the urban cultural layer, as

well as part of the Christian church necropolis of the 16th – 18th centuries with burials in wooden coffins and decks.

К. Ю. Низамутдинов

Институт археологии РАН, Москва

Белокаменные саркофаги из двух сельских некрополей на берегах реки Пахры

Археологические исследования первых десятилетий XXI в. существенно умножили материал для уточнения особенностей датирующих признаков и характера бытования белокаменных антропоморфных саркофагов на территории Московской Руси. При раскопках церковных некрополей в исторических центрах городов, а также на территориях крупных монастырей каменные гробы и их фрагменты встречаются регулярно. Далеко не все находки опубликованы, но количество известных антропоморфных саркофагов в Москве и по стране превышает 150 единиц (Беляев, 2018. С. 219–228).

Погребальные сооружения с каменными саркофагами традиционно относились исследователями к захоронениям знати: князей и членов их семей, высших церковных иерархов, посадников, видных монахов (Панова, 2004. С. 180). Однако новые многочисленные находки саркофагов XV–XVII вв. в городах и монастырях все более убедительно говорят о том, что такие погребальные сооружения могли позволить себе и менее состоятельные социальные слои. Кроме того, расширяется география бытования саркофагов.

В связи с этим особенно интересны находки саркофагов на сельских некрополях Подмосковья. Сегодня они не уникальны, но значительно редки, что не позволяет судить о характере распространения каменных саркофагов в сельской местности. Тем не менее нарастающие темпы хозяйственного освоения земель, а следовательно, и новые охраняемые археологические работы, несомненно, дадут новый материал. Выявить каменные саркофаги в сельской местности помогут и осмотры действующих

исторических кладбищ, где среди брошенных старых надгробий XIX – начала XX в. встречаются более ранние погребальные сооружения.

В данной статье представлены находки, сделанные в рамках проекта «Подмосковный некрополь»¹ на площади двух некрополей, расположенных в нижнем течении р. Пахры. В ходе мероприятий исследовалась только дневная поверхность.

При формализованном описании погребальных памятников использованы терминология и классификация, разработанные Л. А. Беляевым (1996). Габаритные размеры даны по формуле: длина × ширина в изголовье; в изножье × высота в изголовье; в изножье.

В 2020 г. при осмотре территории действующего кладбища на южной окраине с. Зеленая Слобода Раменского городского округа (рис. 1) в свалке брошенных надгробий обнаружен известняковый каменный гроб антропоморфной формы (ЗС-1; рис. 2; 3). По-видимому, находку извлекли из земли работники кладбища при копке могилы. Габаритные размеры саркофага – 67 × 35 × 21 см. Форма оголовья прямоугольная как внутри, так и снаружи, с резко выраженными углами. Подголовье возвышается на 2–3 см, край его сглажен. Сужение к изножью незначительное. В дне вдоль стенок хорошо выражены пазы от режущего инструмента (долото). Саркофаг относится к типу 2, виду 1, подвиду Б и может датироваться второй половиной XVI – первой половиной XVII в. (Панова, 2004. С. 88; Беляев, 2018. С. 219–228).

При дальнейшем осмотре территории кладбища внимание привлекла другая свалка надгробий XIX в., их фрагментов и камней. Здесь найден

¹ Руководитель – автор статьи. Организатор – МООО «Историко-исследовательское общество «Белый Камень»; участники М. А. Алексеева, Е. Г. Еприкян, В. М. Шлёнсков.

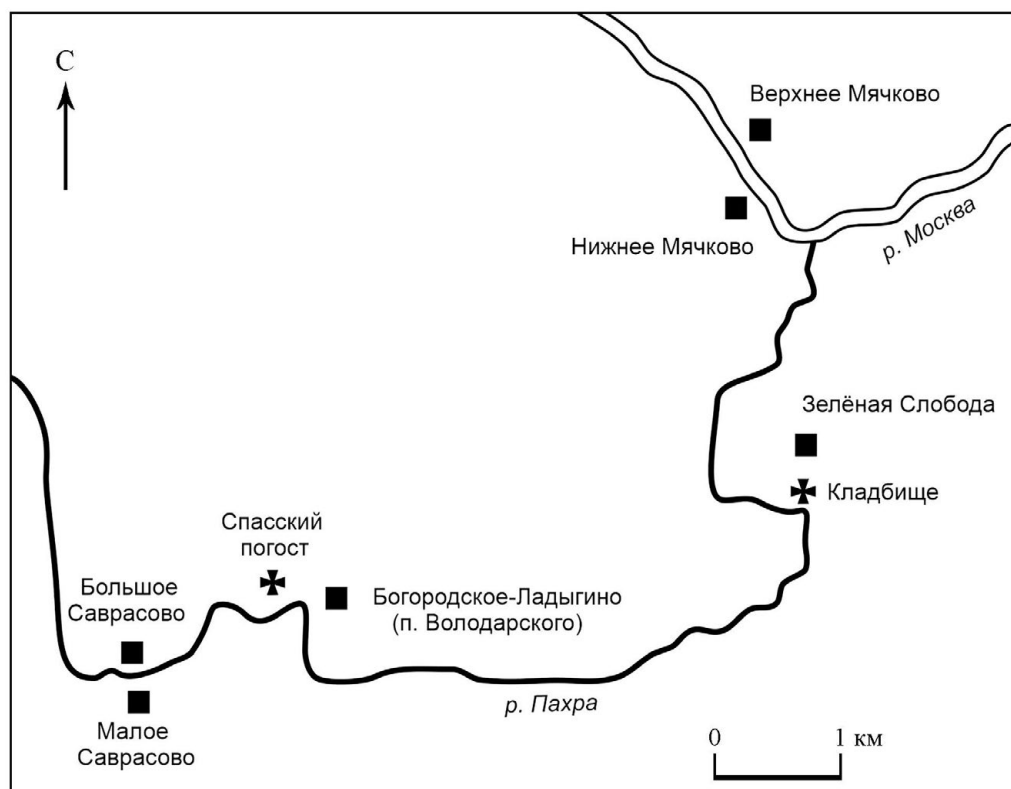

Рис. 1. Некрополи у с. Зелёная Слобода и пос. Володарского

Рис. 2. Саркофаг ЗС-1 на момент обнаружения

Рис. 3. Саркофаг 3С-1. Вид сверху

обломок изголовья саркофага, а также пять фрагментов надгробных плит XV – первой четверти XVII в.

Обломок белокаменного антропоморфного саркофага (3С-2; рис. 4) имеет округлое оголовье с ярко выраженными плечиками и относится к типу 2, виду 1. Подголовье возвышается на 1,0–1,5 см, край сглажен. Из-за отсутствия необходимых формальных признаков имеет широкую датировку: XVI – первая половина XVII в. (Панова, 2004. С. 85; Беляев, 2018. С. 219–228). Исходя из размера сохранившейся части, реконструируется ширина камеры саркофага в «плечах», вероятно, около 30 см. Саркофаг принадлежал ребенку, как и 3С-1.

Среди фрагментов надгробных плит, украшенных орнаментом из двух рядов противопостав-

Рис. 4. Фрагмент саркофага 3С-2. Вид сверху

ленных треугольников (волчий зуб), можно выделить наиболее ранний вариант оформления. Угловая часть надгробия (3С-6; рис. 5) имеет бордюр и дугу, замыкающую угол, состоящие из линейного зигзагообразного орнамента, заключенного между двумя ограничительными линиями. Между зигзагами вырезаны треугольники, примыкающие основанием к ограничительным линиям, образуя широко расставленный «волчий зуб». Аналогичный орнамент известен по надгробию ЗРП-13 с Рождественского погоста на Верхнем посаде Звенигорода, которое условно датируется XIV – первой половиной XV в. (Алексеев, 2017. С. 60, 63). Композиции с дугами, замыкающими углы, известны и характерны для надгробий конца XV – начала XVI в. (Беляев, 1996. С. 133, 135; Вишневский, 2013. С. 128–129).

Наиболее поздний образец надгробий московской традиции (3С-4; рис. 6) представлен фрагментом угловой части плиты, верхняя грань которого украшена лентой жгутового орнамента, а боковые – поясом канелюр, заключенным между лентами шнурового орнамента. Такое оформление характерно для надгробных плит второй половины XVI – первой четверти XVII в.

В 2022 г. осмотрена территория некрополя к западу от пос. Володарского Ленинского городского округа (рис. 1), находящегося в 5 км от с. Зеленая

Рис. 5. Фрагмент надгробия ЗС-6. Верхняя грань

Слобода. Кладбище обследовал В.М. Колобов в 1948 г., оно известно как грунтовый могильник Володарский, а также Спасский погост (АКР, 1994. С. 103. № 180; Колобов, 1948. Л. 11–15). Осмотром установлено, что некрополь расположен на высоком левом берегу р. Пахры в лесном массиве и частично уничтожен старым карьером. На склоне бывшего котлована встречаются человеческие кости, а также редкие фрагменты позднесредневековых керамических сосудов. У кромки карьера заметна подпрямоугольная яма размерами 3×5 м, глубиной до 1,5 м, частично уничтоженная карьером (по-видимому, отмеченная В.М. Колобовым в отчете). Ниже ямы, у подножья склона котлована, на дневной поверхности найдены фрагмент антропоморфного саркофага и обломок намогильной плиты с линейным и треугольчатым орнаментами.

Фрагмент белокаменного антропоморфного саркофага (ВСП-1; рис. 7) имеет прямоугольное оголовье как внутри, так и снаружи, с резко выраженными углами. Подголовье возвышается на 2 см, край сглажен. Вокруг него паз от режущего инструмен-

та (долото). Относится к типу 2, виду 1, подвиду Б и может датироваться второй половиной XVI – первой половиной XVII в. (Панова, 2004. С. 88; Беляев, 2018. С. 219–228). Ширина камеры саркофага в «плечах» составляет 40 см. Гроб мог принадлежать подростку либо взрослому человеку с небольшими параметрами плечевого пояса.

Фрагмент надгробия (ВСП-2; рис. 8) относится к типу раннемосковских намогильных плит XIV–XV вв. Из-за незначительного размера сохранившейся части (35×28 см) невозможно реконструировать общий вид орнаментальной композиции надгробия, имевшей различные варианты развития в этот период. Тем не менее здесь прослеживается бордюр, ограниченный врезной линией, прямая тяга, образованная лентой широко расположенных равносторонних треугольников, и круг (полукруг?) из двух колец линейного орнамента. Можно предполагать, что близкими аналогиями являются надгробия Бм-9 из московского Богоявленского монастыря и Дм-1 из Данилова монастыря (Беляев, 1996. С. 272, 292–293).

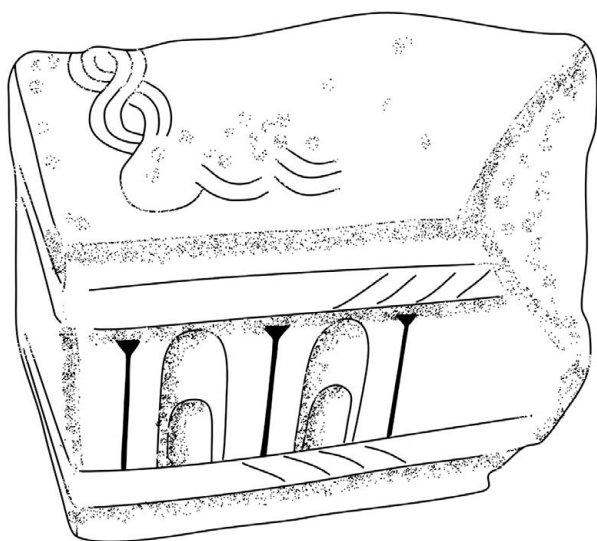

Рис. 6. Фрагмент надгробия ЗС-4.
Верхняя и боковая грани

Кроме находок, сделанных в 2022 г., следует сказать о фрагментах белокаменного саркофага (ВСП-3; рис. 9) и раннемосковской надмогильной плиты (ВСП-4; рис. 9), зафиксированных здесь В.М. Колобовым (1948. Л. 13). Осмотренный им саркофаг был антропоморфным, судя по сужению к изножью. Изголовье утрачено, что не позволяет проследить другие типологические особенности, важные для уточнения датировки. Длина сохранившейся части – 170 см, в изножье ширина – 45 см, высота – 40 см (это данные из текста отчета, по надписи на рисунке – ширина 40 см, высота 35 см). Данный саркофаг, вероятно, крупнее, чем ВСП-1, который в «плечах» имеет ширину не более 52 см и высоту 33 см. Вместе с этим различие при указании размеров в отчете 1948 г. не позволяет утверждать, что ВСП-1 и ВСП-3 являются частями разных саркофагов.

Фрагмент надмогильной плиты ВСП-4 (рис. 9) интерпретирован В.М. Колобовым как часть крышки саркофага. Верхняя грань ее украшена композицией из лент треугольного орнамента. Прослеживается распространенная среди раннемосковских надгробий композиция «ось с кругами», где справа и слева от продольной линии орнамента расположены незаполненные окружности-клейма. Плита с аналогичным оформлением известна по материалам Успенского собора Московского Кремля (Шеляпина, 1971. С. 285); очень сходное, но с дополнительными элементами композиции надгробие ТСП-29 происходит из некрополя Троицкой церкви в Старых Полях (Беркович,

Рис. 7. Фрагмент саркофага ВСП-1.
Вид сверху

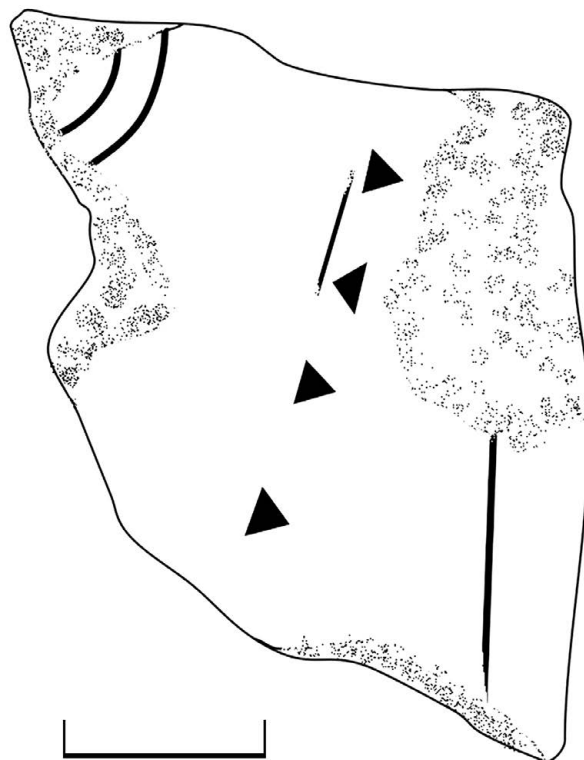

Рис. 8. Фрагмент надгробия ВСП-2.
Верхняя грань

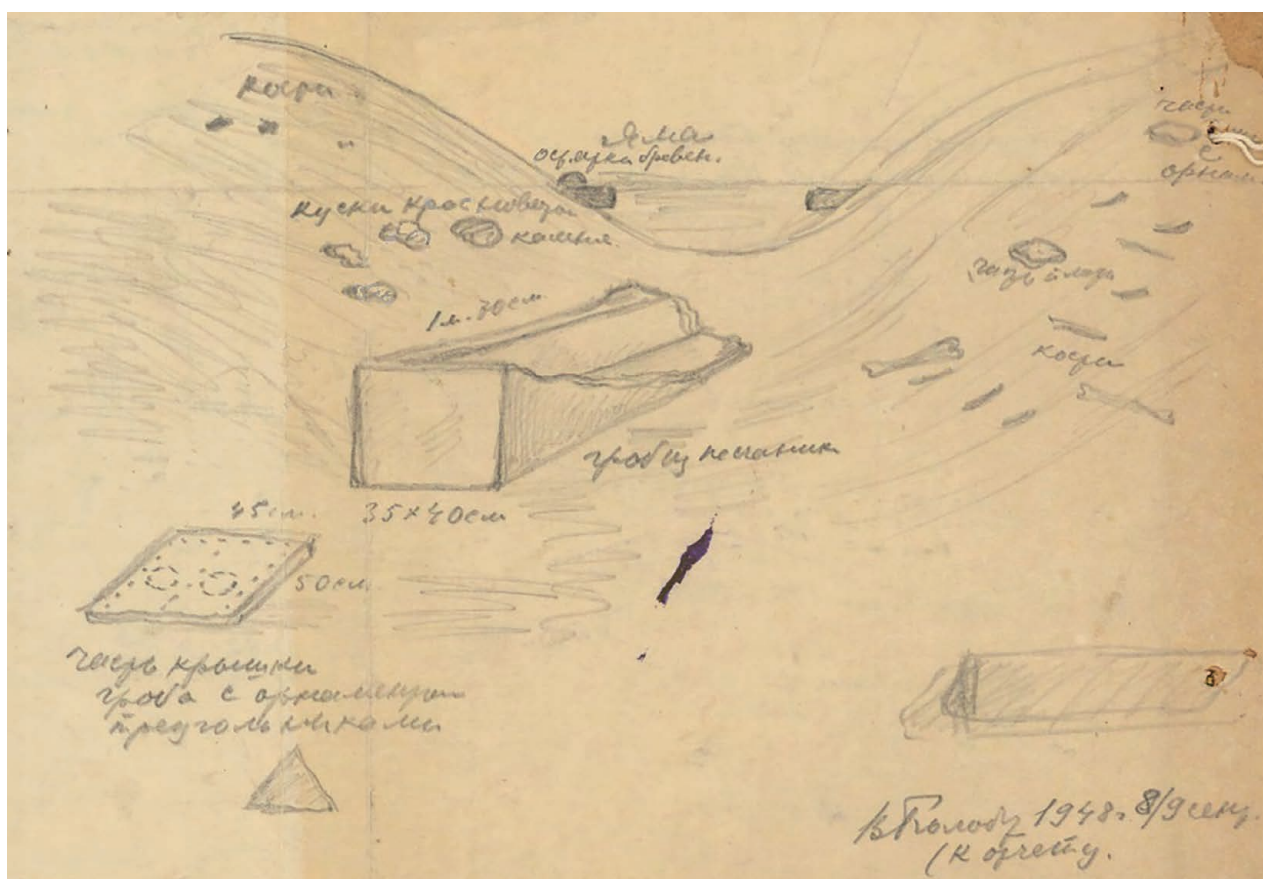

Рис. 9. Фрагмент саркофага ВСП-3 и фрагмент надгробия ВСП-4.
Рисунок В. М. Колобова (1948. Л. 18об.)

Егоров, 2017. С. 41). Эти надгробия исследователи датируют XIV в.

Таким образом, на двух позднесредневековых некрополях сельской местности, незначительно удаленных друг от друга, известно как минимум три белокаменных антропоморфных саркофага. Учитывая статусность данных изделий, возникает закономерный вопрос: являются ли эти кладбища рядовыми некрополями при сельских храмах или здесь находились административные либо религиозные центры? Чтобы ответить на этот вопрос, был проведен анализ письменных источников XVII в., характеризующих особенности землевладения в интересующей нас местности.

Село Зеленая Слобода впервые упоминается под 1628 г. в связи с межеванием земель вотчины Новоспасского монастыря с. Константиновского и владений А. Ф. Шереметева пустоши Исупово². Село также было известно как Новая Слобо-

да, и в начале XVII в. здесь уже существовала деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (Холмогоровы, 1892. С. 20). Земли села относились к дворцовой Мячковской волости. В какое время Зеленая Слобода вошла в состав дворцовых владений, установить не удалось.

Исследованный некрополь фигурирует на плане специального межевания 1767 г. Этот участок входил в писцовую церковную землю с. Зеленая Слобода. К плану дается пояснение: «под дорогами, песком, буераками и старым кладбищем 4 десятины 830 квадратных сажен»³. В доступных источниках, касающихся истории Мячковской волости, не выявлены сведения о неизвестных на данный момент местах сел и монастырей. Можно только предполагать, что обследованный некрополь является старым местом Покровской церкви с. Зеленая Слобода. Ныне существующее каменное здание церкви построено в 1784 г. (Бла-

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 51. № 14.

³ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 257/1. Ед. хр. П-40-син.

говещенский, 1874. С. 69) и расположено в 0,5 км от места обнаружения описанного комплекса погребальных сооружений.

Местность, где расположен грунтовый могильник Володарский, в середине XX в. сохраняла народное название Спасский погост или просто Спас, что отражено в отчете В.М. Колобова 1948 г. Название подтверждается материалами писцовых и межевых книг XVII в. Наиболее информативными источниками являются межевые книги Московского уезда 1628–1629 гг., где описаны границы землевладений в районе пустоши Саврасово (ныне д. Большое Саврасово) и д. Ладыгино (с. Богородское-Ладыгино, ныне пос. Володарского).

Описание границы землевладений начинается с правого берега р. Пахры, двигаясь на север: «речкою Жданкой в Похру реку, а Похрюю рекою до ветлы... у Похры реки Спасская церковная земля... через Похру реку прямо на гору валом, по левую сторону земля егорьевских попов пустоши Саврасово, а по правую сторону церковная Спасская земля, а тем валом прямо на дорогу, что ездят от пустоши Саврасовой на Спасский погост»⁴. Из приведенной выдержки видно, что Спасский погост находился на левом высоком берегу Пахры между д. Большое Саврасово и пос. Володарского, что соответствует местонахождению грунтового могильника Володарский. Часть пустоши Спасской находилась на правом низком берегу реки, где, по-видимому, был заливной луг.

Уточняет местонахождение погоста и называет его владельца запись другой межевой книги 1628/29 гг., где сказано: «...от реки Пахры вверх Спасским врагом направо вотчинная земля Алексея Федоровича Шереметева пустоши Лодыгиной, а левая сторона Спасского врага земля Великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси пустоши Спасской»⁵. Очевидно, что указанный здесь «Спасский враг» является большим оврагом, расположенным восточнее некрополя. Заслуживает интереса принадлежность бывшего погоста к патриаршим землям, но ввиду отсутствия более ранних документов вопрос истории землевладения пока остается неразрешенным.

Исходя из полученных сведений, нет оснований считать, что некрополи при с. Зеленая Слобода и Спасский погост являлись какими-либо круп-

ными административными или религиозными центрами. По всей видимости, здесь идет речь о владельческих поселениях XIV–XVI вв. с дворами вотчинников или помещиков и действующими храмами. Можно предполагать, что в найденных саркофагах захоронили представителей состоятельных землевладельцев. Однако есть повод усомниться в высоком социальном статусе погребенных.

Необходимо сказать, что среднее и особенно нижнее течение р. Пахры является регионом традиционной добычи и обработки белого камня. Здесь высокие обрывистые берега изобилуют природными выходами известняка хорошего качества. Разработка камня для строительных нужд на берегах Пахры велась с глубокой древности. Наиболее старыми считаются каменоломни у сел Колычево и Мячково. Археологические исследования на селище Большое Саврасово-2, где обнаружены многочисленные свидетельства развития каменотесного дела, позволили предполагать, что на протяжении всего XV в. здесь существовал поселок каменщиков. Находки известняковых блоков с образцами ученической резьбы, аналогичной орнаментам на надгробиях XV–XVI вв., указывают на мастерскую по производству надгробных плит (Фатков, Яганов, 2015. С. 420).

В районе с. Зеленая Слобода добыча и обработка белого камня велась не менее интенсивно. В документах Тайного приказа второй половины XVII в. село неоднократно упоминается в связи с поставками камня в Москву на различные объекты дворцового строительства. Так, в 1667–1668 гг. крестьяне Зеленой Слободы возили строительные материалы «на плотинные дела в село Измайлово» (РИБ, 1907. Стб. 1401; 1904. Стб. 924–927; *Сперанский*, 1930. С. 152–155). Кроме того, в тексте переписной книги Мячковской волости 1646 г. содержатся сведения о каменщиках: «село Верхнее Мячково... а в селе каменщики, а ломают государев белый камень да к Москве возят, а тягла никакого не тянут... всего в селе Верхнем Мячкове 52 двора каменщиков, в них 105 человек (мужского пола)». Каменщики проживали и в соседних селах и деревнях⁶.

О масштабах добычи известняка в районе Зеленой Слободы можно судить по картографическому материалу XVIII в. На плане 1767 г. обширные каменоломни отмечены между селом и берегом реки;

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 263. Л. 56–57об. № 15.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 264. Л. 35–35об. № 15.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 9809. Л. 53–58об. № 17.

протянувшаяся на версту каменоломня располагалась южнее; к северу, в районе с. Верхнее Мячково, находились знаменитые «каменные рвы» колоссальных объемов⁷. Не вызывает сомнения, что и ранее объемы добычи камня здесь были существенные.

Не случайно на большинстве кладбищ в нижнем течении Пахры можно увидеть многочисленные надгробия XIX в. Именно в это время в регионе наблюдается пик развития камнерезного ремесла. Одни из самых выдающихся в художественном отношении надгробий находятся на церковном кладбище при существующей Покровской церкви с. Зеленая Слобода.

Очевидно, добыча и обработка камня являлись одними из главных статей доходов местного населения. Видимо, как и в более позднее время, в XVI–XVII вв. каменотесное дело было не только повинностью, но и основным промыслом для многих крестьян. В 1882 г. отмечалось, что каменные ломки по берегам Пахры существуют «с незапамятных времен» и составляют зимний промысел исключительно местных крестьян, за который они принимаются по окончании полевых работ.

Кроме продажи камня в качестве строительного материала крестьяне производили надгробные памятники в виде гробов (Дементьев, 1883. С. 252). В связи с этим стоимость изделий из белого камня в нижнем течении Пахры должна быть значительно ниже, чем в местностях, где каменотесный промысел отсутствовал или был менее развит.

Таким образом, белокаменные саркофаги из с. Зеленая Слобода и Спасского погоста могли принадлежать представителям менее обеспеченных сословий – небогатым помещикам и вотчинникам, возможно представителям сельского духовенства. Вероятно, каменные гробы могли использовать и крестьяне-каменщики для погребения своих односельчан. Стоимость саркофага для них должна быть минимальна, так как он изготавливался самостоятельно собственным инструментом и не требовал транспортировки в удаленные местности. Тем не менее эта версия пока не находит достаточных оснований. Закономерен и вопрос: существовали ли в XV–XVII вв. социальные или церковные нормы, запрещавшие или, наоборот, позволявшие хоронить людей низших сословий в каменных гробах? Этот вопрос пока остается открытым.

Каталог

Село Зеленая Слобода

ЗС-1

Саркофаг антропоморфный 2-й пол. XVI – 1-й пол. XVII в. (рис. 3).

Место находки: центральная часть муниципального кладбища с. Зеленая Слобода. Свалка надгробий.

Габаритные размеры: 67 × 35; 29 × 21; 19.

Оголовье прямоугольное (внутри и снаружи), углы резко выражены, выступает на 8 см при ширине 26 см. Глубина камеры саркофага – 14–15 см, подголовье возвышается на 2–3 см и имеет сглаженный край. Толщина стенок – 4–5 см, в оголовье – 6–7 см. В дне вдоль стенок хорошо выражены пазы от режущего инструмента (долото). Поверхность саркофага эродирована, имеет сколы и выбоины.

Саркофаг относится к типу 2, виду 1, подвиду Б (Панова, 2004. С. 88).

ЗС-2

Фрагмент белокаменного антропоморфного саркофага XVI – 1-й пол. XVII в. (рис. 4).

Место находки: центральная часть муниципального кладбища с. Зеленая Слобода. Свалка надгробий.

Габаритные размеры: (45) × (30) × (22).

Оголовье округлое, с ярко выраженными плечиками, выступает на 16 см. Подголовье возвышается на 1,0–1,5 см, край сглажен. Толщина стенок – 6 см. Размеры сохранившейся части позволяют реконструировать ширину камеры саркофага в «плечах» – около 30 см. Поверхность эродирована. Саркофаг принадлежал ребенку.

Саркофаг относится к типу 2, виду 1 (Панова, 2004. С. 85).

ЗС-3

Фрагмент надгробия XVI в. (рис. 10).

Место находки: центральная часть муниципального кладбища с. Зеленая Слобода. Свалка надгробий.

Размер: (38) × (28) × 9,5 см.

Фрагмент краевой части намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр верхней грани составлен лентой орнамента

⁷ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 257/1. Ед. хр. М-10-кр.

из мелких противопоставленных треугольников (волчий зуб). Внутреннее поле композиции ограничено врезной линией. Поверхность эродирована.

ЗС-4

Фрагмент надгробия 2-й пол. XVI – 1-й четв. XVII в. (рис. 6).

Место находки: центральная часть муниципального кладбища с. Зеленая Слобода. Свалка надгробий.

Размер: неизвестен.

Фрагмент угловой части намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр верхней грани образован плетеным орнаментом (жгут). Внутреннее поле композиции ограничено врезной линией. Боковые грани украшены орнаментом из трех лент (сверху вниз): 1) валик с косыми насечками, расположенными сверху вниз влево (шнур); 2) из пояса каннелюр, разделенных «столбиками» с треугольными капителями; третья аналогична первой, но насечки расположены сверху вниз вправо. Поверхность эродирована.

ЗС-5

Фрагмент надгробия 1-й трети XVI в. (рис. 11).

Место находки: центральная часть муниципального кладбища с. Зеленая Слобода. Свалка надгробий.

Размер: $(36) \times 34$; $(31) \times 8,5$; (7) см.

Изголовье трапецевидной намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр верхней грани и боковые тяги образованы лентой орнамента из мелких противопоставленных треугольников (волчий зуб). Внутренняя рамка образована рядом мелких треугольников, направленных вершинами к центру плиты. В изголовье полуклеймо: полурозетка из семи крупных продолговатых треугольников, направленных вершинами к центру, обрамлена рядом мелких треугольников, также направленных вершинами к центру розетки. Центральное клеймо: аналогично верхнему полуклейму, розетка полная из 13 крупных продолговатых треугольников. Внутренние поля композиции ограничены врезной линией. Нижняя грань обработана режущим инструментом. Изножье утрачено, поверхность эродирована, имеет сколы и выбоины.

ЗС-6

Фрагмент надгробия 2-й пол. XIV (?) – нач. XVI в. (рис. 5).

Место находки: центральная часть муниципального кладбища с. Зеленая Слобода. Свалка надгробий.

Рис. 10. Фрагмент надгробия ЗС-3.
Верхняя грань

Размер: $(28) \times (27) \times 11\text{--}12$ см.

Фрагмент угловой части намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр и дуга, замыкающая угол, состоят из линейного зигзагообразного орнамента, заключенного между двумя ограничительными линиями. Между зигзагами вырезаны треугольники, примыкающие основанием к ограничительным линиям, образуя широко расставленный «волчий зуб». Нижняя грань не обработана. Поверхность эродирована.

Аналогия орнамента: надгробие ЗРП-13 с Рождественского погоста на Верхнем посаде Звенигорода, которое условно датируется XIV – 1-й пол. XV в. (Алексеев, 2017. С. 60, 63). Аналогии композиции: надгробие из некрополя ц. Космы и Дамиана в Старых Панех (Беляев, 1996. С. 133, 135) и надгробия некрополя Троице-Сергиевой лавры (Вишневский, 2013. С. 128–129) кон. XV – нач. XVI в.

Рис. 11. Фрагмент надгробия ЗС-5. Верхняя грань

ЗС-7

Фрагмент надгробия кон. XV – 1-й четв. XVI в. (рис. 12).

Место находки: центральная часть муниципального кладбища с. Зеленая Слобода. Свалка надгробий.

Размер: $(40) \times (19) \times 12$ см.

Фрагмент краевой части намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр верхней грани составлен лентой орнамента из равносторонних противопоставленных треугольников (волчий зуб). Нижняя грань обработана режущим инструментом. Поверхность эродирована.

Грунтовый могильник Володарский (Спасский погост)

ВСП-1

Фрагмент белокаменного антропоморфного саркофага 2-й пол. XVI – 1-й пол. XVII в. (рис. 7).

Место находки: грунтовый могильник Володарский, склон котлована песчаного карьера (недействующего).

Габаритные размеры: $(53) \times (49) \times (33)$.

Оголовье прямоугольное (внутри и снаружи), углы резко выражены, выступает на 14 см. Подго-

ловье возвышается на 2 см, край сглажен. Толщина стенок – 6 см (в изголовье до 9 см). Ширина камеры саркофага в «плечах» составляет 40 см. Гроб мог принадлежать подростку либо взрослому человеку с небольшими параметрами плечевого пояса. Поверхность эродирована, имеет сколы и выбоины.

Саркофаг относится к типу 2, виду 1, подвиду Б (Панова, 2004. С. 88).

ВСП-2

Фрагмент надгробия XIV–XV вв. (рис. 8).

Место находки: грунтовый могильник Володарский, склон котлована песчаного карьера (недействующего).

Размер: $(35) \times (28) \times 13$ см.

Фрагмент намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр ограничен врезной линией; прямая тяга образована лентой широко расставленных крупных равносторонних треугольников; круг-клеймо (полукруг?) составлен двумя кольцами линейного орнамента. Поверхность эродирована.

Ближние аналогии: надгробие Бм-9 из московского Богоявленского монастыря и Дм-1 из Данилова монастыря (Беляев, 1996. С. 272, 292, 293).

ВСП-3

Фрагмент саркофага XV – 1-й пол. XVII в. (рис. 9).

Место находки: грунтовый могильник Володарский.

Габаритные размеры: (170) × ?; (40) × ?; (35) или (170) × ?; (45) × ?; (40).

Фрагмент белокаменного саркофага антропоморфной формы. Зафиксирован в 1948 г. научным сотрудником Московского областного краеведческого музея В. М. Колобовым (1948. Л. 12–13, 18об.).

ВСП-4

Фрагмент надгробия XIV–XV (?) вв. (рис. 9).

Место находки: грунтовый могильник Володарский.

Размер: (50) × (45) × ? или (55) × (50) × ?

Фрагмент намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией «ось и круги». Бордюр и центральная продольная линия образованы лентой орнамента из широко расставленных треугольников. Справа и слева от линии два круга (клейма) диаметром около 15 см, образованные аналогичным орнаментом.

Зафиксирована в 1948 г. научным сотрудником Московского областного краеведческого музея В. М. Колобовым (1948. Л. 13, 18об.), интерпретировалась как фрагмент крышки саркофага и описана следующим образом: «Часть верхней плиты, возможно крышки, 50 × 55 см, откол старый. На поверхности плиты ясно видим очень простой орнамент: по краю углубленные, высеченные треугольники, идущие в один ряд на расстоянии один от другого 4–5 см. Размер их сторон 1½ – 2 см. Прямая линия из треугольников делит плиту на две части по вертикали, вправо и влево от нее две окружности, обозначенные такими же треугольниками (диаметр около 15 см). По борту плиты орнамента нет».

Аналогии: плита из некрополя Успенского собора Московского Кремля (Шеляпина, 1971. С. 285); очень сходное, но с дополнительными элементами композиции надгробие ТСП-29 из некрополя Троицкой церкви в Старых Полях (Беркович, Егоров, 2017. С. 41).

ВСП-5

Фрагмент надгробия XVI в. (рис. 13).

Место находки: грунтовый могильник Володарский.

Размер: неизвестен.

Фрагмент изголовья намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр верхней грани составлен лентой орнамента из мелких противопоставленных треугольников (волчий

Рис. 12. Фрагмент надгробия ЗС-7. Верхняя грань

зуб). Внутренняя рамка ограничена линиями и состоит из одного ряда мелких треугольников, направленных вершинами к бордюру.

ВСП-6

Фрагмент надгробия XV–XVI в. (рис. 13).

Место находки: грунтовый могильник Володарский.

Размер: неизвестен.

Фрагмент краевой части намогильной плиты, украшенной орнаментальной композицией. Бордюр верхней грани составлен лентой орнамента из мелких противопоставленных треугольников (волчий зуб).

Рис. 13. Фрагменты надгробий ВСП-5 (вверху) и ВСП-6 (внизу) в нижнем левом углу.
Фото В. М. Колобова (1948. Л. 18об.)

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Литература

АКР. Московская область. Ч. 1. М.: ИА РАН, 1994. 320 с.

Алексеев А. В., 2017. Церковные древности звенигородской земли. М.; Звенигород: Звенигородский музей-заповедник. 224 с.

Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 563 с.

Беляев Л. А., 2018. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // КСИА. Вып. 252. С. 219–232.

Беркович В. А., Егоров К. А., 2017. Московское белокаменное надгробие. М.: ТМ Продакшн. 765 с.

Благовещенский И. А., 1874. Краткие сведения о всех церквях Московской епархии в алфавитном порядке исчисленных. М.: Тип. А. В. Кудрявцевой. 126 с.

Вишневский В. И., 2013. Орнамент белокаменных средневековых надгробий Троице-Сергиева монастыря: анализ и хронология // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 125–139.

Дементьев Е. М., 1883. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. VIII. М.: Тип. А. Карцева. 374 с.

Колобов В. М. Отчет о разведках на территории Московской области в 1948 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 241.

Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М.: Радунца. 181 с.

РИБ. Т. 23. Дела Тайного приказа. Кн. 3. СПб.: Сенатская тип., 1904. VI, 80 с., 1730 стб.

РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1907. XI, 94 с., 1756 стб.

Сперанский А. Н., 1930. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М.: РАНИОН. 221 с.

Фатъков А. М., Яганов А. В., 2015. Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово-2 в 2013 г. // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 412–421.

Холмогоровы В. и Г., 1892. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII столетий. Вып. VIII: Пехрянская десятина. М.: Унив. тип. 243 с.

Шеляпина Н. С., 1971. Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. № 3. С. 284–289.

K. Yu. Nizamutdinov

**White-stone sarcophagi from two rural necropolises
on the banks of the Pakhra River**

Summary

In 2020 and 2022, two necropolises containing materials from the 14th – 17th centuries: white-stone anthropomorphic sarcophagi and fragments of tombstones, were examined in the Moscow region on the Pakhra River.

Such burial structures are not typical for rural necropolises. It is possible that such stone coffins were used in the funeral rite by the lower social strata engaged in the extraction and processing of limestone in local quarries.

А. С. Сыроватко*, Т. О. Галкин**

* Коломенский археологический центр, Коломна (Московская обл.)

** Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль», Зарайск (Московская обл.)

Совни Нового времени: несколько замечаний о датировке и назначении

При раскопках поселений позднего Средневековья и Нового времени сравнительно часто находят предметы, именуемые «совнями». Это, как правило, массивные, грубо сделанные клинки ножевидной формы, снабженные втулками, иногда несомкнутыми, откованными с лезвием единой деталью. Назначение их остается дискуссионным: такие предметы рассматриваются либо в качестве древкового оружия, либо в качестве бытового инструмента – косаря (Двуреченский, 2013. С. 120). Существует также аргументированная позиция, отрицающая историчность термина «совни» (Чубинский, 2016. С. 311, 312), хотя в археологической среде это понятие, вероятно, закрепилось за ножевидными наконечниками как всем понятный сленг. Не отрицая условности названия и спорности назначения, авторы используют название «совня» в качестве понятного и удобного термина.

Сомнения в военном назначении таких предметов усиливаются тем, что их верхний предел бытования фактически – этнографическая современность. Такие предметы часто встречаются в собраниях небольших краеведческих и даже школьных музеев. Один из авторов лично обнаружил совню, использовавшуюся в качестве совка для помидорной рассады в семье Жеребцовых в д. Санино Коломенского района в 2016 г.¹; еще одну совню нашли на огороде в г. Коломне (ул. Казакова, 22) в 2002 г. (рис. 1).

Всем «этнографическим» совням присуща общая деталь: обухи и втулки у них сильно разбиты ударами, что явно свидетельствует о применении их не по назначению.

В настоящей работе авторы представят еще два экземпляра со сравнительно достоверной датировкой, а также рядом деталей, позволяющих судить об их назначении. Оба экземпляра происходят из Зарайска и его округа. Первый найден на усадьбе Даровое, второй – в самом городе.

Совня из Дарового

Происходит из ямы 18, кв. 115, раскопа 5 2019 г. (Сыроватко, 2021) (рис. 2). Общая длина наконечника составляет 30 см, ширина пера – 4,5 см. Наконечник с односторонней заточкой и втулкой, согнутой из той же заготовки, что и основное лезвие, методом кузнечнойковки. Длина пера – 20 см, втулки – 10. Дополнительных отверстий для крепления втулки нет. Края втулки загнуты и слегка раскованы.

Лезвие кривое, с односторонней заточкой, острие поднято выше линии обуха, перо в сечении треугольное. Втулка, как у большинства подобных предметов, разбита ударами по торцу.

Главной отличительной особенностью этого экземпляра является орнамент. Это единственный из известных авторам орнаментированный предмет такого типа. На лезвии со стороны шва втулки, сразу под верхней кромкой, идет ряд штампов в виде кружков неправильной формы с выпуклой точкой посередине. Размеры кружков варьируются от 0,05 до 0,07 см. Количество кружков – 24, они покрывают лезвие в верхней части на всю длину – от кончика до втулки. В средней части лезвия также находятся четыре кружка, расположенные

¹ Авторы благодарят Н.С. Жеребцову за этот экземпляр, а также О.Ю. Потёмкину за возможность публикации совни из Дарового.

крестообразно по диагонали к основному ряду орнамента.

Каким образом можно датировать экземпляр из Дарового?

Хронологии усадьбы посвящена отдельная статья (Сыроватко, 2021). Основным ее выводом можно считать, что вся сумма находок указывает на два периода активности, разделенных большим интервалом. Первый приходится на середину XVIII – первые годы XIX в., второй – на вторую половину XIX в. – раннесоветский период. Подвергнутая раскопкам часть усадьбы в границах современного музея в первой половине XIX в., видимо, была не заселена. Следовательно, совня может относиться либо к XVIII в., либо ко второй половине XIX в.

Дополнительным аргументом для датировки является контекст находки – состав керамики из ямы 18. Хронология керамики усадьбы известна благодаря выделенным датированным комплексам (Сыроватко, Дементьева, Потемкина, 2021). В яме 18 керамика в основном белоглиняная при наличии чернолощеной. Найдены также донце четырехгранного штофа, белоглиняная керамика с коричневой поливой, единичные фрагменты фаянса и фарфора. Четыре венчика белоглиняной керамики имеют одинарный наружный валик, что в датированных комплексах Дарового относится ко второй половине XVIII в. (Сыроватко, Дементьева, Потемкина, 2021).

Почему авторы посчитали этот наконечник достоянием публикации? Приведем два аргумента. Во-первых, он орнаментирован (справедливости ради заметим – так же грубо, как и изготовлен), что означает особое к нему отношение в прошлом. Орнамент указывает, пусть и косвенно, на восприятие предмета не просто как сугубо утилитарного, скорее как оружия (или инструмента двойного назначения).

Во-вторых, форма острия – необычная и бесполезная для колки лучины.

Совня из Зарайска

Перед работами по благоустройству общественных территорий на ул. Красноармейская и пл. Революции в г. Зарайске Московской обл. (площадь Торговых рядов) в 2019 г. проводились спасательные археологические работы – наблюдения, в ходе которых заложено восемь шурфов и зачищено 28 разрезов в траншеях по смене коммуникаций (водопровод, канализация, освещение). В контексте нашей работы интерес представляет разрез 6, расположенный около водонапорной башни, возведенной в 1914–1916 гг. по проекту техника

Рис. 1. Ножевидные наконечники из этнографических сборов

1 – д. Санино, Коломенский р-н Московской обл.;
2 – г. Коломна, ул. Казакова, 22

А.И. Филиппова на пересечении улиц Красноармейская и Гуляева.

В разрезе 6 зафиксирована яма 2, не зачищенная на всю глубину, т.к. это превышало бы расчетную глубину траншеи. Видимая стратиграфия выглядит следующим образом. В юго-западном углу читается палевый лессовидный суглинок мощностью до 0,5 м, в который впущена яма 2. На дне ямы находится слой темно-серого суглинка с остатками древесного тлена мощностью до 0,5 м. Он подстилает слой палевого суглинка с внедрением темно-серого суглинка мощностью до 0,45 м. Его перекрывает слой голоценовой почвы – темно-серого суглинка – мощностью до 0,3 м. Выше расположена прослойка палевого суглинка с углем и битым кирпичом мощностью 0,5 м. Сверху яма перекрыта слоем темно-серого суглинка с внедрением палевого суглинка мощностью до 0,6 м в максимально широкой части. По всей вероятности, этот слой

Рис. 2. Наконечник из усадьбы Даровое, Зарайский р-н Московской обл. Рисунок Е. В. Васильева

формировался в процессе почвообразования после прекращения использования ямы 2. В слое перекрывающих яму суглинков читается линза палевого лессовидного суглинка (материковый выброс?) мощностью до 0,1 м в широкой части.

При зачистке разреза 6 в слое темно-серого суглинка с остатками древесного тлена обнаружен сильно корродированный железный ножевидный втульчатый наконечник (рис. 3, 1). Также среди индивидуальных находок из этого слоя можно отметить железный предмет с буравчиком на конце (вешалка, вкручивающаяся в дерево?) и фрагменты двух изразцов: зеленого муравленого и расписного полихромного.

Общая длина зарайского наконечника составляет 28 см в сохранившейся части, а ширина пера – 4,5 см. Наконечник с односторонней заточкой и втулкой под древко круглой формы. Дополни-

тельных отверстий для крепления втулки нет. Видимое на фотографии и прорисовке отверстие – результат глубокой коррозии. Сохранность плохая, предмет сильно корродирован, имеются утраты части лезвия и втулки. Длина пера – 20 см, втулки – 8, диаметр втулки (восстанавливаемый) – 2,5 см.

Лезвие кривое, с односторонней заточкой, изогнутое в конце, перо в сечении треугольное. Острие, как и у экземпляра из Дарового, приподнято над линией обуха. Кончик утерян, полная длина, скорее всего, составляла 30 см.

Зарайский экземпляр происходит из ямы, которую мы можем датировать XVIII в.

Поясним наши предположения о датировании предметов, происходящих из ямы 2 и всего комплекса.

Стоит сразу оговориться, что во многом из-за того, что мы говорим о наблюдениях за вскрытием

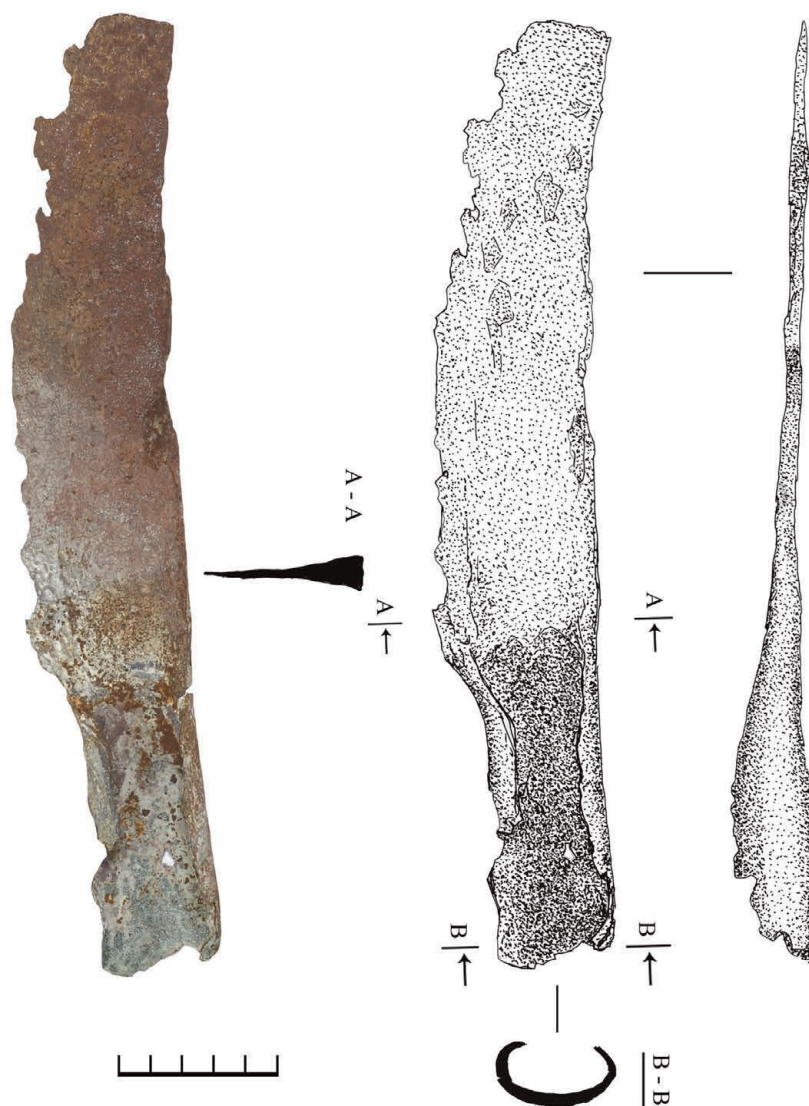

Рис. 3. Наконечник из Зарайска. Рисунок Е. В. Васильева

траншей, а не о полноценных раскопках, наши сведения неизбежно фрагментарны и неполны. Однако анализ материалов, происходящих из разреза, сбор подъемного материала около него и обращение к картографическим материалам позволяют нам сделать следующие выводы.

Фрагменты изразцов по широкому кругу аналогий можно датировать следующим образом. Фрагмент белоглиняного муравленого изразца, покрытого зеленой поливой (рис. 4, 1), традиционно датируют серединой – второй половиной XVII в. Но они также известны из условно закрытых комплексов первой половины XVIII в. В частности, в Смоленске в помещении кабака, погибшего предположительно в пожаре 1747 г., печь украшали изразцы подобного рода (Пронин, Шорин, 2019. С. 306. Рис. 17).

Фрагмент расписного гладкого полихромного изразца с геометрическим узором, окаймляющим некое изображение (рис. 4, 2), можно датировать второй половиной – последней третью XVIII в. (Маслих, 1983. С. 24).

Керамика, происходящая из разреза 6, представлена 20 обломками белоглиняной керамики: 13 стенками, фрагментом крышки, донцем и пятью венчиками. Венчики представлены типом 2 (по: Сыроватко, Дементьева, Потемкина, 2021) – с ярко выраженным валиком (рис. 4, 5–8). Посуда подобного облика широко представлена в раскопках и шурфах на территории Зарайска и окрестностей в исследованиях Зарайской экспедиции в 2019–2021 гг.

В частности, в селце Даровом в условно закрытом комплексе ямы 22 один из авторов ста-

Рис. 4. Образцы керамики и датирующие находки из ямы 2
 1 – муравленный белоглиняный изразец; 2 – полихромный расписной изразец;
 3–6 – венчики типа 2; 7 – красноглиняная крышка; 8, 9 – днища

тии датирует подобные венчики второй половиной XVIII в. (Сыроватко, 2021. С. 130).

В коллекции присутствуют два фрагмента донцев чернolощенных сосудов (кувшинов?) с полосчатым лощением, которые тоже можно датировать в пределах XVIII в.

Также отметим семь фрагментов посуды из красножгущихся глин: четыре неорнаментированные гладкие стенки, два донца (одно, вероятно, от стопки/рюмки) и крышку (рис. 4, 9–11).

Картографические материалы

Наиболее ранний из дошедших до нас планов Зарайска (так называемый План Готовцева²) мы датируем началом XVIII в. На нем данная территория за пределами Острога (т.е. основного посада Зарайска) занята слободами без уточнения, чьими именно.

На «допожарном» плане г. Зарайска 1767 г.³ на данной территории находятся «дворы города Зарайска купцов»⁴. Пожар 3 мая 1774 г. уничтожил дорегулярную застройку города, и в дальнейшем по утвержденному Екатериной II генеральному плану города⁵ здесь расположилась ромбовидная площадь.

Таким образом, яма 2, частично попавшая в разрез 6, видимо, имеет верхнюю дату 1774 г., чему не противоречат углистые прослойки и обожженная керамика.

Перечислим теперь известные авторам датированные аналогии.

В первую очередь следует назвать наконечники из раскопок селища Тарасовка 1 (Пушкинский р-н Московской обл.) (Сыроватко, Панченко, 2002. С. 11. Рис. 4, 1, 3). Тарасовские экземпляры, во-первых, датируются так же, как и зарайские. Во-вторых, они найдены в комплекте с наконечником копья, что является косвенным указанием на их военное или двойное предназначение.

Отметим также предметы, полученные в результате археологических наблюдений в Ильинском проезде г. Москвы (Кутасов, 2009. С. 254. Рис. 3, 3). Автор исследований датирует его XVII–XVIII вв.

Практически аналогичные наконечники хранятся в фондах Курского музея, где автор публикации датирует их по аналогии с раскопками в Белгороде концом XVI – XVII в. (Андреев, 2016. С. 84, 85, 88. Рис. 7).

² РГАДА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 7468.

³ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 483. Л. 1; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 483. Л. 2.

⁴ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 483. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 1356. Д. 1. Оп. 4979.

Подведем итоги. Обнаруженные нами ножевидные наконечники датированы довольно коротким хронологическим интервалом: серединой – второй половиной XVIII в. Надежно датированная аналогия им только одна – комплекс из Тарасовки, и относится он к этому же периоду. Не исключено, что именно на XVIII в. приходится пик популярности этих предметов. Отдельные детали – приподнятые острия и орнамент – позволяют предположить их назначение в качестве оружия или как предметы двойного назначения.

Из сказанного не следует, что такие наконечники не могли использоваться в более позднее время в качестве бытовых предметов – косарей. Об этом красноречиво свидетельствуют их повреждения (даже на экземпляре из Тарасовки). Но такое употребление могло произойти много позже времени их применения в качестве оружия. Не исключено также, что их продолжали изготавливать в хозяйственных целях, «забыв» их первоначальное предназначение.

Литература

Андреев А. А., 2016. Предметы позднесредневекового русского вооружения и снаряжения из экспозиции и фондов Курского государственного областного музея археологии // Город Средневековья и раннего Нового времени II (V): Археология, история / Под ред. И. Г. Бурцева. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 83–91.

Двуреченский О. В., 2013. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: ГМЗ «Куликово поле». 536 с.

Кутасов П. А., 2009. Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII веков, полученные в ходе археологических наблюдений в Ильинском проезде города Москвы // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 251–267.

Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 110 с.

Пронин Г. Н., Шорин Ю. Н., 2019. Питейные заведения Смоленска XVII – первой половины

XVIII века (по археологическим данным) // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 291–315.

Сыроватко А. С., 2021. Где в сельце Даровом находилась усадьба Достоевских // Неизвестный Достоевский. Т. 8. № 4. С. 122–151.

Сыроватко А. С., Дементьева Т. Н., Потемкина О. Ю., 2021. Датированные керамические комплексы конца XVIII – начала XIX в. из усадьбы Достоевских «Даровое» // КСИА. Вып. 265. С. 240–252.

Сыроватко А. С., Панченко В. И., 2002. Археологический материал XVIII–XIX вв. из раскопок селища Тарасовка 1 // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка). М. (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 1). С. 7–26.

Чубинский А. Н., 2016. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копья, сулицы и совни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Тр. Седьмой Международной научно-практической конференции. Т. 5. С. 310–340.

A. S. Syrovatko, T. O. Galkin

Sovnyas of the New Age: A Few Remarks on Dating and Appointment

Summary

The study of finds of iron knife-like objects with sockets found in the southern part of the Moscow region, comparing them with published analogies, led to

the conclusion that they had a dual purpose as household polyfunctional tools and as weapons.

К. В. Горлов^{1*}, О. В. Новикова^{}, А. В. Новиков^{**}**

^{*} *Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

^{**} *ООО «Костромская археологическая экспедиция», Кострома*

Клад русских серебряных монет Петровского времени из Костромы

В научных изданиях истории русского денежного обращения кладов конца XVII – первой трети XVIII в., сформированных в основном из проволоочных серебряных монет Петра I, уделено значительно меньше внимания, чем депозитам двух предыдущих столетий. Во многом это связано с относительно поздним созданием систематизации петровских² копеек и денег. Научная классификация монет трехрублевой стопы 1533–1617 гг., построенная на основании метода поштемпельного анализа, опубликована И. Г. Спасским в середине 50-х гг. XX в. (Спасский, 1955). В 1960–1980-е годы в основном трудами А. С. Мельниковой удалось подготовить систематизацию монет четырехрублевой стопы 1613–1682 гг. (Мельникова, 1989). Первый «определитель» лицевых сторон проволоочных копеек единоличного правления Петра Алексеевича, подготовленный В. Н. Клещиновым и И. В. Гришиным, увидел свет только в 1992 г.³ В настоящее время наиболее полная типология денежных знаков ручной чеканки Петра Алексеевича⁴ представлена в двух каталогах И. В. Гришина, В. Н. Клещинова, А. В. Храменкова (2015; 2021).

Причина позднего появления классификации петровских «чешуек», несмотря на богатую источниковую базу⁵, во многом заключается в сложно-

сти их изучения из-за миниатюрности размеров. С 1698 г. вес копейки был понижен до 0,284 г, в результате чего на крохотное монетное поле попадала лишь малая часть штемпельного изображения. Понижение пробы серебра и применение новой техники изготовления маточников также способствовало ухудшению качества монет (Клещинов, Гришин, 1992. С. 3, 4; Зверев, 2015. С. 186; 2017. С. 219–222).

На рубеже XVII–XVIII вв. в русской монетной системе происходят кардинальные перемены, связанные главным образом с введением в оборот средств расчета высоких номиналов из серебра и золота, а также медных копеек и их фракций машинной чеканки (Спасский, 1970. С. 143–150; Зверев, 2019. С. 53–61). Важным источником, характеризующим денежное обращение времени петровских преобразований, выступают монетные клады. Особенности их структуры с отражением региональной специфики позволяют проследить, например, коммуникацию новых медных монет с классическими проволоочными копейками и ряд других социально-экономических процессов.

В 2021 г. Костромская археологическая экспедиция под руководством О. В. Новиковой проводила спасательные археологические раскопки

¹ К. В. Горлов: работа выполнена в рамках плановой темы «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» FMZF-2022-0017.

² В том числе и периода совместного правления Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича 1682–1696 гг.

³ До 1917 г. встречаются единичные работы А. И. Черепнина, С. И. Шодуара, Ф. Ф. Шуберта, включающие предварительную классификацию копеек Петра I по годам и вариантам легенды. Около 150 разновидностей вариантов проволоочных монет 1696–1717 гг. присутствуют в трудах вел. кн. Георгия Михайловича (Клещинов, Гришин, 1992. С. 3). В советский период типологией петровских «чешуек» практически не занимались.

⁴ В том числе и периода совместного правления с Иваном Алексеевичем в 1682–1696 гг.

⁵ Помимо самих монет исследователи располагают большим комплексом документов, касающихся денежного дела Петровской эпохи.

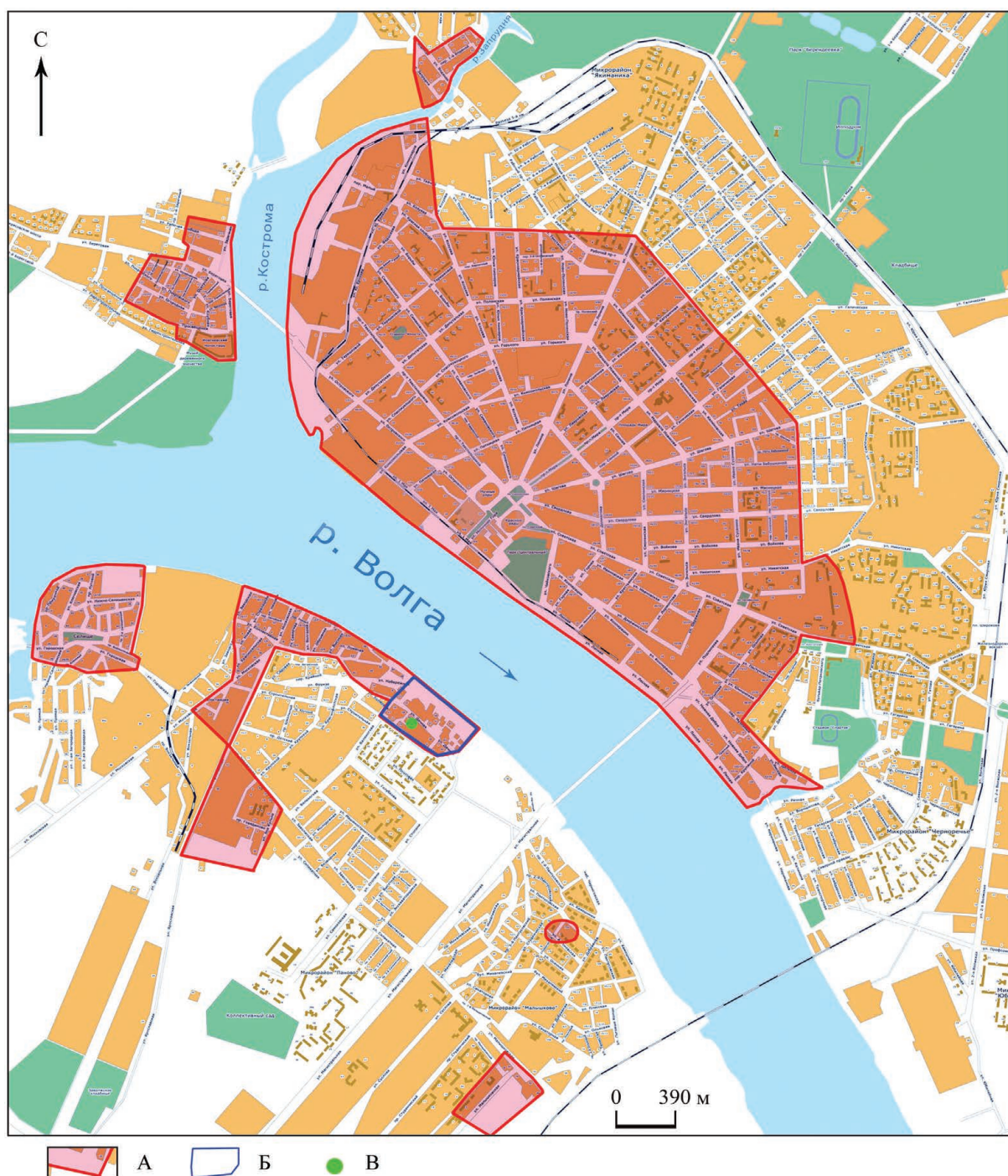

Рис. 1. Границы распространения археологического культурного слоя г. Костромы и место находки монетного клада в 2021 г.

А – границы распространения археологического культурного слоя г. Костромы; Б – границы памятника археологии «Участок культурного слоя на территории бывшего с. Городище», XV–XVIII вв.; В – место обнаружения клада 2021 г.

на месте строительства многоквартирного жилого дома на ул. Дачная, 22–24 в Костроме. Площадь раскопа составила 1780 кв.м. Совокупная мощность культурных отложений в раскопе составляет 15–60 см. Исследованные объекты в основном относятся к XIX–XX вв. Исследованный участок

располагается на коренной террасе правого берега р. Волги, в границах памятника археологии «Участок культурного слоя на территории бывшего с. Городище» XV–XVIII вв. (рис. 1; 2).

При разборке заполнения неглубокой округлой в плане ямы, углубленной в материк, обнару-

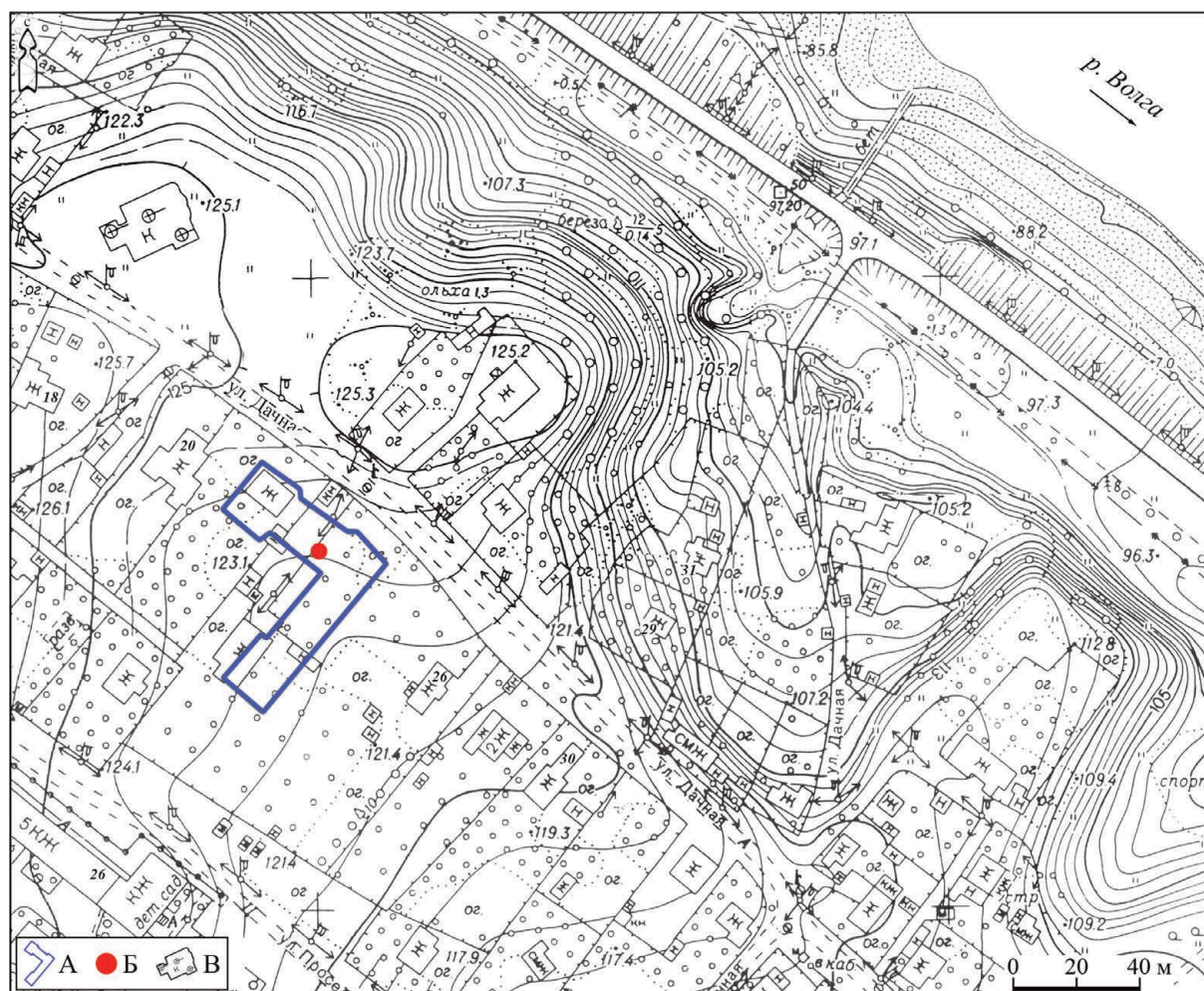

Рис. 2. Ситуационный план с обозначением раскопа 2021 г. и места нахождения клада серебряных монет
А – раскоп по ул. Дачная, 22, 24, г. Кострома, 2021 г.; Б – место находки клада; В – ц. Рождества Христова (Ильинская)

жено скопление из 60 проволочных монет с шириной разброса не более 10 см (рис. 3). В заполнении ямки, состоящем из серой супеси с пятнами желтого материкового песка, фиксировался древесный тлен. Почвенный слой, с уровня которого производилось сокрытие клада, не сохранился, в последнее время он подвергался (в XIX–XX вв.) многослойным распахам, зафиксированным практически на всех участках раскопа. Вполне вероятно, что первоначальная глубина ямки была больше. Рядом с находкой следов какой-либо упаковки не зафиксировано, что может указывать на ее изготовление из органического материала.

Комплекс состоит из серебряных монет копеечного номинала эмиссии Михаила Федоровича (1 экземпляр), Алексея Михайловича (3 экземпляра) и Петра Алексеевича (56 экземпляров); младшие отчеканены в 1717 г. (табл. 1; рис. 4; 5; 6; 7). Такое количественное распределение денежных знаков по эмитентам характерно для серебряных депозитов, сформированных в первой четверти XVIII в., и отражает процесс намеренного вывода казной⁶ из обращения тяжелых монет XVII в. после перехода в 1698 г. к облегченной стопе в 7,20 рубля из гривенки серебра с нормативным весом копейки 0,284 г (Зверев, 2005. С. 247;

⁶ Идея «обновления монеты» была не характерна для русского денежного обращения. Монеты оставались в обороте, пока не изменялись весовые нормативы их производства, даже в случаях наличия в легендах нелегитимных в народном понимании царей. Основным критерием устойчивости курса монет было содержание в них драгоценного металла (Спаский, 1970. С. 118). Быстрый и массовый выход монет из оборота чаще всего связан с проведением денежных реформ, как правило, в установленные сроки. В качестве показательного примера можно привести денежную реформу Елены Глинской 1535–1538 гг. (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 7).

Таблица 1. Определение монет клада из археологических раскопок в Костроме в 2021 г. (ПКХ – типология монет на основании классификации И. В. Гришина, В. Н. Клешинова, А. В. Храменкова (2021); 'производственный брак: отчеканена только оборотная сторона).

№ п/р	№ п/о	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Дифферент	Тип	Металл	Вес, г
1	18	Русское Царство / Михаил Федорович	Копейка	ок. 1617	Москва	МОС КВА	391	Серебро	0,27
2	60	Русское Царство / Алексей Михайлович	Копейка	1645–1650	Москва	о М	806	Серебро	0,29
3	23	Русское Царство / Алексей Михайлович	Копейка	1645–1650	Москва		Л.с.-?' О.с.-7	Серебро	0,24
4	4	Русское Царство / Алексей Михайлович	Копейка	1650–1655	Москва	о М	898	Серебро	0,40
5	10	Русское Царство / Петр I	Копейка	1697	Москва, Старый д.д.	СЕ	1237	Серебро	0,30
6	58	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700	Москва, Старый д.д.	СН	1250	Серебро	0,29
7	3	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700	Москва, Старый д.д.	СН	1251	Серебро	0,25
8	29	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700	Москва, Старый д.д.	СН	1251	Серебро	0,20
9	57	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700	Москва, Старый д.д.	СН	1251	Серебро	0,29
10	19	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700	Москва, Старый д.д.	ЯУ	1254	Серебро	0,29
11	14	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700	Москва, Старый д.д.	СН	1253?	Серебро	0,31
12	21	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700	Москва, Старый д.д.	СН	1253?	Серебро	0,29
13	31	Русское Царство / Петр I	Копейка	1701	Москва, Старый д.д.	ЯУА	1281	Серебро	0,24
14	46	Русское Царство / Петр I	Копейка	1701	Москва, Старый д.д.	ЯУА	1281	Серебро	0,28
15	12	Русское Царство / Петр I	Копейка	1701	Москва, Старый д.д.	ЯУА	1301	Серебро	0,27
16	54	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1314	Серебро	0,25
17	50	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1318	Серебро	0,27
18	51	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1321	Серебро	0,49
19	6	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1322	Серебро	0,26

№ п/р	№ п/о	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Дифферент	Тип	Металл	Вес, г
20	44	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1322	Серебро	0,24
21	28	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1322?	Серебро	0,22
22	53	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1326?	Серебро	0,35
23	56	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1328	Серебро	0,42
24	5	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1328	Серебро	0,28
25	2	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Старый д.д.	ЯУВ	1334	Серебро	0,27
26	24	Русское Царство / Петр I	Копейка	1702	Москва, Кадашевский д.д.	АУВ	1566	Серебро	0,26
27	20	Русское Царство / Петр I	Копейка	1700–1702	Москва, Старый д.д.		Л.с. ? ¹ О.с.-15	Серебро	0,30
28	7	Русское Царство / Петр I	Копейка	1703	Москва, Старый д.д.	ЯУГ	1335	Серебро	0,22
29	22	Русское Царство / Петр I	Копейка	1703	Москва, Старый д.д.	ЯУГ	1336?	Серебро	0,29
30	45	Русское Царство / Петр I	Копейка	1703	Москва, Старый д.д.	ЯУГ	1339		0,26
31	41	Русское Царство / Петр I	Копейка	1703	Москва, Старый д.д.	ЯУГ	1356?	Серебро	0,25
32	40	Русское Царство / Петр I	Копейка	1703	Москва, Кадашевский д.д.	ЯУГ	1661	Серебро	0,25
33	13	Русское Царство / Петр I	Копейка	1703	Москва, Кадашевский д.д.	ЯУГ	1692?	Серебро	0,22
34	25	Русское Царство / Петр I	Копейка	1704	Москва, Старый д.д.	ЯУД	1362	Серебро	0,28
35	35	Русское Царство / Петр I	Копейка	1704	Москва, Кадашевский д.д.	ЯУД	1713	Серебро	0,25
36	26	Русское Царство / Петр I	Копейка	1706	Москва, Старый д.д.	ЯУС	1368	Серебро	0,23
37	42	Русское Царство / Петр I	Копейка	1706	Москва, Старый д.д.	АУС	1370	Серебро	0,22
38	49	Русское Царство / Петр I	Копейка	1706	Москва, Старый д.д.	АУС	1370	Серебро	0,25
39	43	Русское Царство / Петр I	Копейка	1706	Москва, Старый д.д.	АУС	1367	Серебро	0,23
40	16	Русское Царство / Петр I	Копейка	1706	Москва, Кадашевский д.д.	АУС	1753	Серебро	0,28

№ п/р	№ п/о	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Дифферент	Тип	Металл	Вес, г
41	32	Русское Царство / Петр I	Копейка	1707	Москва, Кадашевский д.д.	АΨЗ	1707	Серебро	0,16
42	17	Русское Царство / Петр I	Копейка	1707	Москва, Кадашевский д.д.	АΨЗ	1763	Серебро	0,30
43	48	Русское Царство / Петр I	Копейка	1709	Москва, Кадашевский д.д.	АΨΘ	1795	Серебро	0,23
44	34	Русское Царство / Петр I	Копейка	1711	Москва, Старый д.д.	АΨΑΙ	1835	Серебро	0,28
45	47	Русское Царство / Петр I	Копейка	1711	Москва, Старый д.д.	АΨΑΙ	1837	Серебро	0,22
46	52	Русское Царство / Петр I	Копейка	1711	Москва, Старый д.д.	АΨΑΙ	1838	Серебро	0,18
47	15	Русское Царство / Петр I	Копейка	1713	Москва, Старый д.д.	АΨΓΙ	1853	Серебро	0,25
48	11	Русское Царство / Петр I	Копейка	1715	Москва, Старый д.д.	ΨΕΙ	1409	Серебро	0,23
49	36	Русское Царство / Петр I	Копейка	1715	Москва, Старый д.д.	ΨΕΙ	1409	Серебро	0,23
50	8	Русское Царство / Петр I	Копейка	1715	Москва, Старый д.д.	ΨΕΙ	1411	Серебро	0,22
51	33	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1415	Серебро	0,25
52	59	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1415	Серебро	0,29
53	1	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1415	Серебро	0,25
54	37	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1415?	Серебро	0,24
55	39	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1416	Серебро	0,25
56	9	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1417	Серебро	0,26
57	30	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1417	Серебро	0,26
58	38	Русское Царство / Петр I	Копейка	1716	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1417	Серебро	0,30
59	27	Русское Царство / Петр I	Копейка	1717	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1420	Серебро	0,26
60	55	Русское Царство / Петр I	Копейка	1717	Москва, Старый д.д.	ΨΣΙ	1420	Серебро	0,43

2015. С. 186; 2020. С. 202–205). Огромные масштабы чеканки, связанные с расходами Северной войны, требовали пополнения сырьевой базы серебра, добыча которого в России на тот момент еще не велась. Решение этой задачи правительство находило в традиционной закупке иностранной серебряной монеты и перечеканке старых русских денег в новые пониженного веса. На 1701–1702 гг. приходится время наиболее массовой сдачи свезенных в Москву «старых» копеек. Максимальная доходность по переделу пришлась на 1702 г. Сырье для передела поступало как от приказов⁷, так и путем покупки и обмена у населения⁸ (Ширяков, 2013. С. 143; Краснов, 2015. С. 188).

В большинстве случаев даты сокрытия кладов определяются временем, близким с годами выпуска поздних монет в их составах (Потин, 1993. С. 171–185). Даты чеканки младших копеек из рассматриваемого комплекса указывают на время его тезаврации не раньше 1717 г. Однако уверенно связать его выпадение с этим годом не позволит длительный период бытования «чешуек» после прекращения их производства в 1718 г. (Волков, 2009. С. 165). Несмотря на неудобство использования в качестве расчетных средств денежных знаков ручной чеканки⁹, они продолжали оставаться в обращении до середины XVIII в., хотя правительство предпринимало неоднократные попытки их изъятия. Только в 1744 г. издается указ, запрещающий оборот «старой» монеты, однако выполнение этого постановления растянулось почти на 10 лет (Сборник указов... 1887. С. 157, 158, 314–334, 442–444. № 5965, 8948, 10339; Юхт, 1986. С. 39, 40). Главным образом проволочные копейки были востребованы в консервативной крестьянской среде (наиболее в районах Заволжья), где серебряные средства расчета предпочитались медным. Даже после 1750-х гг. проволочная копейка кое-где еще сохраняла значение местного платежного средства (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 21, 22).

Количественное распределение монет Петра I по годам выпуска из состава рассматриваемого ком-

Рис. 3. Фиксация комплекса монет в ходе археологических раскопок в Костроме в 2021 г.

плекса показывает доминирование экземпляров 1700, 1702, 1703 и 1716 гг. (рис. 8). Большое число ранних копеек объясняется огромными масштабами чеканки именно в 1700–1704 гг., когда она составила 13,1 млн рублей. Только один Кадашевский двор в 1701 г. дал копеек на сумму 277 тыс. рублей, в 1702 г. – 2,1 млн рублей, в 1703 г. – 962 тыс. рублей (Дуров, 1980. С. 17; Юхт, 1994. С. 21). В 1716 и 1617 гг. также происходил массовый выпуск серебряных проволочных монет, хотя и в заметно меньших масштабах, нежели в первое десятилетие XVIII в. (Дуров, 1980. С. 18, 19. Табл. 3; Юхт, 1994. С. 22, 23; Зверев, 2016. С. 191).

Присутствие в составе комплекса восьми копеек 1716 г. и всего двух следующего года может

⁷ Например, Монастырский приказ собирал старые копейки с монастырей. Монеты принимались в соответствии с нормами царского указа, оговаривающего сначала пересчет сдаваемых сумм, а затем прием на вес из расчета не менее 10 фунтов в 100 рублях (Дуров, 1980. С. 15).

⁸ Население с нежеланием сдавало старые деньги на монетные дворы, так как считало низким размер (10%) лажа, то есть наддачи, установленной казной. Старые деньги было выгоднее превратить в сырье для изготовления посуды, окладов икон, прочих предметов. Это, в свою очередь, привело к сокрытию значительных сумм. В 1704 г., например, у купцов Шустовых изъяли из тайника 106 пудов старых денег (Юхт, 1994. С. 21).

⁹ Голландский купец Иоганн Филипп Кильбургер писал, что русские деньги «...маленькие, скользкие и легко падают через пальцы. Между ними много фальшивых...» (Кури, 1915. С. 154). Немецкий путешественник Адам Олеарий отмечал, что русские монеты очень мелки и ими трудно вести торг (Олеарий, 1906. С. 127, 128). Петр I с ненавистью называл проволочные монеты «старыми вшами».

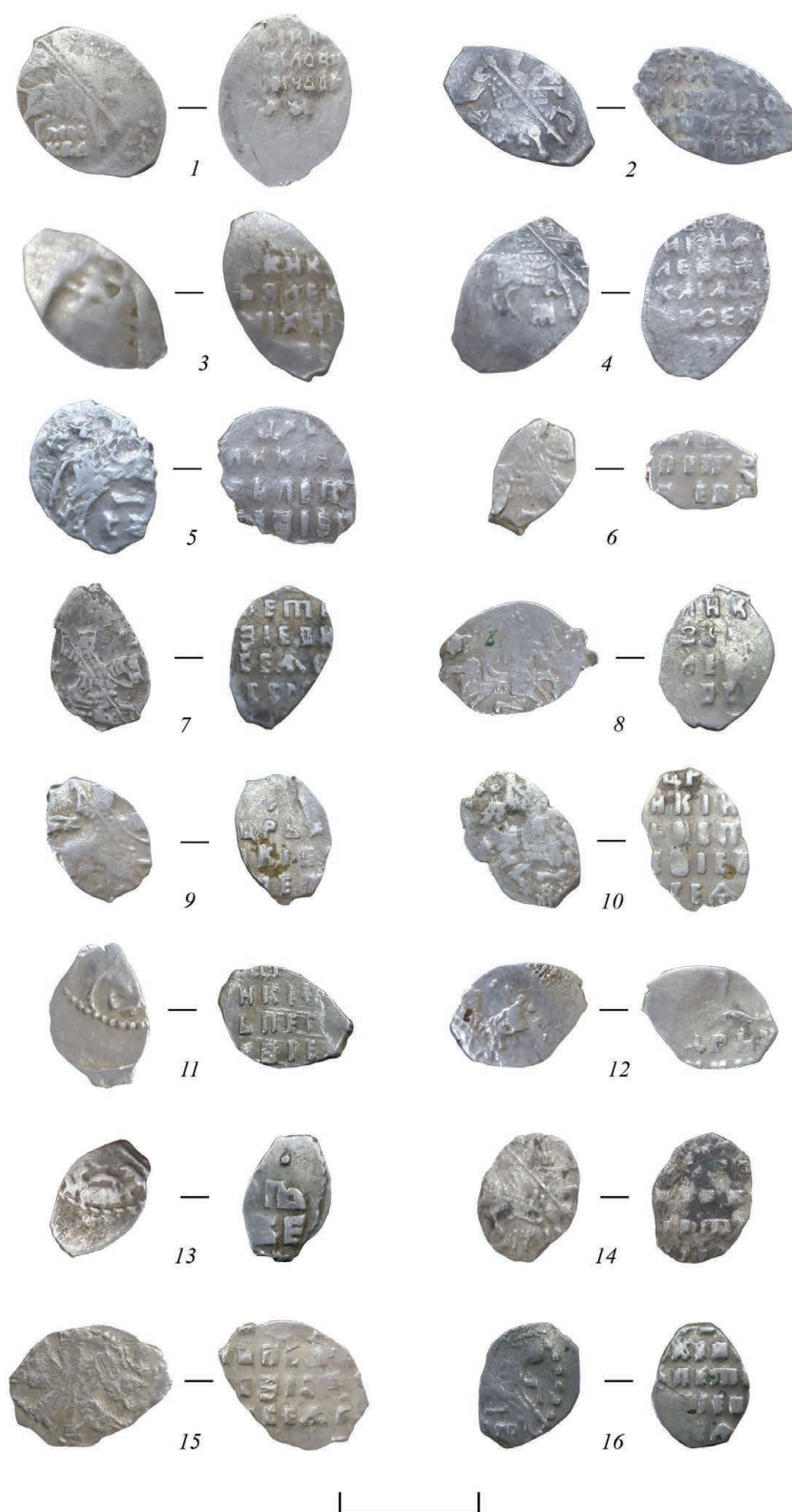

Рис. 4. Монеты из состава клада из археологических раскопок в Костроме в 2021 г.
Серебро

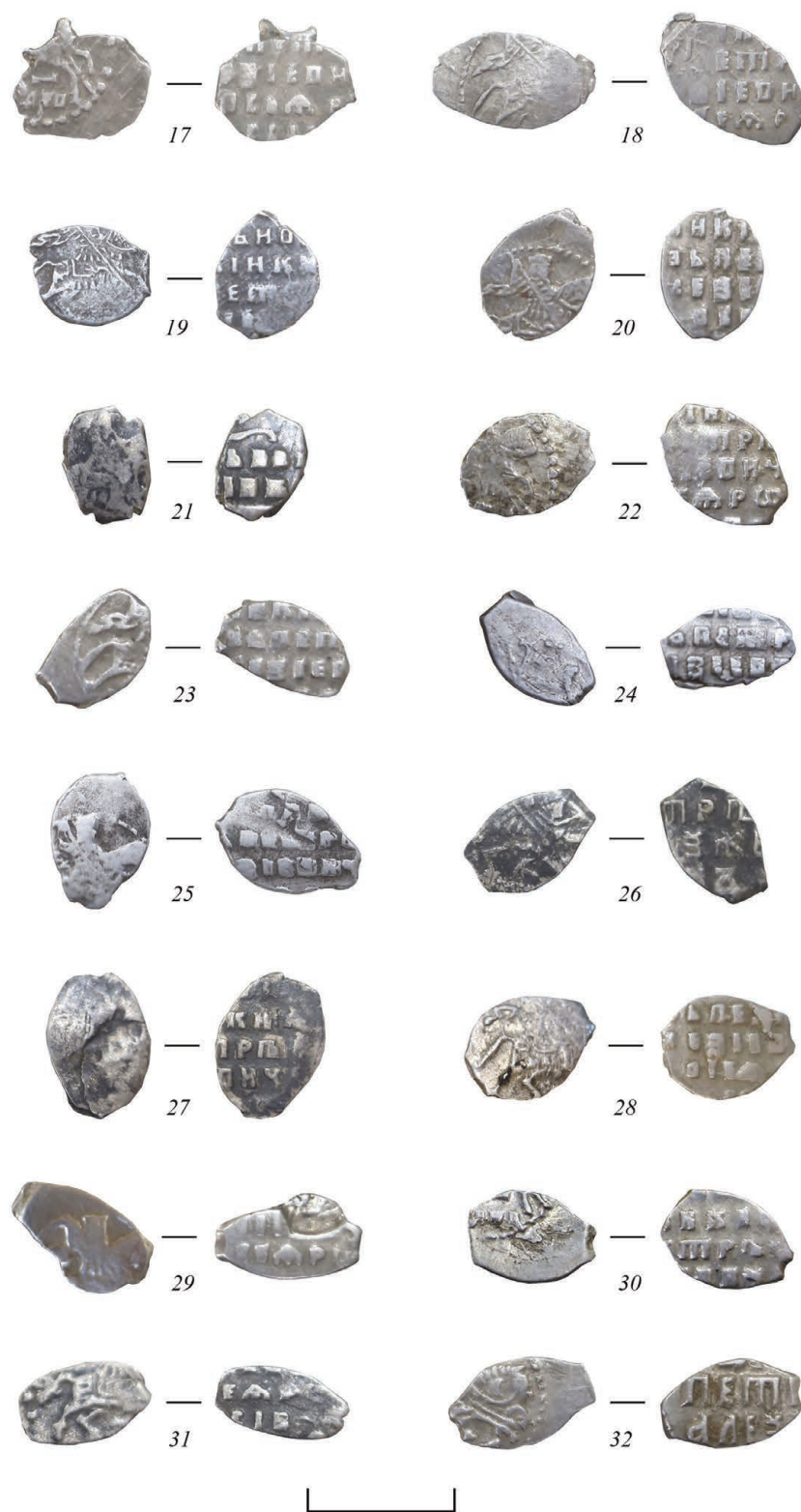

Рис. 5. Монеты из состава клада из археологических раскопок в Костроме в 2021 г.
Серебро

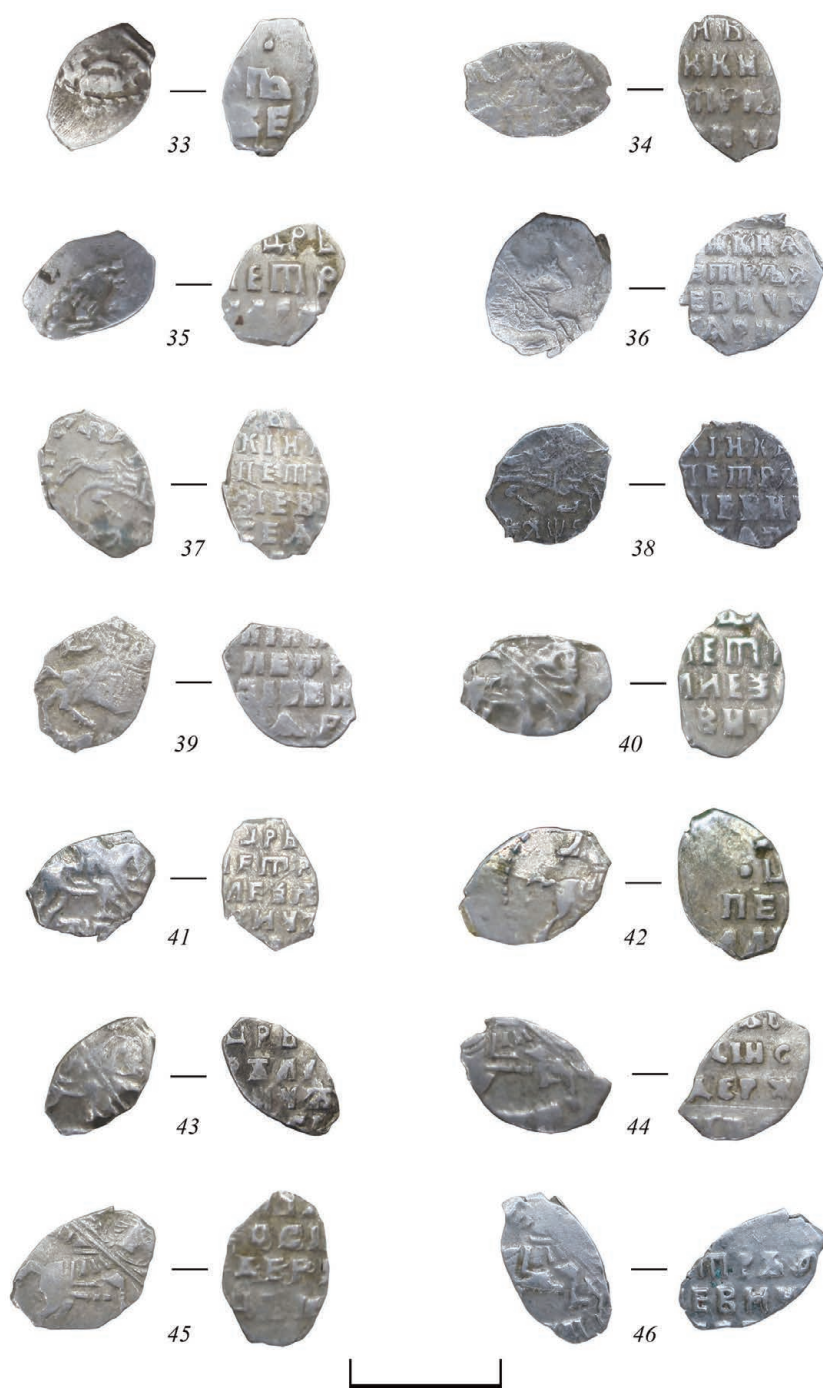

Рис. 6. Монеты из состава клада из археологических раскопок в Костроме в 2021 г.
Серебро

указывать, что значительную часть монет собрали в начале 1717 г., до того, как новые монеты еще массово не успели попасть в обращение. Это наблюдение позволяет осторожно предположить, что тезаврация капитала все же произошла в 1717 г.

Следует отметить, что 48 петровских копеек отчеканены на Старом денежном дворе и толь-

ко 8 на Кашаевском. В каталоге И. В. Гришина, В. Н. Клешинова и А. В. Храменкова часть графических реконструкций штемпелей Кашаевского двора датирована 1709–1717 гг., хотя в комментариях к таблицам время монетного производства проволочных монет в Кашаевской слободе ограничено 1709–1710 гг. (Гришин, Клешинов, Хра-

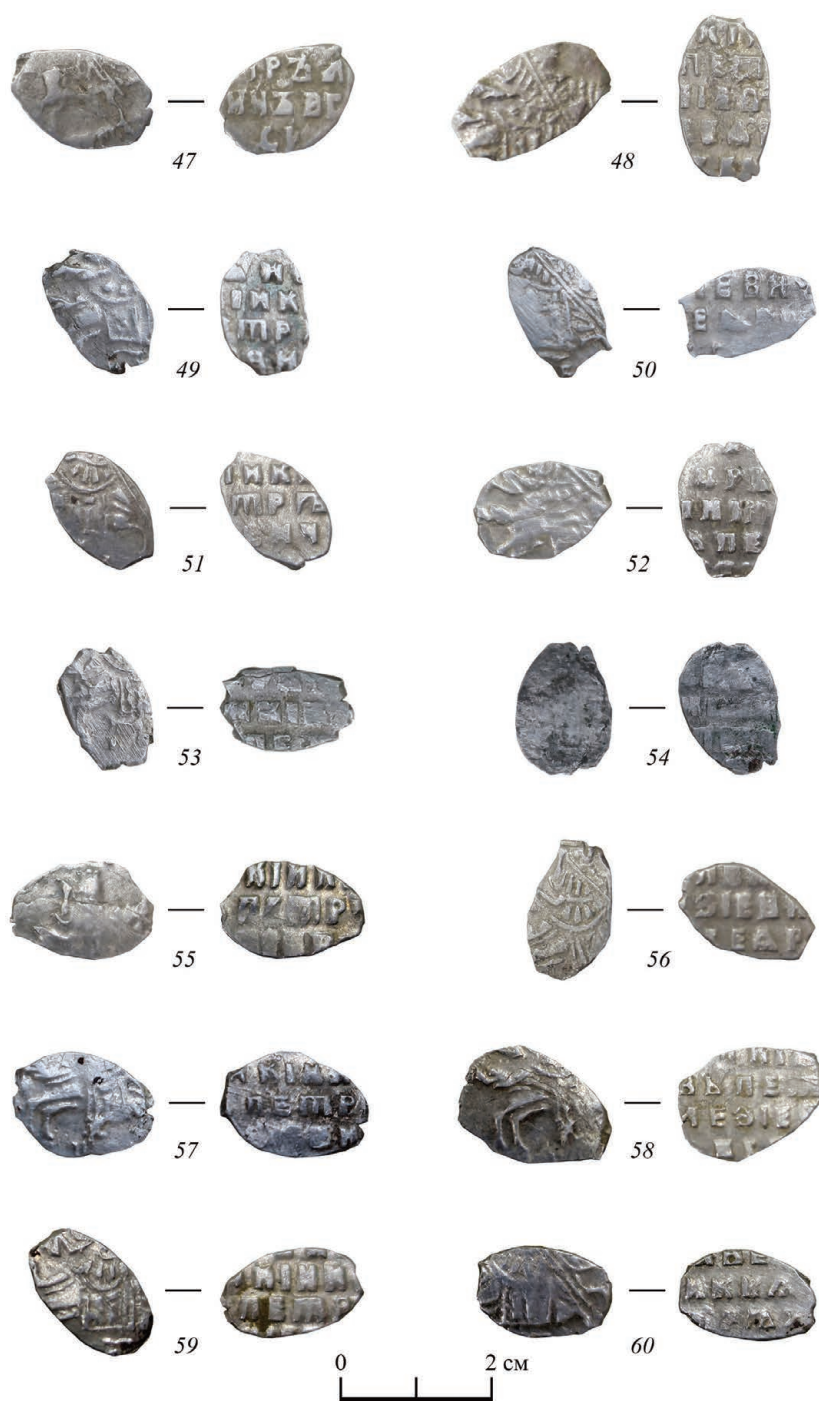

Рис. 7. Монеты из состава клада из археологических раскопок в Костроме в 2021 г.
Серебро

менков, 2015. С. 22, 227–238). С. В. Зверев в критическом комментарии к каталогу 2015 г. уточнил, что серебряные проволочные копейки на Кадашевском дворе перестали выпускать в 1711 г., а маточники и чеканы были переданы на Старый двор, где продолжали использоваться далее, сохраняя, за единственным исключением, автоном-

ность (Зверев, 2016. С. 187, 188). К сожалению, в издании 2021 г. уточнение о времени выпуска копеек на Кадашевском дворе внесено не было (Гришин, Клецинов, Храменков, 2021. С. 21, 230–241).

Создание научной систематизации русских монет XVI–XVII вв. позволило уточнить датировку

конкретных типов монет¹⁰ и вместе с тем верно определить период тезаврации кладов. Во многом это способствовало отходу от традиционной связи сокрытия депозитов с какими-либо катаклизмами. С середины прошлого века в отечественной историографии превалировало мнение, что клад – «...это как бы моментальный снимок древнего денежного обращения, древней экономики, сделанный в день сокрытия...» (Спасский, 1957. С. 5–15; 1970. С. 12–18).

А. С. Мельникова пришла к выводу, что основную массу кладов XVI–XVII вв. следует классифицировать не как «сокровища»¹¹, а как монетные резервы, «отложенные деньги», продолжавшие составлять часть общего количества монетной массы, постоянно находящейся в обращении¹². Захоронение депозитов рассматривалось как обычный способ сбережения некоторых излишков денежных знаков, чтобы при первой необходимости потратить их. Монеты изымались из оборота, откладывались на не очень длительный срок (Мельникова, 1984. С. 153–162; 1989. С. 155, 156; 2003. С. 11).

П. В. Шувалов пришел к выводу, что на основе имеющихся материалов видна научная бессмысленность понятия «клад длительного накопления» (Шувалов, 1999. С. 379).

С подходом, исключающим возможность длительного накопления депозитов, не согласился А. В. Быков, представив на основании анализа группы кладов времени правления Михаила Федоровича комплексы длительного накопления (со значительным присутствием «старой» монеты в составе) и «оборотных капиталов», иначе называемых «моментальным снимком денежного обращения» (Быков, 1992. С. 8–10; 2001. С. 146).

На сегодняшний день изучение структуры кладов в контексте данных о повседневном денежном

обращении XVI–XVIII вв.¹³ позволяет с высокой степенью надежности выделить депозиты с длительной историей накопления, а также комплексы, составленные в результате единовременного изъятия из обращения и последующего укрытия определенного количества денежной массы (Рязанцева, 1997. С. 76, 77; Мельникова, 1998. С. 88–121; Зайцев, 2016. С. 238–244; 2019. С. 257; Горлов и др., 2017. С. 211–236; Горлов, Рожнова, 2018. С. 149–157). Различные пути формирования депозитов следует рассматривать как результат деятельности конкретных людей под воздействием исторических реалий своего времени.

Одна из задач, встающих перед исследователями при работе с кладами, заключается в установлении социального облика их возможных владельцев. Ответ на этот вопрос можно получить в результате комплексного анализа размера сокрытой суммы, исторической топографии места находки, времени тезаврации, социально-бытовых условий жизни населения, исторической обстановки в момент сокрытия и особенностей структуры депозитов (Мельникова, 2003. С. 94). В результате такого подхода были выделены группы кладов, характерных для крестьян, ремесленников, служилых людей по «отечеству» и «прибору», торговых людей, монашеской братии. Глубокое изучение исторической топографии депозитов порой позволяет отыскать конкретные исторические лица, которым могли принадлежать укрытые капиталы (Мельникова, 2005. С. 261–264; Цуканов, 2017).

На протяжении XVI–XVII вв. наблюдается тенденция к увеличению размеров кладов. Средняя сумма комплексов времени правления Ивана IV и Федора Ивановича варьируется от рубля до трех¹⁴. В царствование Бориса Годунова ве-

¹⁰ На подавляющем большинстве проволоочных монет даты чеканки отсутствуют. Только на продукции Новгородского и эпизодически Псковского денежных дворов, начиная с правления Федора Ивановича, ставился точный год выпуска. Чеканка монет в Новгороде и Пскове прекратилась в 1627 г. и возобновилась снова с 1655 по 1663 г. (Мельникова, 1989. С. 175, 220–223). На московских монетах, преобладающих в русском денежном обращении на протяжении XVII в., дата выпуска не указывалась до 1696 г. (Дуров, 1980. С. 9).

¹¹ Функцию сокровищ выполняли земельные владения, движимое и недвижимое имущество, драгоценности, «мягкая рухлядь», а также иноземные монеты (Мельникова, 1989. С. 156).

¹² А. С. Мельникова указывает, что у тяглого населения деревни и города, составлявшего основную массу кладовладельцев, не было условий для накопления «избыточных», «лишних» денег.

¹³ Развитие в последние десятилетия охранной археологии и применение современных технических средств при исследовании культурного слоя позволили накопить крупные коллекции русских средневековых монет, обнаруженных в виде единичных находок или небольших скоплений в пределах городских или сельских поселений (Волков, 2017. С. 112–129; Лазарев, 2018. С. 201–209; Горлов, Михайлов, 2020. С. 216–231; Исаев, Волков, Гайдуков, 2021. С. 186–188). Именно единичные находки монет или их небольшие скопления, т.е. «оперативные деньги», намного лучше «кладов длительного накопления» отражают реальный состав денежного обращения, сложившийся в определенной местности в конкретное время (Волков, 2003. С. 35; Зайцев, Бадретдинов, 2019. С. 280).

¹⁴ Такая сумма оставалась крестьянам от продажи урожая и выплаты государственного налога (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 8).

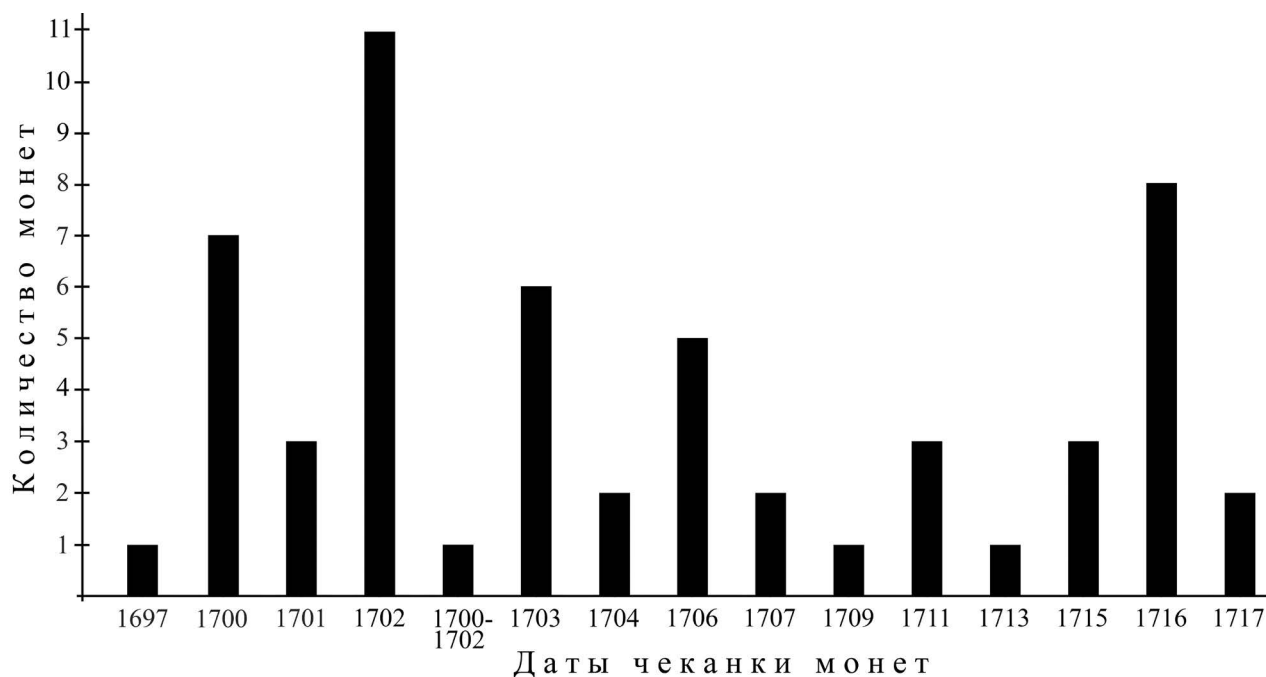

Рис. 8. Количественное распределение копеек Петра I по годам выпуска

личина скрываемых капиталов в среднем составляет шесть – десять рублей¹⁵. Кладовладельцами на этом этапе выступали крестьяне, жители торгово-ремесленных слобод, служилые люди по «прибору» и «отечеству». Большинство депозитов Василия Шуйского и Владислава Жигимонтовича составляют от четырех до девяти рублей. Их обладателями в основном принято считать служилых людей, продолжавших в условиях Смутного времени получать жалование в денежных единицах. Размер депозитов лет царствования Михаила Федоровича возрастает до 10–15 рублей. Здесь к традиционным кладовладельцам добавляется часть населения, занятая в возрастающем бюрократическом аппарате. Значительная доля депозитов могла принадлежать купцам¹⁶ (Мельникова, Дядченко, 1994. С. 8–17; Векслер, Мельникова, 1999. С. 84, 99, 103, 137, 160). Клады Петровского времени уменьшаются в размерах и составляют в среднем шесть – десять рублей (Максимов, 2013. С. 144). Отчасти это связано с тем, что

с конца XVII в. большинство владельцев сколько-нибудь крупных капиталов пыталось пустить их в финансовый оборот с возможностью извлечения прибыли, а не зарывать в землю (Мельникова, 1989. С. 227; Векслер, Мельникова, 1999. С. 171).

На этом фоне величина рассматриваемого комплекса из Костромы, составляющая всего 60 копеек, выглядит нетипичной для размера большинства кладов и подходит под критерии случайно потерянных кошельков. Однако такому определению находки противоречит ее обнаружение в небольшой углубленной в материк яме, вероятнее всего, специально вырытой для укрытия капитала. Также на намеренно отобранный и укрытый характер монет указывает их равное число – 60. Именно круглые суммы денег чаще всего встречаются в составе депозитов. В структуре случайно утерянного кошелька демократической прослойки населения, возможно, вместе с проволочными копейками могли находиться и медные монеты машинной чеканки, массово выпускаемые в оборот с 1700 г.¹⁷

¹⁵ Увеличение сумм было обусловлено падением ценности копейки и ростом цен на предметы первой необходимости, в том числе и на сельскохозяйственную продукцию (Скрынников, 1988. С. 39; Зайцев, 2016. С. 238; 2018. С. 181, 182).

¹⁶ Представители высшей социальной прослойки в обычных жизненных обстоятельствах в землю свои сокровища не зарывали. Кроме того, сами монеты-«чешуйки» плохо подходили на роль воплощения значительного благосостояния. Функцию сокровищ выполняли земельные владения, движимое и недвижимое имущество, драгоценности, «мягкая рухлядь», а также крупные иноземные монеты (Мельникова, 1989. С. 155, 156).

¹⁷ В составе комплексов, надежно атрибутированных как потерянные кошельки, зафиксированы как серебряные, так и медные монеты (Гайдуков, 1993. С. 70–72). При этом суммы, обнаруженные в таких комплексах, отличаются небольшой величиной и уступают костромской находке (Векслер, Петухов, 2005. С. 128; Гоняный, Зайцев, 2021. С. 432).

Определению костромской находки как случайно потерянного кошелька также противоречит достаточно крупная в контексте цен на товары и оплаты труда зафиксированная здесь сумма. Несмотря на значительную потерю веса, покупательная способность серебряной копейки в начале XVIII в. по-прежнему оставалась высокой. В системе денежного обращения в это время не хватало монет более мелкого, чем копейка, номинала, что привело к появлению разменного кризиса, сопровождавшегося вводом в оборот «сеченых» монет (разделенных на несколько частей) и различного рода суррогатов (*Юхт*, 1994. С. 12).

Нужно учитывать, что размеры депозитов Петровского времени, состоящие из проволоочных монет, очень разнообразны и не указывают на какую-либо схему их формирования. Крестьянское и часть городского населения России и в первой половине XVIII столетия в качестве средств хранения капиталов продолжали использовать традиционные серебряные «чешуйки», нежели неприличные «тарели», вес которых к тому же неоднократно уменьшался¹⁸. Количество кладов, состоящих из проволоочных монет, сокрытых в Петровское время, огромно и превышает их число в два предыдущих столетия. Увеличение количества депозитов в первой трети XVIII в. связано с изменением набора кладообразуемых стимулов вследствие серьезных социальных изменений, происходящих в России (*Смирнов*, 1992. С. 14, 15; *Мельникова*, *Дядченко*, 1994. С. 20). Большое количество кладов Петровской эпохи говорит как об их массовом сокрытии, так и значительной неустойчивости, связанной с высоким уровнем миграции и смертностью населения.

Структура костромского клада с доминированием монет двух хронологических групп – 1702 г. (времени наиболее массовых тиражей) и 1716 г. (близкого ко времени сокрытия комплекса) – указывает на отсутствие периода его длительного накопления с отбором образцов, например, повышенного веса¹⁹. Вероятно, капитал был разово сформирован из денежных знаков, находящихся на тот мо-

мент в обращении. Наличие здесь пяти копеек Михаила Федоровича и Алексея Михайловича не может указывать на их специальный отбор.

Проведенные в 2021 г. раскопки показали, что в месте обнаружения клада жилая застройка и активная хозяйственная деятельность в XVII–XVIII вв. не зафиксирована. Вероятно, монеты зарыты на слабо освоенной или не освоенной вовсе в это время территории, граничащей с застройкой села Городище, тяготеющей к краю коренной террасы (рис. 9).

Село Городище в XVII–XVIII вв. входило в состав Иванчужского стана Костромского уезда. Первым известным нам владельцем села был князь Иван Андреевич Хворостинин²⁰, кравчий Лжедмитрия I, неоднократно обвинявшийся в ереси и намерении бежать в Польшу. В конце своей жизни (в 1625 г.) князь принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре, в который и вложил Городище. Однако уже в 1626 г. село выкупил у монастыря за 200 рублей родственник покойного, князь Юрий Дмитриевич Хворостинин (*Вкладная книга...* 1987. С. 47).

Во второй половине XVII в. Городище значится центром вотчины боярского рода Морозовых в Иванчужском стане Костромского уезда. На начало 1660-х гг. селом владел боярин Глеб Иванович Морозов, младший брат знаменитого Б. И. Морозова, «дядьки», свояка и фаворита царя Алексея Михайловича, фактического правителя России в начальный период царствования своего воспитанника, богатейшего землевладельца страны (*Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.*, 1912. С. 41). Сам Глеб Иванович также был «дядькой» младших детей царя Михаила Романова и являлся крупным вотчинником, хотя и уступал своему брату в этом отношении более чем втрое (*Водарский*, 1975. С. 93). Как в центре вотчины, в Городище располагалась огороженная усадьба Морозовых («двор боярской»), включавшая в себя «хором» на три горницы и избу дьячка, стоявшую у ворот ограды (*Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.*, 1912. С. 41).

После смерти в 1671/72 г. бездетного сына Ивана Глебовича Морозова Городище было «отписано

¹⁸ В сводке депозитов, тезаврированных 1700–1756 гг. М. И. Смирновым, на конец 1987 г. зарегистрирован 91 клад с медными монетами и 231 с серебряными «чешуйками» (*Смирнов*, 1992. С. 14).

¹⁹ В данном случае имеются в виду монеты одного номинала, выпущенные на основании различных весовых нормативов. О сложности использования подобных денежных знаков в торговле говорят письменные источники, упоминающие применение при расчетах деревянных, нарочно сделанных для этого «машин», представляющих, вероятнее всего, рычажные весы (*Юхт*, 1994. С. 87; *Гулецкий*, *Петрухин*, 2017. С. 82, 83).

²⁰ Так как во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря не указана волость, к которой относилось село, а в материалах второй половины XVII в. неоднократно говорится, что Городище ранее было деревней, не исключено, что в ранних материалах речь идет о селе Диево-Городище, которое также было вотчиной Хворостининых (*Павлов*, 2018. С. 103. Прим. 656).

Рис. 9. План генерального межевания Костромского уезда Костромской губернии (1792 г.) с обозначением села Гордище и места современного участка работ по ул. Дачная, 22, 24 в г. Костроме
 А – село Гордище, участок работ 2021 г. и место обнаружения клада

на государя». Не ранее 1676 г., видимо, в связи с воцарением своего воспитанника, Федора Алексеевича, село в качестве поместья получает боярин Иван Богданович Хитрово (*Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И.*, 1912. С. 41). После смерти бездетного боярина (1682 г.) село переходит к довольно дальнему родственнику, стольнику Софрону Алферьевичу Хитрово (ум. в 1701 г.), а затем принадлежит его сыну Луке Софроновичу. Дата смерти Л. С. Хитрово неизвестна, в списке стольников он перестает упоминаться еще в 1701 г., но на тот момент он был еще жив, так как его второй сын Сергей родился в 1707 г. (Родословная книга... 1866. С. 120–122, 155, 156, 183). Старший сын и наследник Л. С. Хитрово, Яков Лукич, стал последним из Хитрово, который владел Городищем (*Зонтиков*, 2003. С. 35). Время вступления им во владение селом, как и время смерти его отца, нам неизвестно. Неясно также, принимал ли он какое-либо участие в жизни своего костромского поместья. Во всяком случае, в 1712–1716 гг. он проходил обучение в Москве, Санкт-Петербурге и Ревеле, а после зачисления во флот был послан для продолжения образования за границу, где находился до 1720 г. Закончил он свою карьеру в должности сенатора, а при выходе в отставку получил чин действительного тайного советника (1762 г.). После смерти бездетного Я. Л. Хитрово (1771 г.) село получила по наследству падчерица покойного, дочь его жены от первого брака, Екатерина Николаевна Лопухина, которая в 1782 г. вышла замуж за графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Дочь и единственная наследница четы Орловых, Анна Алексеевна, после смерти отца отказалась выходить замуж и умерла бездетной (1848 г.). После этого Городище, как и остальные владения графини А. А. Орловой, были взяты в казну (Родословная книга... 1866. С. 181–183; *Зонтиков*, 2003. С. 36). В 1932 г. Городище вошло в городскую черту (Памятники архитектуры, 1998. С. 90).

Таким образом, представленные обстоятельства позволяют считать найденный в Костроме в 2021 г. комплекс монет кладом, т. е. намеренно укрытой

суммой денег. Вероятно, тезаврация капитала произошла в начале 1717 г. из разово изъятой из обращения денежной суммы. Данные деньги могли быть получены после реализации какого-либо товара или в качестве оплаты за проделанную работу. Владелец депозита был небогатый человек, вероятно, крестьянин из села Городище, укрывший свои финансы в укромном незаселенном месте, но в небольшом удалении от своего двора.

Находки кладов в Костроме «царского периода» известны и ранее. Один из депозитов обнаружен в 1894 г. и содержал около 1700 монет Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Василия Шуйского (*Мельникова*, 2003. С. 111). Следующий кладовый комплекс был открыт в 1955 г. и состоял из 3177 монет эмиссии Ивана III, Ивана IV, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, Владислава Жигимонтовича и Михаила Федоровича (*Сотникова*, 1979. С. 118).

Единичные монетные находки, полученные в ходе археологических раскопок в Костроме на территории Торговых рядов в 2013–2015 гг. и 2017–2018 гг., ввели в научный оборот А. С. Лазарев и И. В. Волков (*Лазарев*, 2017. С. 158–165; 2018. С. 201–209; 2019. С. 19–30; *Лазарев, Волков*, 2017. С. 243–255). В основном эти коллекции представлены маленькими медными пулами XVI в., группой серебряных монет XVI–XVII вв., медными копейками Алексея Михайловича 1555–1663 гг. и серий мелких номиналов XVIII–XIX вв.

Обнаруженный в Костроме в 2021 г. клад является ценным источником, дополняющим картину местного денежного обращения на исходе второго десятилетия XVIII в. Обстоятельство обнаружения монет в небольшой яме выступило одним из ведущих факторов при их определении в качестве намеренно укрытых, а не потерянных денег. Его небольшой размер подтверждает сложную социально-экономическую обстановку в России в период петровских преобразований и указывает на необходимость укрытия в земле (традиционном, наиболее надежном хранилище) даже не очень крупных денежных сумм.

Литература

Быков А. В., 1992. Клады 30–40 гг. XVII века. Памятники нумизматики в музеях Вологодской области. Ч. II. Вологда: ЛиС. 200 с.

Быков А. В., 2001. «Обол Харона» русских кладбищ второй половины XVII – первой половины XVIII в. (на примере подъемного материала из Вологды) // Всероссийская нумизматиче-

ская конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вып. 9. СПб.: ГЭ. С. 145–146.

Векслер А. Г., Мельникова А. С., 1999. Российская история в московских кладах. М.: Жираф. 272 с.

Векслер А. Г., Петухов С. П., 2005. Монетные находки из раскопок Манежа в Москве // Всерос-

сийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вып. 13. М.: Альфа-принт. С. 126–128.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987. 493 с.

Водарский Я. Е., 1975. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М.: Наука. С. 70–107.

Волков И. В., 2003. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // *Древняя Русь: вопросы медиевистики.* Вып. 2 (12). М.: Индрик. С. 35–43.

Волков И. В., 2017. Монеты и свинцовые пломбы из археологических раскопок 2016 года на Софийской набережной в Москве // *Археология русского города.* Вып. 1. М.: САБ. С. 112–129.

Гайдуков П. Г., 1993. Медные русские монеты конца XIV – XVI в. М.: Наука. 300 с.

Гоняный М. И., Зайцев В. В., 2021. Два монетных комплекса XVI в., обнаруженных на селище Спас-Купля 1 в Новой Москве // *Средневековая нумизматика Восточной Европы.* Вып. 9. СПб.: Контраст. С. 420–436.

Горлов К. В., Григорьева Н. В., Лапшин А. А., Травкин С. Н., 2017. Клад русских средневековых монет из Ладожской каменной крепости // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2017. Вып. 6. С. 211–233.

Горлов К. В., Михайлов К. А., 2020. Нумизматические и сфрагистические находки с Ржевского городища «Соборная гора» (по материалам работ ИИМК РАН в 2019 г.) // *Археологические вести ИИМК РАН.* Вып. 27. СПб.: ИИМК РАН. С. 216–231.

Горлов К. В., Рожнова О. В., 2018. Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье // *Записки ИИМК РАН.* Вып. 18. СПб.: ИИМК РАН. С. 149–157.

Гришин И. В., Клешинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт. 629 с.

Гришин И. В., Клешинов В. Н., Храменков А. В., 2021. Каталог русских средневековых монет с правления Ивана Грозного до правления Петра Великого. М.: Леопарт. 880 с.

Гулецкий Д. В., Петрунин К. М., 2017. Русские средневековые монеты. М.: Внешторгиздат. 660 с.

Дуров В. А., 1980. Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII – начале XVIII в. // *Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв.* Нумизматический сборник. Ч. 7. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 53). С. 7–36.

Зайцев В. В., 2016. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М.: МБА. 304 с.

Зайцев В. В., 2018. Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // *Нумизматические чтения ГИМ 2018 года.* Материалы докладов и сообщений. М.: ГИМ. С. 179–184.

Зайцев В. В., 2019. О кладе монет с полуполтинами 1654 г. из Смоленской области // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики.* Вып. 6. М.: РИА Внешторгиздат. С. 254–263.

Зайцев В. В., Бадретдинов Н. Н., 2019. Комплекс пул конца XV в. из Ярославской области // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики.* Вып. 7. Тула: Брис-Принт. С. 280–283.

Зверев С. В., 2005. К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. // *Нумизматика и эпиграфика.* № XVII. М.: Восточная литература. С. 219–257.

Зверев С. В., 2015. Службы гостей и членов Гостиной сотни на денежных дворах в конце XVII в. // *Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений.* Вып. 18. М.: Триумф принт. С. 185–187.

Зверев С. В., 2016. Заключительный этап чеканки серебряных копеек в 1711–1718 гг. // *Нумизматические чтения ГИМ 2016 года.* Материалы докладов и сообщений. М.: ГИМ. С. 186–192.

Зверев С. В., 2017. Техника изготовления маточников для серебряных копеек мастером Д. А. Вороновым в конце XVII – XVIII в. // *Нумизматические чтения ГИМ 2017 года.* Материалы докладов и сообщений. М.: РИА Внешторгиздат. С. 219–222.

Зверев С. В., 2019. Изменение весовых норм чеканки медных монет Петра I // *Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования.* Вып. 2. СПб.: Гознак. С. 53–61.

Зверев С. В., 2020. «Старые деньги» как сорт серебряного сырья для денежного дела в конце XVII – начале XVIII в. // *Нумизматические чтения ГИМ 2020 г.* Материалы докладов и сообщений. М.: ГИМ. С. 202–205.

Зонтиков Н. А., 2003. Церковь пророка Божия Илии на Городище в Костроме. К 350-летию возведения в камне, 1652–2002 гг. Кострома: ФГУИПП «Кострома». 137 с.

Исаев А. А., Волков И. В., Гайдуков П. Г., 2021. Нумизматические находки из раскопок в Твери на ул. Новоторжской в 2019–2020 гг. // *Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений.* Вып. 21. Тверь: Тверская фабрика печати. С. 186–188.

- Клецинов В. Н., Гришин И. В., 1992. Определитель лицевых сторон проволочных копеек царя Петра Алексеевича. М.: Ирубис. 37 с.
- Краснов Р. В., 2015. Проект мастера Кадашевского двора Никиты Толмачева 1706 года // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вып. 18. М.: Триумф принт. С. 188–190.
- Курц Б. Г., 1915. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. И. Чоколова. 624 с.
- Лазарев А. С., 2017. Находки медных тверских пул в г. Костроме на раскопе «Мелочные ряды I» в 2014–2015 гг. // ТТЗ. Вып. 10. Тверь: ТНИИР-Центр. С. 158–165.
- Лазарев А. С., 2018. Нумизматические материалы из раскопа «Мелочные ряды II» на территории Гостиного двора (Красных рядов) в Костроме в 2015–2016 гг. // Археология русского города. Вып. 2. М.: САБ. С. 201–209.
- Лазарев А. С., 2019. Археологические исследования 2017–2018 гг. на территории Торговых рядов в г. Костроме (раскоп «Мясные ряды»): предварительное сообщение // Археология русского города. Вып. 3. М.: САБ. С. 19–30.
- Лазарев А. С., Волков И. В., 2017. Нумизматические материалы из раскопок 2013–2015 годов на территории Красных рядов в Костроме (раскоп «Мелочные ряды I») // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 243–255.
- Максимов А. В., 2013. Клад петровского времени из Гаврилов-Ямского района // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вып. 17. М.: Триумф принт. С. 143–144.
- Мельникова А. С., 1984. К вопросу о социально-экономической природе и источниковедческом значении монетных кладов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука. С. 153–162.
- Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Великого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика. 318 с.
- Мельникова А. С., 1998. Служилые люди Василия Шуйского по данным монетных кладов // Очерки феодальной России. Вып. 2. М.: УРСС. С. 88–122.
- Мельникова А. С., 2003. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: Юнона-монета. 200 с.
- Мельникова А. С., 2005. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М.: Стрелец. 320 с.
- Мельникова А. С., Дядченко О. С., 1994. Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступивших в Государственный исторический музей после 1966 г. М.: ГИМ. 112 с.
- Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А. С. Суворина. 528 с.
- Павлов А. П., 2018. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб.: Дмитрий Буланин. 784 с.
- Памятники архитектуры Костромской области. 1998. Вып. 1. Ч. 3. Кострома: Админ. Костромской обл. 160 с.
- Потин В. М., 1993. Монеты. Клады. Коллекции. СПб.: Искусство. 303 с.
- Родословная книга рода Хитрово. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1866. 409 с.
- Рязанцева Т. В., 1997. Клад времени Михаила Федоровича из коллекции Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вып. 5. М.: ГИМ. С. 76–77.
- Сборник указов по монетному и медальному делу в России с 1649 по 1881 г. СПб.: Изд. великого князя Георгия Михайловича, 1887. 658 с.
- Скрынников Р. Г., 1988. Россия в начале XVII в. «Смута». М.: Мысль. 283 с.
- Смирнов М. И., 1992. Значение находок кладов с медной монетой XVIII столетия для изучения социально-экономической истории России // Нумизматический сборник. Вып. 2. М.: Московское нумизматическое общество. С. 13–20.
- Сотникова М. П., 1979. Материалы к топографии находок русских монет XIV–XX веков, зарегистрированные в Эрмитаже в 1948–1974 годах // Русская нумизматика XI–XX вв. Материалы и исследования. Л.: Аврора. С. 104–154.
- Спасский И. Г., 1955. Денежное обращение в Московском государстве // МИА. № 44. М.: АН СССР. С. 214–354.
- Спасский И. Г., 1957. Русская монетная система. М.: Учпедгиз. 122 с.
- Спасский И. Г., 1970. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л.: Аврора. 256 с.
- Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И., 1912. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Вып. 5. М.: Губернская тип. 235 с.
- Цуканов Л. Н., 2017. Клад Василисы, вдовы Арсеньевой. Монеты и история. М.: Рипол. 96 с.

Ширяков И. В., 2013. О начале медной чеканки на Кадашевском монетном дворе // Нумизматические чтения ГИМ 2013 года. Материалы докладов и сообщений. М.: Триумф принт. С. 242–247.

Шувалов П. В., 1999. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести ИИМК РАН. Вып. 6. СПб.: Дмитрий Булавин. С. 374–403.

Юхт А. И., 1986. Передел мелкой серебряной монеты в крупную (из истории денежного обращения в России в 20-х – 50-х гг. XVIII в.) // Новые нумизматические исследования. Нумизматический сборник. Ч. 9 (Тр. ГИМ. Вып. 61). М.: ГИМ. С. 26–43.

Юхт А. И., 1994. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика. 336 с.

K. V. Gorlov, O. V. Novikova, A. V. Novikov

Hoard of Russian silver coins of the Peter's time from Kostroma

Summary

In 2021, a hoard of silver coins was discovered in the city of Kostroma, consisting mainly of Peter I's kopecks. Probably, the time of the thesaurus of the deposit should be attributed to 1717. The hoard is a valuable

source that completes the picture of local money circulation at the end of the second decade of the 18th century. Its small size confirms the difficult socio-economic situation in Russia during the period of the Petrine reforms.

Е. И. Рузаева, М. А. Курицын

Институт археологии РАН, Москва

Клад серебряных монет XVI – начала XVII века из раскопок 2020 года в Троице-Сергиевой лавре¹

Подмосковная экспедиция Института археологии РАН (руководитель А. В. Энговатова) ведет масштабные археологические исследования на территории Троице-Сергиевой лавры (г. Сергиев Посад, Московская обл.) с начала 2000-х годов. С 2014 г. охранные археологические работы проводятся на территории Московской духовной академии (в северной части монастыря). Исследования последних лет связаны с программой модернизации наружных инженерных сетей монастыря. Спасательные археологические раскопки 2020 г. проводились под руководством О. В. Двуреченского, М. А. Курицына, С. А. Зоца, Е. П. Зоца, А. Л. Высоцкого.

В 2020 г. на участке к северу от Царских чертогов был заложен шурф 4. Участок представляет собой треугольный в плане двор, ограниченный зданиями чертогов, академической столовой и библиотеки. До организации здесь духовных учебных заведений эта территория относилась к комплексу царского дворца (рис. 1).

Первые монеты из публикуемогоклада обнаружены в юго-западном профиле шурфа. С целью расчистки этой находки была осуществлена прирезка площадью 70×60 см. Компактное скопление монет (индивидуальная находка № 7) зафиксировано на уровне -144 см (124 см от дневной поверхности, 30–40 см выше материковой поверхности), в слое серого суглинка с примесью древесного тлена, щепы и углей. Его максимальные размеры в плане составили 48×46 см. Возможно, уклада имелась упаковка из органического материала, но никаких ее следов не сохранилось. Ниже прослежен истлевший деревянный настил (объект

585). Бревна были уложены по направлению север – юг, они прослеживались с отметки -145 см, с небольшим уклоном к северу до -149 см. Максимальные размеры сохранившейся части настила составили 105×92 см (рис. 2; 3).

Стратиграфически вышеклада располагался также слой серого суглинка с примесью древесного тлена, щепы и углей (вероятно, горизонт расчистки территории монастыря после Смутного времени). Слой мощностью от 2 до 8 см фиксировался с отметки -133 см, с небольшим уклоном к юго-востоку до -137 см. В основании слоя, на отметке -138 см, находилась линза древесного тлена размером 39×3 см.

Комплекс состоит из 89 серебряных проволочных монет (табл. 1²). Общая сумма денежных средств в кладе составляет 84 копейки (79 копеек и 10 денег) (рис. 4).

Наиболее ранними из них являются монеты Ивана IV Грозного, выпущенные в период между началом денежной реформы Елены Глинской (1535 г.) и венчанием на царство (1547 г.) – 12 экземпляров. В эту группу входят монеты номиналом денга с изображением всадника с саблей и легендой «Князь великий Иван», чеканенные в Москве (6 экз.) и Твери (2 экз.), а также анонимные копейки с условным изображением всадника с копьем и легендой «Князь великий государь всея Руси», чеканенные в Пскове (с буквой А под конем, 2 экз.) и Новгороде (без знака под конем, 2 экз.)

Почти столько же монет – 11 экземпляров – принадлежат к периоду правления Ивана IV после принятия царского титула. Среди них преобладают копейки; московская денга с легендой

¹ Большую помощь в атрибуции монет оказал сотрудник ГИМ В. В. Зайцев, которому выражаем здесь свою глубокую благодарность.

² Таблицу 1 см. после английского резюме.

«Царь и князь великий Иван» и буквами ДЕ под конем – всего одна. Новгородские копейки с буквами ПС (2 экз.), псковские с буквами ГР (3 экз.), с/МН (4 экз.) относятся к наиболее распространенным монетам Ивана Грозного. Еще одна псковская копейка, судя по типу реверса, имела буквенное обозначение с/ВАЯ либо ВАЯ (по нашему мнению, скорее первое), большая часть которого не попала на монетную пластину. Изображение всадника с копьём, с трех- либо пятилучевой короной на голове становится более тщательно проработанным и реалистичным.

Меньшим количеством монет в составеклада представлены правления Федора Ивановича – три экземпляра (одна московская и две псковские копейки) и Бориса Годунова – восемь. Половину от общего числа копеек Бориса Федоровича составляет один из самых массовых московских типов (КГ 173), на котором венец на голове всадника ближе к шапке Мономаха, чем к традиционному изображению короны. По сторонам всадника помещены буквы Б и О, под конем – монограмма Мо, выполненная вязью. Кроме этого, имеется новгородская копейка с датой РАІ – [7]111 г. (1603 г.) и три псковские копейки: две с обозначениями ПСРЗ – Псков, [7]107 г. (1598/99 г.) и одна – ПС.

Все бурные перипетии Смутного времени отразились в исследуемом комплексе, включающем выпуски Лжедмитрия I (1 экз.), Василия Шуйского (5 экз.), Новгорода периода шведской оккупации (1 экз.), Владислава Жигимонтовича (1 экз.), Второго земского ополчения. Для штемпеля аверса псковской копейки Лжедмитрия I использован старый маточник с буквами ПС, изготовленный в конце правления Бориса Годунова, а особенности написания букв легенды реверса «Царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси» выдают привычку мастера к латинскому шрифту. Для московских копеек начала правления Василия Шуйского также применялся старый маточник конца правления Бориса Годунова без знака под конем. В обоих случаях это свидетельствует о стремлении нового правительства наладить выпуск собственных монет как можно скорее.

Все монеты Василия Шуйского из комплекса чеканены в Москве. Одна копейка (КГ 249) относится к первому выпуску монет этого царя в 1606 г., три – к очень многочисленному типу 1607 г. (КГ 252). Штемпель аверса пятой копейки (КГ 257) переведен с нового маточника без знака под конем, выполненного уже при Василии Шуйском, в 1607 г.

В это время неоднократно происходило снижение весовой нормы копейки, обусловленное эконо-

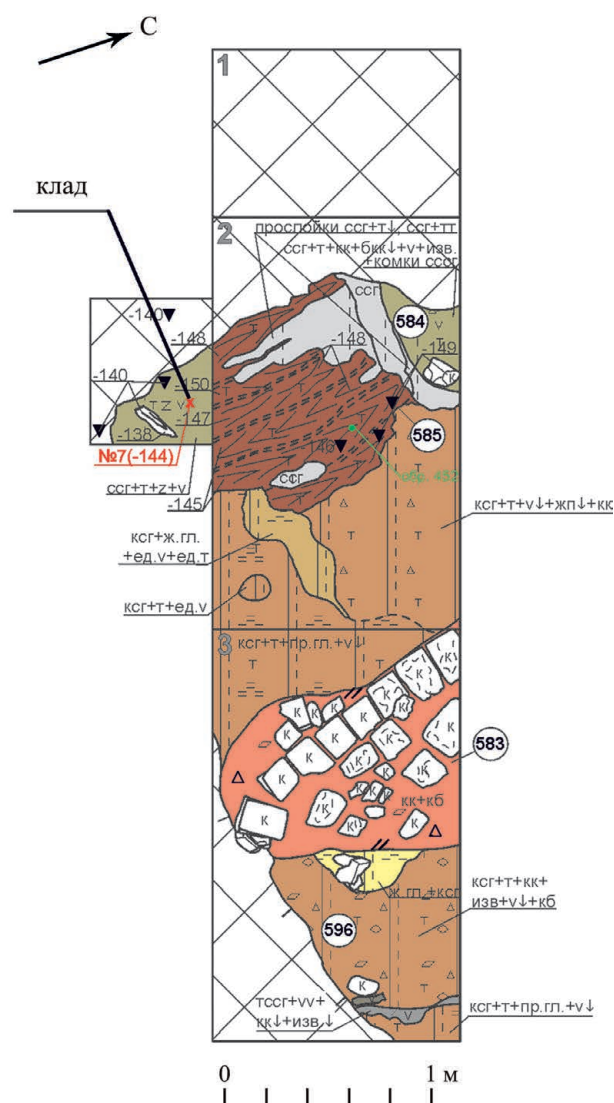

Рис. 2. Место обнаружения клада на плане шурфа 4 (2020 г.)

мическим кризисом, наряду с кратковременными попытками возвращения к прежним стандартам как символу государственного порядка. Так, в течение недолгого номинального правления Владислава, сына польского короля Сигизмунда III (Владислава Жигимонтовича в русском написании), копейки выпускались по четырем весовым нормам: 0,68 г, 0,60 г, 0,51 г, 0,42 г. (Мельникова, 1989. С. 116–118). Отсутствие единого стандарта и пестрота в денежном обращении подталкивали к повышению прибыли от эксплуатации монетной реглации путем выпуска легковесных монет. По такому пути пошла шведская администрация в Новгороде, не присягнувшем королевичу Владиславу и занятом шведскими войсками в 1611 г. мирным путем согласно Выборгскому договору, заключен-

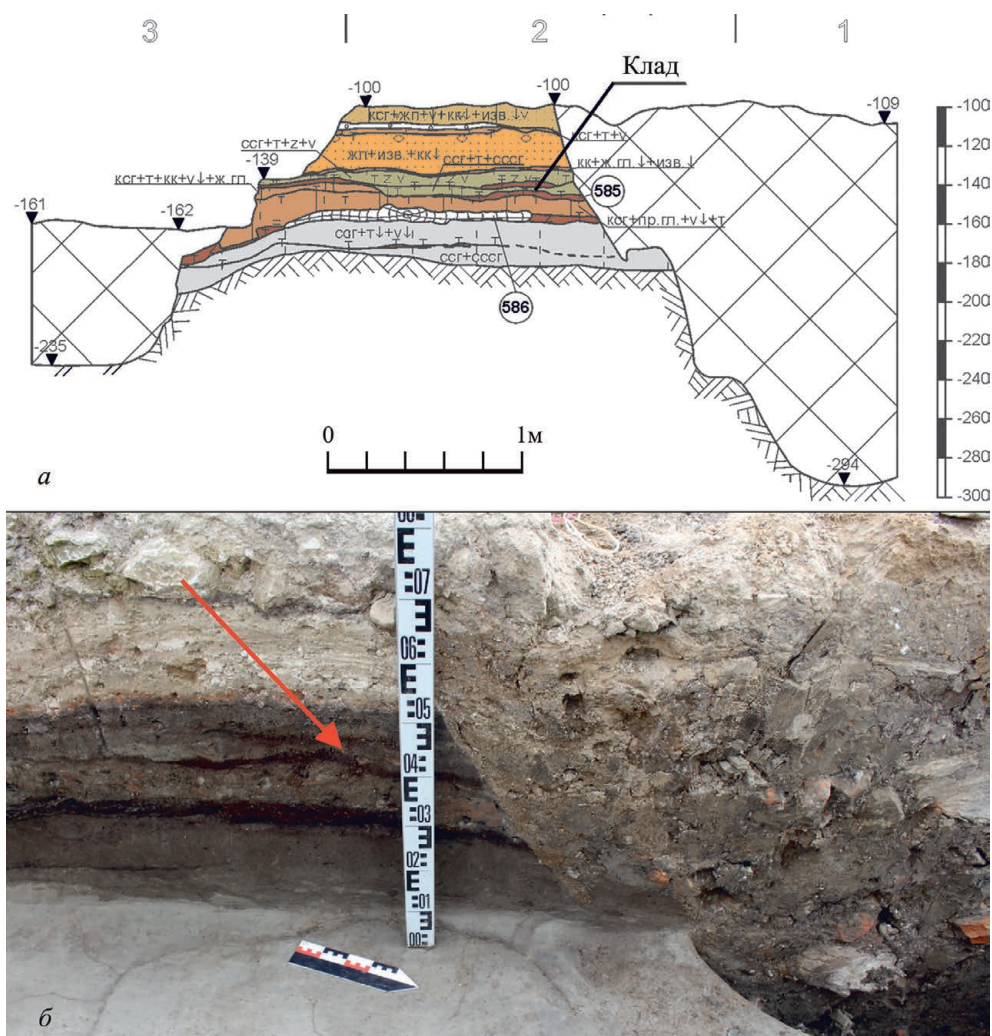

Рис. 3. Юго-западный профиль шурфа 4 (2020 г.) с указанием места обнаружения клада.
Чертеж (а) и фото фрагмента профиля (б)

ному с царем Василием Шуйским. Получив в распоряжение монетный двор с налаженным производством и оборудованием, шведы продолжили чеканку копеек с использованием пары маточников 1610 г., изготовленных при Василии Шуйском. На датированном лицевом маточнике допущена ошибка: вместо РНІ – [7]118 г. – под конем помещены буквы РН. Объем чеканки этих монет в 1610 г. по норме 0,64 г был небольшим, основная их масса выпущена в последующие годы с постепенным понижением веса с 0,57 г до 0,48 г.

Копейка с именем Владислава Жигимонтовича отчеканена в Москве. После занятия Кремля и Китай-города поляками Московский денежный двор продолжал работать под их контролем, но объем монетного производства сильно сократился из-за недостатка серебряного сырья. Этим объясняется относительная редкость монет Владислава.

Сначала использовались два лицевых маточника времени Василия Шуйского, затем был изготовлен новый, также без знака под конем. Он применялся для самого обильного типа копеек Владислава (КГ 296), к которому относится и данный экземпляр.

Противостоящее интервентам Первое земское ополчение испытывало постоянную нехватку денег для выплаты жалования, что стало одной из причин его распада. Второе земское ополчение, созданное в Нижнем Новгороде, чтобы решить эту проблему, помимо добровольных пожертвований прибегало к принудительным сборам средств и займам. В феврале 1612 г. ополчение перебазировалось в Ярославль, где вскоре был создан денежный двор. Чеканка монет стала способом решения как экономических, так и прокламативных задач. Поскольку общепризнанной кандидатуры нового царя на момент начала работы Ярославского

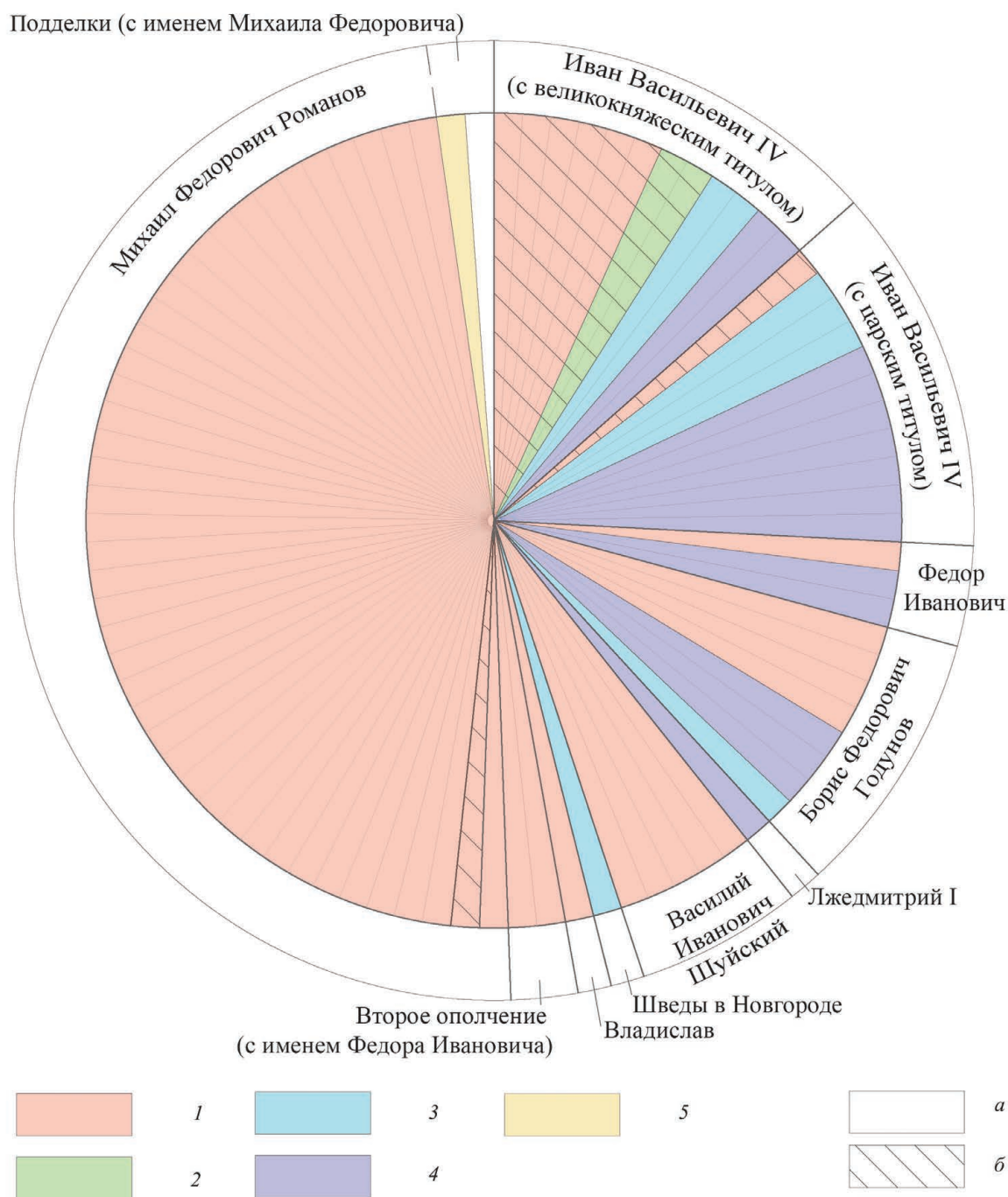

Рис. 4. Количественное соотношение монет различных правлений и монетных дворов в кладе 2020 г. из Троице-Сергиева монастыря
a – копейка; *б* – денга. Монетные дворы: 1 – Москва; 2 – Тверь;
 3 – Великий Новгород; 4 – Псков; 5 – Ярославль

денежного двора не было, на монетах помещено имя Федора Ивановича – последнего представителя династии Рюриковичей, право которого на престол никем не подвергалось сомнению. Однако возвращение к традициям не распространилось на весовую норму этих монет, которая была ниже, чем

в конце XVI в. Впрочем, их нельзя рассматривать как имитации монет Федора Ивановича, поскольку они были оформлены иначе и отмечены знаком нового денежного двора: с/ЯР, что являлось своего рода декларацией власти и финансовых возможностей ополчения (Мельникова, 1989. С. 124, 125).

В августе 1612 г. совместными силами Первого и Второго ополчений Кремль и Китай-город были взяты в осаду, а в конце октября поляки сдались. Во время осады и сразу после нее правительство воевод Трубецкого и Пожарского нуждалось в значительных средствах на выплату жалования казакам и земской рати, которые не мог обеспечить один Ярославский денежный двор, его производительность была для этого недостаточна. Московский денежный двор в период осады был недоступен, а после ее завершения оказался в настолько разоренном состоянии, что не мог сразу включиться в работу. Поэтому осенью 1612 г. в Москве для нужд ополчения создали Временный денежный двор, необходимость в котором отпала после возвращения контроля над основным московским двором и его восстановления. Его продукция довольно многочисленна, но отличается небрежностью исполнения, широким разбросом в весе. На аверсе под конем помещен знак Московского двора в виде монограммы Мо вязью; легенда реверса «Царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии». В составе комплекса имеются две такие копейки, выпускавшиеся с ноября 1612-го по февраль 1613 г.

С марта 1613 г. все государственное дело-производство, включая чеканку монет, ведется от имени Михаила Федоровича Романова, нового законного царя, избранного Земским собором. Ярославский денежный двор вскоре закрыли; основной Московский двор включился в работу осенью 1613 г. Первый период чеканки монет Михаила Федоровича, по-видимому, связан с московским Временным двором: использовался старый лицевой маточник с монограммой Мо вязью и два новых, с буквой М и без знака под конем, выполненные в грубой манере; наиболее частая легенда реверса «Царь и великий князь Михало Федорович всеа Руси». К последнему типу принадлежит одна из монет клада (№ 1400/11). А. С. Мельникова относил все выпуски Временного двора, как с именем Федора Ивановича, так и с именем Михаила Федоровича, к монетам Второго земского ополчения, однако отмечала, что формально днем окончания истории ополчения и правительства Трубецкого и Пожарского считается 25 февраля 1613 г. (Мельникова, 1989. С. 132).

Большая часть монет комплекса выпущена в Москве во второй период эмиссии при Михаиле Федоровиче – 42 копейки и 1 денга. Восстановленный Московский денежный двор тогда заработал в полную силу, объем его продукции был сопоставим с объемом чеканки при

Иване Грозном. Новые лицевые и оборотные маточники, в отличие от предшествующего периода, выполнены тщательно, на высоком художественном и техническом уровне. Они отличаются разнообразием в прорисовке коня и всадника, а также в обозначениях денежного двора: под конем помещается либо полностью слово «Москва» в различных вариантах его разбивки на две строки, либо сокращения МО, М, монограмма Мо вязью. Не было единой нормы и для написания имени царя в легенде реверса, использовались варианты «МИХАИЛО», «МИХАИЛО», «МИХАИЛО», «МИХАИЛО», «МИХАИЛ», «МИХАИЛЪ», «МИХАИЛЪ»; часто встречается написание буквы А как Я. Отчество царя писалось как «ФЕДОРОВИЧЪ», «ФЕДОРОВИЧЪ», «ФЕДОРОВИЧ», «ФЕДОРОВИЧ» или «ФЕДОРОВИЧЪ», «ФЕДОРОВИЧЪ».

Комплекс содержит по несколько экземпляров копеек каждого года от 1614-го до 1619-го (согласно систематизации А. С. Мельниковой). Монет официальных выпусков, чеканенных после 1619 г., не отмечено; характерно и отсутствие монет Новгородского и Псковского денежных дворов. Новгородский двор начал выпускать монеты с именем Михаила Федоровича в 1617 г., регулярная работа Псковского двора возобновилась примерно в это же время; их мощность была несопоставимо меньше, чем Московского. Очевидно, немногочисленные новгородские и псковские монеты к моменту сокрытия клада не успели еще распространиться по стране в процессе денежного обращения.

Преобладающим номиналом монет Михаила Федоровича является копейка; по количеству однотипных монет преобладают распространенные типы ГК 331 – девять экземпляров, ГК 406 – семь, ГК 340 и 396 – по пять экземпляров. Мелкие номиналы представлены единственным экземпляром денги с краткой легендой «Великий князь Михаил» (ГК 697); это наиболее редкая монета Михаила Федоровича в составе комплекса.

Наконец, две легковесные копейки с именем Михаила Федоровича являются подделками. Одна из них (№ 1400/17) относится к обширной группе «ярославских подделок», которые массово производились в Ярославле на довольно высоком техническом уровне, с использованием маточников. Монета имитирует московские копейки – под конем помещено слово «Мос/ква», но стилистически аверс грубее прототипа; всадник имеет черты сходства с более ранними маточниками, применявшимися в правление Василия Шуйского. Построение легенды реверса, высота строк схожи с москов-

ским типом ГК 341, однако текст изобилует ошибками, включая имя царя – «МИХЛЛ ΘОРДОРОВІЧ» с «чашеобразным» написанием буквы Ч, выглядящей почти как О.

По вопросу о статусе ярославских выпусков в период правления Михаила Федоровича существуют различные мнения специалистов. Пониженный вес, проба этих монет и отказ от обозначения ЯР в пользу подражания знакам Московского двора, сменявшимся в той же последовательности, позволяют считать их подделками в ущерб обращению. В то же время предлагалась гипотеза, что это была тайная эмиссия под государственным контролем, предпринимаемая для решения финансовых проблем казны, а не частная инициатива (Мельникова, 1989. С. 169, 170, 181–190). А.С. Мельникова определяет период их чеканки как 1619–1630 гг.

Еще одна монета также подражает оформлению копеек Московского двора с обозначением «Мос/ква», но выполнена заметно грубее. По-видимому, она относится к традиционным (кустарным) чеканным подделкам.

Из характерных браков денежного производства на монетах комплекса встречается двойной удар – как с небольшим смещением (№ 1400/40, 1400/58), так и со значительным разворотом (№ 1400/15), а также плохая центровка (напр.: № 1400/10, 48, 51, 52, 56, 58, 81).

Наиболее ранние монеты в составеклада (Ивана Грозного, Федора Ивановича) имеют заметные следы износа от долгого пребывания в обращении. Монеты же Михаила Федоровича, напротив, повреждены в силу условий храненияклада, многие из них отличает хорошая сохранность рельефа.

Подводя итог, можно сделать вывод, что рассматриваемый комплекс представляет собой выразительный срез денежного обращения в Московском регионе в эпоху преодоления Смуты. Обращаем внимание, что практически четвертьклада составляют монеты Ивана Грозного; в целом же количество монет Михаила Федоровича и более ранних (до 1613 г.) соотносится как 45:44. Такая пропорция показывает, что в момент сокрытияклада весьма значительная часть старых тяжелых монет еще находилась в обращении, несмотря на скупку правительством таких монет у населения «с наддачей». Таким образом решалась проблема серебряного сырья, когда еще не восстановилась внешняя торговля; но процесс этот, видимо, был довольно сильно растянут по времени. А.С. Мельникова отмечает, что количество старых монет вкладах заметно убывает к середине 1620-х годов, а в конце

правления Михаила Федоровича они становятся единичными (Мельникова, 1989. С. 158).

Соккрытиеклада, по-видимому, произошло в конце 1610-х годов. Вероятно, оно связано с нападением польско-литовского войска на Троице-Сергиев монастырь, предпринятым в ходе военных действий, начатых в 1616 г. Речью Посполитой с целью свержения Михаила Романова и воцарения королевича Владислава, который считал себя законным русским царем. Возглавляемая им армия к осени 1618 г. продвинулась до Москвы, но попытка штурма города не принесла успеха. Владислав рассылал воинские отряды для поиска провианта и захвата русских городов. «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына сообщает, что полковник Чаплинский, посланный к Переславлю-Залесскому, «умысля с вои своими окрасти изгоном дом пресвятыя живоначалныя Троица Сергиев монастырь» (Сказание... 1955. С. 240). Внезапное ночное нападение было совершено 24 сентября 1618 г. Произошел «бой велик» (Сказание... 1955. С. 240) в подмонастырских слободах. Чаплинский сжег село Клементьево и запрудные слободы, затем отступил к Москве на соединение с основными силами. Позже Чаплинский был убит в селе Вохне, принадлежащем Троице-Сергиеву монастырю.

После этого к монастырю двинулась вся польская армия. Руководившие обороной воеводы Семен Жеребцов и Яков Дашков с троицкими властями распорядились выжечь оставшиеся слободы и монастырские службы. Владислав, встав в селе Туракове, затем в Сваткове, предпринял несколько приступов; защитники монастыря «из наряду з города многих людей побили» (Сказание... 1955. С. 241). Наступившие холода, отсутствие продовольствия и дров истощали силы интервентов, в войске начался голод. Канцлер Лев Сапега и «радные паны» 15 ноября обратились к келарю и воеводам с письмом, в котором просили о помощи в организации мирных переговоров. Переговоры между русскими и польскими послами проходили в деревне Деулино, расположенной близ монастыря, с 19 ноября по 1 декабря 1618 г., в итоге было подписано перемирие сроком на 14 с половиной лет. Война закончилась ценой ряда территориальных уступок. Ни одна из сторон не достигла всех желаемых целей, но прекращение интервенции Речи Посполитой завершило эпоху Смуты в русском государстве. Через год, 1 декабря 1619 г., в Деулине в память заключения мира была освящена церковь во имя преподобного Сергия (Сказание... 1955. С. 248).

Этот исторический эпизод привлек меньше внимания исследователей, чем длительная осада Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. (Николаева, 1954; Тюменцев, 1995; 2007). Правительство, в первом случае – Василия Шуйского, во втором – Михаила Романова, прекрасно осознавало стратегическое значение Троицкой крепости и принимало меры для ее защиты. В монастыре располагался гарнизон из стрельцов и казаков под командованием воевод; в свою очередь, монастырские власти мобилизовали воинские силы своих слуг и крестьян. Хотя в 1618 г. атака была неожиданной: «...тогда же за городом быша многие люди: овии на сторожах, а иные во град не внидоша, не чающе прихода его» (Сказание... 1955. С. 240), защитники смогли отбить ее и не допустить захвата монастыря. Можно с осторожностью предположить, что владелец клада погиб в ночном бою или в ходе военных действий в последующий месяц, до заключения мира.

Казалось бы, эта гипотеза опровергается наличием в составе клада нескольких монет, имеющих более позднюю датировку по систематизации А. С. Мельниковой. Но следует учесть, что на мачтах Московского двора, в отличие от новго-

родских и псковских, не проставлялись даты, поэтому временные рамки начала и окончания их использования определяются с некоторой долей условности. Для копеек типа 9–13 (ГК 406) известно, что аверс 9 применялся в 1617 и 1618 гг.; возможно предположить, что реверс 13 был пущен в работу несколько ранее обозначенного А. С. Мельниковой 1619 г., и выпуск этого типа могли начать в 1618 г.

Отсутствие в комплексе московских копеек 1620-х годов позволяет поставить под сомнение и предложенную А. С. Мельниковой датировку ярославской копейки, входящей в состав клада, периодом после 1626 г. и предположить для нее более раннюю дату, с меньшим запаздыванием по отношению к московским прототипам. Также появляется возможность сузить хронологические рамки для датировки денги Михаила Федоровича, систематизация которых разработана хуже, чем для копеек.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» № НИОКТР 122011200265-6.

Литература

Гришин И. В., Клецинов В. Н., 2001. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). М.: УРСС. 96 с.

Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В., 2015. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV до правления царя Петра I (1533–1717 гг.). М.: Леопарт. 691 с.

Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В., 2021. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. М.: Леопарт. 880 с.

Клецинов В. Н., Гришин И. В., 1998. Каталог русских средневековых монет (с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533–1617 гг.). М.: УРСС. 86 с.

Мельникова А. С., 1989. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика. 316 с.

Николаева Т. В., 1954. Народная защита крепости Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 годах. М.: Госкультпросветиздат. 23 с.

Сказание Авраамия Палицына. М.–Л.: АН СССР, 1955. 344 с.

Тюменцев И. О., 1995. Очерки по истории обороны Троице-Сергиевой Лавры в 1608–1610 гг. Волгоград: Волгоградский гос. ун-в. 111 с.

Тюменцев И. О., 2007. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М.: Цейхгауз. 63 с.

E. I. Ruzaeva, M. A. Kuritsyn

Hoard of silver coins of the 16th – early 17th centuries from the excavations of the Trinity-Sergius Lavra in 2020

Summary

The publication gives a definition of coins from the hoard from the Trinity-Sergius Lavra. The hoard was found in the northern part of the territory of the monastery, during archaeological research in 2020. The

hoard contains 89 silver coins of the 16th – early 17th century. The reasons for its concealment are probably related to social upheavals in Russia at the beginning of the 17th century.

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря.

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
<i>Иван Васильевич IV Грозный (1533–1584) (период 1535–1547 г.)</i>										
1	1400/8		Москва	1535–1538	денга	серебро	0,32	9–11	без букв	Мельникова 4-2; КТ 21; ГКХ 32; ГКХ2 37
2	1400/43		Москва	1535–1538	денга	серебро	0,32	9–11,5	без букв	Мельникова 4-2; КТ 21; ГКХ 32; ГКХ2 37
3	1400/46		Москва	1535–1538	денга	серебро	0,33	9–10	без букв	Мельникова 4-2; КТ 21; ГКХ 32; ГКХ2 37
4	1400/75		Москва	1535–1538	денга	серебро	0,33	10,5–11	без букв	Мельникова 5-2; КТ 26; ГКХ 38; ГКХ2 43

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

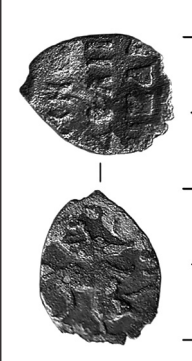
№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
5	1400/19		Москва	1535–1538	денга	серебро	0,29	9,5–10,5	без букв	Мельникова 6-9; КГ 48; ГКХ 62; ГКХ2 68
6	1400/79		Москва	1535–1538	денга	серебро	0,27	10–11	без букв	Мельникова 6-9; КГ 48; ГКХ 62; ГКХ2 68
7	1400/61		Тверь	1535–1538	денга	серебро	0,32	9,5–11	без букв	Мельникова 11-15; КГ 67; ГКХ 91; ГКХ2 94
8	1400/36		Тверь	1535–1538	денга	серебро	0,28	8–10	ω	Мельникова 13-16; КГ 71; ГКХ 98; ГКХ2 101

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
9	1400/22		Псков	1535–1538	копейка	серебро	0,65	13–14,5	А	Мельникова 8-22; КТ 74; ГКХ 21; ГКХ2 25
10	1400/69		Псков	1535–1538	копейка	серебро	0,71	10,5–14	(А)	Мельникова 8-22; КТ 74; ГКХ 21; ГКХ2 25
11	1400/57		Новгород	1535–1538	копейка	серебро	0,69*	11–14	без букв	Мельникова 9-12; КТ 75; ГКХ 3; ГКХ2 7
12	1400/73		Новгород	1535–1538	копейка	серебро	0,62*	10–13,5 (обломана)	без букв	Мельникова 9-12; КТ 75; ГКХ 3; ГКХ2 7

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
Иван Васильевич IV Грозный (1533–1584) (период после 1547 г.)										
13	1400/3		Москва	1547	денга	серебро	0,32	9,5–12	ДЕ	Мельникова 17-19; КГ 61; ГКХ 78; ГКХ2 83
14	1400/7		Новгород	1547	копейка	серебро	0,63	12–15,5	ПС	Мельникова 19-23; КГ 77; ГКХ 6; ГКХ2 10
15	1400/39		Новгород	1547	копейка	серебро	0,61	11–15	ПС	Мельникова 19-23; КГ 77; ГКХ 6; ГКХ2 10
16	1400/32		Псков	1547	копейка	серебро	0,63	11–15	ГР	Мельникова 21-25; КГ 79; ГКХ 24; ГКХ2 29

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

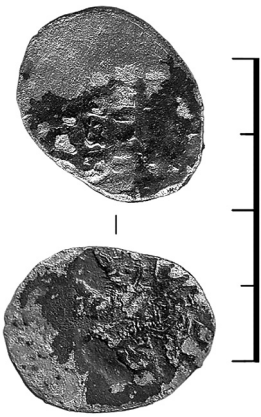

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
17	1400/48		Псков	1547	копейка	серебро	0,62	11–14	(ГР)	Мельникова 21-25; КГ 79; ГКХ 24; ГКХ2 29
18	1400/65		Псков	1547	копейка	серебро	0,60	10,5–14	Г(Р)	Мельникова 21-25; КГ 79; ГКХ 24; ГКХ2 29
19	1400/68		Новгород	1550-е	копейка	серебро	0,66	10–12,5	(с/ ВЛЯ)	Мельникова 27-26; КГ 84; ГКХ 11; ГКХ2 15
20	1400/40		Псков	1560-е	копейка	серебро	0,64	11–14 (двойной удар)	(с/ МН)	Мельникова 35-27; КГ 93; ГКХ 26; ГКХ2 31

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
21	1400/66		Псков	1560-е	копейка	серебро	0,65	12–15	с/ МН	Мельникова 35-27; КГ 93; ГКХ 26; ГКХ2 31
22	1400/70		Псков	1560-е	копейка	серебро	0,58	11,5–13	с/ (МН)	Мельникова 35-27; КГ 93; ГКХ 26; ГКХ2 31
23	1400/74		Псков	1560-е	копейка	серебро	0,64	12–14	с/ МН	Мельникова 35-27; КГ 93; ГКХ 26; ГКХ2 31
Федор Иванович (1584–1598)										
24	1400/72		Москва	1598	копейка	серебро	0,55*	10,5–14	с/ М	Мельникова 9-4; КГ 126; ГКХ 127; ГКХ2 129

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
25	1400/84		Псков	1596	копейка	серебро	0,62	10–14	ПС	Мельникова 3-х; КТ 134; ГКХ 139; ГКХ2 143
26	1400/20		Псков	1596	копейка	серебро	0,62	11,5–15	ПС	Мельникова 3-х; КТ 134; ГКХ 139; ГКХ2 143
Борис Федорович Годунов (1598–1605)										
27	1400/1		Москва	1600	копейка	серебро	0,36*	11–12	Б О / (Мо)	Мельникова 4-2; КТ 173; ГКХ 165; ГКХ2 169

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
28	1400/53		Москва	1600	копейка	серебро	0,69	10,5–15	Б О / (Мо)	Мельникова 4-2; КГ 173; ГКХ 165; ГКХ2 169
29	1400/55		Москва	1600	копейка	серебро	0,67	11,5–15	(Б) О / Мо	Мельникова 4-2; КГ 173; ГКХ 165; ГКХ2 169
30	1400/63		Москва	1600	копейка	серебро	0,57*	12,5–14	(Б) О / Мо	Мельникова 4-2; КГ 173; ГКХ 165; ГКХ2 169

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

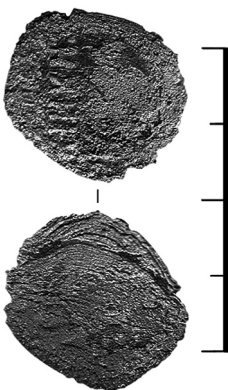

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
31	1400/54		Псков	1598-1599	копейка	серебро	0,61	10-15	(ПСРЗ)	Мельникова 1-1; КТ 193; ГКХ 183; ГКХ2 191
32	1400/33		Псков	1598-1599	копейка	серебро	0,39*	11-12	(ПСРЗ)	Мельникова 1-1; КТ 193; ГКХ 184; ГКХ2 192 (?)
33	1400/31		Псков	1604	копейка	серебро	0,61	12-17	ПС	Мельникова 5-5; КТ 205; ГКХ 201; ГКХ2 209

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

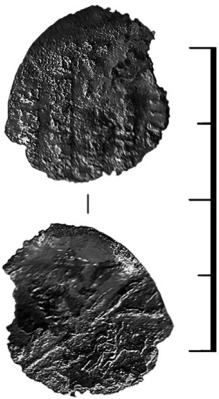

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
34	1400/62		Новгород	1603	копейка	серебро	0,66	11,5–13	НР(АІ)	Мельникова 11-9; КТ 228; ГКХ 235; ГКХ2 250
<i>Дмитрий Иванович (Лжедмитрий I) (1605-1606)</i>										
35	1400/28		Псков	1605–1606	копейка	серебро	0,50	9,5–14	ПС	Мельникова 2-1; КТ 246; ГКХ 257; ГКХ2 278
<i>Василий Иванович Шуйский (1606-1610)</i>										
36	1400/13		Москва	1606	копейка	серебро	0,23*	10,5–12 (обломана)	без букв	Мельникова 1-1; КТ 249; ГКХ 269; ГКХ2 290
37	1400/26		Москва	1607	копейка	серебро	0,64	11–15	без букв	Мельникова 1-4; КТ 252; ГКХ 272; ГКХ2 293

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
38	1400/38		Москва	1607	копейка	серебро	0,50	9,5–14	без букв	Мельникова 1-4; КТ 252; ГКХ 272; ГКХ2 293
39	1400/81		Москва	1607	копейка	серебро	0,57	12–15	без букв	Мельникова 1-4; КТ 252; ГКХ 272; ГКХ2 293
40	1400/24		Москва	1607	копейка	серебро	0,57	11–13	без букв	Мельникова 2-5; КТ 257; ГКХ 278; ГКХ2 299
<i>Шведская оккупация Новгорода (с именем Василия Ивановича) (1611–1617)</i>										
41	1400/45		Новгород	1611–1615	копейка	серебро	0,44*	10,5–12	РН	Мельникова 1-1; КТ 325; ГКХ 330; ГКХ2 354

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (тип. – тах.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
Владислав Жигимонтович (1610–1612)										
42	1400/87		Москва	1611–1612	копейка	серебро	0,57	10–15	без букв	Мельникова 2-2; КТ 296; ГКХ 320; ГКХ2 343
Второе земское ополчение (с именем Федора Ивановича) (1612–1613)										
43	1400/29		Москва, Временный двор	1612–1613	копейка	серебро	0,35*	9–13 (обломана)	Мо	Мельникова 1-1; КТ 318; ГКХ 329; ГКХ2 353
44	1400/44		Москва, Временный двор	1612–1613	копейка	серебро	0,42	11–14	Мо	Мельникова 1-1; КТ 318; ГКХ 329; ГКХ2 353
Михаил Федорович (1613–1645)										
45	1400/11		Москва, Временный двор	1613	копейка	серебро	0,50	10–14,5	без букв	Мельникова 3-2; КТ 322 (Второе ополчение); ГКХ 341; ГКХ2 369

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
46	1400/9		Москва	1614	копейка	серебро	0,51	11–14	МОС/ (КВА)	Мельникова 3-1; ГК 330; ГКХ 354; ГКХ2 382
47	1400/16		Москва	1614	копейка	серебро	0,50	10,5–13,5	МОС/ КВА	Мельникова 3-1; ГК 330; ГКХ 354; ГКХ2 382
48	1400/30		Москва	1614	копейка	серебро	0,33	10,5–13	М(ОС)/ КВ(А)	Мельникова 3-1; ГК 330; ГКХ 354; ГКХ2 382
49	1400/88		Москва	1614	копейка	серебро	0,48	10,5–14	МОС/ КВ(А)	Мельникова 3-1; ГК 330; ГКХ 354; ГКХ2 382

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
50	1400/10		Москва	1614	копейка	серебро	0,45	10–14,5	МОС/ КВА	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383
51	1400/15		Москва	1614	копейка	серебро	0,41	10–15 (двойной удар)	МОС/ КВА	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383
52	1400/18		Москва	1614	копейка	серебро	0,40	10,5–14	(МОС/ КВА)	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383
53	1400/25		Москва	1614	копейка	серебро	0,45	10,5–13,5	(МОС/ КВА)	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
54	1400/27		Москва	1614	копейка	серебро	0,43	11,5–13	(МОС/КВА)	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383
55	1400/52		Москва	1614	копейка	серебро	0,49	10–14,5	МОС/ (КВА)	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383
56	1400/80		Москва	1614	копейка	серебро	0,50	10–13,5	МОС/ (К)ВА	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383
57	1400/83		Москва	1614	копейка	серебро	0,50	9,5–14	(МОС/КВА)	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
58	1400/89		Москва	1614	копейка	серебро	0,45	10,5–13	МОС/ (КВА)	Мельникова 3-3; ГК 331; ГКХ 355; ГКХ2 383
59	1400/5		Москва	1615	копейка	серебро	0,50	9,5–14	МО/ СКВА	Мельникова 5-3; ГК 375; ГКХ 389; ГКХ2 417
60	1400/4		Москва	1616	копейка	серебро	0,30*	9,5–12,5	(МОС/ КВА)	Мельникова 3-7; ГК 339; ГКХ 362; ГКХ2 390
61	1400/41		Москва	1616	копейка	серебро	0,31*	8–12	(МО)	Мельникова 7А-8; ГК 393; ГКХ 408; ГКХ2 436

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

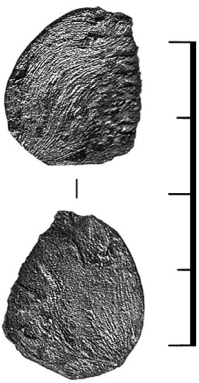

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
62	1400/67		Москва	1617	копейка	серебро	0,26*	9,5–11 (обломана)	(МОС/КВА)	Мельникова 3-10; ГК 333; ГКХ 357; ГКХ2 385
63	1400/2		Москва	1617	копейка	серебро	0,23*	9–11	(МОС/КВА)	Мельникова 3-9; ГК 340; ГКХ 363; ГКХ2 391
64	1400/37		Москва	1617	копейка	серебро	0,48	9,5–13,5	(МОС/КВА)	Мельникова 3-9; ГК 340; ГКХ 363; ГКХ2 391
65	1400/47		Москва	1617	копейка	серебро	0,49	10–14	МОС/КВА	Мельникова 3-9; ГК 340; ГКХ 363; ГКХ2 391

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

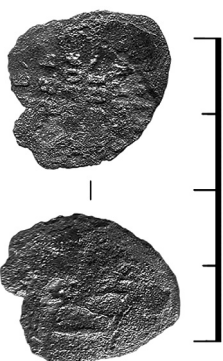
№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
66	1400/77		Москва	1617	копейка	серебро	0,37	8,5–13	МОС/ КВА	Мельникова 3-9; ГК 340; ГКХ 363; ГКХ2 391
67	1400/85		Москва	1617	копейка	серебро	0,52	10–12,5	МОС/ (КВА)	Мельникова 3-9; ГК 340; ГКХ 363; ГКХ2 391
68	1400/56		Москва	1617	копейка	серебро	0,45	11–14	МО/ СКВА	Мельникова 6-10; ГК 366; ГКХ 380; ГКХ2 408
69	1400/12		Москва	1618	копейка	серебро	0,25*	10–12 (обломана)	(МОС)/ КВА	Мельникова 3-12; ГК 341; ГКХ 361; ГКХ2 389

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
70	1400/14		Москва	1618	копейка	серебро	0,47	10–14,5	МОС/ КВА	Мельникова 3-12; ГК 341; ГКХ 361; ГКХ2 389
71	1400/51		Москва	1618	копейка	серебро	0,51	10–13	(МОС/ КВА)	Мельникова 3-12; ГК 341; ГКХ 361; ГКХ2 389
72	1400/6		Москва	1618	копейка	серебро	0,45	11,5–13,5	(МО)	Мельникова 7А-12; ГК 396; ГКХ 411; ГКХ2 439
73	1400/23		Москва	1618	копейка	серебро	0,49	10–13	МО	Мельникова 7А-12; ГК 396; ГКХ 411; ГКХ2 439

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

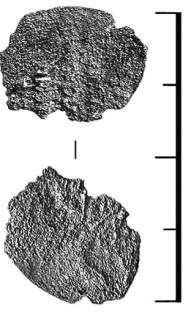

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
74	1400/42		Москва	1618	копейка	серебро	0,44	9–12	МО	Мельникова 7А-12; ГК 396; ГКХ 411; ГКХ2 439
75	1400/64		Москва	1618	копейка	серебро	0,14*	8–10,5 (обломана)	(МО)	Мельникова 7А-12; ГК 396; ГКХ 411; ГКХ2 439
76	1400/86		Москва	1618	копейка	серебро	0,50	10,5–12	(МО)	Мельникова 7А-12; ГК 396; ГКХ 411; ГКХ2 439
77	1400/49		Москва	1618	копейка	серебро	0,26*	8–11	(М)	Мельникова 9-11; ГК 407; ГКХ 422; ГКХ2 451
78	1400/76		Москва	1618	копейка	серебро	0,35*	10,5–13,5	(М)	Мельникова 9-11; ГК 407; ГКХ 422; ГКХ2 451

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
79	1400/35		Москва	1618	копейка	серебро	0,47	11–11,5	Mo	Мельникова 10-11; ГК 414; ГКХ 431; ГКХ2 460
80	1400/21		Москва	1619	копейка	серебро	0,52	10,5–14	M	Мельникова 9-13; ГК 406; ГКХ 421; ГКХ2 450
81	1400/34		Москва	1619	копейка	серебро	0,44	10–12	(M)	Мельникова 9-13; ГК 406; ГКХ 421; ГКХ2 450
82	1400/58		Москва	1619	копейка	серебро	0,47	9,5–13 (двойной удар)	(M)	Мельникова 9-13; ГК 406; ГКХ 421; ГКХ2 450

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
83	1400/59		Москва	1619	копейка	серебро	0,47	10–13	М	Мельникова 9-13; ГК 406; ГКХ 421; ГКХ2 450
84	1400/60		Москва	1619	копейка	серебро	0,46	10–13	М	Мельникова 9-13; ГК 406; ГКХ 421; ГКХ2 450
85	1400/71		Москва	1619	копейка	серебро	0,48	10–13	М	Мельникова 9-13; ГК 406; ГКХ 421; ГКХ2 450
86	1400/82		Москва	1619	копейка	серебро	0,45	9,5–13	(М)	Мельникова 9-13; ГК 406; ГКХ 421; ГКХ2 450

Таблица 1. Состав клада из Троице-Сергиева монастыря (продолжение).

№	Шифр	Изображение ¹	Центр чеканки	Время чеканки ² , годы	Номинал	Металл	Вес ³ , г	Диаметр, мм (min. – max.)	Буквенные обозначения ⁴	Ссылки на каталоги
87	1400/50		Москва	1614–1645	денга	серебро	0,23	8,5–10,5	без букв	Мельникова х-6; ГК 697; ГКХ 741; ГКХ2 782
Подделки										
Ярославские подделки										
88	1400/17		Ярославль	После 1626	копейка	серебро	0,35	11–13	М(ОС)/ К(ВА)	Мельникова 17-11; ГК 814; ГКХ 3225; ГКХ2 3277
Традиционные (кустарные) подделки										
89	1400/78				копейка	серебро	0,23*	11,5–12 (расколога)	МОС/ К(ВА)	

Сокращения: Мельникова – Мельникова, 1989; КГ – Клецинов, Гришин, 1998; ГК – Клецинов, Гришин, 1998; ГЛ – Клецинов, Храменков, 2015; ГЛХ – Клецинов, Храменков, 2015; ГЛХ2 – Клецинов, Храменков, 2021.

¹ Сканы монет даны с увеличением в 2 раза.

² Монеты датированы в соответствии с систематизацией А.С. Мельниковой (1989).

³ Звездочкой обозначено значительное отличие веса монеты от нормативного вследствие утраты части монетной пластины или вследствие плохой сохранности.

⁴ Не попавшие на монетную пластину либо неразборчивые буквы даны в скобках.

Ю. А. Лихтер

ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

Резное стекло из раскопок Археологической службы Москвы

В настоящей работе продолжается публикация стеклянных сосудов, найденных при археологических исследованиях Археологической службы на территории Москвы. На этот раз вниманию читателей представляются сосуды, декорированные резьбой.

Резные сосуды, включая собственно резьбу, гравировку и шлифование, среди археологических находок в Москве немногочисленны, но разнообразны.

1. *Геральдические кубки* (рис. 1). В первую очередь хотелось бы выделить небольшую, но выразительную группу стоп, на наружной поверхности которых изображен овал (щит). Внутри него располагаются либо вензель, либо двуглавый орел со скипетром и державой. В верхней части овала или выше его границы – корона; вокруг овала – бордюр из отрезков прямых линий разной длины. Стекло основы прозрачное, как правило, бесцветное или слегка сероватое, декор непрозрачный, белого цвета (матовый). Техника исполнения декора – резание алмазной иглой. Происходят они из слоев XVIII – начала XIX в.

По типу изображения внутри щита можно выделить два варианта. В первом случае внутри вензель (рис. 1, 1 – Е, 2 – А). Возможно, эти сосуды связаны с коронацией Александра I. Соответственно А обозначает Александра, а Е – Елизавету Алексеевну, супругу Александра I. В целом изображения довольно примитивные, особенно корона.

Чаще встречаются изображения двуглавого орла со скипетром и державой (рис. 1, 5, 6, 7). К этому же типу можно отнести обломки (рис. 1, 3, 4).

Среди известных нам публикаций как близкую аналогию можно указать стопу с двуглавым орлом со скипетром и державой в овале, а над овалом – корона. Овал обрамлен наклонными прямыми линиями разной длины, которые публикатор

интерпретирует как солнечные лучи. По-видимому, овал изображает щит. Публикатор пишет о слабых следах позолоты (Gros-Galliner, 1970. Вкл. между с. 72–73). Однако рисунок на этом сосуде слишком небрежен и груб и вряд ли мог дополняться позолотой (рис. 1, А). Возможно, на самом деле это была коррозия, иногда имеющая вид тонкой пленки желтого цвета с металлическим блеском. Автор определяет место производства сосуда как «Богемия или Россия». По нашему мнению, изображение двуглавого орла со скипетром и державой, аналогичное изображению на российских государственных печатях, свидетельствует в пользу русского происхождения.

Похожие сосуды есть в коллекции музея в Кускове (рис. 1, Б, В). Они датируются XVIII в.: Б – Россия, Измайловский завод, 1701–1720 (Долгих, 1985. № 2 (2); В – Россия, неизвестная частная фабрика; 1790-е годы (Долгих, 1985. С. 230. № 154 (105)).

2. *Геральдические рюмки*. По-видимому, щит с гербом изображен на фрагменте рюмки (рис. 2, 1). Такие рюмки с дворянскими гербами распространены в Западной Европе, и наша, по-видимому, происходит оттуда (см., например, бокал из Берлина или Дрездена, датируемый 1725 г. (рис. 2, А) – Miller's guide... 2004. Р. 104).

3. *Охота*. Очень интересен фрагмент стопы, по-видимому, со сценой охоты (рис. 3, 1). Сохранилось изображение задней части собаки и нескольких деревьев. Декор нанесен алмазной иглой. По литературе нам известен бокал с аналогичной сценой, происходящий из Польши (рис. 3, А). Он датируется 1725 г. (Polskie... 1974. Rys. 59, 60). Но наш сосуд значительно проще и по форме, и по качеству декора. Похожий на наш кубок выставлен в Национальном финском музее в Хельсинки. Он отнесен ко второй половине XVIII в.

Рис. 1. Геральдические стопы

1 – № 755¹; 2 – № 1941; 3 – № 4456; 4 – № 4666; 5 – № 7348; 6 – № 18821; 7 – № 18645;

А – Россия; 1780–1800 гг. (Gros-Galiner, 1970. Р. 72–73); Б – Россия, Измайловский завод, 1701–1720 гг. (Долгих, 1985. № 2 (2)); В – Россия, неизвестная частная фабрика; 1790-е (Долгих, 1985. С. 230. № 154 (105))

По технологии и характеру изображений этому кубку близки сосуды, на которых изображены постройки в китайском стиле, перемежающиеся орнаментальными композициями (рис. 4, 1, 2). По отдельности эти мотивы имеются на стаканах, найденных в культурном слое Варшавы 1740–1760 гг. и Чехии 1701–1750 гг. (рис. 4, А, Б) (Ciepiela, 1977. Rys. 51, 52. S. 63). Изображения, похожие на шпили этих построек, встречены также на двух об-

ломках (рис. 5, 1, 2). Они могут быть сопоставлены с изображениями в китайском стиле (шинуазри), популярными в европейском прикладном искусстве в середине XVIII в. Так, аналогичные домики (рис. 5, А) изображали на изразцах (Баранова, 2011).

4. *Надписи.* Два обломка с надписями: один кириллицей (рис. 6, 1), другой латиницей (рис. 6, 2). Среди русских (рис. 6, В, Г, Д) и западных стекол часто встречаются надписи, однако точного соот-

¹ В подрисовочных подписях указаны номера по публикуемому каталогу.

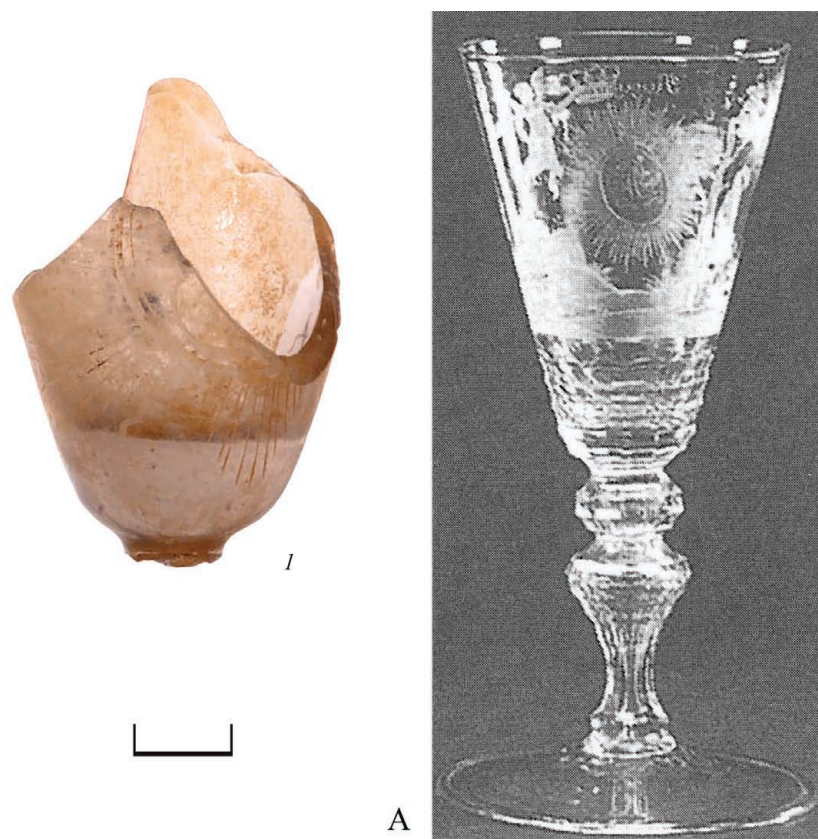

Рис. 2. Геральдическая рюмка

1 – № 18684; А – саксонский бокал с гербом. Берлин или Дрезден, 1725 г.
(Miller's guide... 2004. P. 104)

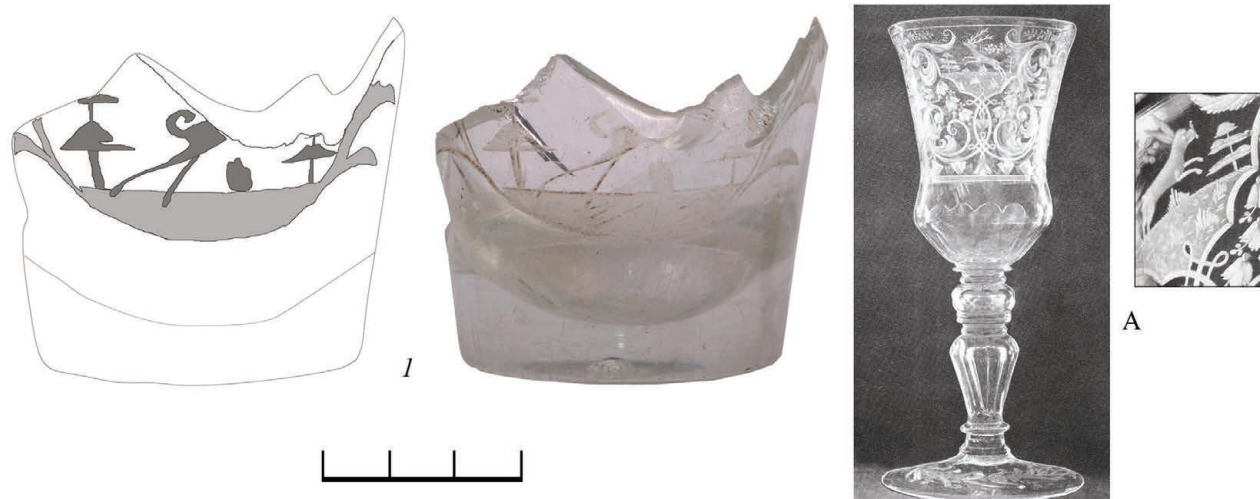

Рис. 3. Кубок с охотничьей сценой

1 – № 18553; А – бокал; Польша, Tarnowie; 1725 г.
(Polskie... 1974. Rys. 59, 60)

Рис. 4. Архитектурно-орнаментальный декор

1 – стопа; 2 – штоф; А – стакан; Чехия, 1701–1750 гг. (Ciepiela, 1977. Rys. 52. S. 63);
Б – стакан, Варшава, 1740–1760 гг. (Ciepiela, 1977. Rys. 51. S. 63)

Рис. 5. Изображения пагод на стопах
 1 – № 224. Стопа; 2 – № 4464; А – изразец, 2-я пол. XVIII в.
 (Баранова, 2011. С. 308)

ветствия пока не найдено. По форме букв можно указать аналогии из Западной Европы 1810 г. (рис. 6, А, Б – Miller's guide... 2004. Р. 88). Среди русских кубков с надписями аналогии можно увидеть в первой половине XVIII в. (Ашарина, 1998. Гл. 4. Нравоучительные надписи: 4, 21; 4.27, 4, 6).

5. *Растительный декор* очень разнообразен. Здесь можно выделить следующие разновидности.

Небольшой фрагмент из почти бесцветного стекла с розоватым оттенком (рис. 7, 1). По мнению Н. А. Ашариной, это признак стекла завода Немчиновых второй половины XVIII в. (Ашарина, 1998. С. 72).

Стакан (кубок), поставленный в погребение (слезница). У него аккуратно удалена верхняя часть (рис. 8, 1). Как условную аналогию можно предложить стакан из Варшавы середины XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 47. S. 59).

Кружка со стеблем растения с листьями и цветами (рис. 9, 1). Аналогичный декор мы видим на штофе императорского стекольного завода (рис. 9, Б) 90-х годов XVIII в. (Ашарина, 1998. рис. 4, 17). Можно также указать западноевропейскую вазу (рис. 8, А), датируемую 1740 г. (Miller's guide... 2004. Р. 85).

Интересны верхние части стаканов с бордюром, образованным чередованием вертикальных овалов и стебельков с колосками (рис. 10, 1, 2, 3). Их можно сопоставить со стаканом из Польши

(рис. 10, А), датируемым около 1790 г. (Polskie... 1974. Rys. 112).

Отметим также штофы с различными вариантами растительного декора, широко распространенные в XVIII в. (рис. 11, 1, 2, 3). Как параллели можно указать сосуды из Богемии или Германии (рис. 11, А), датируемые около 1700 г. (Ruempel, van Dongen, 1991. Р. 243. № 495); из Украины (рис. 11, Б) XVIII–XIX вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 16г. С. 74) и из России (рис. 11, В) 1749 г. (Ашарина, 1998. Рис. 3–15).

Гирлянды на двух фрагментах (рис. 12, 1, 2) сопоставимы с образцами классицистического декора (рис. 12, А) рубежа XVIII–XIX вв. из Польши (Polskie... 1974. S. 136. Rys. 17a). Возможно, к этому же типу относится еще один обломок (рис. 12, 3).

Небольшая вазочка (рис. 12, 4), вероятно солонка, находит параллели среди английских солонки начала XX в. (Англия? 1910; Miller's guide... 2004. Р. 232).

Обломкам с условным растительным декором трудно найти параллели (рис. 13, 1, 2). Один из них можно сопоставить со стаканом из Польши (рис. 13, А) первой половины XVIII в., Варшава, 1701–1750 (Ciepiela, 1977. Rys. 43. S. 57). Для второго можно предположить в качестве аналогии продукцию Гусевского завода (рис. 13, Б), то есть конца XIX в. (Оптовый... 1912. Л. 148).

С большой долей условности можно предложить параллели двум обломкам (рис. 14, 1, 2).

Рис. 6. Надписи

1 – № 101; 2 – № 396; А – стопа. Зап. Европа, 1810 г. (Miller's guide... 2004. Р. 88);
 Б – бокал. Западная Европа, 1810 г. (Miller's guide... 2004. Р. 88); В – стопа. Россия, 1-я пол. XVIII в.
 (Ашарина, 1998. Гл. 4. Рис. 21); Г – бокал. Россия, 1-я пол. XVIII в. (Ашарина, 1998. Гл. 4. Рис. 27);
 Д – бокал. Россия, 1-я пол. XVIII в. (Ашарина, 1998. Гл. 4. Рис. 6)

Одна из них – кружка из Украины (рис. 14, А) конца XVIII в. (Рожанківський, 1959. Рис. 15д. С. 73); другая – бокал из Чехии (рис. 14, Б) того же времени (Ciepiela, 1977. Rys. 12. S. 28). Для двух других (рис. 14, 3, 4) пока аналогий не найдено.

Так же сложно определить время существования и место происхождения стаканов с геометрическим декором (рис. 15, 1, 2, 3). С большой долей условности можно привести аналогию для стаканов, декорированных ромбами (рис. 15, А), – Польша, начало XIX в. (Ciepiela, 1977. Rys. 54. S. 65). Для стаканов с овалами мы пока ничего не нашли.

Очень интересна сувенирная кружка (рис. 16). В центре сосуда круг, в нем – изображение двухэтажного здания с двумя одноэтажными крыльями-галереями, а под ним надпись в два ряда **Bah-Wiesen/quelle**. Круг дополнен горизонтальным меандром. По краю кружки своего рода рамка, составленная из бордюра, образованного горизонтально расположенными овалами и полосками.

В первой половине XIX в. «архитектурные виды были очень популярны в гравированном стекле во многих странах, но особенно интенсивно в этом стиле работали граверы, специально выезжавшие на курорты Богемии и Германии во время сезона» (Ашарина, 1998. С. 126). Сосуды с гравированными архитектурными пейзажами (ведутта) этого же времени из Богемии (см.: Vavra, 1954. Fig. 273). Надпись содержит, по-видимому, название какого-то курорта (вод). На это указывают слово *quelle* (в переводе с немецкого – источник) в нижнем ряду и первая часть собственно названия

Рис. 7. Растительный декор на стакане (?) (№ 1468)

ния (*Bah*, то есть «ручей»). Отметим, что надпись выполнена особым вариантом латиницы – так называемым готическим шрифтом, применявшимся в немецкоязычных странах. При этом мастер допустил орфографическую ошибку – в слове *Bach* явно пропущена буква «с».

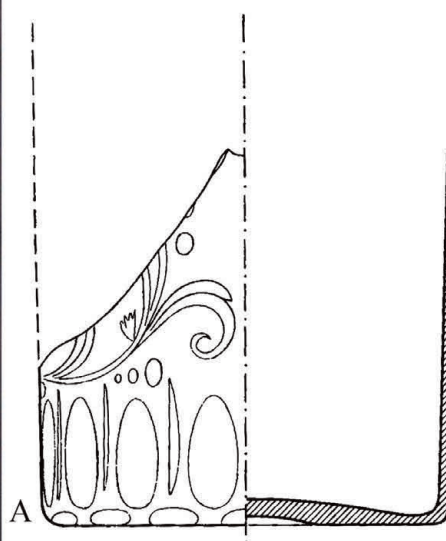
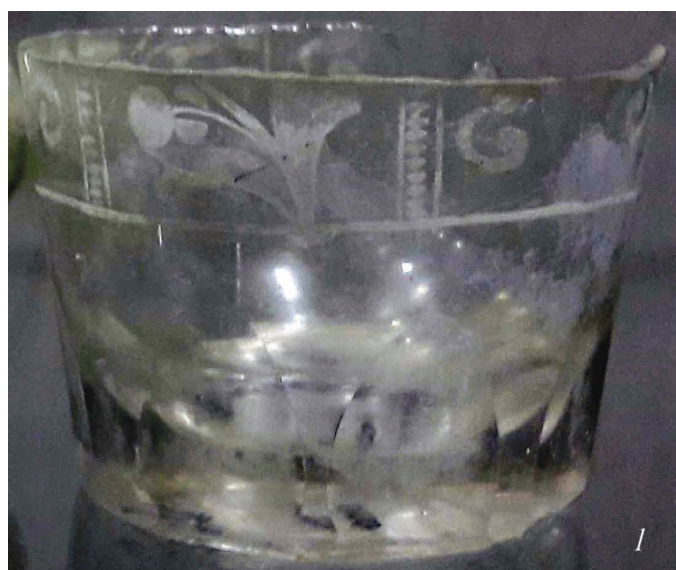

Рис. 8. Растительный декор

1 – № 1288; А – стакан. Варшава, 1725–1775 гг. (Ciepiela, 1977. Rys. 47. S. 59)

Каталог

№ 101 (рис. 6, 1)

Стопа

Обломок; иризация локально.

Б. Ордынка ул., 40, 1994.

Раскоп 1; № оп. с004, яма 4.

*Форма и размеры*Край выпуклый; диаметр – 8²; толщина – 0,3.

Тулово округлое, цилиндр или конус расходящийся, усеченный снизу; толщина – 0,4.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.*Декор:* вогнутый.*Материал декора:* бддм³.*Цвет декора:* белый ахроматический, непрозрачный.*Место декора:* тулово – верх, снаружи.По верхнему краю – надпись кириллицей **ЛЮ-БУ(юсь?)...** Под надписью – растение с листьями и цветами (общий характер композиции нельзя установить).*Техника изготовления основы:* выдувание в форму.*Техника нанесения декора:* резание.*Аналоги неизвестны.*

№ 102 (рис. 14, 3)

Стопа

Обломок; иризация локально.

Б. Ордынка ул., 40, 1994.

Раскоп 1; № с005, яма 4.

Форма и размеры

Край плоский; диаметр – 10; толщина – 0,4.

Тулово округлое, цилиндр или конус расходящийся, усеченный снизу; толщина – 0,35.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.*Декор:* вогнутый.*Материал декора:* бддм.*Цвет декора:* белый ахроматический, непрозрачный.*Место декора:* тулово верх, снаружи.

По верхнему краю снаружи идет горизонтальная полоса, над ней ряд вертикальных прямоугольников. Под полосой чередуются прямоугольники и окружности, образуя еще одну горизонтальную полосу.

Техника изготовления: выдувание в форму – основа.*Техника нанесения декора:* резание.

Стекло прозрачное весь предмет.

Аналоги неизвестны.

№ 217 (рис. 11, 3)

Штоф

Осколок; коррозия и иризация по всей поверхности.

Арбат ул., 1/7. 1996 г.

Раскоп 2. № 29.

Форма и размеры

Тулово граненое, призма (пирамида) 4-гранная; толщина – 0,27.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.*Декор:* вогнутый.*Материал декора:* бддм.*Цвет декора:* белый ахроматический, непрозрачный.*Место декора:*

1) тулово центр;

2) тулово низ.

1. На сохранившейся грани вертикальные стебли с листьями, слегка наклоненные в противоположные стороны.

2. Вероятно, проходящая по всем граням горизонтальная полоса, под ней бордюр из повторяющихся горизонтальных эллипсов.

Техника изготовления основы: выдувание в форму, раздувание.*Техника нанесения декора:* резьба, шлифование.*Аналоги:* условно Богемия или Германия, ок. 1700 г. (Ruempel, van Dongen, 1991. Р. 243. № 495).

№ 224 (рис. 5, 1)

Стопа

Обломок; иризация по всей поверхности.

Арбат ул., 1/7; 1996 г.

Раскоп 02; № 089.

Форма и размеры

Край выпуклый; диаметр – 7,5; толщина – 0,26.

Тулово округлое, цилиндр или конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр сверху – 7,5; толщина сверху – 0,26.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.*Декор:* вогнутый.*Материал декора:* бддм.*Цвет декора:* белый ахроматический, непрозрачный.*Место декора:*

1) тулово верх;

2) тулово центр.

² Здесь и далее указаны сантиметры.³ Без дополнительных декоративных материалов.

Рис. 9. Растительный декор. Кружка

1 – № 1413. Кружка; А – сосуд для воды; Зап. Европа, 1740 г. (Miller's guide... 2004. P. 85);
Б – штоф (Ашарина, 1998. Гл. 4. Рис. 17)

1. Горизонтальная линия, от которой в обе стороны отходят наклонные эллипсы.

2. Две вертикальные конструкции, похожие на мечи с перекрестиями. На самом деле это шпильки домов в китайском стиле. Справа – вертикальное полукружие, от которого отходит также вертикальный завиток.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резание, шлифование.

Аналогии: аналогичные дома со шпильками встречаются на расписных изразцах сер. XVIII в. («китайщина», или шинуазри).

№ 396 (рис. 6, 2)

Стопа (?)

Обломок; иризация локально.

Б. Ордынка ул., 1–5, 1995 г.

Раскоп 1; № с010.

Комплекс: соор. 9.

Форма и размеры

Край выпуклый расходящийся, ровный; диаметр – 9; толщина – 0,46.

Тулово округлое, цилиндр (конус расходящийся, усеченный снизу); диаметр вверху – 9; толщина вверху – 0,46.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

На фрагменте сохранилась Т-образная фигура, сверху обрамленная горизонтальными полуovalами. С обеих сторон – вертикально расположенные эллипсы. У эллипса слева по внутреннему краю идет надпись латиницей **LVS**. Слева от надписи вверху эллипса – многолучевая звезда. У правого эллипса сохранилась только часть контура.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.
Техника нанесения декора: резьба, шлифование.

№ 397 (рис. 10, 3)

Стакан

Фрагм.; иризация по всей поверхности.

Б. Ордынка ул., 1–5; 1995 г.

Раскоп 01; № с011, пл. 13.

Форма и размеры

Край выпуклый ровный; диаметр – 6; толщина – 0,18.

Тулово округлое, цилиндр или конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр вверху – 6; толщина вверху – 0,18.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

1. По краю идет горизонтальный бордюр из горизонтальных эллипсов.

2. Под ним также горизонтальный бордюр из чередующихся вертикальных эллипсов и колосков.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналоги: Польша, 1790 г. (Polskie... 1974. Rys. 112).

№ 755 (рис. 1, 1)

Стопа

Обломок; иризация по всей поверхности.

Голиковский пер., 13; 1997 г.

Раскоп 01; № 014; яма 1; кв. 11; гл. -179; пл. 09.

Форма и размеры

Тулово округлое; толщина – 0,34.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический; непрозрачный.

Место декора: тулово.

Щит, обрамленный лучами, вверху корона. В центре щита вензель (кириллическая буква Е), возможно, Елизаветы Алексеевны – супруги Александра I, а над овалом – небрежно изображенная корона.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резьба.

Аналоги: Россия; кон. XVIII в. (Gros-Galiner, 1970.

Рис. между с. 72–73). Россия, Измайловский завод,

нач. XVIII в. (Долгих, 1985. № 2 (2)). Россия, не-

известная частная фабрика; 1790-е (Долгих, 1985.

С. 230. № 154 (105)).

№ 1288 (рис. 8, 1)

Кубок

Полная форма (верх срезан), коррозия по всей поверхности.

Манежная пл., 1995 г.,

Моисеевский м-рь, погр. 3; № 17.

Форма и размеры

Край плоский неровный; диаметр – 6,54; толщина – 0,17.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; высота – 4,7; диаметр вверху – 6,54; диаметр внизу – 5,2; толщина внизу – 0,17.

Дно плосковогнутое внутри. Диаметр – 5,2.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический; непрозрачный.

Место декора: тулово, вся поверхность.

Над дном – бордюр из повторяющихся полуovalов, расположенных вертикально. Выше – повторяющиеся ячейки, разделенные вертикальными полосами, на которые нанесены мелкие горизонтальные линии. В ячейках помещены стилизованные цветы.

Техника изготовления основы:

1) выдувание в форму – тулово;

2) шлифование – дно.

Техника нанесения декора: резание, шлифование.

Аналоги: Варшава, середина XVIII в. (Ciepiela,

1977. Rys. 47. S. 59). Верх не случайно отколот,

а срезан специально, поэтому сосуд можно рассматривать как целую форму.

№ 1413 (рис. 9, 1)

Кружка

Манежная пл., 1995 г.

Моисеевский м-рь, № 584.

Полная форма, коррозия и иризация локально.

Форма и размеры

Высота общая – 6,10; диаметр максимальный – 0,54.

Край плоский, параллельный, ровный. Диаметр – 5,40; толщина – 0,6.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный

снизу, вогнутый. Высота тулова – 6,10; диаметр

вверху – 5,40; диаметр внизу – 4,45; толщина – 0,1.

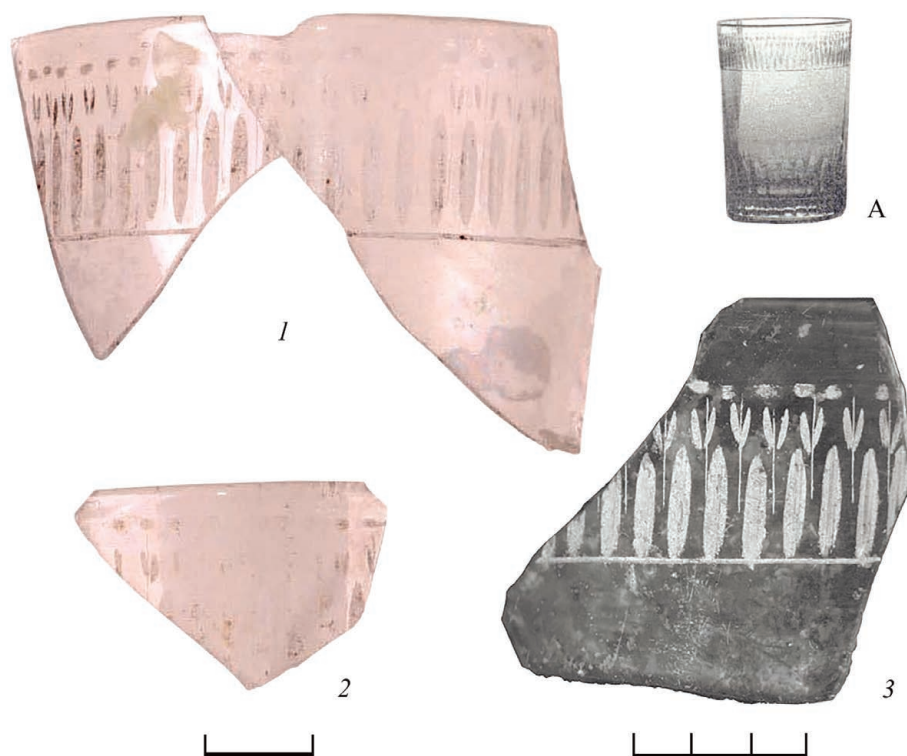

Рис. 10. Растительный декор «колоски». Стаканы
 1 – № 18686; 2 – № 18524; 3 – № 397; А – стакан, Польша, 1790.
 (Polskie... 1974. Rys. 112)

Дно вогнутое сферическое. Диаметр – 4,45.

Ручка – сечение продольное: округлая, вертикальная с загибом сверху и внизу; сечение поперечное: округлая, круг, гладкая одинарная; строение: сплошная цельная. Длина – 8, 52; высота – 2,00; диаметр сверху – 1,24; диаметр внизу – 0,6.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бдм.

Цвет декора: белый ахроматический; непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

На всей поверхности тулова расположен детально изображенный цветок, а также стебли травы. По краю проходит горизонтальная полоса, отделяющая декор от края.

Техника изготовления:

выдувание в форму – основа;

вытягивание палочки – ручка;

прилеп палочки – ручка;

загибание концов – ручка.

Техника нанесения декора: резание.

Аналоги: Англия, 1750 г. (Miller's guide... 2004. Р. 85). Россия, Императорский стекольный завод, 1790-е годы (Ашарина, 1978. Гл. 4. № 17).

№ 1457 (рис. 14, 4)

Стакан

Фрагм.; иризация по всей поверхности.

Манежная пл., 1995 г.;

Раскоп Моисеевский м-рь. № с090, соор. 1.

Форма и размеры

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр внизу – 5; толщина внизу – 0,52.

Дно вогнутое; диаметр – 5; толщина – 0,5.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бдм.

Цвет декора: серый средний; непрозрачный.

Место декора: тулово низ, снаружи.

Над дном горизонтальная полоса-зигзаг (своего рода рамка). Над ней – вертикальные полоски из горизонтальных отрезков прямой, чередующиеся с наклонными завитками.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резание.

№ 1468 (рис. 7, 2)

Н/у

Обломок; стекло хорошее.

Манежная пл., 1995 г.,

Моисеевский м-рь; № с101, соор. 1.

Форма и размеры

Тулово округлое, цилиндр или конус; толщина – 0,27–0,45.

Цвет основы: фиолетовый слабый светлый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: серый средний светлый; непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Горизонтальный стебель с листьями.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резание.

Аналогии: гравированные стекла с легким аметистовым оттенком характерны для продукции завода Немчиновых 2-й пол. XVIII в. (Ашарина, 1998. С. 72).

№ 1941 (рис. 1, 2)

Стопа

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

Старый Толмачёвский пер., 1–5, 2000 г.

№ 26.

Форма и размеры

Край выпуклый, расходящийся, асимметричный внутри, толщина – 0,28.

Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; диаметр сверху – 8; толщина – 0,27.

Цвет основы: серый слабый прозрачный.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Овал, обрамленный наклонными прямыми линиями разной длины. Внутри овала – вензель, по-видимому, Александра I, в верхней части овала – тщательно вырисованная корона, состоящая из трех частей.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резьба.

Аналогии: Россия, кон. XVIII в. (Gros-Galiner, 1970. Рис. между с. 72–73). Россия, Измайловский завод, нач. XVIII в. (Долгих, 1985. № 2(2)). Россия, неизв. частная фабрика, 1790-е (Долгих, 1985. С. 230. № 154(105)).

№ 4456 (рис. 1, 3)

Сосуд стопа (?)

Обломок, стекло хорошее.

Манежная пл., 1 (Манеж), 2004 г.

Раскоп 1, № 15.

Форма и размеры

Край выпуклый, расходящийся, асимметричный внутри, диаметр – 7; толщина – 0,27.

Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; диаметр сверху – 7; толщина – 0,26.

Цвет основы – серый слабый прозрачный.

Декор: вогнутый.

Цвет декора: белый ахроматический.

Место декора: тулововерху, снаружи.

Материал декора: бддм.

Изображение: под самым краем – корона, увенчанная державой, под ней – сетка из скругленных треугольников, вероятно, стилизованный щит.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: Россия, кон. XVIII в. (Gros-Galiner, 1970. Рис. между с. 72–73). Россия, Измайловский завод, нач. XVIII в. (Долгих, 1985. № 2(2)). Россия, неизв. частная фабрика; 1790-е (Долгих, 1985. С. 230. № 154(105)).

Анализ № 775-18.

Автор анализа: Егорьков А.Н.

Аналитический метод: спектральный оптико-эмиссионный.

Тип стекла: $K_2O-CaO-SiO_2$.

Источник щелочей: зола континентальных растений.

Источник щелочных земель – известняк.

Химический состав

Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	PbO	TiO ₂
0,9	7,8	5,7	0,8	0,8	0,2	0,2	0,2	0,06

№ 4464 (рис. 5, 2)

Сосуд стакан (?). Обломок, стекло хорошее.

Манежная пл., 1 (Манеж), 2004 г.

Раскоп 2; № 82.

Форма и размеры

Край выпуклый параллельный, ровный; диаметр – 5,5; толщина – 0,38.

Тулово округлое, цилиндр или конус расходящийся; диаметр сверху – 5,5; толщина – 0,36.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: композиция № 1 – тулововерху;

композиция № 2 – тулово центр.

Под краем проходит горизонтальная полоска повторяющихся спаренных овалов или листьев. Изображение, помещенное ниже, по-видимому, шпиль дома в китайском стиле.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Рис. 11. Растительный декор. Штофы

1 – № 18579; 2 – № 18580; 3 – № 217; А – Богемия или Германия; около 1700 г.
(Rümpel, van Dongen, 1991. Р. 243. № 495); Б – Украина, 1701–1900
(Рожанківський, 1959. Рис. 16г. С. 74); В – Россия, 1749 г. (Ашарина, 1998. Гл. 3. Рис. 15)

Техника нанесения декора:

- 1) резание (шлифование);
- 2) резание.

Аналогии: аналогичные дома со шпильками встречаются на расписных изразцах середины XVIII в. («китайщина», или шинуазри).

Анализ № 775-22

Автор анализа Егорьков А.Н.

Метод спектральный оптико-эмиссионный количественный.

Тип стекла $K_2O-CaO-Si_2O_3$.

Источник щелочей – зола континентальных растений.

Источник щелочных земель – известняк.

Химический состав

Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2
1	8,4	11	0,4	0,2	0,04	0,1	0,03

№ 4487 (рис. 12, 1)

Стопа (или рюмка)

Фрагм., коррозия по всей поверхности.

Манежная пл., 1 (Манеж), 2004 г.

Раскоп 5; № 44.

Край выпуклый расходящийся; диаметр – 6,5; толщина – 0,21.

Тулово округлое, конус расходящийся; диаметрверху – 6,5; толщина вверху – 0,21; толщина внизу – 0,32.

Цвет основы: бирюзовый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: бежевый сильный темный, непрозрачный (возможно, изначально белый, но затем въелась грязь).

Место декора: тулово верх.

По краю идут цветочные гирлянды.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналоги: точные параллели нам неизвестны, однако такие гирлянды характерны для декора эпохи классицизма, т. е. кон. XVIII – нач. XIX в. (Polskie... 1974. S. 136–137).

Анализ № 775-23

Аналитический метод: спектральный оптико-эмиссионный количественный.

Автор анализа: Егорьков А.Н.

Тип стекла: $K_2O-CaO-SiO_2$.

Краситель: $Fe_2O_3^*$.

Источник щелочей – зола континентальных растений.

Источник щелочных земель – доломит.

Химический состав

Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂
1,1	15	7	3,5	1,2	0,2	0,1	0,1

№ 4488 (рис. 12, 2)

Стопа (или рюмка)

Фрагм., коррозия по всей поверхности.

Манежная пл., 1 (Манеж), 2004 г.

Раскоп 5; № 44а.

Форма и размеры

Край выпуклый параллельный; диаметр – 7; толщина – 0,24.

Тулово округлое, конус расходящийся; диаметрверху – 7; толщинаверху – 0,24; толщинаннизу – 0,23.

Цвет основы: синий слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: бежевый сильный темный, непрозрачный (возможно, изначально белый, но затем въелась грязь).

Место декора: тулово верх.

По краю идут цветочные гирлянды.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналоги: точные параллели нам неизвестны, однако такие гирлянды характерны для декора эпохи классицизма, т.е. кон. XVIII – нач. XIX в. (Polskie... 1974. S. 136, 137).

Анализ № 775-24

Аналитический метод: спектральный оптико-эмиссионный количественный.

Автор анализа: Егорьков А.Н.

Тип стекла: $K_2O-CaO-SiO_2$.

Краситель: $Fe_2O_3^*$.

Источник щелочей – зола континентальных растений.

Источник щелочных земель – доломит.

Химический состав

Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂
0,9	11	2,2	1,8	0,5	0,3	0,08	0,06

№ 4554 (рис. 12, 4)

Солонка

Полн. форма; стекло хорошее.

Манежная пл., 1 (Манеж), 2004 г.

Раскоп 10; № 43.

Форма и размеры

Общая высота – 2,89.

Край плоский расходящийся, ровный; диаметр – 5,66; толщина 0,31.

Тулово округлое, шар, усеченный дважды; высота тулова – 2,89; диаметрверху – 5,66; диаметрвнизу – 1,82; толщина – 0,31.

Дно вогнутое; диаметр – 1,82; толщина – 0,60.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический непрозрачный.

Место декора: тулово.

Цветочный декор в стиле классицизма, покрывающий всю наружную поверхность.

Техника изготовления основы:

1) выдувание в форму;

2) полирование.

Техника нанесения декора:

1) резание;

2) шлифование.

Аналоги только по декору: Чехия, нач. XVIII в. – декор на бокале (Ciepiela, 1977. Rys. 12. S. 28); Польша, Варшава, 1-я пол. XVIII в. – декор на графине (Ciepiela, 1977. Rys. 72. S. 92).

№ 4666 (резн. – рис. 1, 4)

Стопа

Обломок; стекло хорошее.

Манежная пл., 1 (Манеж), 2004 г.

Уч. 2:2; № 197.

Форма и размеры

Край выпуклый расходящийся; диаметр – 8; толщина – 0,24.

Тулово округлое, конус расходящийся; диаметрверху – 8; толщина – 0,21.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический непрозрачный.

Рис. 12. Растительный декор

1 – № 4487; 2 – № 4488; 3 – № 4667; 4 – № 4554;
А – Польша; 1780–1820 гг. (Polskie... 1974. S. 136. Rys. 17a)

Место декора: тулово.

Под самым краем грубо изображена коронка, ниже которой, по-видимому, располагался щит.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: место находки не указано, кон. XVIII – нач. XIX в. (Gros-Galiner, 1970. P. 72–73).

№ 4667 (рис. 12, 3)

Стопа

Обломок; стекло хорошее.

Манежная пл., 1 (Манеж), 2004 г.

Уч. 2:2 № 198.

Форма и размеры

Тулово округлое, конус расходящийся; толщина – 0,20.

Цвет основы: серый слабый; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический; непрозрачный.

Место декора: тулово.

На наружной поверхности горизонтально расположены симметричные завитки или стилизованные листья. Под ними два кольца, соединенных широким прямоугольником, в верхней части которого – ряд повторяющихся балясин.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: Западная Европа, XVIII в. (Ruempel, van Dongen, 1991. P. 243. № F10003).

Примечания: аналогия не точная.

№ 7348. (рис. 1, 5)

Стопа (описана по фотографии)

Фрагм.

Бухвостова 2-я ул., вл. 7. Зона набл. № 003.

Сохранились верхняя часть тулова и край.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический; непрозрачный.

Место декора: на наружной поверхности.

Изображение – овал, в котором заключен двуглавый орел со скипетром и державой; над головами и в центре – короны (в центре – 3-частная); снаружи овала – бордюр из отрезков прямых линий разной длины.

Техника изготовления: нет сведений.

Аналогии: Россия; кон. XVIII в. (Gros-Galiner, 1970.

Рис. между с. 72–73). Россия, Измайловский завод, нач. XVIII в. (Долгих, 1985. № 2(2)). Россия, не-

известная частная фабрика; 1790-е (Долгих, 1985. С. 230. № 154(105)).

№ 18181 (рис. 14, 1)

Стакан (?)

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

Садовническая ул., 57, стр. 1–8, 2014 г.

№ 9с; пл. 17.

Форма и размеры

Край выпуклый расходящийся, диаметр – 7; толщина – 0,38.

Тулово округлое, конус расходящийся, диаметр вверху – 7; толщина вверху – 0,38.

Цвет основы: серый слабый, стекло полупрозрачное.

Декор: плоский.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Вверху – полукруг из двух линий, между которыми зигзагообразная линия, повторяющая контур прямых линий.

Между внутренней границей полукруга и краем сосуда – три контурных овала, расположенных горизонтально в шахматном порядке.

Техника изготовления основы: выдувание в форму – основа.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: открытые сосуды со шлифованным декором датируются XVIII – нач. XIX в. и известны в Зап. Европе (Rietzel, van Dongen, 1991. Fig. 240, 5), России (Ашарина, 1998. Рис. 6, 43b) и на Украине (Рожанківський, 1959. Рис. 15d).

№ 18449 (рис. 13, 2)

Чаша

Обломок; коррозия и иризация по всей поверхности.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 281, объект 9.

Форма и размеры

Край плоский расходящийся; диаметр – 17; толщина – 0,45.

Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; диаметр вверху – 17; толщина вверху – 0,45.

Декор: плоский.

Материал декора: бддм.

Цвет декора:

1) белый ахроматический, непрозрачный;

2) в цвете основы.

Место декора: тулово снаружи.

Несколько бордюров из геометрических (прозрачных) и растительных (белых) элементов.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резание и шлифование.

Аналогии найти не удалось, однако подобная система декора характерна для резных сосудов кон. XIX и 1-й пол. XX в.

№ 18505 (рис. 14, 2)

Рюмка

Обломок; стекло хорошее.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 1066b; кв. 81; гл. -165.

Форма и размеры

Край выпуклый расходящийся; диаметр – 5; толщина – 0,14.

Тулово – конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр – 5; толщина – 0,12.

Цвет основы – стекло бесцветное; прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Бордюр из повторяющихся окружностей, в которые включены эллипсы.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: как неточную аналогию можно указать рюмку чешского производства, датирующуюся кон. XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 12. S. 28).

№ 18506 (рис. 13, 1)

Стопа

Обломок; иризация по всей поверхности.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 1072; объект 108; кв. 114; гл. -167.

Форма и размеры

Тулово ребристое, коническое расходящееся, усеченное снизу; толщина (стенки) – 0,23.

Цвет основы – стекло бесцветное, прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Стебель с листьями и, возможно, цветком. Незначительный размер фрагмента не дает возможности установить композицию.

Техника изготовления основы:

1) выдувание в форму;

2) на тулово наложены вертикальные ребра.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: Варшава, 1-я пол. XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 43. S. 57).

Варшава, сер. XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 47. S. 59).

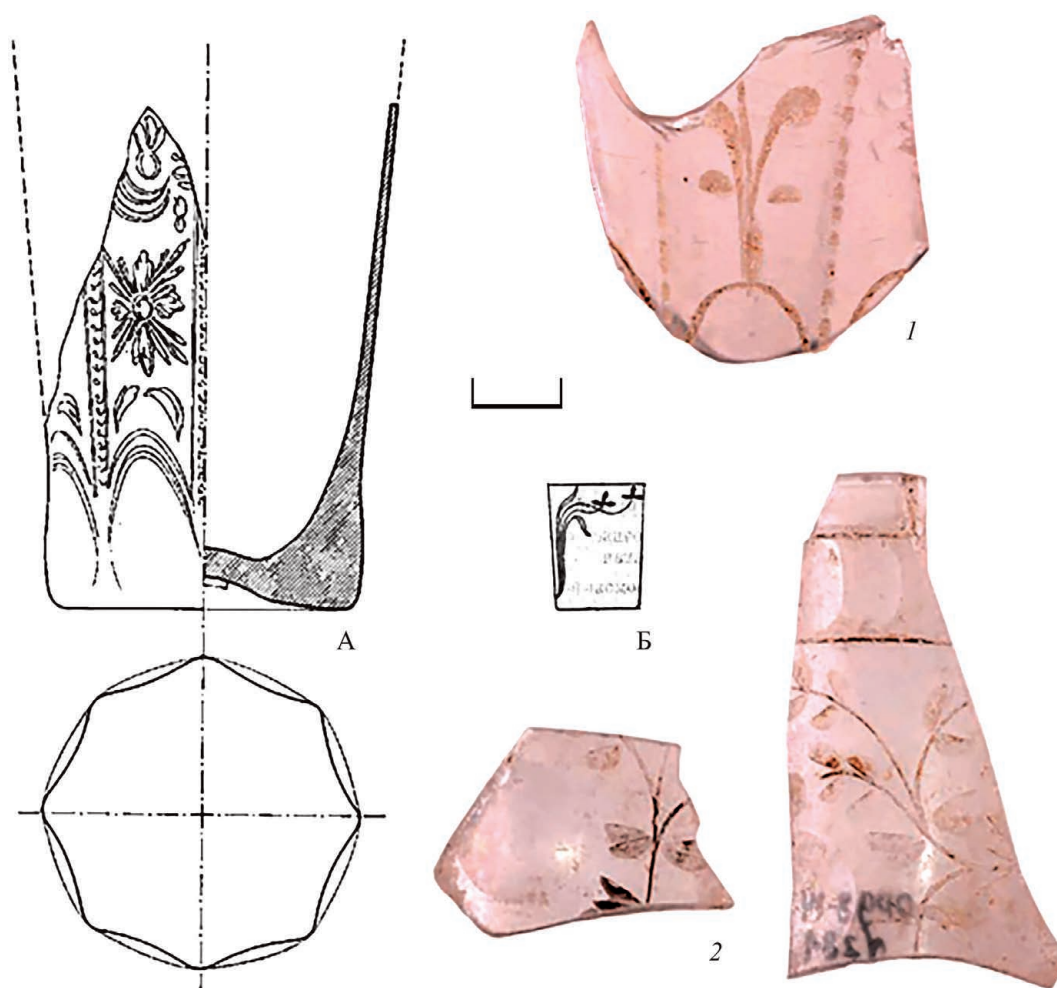

Рис. 13. Растительный декор. Стопы

1 – № 18506; 2 – № 18449; А – стакан, Варшава, 1701–1750 гг. (Ciepiela, 1977. Rys. 43. S. 57);
Б – Гусь-Хрустальный (Оптовый... 1912. С. 148)

№ 18516 (рис. 15, 1)

Стакан

Полная форма; стекло хорошее.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 1291+1411е; объект 175; кв. 123; гл. -204.

Форма и размеры

Общая высота – 8,76.

Край выпуклый, расходящийся; диаметр – 7,34; толщина – 0,28.

Тулово коническое, расходящееся, усеченное снизу; диаметр сверху – 7,34; диаметр внизу – 5,15; толщина сверху – 0,28; толщина внизу – 0,37.

Дно плосковогнутое внутри; диаметр – 5,15.

Цвет основы – стекло бесцветное, прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: в цвете основы.

Место декора: тулово снаружи.

Три горизонтальные полосы бордюра из вытянутых прямоугольников. Под первой полосой (сверху) – бордюр из горизонтальных ромбов, под второй – бордюр из треугольников.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора:

1) шлифование;

2) полирование огневое.

№ 18524 (рис. 10, 2)

Стакан (?)

Обломок; хорошая.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 1411а; Объект 117; кв. 78; гл. -282.

Форма и размеры

Край выпуклый, расходящийся; диаметр – 11; толщина – 0,18.

Тулово с многочисленными гранями, точную форму нельзя установить; диаметр – 11; толщина – 0,18.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Стебли с листьями и цветами, чередующиеся с колосьями.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналоги: Польша, 1790 (Polskie... 1974. Rys. 112).

№ 18553 (рис. 3, 1)

Стакан

Фрагм., коррозия локально.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 1675; объект 117; кв. 67/77; гл. -180.

Форма и размеры

Тулово коническое, расходящееся, усеченное снизу; диаметр внизу – 5,27; толщина внизу – 1,29.

Дно плосковыпуклое внутри; диаметр – 5,27; толщина – 1,51.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово внизу, снаружи.

Внизу – горизонтальный полуовал, над ним в центре задние ноги и хвост какого-то животного, возможно собаки; под брюхом какое-то растение (пучок листьев), с обеих сторон дерева, имеющие вид двухъярусных зонтиков; из концов полуовала выступают ветки с листьями, обрамляющие центральный сюжет.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование, резьба алмазной иглой.

Аналоги: по литературе известен бокал с аналогичной сценой, происходящий из Польши, Tarnowie; 1725 г. (Polskie... 1974. Rys. 59, 60). Но наш сосуд значительно проще и по форме, и по качеству декора. Похожий на наш кубок выставлен в Национальном финском музее в Хельсинки. 2-я пол. XVIII в.

№ 18579 (рис. 11, 1)

Штоф

Фрагм., коррозия и иризация по всей поверхности.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 1982; кв. 19; гл. -143.

Форма и размеры

Тулово граненое, призма; ширина внизу – 7,67×7,66; толщина внизу – 0,46.

Дно вогнутое; ширина – 7,67×7,66.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

На каждой грани – наклонный стебель с листьями.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резание алмазной иглой (?).

Аналоги: как аналогии декору можно указать резные штофы XVIII в. – штоф из Богемии или Германии, датирующийся временем около 1700 г. (Rietpel, van Dongen, 1991. Р. 243. № 495), и штоф с Украины, имеющий широкую дату – XVIII–XIX вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 16г. С. 74).

№ 18580 (рис. 11, 2)

Штоф

Фрагм.; иризация по всей поверхности.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 1982а; кв. 19; гл. -143.

Форма и размеры

Тулово граненое, призма; ширина внизу – 9,30×6,34; толщина внизу – 0,38.

Дно вогнутое; ширина – 9,30×6,34; толщина – 0,37.

Цвет основы: желто-зеленый средний светлый, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический; непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

На одной грани – вертикально расположенный стебель с листьями и цветами.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резание алмазной иглой (?).

Аналоги: как аналогии декору можно указать резные штофы XVIII в. – штоф из Богемии или Германии, датируемый временем около 1700 г. (Rietpel, van Dongen, 1991. Р. 243. № 495), и штоф с Украины с широкой датой – XVIII–XIX вв. (Рожанківський, 1959. Рис. 16г. С. 74).

№ 18645 (рис. 1, 7)

Стопа

Фрагм.; хорошая.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

Рис. 14. Неопределенный декор

1 – № 18181; 2 – № 18505; 3 – № 102; 4 – № 1457; А – кружка (кухоль), Украина, 1701–1800 (Рожанківський, 1959. Рис. 15д. С. 73); Б – бокал; Чехия, 1781–1800 (Ciepiela, 1977. Rys. 12. S. 28)

№ 2169.

Форма и размеры

Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; диаметр внизу – 6,20; толщина внизу – 0,46.

Дно вогнутое; диаметр – 6,20; толщина – 0,49.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Нижняя часть овала, снаружи овала – бордюр из отрезков прямых линий разной длины

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора:

1) шлифование;

2) резание алмазной иглой (?).

Аналогии: Россия; 1780–1800 (Gros-Galiner, 1970. Р. 72–73); Россия, Измайловский завод, 1701–1720 (Долгих, 1985. № 2(2)); Россия, неизвестная частная фабрика; 1790-е; (Долгих, 1985. С. 230. № 154(105)).

№ 18684 (рис. 2, 1)

27. Рюмка

Фрагм. Коррозия по всей поверхности.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 27-м; объект 175; кв. 118, 128.

Форма и размеры

Тулово эллипсоидное, усеченное дважды; диаметр внизу – 2,30; толщина внизу – 0,28.

Дно вогнутое; диаметр – 2,30; толщина – 0,34.

Ножка округлая (точнее определить нельзя); строение: сплошная цельная, продолжение дна; диаметр ножки – 1,14.

Цвет основы: оливковый слабый, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический; непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Овал, снаружи овала – бордюр из отрезков прямых линий разной длины.

Цвет декора – белый ахроматический.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резьба.

Аналогии: Берлин или Дрезден; 1725 (Miller's guide... 2004. Р. 104).

№ 18686 (рис. 10, 1)

Стакан

Фрагм.; иризация снаружи.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 29-м; объект 175; кв. 118, 128.

Форма и размеры

Край выпуклый расходящийся, ровный; диаметр – 6; толщина – 0,20.

Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; диаметр сверху – 6; толщина сверху – 0,20.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Стебли с листьями и цветами, чередующиеся с колосьями.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: Польша, 1790 г. (Polskie... 1974. Rys. 112).

№ 18707 (рис. 15, 2)

Стакан

Фрагм.; стекло хорошее.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 50-м; объект 175; кв. 128, 118.

Форма и размеры

Край выпуклый, расходящийся; диаметр – 7; толщина – 0,26.

Тулово коническое, расходящееся, усеченное снизу; диаметр сверху – 7; толщина сверху – 0,26; толщина в центре – 0,21.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: бесцветный, прозрачный.

Место декора: тулово – вся поверхность; снаружи.

Сетка из горизонтальных эллипсов.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора:

1) шлифование;

2) огневое полирование.

№ 18709 (рис. 15, 3)

Стакан (кубок)

Верх.

Кадашевский туп., 3 / Ордынка ул., 8–14, 2015 г.

№ 52м; объект 175; кв. 128, 118.

Форма и размеры

Край острый асимметричный внутрь; диаметр – 5; толщина – 0,35.

Тулово округлое, цилиндр выпуклый; диаметр сверху – 5; толщина сверху – 0,35; толщина в центре – 0,29.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово верх, снаружи.

Горизонтальная полоса, на которую нанесены ромбы, образующие бордюр.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора:

1) шлифование (полоса);

2) резание (ромбы).

Аналогии: Польша, нач. XIX в. (Ciepiela, 1977.

Rys. 54. S. 65). В отличие от рассматриваемого у этого стакана ромбами покрыта вся поверхность тулова.

№ 18821. (рис. 1, 6)

Стопа

Фрагмент, сохранность стекла хорошая.

Остоженка ул., 2–4–6; 2017 г. № 302-инд. кв. 5В, гл -220; яма 6.

Форма и размеры

Край плоский расходящийся; диаметр – 8; толщина – 0,35.

Тулово коническое расходящееся, усеченное снизу; диаметр сверху – 8; толщина сверху – 0,35; толщина – 0,41.

Цвет основы: стекло бесцветное, прозрачное.

Декор: выпуклый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Изображение – двуглавый орел, над головами и в центре – короны (в центре – 3-частная).

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: изображение выполнено в технике высокой резьбы с тонкой детализировкой.

Аналогии: среди известных нам публикаций как близкую аналогию можно указать стопу, у которой в овале двуглавый орел со скипетром и державой, а над овалом – корона. Овал обрамлен наклонными прямыми линиями разной длины, которые публикатор интерпретирует как солнечные лучи. По-видимому, овал изображает щит (Gros-Galliner, 1970. Вкл. между с. 72–73). Автор определяет место производства сосуда как «Богемия или Россия». По нашему мнению, изображение двуглавого орла со скипетром и державой, аналогичное изображению на российских государственных печатях, свидетельствует в пользу русского происхождения. В отличие от других известных нам изображений, выполненных небрежно, здесь мы видим высокую резьбу с тонкой детализировкой.

Рис. 15. Геометрический декор

1 – № 18516; 2 – № 18707; 3 – № 18709; А – стакан, Польша, 1800–1820
(Ciepiela, 1977. Rys. 54. S. 65)

№ 19031 (рис. 16, 1)

Кружка

Полная форма, стекло хорошее.

Зубовская пл., 7, стр. 1–4, 2019 г. УЭР, соор. 1;
№ 27.

Форма и размеры

Общая высота – 10.

Край выпуклый расходящийся, асимметричный
наружу; диаметр – 6; толщина – 0,25.

Тулово округлое, эллипсоид, усеченный дважды;
высота – 10; диаметр сверху – 6; диаметр внизу –
4,79; толщина – 0,31.

Дно плосковыпуклое внутри; диаметр – 4,79.

Ручка:

сечение продольное – вертикальное округлое;
сечение поперечное – ребристое.

Прут расширяется внизу, в месте крепления обра-
зует многолучевую звезду.

Строение: сплошная, отдельный элемент.

Место:

верх – тулово, середина;

низ – нельзя установить.

Размеры: высота ручки – 7,17; толщина сверху –
1,30×0,79; толщина внизу – 2,61×2,24.

Цвет основы: бесцветное, прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрач-
ный.

Место декора: тулово снаружи.

Сверху и снизу на сосуд нанесены горизонтальные
полоски бордюра из горизонтальных овалов, за-
ключающие в рамку всю поверхность тулова. Она

Рис. 16. Сувенирная кружка (пейзаж) (№ 19031)

покрыта сеткой из вертикальных прямоугольников, между которыми вставлены 2 горизонтальные полосы меандра. В центре сосуда круг, в нем – изображение двухэтажного здания с двумя одноэтажными крыльями-галереями, а под ним надпись в два ряда **Bah-Wiesen / quelle**. Весь декор непрозрачный, белый ахроматический, что создает контраст с прозрачной бесцветной основой кружки.

Техника изготовления:

- 1) основа сосуда выдута в форму;
- 2) ручка вытянута и прилеплена.

Техника нанесения декора: шлифование.

Аналогии: в 1-й пол. XIX в. «архитектурные виды были очень популярны в гравированном стекле во многих странах, но особенно интенсивно в этом стиле работали граверы, специально выезжавшие на курорты Богемии и Германии во время сезона» (Ашарина, 1998. С. 126). Сосуды с гравированными архитектурными пейзажами (ведутта) этого же времени из Богемии (Vavra, 1954. Fig 273). Надпись содержит, по-видимому, название какого-то курорта (вод). На это указывают слово **quelle** (в переводе

с немецкого – источник) в нижнем ряду и первая часть собственно названия (**Bah**, то есть ручей). Отметим, что надпись выполнена особым вариантом латиницы – так называемым готическим шрифтом, применявшимся в немецкоязычных странах. При этом мастер допустил орфографическую ошибку: в слове *Vasch* явно пропущена буква «с».

Кубок (рис. 4, 1)

Полная форма; коррозия, иризация по всей поверхности.

Серебряническая наб., 7–11, 2018 г.

Раскоп 2; № 75, соор. 4а; кв. Е-15; гл. -452.

Форма и размеры

Общая высота – 10,5.

Край выпуклый расходящийся, симметричный; диаметр – 8,79; толщина – 0,32.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; высота – 10,5; диаметр сверху – 8,79; диаметр внизу – 6,13; толщина сверху – 0,32.

Дно плоское; диаметр – 6,13.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово, вся поверхность снаружи.

Стилизованные изображения зданий чередуются с геометрическим и растительным орнаментом («китайщина»).

Техника изготовления основы: выдувание свободное (?).

Техника нанесения декора: резание алмазной иглой (на всех элементах декора – характерные перпендикулярные штрихи).

Аналогии: общая композиция – Чехия; 1-я пол. XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 52); домик – Варшава, сер. XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 51). Аналогичные дома со шпильями встречаются на расписных изразцах сер. XVIII в. («китайщина», или шинуазри).

Штоф (рис. 4, 2)

Полная форма; коррозия локально (помутнение).

Сретенка ул., 3 / Пушкарёв пер., 26, 2021.

№ 165.

Форма и размеры

Общая высота – 18.

Край плоский; диаметр – 2,66; толщина – 0,16.

Венчик горизонтальный ровный; высота (толщина) – 0,56; диаметр – 3,96; диаметр внутри – 2,18; ширина – 0,90.

Горло округлое, конус расходящийся, усеченный, снизу ровный; высота – 3,8; диаметр сверху – 2,62; диаметр внизу – 2,51.

Вокруг горла на тулове кольцевое углубление.

Тулово граненое; пирамида расходящаяся 4-гранная, усеченная снизу; ребра скруглены; высота – 14,2; ширина сверху – 9,36×8,08; ширина внизу – 8,74×7,69; толщина сверху – 0,84; толщина внизу – 0,35.

Дно вогнутое; ширина – 8,74×7,69.

Цвет основы: бесцветный, стекло прозрачное.

Декор: вогнутый.

Материал декора: бддм.

Цвет декора: белый ахроматический, непрозрачный.

Место декора: тулово снаружи.

Стилизованные изображения зданий чередуются с геометрическим и растительным орнаментом («китайщина»).

Техника изготовления:

1) выдувание в форму – основа;

2) вытягивание – горло;

3) наклад полосы на край – венчик;

4) прессование на плоскость – венчик.

Техника нанесения декора: резание алмазной иглой (на всех элементах декора – характерные перпендикулярные штрихи).

Аналогии: общая композиция – Чехия; 1-я пол. XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 52); домик – Варшава, сер. XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 51).

Аналогичные дома со шпильями встречаются на расписных изразцах середины XVIII в. («китайщина», или шинуазри).

Литература

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX вв. М.: Галарт. 255 с.

Баранова С. И., 2011. Русский изразец: Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ. 429 с.

Долгих Е. В., 1985. Русское стекло XVIII в. Собрание Гос. музея керамики и «Усадьба Кусково». М.: Искусство. 246 с.

Оптовый преискуронт Гусевской хрустальной фабрики. Гусь-Хрустальный: б. и., 1912. 230 с.

Рожанківський В. Ф., 1959. Українське художнє скло. К.: АН УРСР. 152 с.

Ciepiela S., 1977. Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 141 s.

Gros-Galliner G., 1970. *Glass: A Guide for Collectors* New York: Stein and Day. 175 p.

Miller's glass buyer's guide. London, Octopus Publishing group Ltd., 2004. 320 p.

Polskie szkło. Wrocław – Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1974. 176 s.

Ruempel A. P. E., van Dongen A. G. A., 1991. *Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam. Pre-industrial Utensils 1150–1800.* Rotterdam: de Bataafsche Leew. 304 p.

Vavra J., 1954. *Das Glas und die Jahrtausende.* Praga: Artia. 198 s.

Yu. A. Lighter

**Carved glass from the excavations
of the Archaeological Service of Moscow**

Summary

Vessels with carved decor found during excavations in Moscow are considered. Most of them are represented by fragments, but the whole form can be reconstructed by comparison with the whole forms

known from the literature. It was possible to identify Central European products, the so-called Cherkasy (Ukrainian) and Russian. Attached is a catalog with a description of these vessels.

Керамологические исследования

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-396-1.278-287>

Д. Ю. Бадеев, Т. А. Гражданкина, П. Е. Русаков

Институт археологии РАН, Москва

Гончарный горн с селища Катышево-1 под Муромом

В 2021 г. при подготовке строительства скоростной автодороги Москва – Казань во Владимирской области Институт археологии РАН проводил спасательные раскопки трех средневековых селищ, представляющих значительный интерес для изучения древнерусского расселения и исторического облика сельских областей Древней Руси. Одним из объектов данных работ стало селище Катышево-1 в Муромском районе Владимирской области, к северо-западу от г. Мурома, в 250–300 м к северу от современной застройки д. Катышево, на правом высоком берегу р. Илевны, левого притока р. Оки (рис. 1).

Селище выявил и исследовал Федор Яковлевич Селезнев в 20-е годы XX в. (Селезнев, 1924). Среди находок с площадки памятника происходили лепная и гончарная древнерусская керамика, железный серп, пряслица, фрагмент кожаного пояса с бронзовыми накладками. Зафиксированная мощность слоя составляла 70–80 см. Размеры памятника на основе сбора подъемного материала определены как 270×80 м. Площадка памятника вытянута вдоль береговой линии. С 1998 г. селище Катышево-1 включено в перечень археологических объектов федерального значения.

Осенью 2020 г. памятник разведками вновь обследовали сотрудники ИА РАН по будущей трассе скоростной автомобильной дороги Москва – Нижний Новгород – Казань. Серией шурфов уточнены границы памятника и его площадь, составившая 27 260 кв. м. Установлено, что в зону строительства трассы попадает основная часть селища площадью 20 650 кв. м, не затрагивалась лишь северная часть памятника вдоль береговой линии. Объект археологического наследия в плане имеет сложную форму, вытянут по направлению с запада на восток. Кроме того, стало очевидно, что в результате активного сельскохозяйственного использования

участка в советское время культурный слой практически полностью уничтожен. Локальные незначительные участки переотложенного слоя, представленного темно-коричневой супесью с единичными включениями печины (мощностью не более 25 см), отмечались на памятнике уже в ходе археологических раскопок в 2021 г. Одно из таких пятен слоя оказалось зафиксировано в северо-восточной части селища.

В полевом сезоне 2021 г. исследована практически вся площадь селища в границах землеотвода. Работы на южной периферии памятника продолжились в 2022 г. На изученной площади выявлено около 1900 заглубленных объектов: подполья, хозяйственные ямы, линии частоколов и столбовые ямы, два погребения; 2000 единиц индивидуальных находок, 75 326 фрагментов керамики (в т.ч. 318 фрагментов XVIII–XIX вв.; 100 – лепных, правленных на круге; 10 обломков лепной сетчатой керамики раннего железного века). Остальной объем массового керамического материала относится к концу XI – началу XV в. Керамический материал XIII–XV вв. концентрировался в восточной половине раскопа. Обломки сосудов из нежелезненных глин представляли 21% от него, преимущественно с тонкими примесями, 17% из слабожелезненных глин с крупными примесями органики и песка, 41% из железненных глин с преимущественными примесями песка, 4% – обломки сосудов из железненных глин с редкими примесями крупной дресвы.

Среди индивидуальных находок можно отметить ювелирные изделия (височные кольца, браслеты, предметы личного благочестия), предметы из железа (ножи, сельскохозяйственные орудия), камня (створки литейных форм) и стекла. Последняя категория находок представлена 150 обломками стеклянных браслетов, предметов, более

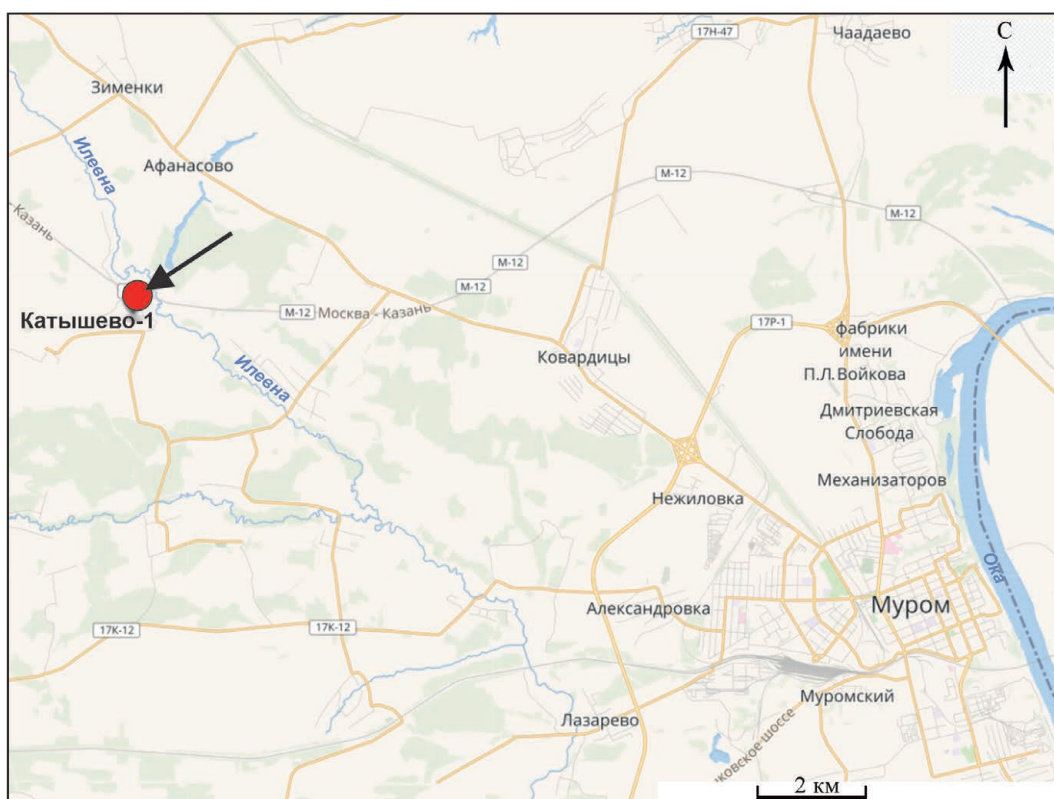

Рис. 1. Место расположения селища Катышево-1

характерных для городской культуры. Из общего числа находок можно отметить статусные вещи, связанные в том числе с воинской службой, – фрагмент шпоры, поясные накладки, элементы конской упряжи, наконечники стрел, кольчужные кольца. Среди прочих статусных вещей выделяется литой из медного сплава круглоконечный крест-энколпион. О статусе поселения и характере занятий его жителей также свидетельствует клад земледельческого инвентаря, сокрытый в подполе средневековой постройки; в его составе четыре плужных лемеха, шесть серпов, коса-горбуша, плужный нож и клин для крепления наральника. Количество предметов и ценность железа как такого указывают на немалую стоимость данного комплекса вещей. Присутствовали среди находок и предметы более ранних эпох, например, целый керамический сосуд и кремневый наконечник стрелы из захоронения эпохи бронзы.

Исходя из полученных в ходе раскопок 2021–2022 гг. данных, селище Катышево-1 можно датировать в рамках XII – начала XV в. – периода, отражающего существование независимого Муромского княжества, вплоть до момента включения его в состав Московского государства. Именно с последним периодом соотносится один из ин-

тереснейших ремесленных комплексов с территории селища Катышево-1.

В северо-восточной части селища Катышево-1 выявлен и исследован уникальный для археологии Муромской земли комплекс – глинобитный гончарный горн, заглубленный в яму. Объект располагался в северо-восточной части памятника, примерно в 20 м от берега р. Илевы. Дневная поверхность горна связана с нижней частью слоя II (темно-коричневая супесь с единичными включениями печины) – переотложенные в ходе распашки остатки средневекового слоя. На зачистке по уровню поверхности материка объект имел восьмеркообразную форму, вытянутую по оси северо-запад – юго-восток. В юго-восточной части комплекса выделялось пятно кольцевидной формы прокаленного до красного цвета суглинка (рис. 2; 3). Как показали дальнейшие исследования, этот прокаленный суглинок являлся верхней частью стенок глинобитного горна. Следует указать на присутствие в непосредственной близости от комплекса нескольких столбовых ям. Они располагались к северо-западу и юго-востоку от основного пятна объекта.

Камера горна в плане имела округлую форму внешним диаметром 185–190 см. Толщина стенок составляла 10–14 см. Внешняя поверхность стенок

Рис. 2. Комплекс объектов керамического горна
а – на зачистке по уровню выявления горна (вид с юга); *б* – разрез

горна прокалена до черного цвета. Горн располагался в яме и сохранился на высоту 72 см. Свод горна разрушен и отложился в средней части заполнения объекта, где зафиксирован массив пещины. В центральной части горна располагался

опорный столб – «козел» диаметром 30 см и высотой 26–30 см (рис. 3). Он сложен из той же глины, что и стенки горна. На поверхности опорного столба имелись отпечатки с фактурой древесины. Сам под горна не сохранился, вероятно, он

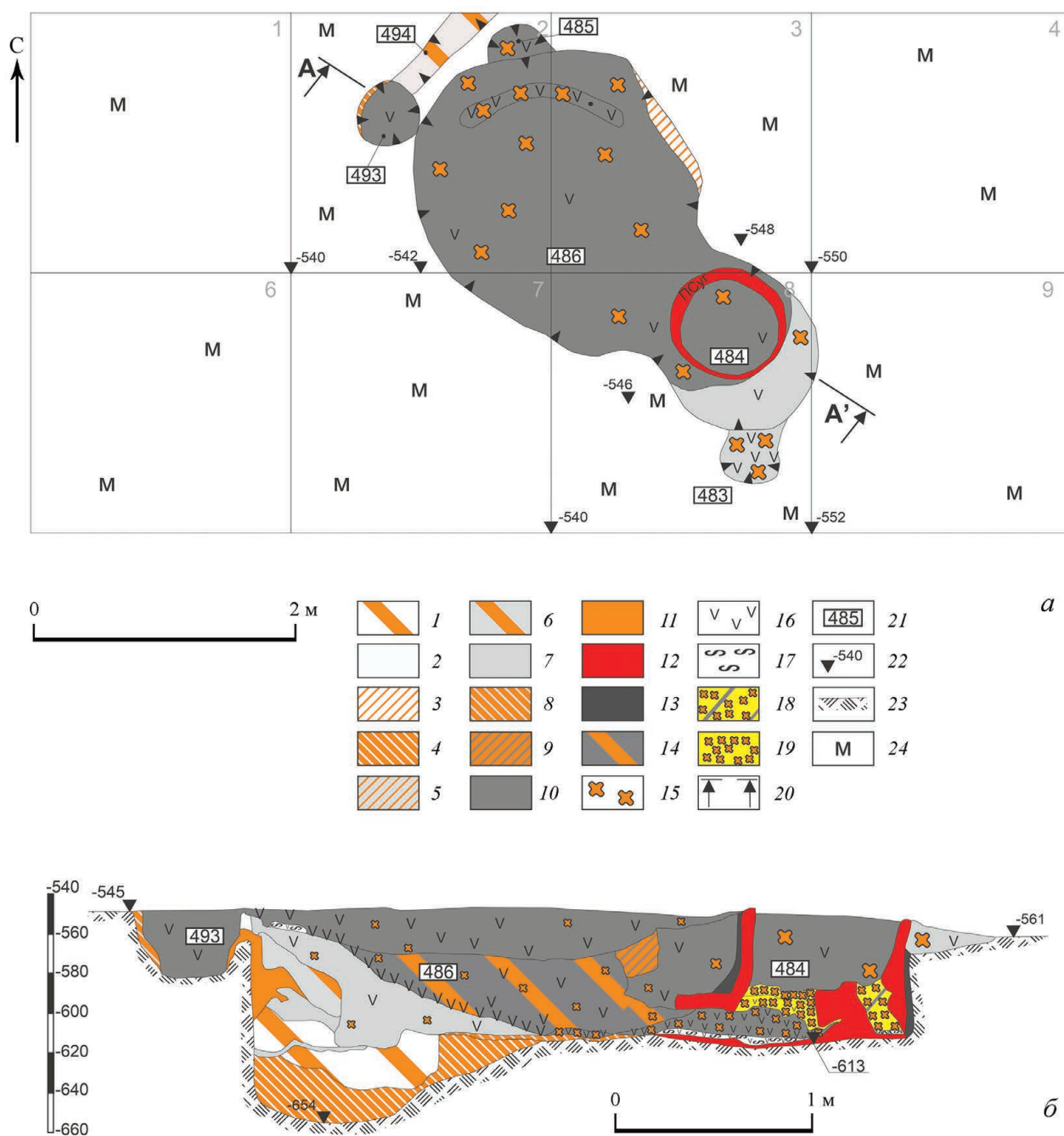

Рис. 3. Комплекс объектов керамического горна

a – керамический горн с предгорновой ямой на зачистке по уровню поверхности материка; *б* – керамический горн с предгорновой ямой, разрез. 1 – светло-серая супесь с единичными включениями рыжего суглинка; 2 – светло-серая супесь; 3 – светло-серая супесь с включениями рыжего суглинка; 4 – рыжий суглинок с единичными включениями светло-серой супеси; 5 – серая супесь с включениями рыжего суглинка; 6 – серая супесь с единичными включениями рыжего суглинка; 7 – серая супесь; 8 – рыжий суглинок с включениями серой супеси; 9 – рыжий суглинок с включениями темно-коричневой супеси; 10 – темно-коричневая супесь; 11 – рыжий суглинок; 12 – суглинок, прокаленный до красного цвета; 13 – суглинок, прокаленный до черного цвета; 14 – темно-коричневая супесь с единичными включениями рыжего суглинка; 15 – пещина; 16 – угли; 17 – зола; 18 – массив пещины с единичными включениями темно-коричневой супеси; 19 – массив пещины; 20 – место разреза; 21 – номер объекта; 22 – высотные отметки; 23 – материк на разрезе; 24 – материк на плане

тоже разрушился в процессе обжига керамики. Отверстия продухов в ходе разбора массива печины из заполнения горна не обнаружены. Возможно, отверстия представляли собой щели между подом и стенками горна, через которые горячие газы поступали в обжигательную камеру. На дне горна располагалась зольно-угольная прослойка, мощность которой не превышала 8 см. Ближе к устью горна ее перекрывала прослойка темно-коричневой супеси, насыщенная печиной – обломками стенок и пода горна. Появление темно-коричневой супеси в заполнении придонной топочной части горна можно объяснить просачиванием ее под воздействием естественных процессов в остававшиеся пустоты. Основание горна составлял прокаленный до красного цвета суглинок. Мощность прокала достигала 5–6 см. Устье горна (полукруглой формы, размерами 50×27 см и высотой 25 см) размещалось в его северо-западной части и выходило в предгорновую яму подовальной формы, ориентированную по оси северо-запад – юго-восток, размерами 230×190 см. В юго-западной части предгорновая яма нарушала хозяйственную яму предшествующего периода, заполнение последней значительно отличалось и состояло из рыжего суглинка с единичными включениями серой и светло-серой супеси (рис. 3). Таким образом, выявленный в Катышево объект можно интерпретировать как двухкамерный гончарный горн с вертикальной системой поступления горячих газов и предгорновой ямой. Подобной конструкции гончарные горны первого класса (по А. А. Бобринскому) «являются наиболее древними в истории гончарства» (Бобринский, 1991. С. 97, 98).

На территории Древнерусского государства горны подобного типа известны на городских и сельских памятниках IX–XIV вв. Схожие горны домонгольского времени (конца XII – первой половины XIII в.) известны на посадке Ростиславля Рязанского и сельском поселении Монастырщина 5 (Коваль, 1997; Гоняный, Кокорина, Свирина, 1993). К первой половине XIV в. относились конструктивно идентичные печи из района гончаров золотоордынского Болгара у Голландского озера (Хованская, 1954. С. 359, 360). Имелись аналогичные горны в Гончарной слободе в Москве, где они датировались XV в., однако стенки горнов там были сложены из кирпичей и глины (Мальм, 1949. С. 44–49. Рис. 1, 2). Среди ближайших аналогий как по хронологии, так и по территориальной близости можно рассматривать гончарную печь, выявленную в ходе раскопок 1955 г. на территории г. Владимира (Седов, 1958). Горн из Владими-

ра имел схожие размеры (диаметр – 185 см, высота 70–75 см), однако у него были более мощные стенки, толщиной до 20–25 см. Как и у катышевского горна, к устью печи из Владимира примыкала предгорновая яма глубиной около метра. Однако ее полные размеры определены не были. Владимирский горн датирован XIV в. Установить, какая разновидность керамических сосудов обжигалась во владимирском горне, не удалось. Обломки красноглиняной посуды из его заполнения не подбирались в сосуды и даже «в более или менее крупные куски». Вероятно, после прекращения использования горн служил местом для утилизации отходов.

Несколько иную ситуацию можно наблюдать для горна с селища Катышево-1. Из его заполнения происходило 524 фрагмента керамики: 205 обломков непосредственно в заполнении горна и 319 – в предгорновой яме. В нижней части заполнения горна обнаружены развалы как минимум пяти красноглиняных горшков: они залегали в зольно-угольной прослойке на дне топочной части горна, хотя отдельные фрагменты встречались и среди массива печины, и в нижней части заполнения предгорновой ямы, ближе к устью горна. Удалось собрать пять полных профилей сосудов, три из которых с клеймами (рис. 4; 5). Еще одно донце с клеймом не удалось связать с конкретным горшком. Также в верхних слоях предгорновой ямы собран полный профиль крышки от горшка из формовочной массы, схожей с тестом упомянутых горшков (рис. 4, 7; 5, 7). Наличие данной крышки расширяет спектр продукции, выпуском которой могла заниматься мастерская с территории селища Катышево-1. Но утверждать, что обжиг таких крышек производился в рассматриваемом горне, не представляется возможным.

Все горшки из горна имеют близкий состав теста и схожую профилировку (рис. 4; 5). Формовочная масса изготовлена из ожелезненной глины с примесями органики и редкими включениями крупной дресвы. Степень ожелезненности глины оценить сложно, возможно, ее ярко-рыжий цвет связан со слишком долгим пребыванием изделий в печи. Орнаментация всех сосудов состояла из трех-четырех витков линейного орнамента, выполненного палочкой. Донца сформированы на зольной подсыпке без закраины. Венчики прямые, отогнутые наружу на 25–30 градусов, с хорошо заглаженным заворотом чернового края на внутреннюю сторону устья сосуда. По плечу трех горшков читается ребро. Неполная сохранность и деформации горшков позволяют установить лишь приблизительные их размеры. Четыре

Рис. 4. Керамические изделия со дна топочной камеры горна
1–6 – горшки; 7 – крышка

горшка имели высоту примерно 17–21 см, один горшок большего размера – до 23 см в высоту. Убедительный брак, представленный растрескиванием поверхности сосудов в процессе обжига, читается в трех случаях: на донце с клеймом, на венчике из предгорновой ямы и на одном из собранных полных профилей. Остальные сосуды не имели растрескивания поверхности, но были деформированы под воздействием высоких температур.

Несмотря на сходство, горшки из горна имели между собой и некоторые различия. Выделяется самый большой сосуд, который имел меньше крупных примесей (дресва в составе теста очень редкая), поверхность заглажена. Кроме того, орнамент нанесен на него более тонким инструментом и проведен глубже. Орнамент на остальных сосудах нанесен одним инструментом (палочкой) с зазубринами, ширина линий – около 2 мм, глубина нанесения – менее миллиметра. Эти наблюдения позволяют предположить, что сосуды сделаны как минимум двумя мастерами.

Керамика, аналогичная собранной в горне, слабо представлена на самом селище Катышево-1. Лишь около 0,25% керамики, собранной на памятнике,

имеют подобные сочетания признаков теста и формы сосудов. Первая группа (группа А) из глин меньшей ожелезненности имеет два варианта состава формовочных масс: один из них с редкой примесью крупной дресвы и заглаженной поверхностью, второй – с большим количеством среднекалиброванного песка. Ее венчики отогнуты наружу, но имеют заостренный чистовой край, с валиком на внешней стороне, ребро на плече едва выражено, орнамент в половине случаев отсутствует, на одном донце такой керамики присутствует клеймо геометрической подтреугольной формы (рис. 6, 1–3). Вся керамика этой группы качественная, ровных пропорций, брака на ней не обнаружено.

Вторая группа (группа Б) преимущественно выполнена из слабоожелезненных глин с примесями крупной органики, некалиброванного редкого песка. Сами сосуды выполнены грубо, тесто рыхлое, днища на зольной подсыпке без закраины, ребро на плече отсутствует, орнаментация линейная, разреженная, нанесенная в три-четыре витка по верхней части плеча. Венчики таких сосудов преимущественно с вертикальной шей и двойным загибом чернового края на внешнюю сторону

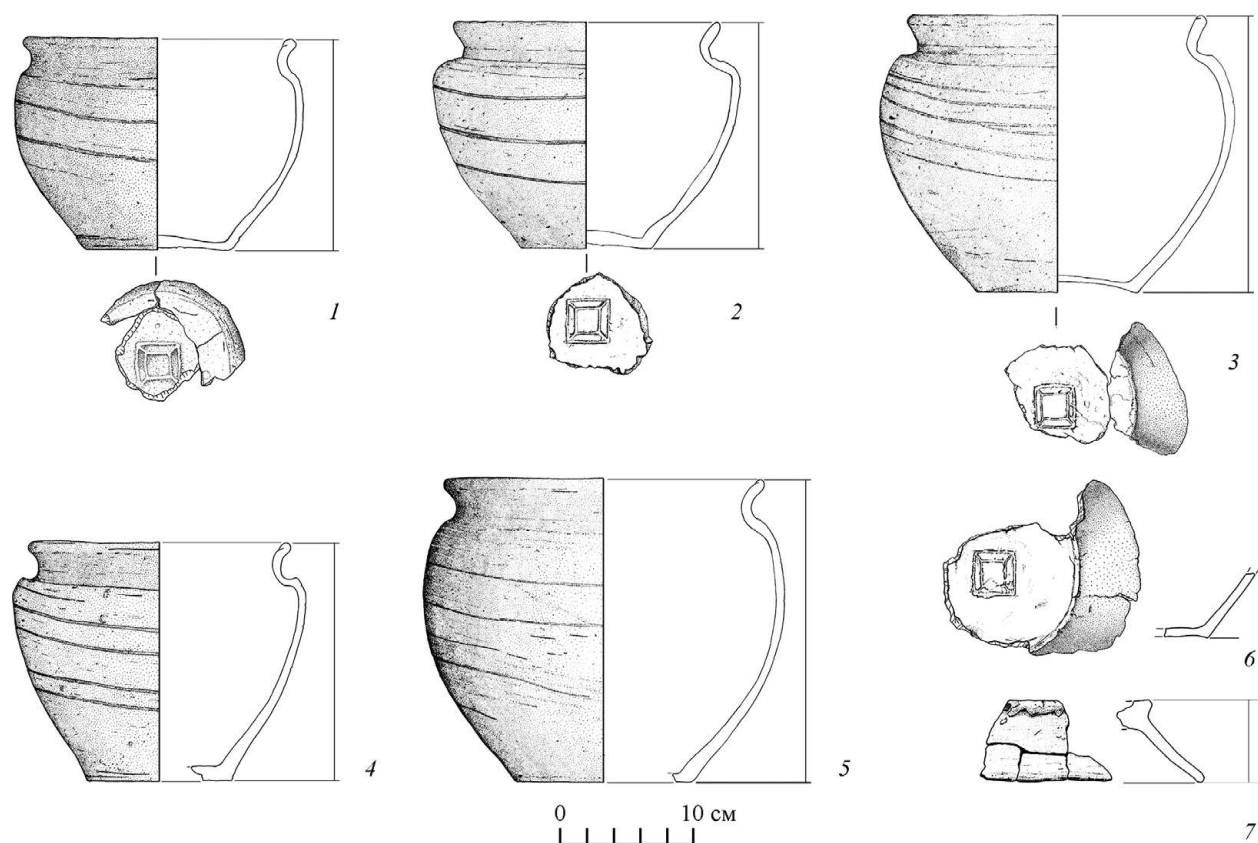

Рис. 5. Формы керамических изделий со дна топочной камеры горна (реконструкция)

1–6 – горшки; 7 – крышка

и внутрь, образующим небольшой валик по внешней его кромке (рис. 6, 4–6). На четырех донцах таких сосудов есть клейма в виде геометрической решетки и колеса.

Фрагменты сосудов обеих упомянутых групп присутствовали в переотложенном и пережженном виде в комплексе горна. По составу теста и орнаментации сосуды из комплекса горна наиболее близки к группе Б, однако имеют значительно лучшую обработку. Вероятно, местный мастер или мастера на протяжении второй половины XIV в. наладили выпуск керамических сосудов на территории селища Катышево-1, однако последний обжиг в выявленном нами горне оказался неудачным. После этого развитие производства местной керамики прекратилось, а горн вместе с предгорновой ямой еще непродолжительное время использовался для свалки бытового мусора. Судя по отсутствию на площадке селища материалов, датированных второй половиной XV – XVI в., прекращение производства местной керамики совпадает с финальной стадией существования поселения.

Как было отмечено выше, на донцах горшков из горна располагались полностью аналогичные

друг другу клейма в форме двух прямоугольников, вписанных один в другой, углы прямоугольников между собой соединялись диагональными линиями (рис. 5, 1–3, 6). По материалам анализа гончарных клейм Северо-Восточной Руси, выполненного Е. К. Кадиевой, «знаки в виде прямоугольника встречаются в незначительном количестве <...> в слоях второй половины XII – XIII в.» (Кадиева, 2007. С. 182). А вот на территории региона Куликова поля клейма прямоугольной формы в большинстве своем датируются первой половиной XIII – третьей четвертью XIV в. (Гоняный, Заидов, 2002. С. 136. Рис. 4). По материалам раскопок Ростиславля Рязанского клейма подобных форм датируются XIV – началом XV в. (Коваль, 1997. С. 127). Из Твери основная масса клейм в виде квадрата, вписанного в квадрат, происходит из комплексов XV в. (Кобозева, 2014. С. 380. Рис. 11). Самые поздние датировки «квадратных» клейм относятся к городу Дмитрову, где они занимают вторую позицию по распространенности в комплексах XV–XVI вв. При этом для Дмитрова отмечена еще одна закономерность: клейма на основе квадратов в большинстве случаев

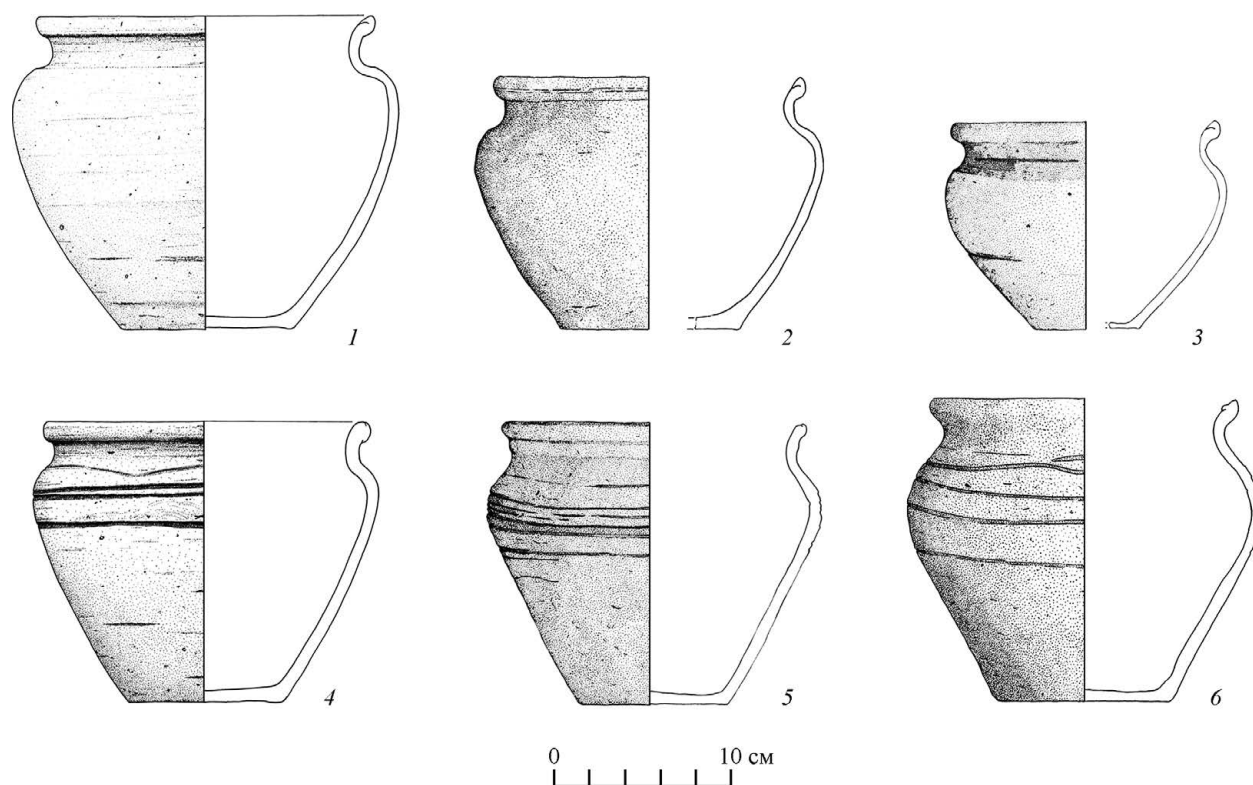

Рис. 6. Керамические сосуды с территории селища Катышево-1, близкие по форме и составу формовочных масс к керамическим изделиям из горна
1–3 – группа А; 4–6 – группа Б

располагались на донцах с подсыпкой золы (Панченко, 2007. С. 203). Гончарные клейма в виде прямоугольников встречены и среди археологических находок с территории Мурома, однако какой-либо информации по датировкам данной группы клейм нет (Неупокоева, 2019. С. 190, 191. Рис. 6). Впрочем, как отмечают некоторые исследователи, данная категория изображений на донцах сосудов сама по себе хронологической классификации не поддается, однако наличие клейм принято связывать с использованием ручного гончарного круга медленного вращения (Коваль, 2002. С. 125–127; Хижняков, 2002. С. 145).

Сочетание группы керамики из комплекса горна и близких с ней групп керамики с территории селища Катышево-1 находит аналогии в материалах, полученных при исследованиях средневековых памятников середины XIII – начала XV в. в устье р. Оки (Грибов, 2006). Так, катышевские сосуды из групп А и Б сходны с выделенными Н.Н. Грибовым хронологическими группами I, III (середина XIII – середина XIV в.) и группами разновидностей венчиков 17, 18, 22, 23, 26. Формы из заполнения горна близки хронологической группе II

(середина XIV – начало XV в.) и редким на памятнике группам разновидностей 12 и 13. Несмотря на появление дресвяных включений в тесте сосудов из комплекса горна, по сравнению с грубым составом масс местных горшков предшествующего периода оно более плотное, чистое, крупных органических включений в нем нет.

Стоит отметить, что форма сосудов из горна также находит аналогии среди различных комплексов второй половины XIV – первой половины XV в. в других регионах Северо-Восточной Руси. Например, для Рязани (тип 11 В, Г по И.Ю. Стрикалову) и Владимира (типы 5 и 6 по В.Ю. Ковалю) этого времени венчики подобных типов также встречаются у горшков из масс с примесью дресвы (Стрикалов, 2003. С. 376. Рис. 3; 2006. С. 100, 101, 287. Рис. 15; Майорова, 2011. С. 146. Рис. 1).

Кроме того, из заполнения комплекса (горна и предгорной ямы) происходило 10 индивидуальных находок, в том числе железное кресало калачевидной формы, литая пуговица медного сплава, два обломка стеклянных браслетов: гладкий синий и крученный черный. Подобный набор находок наиболее характерен для комплексов

XIII–XIV вв. По полученным в ходе исследования данным – формам керамических сосудов, клеймам на их донцах, составу формовочной массы, а также индивидуальным находкам, встреченным в заполнении комплекса, горн для обжига керамики с площадки селища Катышево-1 можно датировать в рамках второй половины XIV – начала XV в. Исходя из датировок других объектов, печь для обжига керамики может маркировать собой финальную стадию существования поселения.

Характер расположения обломков керамических сосудов в заполнении горна позволяет предположить, что в результате нарушения технологической обжига произошло обрушение горизонтальной перегородки, после чего его частично разобрали, и работа горна не возобновлялась. Анализ изделий, подвергнутых обжигу в горне, подтверждает, что общие закономерности, характерные для развития керамического производства Северо-Восточной Руси, были присущи и для сельских ремесленников Муромской земли.

В ходе археологического исследования комплекса горна для обжига керамики выполнена его ортофотомодель, что позволило многократно возвращаться к его конструктивным деталям, а также использовать модель в качестве музейного экспоната.

Подводя итог, заметим, что кроме гончарного производства на территории поселения Катышево-1 можно говорить о существовании железоделательного производства и кузнечного ремесла (о чем свидетельствуют горшок с остатками железа, клещи, наковальня, заготовки орудий), а также ювелирного производства (находки литейных формочек, тиглей и выплесков металла). Все эти свидетельства различных производств в рамках одного сельского поселения ярко характеризуют складывание замкнутого феодального хозяйства.

Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в Средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Литература

- Бобринский А. А., 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (По материалам II–V вв. н. э.). М.: Наука. 210 с.
- Грибов Н. Н., 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой Орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 10. Н. Новгород: Ниж. гос. унив.-т. С. 62–91.
- Гоняный М. И., Заидов О. Н., 2002. Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова поля (опыт систематизации и осмысления семантики) // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России / Отв. ред.: А. Н. Наумов. Т. 1. Тула: ИНФРА. С. 130–152.
- Гоняный М. И., Кокорина Н. А., Свирина А. Б., 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 82). С. 143–160.
- Кадиева Е. К., 2007. Клейма на круговой посуде центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. С. 172–196.
- Кобозева Е. В., 2014. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Захьямацком и Загородском посадах // АП. Вып. 10. С. 370–392.
- Коваль В. Ю., 1997. Гончарный горн из Ростиславля Рязанского // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6 / Отв. ред. Челябинцев В. П. Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской обл. С. 120–129.
- Коваль В. Ю., 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 125–135.
- Майорова Е. В., 2011. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок во Владимире в 13-м квартале в 2008 г. // АВСЗ. Вып. 3. С. 142–153.
- Мальм В. А., 1949. Горны московских гончаров // МИА. № 12. С. 44–51.
- Неупокоева В. Ю., 2019. Гончарные клейма древнего Муром (из коллекции Муромского историко-художественного музея) // Уваровские чтения – XI. Музей: книга отзывов. Выска: ИКСА. С. 188–191.
- Панченко К. И., 2007. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. С. 197–204.
- Седов В. В., 1958. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире // КСИА. Вып. 72. С. 78–83.
- Селезнев Ф. Я., 1924. Разведки Муромского // Луч. № 136 (746). С. 4.
- Стрикалов И. Ю., 2003. Древнерусская керамика XIII в. Старой Рязани и ее окружи // Русь в XIII веке:

Древности темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука. С. 372–381.

Стрикалов И. Ю., 2006. Керамика рязанской земли XI–XV вв. Дисс. ... канд. ист. наук / Архив ИА РАН. Р-2. № 2746.

Хижняков О. И., 2002. Новгородские гончарные клейма // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 136–148.

Хованская О. С., 1954. Гончарное дело города Болгара // МИА. № 42. С. 340–368.

D. Yu. Badeev, T. A. Grazhdankina, P. E. Rusakov

Furnace for firing ceramics from the settlement of Katyshevo-1 near Murom

Summary

As a result of archaeological research of the settlement of Katyshevo-1 in the Murom region of the Vladimir district, a furnace for firing ceramics was identified. The object belonged to two-chamber adobe furnaces with a vertical hot gas intake system and a foothill pit.

According to the data obtained (the shape of ceramic vessels, the brands on the bottoms, the composition of the molding mass, individual finds from the filling of the complex) the furnace for firing ceramics can be dated within the second half of the 14th – early 15th century.

А. А. Полюлях

Музейное объединение «Музей Москвы», Москва

Археологическое исследование селища Меткомелино 2: белоглиняные кувшины, корчаги, плошки, миски и сковороды

Селище Меткомелино 2 (Никитский погост) XVI в. расположено на правом берегу р. Дорки (левый приток р. Гжелки, левый приток р. Москвы), между селами Пласкинино и Меткомелино в северо-восточной части Раменского района Московской области, ранее Гжельская волость Бронницкого уезда – старинный керамический район.

Археологическое исследование селища Меткомелино 2 проводилось автором в 1990–1998 гг. (Полюлях, 1990; 1991; 1993; 1996; 1998). Результаты этих исследований частично представлены в двух публикациях. В первой рассматривались характер и особенности культурного слоя селища, находки и состав комплекса керамики (Полюлях, 2021. С. 306–323), во второй – наиболее значительная группа керамики: фрагменты венчиков и стенок белоглиняных горшков (Полюлях, 2022. С. 296–378).

В ходе археологического исследования селища Меткомелино 2 получен значительный керамический материал – более 63 тыс. фрагментов восьми посудных форм: горшок, горшок со сливом, кувшин, корчага, плошка, миска (некоторые с ручкой), миска-сковорода и сковорода. Коллекционная выборка, характеризующая эти формы, включает обломки венчиков, декорированных стенок и днищ и составляет 2091 экз.¹ В этой выборке второй по численности после белоглиняных горшков (1235 обломков) является группа белоглиняных кувшинов – 622 фрагмента. Количественно меньше группа корчаг – 27 обломков (и одна полная форма), плошек, мисок и сковород – 114 шт.

Все рассмотренные посудные формы изготовлены на ручном гончарном круге. При формовке кувшинов и корчаг использовался метод ленточного налёпа полос шириной 5–6 см, скреплявшихся друг с другом пальцевыми зажимами, с последующим заглаживанием внешней поверхности. На ряде фрагментов заметны следы стыков лент и зажимов.

На внешней поверхности отдельных обломков кувшинов и корчаг отмечены следы овара в виде локальных групп разноразмерных темных пятен и потеков, нанесенных кистью или веником, по-видимому, для быстрого извлечения из разогретого горна, что было целесообразно для экономии времени и топлива и позволяло производить обжиг в неостывшем горне несколько раз подряд. Подобная практика известна по этнографическим материалам (Куфтин, Россова, 1928. С. 27; Пономарев, 1896. С. 58).

Белоглиняные кувшины

Кувшины составляют в коллекционной выборке 622 единицы (30%), включая 30 полных² (и реконструированных) форм, обломки венчиков и горловин (171 ед.), ручек (170 ед.), декорированных стенок (155 ед.) и днищ (101 ед.).

При рассмотрении кувшинов описывалась их статистическая характеристика по форме, абсолютным размерам, размерно-объемным параметрам и декору как полных форм, так и фрагментов венчиков, горловин, ручек и декорированных стенок.

Для статистической обработки кувшинов по форме и абсолютным размерам использована Про-

¹ Фонд отдела «Археология» Музейного объединения «Музей Москвы» (далее – ММ): коллекции ОФ 35234/1-34 и НВФ 17613/1-2091.

² Три полные формы и одна верхняя часть кувшина в настоящее время хранятся и экспонируются в выставочных залах в административном здании ЗАО «Объединение Гжель» (далее – ОГ) и в Гжельском государственном университете (далее – ГГУ), находящихся в пос. Ново-Харитоново Раменского района Московской области.

грамма формализованно-статистической обработки керамики В.Ф. Генинга, предусматривающая выполнение ряда операций (Генинг, 1992. С. 45–89). По этой программе выполнены только две ее первые операции: определение параметров абсолютных размеров (P1–P8) каждого сосуда и их величин объема (V1, V2 и V3) (операция 1) и суммарная статистическая характеристика выборки: по вариационному размаху каждого параметра (P1–P8), величинам объема (V1, V2 и V3), а также по показателям среднеарифметического и среднеквадратического отклонений параметров P1–P8 (операция 2).

Операция 1 – определение параметров абсолютных размеров (P1–P8) каждого сосуда и их объема (V1, V2 и V3). Параметрами, определяющими форму кувшина, являются: P1 – диаметр венчика, P2 – диаметр горла, P3 – диаметр тулова, P4 – диаметр дна, P5 – высота сосуда, P6 – высота горла, P7 – высота плечика, P8 – высота придонной части (рис. 1, 5). Величинами объема являются: V1 – объем полной формы сосуда, V2 – объем верхней части сосуда до максимального диаметра тулова, V3 – объем нижней части сосуда от максимального диаметра тулова до дна³. Числовые значения абсолютных размеров (P1–P8) и объемов V1, V2 и V3 представлены в Приложениях 1 и 2 к этой статье.

Полный объем (V1) необходимо считать основным определяющим параметром кувшина, ввиду чего для неполных форм кувшинов по аналогичным параметрам других сосудов и их пропорциональным соотношениям вычислены приближенные значения объемов⁴.

По той же программе определены величины интервальных групп параметров, позволяющие отнести тот или иной горшок к малым, средним или большим (Генинг, 1992. С. 53). Для кувшинов аналогичной градации нет. В связи с этим предлагается оценивать объемы кувшинов по величине объема, кратной основной единице измерения объема жидкости в XVI–XVII вв. – ведру, равному 13,3 л (Черепнин, 1944. С. 67), что, по-видимому, определялось хозяйственно-бытовыми и торговыми условиями.

Ввиду ручного изготовления кувшинов разными гончарами абсолютная точность объема не выдерживалась, поэтому их разделение выполнено приблизительно: к кувшинам в 1/4 ($\approx 3,3$ л) ведра отнесены сосуды объемом $2,8 \pm 0,2$ л; к кувшинам в 1/3 ($\approx 4,5$ л) ведра – $4,5 \pm 0,6$ л; к кувшинам в 1/2 ($\approx 6,5$ л) ведра – $6,7 \pm 0,6$ л; к кувшинам в 1 ($\approx 13,3$ л) ведро – 11 ± 3 л; к кувшинам в 1,5 ($\approx 19,8$ л) ведра – $18,4 \pm 2$ л и к кувшинам в 2 ($\approx 26,6$ л) ведра – более 20 л. Сводные данные распределения кувшинов по величине объема (V1) для полных и неполных форм представлены в Приложении 4. Автором ранее уже допускалось предположение о существовании подобных приблизительных стандартов емкости кувшинов, которых могли придерживаться гжельские гончары при их изготовлении (Полюях, 2017. С. 351).

Операция 2 – суммарная статистическая характеристика выборки: по вариационному размаху каждого параметра (P1–P8), величинам объема (V1, V2 и V3) и по показателям среднеарифметического и среднеквадратического отклонений параметров P1–P8 (эти значения представлены в Приложении 1).

Среднеарифметическое значение является обобщенным выражением того или иного показателя. Степень разнообразия составляющих его величин показывает вариационный размах – разность между наибольшей и наименьшей величиной. Так как вариационный размах зависит от крайних величин, нередко случайных, поэтому следует использовать среднее квадратическое отклонение, показывающее насколько сильно колеблется (рассеян) признак вокруг своего среднеарифметического значения.

Ранее при анализе керамического комплекса, полученного при археологических исследованиях центральной части села Гжель в 1985, 1986 и 1988 гг., на местонахождении крестьянской гончарной мастерской, действовавшей, по-видимому, в XVI–XVIII вв., выделены два типа кувшинов, имеющих характерные форму, пропорции и декор: тип 1 – овоидные и тип 2 – сферические. Кувшины типа 1 по высоте горла разделяются на два

³ Величина объема для полной формы кувшина (V1) вычислялась по формуле объема усеченного конуса с суммированием значения верхней (тулово – основание горла), нижней (дно – тулово) частей сосуда и минимальной поправки 1 л на объем округлых объемов формы. По этой же формуле вычислялись величины объемов верхней (V2) и нижней частей кувшина (V3) с минимальной поправкой + 0,5 л.

⁴ Для вычисления приблизительного значения объема кувшина сначала определялась его примерная высота, исходя из эмпирического коэффициента соотношения высоты и диаметра тулова, равного 1,4 ($H = D_{\text{тулова}} \times 1,4$), далее вычислялась примерная высота верхней или нижней части. Диаметр дна определялся также исходя из эмпирического коэффициента соотношения диаметра дна и диаметра тулова, равного 0,48 ($D_{\text{дна}} = D_{\text{тулова}} \times 0,48$).

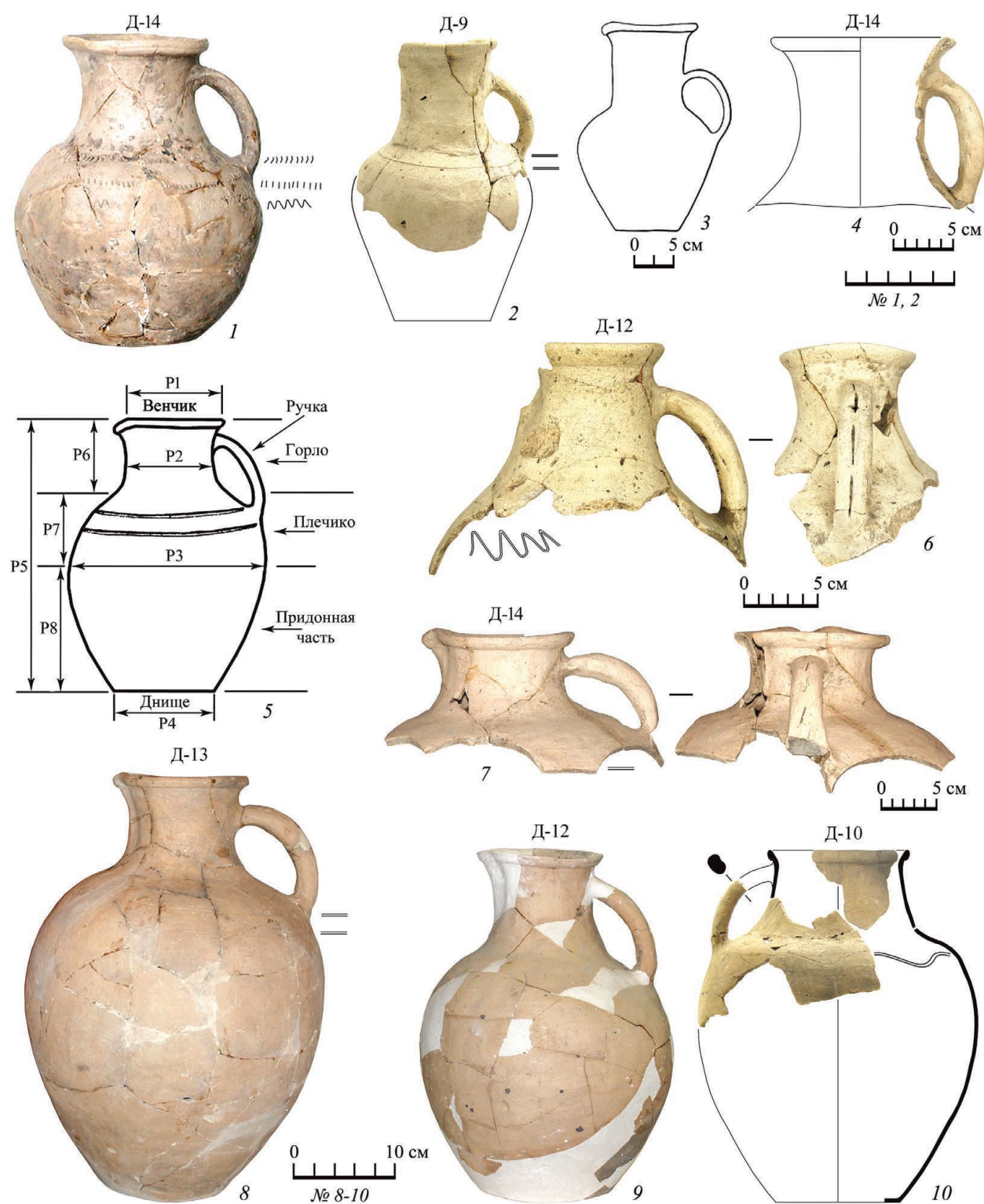

Рис. 1. Кувшины подтипа 1/1 (1, 2, 4) и подтипа 1/2 (6-10).
 Московский красноглиняный кувшин кон. XV – нач. XVI в. (3). Части формы и параметры кувшина (5)
 1 – ОГ-1; 2, 4, 6, 7, 10 – ММ НВФ 17613 (2 – № 522; 4 – № 247; 6 – № 399; 7 – № 498; 10 – № 1077-1081);
 8 – ММ, ОФ 35234/32; 9 – ГГУ)

подтипа: подтип 1/1 – с высоким (10–13 см) горлом и подтип 1/2 – с низким (до 8 см) горлом.

Ручки кувшинов типа 1 нередко имеют так называемый декор, нанесенный заостренной палочкой или ножом на внешней поверхности в виде продольного надреза, штрихов-надрезов, а также комбинации из этих элементов, и, видимо, является технологическим приемом с целью ускорения просушки ручки перед обжигом утолщенной части кувшина.

Кувшины типа 1 Подтип 1/1

Кувшины подтипа 1/1 имеют овоидное тулово и характерное высокое (от 10 до 13 см, при среднем арифметическом значении 11,5 см) горло. К этому подтипу относятся две полные формы и горловина (Приложение 1).

Одна из полных форм кувшинов подтипа 1/1 восстановлена из фрагментов, найденных в яме 2 раскопа 1 (рис. 1, 1), в зоне пятна темно-коричневой супеси, где находились основные постройки двора (Полюлях, 2021. Рис. 9). Это сосуд объемом 5,1 л (В – 28 см, Д – 20 см) с горлом высотой 12 см, равной почти половине его общей высоты. Ручка дугообразной формы, с круглым (Д – 2,2 см) поперечным сечением. По плечу кувшина нанесен комбинированный декор: две линии точек-ямочек у основания горла и у нижнего крепления ручки и волнистая линия ниже ручки. Кувшин изготовлен из белой глины, давшей после обжига серовато-розовый оттенок внешней поверхности. На ней отмечены пятна и потеки овра.

К подтипу 1/1 относится фрагмент верхней части кувшина, обломки которого найдены в яме 5 раскопа 3, также в зоне пятна темно-коричневой супеси (рис. 1, 2). Этот реконструированный сосуд объемом 3 л, также с высоким (В – 0 см) горлом; при диаметре тулова 16 см и возможном диаметре дна около 9 см его высота составляет ≈ 26 см. Кувшин имеет небольшое плечико (5 см) и придонную часть (11 см). Ручка дугообразная с круглым (Д – 1,5 см) в поперечном сечении прутком без декора по внешней поверхности. По плечу, на уровне нижнего крепления ручки, нанесен декор в виде двух линий.

По-видимому, к кувшинам подтипа 1/1 можно отнести фрагмент горла с ручкой, найденный в пласте 2 квадрата Б–11 раскопа 2, также в зоне пятна темно-коричневой супеси (рис. 1, 4). Этот кувшин имел высокое (В – 13 см) горло при диаметре венчика 14 см. Ручка дугообразная с круглым (Д – 2,2 см) в поперечном сечении прутком без декора по внешней поверхности.

Венчики кувшинов подтипа 1/1 имеют отогнутую и завернутую наружу в виде валика верхнюю часть. По оформлению верхнего края они относятся к двум типам: с острым и округлым верхним краем.

Белоглиняные кувшины подтипа 1/1 могут быть подражанием московским красноглиняным кувшинам конца XV – начала XVI в. (рис. 1, 3), отличающимися также высоким горлом при невысоком тулове (Розенфельдт, 1968. С. 16. Табл. 3, 3).

Подтип 1/2

Кувшины подтипа 1/2 имеют овоидную форму тулова и низкое (от 5,5 до 10,0 см, при среднем арифметическом значении 8,0 см) горло. К этому подтипу относятся шесть полных и реконструированных форм (рис. 1, 8–10; 2, 1, 3), 18 верхних (рис. 1, 6–7; 2, 2, 4, 5) и четыре нижние части кувшинов, которые также можно реконструировать до полных форм по пропорциям аналогичных сосудов (Приложение 2). Для характеристики кувшинов подтипа 1/2 использован и 171 обломок горловин, размерные параметры, декор и форма верхнего края которых представлены в Приложении 3.

Среди полных форм подтипа 1/2 следует отметить наиболее крупный кувшин объемом 16,5 л (В – 45 см, Д – 32 см), обломки которого найдены в яме 5 раскопа 3 (рис. 1, 8). Ручка с круглым (Д – 2,5 см) в поперечном сечении прутком без какого-либо декора по внешней поверхности. По плечу под нижним креплением ручки нанесены две линии декора.

Кувшин объемом 9,3 л (В \approx 34 см, Д – 28 см) реконструирован из обломков, найденных вблизи ямы 8 в раскопе 6, в зоне пятна темно-коричневой супеси (рис. 1, 10). Ручка дугообразная, с овальным (2,3×1,8 см) в поперечном сечении прутком с желобом на внешней поверхности. По плечу под нижним креплением ручки нанесена волнистая линия.

Полная форма кувшина, хранящаяся в Гжельском государственном университете, объемом 7,2 л (В – 32 см, Д – 24 см), восстановлена из обломков, найденных в яме 2 раскопа 1, в зоне пятна темно-коричневой супеси (рис. 1, 9). Он имеет дугообразную ручку с круглым (Д – 2,2 см) в поперечном сечении прутком с вертикальными штрихами-надрезами по внешней поверхности. Декора на тулове нет.

Форма небольшого кувшина реконструирована из обломков, найденных в яме 5 раскопа 3, в зоне пятна темно-коричневой супеси. Этот кувшин объемом 2,8 л (В \approx 24 см, Д – 15 см), видимо,

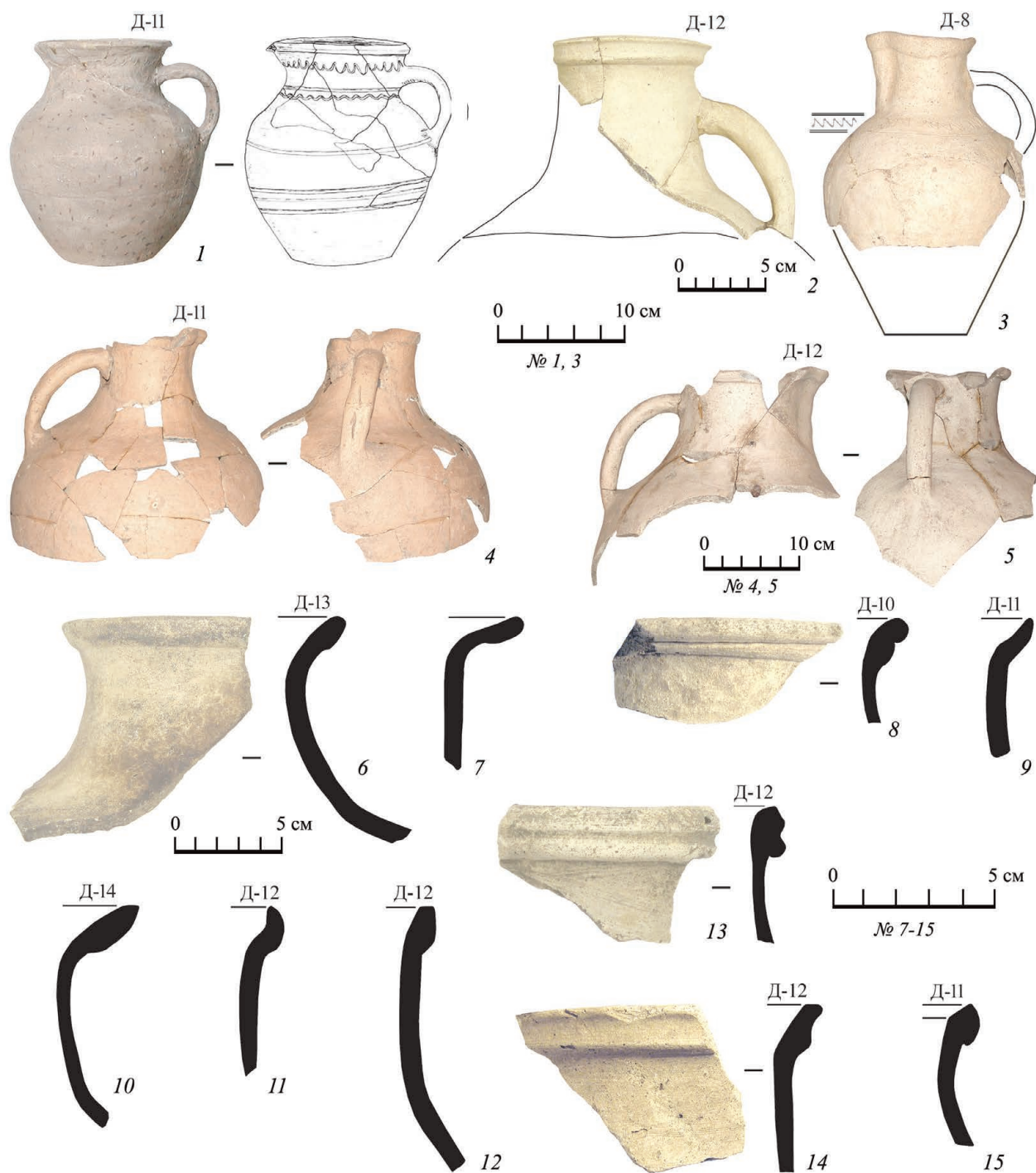

Рис. 2. Кувшины подтипа 1/2: полная форма (1), верхние части (2–5) и венчики (6–15)
 1 – ОГ-3; 2–15: ММ, НВФ 17613 (2 – № 829; 3 – № 400; 4 – № 521; 5 – № 488; 6 – № 2005; 7 – № 1580;
 8 – № 1581; 9 – № 233; 10 – № 1555; 11 – № 830; 12 – № 76; 13 – № 446; 14 – № 1570; 15 – № 1569)

Таблица 1. Количественное распределение кувшинов по величине объема (V1) и интервальным группам.

Группа	Очень малые (ОМ)	Малые (М)		Средние (С)		Большие (Б)	Всего
Объем	1/4 ведра ≈ 3,3 л	1/3 ведра ≈ 4,5 л	½ ведра ≈ 6,5 л	1 ведро ≈ 13,3 л	1½ ведра ≈ 19,8 л	2 ведра ≈ 26,6 л	
Высота, см	18,5–26,0	27–28	24,5–33,0	34–45	45–47	46	
Диаметр, см	15–17	19,0–22,5	22–24	26–30	32–34	38	
Количество	3	3	7	10	6	1	30
%	9,7	9,7	22,6	35,5	19,3	3,2	100
% по группе	10	33,3		53,4		3,3	100

также имел дугообразную ручку с круглым (Д ≈ 1,5 см) в поперечном сечении прутом. У основания горла, выше уровня нижнего крепления ручки кувшин декорирован комбинацией из двух прямых линий и волнистой линии между ними (рис. 2, 3).

Другой небольшой кувшин, обломки которого найдены в яме 10 в кв. Д-Е-7, в зоне пятна темно-коричневой супеси (рис. 2, 1), при высоте 18,5 см и диаметре 17 см имел объем 2,6 л. Ручка дугообразная, с овальным в поперечном сечении прутом. Кувшин имеет комбинированный декор из волнистых и прямых линий, нанесенных по горлу, у его основания и по тулову, заходя в его нижнюю часть.

Размерно-объемные параметры кувшинов. Анализ размерных параметров (P1–P8) 30 полных форм, включая верхние и нижние части, кувшинов подтипов 1/1 и 1/2 (Прил. 4), показал, что допустимо их разделение по полному объему (V1) аналогично делению горшков по программе В. Ф. Генинга (1992. С. 53) на пять категорий – интервальных групп (табл. 1; рис. 3, 2):

1-я группа – очень малые (ОМ), объемом до 1/4 ведра, 10%,

2-я группа – малые (М), объемом 1/3–1/2 ведра, 33,3%,

3-я группа – средние (С), объемом 1–1½ ведра, 53,4%,

4-я группа – большие (Б), объемом 2 ведра, 3,3%,

5-я группа – очень большие (ОБ), объемом более 2 ведер, не зафиксированы.

Полученные данные по размерно-объемным параметрам кувшинов ввиду небольшой выборки сосудов носят предварительный характер и нуждаются в дополнении и уточнении.

Среди обломков керамики селища Меткомелино 2 найдены и вошли в коллекционную выборку обломки днищ сосудов разных диаметров. Фрагменты с нагаром определены как днища горшков. Остальные могут относиться как к разноразмерным горшкам, так и к кувшинам (101 фрагмент),

поэтому их рассмотрение не представляется целесообразным. Параметр диаметра днища кувшина должен определяться при наличии полной (или реконструированной) его формы. Судя по полученным данным 30 сосудов, отмечается увеличение минимальных, максимальных и среднеарифметических значений диаметров днищ от очень малых (ОМ) до больших (Б) по объему кувшинов, при этом максимальные значения диаметров предыдущей объемной группы, как правило, входят в интервал диаметров последующей группы (Прил. 4).

Следует отметить, что формовка кувшинов, судя по фрагментам днищ с подсыпкой песка, производилась на ручном гончарном круге.

Венчики горловин кувшинов. Помимо рассмотренных выше полных и реконструированных форм кувшинов подтипа ½ в состав коллекционной выборки входят 171 обломок венчиков горловин этого же подтипа. Как показали наблюдения (см. Прил. 3 и 4), соотнести числовые значения диаметра венчика (P1), горла (P2) и высоты горла (P6) с величиной объема кувшина не представляется возможным. Кувшины разных объемов нередко имеют одинаковые значения этих параметров (рис. 3, а, в), а определяющими параметрами объема являются диаметр тулова (P3) и высота (P5) сосуда. Но обработка параметров P1 и P2 показывает их некоторые характерные особенности для кувшинов разных объемов.

В то же время эти обломки венчиков горловин кувшинов подтипа ½ имеют определенные размерные данные (P1, P2, P6), которые позволяют характеризовать профилировку горловин, а также оформление их верхнего края.

Для характеристики профилировки горловин определена степень отогнутости края: расстояние между диаметром венчика и вертикальной касательной диаметра горла – P1–P2. По степени отогнутости края обломки венчиков, полные формы и верхние части кувшинов горловины условно разделены на три типа: тип 1 – слабо отогнутые, 1 см;

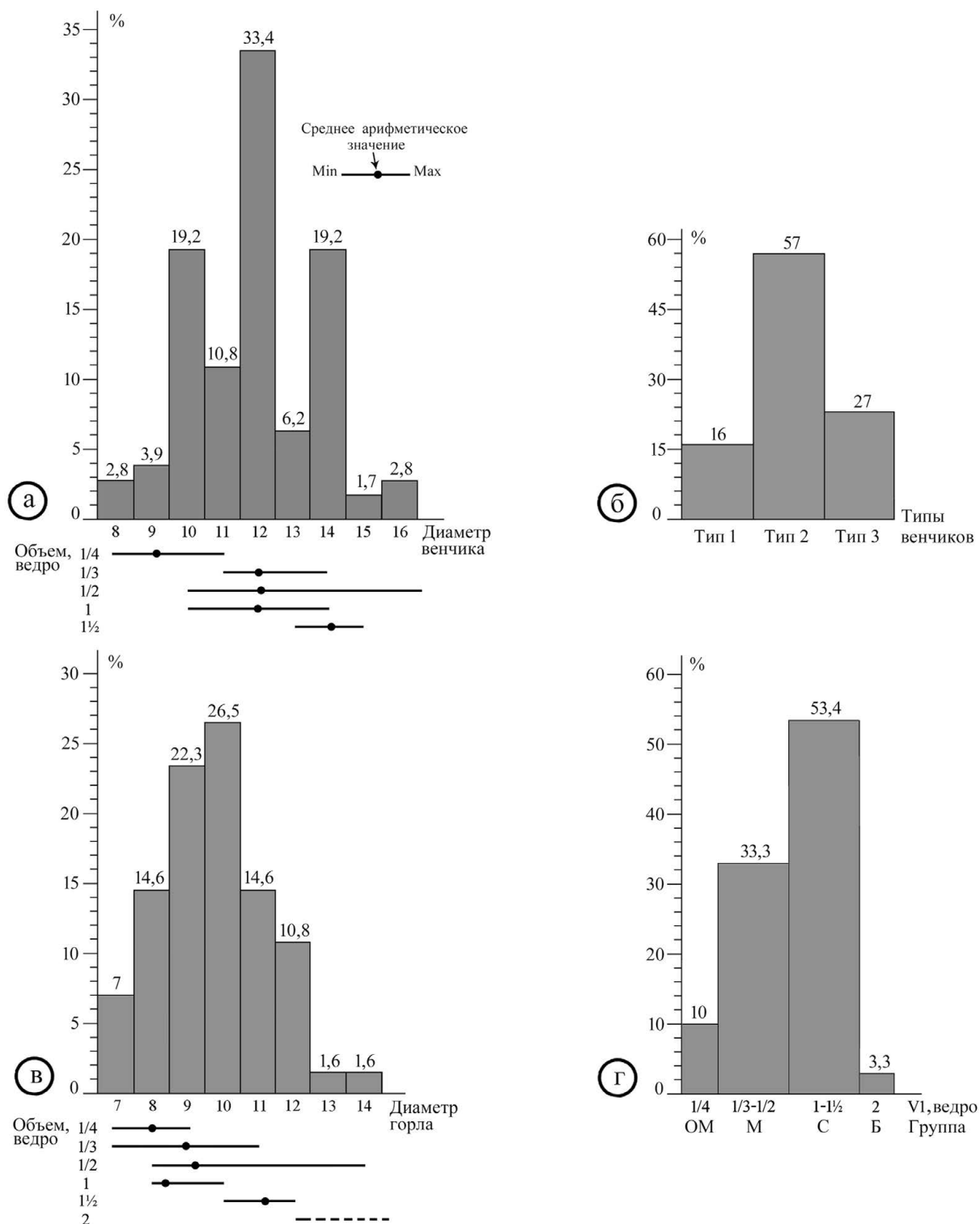

Рис. 3. Кувшины подтипа 1/2: распределение венчиков (а) и горловин (в) по абсолютным значениям диаметров и с учетом объемов кувшинов, распределение венчиков (б) по типам и распределение кувшинов по объемам (г)

Таблица 2. Количественное распределение венчиков кувшинов по степени отогнутости верхнего края.

Тип	Подтип	Степень отогнутости	Количество, экз.		%
			Тип	Подтип	
1 – слабо отогнутые	1/1	Слабо отогнутые, 1 см	28	28	16
2 – средне отогнутые	2/1	Средне отогнутые, 2 см	100	92	57
	2/2	Средне отогнутые изогнутые		8	
3 – сильно отогнутые	3/1	Сильно отогнутые до 3–4 см	48	44	27
	3/2	Сильно отогнутые изогнутые		4	
Всего			176		100

Таблица 3. Количественное распределение венчиков кувшинов по оформлению верхнего края.

Тип	Подтип	Оформление верхнего края	Количество, экз.		%
			Тип	Подтип	
1. Округлые	1/1	Округлый	74	–	41,6
2. Острые	2/1	Острый	66	–	37,1
	2/2	Острый скошенный		9	
3. Плоские	3/1	Плоский	38	–	21,3
Всего			178		100

тип 2 – средне отогнутые, 2 см; тип 3 – сильно отогнутые, 3–4 см (табл. 2; рис. 2, 6–15). В выборке из 176 единиц, включающей помимо обломков венчиков горловин также полные формы и верхние части кувшинов, значительно преобладают горловины со средне отогнутыми, до 2 см, венчиками подтипа 2/1 (рис. 3, б) – 100 ед. (57%). Слабо отогнутые, до 1 см, венчики подтипа 1/1 составляют 28 ед. (16%). Сильно отогнутые, до 3–4 см, венчики подтипов 3/1 и 3/2 включают 48 ед. (27%).

Среди средне и сильно отогнутых венчиков типов 2 и 3 выделены обломки подтипов 2/2 и 3/2 с изогнутым профилем (рис. 3, 9, 11), которых насчитывается 12 ед. (6,8%).

Верхний край венчиков кувшинов отогнут и завернут наружу в виде валика. По его оформлению венчики подразделяются на три типа и четыре подтипа (табл. 3). Из рассмотренных 178 фрагментов количественно преобладают венчики с округлым (рис. 2, 6–9, 13) – 41,6% и острым (рис. 2, 10, 11) – 37,1% верхним краем. Немного меньше венчиков с плоским краем (рис. 2, 12, 14) – 21,3%. Венчиков подтипа 2/2 с острым скошенным внутрь верхним краем (рис. 2, 15) всего девять штук.

На некоторых венчиках с округлым верхним краем типа 1 валик с внешней стороны имел профилировку в виде двух небольших валиков, разделенных продольной линией (рис. 2, 8, 13). Другой вариант подобной профилировки получался при нанесении на валике желобка (рис. 2, 2, 14).

Ручки кувшинов. При рассмотрении ручек, одного из основных элементов конструкции кувшинов, учтены все найденные в ходе археологического исследования селища Меткомелино 2 полные формы ручек и их обломки – 568 экз.

Для полной характеристики ручек определялись две группы параметров, определяющих величину ручки и, соответственно, примерные размер и объем кувшина.

Первая группа параметров связана с формой профиля поперечного сечения ручки (рис. 4, 1). По соотношению размеров ее ширины (PP1) и толщины (PP2) рассчитывался коэффициент пропорции сечения ручки ($KПСП = PP1/PP2$) и выделены четыре типа ручек. По каждому типу ручек определено количественное соотношение ручек с декором и без него (табл. 4). Декор отмечен на 40% ручек, остальные 60% его не имели.

Вторая группа параметров связана с формой прута ручки (рис. 4, 2): высота изгиба (H), ширина изгиба (W) и длина (L), отражающие величину плечика и, соответственно, размеры и объем кувшина. Параметры второй группы определены только для полных форм ручек.

Числовые значения параметров обеих групп представлены в Приложениях 5 и 6. В таблицах 4–6 приведены общие данные параметров ручек, представленных в Приложениях 5 и 6.

Типы ручек кувшинов по форме поперечного сечения прута.

Таблица 4. Количественное соотношение ручек кувшинов и их фрагментов по типам и декору.

Тип	Кол-во и % по типам		Ручки и фр-ты с декором		Ручки и фр-ты без декора	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1. Круглые	223	39,3	48	21,5	175	78,5
2. Овальные	212	37,2	86	40,6	126	59,4
3. Прямоугольные широкие	120	21,2	79	65,8	41	34,2
4. Прямоугольные узкие	13	2,3	13	100	–	–
Всего	568	100%	227	40%	339	60%

Таблица 5. Данные параметров (Д, РР1, РР2) ручек (и фрагментов) кувшинов по типам
(Д – диаметр, РР1 – ширина, РР2 – толщина).

Тип	Тип 1 – круглые	Тип 2 – овальные		Тип 3 – прямоугольные широкие		Тип 4 – прямоугольные узкие	
Параметр	Д	РР1	РР2	РР1	РР2	РР1	РР2
Min. – max., см	1,3–3,1	1,8–3,9	0,8–2,3	3,1–5,3	0,6–1,2	2,5–3,7	1,3–1,9
Ср. арифм.	2	2,5	1,6	4	0,9	2,9	1,7
Ср. квадр. откл.	0,3	0,4	0,3	0,5	0,1	0,3	0,2

Таблица 6. Данные параметров (Н, W, L) ручек кувшинов по типам
(Н – высота изгиба прута, W – ширина изгиба прута, L – длина прута).

Тип	Тип 1 – круглые			Тип 2 – овальные			Тип 3 – прямоугольные широкие			Тип 4 – прямоугольные узкие		
Параметр	Н	W	L	Н	W	L	Н	W	L	Н	W	L
Min., см	5	4	8	6	3	9,5	7	5	10,5	7,5	6,5	11
Max., см	10	8	17	9	8	13,5	8,5	8	12	11	9	16
Ср. арифм.	7,2	5,8	11,8	7,5	5,3	11,7	7,8	6,3	11,5	9,3	7,7	13,8
Ср. квадр. откл.	1	1	1,7	0,8	1,4	1,3	0,8	1,5	0,9	1,8	1,3	2,6

Тип 1 – круглые (сокращенно КРГ), коэффициент пропорции сечения ручки (КПСР) = 1,0–1,2. Количество таких ручек и их фрагментов составило 223 экз., или 39,3% (табл. 4; рис. 4, 3, 4). Следует отметить, что при ручном изготовлении нередко ручки имели в сечении неправильную окружность, а разница между параметрами РР1 и РР2 составляла иногда 4–5 мм, но, так как форма сечения таких ручек ближе к кругу, они отнесены к типу 1.

Среднее арифметическое значение диаметра ручек типа 1 при колебаниях минимальных и максимальных диаметров от 1,3 до 3,1 см составило 2 см (табл. 5).

По форме прута для ручек типа 1, судя по среднеарифметическим значениям, характерно преобладание ручек размером (Н×W) 7,2×5,8 см с длиной прута (L) 11,8 см (табл. 6). Разброс в интервале от минимальных до максимальных значений этих параметров показывает принадлежность ручек к разным по объему кувшинам.

Основная часть ручек типа 1 (78,5%) не имела декора на внешней поверхности. На меньшей части ручек (21,5%) были нанесены прямые или наклонные штрихи-надрезы.

Тип 2 – овальные (сокращенно ОВЛ), коэффициент пропорции сечения ручки (КПСР) = 1,3–3,0. Количество этих ручек и их фрагментов составило 212 экз., или 37,2% (табл. 4; рис. 4, 5, 6).

Среднеарифметический размер сечения ручек типа 2 в интервале минимальных и максимальных параметров РР1 (1,8–3,9 см) и РР2 (0,8–2,3 см) составляет 2,5×1,6 см (табл. 5).

По форме прута для ручек типа 2, судя по среднеарифметическим значениям, характерно преобладание ручек размером (Н×W) 7,5×5,3 см с длиной прута (L) 11,7 см (табл. 6).

Среди ручек типа 2 большая часть не имела декора на внешней поверхности (59,4%). На декорированных ручках (40,6%) нанесены прямые или наклонные штрихи-надрезы. Отмечены единичные

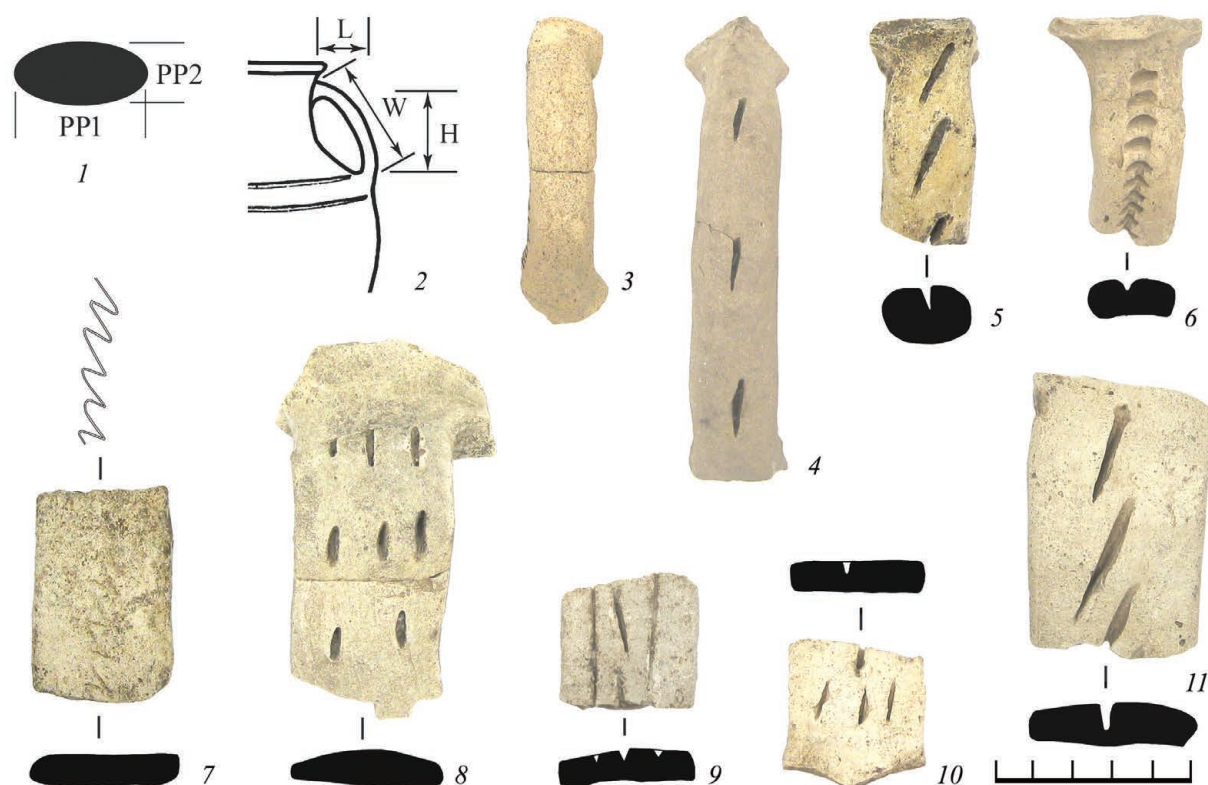

Рис. 4. Типы ручек кувшинов: круглая (КРГ – 3, 4), овальная (ОВЛ – 5, 6), прямоугольная широкая (ПРМШ – 7–11). Параметры ручки кувшина (1, 2) 3–11 – ММ, НВФ 17613 (3 – № 1098; 4 – № 1095; 5 – № 434; 6 – № 844; 7 – № 435; 8 – № 437; 9 – № 2056; 10 – № 435; 11 – № 846)

ручки с продольным желобом (рис. 1, 10) и с точками-ямками в продольном желобе (рис. 4, 6).

Кувшины с овальными ручками типа 2 известны в Москве со второй половины XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

Тип 3 – прямоугольные широкие (сокращенно ПРМШ), коэффициент пропорции сечения ручки (КПСР) > 3. Количество этих ручек и их фрагментов составило 120 экз., или 21,2% (табл. 4; рис. 4, 7–11). Это, как правило, широкие ручки, имеющие в интервале минимальных и максимальных параметров РР1 (3,1–5,3 см) и РР2 (0,6–1,2 см) среднеарифметический размер сечения 4×0,9 см (табл. 5).

По форме прута для ручек типа 3, судя по среднеарифметическим значениям, характерно преобладание ручек размером (Н×W) 7,8×6,3 см с длиной прута (L) 11,5 см (табл. 6).

Большая часть ручек типа 3 (65,8%) в отличие от ручек типа 1 и 2 имеет декор на внешней поверхности в виде линии прямых или наклонных

штрихов-надрезов посередине (рис. 4, 10, 11). На отдельных фрагментах короткие прямые штрихи-надрезы нанесены в три линии по всей ширине ручки (рис. 4, 8). Отмечены один фрагмент с продольной волнистой линией посередине (рис. 4, 7) и фрагмент с комбинированным декором из двух продольных линий с наклонными штрихами-надрезами между ними (рис. 4, 9).

На внутренней стороне некоторых ручек этого типа заметны отпечатки грубой льняной (?) ткани полотняного переплетения, изготовленной в домашних условиях⁵. Комок такой ткани использовался при креплении и просушке ручек (рис. 5, 4).

Кувшины с широкими ручками типа 3 известны в Москве с первой половины – середины XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

Тип 4 – прямоугольные узкие (сокращенно ПРМУ), коэффициент пропорции сечения ручки (КПСР) = 1,3–2,5. Количество этих ручек и их фрагментов составило 13 экз., или 2,3% (табл. 4;

⁵ Автор выражает благодарность научному сотруднику ИА РАН кандидату исторических наук И. И. Ёлкиной за помощь в определении тканей.

Таблица 7. Взаимовстречаемость элементов декора и места нанесения на кувшинах.

Элементы декора	Место нанесения			Всего
	горло	основ. горла	плечико	
Кувшины с простым (из одного элемента) декором				
Волна	3	9	24	36
2 линии	—	—	30	30
Точки-ямки	—	17	11	28
Линии (зона)	—	—	22	22
Штамп	—	—	2	2
Всего	3	26	89	118
Кувшины с комбинированным (из нескольких элементов) декором				
Волна в 2 линиях	—	1	11	12
Волна + линии	—	—	9	9
Сетка в 2 линиях	—	—	8	8
Точки-ямки + волна + линии + штрихи	—	7		7
Сетка + волна	—	—	3	3
Всего	—	1	38	39
Без декора	—	—	—	17
Итого	174			

рис. 5, 1, 5–7). Эти ручки имеют в интервале минимальных и максимальных значений параметров PP1 (2,5–3,7 см) и PP2 (1,3–1,9 см), среднеарифметический размер сечения 2,9×1,7 см (табл. 5). В профиле их прямоугольного поперечного сечения, как правило, четко выделены острые боковые ребра или прямые грани (рис. 5, 7).

По форме прута для ручек типа 4, судя по среднеарифметическим значениям, характерны ручки размером (Н×W) 9,3×7,7 см с длиной прута (L) 13,8 см (табл. 6).

Все ручки типа 4 имеют декор на внешней поверхности: в виде пояса прямых или наклонных штрихов-надрезов – 8 экз. (рис. 5, 7), с продольным желобом – 2 (рис. 5, 6), со штрихами-надрезами в продольном желобе – 2 (рис. 5, 5) и с продольным надрезом – 1 экз. (рис. 5, 1).

Ручки всех типов крепились к кувшинам двумя способами. По первому и, видимо, чаще применявшемуся способу верхнее крепление ручки к горлу осуществлялось методом «на пробой» – при помощи выступа на ручке (рис. 5, 2), вставлявшегося в отверстие на горле с заглаживанием выступа с внутренней стороны, а нижнее крепление к плечу осуществлялось примазыванием с вдавливанием глины изнутри (рис. 5, 3). По второму способу на местах крепления ручки наносились нарезы и к этим местам затем примазывалась ручка (рис. 5, 8).

Декор кувшинов. В ходе характеристики декора кувшинов рассмотрено 20 полных форм, верхних и нижних частей кувшинов и 154 обломка стенок.

По характеру декорирования кувшины можно разделить на две группы: кувшины с простым (из одного элемента) декором и кувшины с комбинированным (из нескольких элементов) декором (табл. 7). Элементы декора нанесены прочерчиванием (линии, волна) и наколом (точки-ямки). Из рассмотренных 174 образцов 17 не имели декора.

В первой группе (кувшинов с простым декором) использовались четыре вида элементов: линия (в виде двух линий или зоны линий), волна, точки-ямки и штамп (рис. 6, 1–16). К этой группе относится наибольшее количество кувшинов – 118 ед., среди которых незначительно преобладает волна (36 ед.), нанесенная в основном по плечу и его верхней части – основанию горла. Немного меньше отмечено кувшинов с двумя линиями по плечу (30 ед.). В целом существенного преобладания одного какого-либо из элементов не отмечается. Основным местом нанесения декора в первой группе является плечо (89 ед.).

Волна, одинарная, растянутая или сжатая, наносилась изредка на горло (рис. 6, 1), по его основанию и по плечу (рис. 1, 6, 10). Отмечен вариант нанесения двух волнистых линий по плечу (рис. 6, 10).

Декор в виде двух линий с небольшим интервалом между ними наносился обычно по плечу на уровне нижнего крепления ручки или немного ниже (рис. 1, 2, 8).

Наряду с декором из двух линий на плечо наносилось несколько линий с различным интервалом между ними (рис. 6, 2–9), образуя иногда

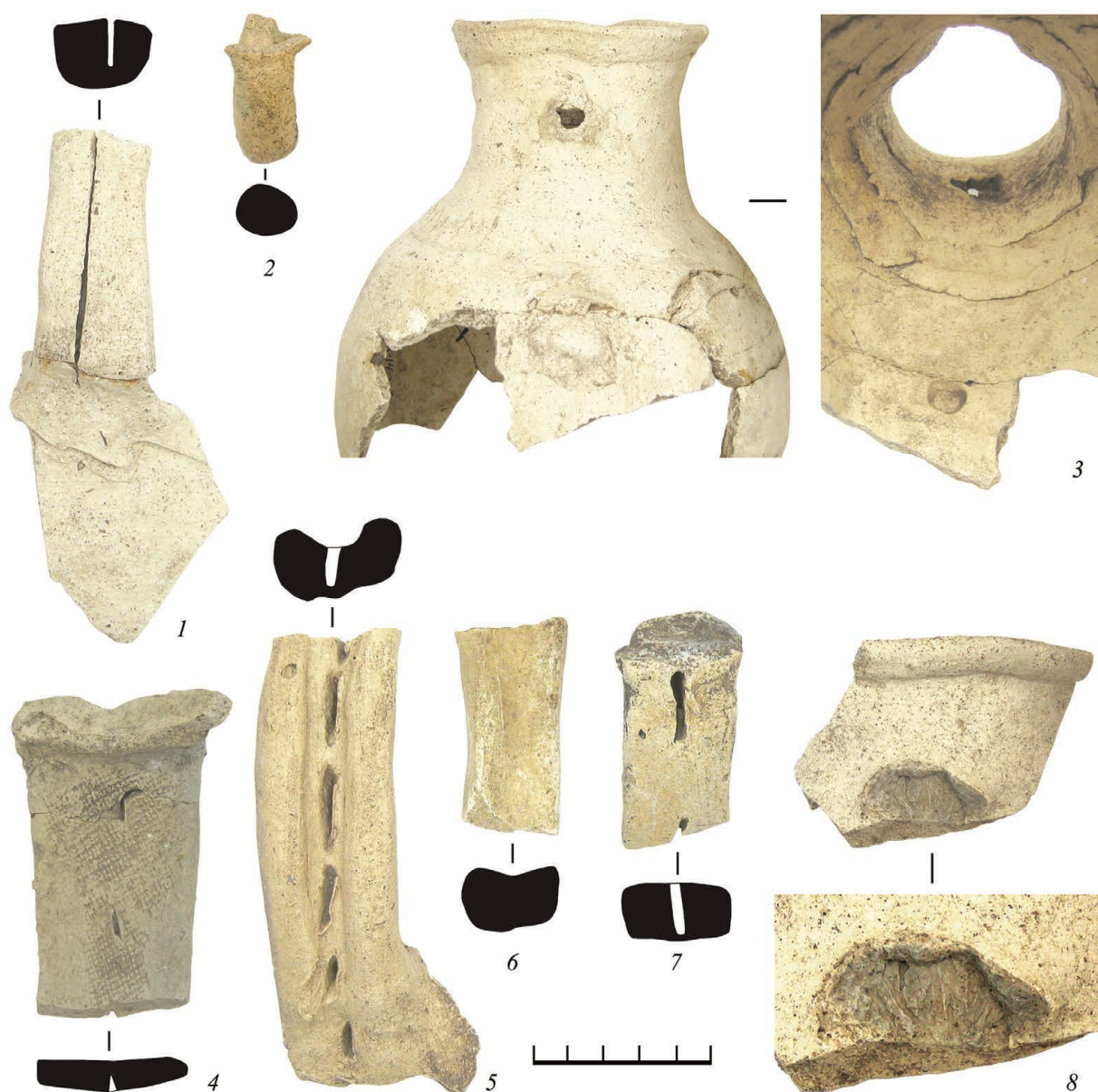

Рис. 5. Типы ручек кувшинов: прямоугольная узкая (ПРМУ – 1, 5–7). Способ крепления ручек (2, 3, 8).

Отпечаток грубой ткани на внутренней стороне прямоугольных широких (ПРМШ) ручек (4).

1–8 – ММ, НВФ 17613 (1 – № 416; 2 – № 1092; 3 – № 400; 4 – № 430; 5 – № 425; 6 – № 439; 7 – № 437; 8 – № 1554)

отдельную зону. Отмечено также нанесение линий и на тулово (рис. 2, 1; 6, 4), что более характерно для декора горшков, а не кувшинов и является местной гончарной архаической особенностью.

Точки-ямки в виде пояса наносились с различной плотностью чаще по основанию горла (рис. 6, 11, 16), а также по плечу. Иногда этот декор был нанесен по плечу в виде двух линий (рис. 6, 12, 13).

Для декорирования плечиков кувшинов использовались и небольшие округлые штампы с продольно-поперечными прорезами (рис. 6, 14, 15).

Одно из них имеет сходство с клеймом на днищах горшков – «крест в круге» (рис. 6, 15).

Во второй группе (кувшинов с комбинированным декором) использовались элементы декора первой группы, представленные в пяти вариантах (рис. 6, 17–20; 7, 1–10). К этой группе относится 39 ед. (табл. 7).

Среди кувшинов второй группы преобладает декор в виде волны между двумя линиями (рис. 2, 3; 6, 17), нанесенный по плечу, – 12 ед. Отмечен вариант нанесения двух волнистых линий между двумя линиями по плечу (рис. 6, 20).

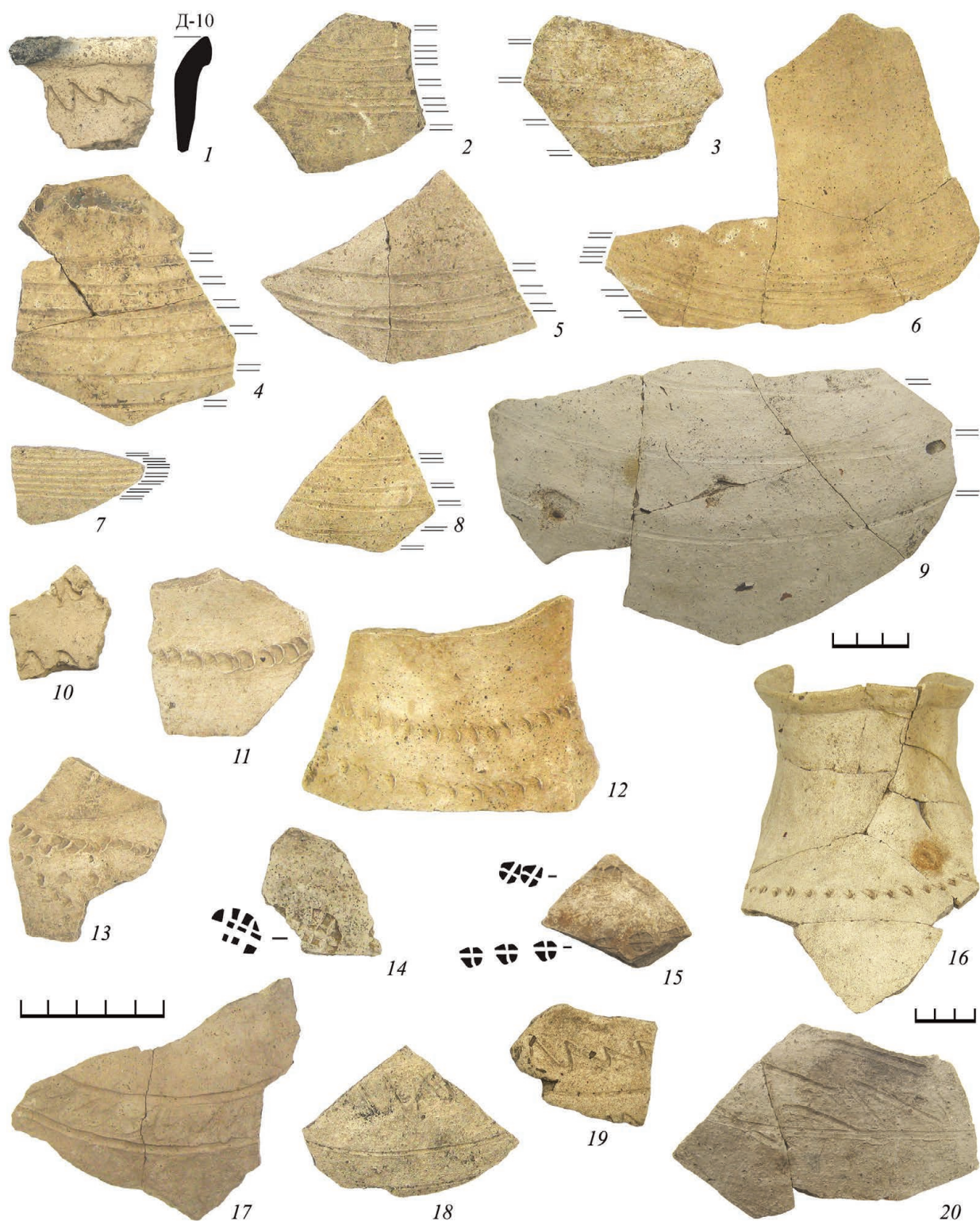

Рис. 6. Декор кувшинов подтипа 1/2

1–20 – ММ, НВФ 17613 (1 – № 232; 2 – № 2023; 3 – № 1608; 4 – № 1731; 5 – № 1609; 6 – № 1046; 7 – № 1607; 8 – № 1606; 9 – № 542; 10 – № 2033; 11 – № 650; 12 – № 2029; 13 – № 1732; 14 – № 1051; 15 – № 2042; 16 – № 1589; 17 – № 1602; 18 – № 646; 19 – № 1604; 20 – № 1603)

Рис. 7. Декор кувшинов подтипа 1/2

1–9 – ММ, НВФ 17613 (1 – № 529–531; 2 – № 854; 3 – № 370; 4 – № 62–63; 5 – № 364; 6 – № 1074; 7 – № 398; 8 – № 1595; 9 – № 874)

Представлено и несколько других вариантов с комбинированным декором, нанесенным по плечу:

– волнистая линия в сочетании с прямыми линиями по плечу – 9 фрагментов (рис. 6, 18, 19; 7, 1, 6),

– наклонные штрихи в виде сетки между прямыми линиями – 8 экз. (рис. 7, 2, 3); на одном небольшом сосуде (Д – 9 см), видимо кувшине, помимо

декора в виде сетки нанесены пояс из точек-ямочек и волнистая линия (рис. 7, 4);

– пояс точек-ямочек в сочетании со штрихами (рис. 7, 7), прямой линией (рис. 7, 8) и волнистой линией (рис. 7, 9).

Всего, судя по количеству найденных на селище Меткомелино 2 целых ручек и их обломков (568 экз.), в течение существования поселения в XVI в. в бытовом обиходе могло использоваться

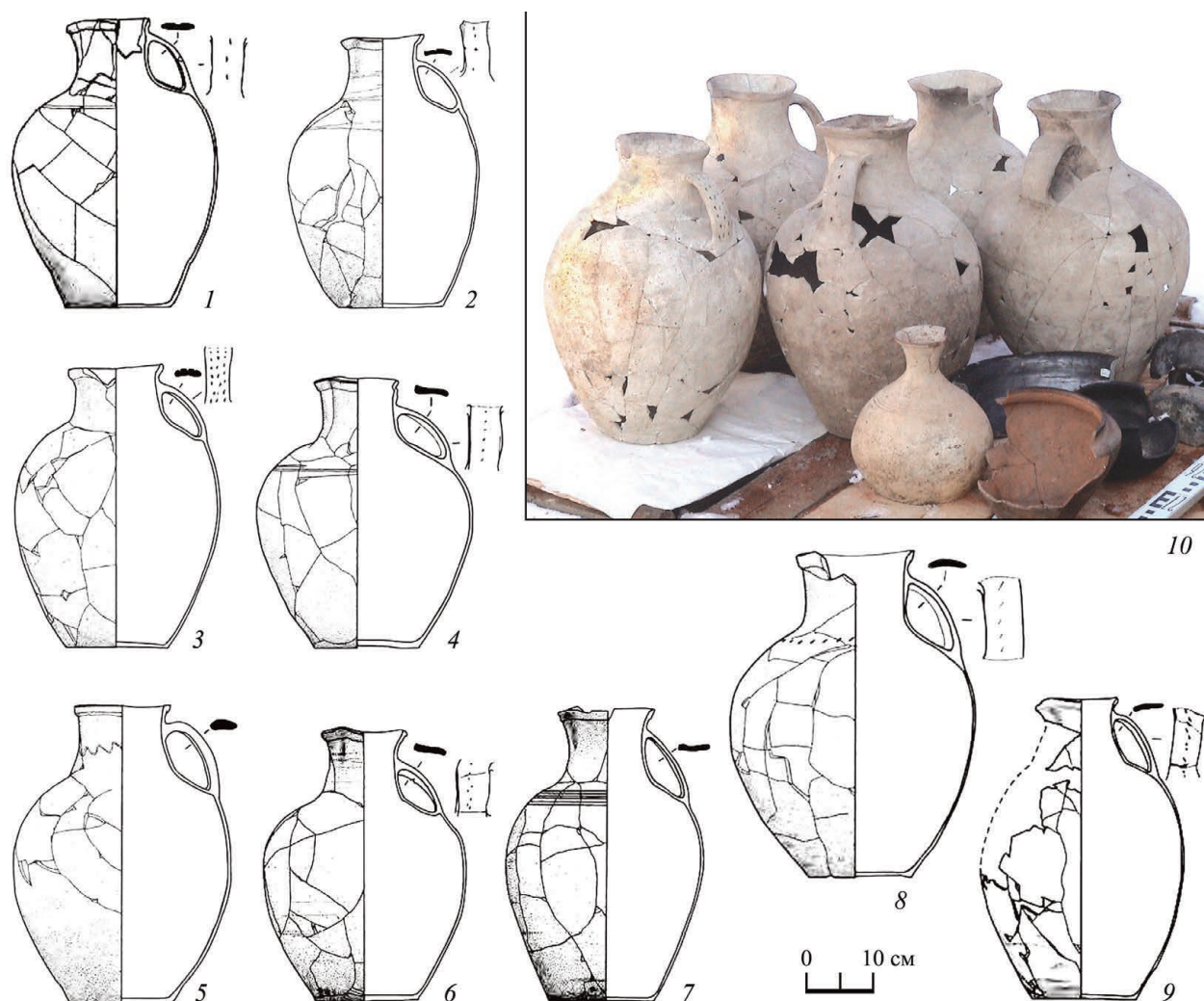

Рис. 8. Белоглиняные кувшины 1550–1570 гг. из раскопок в Зачатьевском монастыре в Москве в 2003–2007 гг. (по: Глазунова, 2008)

около 300 кувшинов. Это указывает на мелко-варный характер гончарного производства в Гжели в XVI в., по-видимому, уже ориентированного на рынок Москвы.

Аналогичные белоглиняные кувшины подтипа 1/2 обнаружены в ходе раскопок в Зачатьевском монастыре в Москве в 2003–2007 гг., в сгоревших жилых постройках 1 и 3 (Глазунова, 2008. С. 128–141). Найденные там девять полных форм имеют ручки типа 2 и 3 и декорированы точками-ямками, прямыми и волнистой линиями, как и кувшины селища Меткомелино 2 (рис. 8, 1–10). По размерно-объемным параметрам эти кувшины относятся к одноведерным (4 экз.), полутора-ведерным (4 экз.) и двухведерным (1 экз.). Учитывая вероятную дату уничтожения жилых построек 1 и 3 и монастыря 1571 г., когда в связи с набегом Девлет Гирея сгорела вся Москва (Беляев, 2019.

С. 42), кувшины допустимо датировать третьей четвертью XVI в., 1550–1570 гг.

Эта датировка белоглиняных кувшинов селища Меткомелино 2 и Зачатьевского монастыря подтверждается также исследованиями 24 кувшинов-голосников в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храм Василия Блаженного), возведенного в 1555–1561 гг. (Мальшева, Полюлях, Сарачева, 2017; 2018). Кувшины-голосники центральной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (16 сосудов) имеют овоидную форму, относятся к подтипу 1/2 и по размерно-объемным параметрам (высота – 51–56,5 см, диаметр – 42–46 см) относятся к 3,0–3,5-ведерным сосудам (рис. 9, 1). Ручка одного из них в сечении прямоугольная узкая (4×2,5 см), типа 4, с декором на внешней поверхности в виде двух параллельных желобков с ногтевыми вдавлениями по ним (рис. 9, 2).

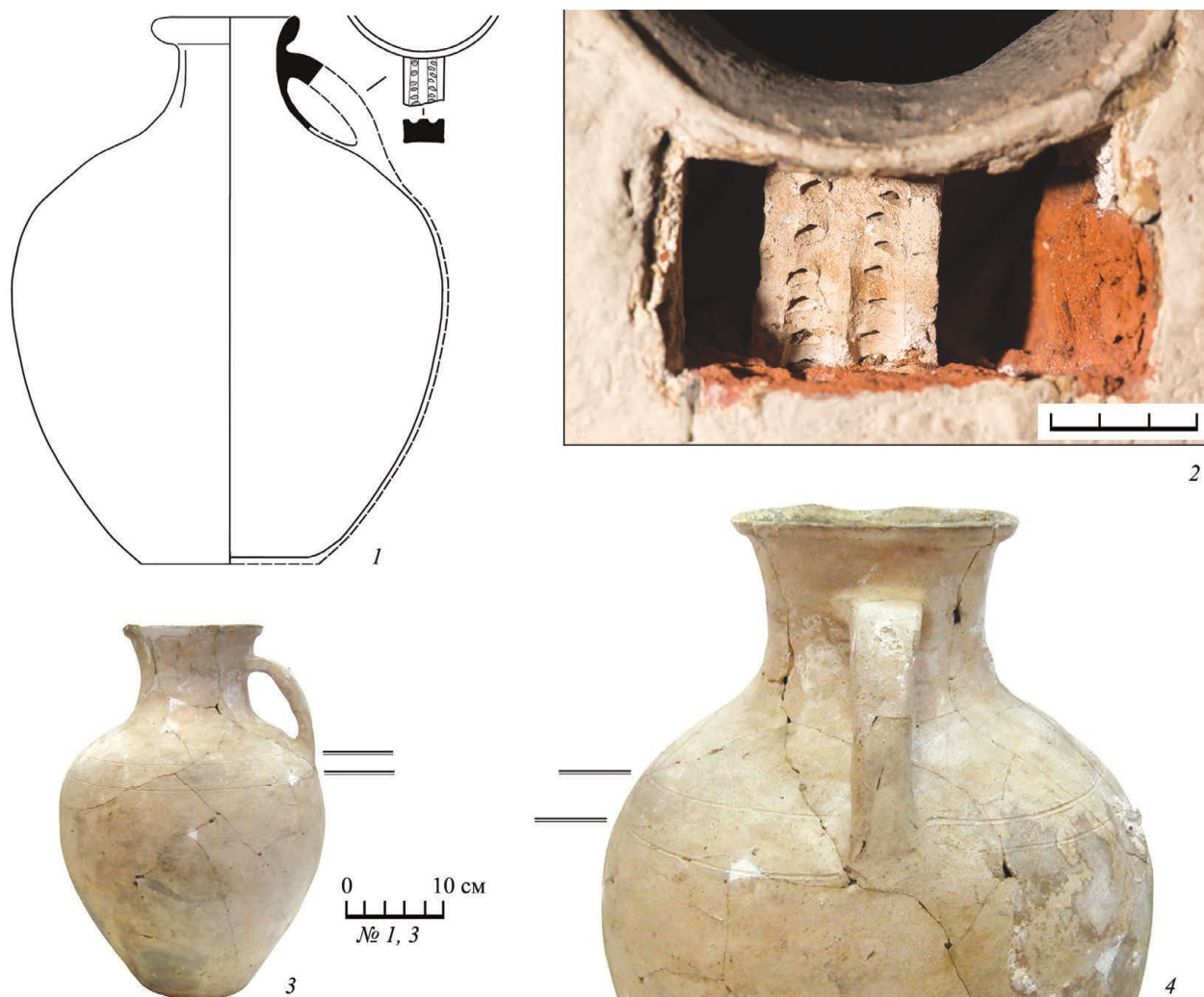

Рис. 9. Белоглиняные кувшины-голосники собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храм Василия Блаженного) 1555–1561 гг. (по: Малышева, Полюях, Сарачева, 2017; 2018)

Кувшины-голосники другой церкви собора – Трех Патриархов Константинопольских (8 сосудов) – также имеют овоидную форму, относятся к подтипу 1/2 и по размерно-объемным параметрам (высота – 34–38 см, диаметр – 31 см) относятся к одноведерным сосудам (рис. 9, 3). Извлеченный из одной ниши кувшин был декорирован двумя линиями по плечу, на уровне нижнего крепления ручки. Ручка типа 2, овальная в сечении, размером 2,4×1,7 см, с декором на внешней поверхности в виде линии наклонных штрихов-надрезов посередине (рис. 9, 4).

Судя по этим наблюдениям, белоглиняные кувшины-голосники собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву – бытовые кувшины гжельского производства, которые могли приобрести при его строительстве в торговых рядах Китай-города, где в середине XVI в. находились три горшечных

ряда (Тверская, 1959. С. 45; История Москвы, 1952. С. 155–161). О торговле в 1557–1558 гг. в Москве гончарной посудой сообщает английский купец и дипломат А. Дженкинсон: «А зимой бывает большой торг за стенами замка (видимо, у Кремля и Китай-города. – А. П.) на замерзшей реке, там продают хлеб, глиняные горшки, кади, сани и т. п.» (Дженкинсон, 1937. С. 78).

Кувшины типа 2

В составе выборки фрагментов кувшинов отмечены 12 обломков горловин с декором, выполненным наклонными штрихами и зубчатым колесиком и имитирующим веревочное плетение «косичка» или «канатик» на валике, расположенном на середине горла на уровне верхнего крепления ручки, характерном для кувшинов типа 2 (рис. 10; Прил. 7).

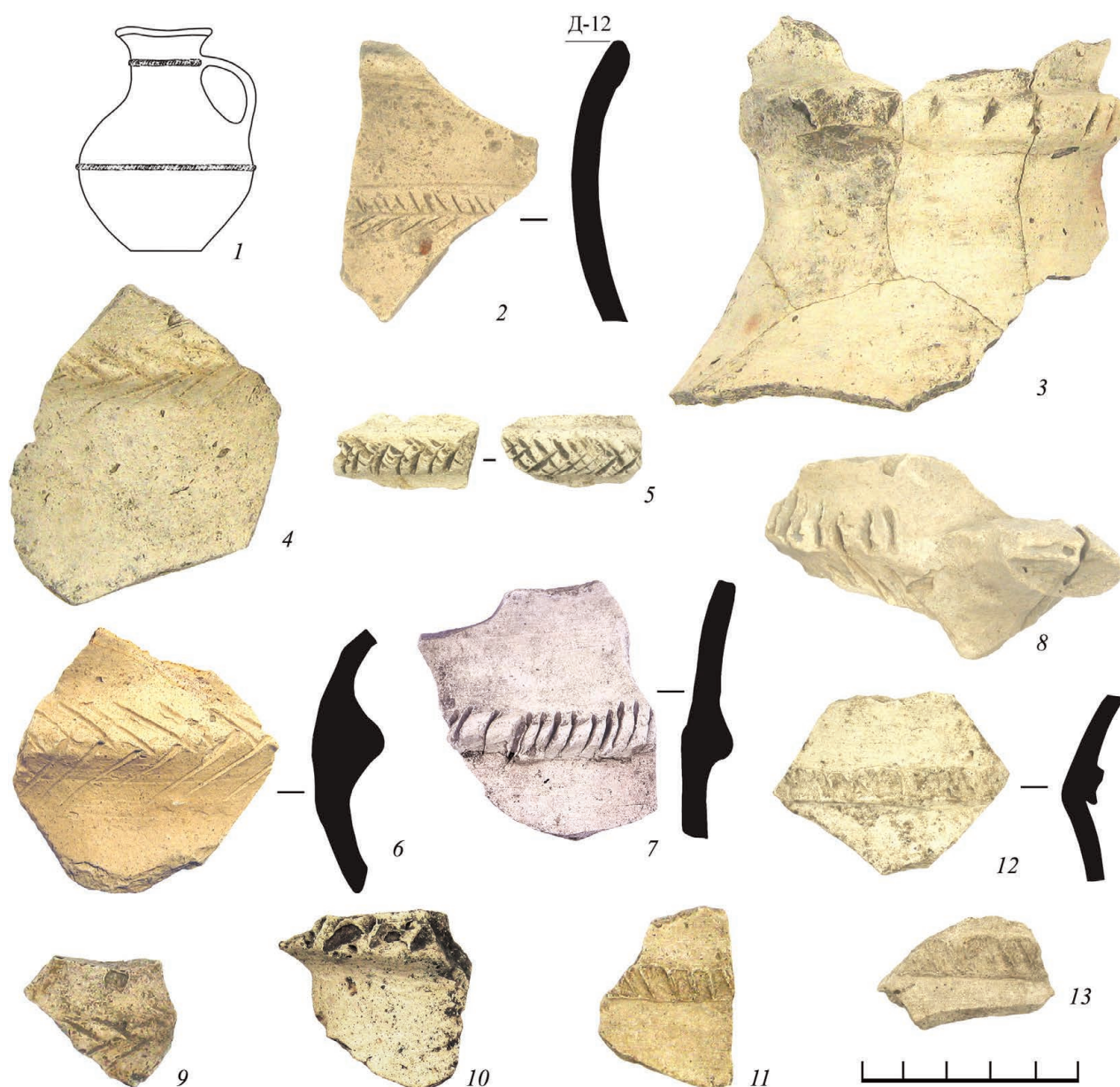

Рис. 10. Декор горловин кувшинов типа 2

2–13 – ММ, НВФ 17613 (2 – № 1593; 3 – № 457–458; 4 – № 855; 5 – № 475–476; 6 – № 1587; 7 – № 236; 8 – № 426; 9 – № 94; 10 – № 375; 11 – № 656; 12 – № 2025; 13 – № 1053)

Кувшины типа 2 – это сосуды с туловом, близким к сферическому, с овальной в сечении ручкой и нанесенным посередине высоты горловины и тулова характерным декором в виде вышеописанных полос штрихов-насечек (рис. 10, 1). По Р.Л. Розенфельдту, такие кувшины появляются в Москве во второй половине XVI в. Кувшины же с декором в виде штрихов-насечек (или отпечатков зубчатого колесика), нанесенных не прямо на стенки, а на невысокие налепные валики, относятся ко второй половине XVII – первой половине XVIII в. (Розенфельдт, 1968. С. 46).

При раскопках в селе Гжель в 1988–1989 гг. обломки кувшинов с подобным декором наклонными штрихами, имитирующим веревочное плетение «косичка» на валике, найдены в нижних, ранних пластах 9–12 (горизонт В) раскопа 1, датируемых XVI в., а обломки с отпечатками зубчатого колесика по валику, имитирующими веревочное плетение «канатик», залежали выше, в пласте 7 раскопа 1 и в пластах 7–9 раскопа 2, могут относиться к XVII в. (Полюлях, 2016, 2017).

Среди 12 обломков горловин кувшинов типа 2, найденных на селище Меткомелино 2, штрихи-на-

сечки по валику отмечены на восьми экземплярах (рис. 10, 3–10). Этим кувшинам могли предшествовать кувшины с аналогичным декором по стенке, а не по валику (рис. 10, 2). Такое незначительное количество фрагментов этого типа допускает факт фиксации их начального появления, которое, по-видимому, относится к концу XVI в., к 1590-м годам. Обломков с зубчатым колесиком найдено всего три экземпляра (рис. 10, 11–13), и их появление также может относиться к концу XVI в. Не исключен привоз и утрата таких кувшинов крестьянами в ходе использования пашни и сенокосных угодий Никитского погоста во второй половине XVII в. (Холмогоровы, 1888. С. 136–137).

Белоглиняные корчаги

К корчагам традиционно относятся сосуды большой емкости двух видов форм. Первая форма имеет сходное с кувшином овоидное тулово, но без ручки (Большая российская энциклопедия, 2010. Т. 15. С. 397). Вторая форма – это большой сферический горшок с толстыми стенками, высота которого почти равна диаметру тулова (Даль, 1955а. С. 170).

Группа керамики, относящаяся к корчагам, составляет в коллекционной выборке 28 единиц и включает полную форму и 27 венчиков и горловин разных сосудов (Прил. 9).

Ранее при рассмотрении керамического комплекса, полученного при археологических исследованиях центральной части села Гжель в 1985, 1986 и 1988 гг., были выделены три типа корчаг, имеющих характерные форму, пропорции и декор (Полюлях, 2017. С. 352–354):

– тип 1 – с овоидным, сходным с кувшинами туловом, имеющим высокое горло с горизонтально отогнутым и уплощенным краем венчика, не предусматривающим характерный для кувшинов выделенный слив (рис. 11, 1). Такое горизонтальное уплощение верхнего края венчиков корчаг было, по-видимому, связано с необходимостью закрывать сосуд Т-образной деревянной пробкой. Пробкой, сделанной из части ствола дерева, был, например, закрыт белоглиняный кувшин из денежно-вещевогоклада, обнаруженного в 1996 г. в Старом Гостином дворе;

– тип 2 – с овоидным, сходным с кувшинами туловом, без горла, с низким отогнутым венчиком (рис. 11, 2);

– тип 3 – горшки-корчаги с шаровидным, сходным с большими горшками туловом. Высота их

обычно меньше максимального диаметра, а диаметр венчика почти равен диаметру дна (рис. 11, 3).

К корчагам типа 1 селища Меткомелино 2 относится полностью восстановленный сосуд, найденный в развале в яме 7, на расстоянии 6,5 м от зоны пятна темно-коричневой супеси, где находились основные постройки двора. Корчага высотой 47 см имеет тулово овоидной формы диаметром 33 см и невысокое (6,5 см) широкое (12 см) горло; объем сосуда (V1) – 20–22 л (рис. 11, 14). По плечу нанесен декор в виде трех параллельных линий с интервалом 2–3 см. Аналогичная по размерам (В – 43 см, Д – 36,5 см) и профилю формы, но декорированная по плечу волнистой линией корчага найдена в 1996 г. на Бахтеевском селище (Полюлях, 2005. С. 253. Рис. 7, б).

Остальные фрагменты корчаг типа 1 имеют различные диаметры венчиков от 10 до 16 см (среднее арифметическое значение – 13,1 см) с высотой горла от 5 до 10 см (среднее арифметическое значение – 7,5 см), что делает возможной их градацию по полному объему (V1), аналогичную кувшинам.

Корчаги типа 1 покрывались простым (из одного элемента) и комбинированным (из нескольких элементов) декором, выполненным прочерчиванием (линии, волна, штрихи) и наколом (точки-ямки).

Простой декор наносился как на горле и его основании – волна, точки-ямки (рис. 11, 16–19), так и по плечу – линии (рис. 11, 14).

Комбинированный декор, нанесенный по горлу и плечу, представлен в трех вариантах: наклонные штрихи в виде сетки между двумя прямыми линиями посередине горла (рис. 11, 21), волнистая линия между двумя поясами точек-ямок по основанию горла (рис. 11, 22) и волнистая линия между двумя прямыми линиями по плечу (рис. 11, 20).

На одном из крупных фрагментов верхней части корчаги типа 1 отмечены следы овра в виде локальных групп разноразмерных темных пятен (рис. 11, 20).

Среди обломков горловин корчаг типа 1 следует отметить фрагмент с декором, выполненным наклонными штрихами, имитирующим веревочное плетение «канатик» на валике посередине горла и характерным для кувшинов типа 2 (рис. 11, 15).

Фрагментов корчаг типа 2 с овоидным туловом не обнаружено.

Корчаги типа 3, горшки-корчаги⁶ – большие горшки с диаметром венчика от 25–26 до 40 см

⁶ Фрагменты венчиков горшков-корчаг выделены из комплекса венчиков горшков, рассмотренного в предыдущей публикации (Полюлях, 2022).

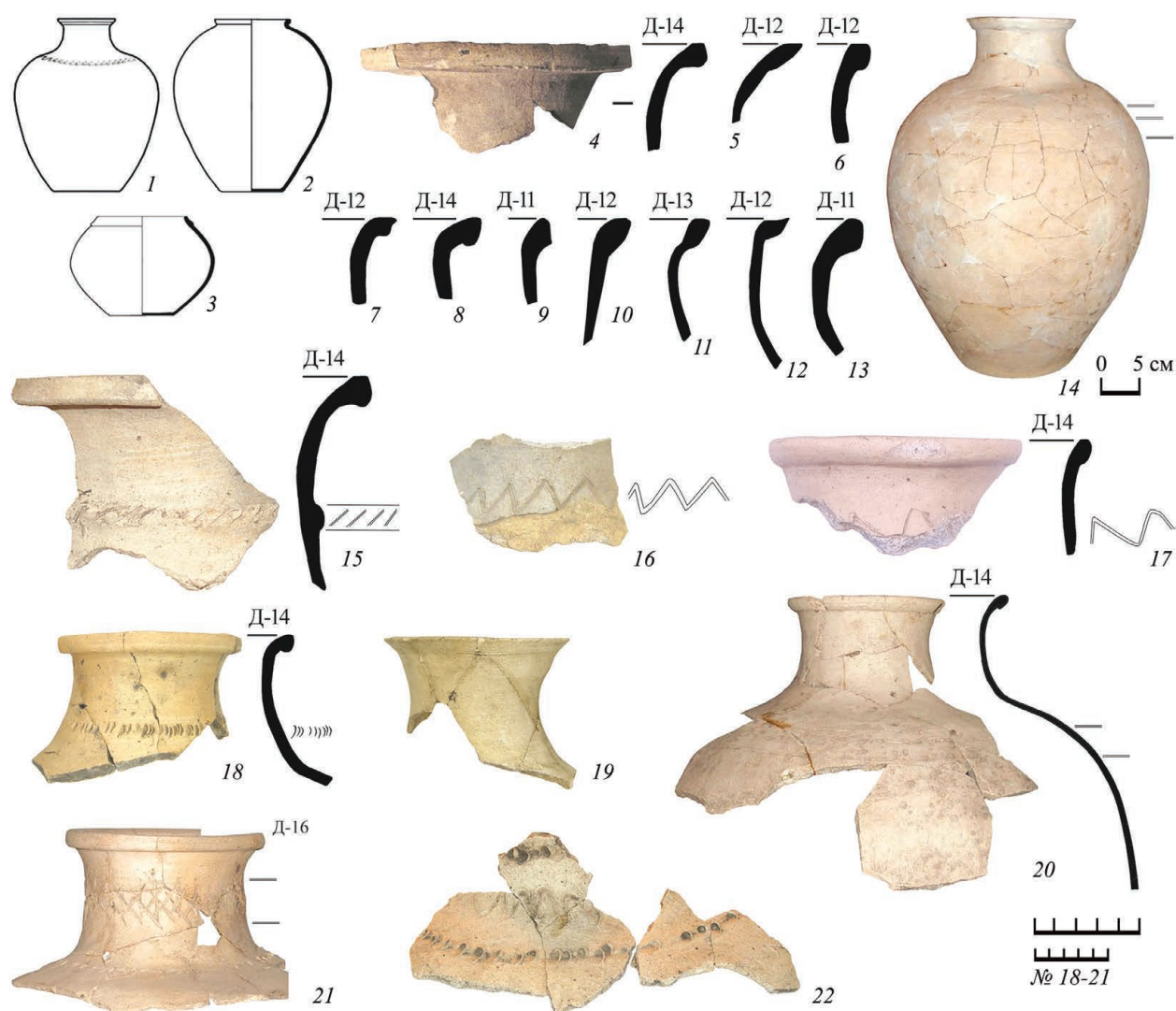

Рис. 11. Корчаги типа 1

14 – ОФ 35234/33; 20 – ОГ-4; 4–13, 15–19, 21, 22 – ММ, НВФ 17613 (4 – № 386; 5 – № 2003; 6 – № 834; 7 – № 632; 8 – № 406; 9 – № 833; 10 – № 1729; 11 – № 1037; 12 – № 385; 13 – № 1994; 15 – № 387; 16 – № 1045; 17 – № 225; 18 – № 405; 19 – № 1588; 21 – № 686; 22 – № 412, 414)

(среднее арифметическое значение – 27,5 см), диаметром тулова 28–46 см (среднее арифметическое значение – 32,2 см), высотой 22–40 см (среднее арифметическое значение – 26 см), с толщиной стенки 0,5–0,8 см (Прил. 9; рис. 12). Фрагментов венчиков горшков-корчаг насчитывается 77 единиц, среди которых отмечены обломки всех трех групп венчиков горшков (Коваль, 2016а. С. 50–58). Преобладают венчики группы вертикальных – 32 ед.; в группе отогнутых венчиков – 22 ед., в группе наклонных венчиков – 23 ед.

Следует отметить три фрагмента группы наклонных внутрь сосуда венчиков, близких по профилировке к классу 39, но не имеющих шейки (рис. 12, 10, 12, 13). Такие венчики по сокращенной

(«московской») системе соответствуют условному типу венчиков 10 (УТВ-10, вариант 2) (Коваль, 2016а. С. 79–81, 119–120. Рис. 51). Горшок с похожим венчиком, но с заворотом чернового края внутрь и декорированный тремя линиями по плечу найден в Тайницком саду Московского Кремля в 2007 г. (Коваль, 2016б. С. 457. Рис. 8, 4). Он датирован второй половиной XIV в.

Для некоторых венчиков (16 ед.) определим диаметр тулова (Р3), что позволило рассчитать объем верхней части (V2) и примерную высоту сосуда (Р5) по эмпирической формуле: $P5 (\pm 0,5 \text{ см}) = P3 - P3/5$. Допуская, что диаметр дна (Р4) для обеспечения устойчивости горшка обычно на 2–3 см меньше диаметра венчика (Р1), возмо-

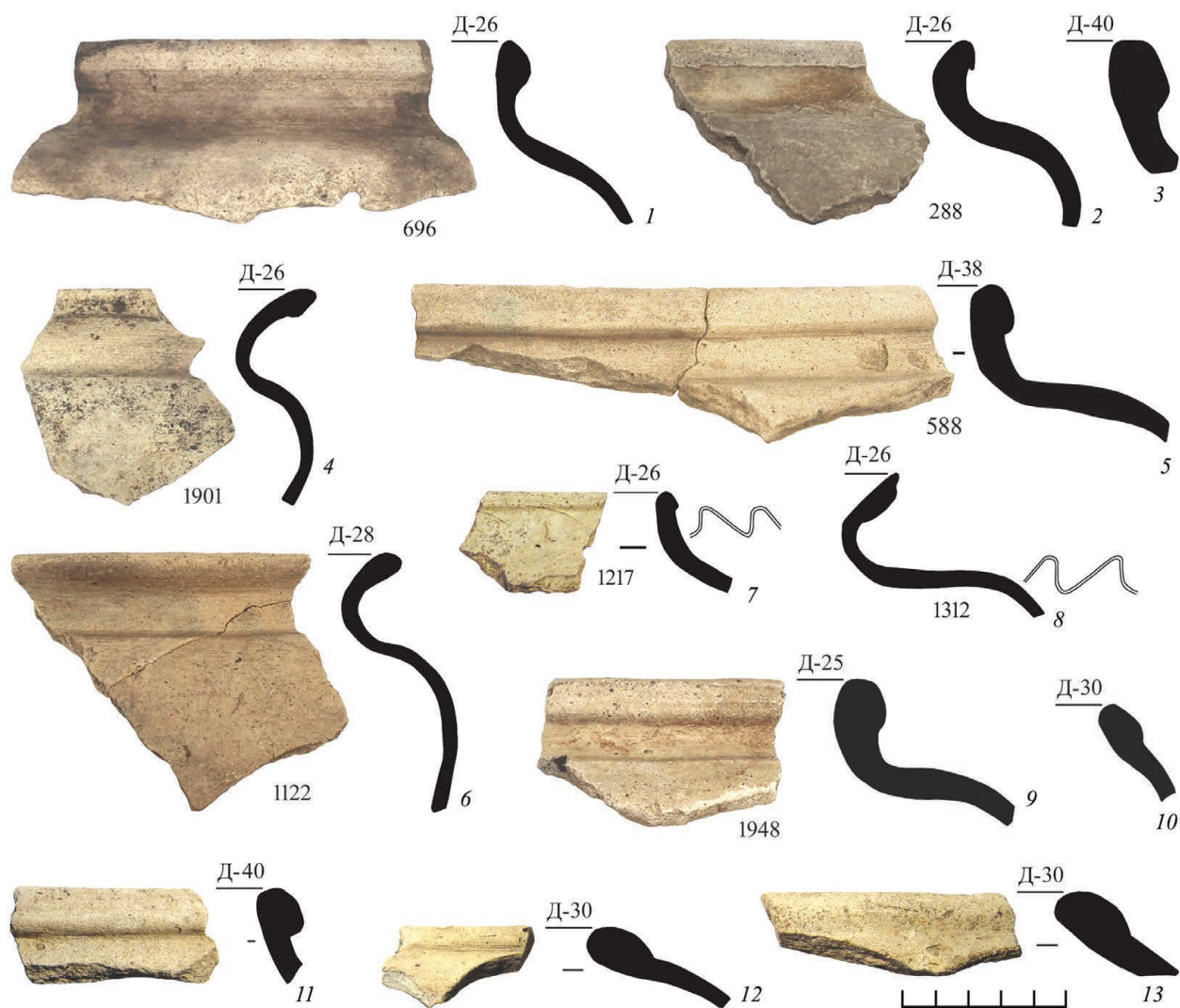

Рис. 12. Горшки-корчаги типа 3

1–13 – ММ, НВФ 17613 (1 – № 696; 2 – № 288; 3 – № 743; 4 – № 1901; 5 – № 588; 6 – № 1122; 7 – № 1217; 8 – № 1312; 9 – № 1948; 10 – № 628; 11 – № 918; 12 – № 359; 13 – № 554)

жен и примерный расчет полного его объема (V1). Судя по полученным данным, для горшков-корчаг типа 3 характерен объем от 11 до 18,6 л (среднее арифметическое значение – 13,6 л), что соотносится с объемом 1,0–1,5 ведер. В то же время отмечены два сосуда, допускающих их отнесение к горшкам-корчагам, но один из них имеет небольшой, нехарактерный объем (V1) 7,5 л (ЗАО Гжель, Кв. Е-7-Я-10; P1–26 см, P3–28 см, P5–22 см), а объем (V1) второго довольно велик и равен примерно 47 л (№ 588; P1–38 см, P3–46 см, P5 ≈ 40 см) (рис. 12, 5).

Декор на венчиках корчаг типа 3 нанесен только на 18 (23,4%) из 77 обломков (табл. 8). Чаще декорировались сосуды с венчиками второй груп-

пы – отогнутыми. Декор нанесен простой (из одного элемента) с использованием трех элементов: волна, линия (и), точки-ямки. Сосудов с комбинированным декором не встречено. Из элементов декора преобладает волна (12 ед.), нанесенная чаще по плечу или шейке венчика. В целом основным местом нанесения декора является плечико, где он отмечен на 10 фрагментах из 18.

Некоторые корчаги типа 3 использовались в быту не только для хранения продуктов питания, но и в качестве кухонных, варильных горшков: 24 (31,2%) из 77 фрагментов имели нагар в верхней части внутренней поверхности. Чаще он отмечается на вертикальных венчиках первой группы – 47%.

Таблица 8. Количественное соотношение элементов декора и мест их нанесения по группам венчиков корчаг типа 3.

Элемент декора и место его нанесения		Группы и классы венчиков горшков			Всего по	
		Вертикальные	Отогнутые наружу и изогнутые	Наклоненные внутрь	месту	элементу
Волна	шейка	2	1	1	4	12
	осн. шейки	–	3	–	3	
	плечико	1	3	1	5	
Линия(и)	плечико	2	1	–	3	3
Точки–ямки	осн. шейки	–	–	1	1	3
	плечико	1	1	–	2	
С декором		6	9	3	18	
Без декора		26	13	20	59	
Всего		32	22	23	77	

Белоглиняные плошки, миски и сковороды

Среди керамики селища Меткомелино 2 выделены и включены в коллекционную выборку фрагменты сосудов, отнесенных к плошкам, мискам и сковородам (Прил. 10). Это низкие плоскодонные формы, имеющие прямую или слегка выгнутую наклонно поставленную стенку с округлым налетом по внешнему краю. Их общее количество составляет 114 единиц. По размерам диаметра верхнего края, с учетом высоты стенки эти сосуды условно-эмпирически разделены на четыре подгруппы (рис. 13):

– подгруппа 1, малые формы – плошки; плошка – «низкий, широкий, развалистый сосуд, б.ч. глиняный» (Даль, 1955б. С. 130);

– подгруппа 2, средние формы – миски; «миска – столовая посуда в виде широкой и глубокой чашки» (Словарь русского языка... Т. 2. С. 277);

– подгруппа 3, большие формы – миски-сковороды;

– подгруппа 4, сковороды.

Подгруппа 1, малые формы – плошки, сосуды с диаметром верхнего края от 7 до 12 см (среднее арифметическое значение – 9,6 см), с высотой стенки 4,0–4,5 см и диаметром дна 8 см (Прил. 10; рис. 14, 1–4). Их найдено всего пять обломков, один из которых имеет закопченность наружной и внутренней поверхностей и мог использоваться в качестве светильника. Два фрагмента декорированы волнистой и прямой линиями по внешней стенке, три не имели декора.

Подгруппа 2, средние формы – миски, сосуды с диаметром верхнего края от 14 до 18 см (среднее

арифметическое значение – 17,3 см), с высотой стенки 5–9 см и диаметром дна 7–16 см (Прил. 10; рис. 14, 9, 11, 15, 17). К этой подгруппе относятся 46 обломков. Из них 16 (35%) фрагментов имеет наружный или внутренний, а порой и двусторонний нагар или закопченность.

На двух обломках стенок с нагаром отмечены следы крепления ручек (№ 2059, 2067; рис. 15, 7, 8), которые использовались для приготовления пищи на огне. Втульчатые ручки от двух других мисок (№ 2074, 2075), найденные на площади разброса керамики (ПРК), имеют длину 3 и 4 см и диаметр 3,3 и 3,7 см соответственно (рис. 15, 9).

На половине фрагментов стенок мисок нанесен декор в виде волнистой линии преимущественно по внутренней стороне (табл. 9; рис. 13, 9; 15, 7). Один обломок декорирован волнистой линией с обеих сторон (рис. 14, 15). Другие варианты декора: одна и две прямые линии по внешней стенке на двух обломках (рис. 15, 4) и два пояса точек-ямок по внешней стенке на одном обломке (рис. 15, 3).

Подгруппа 3, большие формы – миски-сковороды, сосуды с диаметром верхнего края от 19 до 44 см (среднее арифметическое значение – 25 см), с высотой стенки 4,5–9,0 см и диаметром дна 15–28 см (Прил. 10; рис. 14, 5–8, 10, 12–14, 16; 15, 1, 2, 5). К этой подгруппе относятся 56 обломков. Из них 13 имеют наружный или внутренний, а порой и двусторонний нагар или закопченность, что свидетельствует об их использовании в качестве сковород для приготовления пищи на огне.

Декор нанесен на 31 фрагменте, 25 не имели декора (табл. 9). Основным видом также является волнистая линия по внешней и внутренней сторонам (рис. 14, 8, 16; 15, 2, 5); один обломок деко-

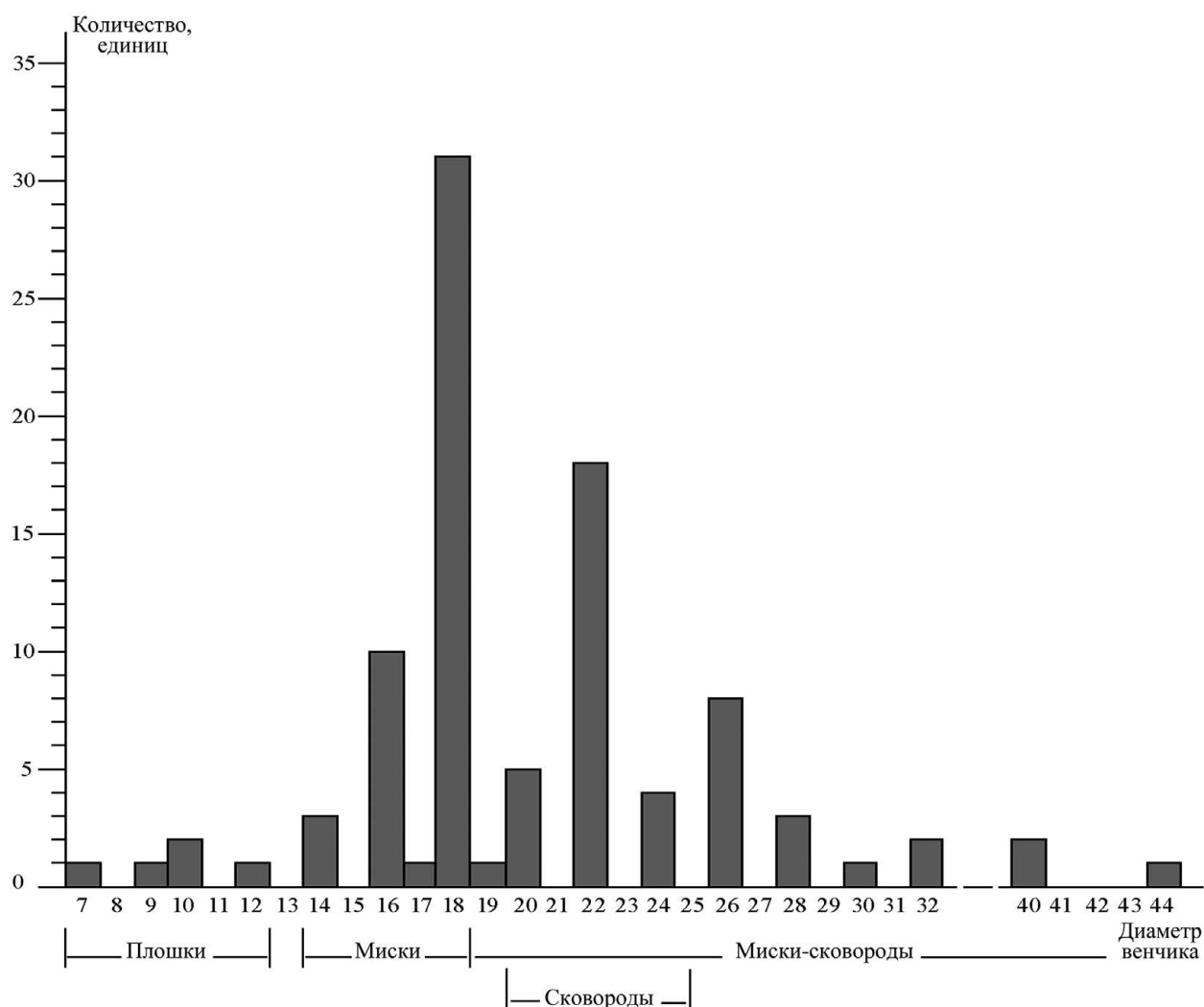

Рис. 13. Распределение по диаметрам верхнего края и подгруппам плошек, мисок, мисок-сковород и сковород

рирован волнистой линией с обеих сторон. Нехарактерные варианты декора на внешней стороне: две волнистые линии (рис. 14, 13; 15, 1), две прямые линии (рис. 14, 6), наклонные штрихи в виде сетки (рис. 14, 12), круглый штамп «крест в круге» (рис. 14, 14). На одном фрагменте по внутренней стороне стенки нанесен пояс из точек-ямков.

Один обломок имел двусторонний комбинированный декор: прямая линия в сочетании с двумя волнистыми линиями по внешней стороне и пояс из точек-ямков по внутренней (рис. 14, 10).

Подгруппа 4, сковороды – сосуды с диаметром верхнего края от 20–22 см и более (среднее арифметическое значение – 22 см), с высотой стенки 2–5 см и диаметром дна 16–21 см (Прил. 10; рис. 15, 10–17). Характерным для сковород параметром является их небольшая, до 5 см, высота стенки и наличие нагара или закопченности на на-

ружной и внутренней поверхностях. К этой подгруппе относятся семь обломков.

Все фрагменты сковород не имеют декора.

Подобные сосуды (плошки, миски и сковороды) бытовали в московской керамике: плошки в группе красноглиняной XII–XIII вв.; миски и миски с ручками в группе красноглиняной XV – начала XVI в.; миски, миски с ручками и сковороды в группе чернolощеной XVI–XVII вв.; сковороды в группе белоглиняной XVI–XVII вв. (Розенфельдт, 1968. С. 9, 15, 16, 34, 35, 46. Табл. 1, 11, 15, 20; 2, 15, 16; 12; 16, 17, 18).

Красноглиняная посуда

В предыдущих публикациях были отмечены находки четырех фрагментов сосудов, изготовленных не из белой, а из красной глины: стенки краснolощеного кувшина, ручки красноглиняного кувшина, по-видимому, московского производства

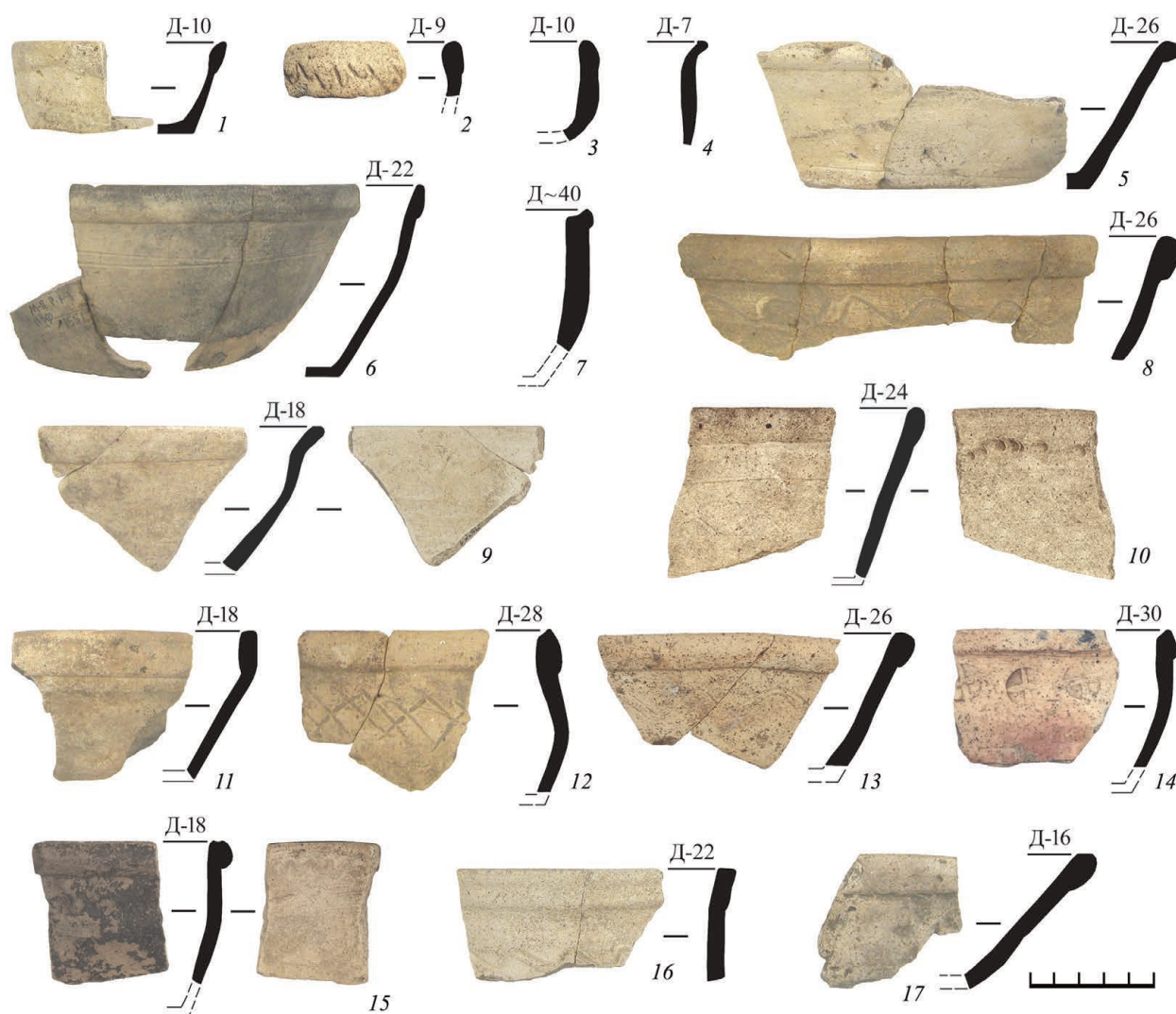

Рис. 14. Плотки (1–4), миски (9, 11, 15, 17) и миски-сковороды (5–8, 10, 12–14, 16)

1–17 – ММ, НВФ 17613 (1 – № 681; 2 – № 627; 3 – № 2073; 4 – № 1529; 5 – № 496; 6 – № 1550; 7 – № 1537; 8 – № 664; 9 – № 1535; 10 – № 1547; 11 – № 206; 12 – № 71; 13 – № 662; 14 – № 1524; 15 – № 671; 16 – № 110; 17 – № 219)

конца XV – начала XVI в. и обломок стенки горшка с линейным декором, характерным для московских горшков XIII–XV вв. (Полюлях, 2021. С. 306–323; 2022. С. 296–378).

В ходе обработки коллекционной выборки керамики выявлены еще 11 обломков сосудов, изготовленных из красной глины (рис. 16, 1, 3–7). Это найденные в раскопах 3–6 фрагменты кувшина-кружки и двух кувшинов. К кувшину-кружке относятся фрагмент венчика с линейным декором у основания горла и два фрагмента ручки (рис. 16, 1, 3, 4). Аналогичные, но ангобированные красноглиняные кувшины-кружки конической формы (рис. 16, 2) изготавливались и бытовали в Москве в XV – начале XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 20–21. Табл. 3).

К двум кувшинам относятся обломки плечиков, декорированные поясом точек-ямков: у одного по основанию горла, а у второго – по плечу (рис. 16, 5, 6). Один из кувшинов, видимо, был покрыт пятнами белого ангоба.

Наличие фрагментов красноглиняных сосудов, датируемых концом XV – началом XVI в., подтверждает предположение о существовании в конце XV – первой половине XVI в. на этом месте, до Никитского погоста, более раннего поселения.

Заключение

Таким образом, рассмотрение полученного в ходе археологического исследования селища Меткомелино 2 (Никитский погост) XVI в., керамического материала в настоящей и предыдущей

Таблица 9. Взаимовстречаемость элементов декора и места нанесения на мисках.

Элемент декора	Место нанесения			Всего
	внешн. сторона	внутр. сторона	внешн + внутр. стороны	
Плошки				
Волна	1	–	–	1
Прямая линия	1	–	–	1
Без декора	3			3
Всего	2	–	–	5
Миски				
Волна	7	10	1	18
Прямая линия(и)	2	–	–	2
Точки-ямки (2 линии)	1	–	–	1
Без декора	24			24
Всего	10	10	1	45
Миски-сковороды				
Волна	11	12	1	24
Волна (2 линии)	1	–	–	1
Прямая линия (2 линии)	1	–	–	1
Точки-ямки	–	1	–	1
Сетка	1	–	–	1
Штамп	2	–	–	2
Комбинированный	–	–	1	1
Без декора	25			25
Всего	16	13	2	56
Сковороды				
Без декора	–	–	–	8
Всего	–	–	–	8
Итого	114			
с декором	29	22	3	54
без декора	60			

публикации (Полюях, 2022. С. 296–378) показывает, что в быту жителей поселения использовалось восемь керамических посудных форм: горшок, горшок со сливом, кувшин, корчага, плошка, миска (некоторые с ручкой), миска-сковорода и сковорода. Рассмотрение в дальнейшем возможного использования этих керамических посудных форм, в первую очередь для приготовления пищи на огне, позволит предположительно реконструировать характер питания сельских жителей в XVI в.

Все представленные гончарные формы изготавливались в XVI в., из местного сырья, белой глины, крестьянами-гончарами селений Гжельской волости. Количество тех или иных форм, найденных

на селище (а исследовать удалось лишь сохранившуюся часть культурного слоя – примерно 50% памятника), свидетельствует о мелкотоварном, ориентированном на рынок характере гончарного производства в Гжели в это время. На это указывает грация кувшинов и, видимо, корчаг по объему, кратному ведру.

Часть кувшинов и корчаг значительного объема использовалась в быту не только для хранения воды или каких-либо напитков, но и, по-видимому, для сохранения зерна и муки от влаги и грызунов.

Морфологическое разнообразие посудных форм и вариаций декора допускает предположение о производстве гончарных изделий в XVI в.

Рис. 15. Миски (3, 4, 6–8), миски-сковороды (1, 2, 5) и сковороды (10–17)

1–17 – ММ, НВФ 17613 (1 – № 2062; 2 – № 208; 3 – № 2063; 4 – № 1735; 5 – № 204; 6 – № 1538; 7 – № 2059; 8 – № 2067; 9 – № 2075; 10 – № 1099; 11 – № 1522; 12 – № 1521; 13 – № 1114; 14 – № 817; 15 – № 824; 16 – № 1100; 17 – № 1101)

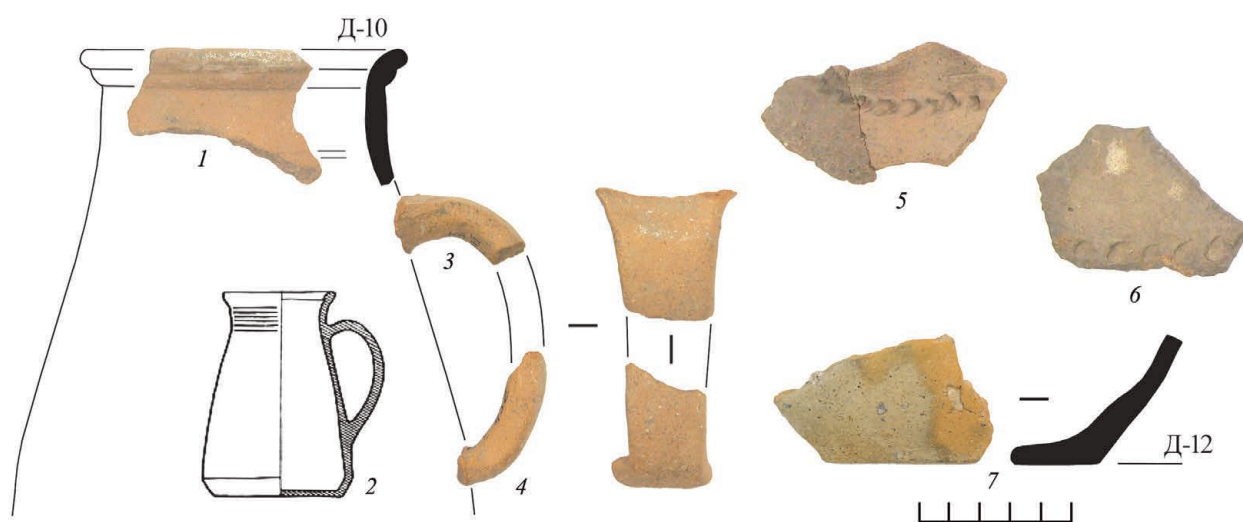

Рис. 16. Красноглиняные кувшины

1–10 – ММ, НВФ 17613 (1 – № 451; 3 – № 453; 4 – № 452; 5 – № 1056; 6 – № 2024; 7 – № 884)

в нескольких селениях Гжельской волости. При этом следует отметить наличие в работе гончаров определенной традиции (в настоящее время – стандарт). Эта производственная традиция играет большую роль и является результатом практического опыта на основе конкретной работы, устанавливая применение определенных правил и рациональных методов с целью упорядочения деятельности для экономически выгодного

получения готовых изделий соответствующего качества, удовлетворяющего требованиям потребителя. От их соблюдения зависят постоянство качества и, соответственно, срок службы изделий.

Представленные посудные формы и их фрагменты селища Меткомелино 2 можно использовать для последующего сравнительного анализа с коллекциями других памятников как по абсолютным размерам и величинам объема, так и по характеру декора.

Литература

- Беляев Л. А., 2019. Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков. М.: РАН. (Исторические записки. № 18 (136)). 336 с.
- Генинг В. Ф., 1992. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наукова думка. 188 с.
- Глазунова О. Н., 2008. Комплексы керамики из жилых построек второй половины XV – начала XVI в. Зачатьевского монастыря (г. Москва) // РА. № 2. С. 128–141.
- Даль В. И., 1955а. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей. 785 с.
- Даль В. И., 1955б. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей. 555 с.
- Дженкинсон А., 1937. Путь из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л.: ОГИЗ. 306 с.
- История Москвы. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1952. 777 с.
- Коваль В. Ю., 2016а. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М.: ИА РАН. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9). 128 с.
- Коваль В. Ю., 2016б. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 437–475.
- Куфтин Б. А., Россова А. М., 1928. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. Вып. 5. М. С. 9–30.
- Мальшева Н. Н., Полюях А. А., Сарачева Т. Г., 2017. Новые сведения о голосниках собора Покрова на Рву в Москве // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 372–386.
- Мальшева Н. Н., Полюях А. А., Сарачева Т. Г., 2018. Результаты натурного исследования сосудов-голосников из церкви Трех Патриархов Константинопольских в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 442–450.
- Полюях А. А., 1990. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском районах Московской области в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15805.
- Полюях А. А., 1991. Отчет об археологических разведках и раскопках в Раменском и Балашихинском районах Московской области в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 16993, 17337.
- Полюях А. А., 1993. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17909.
- Полюях А. А., 1996. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1996 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19991, 19992.
- Полюях А. А., 1998. Отчет об археологических раскопках Меткомелинского II-го селища в Раменском районе Московской области в 1998 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 21152.
- Полюях А. А., 2005. Гончарный горн у с. Бахтево в Раменском районе Московской области // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 246–254.
- Полюях А. А., 2016. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 476–546.
- Полюях А. А., 2017. Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 346–371.
- Полюях А. А., 2021. Археологическое исследование селища Меткомелино 2: характер и особенности культурного слоя, находок и состава комплекса керамики // АП. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 306–323.

Полюлях А. А., 2022. Археологическое исследование селища Меткомелино 2: белоглиняные горшки // АП. Вып. 18. М: ИА РАН. С. 296–378.

Пономарев Н. В., 1896. Краткий обзор кустарных промыслов. СПб.: Паровая скоропечатня М. М. Гутзац. 109 с.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 124 с.

Словарь русского языка. Т. 2 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. 736 с.

Тверская Д. И., 1959. Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М.: Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 34). 128 с.

Холмогоровы В. и Г., 1888. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. Вып. 6. М.: ОИДР. 169 с.

Черепнин Л. В., 1944. Русская метрология. М.: Трансжелдориздат. 94 с.

A. A. Polulakh

Archaeological study of the settlement of Metcomelino 2: white-clay jugs, pots, bowls, bowls and pans

Summary

The article presents the results of excavations at the settlement of Metkome-lino 2 (Nikitsky Pogost) of the 16th century, located in Gzhel, an ancient ce-ramic region

of Russia, and is the third publication of this site. It considers the absolute dimensions, volumes and the nature of the decoration of jugs, bowls, bowls, bowls and pans.

Приложение 1

Параметры (P1-8) объемов полных форм (V1), верхних частей (V2), нижних частей (V3) и фрагмента горловины кувшинов подтипа 1/1 селища Меткомелино 2 (форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая)

ММ, № НВФ 17613	Раскол. Яма. Пласт	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхн. края	Объем, л		
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части			V1	V2 (+0,5 л)	V3 (+0,5 л)
Полные формы кувшинов (объем V1)														
ОГ-1	Р-1. Я-2	14	11	22,5	11	28	10	6,5	11,5	Комбинированный: точки-ямки / осн. горла, точки-ямки + волна / плечико	ОСТР	5,1	2	3,1
522	Р-3. Я-5	9	8	16	≈ 9	≈ 26	10	5	≈ 11	2 линии / плечико	ОКР	3	1,1	1,9
Фрагмент горловины														
247	Р-2. Пл. 2	14	9	–	–	–	13	–	–	–	ОКР	–	–	–
Миним. значение см	Мин.,	9	8	16	≈ 9	≈ 26	10	5	≈ 11	–	–	3	1,1	1,9
Максим. значение см	Мах.,	14	11	22,5	11	28	13	6,5	11,5	–	–	5,1	2	3,1
Среднее арифм. значение		11,5	9,5	19,2	10	27	11,5	5,7	11,2	–	–	4	1,5	2,5
Среднее квадратическое отклонение		3,5	2,1	4,6	1,4	1,4	2,1	1,1	0,3	–	–	1,5	0,6	0,8

Приложение 2

Параметры (Р1-8) объемов полных форм (V1), верхних частей (V2) и нижних частей (V3) кувшинов подтипа 1/2
селища Меткомелино 2 (форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОКР-ПРФ – округлая профилированная, ПЛСК-ПРФ – плоская профилированная)

ММ, № НВФ 17613; ОФ 35234	Раскоп. Квадрат. Яма. Пласт	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхн. края	Объем, л		
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части			V1	V2 +0,5 л	V3 +0,5 л
Полные формы кувшинов (объем V1)														
400	Р-3. Я-5	8	7	15	6,5	24	6	7	11	Комбинированный: волна в 2 линиях / осн. горла	ОКР	2,8	1,2	1,6
866	Р-5. Пл.1	≈ 17	14	24	15	24,5	7	5,5	12	Волна / плечико	–	6,2	2,1	4,1
1077-81	Р-6. Пл. 2	10	8	28	12	≈ 34	8	9	18	Волна / плечико	ОКР	9,5	3	6,5
ОФ /32	Р-3. Я-5	13	11	32	15,5	45	9,5	14,5	21	2 линии / плечико	ОСТР	16,5	5,7	9,8
ГТУ	Р-1. Я-2	12	9	24	13	32	9	8	15	–	ОСТР	7	2,3	4,7
ОГ-3	Кв. Д-Е-7. Я-10	11	9,5	17	8	18,5	5,5	4,5	8,5	Комбинированный: волна + линия + волна / горло, ли- ния / плечико, 3 линии / тулово	ОСТР	2,6	1,1	1,5
Верхние части кувшинов (объем V2)														
399	Р-3. Я-5	12	8	24	≈ 11,5	≈ 33	8,5	9	≈ 15,5	Волна / плечико	ОКР	≈ 7	2,5	≈ 4,5
486	Р-3. Я-5	11	8	27	≈ 13	≈ 38	9,5	11,5	≈ 17	2 линии / плечико	ОКР	≈ 9,5	3,5	≈ 6
487	Р-3. Я-5	15	12	≈ 33	≈ 16	≈ 46	10	≈ 11	≈ 25	Точки-ямки / осн. горла	ПЛСК- ПРФ	≈ 17,9	5,2	≈ 12,7
488	Р-3. Я-5	12	9	26	≈ 12,5	≈ 36	6,5	9,5	≈ 20	–	ПЛСК- ПРФ	≈ 9,5	3	≈ 6,5
489	Р-3. Я-5	12	9	≈ 26	≈ 12,5	≈ 36	8,5	≈ 8	≈ 19,5	–	ОКР	≈ 9	2,6	≈ 6,4
490	Р-3. Я-5	12	9	≈ 30	≈ 14,5	≈ 42	8	≈ 10	≈ 24	–	ОКР	≈ 14,0	3,8	≈ 10,2
498	Р-3. Я-5	14	11	≈ 33	≈ 16	≈ 46	7	≈ 9	≈ 30	Линия / плечико	ПЛСК	≈ 19,4	4,2	≈ 15,2
499	Р-3. Я-5	13,5	10,5	≈ 33	≈ 16	≈ 46	8	≈ 10	≈ 28	–	ОКР	≈ 18,8	4,6	≈ 14,2
500	Р-3. Я-5	13	10	≈ 30	≈ 14,5	≈ 42	8	≈ 8	≈ 26	–	ОСТР	≈ 14,2	3,2	≈ 11

Параметры (P1-8) объемов полных форм (V1), верхних частей (V2) и нижних частей (V3) кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2 (окончание)

ММ, № ОФ 35234 НВФ 17613	Раскол. Квадрат. Яма. Пласт	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхн. края	Объем, л		
		P1 Д венчика	P2 Д горла	P3 Д тулова	P4 Д дна	P5 В сосуда	P6 В горла	P7 В плечика	P8 В нижней части			V1	V2 +0,5 л	V3 +0,5 л
520	Р-3. Я-5	11	9	19	≈ 9	≈ 27	8	7	≈ 12	2 линии / плечико	ОСТР	≈ 4	1,6	≈ 2,4
521	Р-3. Я-5	11	9	28	≈ 13	≈ 39	9	10	≈ 20	–	ОКР	≈ 11	3,5	≈ 7,4
527	Р-3. Я-5	14	12	34	≈ 16	≈ 47	8	8	≈ 31	Комбинированный: волна + линия(и) / плечико	ОСТР	≈ 20,5	4,1	≈ 16,4
826	Р-5. Пл. 2	10	8	≈ 24	≈ 11,5	≈ 33	6	7	≈ 20	Линия / плечико	ОКР	≈ 7,6	2	≈ 5,6
827	Р-5. Я-8	11	7	20	≈ 9,5	≈ 28	8,5	7	≈ 12,5	Волна / плечико	ОСТР	≈ 4,3	1,6	≈ 2,7
829	Р-5. Пл. 2	12	9	≈ 24	≈ 11,5	≈ 33	9	≈ 7	≈ 17	–	ПЛСК- ПРФ	≈ 7	2,1	≈ 5
1042	Р-6. Я-8	12	10	22	≈ 10,5	≈ 31	6,5	7	≈ 17,5	Волна / плечико	ОКР-	≈ 6,3	2	≈ 4,3
2018	ПРК. Кв. 72	11	9	22	≈ 10,5	≈ 31	8	8	≈ 15	–	ОКР	≈ 5,8	2,1	≈ 3,7
ОГ-2	Р-1. Я-2	15	12	33	≈ 16	≈ 46	10	17	≈ 19	2 линии / плечико	ОКР- ПРФ	≈ 17,1	7,3	≈ 9,8
<i>Нижние части кувшинов (объем V3)</i>														
243	Р-1. Я-2	–	≈ 12	38	18	> 30 ≈ 46	≈ 9	≈ 13	24	–	–	≈ 23,5	≈ 7,5	16
244	Р-1. Я-2	–	≈ 8	27	14	> 25 ≈ 34	≈ 8	≈ 8	18	Комбинированный: волна в 2 линиях / плечико	–	≈ 9,2	≈ 2,6	6,6
541	Р-3. Я-5	–	≈ 9	29	16	≈ 34	≈ 8	≈ 8	18	–	–	≈ 11	≈ 3	7,9
1665	Р-7. Пл. 2	–	≈ 8	≈ 26	16,5	≈ 45	≈ 9	≈ 16	> 10 ≈ 20	–	–	≈ 12,2	≈ 4,5	≈ 7,7
Миним. значение*, см		8	7	15	6,5	18,5	5,5	4,5	8,5	–	–	2,6	1,1	1,5
Максим. значение*, см		15	14	38	18	45	10	17	24	–	–	16,5	7,3	16
Средн. арифм. значение*		12	9,6	25,7	13,4	28,8	8	8,8	16,2	–	–	7,4	3,1	6,5
Средн. квадрат. отклон.*		1,6	1,7	6	3,7	10,2	1,3	3,1	5	–	–	5,2	1,5	4,5

* Учитывались только точные значения соответствующих параметров.

Приложение 2а

**Кувшины подтипа 1/2: количественное и процентное распределение венчиков
по абсолютным значениям диаметров**

Диаметр	Кол-во	%
8	5	2,8
9	7	3,9
10	34	19,2
11	19	10,8
12	59	33,4
13	11	6,2
14	34	19,2
15	3	1,7
16	5	2,8
Всего	177	100

Приложение 2б

**Кувшины подтипа 1/2: количественное и процентное распределение горловин
по абсолютным значениям диаметров**

Диаметр	Кол-во	%	%
7	13	7,0	21,6
8	27	14,6	
9	43	23,3	49,8
10	49	26,5	
11	27	14,6	25,4
12	20	10,8	
13	3	1,6	3,2
14	3	1,6	
Всего	185	100	

Приложение 3

Параметры (Р1-8) венчиков и горловин кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2
(форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОСТР-СКШ – острая скошенная, ПЛСК – плоская; профиль венчика: ИЗОГН – изогнутый)

ММ, № НВФ 17613	Раскол. Квадрат. Пласт. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части		
19	Р-1. Пл. 1	14	11	–	–	–	>3	–	–	–	ПЛСК
43	Р-1. Пл. 2	12	9	–	–	–	>3	–	–	–	ОКР
75	Р-1. Пл. 1	12	9	–	–	–	6	–	–	–	ОСТР
76	Р-1. Я-1	12	10	–	–	–	8	–	–	–	ПЛСК
77	Р-1. Я-2.	12	11	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
91	Р-1. Я-2	12	10	–	–	–	>3	–	–	–	ОКР
92	Р-1. Я-2	12	10	–	–	–	5	–	–	–	ПЛСК
226	Р-2. Пл. 2	14	12	–	–	–	>6	–	–	–	ОКР
227	Р-2	–	–	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
228	Р-2. Пл. 2	10	9	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
229	Р-2. Пл. 2	12	11	–	–	–	>5	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
230	Р-2. Я-4	10	8	–	–	–	>6	–	–	–	ПЛСК
231	Р-2. Пл. 2	14	10	–	–	–	>4	–	–	–	ПЛСК
232	Р-2. Пл. 2	10	9	–	–	–	>4	–	–	Волна / горло	ОСТР
233	Р-2. Пл. 2	11	7	–	–	–	>4	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
234	Р-2. Пл. 2	10	9	–	–	–	>4	–	–	–	ОКР
248	Р-2. Пл. 2	–	10	–	–	–	>8	–	–	–	–
381	Р-3. Пл. 1	10	8	–	–	–	6,5	–	–	–	ОКР
382	Р-3. Пл. 1	13	9	–	–	–	8,5	–	–	–	ОСТР
384	Р-3	12	10	–	–	–	7	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
388	Р-3	10	8	–	–	–	9	–	–	–	ОКР
389	Р-3. Пл. 2	14	11	–	–	–	>6	–	–	–	ПЛСК
390	Р-3. Пл. 1	10	9	–	–	–	7	–	–	–	ОКР

Параметры (Р1-8) венчиков и горловин кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2 (продолжение)
 (форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОСТР-СКШ – острая скошенная, ПЛСК – плоская; профиль венчика: ИЗОГН – изогнутый)

ММ, № НВФ 17613	Раскол. Квадрат. Плост. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части		
391	Р-3	16	13	–	–	–	7	–	–	–	ПЛСК
392	Р-3. Пл. 1	8	7	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
393	Р-3. Пл. 1	16	14	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
394	Р-3	10	9	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
395	Р-3. Пл. 1	12	10	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
396	Р-3. Пл. 2	12	11	–	–	–	6	–	–	–	ПЛСК
397	Р-3. Пл. 2	16	14	–	–	–	6	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
401	Р-3. Пл. 1	13	10,5	–	–	–	8,5	–	–	2 линии / плечико	ПЛСК
402	Р-3	12	10	–	–	–	8	–	–	–	ОСТР
403-404	Р-3	12	9	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
408	Р-3	15	12	–	–	–	> 3	–	–	–	ОКР
410-411	Р-3	10	8	–	–	–	8,5	–	–	–	ОСТР
446	Р-3	12	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
447	Р-3	8	7	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
454	Р-3	10	8	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
479	Р-3	14	11	–	–	–	7,5	–	–	–	ОСТР
484-485	Р-3. Я-5	14	11	–	–	–	9	–	–	–	ОКР
491	Р-3. Я-5	12	9	> 22	–	–	9	≈ 8	–	–	ПЛСК
493	Р-3. Я-5	11	9	–	–	–	8	–	–	Линия / плечико	ОСТР
494	Р-3. Я-5	10	8	–	–	–	8	–	–	–	ОСТР-ИЗОГН
497	Р-3. Я-5	10	8	–	–	–	8	–	–	–	ОСТР
513	Р-3. Пл. 2	14	11	–	–	–	> 7	–	–	–	ОКР
516	Р-2	10	8	–	–	–	8,5	–	–	–	ОСТР
517	Р-2	9	7	–	–	–	8	–	–	–	ОСТР
526	Р-3. Пл. 2	12	11	–	–	–	8,5	–	–	–	ОСТР

Параметры (Р1-8) венчиков и горловин кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2 (продолжение)
 (форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОСТР-СКШ – острая скошенная, ПЛСК – плоская; профиль венчика: ИЗОГН – изогнутый)

ММ, № НВФ 17613	Раскол. Квадрат. Пласт. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части		
629	Р-4. Пл. 1	12	9	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
630	Р-4. Пл. 1	14	10	–	–	–	8	–	–	Точки-ямки / осн. горла	ОСТР
631	Р-4. Пл. 1	10	8	–	–	–	> 7	–	–	–	ПЛСК
633	Р-4. Пл. 1	16	13	–	–	–	> 4	–	–	–	ОКР
634	Р-4. Пл. 3	10	8	–	–	–	> 6	–	–	–	ОСТР
635	Р-4. Пл. 2	12	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
636	Р-4. Пл. 1	12	9	–	–	–	> 4	–	–	–	ОКР
825	Р-5. Я-8	14	11	–	–	–	8	–	–	–	ОКР
828	Р-5. Я-8	14	12	–	–	–	8	–	–	–	ОСТР
830	Р-1. Я-1	12	10	–	–	–	> 6	–	–	–	ОСТР-ИЗОГН
831	Р-5. Я-8	12	10	–	–	–	> 6	–	–	–	ОКР
833	Р-5. Пл. 2	10	8	–	–	–	> 4	–	–	–	ОСТР
834	Р-5. Пл. 2	12	10	–	–	–	> 4	–	–	–	ПЛСК
835	Р-5. Пл. 1	14	12	–	–	–	> 4	–	–	–	ПЛСК
838	Р-5. Я-8	10	8	–	–	–	> 6	–	–	–	ОКР
852	Р-5. Я-8	10	8	–	–	–	6	–	–	–	ПЛСК
1020	Р-6. Пл. 1	8	7	–	–	–	5	–	–	–	ОСТР
1022	Р-6. Пл. 2	12	10	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
1023	Р-6. Пл. 1	10	9	–	–	–	5,5	–	–	–	ОСТР
1024	Р-6. Пл. 1	10	8	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
1025	Р-6. Пл. 1	12	10	–	–	–	7,5	–	–	–	ОСТР
1027	Р-6. Пл. 1	14	12	–	–	–	> 6	–	–	–	ПЛСК
1028	Р-6. Я-8	9	8	–	–	–	> 5	–	–	–	ПЛСК
1029	Р-6. Пл. 1	12	11	–	–	–	> 5	–	–	–	ПЛСК
1030	Р-6. Пл. 2	12	10	–	–	–	5	–	–	–	ОКР-ПРФ

Параметры (Р1-8) венчиков и горловин кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2 (продолжение)
(форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОСТР-СКШ – острая скошенная, ПЛСК – плоская; профиль венчика: ИЗОГН – изогнутый)

ММ, № НВФ 17613	Раскоп. Квадрат. Плост. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части		
1031	Р-6. Пл. 1	12	10	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
1032	Р-6. Пл. 1	10	8	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
1034	Р-6. Пл. 2	10	9	–	–	–	7	–	–	–	ПЛСК
1035	Р-6. Пл. 1	14	13	–	–	–	> 5	–	–	–	ПЛСК
1036	Р-6. Пл. 1	12	11	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
1040	Р-6. Пл. 1	13	11	–	–	–	8	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
1041	Р-6. Пл. 1	14	12	–	–	–	> 6	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
1082	Р-6. Пл. 2	13	11	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
1554	Р-7. Пл. 1	9	7	–	–	–	> 6	–	–	–	ПЛСК
1555	Р-7. Пл. 1	14	10	–	–	–	> 7	–	–	–	ОСТР
1556	Р-7. Пл. 2	11	9	–	–	–	> 6	–	–	–	ОСТР
1557	Р-7. Пл. 1	10	8	–	–	–	6,5	–	–	–	ОСТР
1558	Р-7. Пл. 2	11	9	–	–	–	9	–	–	–	ОСТР
1559	Р-7. Пл. 1	13	10	–	–	–	7	–	–	–	ПЛСК
1560	Р-7. Пл. 2	11	9	–	–	–	8	–	–	–	ОКР
1561	Р-7. Пл. 2	14	12	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
1562	Р-7. Пл. 2	14	12	–	–	–	9	–	–	–	ПЛСК
1563	Р-7. Пл. 1	12	10	–	–	–	8	–	–	–	ПЛСК
1564	Р-7. Пл. 2	12	10	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
1565	Р-7. Пл. 2	10	9	–	–	–	7,5	–	–	–	ОКР
1566	Р-7. Пл. 2	12	10	–	–	–	7,5	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
1567	Р-7. Пл. 1	12	10	–	–	–	6	–	–	–	ПЛСК
1568	Р-7. Пл. 1	12	9	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
1569	Р-7. Пл. 2	11	9	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР-СКШ
1570	Р-7. Пл. 1	12	10	–	–	–	> 6	–	–	–	ПЛСК

Параметры (Р1-8) венчиков и горловин кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2 (продолжение)
(форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОСТР-СКШ – острая скошенная, ПЛСК – плоская; профиль венчика: ИЗОГН – изогнутый)

ММ, № НВФ 17613	Раскол. Квадрат. Плост. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части		
1571	Р-7. Пл. 2	11	9	–	–	–	5,5	–	–	–	ОКР
1572	Р-7. Пл. 2	9	8	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
1573	Р-7. Пл. 2	12	10	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
1574	Р-7. Пл. 2	12	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ПЛСК
1575	Р-7. Пл. 1	9	7	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
1576	Р-7. Пл. 1	12	10	–	–	–	> 6	–	–	–	ОСТР
1577	Р-7. Пл. 1	14	12	–	–	–	> 6	–	–	–	ОСТР
1579	Р-7. Пл. 1	11	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
1580	Р-7. Пл. 2	–	–	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
1581	Р-7. Пл. 1	10	7	–	–	–	> 4	–	–	–	ОКР
1582	Р-7. Пл. 1	13	11	–	–	–	> 4	–	–	–	ОСТР-СКШ
1583	Р-7. Пл. 2	12	10	–	–	–	> 4	–	–	–	ОСТР-СКШ
1584	Р-7. Пл. 2	10	9	–	–	–	> 5	–	–	–	ПЛСК
1585	Р-7. Пл. 1	10	9	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
1589	Р-7. Пл. 2	12	10	–	–	–	7,5	–	–	Точки-ямки / плечико	ОКР
1594	Р-7. Пл. 1	12	10	–	–	–	> 6	–	–	–	ПЛСК
1729	Кв. Е-7. Я-10	12	10	–	–	–	> 6	–	–	–	ПЛСК
1974	ПРК. Кв. 108	14	12	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР-СКШ
1975	ПРК. Кв. 108	12	9	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
1976	ПРК. Кв. 108	12	9	–	–	–	> 4	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
1977	ПРК. Кв. 108	12	9	–	–	–	5,5	–	–	–	ОСТР
1978	ПРК. Кв. 108	16	14	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
1979	ПРК. Кв. 108	12	10	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
1980	ПРК. Кв. 108	12	10	–	–	–	> 4	–	–	–	ОКР
1981	ПРК. Кв. 108	11	8	–	–	–	> 3	–	–	–	ОКР

Параметры (Р1-8) венчиков и горловин кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2 (продолжение)
(форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОСТР-СКШ – острая скошенная, ПЛСК – плоская; профиль венчика: ИЗОГН – изогнутый)

ММ, № НВФ 17613	Раскоп. Квадрат. Плост. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части		
1982	ПРК. Кв. 108	14	11	–	–	–	> 3	–	–	–	ОКР
1983	ПРК. Кв. 49	11	9	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
1985	ПРК. Кв. 72	10	8	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
1986	ПРК. Кв. 72	12	10	–	–	–	6	–	–	–	ОКР
1987	ПРК. Кв. 72	14	12	–	–	–	> 6	–	–	–	ПЛСК
1988	ПРК. Кв. 72	14	12	–	–	–	> 3	–	–	–	ОСТР-СКШ
1989	ПРК. Кв. 72	11	9	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР-СКШ
1991	ПРК. Кв. 61	12	11	–	–	–	> 3	–	–	–	ОКР
1992	ПРК. Кв. 77	14	12	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР-СКШ
1993	ПРК. Кв. 72	14	12	–	–	–	7	–	–	–	ОСТР
1994	ПРК. Кв. 109	11	9	–	–	–	7	–	–	–	ОКР
1995	ПРК. Кв. 76	12	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
1996	ПРК. Кв. 72	14	12	–	–	–	> 4	–	–	–	ОСТР
1997	ПРК. Кв. 12	14	11	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР-ИЗОГН
1999	ПРК. Кв. 87	10	9	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
2001	ПРК. Кв. 124	10	8	–	–	–	> 4	–	–	–	ОКР
2002	ПРК. Кв. 127	10	8	–	–	–	> 4	–	–	–	ОСТР-СКШ
2003	ПРК. Кв. 56	14	12	–	–	–	> 4	–	–	–	ПЛСК
2004	ПРК. Кв. 11	13	11	–	–	–	6	–	–	–	ОСТР
2005	ПРК. Кв. 25	13	10	–	–	–	8	–	–	–	ОКР
2006	ПРК. Кв. 24	12	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
2007	ПРК. Кв. 72	9	7	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
2008	ПРК. Кв. 12	12	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ОКР
2009	ПРК. Кв. 72	12	9	–	–	–	> 6	–	–	–	ОСТР
2010	ПРК. Кв. 96	8	7	–	–	–	> 4	–	–	–	ПЛСК

Параметры (Р1-8) венчиков и горловин кувшинов подтипа 1/2 селища Меткомелино 2 (окончание)
(форма верхнего края: ОКР – округлая, ОСТР – острая, ОСТР-СКШ – острая скошенная, ПЛСК – плоская; профиль венчика: ИЗОГН – изогнутый)

ММ, № НВФ 17613	Раскол. Квадрат. Плост. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части		
2011	ПРК. Кв. 12	13	11	–	–	–	> 4	–	–	–	ОСТР
2012	ПРК. Кв. 125	14	12	–	–	–	> 6	–	–	–	ОСТР-СКШ
2013	ПРК. Кв. 125	12	11	–	–	–	6,5	–	–	–	ПЛСК
2014	ПРК. Кв. 52	11	9	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
2015	ПРК. Кв. 67	10	9	–	–	–	> 4	–	–	–	ПЛСК
2017	ПРК. Кв. 93	12	10	–	–	–	> 5	–	–	–	ОСТР
Минимальное значение* Min., см		8	7	–	–	–	5	–	–	–	–
Максимальное значение* Max., см		16	14	–	–	–	9	–	–	–	–
Среднее арифметическое значение*		11,9	9,8	–	–	–	7,1	–	–	–	–
Среднее квадратическое отклонение*		1,8	1,6	–	–	–	1	–	–	–	–

* Учтены только точные значения.

Приложение 4

**Распределение кувшинов селища Меткомелино 2 по величине объема (V1)
с учетом их размерных параметров (САЗ – среднее арифметическое значение,
СКЗ – среднее квадратическое отклонение)**

ММ, № НВФ 17613; ОФ 35234	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Объем, л (V1)
	Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
1/4 ведра (≈ 3,3 л)									
400	8	7	15	6,5	24	6	7	11	2,8
522	9	8	16	≈ 9	≈ 26	10	5	≈ 11	3
ОГ-3	11	9,5	17	8	18,5	5,5	4,5	8,5	2,6
Min., см	8	7	15	6,5	18,5	5,5	4,5	8,5	2,6
Max., см	11	9,5	17	9	26	10	7	11	3
САЗ	9,3	8,2	16	7,8	22,8	7,2	5,5	10,2	2,8
СКЗ	1,5	1,3	1	1,3	3,9	2,5	1,3	1,4	0,2
1/3 ведра (≈ 4,5 л)									
520	11	9	19	≈ 9	≈ 27	8	7	≈ 12	≈ 4
827	11	7	20	≈ 9,5	≈ 28	8,5	7	≈ 12,5	≈ 4,3
ОГ-1	14	11	22,5	11	28	10	6,5	11,5	5,1
Min., см	11	7	19	9	27	8	6,5	11,5	4
Max., см	14	11	22,5	11	28	10	7	12,5	5,1
САЗ	12	9	20,5	9,8	27,7	8,8	6,8	12	4,5
СКЗ	1,7	2	1,8	1	0,6	1	0,3	0,5	0,6
1/2 ведра (≈ 6,5 л)									
399	12	8	24	≈ 11,5	≈ 33	8,5	9	≈ 15,5	≈ 7
826	10	8	≈ 24	≈ 11,5	≈ 33	6	7	≈ 20	≈ 7,6
829	12	9	≈ 24	≈ 11,5	≈ 33	9	≈ 7	≈ 17	≈ 7
866	≈ 17	14	24	15	24,5	7	5,5	12	6,2
1042	12	10	22	≈ 10,5	≈ 31	6,5	7	≈ 17,5	≈ 6,3
2018	11	9	22	≈ 10,5	≈ 31	8	8	≈ 15	≈ 5,8
ГГУ	12	9	24	13	32	9	8	15	7
Min., см	10	8	22	10,5	24,5	6	5,5	12	5,8
Max., см	17	14	24	15	33	9	9	20	7,6
САЗ	12,3	9,6	23,4	11,9	31,1	7,7	7,4	16	6,7
СКЗ	2,2	2,1	1	1,6	3	1,2	1,1	2,5	0,6
1 ведро (≈ 13,3 л)									
244	–	≈ 8	27	14	> 25 ≈ 34	≈ 8	≈ 8	18	≈ 9,2
486	11	8	27	≈ 13	≈ 38	9,5	11,5	≈ 17	≈ 9,5
488	12	9	26	≈ 12,5	≈ 36	6,5	9,5	≈ 20	≈ 9,5
489	12	9	≈ 26	≈ 12,5	≈ 36	8,5	≈ 8	≈ 19,5	≈ 9
490	12	9	≈ 30	≈ 14,5	≈ 42	8	≈ 10	≈ 24	≈ 14
500	13	10	≈ 30	≈ 14,5	≈ 42	8	≈ 8	≈ 26	≈ 14,2
521	11	9	28	≈ 13	≈ 39	9	10	≈ 20	≈ 10,9
541	–	≈ 9	29	16	≈ 34	≈ 8	≈ 8	18	≈ 10,9

**Распределение кувшинов селища Меткомелино 2 по величине объема (V1)
с учетом их размерных параметров (окончание)**

ММ, № НВФ 17613; ОФ 35234	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Объем, л (V1)
	Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В горла	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
1077-81	10	8	28	12	≈ 34	8	9	18	9,5
1665	–	≈ 8	≈ 26	16,5	≈ 45	≈ 9	≈ 16	> 10 ≈ 20	≈ 12,2
<i>Min., см</i>	10	8	26	12	34	6,5	8	17	9
<i>Max., см</i>	13	10	30	16,5	45	9,5	16	26	14,2
СА3	11,6	8,7	27,9	13,8	38	8,2	9,8	20	10,9
СК3	1	0,7	1,5	1,5	3,9	0,8	2,5	2,8	2
1½ ведра (≈ 19,8 л)									
487	15	12	≈ 33	≈ 16	≈ 46	10	≈ 11	≈ 25	≈ 17,9
498	14	11	≈ 33	≈ 16	≈ 46	7	≈ 9	≈ 30	≈ 19,4
499	13,5	10,5	≈ 33	≈ 16	≈ 46	8	≈ 10	≈ 28	≈ 18,8
527	14	12	34	≈ 16	≈ 47	8	8	≈ 31	≈ 20,5
ОГ-2	15	12	33	≈ 16	≈ 46	10	17	≈ 19	≈ 17,1
ОФ /32	13	11	32	15,5	45	9,5	14,5	21	16,5
<i>Min., см</i>	13,5	10,5	32	15,5	45	7	8	19	16,5
<i>Max., см</i>	15	12	34	16	47	10	17	31	20,5
СА3	14,1	11,4	33	15,9	46	8,7	11,6	25,7	18,4
СК3	0,8	0,7	0,6	0,2	0,6	1,2	3,5	4,9	1,5
2 ведра (≈ 26,6 л)									
243	–	≈ 12	38	18	> 30 ≈ 46	≈ 9	≈ 13	24	≈ 23,5

Приложение 5

Каталог ручек белоглиняных кувшинов селища Меткомелино 2

(КПСР – коэффициент пропорции сечения ручки; ПШН – продольные штрихи-надрезы, ПЖЛ – продольный желоб; параметры ручки: Д – диаметр, РР1 – ширина, РР2 – толщина, Н – высота изгиба прута, W – ширина изгиба прута, L – длина прута)

ММ, № НВФ 17613. Раскоп. Пласт. Яма	Параметры ручки*, см							Внешняя поверхность ручки
	Д	РР1	РР2	КПСР	Н	W	L	
Тип 1 – круглые (КРГ). КПСР = 1–1,2								
247 Р-2. Пл. 2	2,2	–	–	1	9,5	4,5	12,5	–
252 Р-2. Пл. 2	2,2	–	–	1	8	5	11,5	–
255 Р-2. Пл. 3	–	2	1,6	1,2	6	4	9,5	–
256 Р-2. Пл. 3	2,1	–	–	1	7	5,5	11	–
401 Р-3. Пл. 1	–	2,5	2	1,2	7,5	5,5	11,5	–
417 Р-3. Пл. 1	2,4	–	–	1	7	8	14	ПШН
419 Р-3	–	2,6	2,2	1,2	8	7,5	13	ПШН
421 Р-3. Пл. 1	1,8	–	–	1	7	6,5	11	–
422 Р-3. Пл. 2	2,4	–	–	1	8,5	7	13,5	ПШН
424 Р-3. Пл. 2	1,9	–	–	1	7	5	11	ПШН
440 Р-3. Пл. 3	1,8	–	–	1	5	4,5	8	–
449 Р-3. Пл. 1	1,6	–	–	1	5,5	4	9,5	–
487 Р-3. Я-5	2,4	–	–	1	8	6	13	ПШН
488 Р-3. Я-5	–	2	1,6	1,2	8	5,5	11,5	–
490 Р-3. Я-5	2,2	–	–	1	7,5	5,5	13	ПШН
493 Р-3. Я-5	2,4	–	–	1	8	6,5	12,5	ПШН
495 Р-3. Пл. 1	2,5	–	–	1	10	6	16,5	ПШН
497 Р-3. Пл. 2	2	–	–	1	7,5	5,5	11,5	–
498 Р-3. Я-5	2,5	–	–	1	7	7,5	13,5	ПШН
500 Р-3. Я-5	2,4	–	–	1	7	8	13	ПШН
520 Р-3. Я-5	1,8	–	–	1	7,5	4,5	12	–
522 Р-3. Я-5	1,5	–	–	1	6,5	4	10	–
637 Р-4. Пл. 1	2,2	–	–	1	7	6,5	12,5	ПШН
638 Р-4. Пл. 1	–	1,8	1,6	1	6,5	6	10	–
639 Р-4. Пл. 1	2,2	–	–	1	8,5	7,5	14	–
829 Р-5. Пл. 2	2,1	–	–	1	7,5	6	12	–
840 Р-5. Пл. 1	2,2	–	–	1	7	5	12	–
853 Р-5. Я-8	2	–	–	1	7,5	6	12	–
889 Р-1	2,3	–	–	1	8	5	12,5	ПШН
1091 Р-6. Пл. 1	2,1	–	–	1	7	6	10,5	–
1094 Р-6. Пл. 1	–	3,1	2,3	1,3	7	7	13	ПШН
1095 Р-6. Пл. 1	2,1	–	–	1	8,5	6	13,5	ПШН
1096 Р-6. Пл. 2	2,2	–	–	1	6,5	6	11	–
1097 Р-6. Пл. 1	–	1,9	1,5	1,3	7	4,5	11,5	–
1098 Р-6. Пл. 1	1,8	–	–	1	6	4	9,5	–
1618 Р-7. Пл. 1	2,1	–	–	1	7	6	11,5	ПШН

Каталог ручек белоглиняных кувшинов селища Меткомелино 2 (окончание)

ММ, № НВФ 17613. Раскоп. Пласт. Яма	Параметры ручки*, см							Внешняя поверхность ручки
	Д	РР1	РР2	КПСР	Н	W	L	
1619 Р-7. Пл. 2	2	—	—	1	7	5,5	10,5	—
1620 Р-7. Пл. 2	—	1,9	1,5	1,3	5,5	5	9,5	—
1621 Р-7. Пл. 2	2	—	—	1	7	5,5	11,5	—
1622 Р-7. Пл. 1	2,2	—	—	1	8	5,5	12	—
1623 Р-7. Пл. 1	—	2,2	1,7	1,3	7	5	10	—
1625 Р-7. Пл. 2	1,9	—	—	1	5,5	5	9,5	—
1626 Р-7. Пл. 1	2,2	—	—	1	6	6	11	—
1627 Р-7. Я-9	2,1	—	—	1	6	5,5	10	—
1629 Р-7. Пл. 2	—	2,2	1,7	1,3	7	6	12	—
1632 Р-7. Пл. 2	2,6	—	—	1	8	6	13	ПШН
2046 ПРК	—	2,5	2	1,2	8	7	12	ПШН
ОФ 35234/32	2,5	—	—	1	9	7,5	17	—
ГГУ	2,2	—	—	1	7	5	12	ПШН
Тип 2 – овальные (ОВЛ). КПСР = 1,3–3								
242 Р-2. Пл. 2	—	1,9	1,5	1,3	7	5	11,5	—
248 Р-2. Пл. 2	—	2	1,5	1,3	6,5	3	9,5	ПШН
253 Р-2. Пл. 2	—	2,1	1,6	1,3	6,5	5,5	10,5	—
254 Р-2. Пл. 1	—	2,5	1,8	1,4	7	4	11,5	—
399 Р-3. Я-5	—	2,5	1,9	1,3	9	5,5	13	ПШН
418 Р-3. Пл. 3	—	2,6	1,9	1,4	7,5	8	13	—
420 Р-3	—	3	1,7	1,8	8	7	12,5	ПШН
423 Р-3. Пл. 1	—	2,3	1,7	1,3	8,5	3	11,5	—
521 Р-3. Я-5	—	2,5	1,7	1,5	8,5	5	13,5	ПШН
640 Р-4. Пл. 1	—	2	1,5	1,3	7	5,5	11	—
1077 Р-6. Пл. 2	—	2,4	1,8	1,3	7	5	13	ПЖЛ
1624 Р-7. Пл. 2	—	2,1	1,4	1,5	6	4,5	10	—
1631 Р-7. Пл. 2	—	2,5	1,6	1,6	8	7	13	—
2018 ПРК	—	2,4	1,7	1,4	7,5	5,5	12	ПШН
2047 ПРК	—	2,5	1,8	1,4	8	7	12	—
2049 ПРК	—	2,5	1,4	1,8	7,5	5	9,5	ПШН
Тип 3 – прямоугольные широкие (ПРМШ). КПСР > 3								
258 Р-2. Пл. 2	—	4,3	0,9	4,8	8,5	6	12	ПШН
1044 Р-6. Пл. 1	—	3,9	0,9	4,3	8	5	10,5	ПШН
1633 Р-7. Пл. 2	—	4,3	1	4,3	7	8	12	ПШН
Тип 4 – прямоугольные узкие (ПРМУ). КПСР = 1,3–2,5								
515 Р-3. Я-5	—	2,6	1,7	1,5	9,5	9	16	ПШН
545 Р-3. Я-5	—	3,1	1,9	1,6	11	7,5	14,5	ПШН
842 Р-5. Пл. 1	—	2,9	1,9	1,5	7,5	6,5	11	ПШН

* Измерения произведены в центральной части ручек.

Приложение 6

Каталог фрагментов ручек белоглиняных кувшинов селища Меткомелино 2

(параметры ручки: Д – диаметр, РР1 – ширина, РР2 – толщина, КПСР – коэффициент пропорции сечения ручки)

ММ, № нвф 17613. Раскоп. Пласт. Яма	Параметры ручки*, см				Внешняя поверхность ручки
	Д	РР1	РР2	КПСР	
Тип 1 – круглые (КРГ). КПСР = 1–1,2					
51 Р-1. Пл. 1	2,5	–	–	1	–
52 Р-1. Пл. 1	2	–	–	1	–
53 Р-1. Пл. 1	2	–	–	1	Продольные штрихи-надрезы
251 Р-2. Пл. 2	2,4	–	–	1	Продольные штрихи-надрезы
393 Р-3. Пл. 1	1,8	–	–	1	–
438 Р-3	–	2,5	2	1,2	–
445 Р-3. Пл. 2	2,4			1	Продольные штрихи-надрезы
489 Р-3. Я-5	2,6	–	–	1	–
491 Р-3. Я-5	2,3	–	–	1	Продольные штрихи-надрезы
494 Р-3. Я-5	2,4	–	–	1	Продольные штрихи-надрезы
828 Р-5. Я-8	2,2	–	–	1	–
841 Р-5. Пл. 2	2	–	–	1	–
851 Р-5. Я-8	2	–	–	1	–
1092 Р-6. Пл. 2	1,8	–	–	1	–
1561 Р-7. Пл. 2	2,2	–	–	1	–
1628 Р-7. Пл. 1	2,3	–	–	1	–
1630 Р-7. Пл. 2	2,3	–	–	1	–
2050 ПРК	2,9	–	–	1	–
2052 ПРК	2,2	–	–	1	Продольные штрихи-надрезы
2053 ПРК	2,6	–	–	1	Продольные штрихи-надрезы
2054 ПРК	2,4	–	–	1	–
Тип 2 – овальные (ОВЛ). КПСР = 1,3–3					
50 Р-1. Пл. 1	–	3,6	1,4	2,6	Продольные штрихи-надрезы
72 Р-1. Пл. 2.	–	2,6	1,8	1,4	Продольные штрихи-надрезы
73 Р-1. Пл. 2	–	2,3	1,7	1,4	–
105 Р-1. Я-2.	–	2,2	1,7	1,3	Продольные штрихи-надрезы
106 Р-1. Я-2	–	2,1	1,6	1,3	Продольные штрихи-надрезы
107 Р-1. Я-2	–	2,4	1,6	1,5	Продольные штрихи-надрезы
108 Р-1. Я-3	–	2,4	1,5	1,6	Продольные штрихи-надрезы
249 Р-2. Пл. 2	–	2,8	2,1	1,5	Продольные штрихи-надрезы
250 Р-2. Пл. 2	–	2,6	1,8	1,4	Продольные штрихи-надрезы
257 Р-2. Пл. 2	–	2,7	1,5	1,8	Продольный желоб
262 Р-1. Пл. 2	–	3	1	3	–
426 Р-3	–	2,6	1,5	1,7	Продольный надрез (–)
441 Р-3. Пл. 1	–	2	1,5	1,3	–
516 Р-2. Пл. 2	–	2,4	1,8	1,3	Продольные штрихи-надрезы
845 Р-5. Пл. 1	–	2,3	1,7	1,3	Продольные штрихи-надрезы
1617 Р-7. Я-9	–	2,9	2,2	1,3	Продольные штрихи-надрезы

Каталог фрагментов ручек белоглиняных кувшинов селища Меткомелино 2 (продолжение)

ММ, № НВФ 17613. Раскоп. Пласт. Яма	Параметры ручки, см				Внешняя поверхность ручки
	Д	РР1	РР2	КПСР	
433 Р-3. Пл. 2	—	3,3	1,1	3	Продольные штрихи-надрезы
434 Р-3. Пл. 1	—	3,3	1,6	2,1	Продольные штрихи-надрезы
456 Р-3	—	3	2,2	1,4	—
457 Р-3. Пл. 1	—	3,5	1,2	2,9	—
526 Р-3. Пл. 2	—	3	1,3	2,3	Продольные штрихи-надрезы
629 Р-4. Пл. 1	—	3,2	1,5	2,1	Продольные штрихи-надрезы
643 Р-4. Пл. 1	—	2	1,1	1,8	Продольные штрихи-надрезы
844 Р-5. Пл. 2	—	2,2	1	2,2	Продольный желоб, поперечные штрихи-надрезы
1089 Р-6. Пл. 1	—	2,7	0,9	3	Продольные штрихи-надрезы
1093 Р-6. Пл. 1	—	2,1	1,1	1,9	Продольный желоб, поперечные штрихи-надрезы
1585 Р-7. Пл. 1	—	2,4	0,8	3	Продольные штрихи-надрезы
1639 Р-7. Пл. 1	—	3,7	1,1	3,4	—
1640 Р-7. Пл. 2	—	2,8	1,3	2,1	—
Тип 3 – прямоугольные широкие (ПРМШ). КПСР > 3					
49 Р-1. Пл. 1	—	3,7	1,1	3,4	Продольные штрихи-надрезы
259 Р-1. Пл. 2	—	4,5	1	4,5	Продольные штрихи-надрезы
260 Р-2. Пл. 2	—	4,5	0,8	5,6	Продольные штрихи-надрезы
261 Р-2. Пл. 2	—	3,7	1,1	3,4	Продольные штрихи-надрезы
263 Р-1. Пл. 2	—	3,6	1	3,6	—
427 Р-3. Пл. 1	—	4	1	4	Продольные штрихи-надрезы
429 Р-3. Пл. 1	—	5	0,8	6,2	Продольные штрихи-надрезы
430 Р-3. Пл. 1	—	4,5	1	4,5	Продольные штрихи-надрезы
431 Р-3. Пл. 1	—	4,6	1	4,6	Продольные штрихи-надрезы
432 Р-3. Пл. 2	—	4,5	1,1	4,1	—
435 Р-3. Пл. 1	—	3,4	1	3,4	Продольная волна
436 Р-3. Пл. 1	—	3,6	0,8	4,5	Продольные штрихи-надрезы
444 Р-3. Пл. 2	—	5,3	0,9	5,9	Продольные штрихи-надрезы
635 Р-4. Пл. 2	—	4,5	0,8	5,6	Продольные штрихи-надрезы
641 Р-4. Пл. 2	—	4,4	1,1	4	Продольные штрихи-надрезы
642 Р-4. Пл. 2	—	3,8	1	3,8	—
839 Р-5. Я-8	—	3,4	0,8	4,2	Продольные штрихи-надрезы
843 Р-5. Пл. 1	—	4	1,1	3,6	Продольные штрихи-надрезы
846 Р-5. Пл. 1	—	4,3	1,1	3,9	Продольные штрихи-надрезы
847 Р-5. Пл. 2	—	4,4	0,8	5,5	Продольные штрихи-надрезы
848 Р-5. Пл. 2	—	3,5	1,1	3,2	Продольные штрихи-надрезы
849 Р-5. Пл. 2	—	5	1,1	4,5	Продольные штрихи-надрезы
850 Р-5. Пл. 2	—	3,9	1,2	3,2	Продольные штрихи-надрезы
1084 Р-6. Пл. 2	—	4,3	0,8	5,4	Продольные штрихи-надрезы
1085 Р-6. Пл. 1	—	4,7	0,8	5,9	Продольные штрихи-надрезы
1086 Р-6. Пл. 2	—	4,1	0,9	4,5	—

Каталог фрагментов ручек белоглиняных кувшинов селища Меткомелино 2
(окончание)

ММ, № НВФ 17613. Раскоп. Пласт. Яма	Параметры ручки, см				Внешняя поверхность ручки
	Д	РР1	РР2	КПСР	
1087 Р-6. Пл. 2	–	4,5	0,8	5,6	Продольные штрихи-надрезы
1088 Р-6. Пл. 2	–	3,6	1	3,6	Продольные штрихи-надрезы
1090 Р-6. Пл. 1	–	3,8	1,1	3,4	–
1102 Р-6. Пл. 1	–	3,3	0,8	4,1	Продольные штрихи-надрезы
1560 Р-7. Пл. 2	–	4,1	0,8	5,1	–
1562 Р-7. Пл. 2	–	4,1	0,6	6,8	Продольные штрихи-надрезы
1577 Р-7. Пл. 1	–	4,1	1,1	3,7	–
1635 Р-7. Пл. 2	–	4,2	0,8	5,2	Продольные штрихи-надрезы
1636 Р-7. Пл. 1	–	3,9	1,2	3,2	Продольные штрихи-надрезы
1637 Р-7. Я-9	–	4,1	1,1	3,7	Продольные штрихи-надрезы
1641 Р-7. Пл. 2	–	3,9	0,8	4,9	Продольные штрихи-надрезы
2048 ПРК	–	3,9	0,9	4,3	Продольные штрихи-надрезы
2056 ПРК	–	3,4	1,1	3,1	Продольные линии и штрихи-надрезы между ними
2057 ПРК	–	3,5	1,1	3,2	–
Тип 4 –					
416 Р-3. Пл. 1	–	2,7	1,9	1,4	Продольный надрез
425 Р-3. Я-5	–	3,7	1,9	1,9	Продольный желоб, продольные штрихи-надрезы
428 Р-3. Пл. 2	–	3,3	1,3	2,5	Продольные штрихи-надрезы
437 Р-3	–	3	1,6	1,9	Продольные штрихи-надрезы
439 Р-3	–	2,6	1,8	1,4	Продольный желоб
460 Р-3. Я-5	–	3,1	1,4	2,2	Продольные штрихи-надрезы
1634 Р-7. Пл. 2	–	3,1	1,7	1,8	Продольные штрихи-надрезы
1638 Р-7. Пл. 2	–	3,2	1,7	1,9	Продольный желоб, продольные штрихи-надрезы
2051 ПРМ	–	2,6	1,7	1,5	Продольные штрихи-надрезы
2055 ПРМ	–	2,5	1,9	1,3	Продольный желоб

* Измерения произведены в центральной части ручек.

Приложение 7

Параметры (Р1-8) обломков венчиков и горловин кувшинов типа 2 селища Меткомелино 2
(форма верхнего края: ОСТР – острая)

ММ, № НВФ 17613	Раскол. Квадрат. Плост	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)			Декор: элемент / место нанесения	Форма верхнего края
		Р1 Д венчика	Р2 Д горла	Р6 В горла		
94	Р-1. Я-1	–	10	–	«Косичка» на валике / сер. горла / штрихи	–
236	Р-2. Пл. 2	–	10	> 6	«Канатик» на валике / сер. горла / штрихи	–
375	Р-3. Пл. 2	–	10	–	«Канатик» (–) на валике / сер. горла / штрихи	–
426	Р-3. Пл. 1	–	10	–	«Косичка» на валике / верх ручки / штрихи	–
457	Р-3. Пл. 1	–	10	≈ 7,5	«Канатик» на валике / сер. горла / штрихи	–
475-476	Р-3. Пл. 1	–	11	–	«Косичка» на валике / сер. горла – / штрихи	–
656	Р-4. Пл. 3	–	10	–	«Канатик» на валике / сер. горла / колесико	–
855	Р-5. Пл. 1	–	11	> 7	«Косичка» на валике / сер. горла / штрихи	–
1053	Р-6. Пл. 1	–	10	–	«Канатик» на валике / сер. горла / колесико	–
1587	Р-7. Пл. 1	–	11	> 6	«Косичка» на валике / сер. горла / штрихи	–
1593	Р-7. Пл. 1	12	10	7	«Косичка» / сер. горла / штрихи	ОСТР
2025	ПРК. Кв. 125	–	7	> 4	«Канатик» на валике / сер. горла / колесико	–
Миним. значение* Min., см		12	7	7	–	–
Максим. значение* Max., см		12	11	7	–	–
Среднее арифметическое значение*		–	10	7	–	–
Среднее квадратическое отклонение*		–	1	–	–	–

* Учитывались только точные значения соответствующих параметров.

Приложение 8

**Параметры (Р1-8) целых форм, венчиков и горловин корчаг типа 1
(овоидные, с горловиной) селища Меткомелино 2**

№ НВФ 17613. Раскоп. Пласт. Яма. О – овар	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения
	Р1 Д венчика	Р2 Д осн. шейки	Р3 Д тулова	Р4 Д дна	Р5 В сосуда	Р6 В шейки	Р7 В плечика	Р8 В нижней части	
225. Р-2. Пл. 2	14	11	–	–	–	> 6	–	–	Волна / сер. горла
383. Р-3. Пл. 1	12	10	–	–	–	7	–	–	–
385. Р-3. Пл. 1	12	9	–	–	–	7	–	–	–
386. Р-3. Пл. 1	14	10	–	–	–	> 5	–	–	–
387. Р-3. Я-5	14	10	–	–	–	~ 10	–	–	«Канатик» на валике / сер. горла
405. Р-3. Я-5а	14	10	–	–	–	9	–	–	Точки-ямки / осн. горла
406. Р-3. Пл. 2	14	9	–	–	–	> 4	–	–	–
632. Р-4. Пл. 1	12	9	–	–	–	> 5	–	–	–
686. Р-4. Пл. 2	16	13	> 30	–	–	10	–	–	Комбинированный: сетка в 2 линиях / сер. горла + точки-ямки / осн. горла
833. Р-5. Пл. 2	10	8	–	–	–	~ 6	–	–	–
834. Р-5. Пл. 2	12	9	–	–	–	~ 5	–	–	–
1037. Р-6. Пл. 2	13	10	–	–	–	8	–	–	–
1045. Р-6. Пл. 1	–	11	–	–	–	> 5	–	–	Волна / сер. горла
1588. Р-7. Пл. 1	14	10	–	–	–	10	–	–	Волна / осн. горла
1994. ПРК. Кв. 109.	11	9	–	–	–	6	–	–	–
2003. ПРК. Кв. 56	12	10	–	–	–	~ 6	–	–	–
ОФ 35234 / 33. Р-4. Я-7	14,5	12	33	17	47	6,5	14,5	26	3 линии / плечико
ОГ-4. Р-3. Я-5 О	14	12	37	–	–	7	15	–	Комбинированный: волна в 2 линиях / плечико
Миним. значение* <i>Min., см</i>	10	8	–	–	–	5	–	–	–
Максим. значение* <i>Max., см</i>	16	13	–	–	–	10	–	–	–
Средн. арифм. значение*	13,1	10	–	–	–	7,5	–	–	–
Средн. квадратич. отклонение*	1,5	1,3	–	–	–	1,7	–	–	–

* Учтены только точные значения параметров.

Классификация венчиков корчаг типа 3 селища Меткомелино 2

№ НВФ 17613. Раскоп. Пласт. Яма. Н – нагар	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Объем, л: V1 – полный, (V2) – верхн. части
	P1 Д венчика	P2 Д осн. шейки	P3 Д тулова	P4 Д дна	P5 В сосуда	P6 В шейки	P7 В плечика	P8 В нижней части		
Группа 1. Вертикальные венчики										
Класс 4										
Тип 4/1										
28 Р-1-1	26	26,6	–	–	–	1,3	–	–	–	–
125 Р-2-2. Н	28	29	–	–	–	2,6	–	–	–	–
153 Р-2-2	34	35	–	–	–	3	–	–	–	–
575 Р-4-1	26	28	–	–	–	2,2	–	–	–	–
696 Р-5-2. Н	26	27	32	≈ 23	≈ 26	2,8	4	≈ 19,2	–	≈ 14,5 (2,7)
912 Р-6-2. Н	25	26	29	≈ 22	≈ 24	1,6	2,5	≈ 19,9	–	≈ 12 (1,5)
963 Р-6-2	26	28	–	–	–	3,2	–	–	Волна / шейка	–
964 Р-6-2	26	28	–	–	–	2,3	–	–	–	–
1340 Р-7-2	26	27	–	–	–	2,1	–	–	–	–
1481 Р-7-1. Н	26	26,4	–	–	–	2,2	–	–	–	–
1948 ПРК	25	27	30	≈ 22	≈ 24	2,5	3,5	≈ 18	–	≈ 12 (2,2)
1964 ПРК	26	28	–	–	–	2,7	–	–	Волна / шейка	–
Тип 4/4										
719 Р-5-2. Н	26	28	–	–	–	1,8	–	–	–	–
950 Р-6-2. Н	32	33	–	–	–	2,6	–	–	Волна / плечико	–
1207 Р-7-1	26	26,6	–	–	–	2,7	–	–	–	–
1810 ПРК	26	27	–	–	–	2,3	–	–	–	–
1830 ПРК. Н	26	26,4	30	≈ 23	≈ 24	2,4	2	≈ 19,6	3 линии / плечико	≈ 12,5 (1,3)
Тип 4/5										
152 Р-2-2. Н	26	27	–	–	–	2,3	–	–	–	–
590 Р-4-2	26	27	–	–	–	2,4	–	–	–	–
1319 Р-7-2	28	29	–	–	–	2,5	–	–	Линия / плечико	–

Классификация венчиков корчаг типа 3 селища Меткомелино 2 (продолжение)

№ НВФ 17613. Раскол. Пласт. Яма. Н – нагар	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Объем, л: V1 – полный, (V2) – верхн. части
	P1 Д венчика	P2 Д осн. шейки	P3 Д тулова	P4 Д дна	P5 В сосуда	P6 В шейки	P7 В плечика	P8 В нижней части		
1713 Кв. Е-7-Я-10. Н	28	29	–	–	–	2,8	–	–	–	–
1755 ПРК	28	29	–	–	–	2,8	–	–	–	–
Тип 4/6										
2 Р-1-1. Н	26	27	–	–	–	3,4	–	–	–	–
37 Р-1-2	29	30	–	–	–	2,5	–	–	–	–
956 Р-6-2. Н	26	27	32	≈ 23	≈ 26	2,8	3	≈ 20,2	3 линии / плечико	≈ 14,5 (2,1)
1354 Р-7-1	26	27	–	–	–	2,4	–	–	–	–
1395 Р-7-1. Н	26	28	–	–	–	3	–	–	–	–
1425 Р-7-1. Н	30	31	–	–	–	3	–	–	–	–
ЗАО Гжель Кв. Е-7-Я-10	26	26,8	28	12	22	2,8	2,3	16,9	Точки-ямки / плечико	7,5* (1,4)*
Тип 4/8										
11 Р-1-1	26	26,4	–	–	–	2,5	–	–	–	–
1336 Р-7-2. Н	26	26,6	–	–	–	2,7	–	–	–	–
Класс 8 Тип 8/2										
589 Р-4-2. Н	26	27	–	–	–	1,7	–	–	–	–
Группа 2. Отогнутые венчики Класс 14 Тип 14/2										
1165 Р-7-1	26	26,8	–	–	–	2,8	–	–	–	–
Класс 21 Тип 21/2										
1128 Р-7-1. Н	26	28	32	≈ 23	≈ 26	2,4	3	≈ 20,6	Волна / осн. шейки	≈ 14,5 (2,1)
1429 Р-7-1	26	26,2	28	≈ 23	–	3	2,5	–	Волна / плечико	≈ 11 (1,5)
Тип 21/5										
894 Р-6-2. Н	26	26,4	30	≈ 23	≈ 24	2,3	2,5	≈ 19,2	Точки-ямки / плечико	≈ 12,7 (1,6)

Классификация венчиков корчаг типа 3 селища Меткомелино 2 (продолжение)

№ НВФ 17613. Раскоп. Пласт. Яма. Н – нагар	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)							Декор: элемент / место нанесения	Объем, л: V1 – полный, (V2) – верхн. части
	P1 Д венчика	P2 Д осн. шейки	P3 Д тулова	P4 Д дна	P5 В сосуда	P6 В шейки	P7 В плечика		
Класс 24 Тип 24/1									
129. Р-2-2	26	27	–	–	–	2,2	–	–	–
137. Р-2-2	34	35	–	–	–	3,1	–	–	–
1122. Р-7-2	28	28,2	31	≈ 25	≈ 25	2,7	2,5	≈ 19,8	≈ 14,5 (1,7)
1151. Р-7-2	26	26,2	32	≈ 23	≈ 26	2,3	2,5	≈ 21,2	≈ 15 (1,7)
1333. Р-7-2	28	28,2	–	–	–	2,5	–	–	–
1428. Р-7-2	26	26,4	–	–	–	2,6	–	–	–
1477. Р-7-1	26	26,4	–	–	–	2,1	–	–	–
1875 ПРК	26	26,2	–	–	–	2,5	–	Волна / шейка	–
Тип 24/2									
288. Р-3-2. Н	26	28	35	≈ 23	≈ 29	2,2	4,3	≈ 22,5	Волна / осн. шейки
309. Р-3-1	30	30,2	–	–	–	2,4	–	–	–
1208. Р-7-2	26	26,4	–	–	–	2,3	–	–	–
1887 ПРК	26	26,8	–	–	–	1,6	–	–	–
1901 ПРК	26	26,2	28	≈ 23	23	2,5	2,5	≈ 18	2 линии / плечико
Тип 24/4									
922. Р-6-2	25	26	–	–	–	2,3	–	–	–
1441. Р-7-1	26	27	–	–	–	2,2	–	–	–
Тип 24/5									
1277. Р-7-2	26	26,6	–	–	–	2,1	–	–	–
Тип 24/6									
1343. Р-7-2. Н	25	27	–	–	–	2,6	–	–	Волна / осн. шейки
1961 ПРК	25	27	–	–	–	2	–	–	–

Классификация венчиков корчаг типа 3 селища Меткомелино 2 (продолжение)

№ НВФ 17613. Раскол. Плост. Яма. Н – нагар	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Объем, л: V1 – полный, (V2) – верхн. части
	P1 Д венчика	P2 Д осн. шейки	P3 Д тулова	P4 Д дна	P5 В сосуда	P6 В шейки	P7 В плечика	P8 В нижней части		
Группа 3. Наклонные венчики										
Класс 39										
Тип 39/1										
154. P-2-1	28	30	–	–	–	2,8	–	–	–	–
553. P-2-2	26	28	–	–	–	2,2	–	–	–	–
588. P-4-1	38	39	46	≈ 35	≈ 40	3,8	4	≈ 32,2	≈ 47* (5,6)*	–
724. P-5-1	26	28	–	–	–	2,2	–	–	–	–
1217. P-7-1	26	27	–	–	–	2,2	–	–	Волна / шейка	–
1455. P-7-1	32	36	–	–	–	2,5	–	–	–	–
1460. P-7-2	28	31	–	–	–	3,6	–	–	–	–
1707 Кв. Е-7-Я-10	26	28	32	≈ 23	≈ 24	1,7	2	≈ 20,3	–	≈ 14 (1,4)
1718 Кв. Е-7-Я-10. Н	26	27	–	–	–	2	–	–	–	–
1959 ПРК	25	26	–	–	–	1,7	–	–	–	–
Тип 39/2										
163. P-2-2	26	28	–	–	–	3,5	–	–	Точки-ямки / осн. шейки	–
Тип 39/3										
743. P-5-2	40	42	–	–	–	3,2	–	–	–	–
916. P-6-2. Н	26	28	–	–	–	2,2	–	–	–	–
918. P-6. Пл. 1	40	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Тип 39/4										
910. P-6-1	>25	–	–	–	–	3	–	–	–	–
1253. P-7-2. Н	26	26,4	–	–	–	2,3	–	–	–	–
Тип 39/– (УТВ–10, вариант 2)										
359. P-3. Пл. 2	30	–	~ 37	–	–	–	–	–	–	–
554. P-4. Пл. 1	30	–	~ 37	–	–	–	–	–	–	–
628. P-4. Пл. 2	30	–	35	–	–	–	–	–	–	–

Классификация венчиков корчаг типа 3 селища Меткомелино 2 (окончание)

№ НВФ 17613. Раскоп- пласт-яма, Н – нагар	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)								Декор: элемент / место нанесения	Объем, л: V1 – полный, (V2) – верхн. части
	P1 Д венчика	P2 Д осн. шейки	P3 Д тулова	P4 Д дна	P5 В сосуда	P6 В шейки	P7 В плечика	P8 В нижней части		
Тип 41/2										
173. Р-2-1. Н	26	28	–	–	–	1,8	–	–	–	–
Класс 44 Тип 44/1										
1703. Кв. Е-7-Я-10. Н	26	27	30	≈ 23	≈ 24	1,7	2,5	≈ 19,8	–	≈ 13,1 (1,6)
Тип 44/5										
1312. Р-7-2	26	26,2	31	≈ 23	≈ 25	2,6	3	≈ 19,4	Волна / плечико	≈ 13,6 (2,1)
Миним. значение, <i>Min., см</i>	25	26	28	22	22	1,3	2	16,9	–	11 (1,3)
Максим. значение, <i>Max., см</i>	40	42	46	25	40	3,8	4,3	32,2	–	18,6 (3,2)
Средн. арифм. значение	27,5	28,4	32,2	23	26	2,5	2,9	20,2	–	13,6 (1,9)
Средн. квадратич. отклон.	3,4	3,4	4,2	0,6	4	0,5	0,7	3,4	–	1,9 (0,5)

* При расчете статистических показателей значение не учитывалось.

Приложение 10

Каталог фрагментов белоглиняных плошек, мисок и сковород селища Меткомелино 2
 (Нн – наружный нагар или закопченность, Нв – внутренний нагар или закопченность)

ММ, № НВФ 17613	Раскоп. Пласт. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)			Декор: элемент / место нанесения
		Д края	Д дна	В стенки	
Плошки					
627	Р-4. Пл. 1	9	–	> 3	Волна / внешн. стенка
681	Р-4. Пл. 2	10	8	4	–
1529. Нн+Нв	Р-7. Пл. 1	7	–	> 4	–
2073	ПРК. Кв. 76	~ 10	~ 8	4,5	–
2069	ПРК. Кв. 125	12	–	> 3	1 линия / внешн. стенка
Миним. значение*, см		7	8	4	–
Максим. значение*, см		12	8	4,5	–
Средн. арифм. значение*		9,6	8	4,25	–
Средн. квадр. отклон.*		1,8	0	0,3	–
Миски					
679	Р-4. Пл. 1	14	–	> 4	–
1536	Р-1. Пл. 2	14	7	5,5	–
2059.Нн	ПРК. Кв. 73	14	~ 10	~ 6	–
210	Р-2. Пл. 1	16	–	> 4	–
211. Нв	Р-2. Пл. 2	16	–	> 3	Волна / внутр. стенка
213	Р-2. Пл. 2	16	–	> 4	–
219	Р-2. Пл. 1	16	9	5	–
474	Р-3	16	–	> 4	Волна / внешн. стенка
672	Р-4. Я-6	16	–	> 4	–
813	Р-5. Пл. 2	16	–	> 5	–
1538	Р-3. Пл. 1	16	14	7	Волна / внешн. стенка
1542	Р-7. Пл. 1	16	–	> 5	–
2063	ПРК. Кв. 106	16	–	> 3	2 линии точки-ямки / внешн. стенка
1735	Кв. Д-7. Пл. 2-3	17	–	> 4	2 линии / внешн. стенка
205	Р-2. Пл. 2	18	–	> 5	–
206	Р-2. Пл. 1	18	12	6	–
207	Р-3. Пл. 1	18	–	> 5	–
214	Р-2. Пл. 1	18	–	> 5	–
216	Р-2. Я-4	18	–	–	Волна / внутр. стенка
354	Р-3. Пл. 2	18	12	9	–
355	Р-3. Пл. 1	18	14	8,5	Волна / внутр. стенка
665	Р-4. Пл. 1	18	12	6	Волна / внутр. стенка
668. Нв	Р-4. Пл. 2	18	11	6	Волна / внутр. стенка
671. Нн	Р-4. Пл. 2	18	16	7	Волна / внутр. стенка Волна / внешн. стенка
814	Р-5. Пл. 1	18	–	> 4	Волна / внутр. стенка
1112. Нн+Нв	Р-6. Пл. 1	18	–	> 5	Волна / внутр. стенка
1113	Р-6. Пл. 2	18	–	> 5	Волна / внутр. стенка
1526	Р-7. Пл. 1	18	–	> 4	Волна / внешн. стенка
1530. Нн	Р-7. Пл. 1	18	–	> 4	–

**Каталог фрагментов белоглиняных плошек, мисок и сковород
селища Меткомелино 2 (продолжение)**

ММ, № НВФ 17613	Раскоп. Пласт. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)			Декор: элемент / место нанесения
		Д края	Д дна	В стенки	
1533. Нн+Нв	Р-7. Пл. 1	18	–	> 4	–
1535	Р-1. Пл. 2	18	12	6	Волна / внутр. стенка
1541	Р-7. Пл. 2	18	14	7	Волна / внутр. стенка
1543. Нн+Нв	Р-7. Пл. 1	18	–	> 5	–
1546. Нн+Нв	Р-7. Пл. 1	18	–	> 5	–
1552-1553	Р-7. Пл. 1	18	12	7	–
1644. Нн+Нв	Р-7. Пл. 2	18	–	> 3	–
1734. Нн+Нв	Кв. Е-7. Пл. 4	18	13	7	Волна / внешн. стенка
1736. Нн	Кв. Е-7. Пл. 4	18	–	> 5	–
2060. Нн	ПРК. Кв. 77	18		> 4	Волна / внешн. стенка
2064	ПРК. Кв. 180	18	–	> 4	Волна / внешн. стенка
2065	ПРК. Кв. 106	18	11	6	Волна / внешн. стенка
2067. Нн+Нв	ПРК. Кв. 96	~ 18	~ 16	~ 8	–
2068. Нн+Нв	ПРК. Кв. 108	18	–	> 5	1 линия / внешн. стенка
2070	ПРК. Кв. 96	18	–	> 4	–
2071. Нн+Нв	ПРК. Кв. 61	18	–	> 3	–
Миним. значение*, см		14	7	5	–
Максим. значение*, см		18	16	9	–
Средн. арифм. значение*		17,3	12,2	6,7	–
Средн. квадр. отклон.*		1,2	2,4	1,1	–
<i>Миски и (или) миски-сковороды</i>					
667. Нв	Р-4. Пл. 1	19	–	> 6	–
204	Р-1. Пл. 2	20	18	10	Волна / внешн. стенка
675	Р-4. Я-7	20	–	> 4	–
1108. Нн	Р-6. Пл. 2	~ 20	–	> 4	Волна / внутр. стенка; Волна / внешн. стенка
1527	Р-7. Пл. 1	20	18	5,5	Волна / внутр. стенка
1737	Кв. Е-7. Пл. 3	20	–	> 3	–
110	Р-1. Я-2	22	–	> 5	Волна / внешн. стенка
209	Р-2. Пл. 2	22	–	> 4	Волна / внутр. стенка
224. Нн-Нв	Р-2. Пл. 2	22	–	> 4	Волна / внутр. стенка
353	Р-3. Пл. 1	22	18	4,5	–
472	Р-3. Пл. 1	22	–	> 4	–
676	Р-4. Пл. 2	22	–	> 4	–
678	Р-4. Пл. 1	~ 22	–	> 4	Волна / внешн. стенка
1103-1104	Р-6. Пл. 2	22	15	6	Волна / внутр. стенка
1111	Р-6. Пл. 2	22	–	> 4	Волна / внутр. стенка
1525. Нн+Нв	Р-7. Пл. 1	22	–	> 3	Волна / внешн. стенка
1528	Р-7. Пл. 1	22	–	> 3	Точки-ямки / внутр. стенка
1532	Р-7. Пл. 2	~ 22	~ 19	4,5	–
1545. Нн+Нв	Р-7. Пл. 2	22	–	> 5	–
1548	Р-7. Пл. 1	22	–	> 6	Волна / внутр. стенка

**Каталог фрагментов белоглиняных плошек, мисок и сковород
селища Меткомелино 2 (продолжение)**

ММ, № НВФ 17613	Раскоп. Пласт. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)			Декор: элемент / место нанесения
		Д края	Д дна	В стенки	
1550-1551 Нн+Нв	Р-7. Пл. 1	22	16	8	2 линии / внешн. стенка
2062. Нн+Нв	ПРК. Кв. 126	22	–	> 5	2 волны / внешн. стенка
2066. Нн	ПРК. Кв. 107	22	20	9	–
356	Р-3. Я-5	24	18	7	–
666. Нн	Р-4	24	–	> 5	Волна / внутр. стенка
1547	Р-7. Пл. 2	24	21	7	Линия+2 волны / внешн. стенка Точки-ямки / внутр. стенка
1642	Р-7. Пл. 1	24	–	> 3	Волна / внешн. стенка
358	Р-3. Пл. 2	26	21	6	–
496	Р-3. Я-5	26	18	6	–
662-663	Р-4. Я-7	26	20	6	Волна / внешн. стенка
664	Р-4. Пл. 2	26	–	> 5	Волна / внешн. стенка
674	Р-4. Пл. 1	26	–	> 4	–
1106	Р-6. Пл. 1	26	–	> 5	Волна / внешн. стенка
1107	Р-6. Пл. 2	26	–	> 4	Штамп / внешн. стенка
1110	Р-6. Пл. 2	26	–	> 4	–
71	Р-1. Пл. 1	28	26	7	Сетка / внешн. стенка
471	Р-3. Пл. 1	28	–	> 5	–
1539	Р-7. Пл. 1	28	22	6,5	–
1523-1524	Р-7. Пл. 2	30	28	6,5	Штамп / внешн. стенка
1109	Р-6. Пл. 1	32	–	> 4	Волна / внутр. стенка
2058. Нн+Нв	ПРК. Кв. 73	~ 32	~ 20	~ 9	–
1537	Р-1. Пл. 1	~ 40	–	7	–
1549	Р-7. Пл. 2	~ 40	–	> 5	Волна / внутр. стенка
208. Нн	Р-2. Пл. 2	44	–	> 7	Волна / внешн. стенка
22	Р-1. Пл. 1	–	–	–	–
111	Р-1. Я-2	–	–	–	Волна / внутр. стенка
112	Р-1. Я-2	–	–	–	Волна / внутр. стенка
113	Р-1. Я-2	–	–	–	–
215	Р-2. Пл. 1	–	–	–	–
217	Р-2. Пл. 2	–	–	–	–
218 Нн	Р-2. Пл. 2	–	–	–	–
220	Р-2	–	–	–	–
222	Р-2. Пл. 2	–	–	–	Волна / внешн. стенка
223	Р-2. Пл. 2	–	–	–	–
473	Р-3	–	–	> 3	Волна / внешн. стенка
680	Р-4. Пл. 1	–	–	> 5	Волна / внутр. стенка
Миним. значение*, см		19	15	4,5	–
Максим. значение*, см		44	28	10	–
Средн. арифм. значение*		25	20	6,6	–
Средн. квадр. отклон.*		5,4	3,3	1,3	–

**Каталог фрагментов белоглиняных плошек, мисок и сковород
селища Меткомелино 2 (окончание)**

ММ, № НВФ 17613	Раскоп. Пласт. Яма	Параметры сосуда, см (Д – диаметр, В – высота)			Декор: элемент / место нанесения
		Д края	Д дна	В стенки	
Сковороды					
1521. Нн+Нв	Р-7. Пл. 1	20	17	3	–
817. Нн+Нв	Р-5. Пл. 1	22	–	> 4	–
1100. Нн+Нв	Р-6. Пл. 2	22	19	3	–
1101. Нв	Р-6. Пл. 1	22	20	2	–
1522. Нн+Нв	Р-7. Пл. 2	22	16	3	–
1099	Р-6. Пл. 2	24	21	2,5	–
1114	Р-6. Пл. 1	> 24	–	5	–
824. Нн+Нв	Р-5	–	–	3	–
Миним. значение*, см		20	16	2	–
Максим. значение*, см		24	21	5	–
Средн. арифм. значение*		22	18,6	3,1	–
Средн. квадр. отклон.*		1,4	2,1	0,9	–

* Учитывались только точные значения соответствующих параметров.

И. Б. Маркина

*Гос. военно-исторический и природный
музей-заповедник «Куликово поле», Тула*

Керамические штампы-матрицы из тульской Гончарной слободы (по материалам раскопок 2013–2014 годов)

В 2013–2014 гг. Тульская археологическая экспедиция проводила спасательные археологические работы в Зареченском районе г. Тулы на пересечении ул. Луначарского и Герцена¹ (рис. 1). Эта территория входила в состав тульской Гончарной слободы, по археологическим данным локализуемой севернее ул. Луначарского, между ул. Комсомольской и Демидовской (Маркина, Простяков, 2022. С. 141).

В ходе исследований удалось зафиксировать остатки многочисленных сооружений, связанных с керамическим производством, в том числе следы изразцовой мастерской. Свидетельством работы изразечников в Гончарной слободе стали находки полуфабрикатов рельефных и гладких изразцов, готовых изделий и многочисленного брака. Исходя из общей датировки производственного комплекса, изразцы на исследованной территории начали производить не ранее середины – последней трети XVII в. Мастерская прекратила свое существование в конце XVIII в.

Отдельно стоит отметить находки керамических штампов-матриц для изготовления рельефных изразцов и каменного пресса для их штампования. Всего было найдено 15 предметов. Изделия встречались как в отложениях культурного слоя XVIII в., так и в заполнении различных объектов того же периода. Несколько матриц найдено в противопожарном резервуаре для хранения воды. Эти резервуары стали сооружать после масштабного пожара, произошедшего в Туле в 1834 г. Строение представляло собой яму диаметром около 2 м и глубиной чуть более метра, обложенную кир-

пичом. В заполнении ямы помимо матриц найдены фрагменты изразцов и керамики, бытовавших в Туле на протяжении XVIII в. (Маркина, Простяков, 2022. С. 145).

В «Жилых записях на ученичество»² в «Приказных делах старых лет» за 1682 г. мы находим упоминания об «образцовых печатях», которые выдавались ученикам после окончания обучения ремеслу ценинника: «А как он, Матвей (ученик), урошные годы до срока доживет, и ему, Филипу (мастеру), // одеть и обуть по силе, дать кавтан в три рубли, шапка да сапоги в рубль, да три образцовые печати»³. Являлись ли эти «образцовые печати» штампами, из какого материала и каким способом их изготавливали, в документе не упоминается. Оставляет много вопросов отсутствие информации о прочих «снастях» (Бахрушин, 1926. С. 109), тогда как у кузнецов, мастеров оловянного дела, серебряников указывается довольно обширный перечень инструментов, которые обычно предоставлял мастер по окончании обучения (Бахрушин, 1926. С. 109; Сербина, 1946. С. 152, 159; Тальман, 1948. С. 70).

В письменных источниках встречаются упоминания о деревянных матрицах (Баранова, 2011. С. 126), также подтверждением использования подобных матриц являются следы фактуры дерева на готовых неглазурованных изразцах (Филиппов, 1938. С. 34). Но на данный момент таких форм для изготовления изразцов не обнаружено. Находки керамических штампов чрезвычайно редки. Несколько предметов происходят из Москвы (Рабинович, 1947.

¹ Выражаю благодарность авторам раскопок А. М. Воронцову и Т. В. Наумовой за предоставленные материалы.

² Юридические акты, устанавливающие взаимные обязательства мастера и ученика.

³ РГАДА. Ф. 141. оп. 6. 1682 г. Ед. хр. 57. Лл. 6 об. – 7.

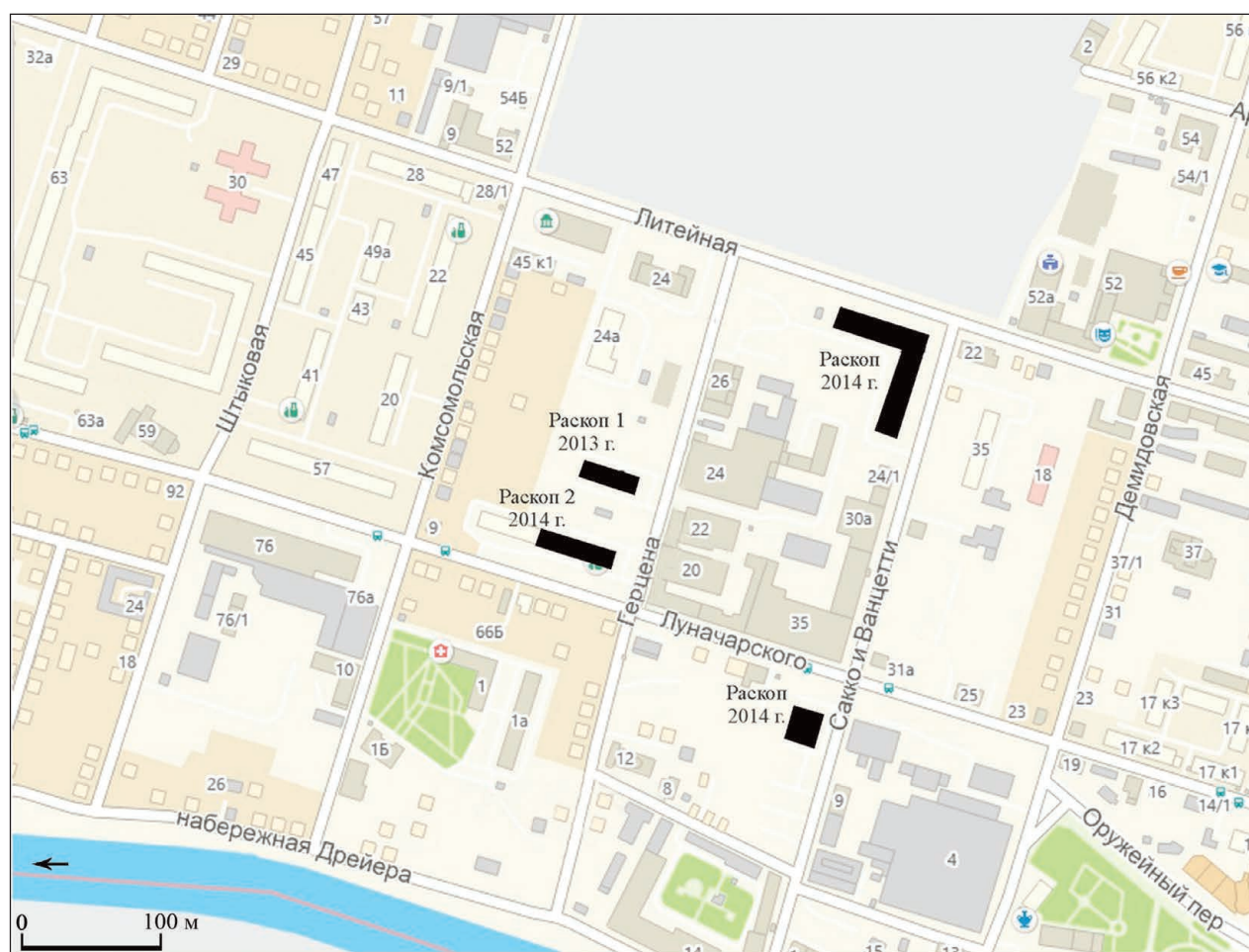

Рис. 1. Места проведения археологических исследований на территории Гончарной слободы в Туле в 2013–2014 гг.

С. 65, 66), Смоленска⁴ (Пронин, Соболев, 2013. С. 13, С. 33. Рис. 11), четыре формы – из Нового Иерусалима (Глазунова, Данилов, 2014. С. 278; Глазунова, 2015. С. 196–198), две – из Калуги⁵ (Федоров, 2002).

Тульские керамические штампы представляют собой пластины с контррельефом толщиной до 3 см. Орнамент⁶ на тульских штампах-матрицах нанесен различными инструментами по сырой глине, в то время как контррельеф на экземплярах из Москвы, Нового Иерусалима, Калуги и Смоленска изготовлен способом отминки с мастер-модели⁷.

На оборотной стороне многих матриц хорошо видны дополнительные глиняные налепы (рис. 2, 2), придающие большую прочность изделию, достаточную, чтобы выдержать вес каменного пресса⁸. Предметы изготовлены из светложгущихся глин, обжиг осуществлялся в окислительной и окислительно-восстановительной среде, на изломе черепок трехслойный. Использовали ли тульские ремесленники только керамические матрицы, неизвестно, но на изделиях, прошедших первый (утильный) обжиг, не выявлено следов применения деревянных форм⁹.

⁴ Исследователи ставят под вопрос принадлежность к штампам смоленских экземпляров и относят их к посуде (Глазунова, 2015. С. 197).

⁵ Орнаментальный мотив букета с бутонами в фигурной рамке на калужских матрицах встречается в декоре церкви Иоанна Богослова Вязищского монастыря (1694–1698) под Новгородом (Кондратьева, Паничева, 1986. С. 376, 377).

⁶ Высота рельефа штампов не более 5 мм.

⁷ Модель изделия в натуральную величину, по которой выполняются матрицы.

⁸ Вес найденного пресса – около 5 кг.

⁹ Деревянная фактура, следы от песчаной подсыпки.

Рис. 2. Фрагменты штампов-матриц

1, 2, 6, 7 – фр-ты штампов-матриц для изготовления раппортных лицевых изразцов;
3 – фр-т муравленого лицевого раппортного изразца; 4, 5 – фрагменты штампов-матриц с растительным орнаментом

Рис. 3. Оттиски с готовых изделий (1, 2, 4) и фрагмент муравленого изразца (3)

Находки штампов можно разделить на две группы. Это оттиски с готовых изделий и оригинальные модели. Всего найдено три оттиска с готовых изделий¹⁰ (рис. 3, 1, 2, 4). Два фрагмента оттиска с орнаментом в виде прямой рамки с гирьковидным декором, заполненной пышными листьями аканта, сняты, видимо, в качестве образца для копирования с лицевых рапортных изразцов. Их рельеф неглубокий и смазанный (рис. 3, 1, 2). В Гончарной слободе, а также при раскопках на территории Успенского женского монасты-

ря в 2008 г. найдены фрагменты изразцов с идентичным орнаментом, покрытых зеленой глазурью (рис. 3, 3). Подобные изделия встречены при раскопках в Подмоскowie. Исследователи относят их к печам из охотничьих палат царя Алексея Михайловича¹¹ (Маралов, 2016. С. 213).

Еще один целый штамп отличается своей необычной формой. Это довольно тонкая треугольная пластина с полукруглыми выемками, переходящими в перпендикулярно поставленную плоскую прямоугольную ручку-держатель¹²

¹⁰ Размеры предметов: 5,5×10,2 см, толщина – 1,5 см; 13,2×18,5 см, толщина – 2,2 см.

¹¹ Урочище Алексеевская роща (раскопки А.Г. Векслера 1989–1992 гг.).

¹² Размеры: 11,2×15,5; толщина – 1,6 см.

Рис. 4. Штамп и продукция мастеров-изразечников

1 – штамп-матрица для изготовления городка; 2 – бракованный полуфабрикат изразца-городка;
3–5 – полихромные изразцы-городки

(рис. 3, 4). На пластине виден небрежно снятый оттиск детали рельефного рисунка. Угадывается орнамент в виде пышного стилизованного цветка, обрамленного фигурной рамкой. Так как на изделии оттиснут фрагмент орнамента, можно предположить, что штамп использовался в качестве наборного элемента, а подобная конструкция с ручкой предназначалась для удобства штампования.

Оригинальные модели представлены штампами-матрицами для изготовления плоского пояса, городка, лицевых изразцов и подзоров. Штамп-матрица для изготовления городка¹³ (рис. 4, 1) представляет собой выгнутую пластину в форме неправильного пятиугольника. Данный штамп сохранился полностью. В центральной части расположен многоярусный цветок-корона, от которого отходят два симметричных волнообразных побега. По нижнему длинному краю расположена прямая рамка с гребенчатым декором. Углы занима-

ют половинки многоярусного цветка, которые являются соединительными элементами. Верхней части городка придавали форму трехглавой короны. При раскопках в слободе найден бракованный полуфабрикат, оттиснутый, видимо, в этой форме, а также несколько изразцов с тем же декором, изготовленных по другим матрицам (рис. 4, 3–5). Близкие по орнаментике изразцы встречаются в Москве и ее округе¹⁴.

Штамп-матрица лицевого изразца с изображением лика ангела (рис. 5) представляет собой почти квадратную пластину¹⁵. Лик обрамляют две пары крыльев. Над головой ангела – различные растительные элементы, по краям вытянутые прямоугольные детали. С трех сторон композиция заключена в узкую квадратную рамку. Идентичный в деталях изразец-городок с изображением лика был найден при раскопках старого Гостиного двора в Москве (Векслер, Патрик, Гусаков, 2017).

¹³ Размеры: 12,5×16,8; толщина – 2,2 см.

¹⁴ Декор печи Михайловской церкви Немецкой слободы; изразцы из раскопок в усадьбе помещика С. Ф. Щукина в Подмосковье (Ковалевский, Яблоков, 2011. С. 377. Рис. 10); предметы из собрания ГБУК МО «Музей «Новый Иерусалим».

¹⁵ Размеры: 18,3×19,0 см.

С. 391. Рис. 5). Примечательно, что лик и некоторые другие элементы оттиснуты штампом, а верхняя часть орнамента, которого нет на московском городке, прочерчен инструментом. Видимо, тульские мастера решили перенести понравившийся сюжет с городка на стенной изразец, добавив несколько деталей. Ангел на штампе стилистически напоминает лики на изразцах из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (Глазунова, 2017. С. 415. Рис. 7, 1–3) и Иверского Валдайского монастыря (Яковлева, Жегурова, 2006. С. 41, 57).

Штамп-матрица для изготовления плоского пояса¹⁶ (рис. 6, 1) представляет собой прямоугольную пластину с центрально симметричной композицией. Один из коротких углов утрачен, что не помешало восстановить орнамент полностью. Это сложная розетка в двойной рамке-окружности, заполненной чередующимися тройными точками и овалами. По бокам – половинки таких же рамок с более простой розеткой внутри. Рамки разделяют раскрывающиеся простые бутоны на стебле. Аналогии найдены также в Москве: это поясковые изразцы в облицовке печи надвратной Преображенской церкви над северными воротами Новодевичьего монастыря (1680-е годы) (Маслех, 1983. С. 140) и изразцы из собрания Государственного исторического музея.

Штамп-матрица для изготовления подзора (рис. 6, 4)¹⁷ в виде прямоугольной пластины с двумя объединенными полукруглыми арками также сохранился не полностью. Орнамент зеркально симметричный, в центре небольшая многолепестковая розетка, которую обрамляют стебли с пышными листьями и небольшими четырехлепестковыми цветками; арки украшают рамки, заполненные гребенчатым декором. По углам соединительные элементы в виде половинок листов. Имеется еще один небольшой фрагмент штампа для изготовления подзора, выполненный в подобной стилистике (рис. 6, 5).

Отличается техникой нанесения орнамента фрагмент подзора¹⁸, выполненный как набросок свободными движениями достаточно широким тупым предметом по слегка подсушенной глине (рис. 6, 3). В центральной части композиции,

Рис. 5. Штамп-матрица лицевого изразца с изображением лика ангела

состоящей из растительных элементов, угадывается дерево. Возможно, перед нами – своеобразный эскиз (черновая модель) будущей матрицы.

Обращает на себя внимание фрагмент штампа для изготовления лицевого коврового изразца, выполненный в двухжгутном рельефе¹⁹ (рис. 2, 1, 2). Орнамент растительный в виде побега с закругленными листьями, цветами и прямой рамки, заполненной гребенчатым декором. Также найден фрагмент, покрытый зеленой глазурью с этим же орнаментом, но оттиснутый в другой форме (рис. 2, 3).

К штампам для изготовления лицевых раппортных изразцов с орнаментальными рамками можно отнести два обломка матриц (рис. 2, 6, 7), два небольших обломка с растительным декором (рис. 2, 4, 5) и фрагмент²⁰ с орнаментом, подробно повторяющим элементы штампа от поясного изразца (рис. 6, 2).

Находки в тульской Гончарной слободе черновой модели будущей матрицы, штампов-матриц и каменного пресса²¹ (рис. 7, 2) позволили уточнить технологию изготовления рельефных

¹⁶ Размеры: 8,7×12,6 см.

¹⁷ Размеры: 12,8×17,5 см.

¹⁸ Размеры: 11,7×14,0 см.

¹⁹ Размеры: 10,5×13,5; толщина – 1,6 см.

²⁰ Размеры: 7,3×7,3 см.

²¹ Вес пресса – около 5 кг.

Рис. 6. Оригинальные штампы-матрицы

1 – штамп-матрица для изготовления плоского пояса; 2 – фр-т штампа-матрицы;
3–5 – штампы-матрицы для изготовления подзоров

Рис. 7. Фрагмент (1) и целый каменный пресс (2)
для штампования изразцов

изразцов. При раскопках также обнаружены обломки лицевых пластин от полуфабрикатов с оттисками ткани на внешней стороне. Характер сколов на внутренней части фрагментов говорит о том, что штамп-матрицу прижимали прессом к предварительно раскатанному пласту глины толщиной около 1,5 см, который затем обрезали по контуру. После чего матрицу с заготовкой переворачивали и прикрепляли к оттиснутой лицевой пластине румпу. Завершали конструирование изделия, нарастив лицевую пластину до нужной толщины. Несмотря на локальные особенности в технике нанесения контррельефа, тульские штампы конструктивно не отличаются от калужских экземпляров и стилистически схожи или полностью копируют орнаменты московских изразцов. Находки керамических матриц в Москве и нескольких региональных центрах изразцового производства свидетельствуют о широком распространении технологии штампования при изготовлении рельефных изразцов.

Литература

- Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ. 429 с.
- Бахрушин С. В., 1926. Ремесленные ученики в XVII в. // Тр. ГИМ. Вып. 3. М.: С. 101–122.
- Векслер А. Г., Патрик Г. К., Гусаков М. Г., 2017. Некоторые аспекты истории изразцового дела Московской Руси в XV–XVII веках по данным археологии // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 387–405.
- Глазунова О. Н., 2015. Изразцовые штампы XVII в. из Ново-Иерусалимских гончарных мастерских // КСИА. Вып. 240. С. 196–200.
- Глазунова О. Н., 2017. Белорусские и литовские мотивы в изразцовом убранстве печей Ново-Иерусалимского монастыря по материалам раскопок 2009–2015 годов // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 406–418.
- Глазунова О. Н., Данилов Ю. О., 2014. Горн и мастерская XVIII века для производства поливных изразцов в Солодовых палатах Ново-Иерусалимского монастыря // КСИА. Вып. 236. С. 277–280.
- Ковалевский В. Н., Яблоков А. Г., 2011. Изразцы из усадьбы помещика С. Ф. Щукина в Подмоскovie // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 374–377.
- Кондратьева Е. В., Паничева Л. Г., 1986. Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Л.: Наука. С. 369–384.
- Маралов Е. А., 2016. Археологические исследования бывшего дворца Алексеевского на реке Пехорке в урочище Алексеевская роща НП «Лосинный остров» // Материалы научно-практической конференции по сохранению объектов археологического наследия памяти А. Г. Векслера. М.: Департамент культурного наследия города Москвы. С. 205–224.
- Маркина И. Б., 2021. Рельефные поливные изразцы Тульской гончарной слободы середины XVII – начала XVIII вв. // Русский сборник. Вып. 10. Брянск: ИП Худовец Р. Г., РИО БГУ. С. 50–65.
- Маркина И. Б., Простяков И. С., 2022. Керамическое производство в тульской Гончарной слободе XVI–XVIII веков // Археология Окско-Донского водораздела. Кн. 2. Средневековые и раннее Новое время. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 141–174.
- Маслих С. А., 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.: Изобразительное искусство. 271 с.

Пронин Г. Н., Соболев В. Е., 2013. Смоленские изразцы XVI–XIX веков. Смоленск: Свиток. 238 с.

Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика // МИА СССР. № 12. С. 58–105.

Сербина К. Н., 1946. К вопросу об ученичестве в ремесле русского города XVII века // Исторические записки. М.: АН СССР. С. 148–168

Тальман Е. М., 1948. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т. 27. М.: АН СССР. С. 67–95.

Филиппов А. В., 1938. Древнерусские изразцы. Вып. I. М.: Всесоюзная академия архитектуры. 90 с.

Федоров В. В., 2002. К вопросу о калужских изразцах // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 189–194.

Яковлева Л. П., Жегурова О. В., 2006. Изразцы в собрании Новгородского музея: Каталог выставки. Великий Новгород: Моби Дик. 136 с.

I. B. Markina

Ceramic matrix stamps from the Tula Goncharnaya Sloboda (based on materials from excavations in 2013–2014)

Summary

The article is dedicated to research of matrix stamps found during rescue excavations on the territory of the Tula Potter settlement in 2013–2014. Both original stamps and stamps from tiles will be examined. The stamps were intended for the manufacture

of relief tiles of various types. Their stylistic description and analogies among Moscow tiles are given. The publication discusses manufacturing technology, compared with previously found stamps.

А. В. Яганов, Е. И. Рузаева

Институт археологии РАН, Москва

Обзор находок керамического фасадного декора XV–XVI веков из археологических раскопок в Троице-Сергиевой лавре в 2013–2022 годах

Среди архитектурных находок Подмосковной экспедиции Института археологии РАН под руководством А. В. Энговатовой, ведущей с 2003 г. спасательные археологические работы на территории Троице-Сергиевой лавры и прилегающих к ней участках, имели место элементы фасадного керамического декора, несомненно, связанного с постройками ансамбля. Большая часть этого материала вполне атрибутируема. В основном он был представлен фрагментами терракотовых плит и балясин, аналоги которых находятся на стенах четверика, алтарных апсидах и барабане Духовской (Троицкой) церкви 1476 г., причем на некоторых из них отсутствовали следы использования.

Другой, более поздний памятник, Введенская церковь Подольного монастыря (1546/47 г.), расположенная к юго-востоку от монастыря, также имел подобный декор, до недавнего времени сохранявшийся *in situ* на восточном фасаде¹. В результате капитальных перестроек верхних частей в XVII и XVIII вв. в нынешнем облике храма нет даже намека на первоначальный вид завершений, в составе которых, несомненно, были терракотовые детали. Ничего не известно об архитектурном облике каменной Пятницкой теплой церкви, построенной вслед за Введенской (Краткий летописец... 1865. С. 20), не локализовано даже ее местоположение. Ныне существующий Пятницкий храм некоторые исследователи в силу традиции относят к XVI в., на самом деле это постройка конца XVII столетия, что убедительно доказано В. В. Кавельмахером (1982а). Археологические исследования последних лет не обнаружили на участке существующей

Пятницкой церкви никаких следов более раннего сооружения.

Зданий Троице-Сергиева монастыря, возведенных во второй половине XV – первой половине XVI в., немного, причем декор Духовской церкви 1476 г. хорошо сохранился *in situ* и детально известен. Из других построек, возникших в этот период, укажем на утраченную трапезную палату, построенную в 1469 г. В. Д. Ермолиным (ПСРЛ. Т. 23. С. 158), Святые ворота с церковью Сергия Радонежского и приделом Василия Парийского 1512–1513 гг.² (Краткий летописец... 1865. С. 20, 21), храм над гробом преподобного Никона 1547/48 г. (Краткий летописец... 1865. С. 21) у южной стены Троицкого собора. Мы исключаем служебные здания, в фасадном декоре которых, судя по известным памятникам того времени, терракотовые плиты не применялись; к тому же все они выходят за очерченные нами хронологические рамки бытования этих элементов в русской архитектуре.

Рассматривая трапезную палату 1469 г. в качестве возможного места использования терракот, следует обратить внимание на результаты археологических исследований близ участка ее вероятного расположения. Раскопки 2019–2020 гг. показали, что следы конструкций постройки второй половины XV в., ожидаемые к западу и северу от колокольни XVIII в., полностью утрачены при прокладке и реконструкции инженерных сетей в 1990-х годах. В квадратах раскопок, не затронутых техническими перекопами, выявлены строительные материалы XV в. – плинфообразный тонкий кирпич

¹ О деталях декора Введенской церкви см.: Кавельмахер, 1982б. С. 219–222.

² НИОР РГБ. Ф. 304. I. № 647. Л. 4-4 об.

со следами кладочного раствора и также использованный в конструкциях большемер XVI в., что может указывать на серьезные переделки или полную перестройку ермолинской палаты в годы правления Василия III или Ивана IV. Так что предположения М. А. Ильина о белокаменной трапезной (Ильин, 1947), поставленные в свое время под сомнение В. П. Выголовым (Выголов, 1988. С. 117), выглядят несостоятельными даже при полной утрате памятника, а археологический материал дает нам веские основания говорить о кирпичной постройке.

Наиболее вероятной причиной разборки этого здания мы считаем крупный пожар 25 сентября 1564 г., когда «выгорел Троецкой Сергиев монастырь, трапеза и казны монастырские в полатах», после чего царь «даде же им на кельи и на строение монастырское тысячу рублей» (ПСРЛ. Т. 29. С. 337). Из-за лакун в письменных источниках свидетельства о событиях в монастыре в периоды между 1513 и 1546 и 1561–1621 гг. отсутствуют.

Немного информации о надвратной церкви начала XVI в. Мы располагаем только ее изображением на иконе, написанной в первой половине 1640-х годов, известной в трех копиях первой половины XIX в. Здания и сооружения показаны с запада в условной иконописной манере, но их характерные черты все же угадываются (Мильчик, 2007). Сергиевский храм представлен одноглавым, четверик завершают закомары с килевидными подвышениями. С запада к нему примыкает двухъярусная паперть-звонница на трех столбах с проемом Святых ворот и крыльцом с подлестничной палаткой в юго-западном углу. Естественно, что никаких намеков на существование терракотового фасадного декора на рисунке нет. Здание 1512–1513 гг. разобрано в конце XVII в., а вместо него построена ныне существующая церковь Рождества Иоанна Предтечи (благодаренная грамота выдана в 1692 г., антиминс в 1699 г.)³. Памятник серьезно не обследовался, поэтому подтвердить или опровергнуть наличие в его составе кладки XVI в. невозможно.

Неизвестен и облик Никоновской церкви 1547/48 г., построенной заново в 1623 г. Из летописца известно, что в этом году «обложена церковь каменна над гробом преподобного чудотворца Никона болши первая» (Краткий летописец... 1865. С. 25), что указывает на незначительность первоначальной постройки. Так как время его воз-

ведения соотносится со строительством в Подольном монастыре, то некая вероятность использования на фасадах придела терракот допустима.

Ареал археологического распространения элементов фасадного декора, связанных с Духовской церковью, достаточно широк. Они были находимы и в достаточном отдалении от церкви, и даже за пределами монастыря, что, впрочем, учитывая многовековую строительную историю Троице-Сергиева монастыря и связанных с ней работ по перемещению в его границах огромных масс срезанного грунта, не вызывает удивления. Собственно площадка, примыкающая к Духовской церкви, не сохранила следов строительства 1476 г., будучи изначально территорией некрополя XV–XVIII вв., затем она подверглась серьезным изменениям в ходе реконструкций времен митрополитов Платона и Филарета, реставрационных мероприятий 1930-х годов. Археологические исследования последних лет показали почти полную утрату здесь культурного слоя второй половины XV в. К востоку от памятника, в составе насыпок могил XIX – начала XX в. найдено лишь несколько мелких фрагментов керамического декора.

Сложнее с артефактами, принадлежащими Введенской церкви, довольно точно копирующей объемно-пространственную композицию и отчасти декор Духовского храма. При ее реставрации в 1970-х годах культурный слой, содержащий следы строительства и ремонтов памятника в XVII–XVIII вв., был повсеместно срезан. Поэтому проводившиеся на участке Подольного монастыря археологические исследования последних лет не зафиксировали сколько-нибудь внятной стратиграфии, а находки архитектурной керамики были случайными и единичными.

Но вместе с без труда атрибутируемыми элементами среди обнаруженных в последние годы артефактов присутствуют фрагменты, не находящие аналогов на фасадах сохранившихся зданий. Они, несомненно, принадлежат декору других каменных построек XV–XVI вв., ранее находившихся в Троицком монастыре. По характеру рисунка на лицевой стороне эти детали распределяются на отдельные типологические группы.

Тип 1 представлен фрагментом размерами 12,5 × 7,5 × 7,0–7,9 (с рельефом); 5,6 (только плита), высота рельефа – 1,0–1,7 см⁴ – это угловая часть плиты с одной из боковых плоскостей. Ри-

³ НИОР РГБ. Ф. 303. I. № 998.

⁴ Курсивом даны сохранившиеся габаритные размеры деталей.

сунок составляют часть листа с четко прочерченными прожилками (видимо, от трилистника, находившегося в центре композиции) и фрагмент обрамляющего его изогнутого побега. В месте стыка плит побеги были связаны серповидным двойным перехватом. Сохранилась, хотя и в смазанном при формовке виде, его половина, соответствующая аналогичной, находившейся на соседней плите. Частично видны листья, произрастающие из побега выше и ниже перехвата – в виде заглубленного треугольника и закрученного завитка (рис. 1).

Тесто состоит из однородной глины с включениями мелких частиц извести⁵. Черепок красно-коричневый, слоистый, с небольшими пустотами, что свидетельствует о небрежной набивке глины в форму, на тыльной стороне есть пятна недожога. Оттиск рельефа довольно качественный, с незначительными примятостями и проработанными мелкими деталями. На использование плиты в кладке указывают следы известкового раствора на боковой и тыльной плоскостях и густая побелка, покрывавшая лицевую сторону.

Место находки – участок в западной оконечности монастыря, между линией построек и оградой, не дает даже приблизительной привязки к определенному зданию. Склон холма после постройки каменной ограды около середины XVI в. в разное время отсыпался грунтом, срезанным на территории, поэтому при археологическом исследовании здесь выявлен разнородный и разновременный архитектурный материал. Например, отсюда происходят фрагменты фасадного терракотового декора Духовской церкви как со следами использования, так и без него, другие детали, которые невозможно связать с расположенными поблизости зданиями. Итак, мы имеем часть терракотовой плиты, некогда бывшей в составе керамического фасадного декора одного из каменных сооружений Троице-Сергиева монастыря, возведенного на его территории не ранее и не позже второй половины XV – середины XVI в.

Единственный из известных нам к настоящему времени аналогов, близких по общей теме рисунка и композиции троцкого рельефа, – несколько плит из собрания Переславль-Залесского историко-художественного музея-заповедника, найденных при реставрационных работах в трапезной палате Успенского Горницкого монастыря⁶. Просмо-

Рис. 1. Фотография фрагмента терракотовой плиты (тип 1)

тренные нами в 2019 г. два экземпляра, сохранившие изначальные габариты (у одной плиты сколот нижний левый угол) имеют размеры $28,5 \times 21,5 \times 7,4\text{--}7,7$ см (с рельефом); $6,0\text{--}6,5$ см (только плита), высота рельефа $1,2\text{--}1,5$ см (рис. 2).

Тематика рисунка – мотив чередования пальмет и кринов, где первые трактованы как трилистники с изогнутыми по спирали листьями, а крины образованы сдвоенными стеблями с отходящими от них побегами в виде скругленных завитков. В верхнем поле композиции расположен еще один стебель дугообразного очертания с круглыми завитками на концах. Разбивка орнамента в границах плиты проходит по осям кринов.

⁵ После обжига изменившая цвет и представленная в виде черных точек.

⁶ ПЗИХМ № 12001 «к»; № 12002 «к». В коллекции ЯИАХМЗ находится фрагмент плиты этого типа, переданный архитектором-реставратором И.Б. Пуришевым в 1989 г.: ЯМЗ 54965/ИЗР. 227. Общие сведения об артефактах см.: Шадунц, 2021. С. 141.

Рис. 2. Терракотовый рельеф из собрания ПЗИХМ (№ 12001 «к»)

Основания пальметт и кринов соединяются пересекающимися дугами.

Рисунок этих деталей относится отнюдь не к начальному этапу развития терракотовой декорации в русской архитектуре, а скорее носит подражательный характер по отношению к первоисточникам. На это указывает ряд моментов, которые никак не могли бы присутствовать во фризах второй половины XV в. Если, например, в декоре Духовской церкви мы видим утонение двухчастных побегов на краях плит до одной линии, то здесь абсолютно не подразумевается их стык с соседним элементом. Фиксация двойным перехватом, центральная в случае с духовскими

терракотами, здесь крайне неопределенна и едва намечена невнятной поперечной полоской, не играющей связующей роли в стыке композиций. Резчик, изготавливавший форму для переславских терракот, рассматривал свое изделие как законченную композицию, не предусматривающую переход рисунка на соседние плиты во фризе. На позднее происхождение этих элементов указывает и плоскостной рельеф с грубой, схематичной разделкой деталей. Отсылка же И. Б. Пуришева к терракотам дворца угличских удельных князей как к первоисточникам горицких деталей (*Пуришев, 2010. С. 72*), на наш взгляд, совершенно безосновательна по причине их принадлежности

к различным региональным группам подобного декора⁷.

В коллекции Переславского музея присутствует курьезный артефакт (№ 12003 «к») – несколько уменьшенная вариация на тему двух предыдущих терракот ($26,0 \times 19,5$; толщина плиты $7,0$, высота рельефа – $1,3–1,5$), выполненная довольно грубо, из плохо подготовленного теста, без использования формовочной рамки. Рельеф лишь обозначен в общих контурах, детально не прорисован. Следы побелки и кладочного раствора дают основание полагать, что небольшое количество этих деталей изготовили кустарно и установили на фасадах из-за нехватки плит из основной партии.

Переславские артефакты в музее датированы XV в. (фрагмент из ЯИАХМЗ – концом XV – началом XVI в.), но известные нам письменные источники ничего не сообщают о каменном строительстве в Горицком монастыре до 1510-х годов. В сентябре 1518 г. здесь была «священна церковь камена Иван святыи Рожество» (ПСРЛ. Т. 30. С. 144), которая затем упоминается в выписи из писцовых книг 1627–1629 гг. (Шереметев, 1901. С. 7). Не документировано возведение каменной церкви Успения Богоматери с приделом Николая Чудотворца и трапезной палаты с престолами Всех святых и Усекновения главы Иоанна Предтечи. На принадлежность последней грозненскому времени указывает лишь характерное посвящение престола.

Время строительства Успенского храма крайне приблизительно устанавливается по совокупности косвенных сведений. При посещении игумена переславского Троицкого монастыря Даниила в конце 1528 г. великий князь Василий III «завеща поставити» здесь каменную церковь, предоставил для этого «запас весь и сарай Горицкие церкви и Никиты чудотворца церкви сарай повеле Данилу во свой монастырь препроводити, бяху бо те церкви в та времена камением и плинфами поставлены» (Житие Даниила... 1908. С. 48). Следовательно, к 1528 г. какой-то из храмов Горицкого монастыря был уже построен, но идет ли речь о уже упоминавшейся Рождественской церкви 1518 г. или Успенском соборе, неясно. Кроме Жития Даниила есть упоминание о том, что «новгородской архиепископ Макарей поставил церкви Деисус с праздники и с пророкы» (Антонов, 2003. С. 33). Год не указан, но датировка вклада выво-

дится из времени нахождения Макария на новгородской кафедре – между 1526 и 1542 гг.

Признаемся, что недостаток источников по каменному строительству в Успенском Горицком монастыре дает нам повод лишь для пространной датировки появления на его зданиях терракотовых фриз – от второй половины княжения Василия III до середины (?) правления Ивана IV. Совершенно неясно даже, какой из трех построек XVI в. они принадлежали, возможно, первоначальной трапезной палате⁸, но отсутствие ее конкретной датировки не дает нам оснований для постановки типа плит в определенный хронологический ряд.

Предварительный опыт выстраивания такого ряда принадлежит В.П. Выголову, обобщившему все имеющиеся на 1970-е годы сведения о керамическом декоре XV–XVI вв. и охарактеризовавшему этапы его существования. Он считал, что «терракотовая» эпоха в русском зодчестве закончилась к «рубежу между первым и вторым десятилетиями XVI в.» (Выголов, 1975. С. 286, 287), но отметив, что эта архитектурная традиция присутствовала на отдельных памятниках до середины столетия, выражаясь в упрощении форм и «лишаясь своих основных признаков» (Выголов, 1975. С. 312, 313). Согласно концепции В.П. Выголова, исходя из анализа рельефа переславских плит, их нужно рассматривать как вторичные по отношению к троицкому. Перед нами довольно условная (скорее схематизированная) вариация на тему, представленную троицким фрагментом, послужившим, вероятно, определенным мотивом. Схематичность, плосковатость рисунка плит из Переславля указывают на их вторичность и отсутствие связи с изначальным сюжетом, который мог быть более пластичным и изящным. Не факт, что троицкий рельеф не имел более ранний прототип, но отсутствие известных аналогий оставляет этот вопрос открытым (рис. 3).

Определяя изначальность троицкой детали типа I по отношению к переславским, зададимся вопросом о принадлежности к зданию начала – первой половины XVI в. Для Троице-Сергиева монастыря это Сергиевская надвратная церковь 1512–1513 гг., построенная в период, обозначенный В.П. Выголовым как время окончания бытования терракот в русской архитектуре.

Другой комплекс имеет более конкретную топографическую привязку, так как два представляющие его артефакта происходят с территории

⁷ Этому вопросу будет посвящена отдельная работа.

⁸ В конце XVII в. «в монастыре ж вновь построена церковь с трапезою и с службами каменная во имя Всех Святых о пяти главах...» (Шереметев, 1901. С. 14–15).

Рис. 3. Схематическая реконструкция рисунка рельефа (тип 1)

Подольного монастыря. Архитектура церкви Введения Богородицы (1546/47 г.) довольно точно подражала возведенной за 70 лет до этого Духовской церкви Троицкого монастыря, получив, как и первоисточник, керамические рельефные пояса, рисунок которых, по мнению В.П. Выголова, принадлежит ко времени распространения подражаний после окончания «терракотового» периода (1510-е годы) в русском зодчестве. Подробный анализ последовательности преобразования рисунка поздних фризів мы рассматривали в одной из работ, сопоставляя три экземпляра, в том числе и подольный, выполненных одним штампом.

Но если до сего времени мы располагали лишь сведениями о керамическом декоре, частично сохранявшемся на апсидах Введенской церкви, то археологические наблюдения, проведенные В.В. Щербаковым в 2013–2014 гг., дали две

любопытные находки архитектурных деталей (тип 2)⁹. Одна из них — угловой фрагмент терракотовой плиты с рельефом с размерами $11,5 \times 7,4 \times 6,0$ (с рельефом); $5,0$ (только плита), высота рельефа — $1,6–1,8$ см¹⁰ со следами побелки на лицевой поверхности.

Он представляет собой левую нижнюю часть плиты с изображением дельфиноподобных существ; на лицевой поверхности хорошо сохранились два «плавника», трактованных в виде изогнутых по дуге листьев с порезкой-прожилками. В самом углу расположен изолированный «штрих» — рудимент пальметты на первоисточнике композиции. Плита качественно отформована, на выступающих рельефных деталях практически нет следов ручной доработки по-сырому; она видна только на кромке поля, где, по-видимому, была срезана закраина, образовавшаяся при извлечении плиты из формы.

Мы уже описывали группу из трех однотипных терракотовых композиций, две из которых, кроме введенской, происходят из фризів церкви Рождества Богородицы Медведевой пустыни Дмитровского р-на Московской обл. (1547 г.) и Кашина¹¹, не привязанные к какому-то определенному памятнику (Яганов, 2017). Находка 2013–2014 гг. представляет еще один вариант, стоящий, наверное, первым в этом изобразительном ряду по проработке деталей, чего нельзя сказать о трех других плитах. Если выстроить из них типологический ряд, то детали из раскопок 2013–2014 гг. ближе всего рельеф из Кашина, другие же (плиты введенских апсид, затем Медведевой пустыни) являются еще более грубыми подражаниями, вовсе уничтожающими смысл ренессансного первоисточника (рис. 4).

Строители Введенской церкви, довольно точно передавшие архитектуру здания второй половины XV в., не стремились к «археологической» копии точности в мелких деталях, поэтому появление на ее фасадах вместо архаичных кринов иного сюжета не кажется странным; вероятно, его выбор случаен. Как, впрочем, и сочетание на одном памятнике однотипных, но различных по качеству исполнения рельефов. Пример тому — примитивная по технологическим и художественным параметрам терракота из Переславского музея, видимо, использованная вместе с другими деталями с более проработанным рисунком.

⁹ Щербаков, 2015. № 45949. Л. 15; 16.

¹⁰ СМЗ 27336. ИХО КП 3655 АРХ.

¹¹ КГОМ КОФ 5700/1. КГОМ КОФ 5702/2.

Рис. 4. Сопоставление рисунков керамических рельефов

а – фрагмент из раскопок 2013–2014 гг. (тип 2); *б* – фрагмент из собрания Кашинского музея (КГОМ КОФ 5700/1);

в – фриза восточного фасада церкви Введения на Подоле; *г*) терракота из фриза церкви Рождества Богородицы Медведовой пустыни

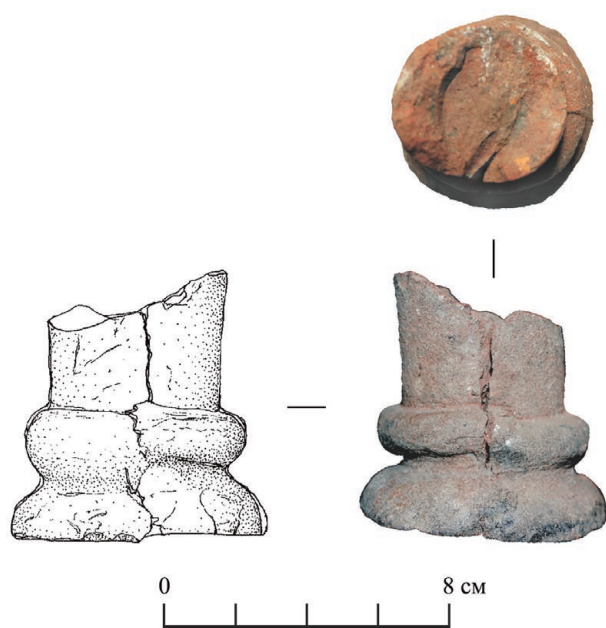

Рис. 5. Фрагмент керамической балясины (тип 3)
(по: Щербаков, 2015. № 45949. Л. 16)

Еще один фрагмент (тип 3) из коллекции раскопок 2013–2014 гг. сохранил часть ствола колонки и базу керамической балясины в виде валика с конусообразным расширением внизу, со следами побелки (рис. 5). Она сохранилась на высоту 7,4 см, имеет диаметр ствола колонки 4,9–5,1 см, а в самом широком месте основания – 7,7 см. Судя по срезанным и примятым следам закраин, деталь выполнена не на гончарном круге, а в четырехчастной разборной форме: отсутствует характерное для подобных элементов осевое технологическое отверстие. На поверхностях отпечатки – присыпки из мелкого песка, черепок красно-коричневого цвета, в тесте видны мелкие частицы неразложившейся при обжиге извести. При довольно сносном обжиге на поверхности образовались вертикальные, но неглубокие трещины, свидетельствующие о технологических нарушениях, и некоторые деформации рельефа, которые, впрочем, можно отнести к изношенности формы или ее неправильной сборке. По всем особенностям деталь не имеет ничего общего с известными элементами из декора Духовской церкви и относится к более поздним ему подражаниям.

Присутствие в составе фасадного декора Введенской церкви балясин, конечно, гипотетически прогнозировалось, но достоверно подтвердить это

их находками ранее не удавалось. Поэтому фрагмент из раскопок 2013–2014 гг. надлежало бы считать единственным тому подтверждением. Но при наблюдениях за пределами Троице-Сергиева монастыря, близ его южной ограды, в перекопе найден крупный фрагмент керамической балясины высотой 15,0 см, диаметр колонки – 5,0 см. Полностью сохранилась бусина (диаметр 8,0 см) с вертикальной разделкой на 18 полукруглых долек и двумя валиковыми перехватами (по 1,5–1,7 см) общей высотой 9,8–10,0 см (рис. 6). Предмет носит еще более отчетливые следы изготовления в четырехчастной форме, ее выдают четыре вертикальные линии от выступающих или срезанных закраин. Характеристики теста и особенности обжига идентичны детали из раскопок на Подоле, поэтому, несмотря на различные места и обстоятельства их находок, мы можем считать, что обе детали относятся к однотипному изделию. Поэтому использование на фасадах Введенской церкви Подольного монастыря керамических балясин возможно с большой вероятностью (рис. 7).

Другой заслуживающий внимания предмет – небольшой фрагмент терракотовой плиты (тип 4), происходящий из заполнения хозяйственной ямы (возможно, подполья), датированного не ранее первой половины XVI в. Это единственный найденный здесь скол терракоты, что может говорить о его случайном попадании сюда. Участок, где обнаружен артефакт, находится в северо-западной оконечности монастыря, между Смоленской церковью и Каличьими (Конюшенными) воротами монастырской ограды, на западной границе Смоленского кладбища XIX–XX вв.¹²

Его размеры 8,0 × 8,0 × 6,0 (с рельефом); 5,0 (только плита), высота рельефа 0,7–1,0 см. По составу и характеристикам глина близка к той, из которой изготовлены рассмотренные нами детали. Отметим также хорошую подготовку теста, качественный обжиг и особенности формовки изделия, когда тонким слоем глины тщательно заполнялся непосредственно штамп, а затем докомпоновывалась сама плита. На сколах фрагмента прослеживаются границы этой технологической операции, которая, видимо, не применялась в других изделиях из нашего обзора. Рельеф не ангобирован, нет также и следов побелки, что могло бы указывать на его использование в стеновой кладке (рис. 8, а).

Фрагмент относится к центральной части плиты, его боковые поверхности представляют собой

¹² Раскопки сезона 2019 г.

Рис. 6. Фотография фрагмента керамической балясины (тип 3) из находок близ южной ограды Троице-Сергиевой лавры

сколы. Его небольшой размер не позволяет полностью реконструировать сложный рисунок рельефа. В объеме сохранились две переплетенные ленты с приподнятыми краями и четко прочерченным углублением в середине. Геометрические плетенки из подобных лент хорошо известны в древнерусской орнаментике, но здесь орнамент включает и растительные мотивы: от одной из лент вбок отходит серповидно изогнутый лист сложного профиля, выполненный с перепадом плоскостей между полем и максимальной высотой рельефа (рис. 8, б).

Помимо этого на поле и боковых поверхностях выступающих деталей прослеживаются следы примыкания утраченных элементов рельефа, показывающие, что общая композиция в этой части плиты не имела осей симметрии. Рельеф отформован качественно и, видимо, после извлечения из формы дорабатывался по-сырому острым инструментом, следы которого видны на лицевых поверхностях. Фрагмент орнамента не находит аналогий на известных нам терракотовых плитах; схожие, но не буквально совпадающие мотивы присутствуют в раннемосковской белокаменной резьбе – в отдельных ярусах поясов и на полуколонках, где плетенка из лент дополняется растительными элементами. Ближе всего по стилистике тип орнамента полуколонки и архивольтов порталов Благовещенского собора 1416 г. в Московском Кремле (Евдокимов, 2011. С. 96. Илл. 29; 30). Впрочем, отсылки к тематике предшествующего

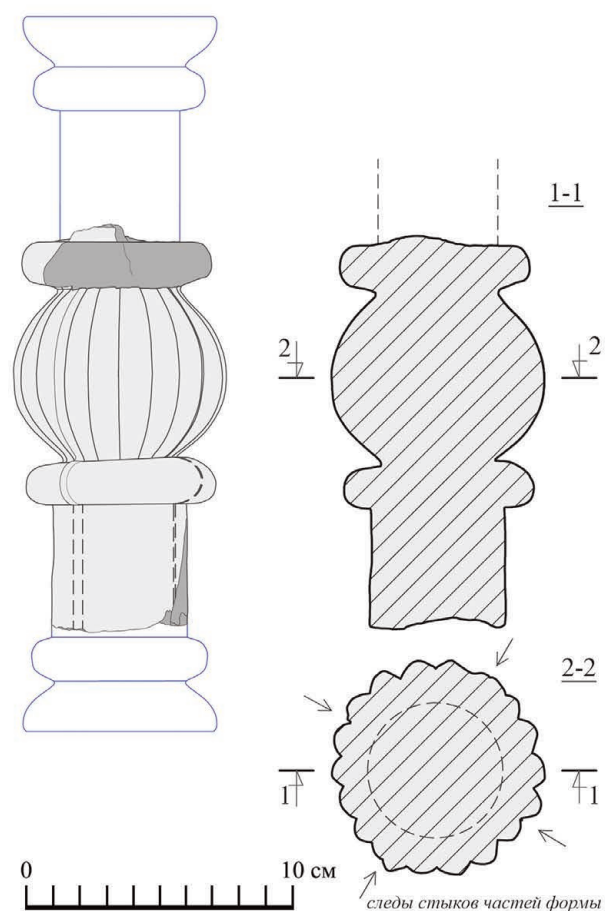

Рис. 7. Схематическая реконструкция керамической балясины (тип 3)

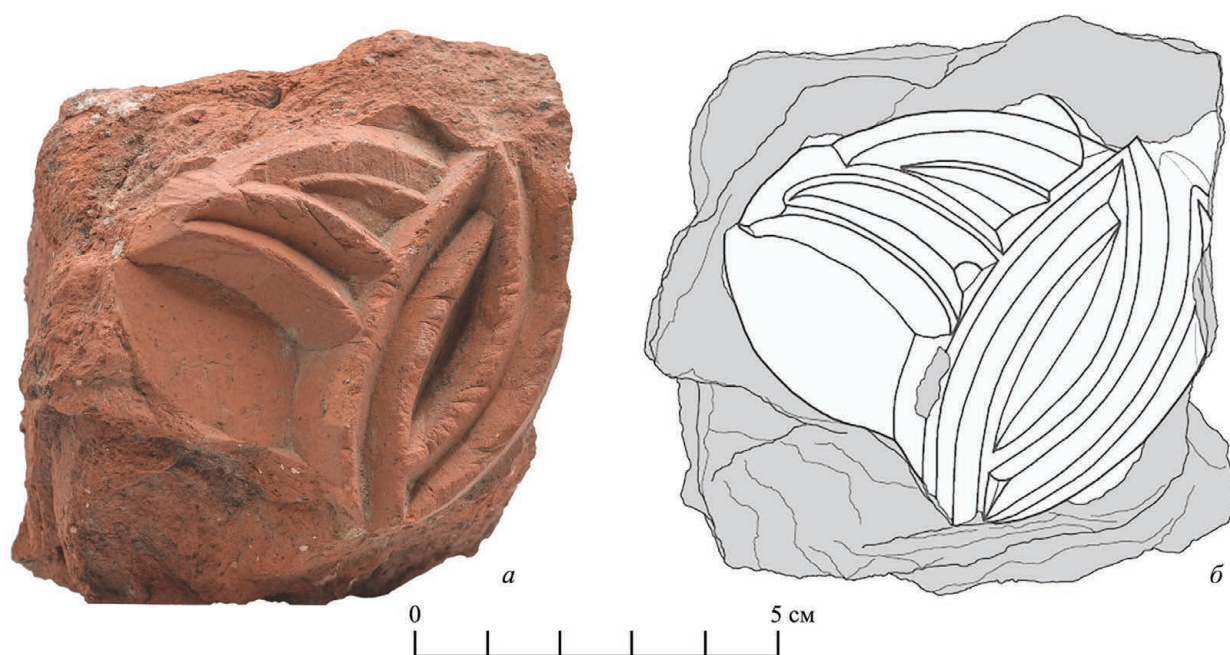

Рис. 8. Фото фрагмента терракотовой плиты (тип 4) его прорисовка

периода наиболее явно просматриваются в терракоте первых известных нам кирпичных зданий второй половины XV в.

Как и в случае с находками в Подольном монастыре, впрочем, происходящими из перекопов, но привязанными к этому объекту, ближайшая к месту находки данного артефакта каменная постройка, которая гипотетически могла иметь керамический декор, трапезная палата 1469 г., — памятник, известный только по единственному упоминанию в письменных источниках. На это указывает время ее возведения — вторая половина XV в., когда в русском зодчестве уже почти два десятилетия превалировали кирпичные постройки.

Суммируя изложенное, отметим, что керамический декор из рельефных плит на фасадах зданий Троице-Сергиева монастыря XV–XVI вв. был представлен в больших масштабах и качестве, нежели нам было известно ранее. Показательно, что среди анализируемых нами находок мы имеем выборку декоративной терракоты, относящейся к разным этапам ее бытования — от наиболее ранних до последних известных нам случаев ее применения в архитектуре монастыря. В ней на удивление последовательно отразились все периоды развития древнерусской архитектуры, от раннемосковского до эпохи Московского царства.

Хронологически эволюция кирпичного декора, возникшего в середине XV в. как альтернатива трудоемкой белокаменной резьбе, идет в направлении

упрощения и примитивизации рисунка, деградации сюжета, а также технологической небрежности. Все этапы этого процесса мы видим в рассмотренных находках троицких фрагментов терракот, которые, к сожалению, сохранились в минимальных объемах и почти без привязок к конкретным зданиям Троице-Сергиева монастыря. Поэтому мы вынуждены выдвигать спорные гипотезы, привязывая типы деталей к фасадам определенной группы построек, близких к ним по времени, на основании стилистических датировок.

Так, мы проводим параллели между фрагментом типа 1 и надвратной церковью Сергия 1512–1513 гг., хотя бесспорных указаний на это нет. Подобные плиты были использованы для каменного строительства в переславском Горичком монастыре, к сожалению, имеющего точную датировку лишь для одного здания, но в целом не выходящего за пределы первой половины XVI в. Переславские плиты, несомненно, вторичны по отношению к деталям типа 1 из Троице-Сергиева монастыря.

Другой сюжет (типы 2 и 3) лучше топографически ориентирован благодаря находке двух предметов на месте Подольного монастыря. Технологические особенности габаритов, формовки и обжига позволили отнести к этой же серии декора крупный фрагмент балясины (тип 3), происходящей из Пафнутьева сада.

Среди рассматриваемых артефактов наиболее интересна деталь (тип 4), представляющая скол

плиты с частью рисунка, уникального и ранее неизвестного в «кирпичной» архитектуре XV – начала XVI в. Место находки – близ места трапезной палаты 1469 г. – может указывать на его происхождение с ее фасадов, поэтому, возможно, здесь мы столкнулись с одним из ранних примеров использования терракотовых фриз. Примечательно еще и то, что в этом сюжете мы видим переработку мо-

тивов белокаменной раннемосковской резьбы, которая, впрочем, имеет место быть на Троицком соборе, построенном игуменом Никоном.

Несмотря на малочисленность и фрагментарность, в целом приобретенный археологами материал по-своему исключителен прежде всего несомненной привязкой к зданиям и сооружениям одного комплекса – Троице-Сергиева монастыря.

Литература

- Антонов А. В., 2003. Вкладчики Успенского Горицкого монастыря XV–XVI веков // Русский дипломатарий. Вып. 9. М.: Древлехранилище. С. 3–37.
- Выголов В. П., 1975. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI века // ДРИ. Зарубежные связи. М.: Наука. С. 282–317.
- Выголов В. П., 1988. Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука. 226 с.
- Евдокимов Г. С., 2011. Благовещенские храмы Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. Благовещенские соборы XIV века и 1416 года в Московском Кремле // Московский Кремль XV столетия: Сб. ст. М.: Арт-Волхонка. С. 77–99.
- Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца. Повесть о обретении мощей и чуда его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. – 15 июля 1908 г.). М.: Синодальная тип., 1908. 133 с.
- Ильин М. А., 1947. Из истории гражданского зодчества ранней Москвы (Старая трапезная Троице-Сергиева монастыря 1469 г.) // КСИИМК. Вып. 14. С. 84–91.
- Кавельмахер В. В., 1982а. О времени построения Пятницкой церкви на Подоле в г. Загорске // СА. № 2. С. 245–250.
- Кавельмахер В. В., 1982б. Об окнах-розетках церкви Введения на Подоле в Загорске // Реставрация и исследования памятников культуры. М.: Стройиздат. Вып. 2. С. 219–222.
- Кавельмахер В. В., 1999. Никоновская церковь Троице-Сергиева монастыря: автор и дата постройки // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука. С. 40–95.
- Краткий летописец Святотроицкие Сергиевы Лавры // ЛЗАК. СПб.: издание Археографической комиссии, 1865. Вып. 3. С. 18–26.
- Мильчик М. И., 2007. Три иконы с изображением Троице-Сергиева монастыря и формирование древнерусской иконографии «обителей» // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы IV международной конференции 29 сентября – 1 октября 2004 года. М.: Индрик. С. 389–408.
- ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. М.: ЯСК, 2004. 256 с.
- ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александроневская летопись. Лебедевская летопись. М.: Знак, 2009. 400 с.
- ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 272 с.
- Пуришев И. Б., 2010. Реставрация памятников архитектуры: Сб. статей. Переславль-Залесский: Переславский совет ВООПИиК. 206 с.
- Шадунц Е. К., 2021. Местная архитектурная керамика XII–XVIII вв. в коллекциях Переславского музея-заповедника: к вопросу об атрибуции и использовании в исследованиях памятников архитектуры // Архитектурная археология. М.: ИА РАН. № 3. С. 138–147.
- [Шереметев С. Д.], 1901. Два упраздненных монастыря над Переславским озером. М.: типолитография Н. И. Куманина. 66 с.
- Щербаков В. В. Отчет об охранных археологических исследованиях на Красногорской площади и территории бывшего Пятницкого Подворья, примыкающей к ней в г. Сергиев Посад Московской области. 2015 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 45947–45949.
- Яганов А. В., 2017. Об одной группе фасадного керамического декора XVI века // ТТЗ. Тверь: ТНИИР. Вып. 10. С. 177–187.

A. V. Yaganov, E. I. Ruzaeva

**Review of finds of ceramic facade decoration of the XV–XVI centuries
from archaeological excavations in the Trinity-Sergius Lavra 2013–2022**

Summary

The message examines the circle of finds related to the ceramic architectural decoration of buildings and structures of the XV–XVI centuries. Trinity-Sergius Monastery. The authors have identified several artifacts found during security archaeological excavations

in recent years that are of scientific and artistic interest, their detailed description is given and a possible place in the decoration of the facades of the lost buildings of the monastery is determined.

Список сокращений

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли
АКР	– Археологическая карта России
АН	– Академия наук
АП	– Археология Подмосковья. Материалы научного семинара
БАН	– Библиотека академии наук
БГУ	– Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
ВООПИиК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМЗ	– Государственный музей-заповедник
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	– Записки Императорского Русского археологического общества
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории РАН
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН
ИКДР	– История культуры Древней Руси
ИКОМОС	– Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова	– Институт, языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан
КГМЗ	– Калужский государственный музей-заповедник
КОИАМЗ	– Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИАУ	– Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КУАК	– Калужская (губернская) учёная архивная комиссия
ЛЗАК	– Летопись занятий Археографической комиссии
МГОМЗ	– Московский государственный объединенный музей-заповедник
МГСУ	– Московский государственный социальный университет
МГУ	– Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МК	– Московская керамика: новые данные по хронологии
НМЗ	– Новгородский музей-заповедник
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археологи
ОГИЗ	– Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОИДР	– Общество истории и древностей Российских
ОРБАН	– Отдел рукописей Библиотеки академии наук
ПЗИХМ	– Переславль-Залесский историко-художественный музей
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РАГС	– Российская академия государственной службы
РАН	– Российская академия наук
РАНИОН	– Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАНХиГС	– Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РИБ	– Русская историческая библиотека

РИО БГУ	– Редакционно-издательский отдел БГУ
РИСО БГУ	– Редакционно-издательский совет БГУ
РФСОН	– Русский Фонд содействия образованию и науке
СА	– Советская археология
САБ	– Столичное археологическое бюро
САИ	– Свод археологических источников
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТвГУ	– Тверской государственный университет
ТНИИР-Центр	– Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ТТЗ	– Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Материалы научного семинара
УГГУ	– Уральский государственный гуманитарный университет
ЦКП ИА РАН	– Центр коллективного пользования ИА РАН
ЯИАХМЗ	– Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник
ЯРК	– Языки русской культуры
ЯСК	– Языки славянских культур
SMA	– Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakausikirja

Научное издание

Археология Подмосквья. Выпуск 19
Материалы научного семинара

Перевод: А. Н. Берлизов и авторы статей
Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Голикова

Подписано в печать 11.02.2023
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 42,8. Уч.-изд. л. 41,7.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-396-1

9 785943 753961

